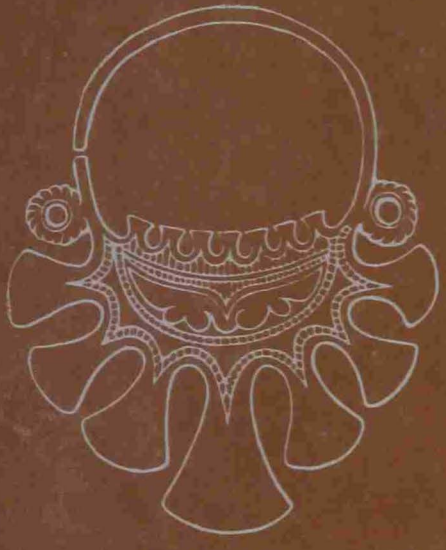
ISSN 0038-5034

Советская Археология



1991

1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1991 1

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев, А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь), **Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина, Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, Е. Н. Черных** (зам. главного редактора), **В. Л. Янин**

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеев В. П. (Москва). Древние общества: взаимодействие со средой, культура и история 5

Любин В. П. (Ленинград). Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) 20

Холматов Н. У. (Самарканд). Двустороннеобработанные наконечники стрел в неолите Средней Азии 43

Гей А. Н. (Москва). Новотиторовская культура (предварительная характеристика) 54

Яблонский Л. Т. (Москва) Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья 72

Трейстер М. Ю. (Москва). Италийские и провинциально-римские зеркала в Восточной Европе 90

Кренке Н. А., Цепкин Е. А. (Москва). Рыболовство на Москве-реке с V в. до н. э. по VII в. н. э. 104

Чернов С. З. (Москва). Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII—XV вв. и происхождение волостной общины 112

Седов Вл. В. (Москва). Псковские храмы XV в. круга церкви Георгия со Взвоза 134

Дискуссии

Виноградов Ю. А., Марченко К. К. (Ленинград). Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории 145

© Издательство «Наука»
«Советская археология», 1991 г.

Проблемы мировой археологии

Ламберг-Карловски К. (Кеймбридж, США, Массачусетс). Огонь до изобретения керамики и металла . . 156
Массон В. М. (Ленинград). Огонь в эпоху палеолита: многообразие функций 160
Черных Е. Н. (Москва). Древний металл и символы 162

Публикации

Журавлев А. П., Чистякова Э. Л., Жульников А. М. (Петрозаводск). Новые данные по обработке самородной меди в энеолите Карелии . 167
Бокий Н. М., Горбул Г. П., Отрощенко В. В. (Кировоград, Киев). Киммерийские захоронения на Кировоградщине . . 173
Шарафутдинова Э. С. (Ленинград). Памятники конца эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье 184
Кашуба М. Т., Гольцева Н. В. (Кишинев). Сахарнянский могильник I (Цыглэу) 197
Пидаев Ш. Р. (Ташкент). Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза 210
Воронов Ю. Н. (Сухуми). Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады 225
Гопак В. Д., Горюнова В. М. (Винница, Ленинград). Черный металл раннеславянских памятников Днепровского Левобережья (по материалам Е. А. Горюнова) 235
Гоняный М. И., Недошивина Н. Г. (Москва). К вопросу о вятичах на Верхнем Дону 246
Моргунов Ю. Ю. (Москва). Редкая находка с перегородчатой эмалью 255

Заметки

Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П. (Воронеж). Курган у с. Богоявленское 262
Травкин П. Н. (Плес). Зооморфная поделка с Микшинского селища 267
Шавкунов Э. В. (Владивосток). Бохайская кровельная черепица с зооморфным мотивом 269

Критика и библиография

Малышев А. А. (Москва). *Pferdenhirt B.* Die römische Okkupation Germaniens und Rätiens von der Zeit des Tiberius bis zum Tode Trajans. Untersuchungen zur Chronologie südgallischer Reliefsigillata //Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 33. Jahrgang. 1986 . . 272
Амиров Ш., Мишина Т. (Москва). Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. Herausgegeben von Manfred Korfmann. $BIII_1$. Jurgen Seeher. Die Keramik. Mainz am Rhein, 1987 275
Богданова Н. М. (Москва). *Романчук А. И.* Херсонес в XII—XIV вв. (Историческая топография). Красноярск, 1986 283

Хроника

Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Зуев В. Ю. (Ленинград). Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный памяти академика М. И. Ростовцева (Ленинград, 1989) . . . 291
Гавритухин И. О., Терпиловский Р. В. (Москва). I и II конференция «Киевская культура, ее истоки и наследие» (Курск, 1988, 1989) . 296
Петрухин В. Я., Чернецов А. В. (Москва). Конференция «Древнерусское язычество и его традиции» (Псков, 1988) 299

Журнал «Советская археология» публикует платные рекламы по договорным ценам.

Справки по телефону: 124-34-42.

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1991 1

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Alexeev V. P. (Moscow). Ancient Societies, Their Interaction with Environment, Culture and History . . . 5
Lyubin V. P. (Leningrad). The Images of Mammoths in the Paleolithic Art (on the Materials of the Kapova Cave) . . . 20
Kholmatov N. U. (Samarkand). The Arrowheads Retouched from Both Sides in the Neolithic of the Soviet Central Asia . . . 43
Gey A. N. (Moscow). Novotitorovskaya Culture. The First Characteristic 54
Yablonsky L. T. (Moscow). The Problem of Formation of the Saks' Culture in the Aral Area (on the Materials of the Sakarchag Kurgans) 72
Treister M. Yu. (Moscow). The Italian and Provintional Roman Mirrors in Eastern Europe 90
Krenke N. A., Tsepkin E. A. (Moscow). Fishery in the Moskva-river during the 5th century B. C. — the 7th century A. D. 104
Chernov S. Z. (Moscow). Archaeology on the Internal Colonisation in the Moscow Principality in the 13th-15th Centuries and the Origins of the Volost Community . 112
Sedov Vl. V. (Moscow). The Churches of the 15th Century from Pskov of the St. George on Vzvoz Type 134

Discussions

Vinogradov Yu. A., Marchenko K. K. (Leningrad). The North Shores of the Black Sea in Scythian Epoch. An Attempt of Historical Periodisation 145

The Problems of World Archaeology

Lamberg-Karlovsky C. C. (USA, Cambridge, Mass.) Fire before Pottery and Metal 156
Masson V. M. (Leningrad). Fire in the Paleolithic: the Diversity of Functions 160
Chernykh E. N. (Moscow) Ancient Metal and Symbols 162

Publications

Zhuravlev A. P., Chistyakova E. L., Zhulnikov A. M. (Petrozavodsk). Some New Data on the Usage of Native Copper during the Chalcolithic in Karelia . 167
Bokiy N. M., Gorbul G. P., Otroshchenko V. V. (Kirovograd, Kiev) The Cymmerian Burials in Kirovograd Region 173

Sharafutdinova E. S. (Leningrad). The Sites of the Final Period of the Late Bronze Age in the Lower Don and the Steppic Kuban Area . . . 184
Kashuba M. T., Goltseva N. V. (Kishinev). Sakharna I (Tsygleu) Cemetery . 197
Pidaev Sh. R. (Tashkent). The Pottery of Greco-Bactrian Period from Stary Termez Fortified Settlement 210
Voronov Yu. N. (Sukhumi). Some New Materials of Clessical Period from the Vicinities of Dioskuriada 225
Gopak V. D., Goryunova V. M. (Vinnitsa, Leningrad). Iron Artefacts from the Early Slavic Sites on the Left Bank of the Dnieper (the Materials of E. A. Goryunov) . 235
Gonyany M. I., Nedoshivina N. G. (Moscow). On the Vyatichi Tribe on the Upper Don 246
Morgunov Yu. Yu. (Moscow). A Rare Find with Cloisonné Enamel Decoration 255

Notes

Pryakhin A. D., Matveev Yu. P. (Voronezh). A Kurgan Mound near Bogoyavlenskoe Village 262
Travkin P. N. (Ples). A Zoomorphic Artefact from the Mikshino Settlement 267
Shavkunov E. V. (Vladivostok). Bohay Tiling with Zoomorphic Images 269

Revews and Bibliography

Malyshev A. A. (Moscow). *Pferdenhirt B.* Die Römische Okkupation Germaniens und Rätiens von der Zeit des Tiberius bis zum Tode Trajans. Untersuchungen zur Chronologie südgallischer Reliefsigillata // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 33. Jahrgang. 1986 272
Amirov Sh., Mishina T. (Moscow). Demircihüyüe. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. Herausgegeben von Manfred Korfmann. B.III$_1$. Jurgen Seeher. Die Keramik. Mainz am Rhein, 1987 275
Bogdanova N. M. (Moscow). *Romanchuk A. I.* Khersones in the 12th—14th Centuries. Historical Topography. Krasnoyarsk, 1986 283

Chronicle

Vakhtina M. Yu., Vinogradov Yu. A., Zuev V. Yu. (Leningrad). „Scythia and Bosporus" Symposium in Memory of M. I. Rostovtsev (Leningrad, 1989) . . 291
Gavritukhin I. O., Terpilovsky R. V. (Moscow). The Ist and the 2nd Conferences „Kievan Culture, its Origins and Inheritage" (Kursk, 1988, 1989) 296
Petrukhin V. Ya., Chernetsov A. V. (Moscow). „Ancient Russiau Paganism and its Traditions" Conference (Pskov, 1988) 299

В. П. АЛЕКСЕЕВ

ДРЕВНИЕ ОБЩЕСТВА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СО СРЕДОЙ, КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ

Программа эта была подготовлена тогда же, когда готовились и другие академические программы, в том числе и другие программы Отделения истории, т. е. во второй половине 1987 — начале 1988 г. Некоторые из этих программ были сразу опубликованы [1, 2] Автор задержал эту публикацию, так как полагал, что она должна лечь в основу работы больших исследовательских коллективов — Института археологии АН СССР и других археологических учреждений, в том числе и институтов республиканских академий наук, и поэтому перед публикацией должна быть тщательно обсуждена. Сначала предполагалось, что она должна была обсуждаться на каком-то обширном форуме специалистов, скажем на заседании Ученого совета Института археологии АН СССР Однако, как показывает опыт, подобные обсуждения носят все же формальный характер: участники подбираются более или менее случайно в зависимости от своих научных планов и интересов, далеко не все желающие могут высказать свое отношение к предмету обсуждения из-за регламента, не каждый оратор излагает свои соображения полностью адекватно пониманию предмета — это зависит от умения; наконец, любая публичная полемика, даже среди специалистов, содержит эмоциональную компоненту, которая не проясняет, а затушевывает существо дела.

Все это привело к иному решению — не обсуждать проект программы однократно, а распространить ее среди работников разных учреждений и попытаться получить замечания в письменном виде. Она была обсуждена в отделах Института археологии АН СССР, археологических отделах многих исторических институтов филиалов АН СССР, институтах археологии академий наук союзных республик. Параллельно с этим были получены многочисленные замечания отдельных специалистов. Все это потребовало длительного времени; не менее длительного времени потребовало обдумывание всех полученных предложений и критических замечаний, их приведение в систему и понимание их места в общей картине исторического и археологического знания. Это было необходимо, чтобы оценить в сравнительном подходе достоинства и недостатки программы, ее целостность или, наоборот, эклектичность, исправить в ней недоработанные места и дополнить ее новыми темами, придать ей структурное единство при сохранении богатства деталей, объективно, без вкусовщины, отвести те замечания, которые не вписывались в программу и занимали по отношению к ней положение органически не связанных с ней постулатов. В результате тот перечень проблем, который заключает эту статью, и их группировка отражают учет подавляющей части проделанной критической работы и могут до известной степени рассматриваться как продукт коллективного творчества.

Организация научных исследований на основе блоков иерархически объединенных проблем — дело достаточно новое и в принципе характерное для второй половины XX в. То есть отдельные крупные научные и научно-технические проекты планировались с большим или меньшим успехом и раньше, но все они относились к военным и наиболее актуальным техническим сферам и на общем фоне организации научно-исследовательской работы составляли

© В. П. Алексеев, 1991 г.

скорее исключение. Сейчас это стало более или менее распространенной системой, но все же, пожалуй, только в Академии наук СССР все основные направления фундаментальных исследовательских разработок строятся в соответствии с долгосрочными программами. Хорошо это или плохо, окажется этот социальный в широком смысле слова (речь ведь идет не только о результатах научной работы в узком смысле слова, но и об их внедрении) эксперимент перспективным или нет — не мне судить. Это покажет будущее, но мое глубокое убеждение состоит в том, что в этих обстоятельствах сами программы должны формулироваться достаточно широко, охватывая не одну научную дисциплину, но и смежные области; формулировки ни при каких обстоятельствах не должны быть жесткими и допускать включение в любую программу новых проблем и направлений исследовательского поиска. Широта и, если можно так выразиться, демократичность программ только и являются залогом их успешного осуществления в сложившихся условиях, учитывая многопрофильность привлекаемых для реализации учреждений и многочисленность исследовательских групп.

Переходя к рассматриваемой программе следует подчеркнуть, что в ней по возможности отражена как раз именно эта тенденция — более или менее широко охватить предмет, его связи со смежными дисциплинами, совершенно четко обозначенную в последние десятилетия тенденцию все более комплексного изучения древних обществ, привлечение к проникновению в их природообусловленную, хозяйственную, социально-экономическую и культурно-идеологическую суть методов и подходов все более широкого круга научных дисциплин. Поэтому широкий тематический характер программы в данном конкретном случае отражает не только тактический момент — заботу о ее более эффективной реализации, но и специфику программы, равно как и специфику предмета исследования, о чем следует сказать специально несколько слов.

Прежде всего археология расширяет сферу своих усилий и своего приложения, как и любая другая наука, просто в силу развития своей методической базы, подразумевая под этим не только усовершенствование методических приемов исследования в узком смысле слова, т. е. собственно археологическую методику, но и интенсивное инкорпорирование методических достижений других научных дисциплин. Это инкорпорирование до какой-то степени изменило лицо археологической науки, насытив ее не только естественно-научными методами и интерпретациями. Много и справедливо писалось об историческом значении археологического знания, об историзме археологии в целом [3], и я не собираюсь отрицать всего на эту тему написанного, более того, подчеркнул бы особо, что сколько-нибудь интенсивное продвижение вперед истории древних обществ принципиально невозможно без использования археологических материалов, так как только они позволяют зримо представить динамику внешних форм жизни, а сейчас дают и кое-какие наблюдения для более глубоких хозяйственных, социальных и семантических реконструкций. Но отчетливо понимая и подчеркивая все это, нельзя не видеть и другого: в основе мировой археологии лежит сейчас огромный запас естественно-исторических данных, начиная с методов абсолютного датирования, разнообразных лабораторных методик, физических методов поиска и наземного изучения археологических объектов, способов формализованного описания и кончая интенсивнейшим применением многомерной статистики при анализе эмпирических фактов. Разве можно было представить себе 20 лет тому назад компьютеризацию археологии, а сейчас публикации по теме «Компьютеры и археология» насчитывают сотни наименований, а сама тема стала абсолютно тривиальной?!

Нет необходимости в этой статье подробно характеризовать все эти методы и подходы, но есть необходимость отметить основное, что действительно вошло в конструктивную структуру археологии. В англоязычных странах полные права гражданства получила так называемая «environmental archaeology», т. е. та область археологического знания, в рамках которой изучается вся сово-

купность географической и биологической среды, окружавшей древнейшие и древние коллективы людей и направляющей в них развитие и уровень динамики процессов культурной адаптации. Справедливости ради нужно сказать, что «енвайронменталисты» пока не создали цельной теоретической схемы, которая охватывала бы поименованную область археологии, да ее, наверное, и нелегко создать при механическом объединении разных дисциплин: палеопочвоведения, палеоклиматологии, остеологии млекопитающих, палинологии, палеогеографии и т. д. Но это объединение тем не менее уже сыграло свою роль: ознакомление с разными методами и пусть даже в ряде случаев не очень вдумчивое их применение не могли не расширить теоретического понимания предмета и угла зрения на предмет и задачи археологических исследований. Хорошим примером является прекрасная книга К. Батцера [4], в которой вся археологическая тематика трактуется как один из разделов экологии человека.

Нам на этом пути предстоит еще много сделать, и в первую очередь не только развить отдельные отрасли, которые можно обозначить как палеоэкологические, но и обеспечить подлинную комплексность как полевой, так и лабораторной археологической работы. Можно назвать отдельные примеры такого комплексного подхода в изучении палеолитических и мезолитических памятников, скажем, Северного Кавказа, эпохи бронзы юга Восточно-Европейской равнины, древностей рубежа новой эры, предславянских и славянских памятников, но пока нет ни соответствующих сил, ни полного осознания неизбежной необходимости перехода к соответствующей организации. При такой организации многие проблемы, которые изучаются на описательном уровне, могли бы получить количественные решения, пусть на первых порах приблизительные. К их числу относятся характеристики окружающего древнюю популяцию ландшафта и его антропоэффективной емкости, т. е. палеоантропогеоценоза, пищевые связи со средой, уровень развития производительных сил в узком смысле слова, производительность труда и относительное место, которое занимает каждая из трудовых операций в трудовом процессе всего коллектива, наконец, определение объема прибавочного продукта и даже при благоприятных археологических обстоятельствах его распределение. Иными словами, налицо отдача в виде гораздо более полной и точной информации.

Существенным компонентом производительных сил общества является сам человек, что было отчетливо осознано нашей наукой еще в 20-е годы, во время функционирования академической Комиссии по изучению производительных сил, но затем прочно забыто. Поэтому изучение палеоантропологии шло в рамках антропологии на протяжении многих лет в специальных учреждениях и чисто случайным образом было частично объединено с этнографией, тогда как по существу оно самым тесным образом связано с археологическими раскопками, так как они дают основной материал для палеоантропологического исследования, и с археологическим знанием в целом, в рамках которого невозможна реконструкция прошлого без реконструкции основного субъекта этого прошлого — человека. Любопытно, что в связи с целевыми установками «енвайронменталистской археологии» палеоантропология могла бы быть включена в перечень смежных дисциплин, из которых сформирована эта область археологии, но на самом деле этого не произошло: велика специфичность материала и еще более велика специфичность методов.

Безусловно, палеоантропологический материал интересен сам по себе как исторический источник большой разрешающей силы, помогающий в реконструкции масштабов и направлений древних миграций, характеристике очагов независимого развития, восстановлении генетических отношений между группами людей прошлых эпох. Задача понимания динамики расового состава древнейшего и древнего человечества, в полной мере не решенная до сих пор, несмотря на тысячи исследований, интересна в познавательном отношении и практически важна исторически; но дело не только в этом: она тесно связана

с культурным контекстом человеческой истории и природным окружением человечества, объясняется через них и только через их рассмотрение и может быть решена сколько-нибудь успешно. Именно в этом смысл перехода за последнюю четверть века от антропологии как морфологической дисциплины к биологии и экологии человека, пытающимся охватить эволюцию биосферы, человека и его культуры в едином синтезе. Многое остается пока в таком подходе неразработанным и неясным, но сама идея, лежащая в его основе, безусловно плодотворна и уже дала кое-какие результаты, демонстрируя связь многих структурных вариаций человеческого тела через пищу с культурно-хозяйственным уровнем человеческих коллективов, в частности с развитием земледелия [5].

Но дело не только в этом — он является существенным источником демографической информации для всех эпох бесписьменной истории человечества. Он недостаточен для сколько-нибудь полного восстановления численности древних человеческих коллективов, так как охватывает, как правило, несколько поколений индивидуумов, но вполне эффективен в реконструкции уровня детской смертности, соотношения полов, продолжительности жизни, соотношения разных возрастов. И для письменных эпох в истории человечества палеоантропологические определения сохраняют свое значение в ряде случаев, так как именно они, а не письменные источники создают основу для получения ряда из перечисленных параметров. Важность этой демографической информативности палеоантропологического материала невозможно переоценить в палеоэкологическом отношении, так как она, во-первых, сама является показателем биологического и культурного процветания или упадка того или иного общества, а во-вторых, позволяет оценивать его потенции в создании избыточного демографического давления, расселении, миграциях, хозяйственном освоении новых территорий и т. д. Велик и генетический эффект любой формы избыточного демографического давления, так как оно автоматически приводит к распространению генов и генетическому смешению, т. е. к появлению новых сочетаний генов и образованию промежуточных, а иногда и своеобразных расовых типов.

Автор не раз имел возможность, встречаясь с иностранными коллегами, слышать упрек, что русские археологические исследования не полны, они не включают результатов многих лабораторных анализов, в них не представлены итоги изучения костного материала и палинологии. Пожалуй, наиболее остро этот упрек был высказан таким авторитетным специалистом по археологии Передней Азии, как директор Пибоди музея археологии и этнологии К. Ламберг-Карловски. Он говорил о том, что первым трудом, открывшим пионерский путь к экологизации археологии и расширению сферы ее исследовательских усилий на природу и человека, была монументальная публикация трудов американской экспедиции, работавшей в Анау под руководством Р. Пампелли [6]. Потом наступил длительный перерыв, нарушенный экспедицией Р. Брейдвуда [7]; именно эта экспедиция и последовавшая за ней публикация послужили толчком к возрождению подхода, намеченного в начале века и ставшего едва ли не обязательным в проведении археологических исследований как во многих западноевропейских странах, так и в США. Русские археологи, по его мнению, остались в стороне от этого столбового пути.

Какая-то справедливость в этом упреке есть — мы, безусловно, не уделяли должного внимания освоению всего богатства естественно-исторических методов, которые нам представляет развитие современной науки. Но нельзя не сказать и о содержащейся в этом упреке известной узости взгляда, проистекающей из неосведомленности в русской литературе, вообще из-за языковых трудностей типичной, за немногими исключениями, для европейской и американской интеллигенции. Запад не знает замечательного труда А. А. Иностранцева о ладожском неолите [8], а труд его является и в наших теперешних глазах образцовым по тщательности отраженных в нем раскопок, богатству

собранных материалов, скрупулезности их описания, многосторонности реконструкций [9]. Наверное, эта книга должна быть оценена, подобно публикации раскопок в Анау, как пионерская в отношении полноты представления анализа и публикации археологических данных, и с нее можно начать время сотрудничества русских археологов со специалистами других профилей.

Совместная публикация результатов разнообразных исследований не стала, правда, традицией — результаты публикуются раздельно, но зато они опубликованы в более полном виде и на более высоком уровне профессионального описания и анализа, чем это бывает обычно в статьях, дополняющих археологические труды и содержащих часто лишь техническое описание. Таковы труды двух замечательных конференций, посвященных проблемам происхождения и развития животноводства, проведенных еще до войны [10, 11], серия исследований В. И. Цалкина [12] и других палеозоологов [13], работы по археоботанике [14, 15]. Во всех этих статьях и книгах не только представлен богатый запас оригинальных специальных наблюдений и разработок, но и продемонстрирована комплексность подхода, нацеленная на реконструкцию этапов и локальных вариаций хозяйственной деятельности древних человеческих коллективов в целом. Наконец, нельзя не упомянуть еще раз в качестве приоритетного направления палеоантропологические исследования, преимущественно ограниченные сейчас в западноевропейской и американской литературе палеопатологией и палеодемографией, но на деле дающие, как уже говорилось выше, драгоценные сведения микроэволюционного, исторического и этногенетического характера.

Все сказанное связано с экологизацией археологического знания, но, пожалуй, не меньшее значение имеет другая тенденция — его социализации и этнизации, выражающаяся в явном стремлении углубить хронологический уровень этнической характеристики археологических объектов. Мы уделим этой тенденции меньше места, чем уже рассмотренной, так как в этой области пока меньше несомненных конкретных результатов, но принципиальная ее важность для дальнейшего развития археологического знания бесспорна, и ей, безусловно, принадлежит будущее. Речь идет о достижениях сравнительно-исторического языкознания, вставшего на путь восстановления глубинных фонетических и лексических явлений, позволяющих реконструировать древние языковые макросемьи, лежащие в основе известной сейчас мировой географической картины языковых связей. Эти макросемьи объединяют языковые семьи, носители которых далеки друг от друга в расовом, историческом и культурном отношениях; поэтому с историко-этнологической точки зрения многое в предлагаемых сейчас реконструкциях вызывает сомнения [16], но так или иначе мы получаем возможность обсуждать проблемы этнической характеристики археологических культур, отстоящих от современности на 9—12 тыс. лет, т. е. то, о чем не смели и мечтать 20 лет тому назад. И такие попытки уже делаются, например интересное сопоставление создателей натуфийской культуры с носителями древнейших афроазиатских языков [17].

Говоря о перспективности таких исследований для этнолингвистической интерпретации древнейших археологических памятников, нужно отметить разные подходы, развиваемые русскими и американскими лингвистами и представителями смежных наук. Все сторонники ностратической гипотезы у нас в стране являются последователями В. М. Иллича-Свитыча и развивают его идеи, т. е. продолжают расширять базу корневых и фонологических соответствий между реконструированными протосистемами отдельных языковых семей, относимых к ностратической макросемье. Все эти работы малоизвестны за рубежом, но в какой-то мере их популяризирует с критическими комментариями недавняя статья М. Кайзера и В. Шеворошкина [18], частично и книга В. Шеворошкина [19]. Американские исследователи пытаются проникнуть в скрытое от нас языковое прошлое, сопоставляя количественно фиксированные расстояния между группами языков (определяемые, кстати сказать, весьма ус-

ловно) с генетическими и фенетическими расстояниями между их носителями. Используемые процедуры широко и остро обсуждаются, как и получаемые с их помощью результаты [20, 21], что, несомненно, свидетельствует лишь об их приближенном значении. Но так или иначе, подобное направление исследований обещает уже в ближайшие годы дать какие-то новые толчки для исследовательской мысли и получить интересные новые разработки.

Все сказанное обогащает археологию извне и расширяет, как мы попытались показать, а также и углубляет ее тематику за счет экстраархеологической информации. Но археология в процессе многочисленных и интенсивных раскопок развивается и сама по себе, вглядывается в самое себя, ищет все новые и новые пути усовершенствования полевой работы и интерпретации ее результатов. Известная книга Д. Кларка была одним из этапов на этом пути [22]. Сейчас в американской археологии широко и в основном критически обсуждается система взглядов Л. Бинфорда [23], нацеленная также на один из аспектов интерпретации. Это внутреннее развитие археологической мысли заслуживает еще большего внимания, чем обогащение ее экстраархеологическими методами, и породило ряд фундаментальных проблем, разработка которых на протяжении многих лет составляет содержание археологической теории.

Первая из этих проблем связана с содержанием и интерпретационным истолкованием понятия культурного слоя. На первый взгляд это понятие элементарно и не содержит в себе ничего особенно сложного или специфического. Но это далеко не так, и многозначность понятия культурного слоя связана с характером его формирования и временем функционирования, т. е. является производной его генезиса, составляет, иначе говоря, его сущность. Что такое культурный слой, чем он отличается от замыкающих его снизу и сверху стерильных или полустерильных прослоек, как фиксировать его литологические и культурно-исторические границы, каким образом можно объективно перейти от них к установлению хронологических рамок его существования — все это вопросы, ответы на которые пока разнообразны и не очень определенны. Может быть, именно поэтому в археологии палеолита стали сейчас употреблять термин «горизонт обитания» подразумевая под ним остаток площадки, на которой обитала в течение определенного времени та или иная человеческая группа. Но такой подход, эффективный при изучении в подавляющей своей массе кратковременных палеолитических поселений, не очень оправдывает себя при переходе к раскопкам более поздних памятников: многие из них обживались веками, и накопление мощного культурного слоя происходило непрерывно; иногда он составляет многометровую толщу, литологически нерасчленяемую, да и культурно-исторически его расчленить не всегда удается достаточно убедительно.

Автору этих страниц кажется, что сколько-нибудь убедительное решение проблемы культурного слоя связано тесным образом с постановкой и обсуждением проблемы археологического времени. Что подразумевать под ним? Как показали как будто физики, среди которых наиболее известен своими рассуждениями на эту тему Л. Д. Ландау, время представляет собой движение от прошлого к будущему и, похоже, не имеет обратного хода. Приложение проблемы времени к конкретным наукам требует решения проблемы дискретности времени в каждом отдельном случае, т. е. проблемы фиксации тех временны́х интервалов, в пределах которых имеют место изменения тех или иных форм материи, в рассматриваемом нами случае — изменения материальной культуры и тех историко-культурных обстоятельств, в которых мы ее обнаруживаем. Общие проблемы дискретности времени обсуждались не раз [24, 25], по отношению к биологическому времени была сделана попытка показать соотносимость минимально дискретных временны́х частиц с длительностью поколения [26]. В динамике материальной культуры, похоже, сколько-нибудь существенные изменения тоже не происходят быстрее; мода в одежде, конечно,

сменяется на протяжении жизни одного поколения не один раз, но именно остатки одежды почти не сохраняются при раскопках, если, разумеется, мы не сталкиваемся с особо счастливыми обстоятельствами. Наименьшая единица археологического времени есть поколение — это, конечно, гипотеза, но она как будто заслуживает дальнейшей разработки.

Гипотеза эта, однако, сама по себе недостаточна. Кажется весьма вероятным, что в отличие от биологического времени археологическое время изменчиво и длительность наполняющих его событий неодинакова в разные эпохи истории человечества. При застойности, скажем, палеолитической техники никакие изменения не происходили на протяжении жизни многих поколений и технические навыки оставались традиционно монотонными. Даже в более поздние эпохи, употребляя этнографическую терминологию, в обществах-регрессатах [27] сколько-нибудь заметные культурные изменения могли не иметь места на протяжении сотен и даже тысяч лет. Отсюда разные темпы технического прогресса, имеющего локальную приуроченность, начиная с самых ранних эпох в истории человечества, отсюда же и перспективность понятия археологического времени, которое дает нам возможность оценить динамику прогрессивных изменений в количественных терминах.

Вторая из перечисленных выше проблем интуитивно менее очевидна, и на протяжении многих лет своей работы археологи действовали не мудрствуя лукаво, т. е. характеризовали то, что они находили, и на этом основании реконструировалось изучаемое общество. Специалисты при этом не особенно задумывались, в какой мере их реконструкции полны, что в их находках действительно отражает когда-то реально существовавшую действительность, а что проистекает из отражательных свойств самого археологического материала. Развитие такого, сейчас кажущегося нам прямолинейным подхода привело к выдающимся открытиям; все основные этапы развития человечества и мировые цивилизации описаны на основе памятников, открытых в прошлом и в первой половине нашего столетия. Но в конце концов и эта проблема привлекла внимание археологов и занимает сейчас значительное место в теоретической археологии. У нас ей посвящены две книги, авторы которых весьма различны по своим подходам к теме и развиваемым взглядам [28, 29]. Вообще, если в целом попытаться охватить современную археологическую литературу, то в ней отражается весь спектр отношений к рассматриваемой проблеме, начиная от гиперкритицизма, при котором результаты археологической работы абсолютно немы и по ним ничего невозможно реконструировать (в этом случае остается, правда, неясным, зачем вообще заниматься археологическим исследованием и как объяснить уже достигнутые археологией успехи в восстановлении перед нашими глазами исторического прошлого во всем его объеме и величии), и кончая полным традиционализмом, в рамках которого то, что делается сейчас, практически не отличается или мало отличается от исследовательской работы полувековой давности. Теоретическая задача именно в том и состоит, чтобы найти разумную золотую середину между обеими крайностями и создать такую систему рабочих понятий, которая была бы операционна в конкретной работе.

Наконец, третья проблема — проблема локальной дифференциации археологических явлений, привязка археологии к географии. В русской литературе большое место занимает обсуждение понятия археологической культуры как локальной интеграции каких-то особенностей материальной культуры, приуроченных к тому же хронологически к более или менее короткому отрезку времени. Чаще всего подобная культура или культурная общность освещается в рамках этнического к ней подхода, т. е. интерпретируется как оставленная народом и группой народов — носителями родственных языков. Следует сразу же признаться, что эта интерпретация не принесла достаточно однозначных, а главное — убедительно доказанных результатов. Споры об этническом лице тех или иных культур не затихают, а скорее усиливаются по мере роста наших зна-

ний о географии древних языковых семей; не подтвержденное письменными источниками существование современных языковых семей доводится до неолитической древности. Если археологические культуры реально существовали как культурное явление, чему этнографические данные не дают сколько-нибудь убедительного подтверждения, и это должно быть специально подчеркнуто, то, наверное, было бы более перспективным трактовать их не только в терминах этнического подхода, но и культурно-географически (в русской этнографической литературе географически обусловленные локальные вариации называются, как известно, хозяйственно-культурными типами) или культурно-исторически (традиции, восходящие к общности происхождения или общности исторической судьбы). В этом случае все интерпретации были бы наверняка и богаче, и результативнее, и, самое основное, убедительнее.

Разумеется, вкратце рассмотренными тремя проблемами нельзя исчерпать содержание теоретической археологии. Типологический метод далеко не исчерпал своих возможностей, хотя и разработан довольно хорошо, но мы и до сих пор мало понимаем причины, под влиянием которых происходят изменения форм предметов материальной культуры, и факторы, управляющие этими изменениями. Одним из предлагаемых путей усиления типологического метода является квантификация, т. е. разработка соответствующих статистических процедур, которые давали бы оценочный эффект при сравнении (одна из последних работ [30]). Методы установления относительной стратиграфии при отсутствии абсолютных дат дают единственное основание для исторической хронологии и поэтому настоятельно требуют дальнейшего усовершенствования. Этот перечень можно было бы продолжить, но в этом нет нужды — и так ясно, сколь широка область теоретических исследований в археологии и как они необходимы для развития археологической мысли.

Еще одна тема заслуживает специального внимания — история археологического знания на фоне динамики накопления знаний вообще, вклад археологии в открытие и понимание культурного прошлого человечества, ее общественный резонанс в разные эпохи истории прошлого и нашего столетий, наконец, ее участие в развитии гуманитарного знания в целом. К этому велик интерес и у нас, и за рубежом. Г Даниэл только что, пригласив в соавторы К. Ренфру, переиздал свою книгу 1962 г., дополнив ее новыми оценками [31]. Серия книг А. А. Формозова по истории дореволюционной археологии в России заполнила пробел, ощущавшийся на протяжении нескольких десятков лет [32—34]. Ее дополняют две книги по истории русской археологии в советское время [35, 36]. Интерес к региональным историям археологической мысли наблюдается и на Западе [37]. Дальнейшее углубление в историю науки необходимо не только в академических целях — оно необходимо и для познания преемственности методов и концепций, и для определения путей научных поисков, свободных от ошибок прошлого.

Эти беглые заметки, пожалуй, исчерпывают то необходимое, что должно быть предпослано публикации самой программы. Они оправдывают ее достаточно широкое содержание и, по мысли автора, содержат ответ на упрек в том, что программа объемнее археологического знания даже при самом расширенном его понимании. Далее следует иерархически построенный перечень наиболее актуальных для дальнейшей разработки проблем, приводимых в хронологическом порядке, начиная с истоков человеческой истории и кончая поздним средневековьем. В государственных планах Отделения истории АН СССР и Академии наук СССР в целом эта программа числится под № 14.

14.1. Экология, морфология и культура древнейших и древних гоминид

14.1.1. Истоки формирования гоминид.
14.1.2. Предпосылки перехода к трудовой деятельности.
14.1.3. Тафономия, морфология и таксономия австралопитеков.

14.1.4. Олдувейский этап палеолитической индустрии.
14.1.5. Прародина человечества.
14.1.6. Палеогеография и экология начала антропогенеза.
14.1.7. Начальный этап освоения ойкумены.
14.1.8. Характер жилищ и поселений у древнейших гоминид.
14.1.9. Тафономия, морфология и таксономия питекантропов.
14.1.10. Ашельский этап палеолитической индустрии.
14.1.11. Происхождение и начальные этапы развития мышления и речи.
14.1.12. Начало и формы использования огня.
14.1.13. Популяционная структура и демография древнейших и древних гоминид
14.1.14. Зарождение охоты и ранние формы социальных отношений.
14.1.15. Тафономия, морфология и таксономия неандертальцев.
14.1.16. Мустьерский этап палеолитической индустрии.
14.1.17. Характер расселения человечества в эпоху мустье.
14.1.18. Поселения и жилища в эпоху мустье.
14.1.19. Зарождение рода, цикл жизни и погребальный обряд у неандертальцев.
14.1.20. Палеогеография и экология периода становления человека современного вида.
14.1.21. Центры происхождения современного человечества.

14.2. Верхнепалеолитическое и мезолитическое человечество, его культура и среда жизни

14.2.1. Морфология, таксономия и расовые особенности верхнепалеолитических людей.
14.2.2. Культурная адаптация и общественная эволюция в эпоху палеолита.
14.2.3. Верхнепалеолитическая индустрия и ее локальные формы.
14.2.4. Верхнепалеолитические поселения и жилища.
14.2.5. Популяционная структура и демография верхнепалеолитических людей.
14.2.6. История охоты и формы социальных отношений в эпоху верхнего палеолита.
14.2.7. Зарождение изобразительного искусства, его формы и другие надстроечные явления в эпоху верхнего палеолита.
14.2.8. Происхождение и расселение палеоазиатов.
14.2.9. Палеогеографические и экологические аспекты верхнепалеолитического расселения. Заселение Америки и Австралии.
14.2.10. Палеогеографические и экономические аспекты расселения человека в эпоху палеолита на северо-востоке Европы.
14.2.11. Изменения природной среды при переходе к голоцену и их влияние на общество.
14.2.12. Морфология и расовые особенности мезолитического человечества.
14.2.13. Мезолитическая индустрия и ее локальные формы.
14.2.14. Изменения хозяйственного инвентаря и характер охоты в эпоху мезолита.
14.2.15. Характер диеты в обществах присваивающего хозяйства и ее влияние на организм человека.
14.2.16. Мезолитические поселения и жилища, палеогеография и экология поселений.
14.2.17. Популяционная структура, демография и социальные отношения в обществах эпохи мезолита.
14.2.18. Формы изобразительного искусства в эпоху мезолита.

14.3. Происхождение, развитие и культура древних обществ с производящим хозяйством

14.3.1. Движущие силы социально-экономического развития. Содержание и обусловленность переходных историко-археологических эпох.

14.3.2. Неравномерность исторического процесса, ее экологические, социальные аспекты, эпохальные и региональные проявления. «Расцветы» и «упадки» древних культур.
14.3.3. Кризис присваивающего хозяйства, одомашнивание животных и окультуривание растений.
14.3.4. Очаги формирования животноводства и его ранняя история.
14.3.5. Очаги формирования земледелия и его ранняя история.
14.3.6. Пути влияния производящего хозяйства на природную среду.
14.3.7. Пути влияния производящего хозяйства на человеческий организм.
14.3.8. Экономика и общество раннеземледельческой эпохи.
14.3.9. Морфология и расовая дифференциация человечества в эпоху неолита.
14.3.10. Неолитическая индустрия и ее локальные варианты.
14.3.11. Происхождение и ранняя история керамики.
14.3.12. Хозяйственная деятельность неолитического человечества и ее формы: скотоводы, земледельцы, охотники и рыболовы. Ранняя история рыболовства.
14.3.13. Формирование антропогеоценозов и хозяйственно-культурных типов.
14.3.14. Экология человека и проблема размещения древних поселений.
14.3.15. Формирование археологических культур и их динамика.
14.3.16. Развитие археологических культур в экстремальных климатических условиях.
14.3.17. Роль приморской адаптации в формировании культуры и хозяйства.
14.3.18. Особенности развития археологических культур в условиях относительной изоляции.
14.3.19. Поселения и жилища эпохи неолита.
14.3.20. Языковая и этническая дифференциация в эпоху неолита. Археологические аспекты формирования финно-угорских и самодийских народов.
14.3.21. Популяционная дифференциация и демография неолитических популяций.
14.3.22. Социальные отношения в эпоху неолита.
14.3.23. Формы и семантика неолитического искусства и другие надстроечные явления в эпоху неолита.
14.3.24. Межобщинные отношения в эпоху каменного века.
14.3.25. Периодизация истории первобытного человечества.
14.3.26. Изменения среды в эпоху голоцена и их влияние на общество.
14.3.27 Морфология и расовая дифференциация населения в эпоху бронзы.
14.3.28. Биологическая адаптивность человеческих популяций в эпоху бронзы.
14.3.29. Начало и формы металлургического производства, историческая роль центров металлообработки.
14.3.30. Инвентарь эпохи бронзы и его локальные варианты.
14.3.31. Поселения и жилища эпохи бронзы.
14.3.32. Археологические культуры эпохи бронзы и их соотношение с социально-культурной адаптацией к географической среде.
14.3.33. Изменение уровня моря и проблемы изучения прибрежных археологических памятников.
14.3.34. Хозяйственная деятельность населения эпохи бронзы и начало ирригации.
14.3.35. Популяционная структура и демография населения эпохи бронзы.
14.3.36. Языковая и этническая дифференциация в эпоху бронзы.
14.3.37 Формирование и взаимоотношения основных языковых семей Евразии.
14.3.38. Происхождение и расселение индоевропейцев, археологический комментарий к индоевропейской проблеме.
14.3.39. Происхождение и ранние формы письменности.
14.3.40. Ранние письменные памятники в их сопоставлении с археологическими данными.

14.3.41. Библейская традиция и ее место в системе ближневосточных и средиземноморских культур.
14.3.42. Социальные отношения в эпоху бронзы.
14.3.43. Проблемы контактов и взаимовлияния обществ различных уровней в древности.
14.3.44. Возникновение колесного транспорта, торговля и обмен в эпоху неолита и бронзы.
14.3.45. Причины, содержание и последствия древних миграций. Миграция как модель исторического процесса.
14.3.46. Транспортные пути древности.

14.4. Протогородские и раннегородские цивилизации. Древнейшие государства. Кочевые общества

14.4.1. Возникновение первых городов.
14.4.2. Возникновение и ранние этапы развития государственности.
14.4.3. Городские центры и сельская периферия.
14.4.4. Формы и семантика изобразительного искусства в эпоху бронзы.
14.4.5. Ранние формы устного народного творчества и начало литературы.
14.4.6. Общие, региональные и эпохальные тенденции развития древнего мировоззрения. Его психологические, экономические, производственные и социальные аспекты. Представления о душе. Представления о мире. Факторы становления шаманизма.
14.4.7 Расовая дифференциация человечества в I тыс. до н. э. и первых веках новой эры.
14.4.8. Биологическая адаптивность человеческих популяций в ту же эпоху.
14.4.9. Переход к освоению железа и ранние формы его использования.
14.4.10. Производственный и бытовой инвентарь эпохи раннего железа.
14.4.11. Хозяйственная деятельность в эпоху раннего железа.
14.4.12. Поселения и жилища в эпоху раннего железа.
14.4.13. Археологические культуры и этносы в эпоху раннего железа.
14.4.14. Исторические процессы и формы перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку.
14.4.15. Киммерийская проблема.
14.4.16. Генезис и связи степных культур Евразии в скифо-сарматское время.
14.4.17 Кочевые общества степей Евразии в эпоху раннего железного века и их взаимодействие с земледельцами.
14.4.18. Угры и ранние венгры в Восточной Европе.
14.4.19. Финно-угры, балты и другие народы лесной и лесостепной полосы Восточной Европы и Западной Сибири в раннем железном веке.
14.4.20. Формирование производящего хозяйства у населения лесной и лесостепной полосы Восточной Европы и Западной Сибири.
14.4.21. Гуннская проблема.
14.4.22. Популяционная структура, демография и социальные отношения в эпоху раннего железа.
14.4.23. Содержание искусства эпохи раннего железа, его формы и локальные варианты.
14.4.24. Погребальный обряд и другие надстроечные явления в эпоху раннего железного века.
14.4.25. Развитие городской культуры и типы городов.
14.4.26. Рабовладельческая общественно-экономическая формация. Становление, характерные особенности, варианты развития.
14.4.27 Античный вариант рабовладельческой общественно-экономической формации. Становление, характерные особенности, этапы развития.
14.4.28. Основные проблемы античной археологии Средиземноморья. Экология и возникновение античной цивилизации. Границы античной цивилизации и их экологическая обусловленность. Рабовладельческое хозяйство и его влияние на природную среду.

14.4.29. Социально-экономический базис античной цивилизации. Рабство и иные формы зависимости. Феномен классического рабства. Динамика развития. Классовая борьба и ее особенности.
14.4.30. Экономика античных обществ. Земледелие, ремесло, обмен. Становление и роль денежного обращения.
14.4.31. Политические формы организации античного общества (полис, союз полисов, другие типы политических образований). Динамика их развития. Проблема межгосударственных отношений (война, мир, дипломатия, международное право).
14.4.32. Система расселения в обществах античного типа. Город и деревня: динамика развития и взаимодействие.
14.4.33. Культура и идеология античного мира. Духовная культура и искусство: проблемы становления и развития. Феномен классической культуры и взаимодействие культур. Религия, политическая теория, философия, ораторское искусство, пропаганда. Личность и общество в Греции и Риме. Быт как элемент истории.
14.4.34. Этнические процессы в условиях античной цивилизации. Взаимосвязи этнических и социальных аспектов развития.
14.4.35. Великая греческая цивилизация. Причины, характер, историческая роль.
14.4.36. Эллинистическая цивилизация. Причины возникновения, сущность, этапы развития, характер культуры.
14.4.37 Римская империя. Характер перехода от республики к империи (экономические, социальные и политические причины). Особенности и динамика развития.
14.4.38. Центр и периферия. Периферийные общества античной цивилизации. Типология, социальная природа, роль античных влияний, характер культуры. Взаимоотношение и взаимовлияние античной и древневосточной культур. Кушанская проблема.
14.4.39. Взаимодействие античной цивилизации и «варварского мира» Восточной Европы. Греческая колонизация Причерноморья.
14.4.40. Истоки и развитие урбанизации Центральной Азии.
14.4.41. Города Кавказа и Средней Азии и их культура.
14.4.42. Земледельческие оазисы Средней Азии в эпоху раннего железного века.
14.4.43. Древнейшие государства на территории СССР, их социально-экономическая структура и культура.
14.4.44. Войны и миграции в эпоху раннего железа.

14.5. Географическая среда, хозяйство и культура в эпоху средневековья

14.5.1. Археологические материалы и переход к эпохе средневековья. Рабовладение и феодализм.
14.5.2. Расовая дифференциация человечества в эпоху средневековья и биологическая адаптация человеческих популяций.
14.5.3. Локальные тенденции в хозяйственной жизни средневекового общества.
14.5.4. Животноводство и земледелие, их технические навыки и формы в эпоху средневековья.
14.5.5. Экологические последствия хозяйственной деятельности человека в эпоху средневековья.
14.5.6. Производственный инвентарь, ремесло и торговля в эпоху средневековья. Международные торговые пути. Монетное дело.
14.5.7. Жилища и поселения эпохи средневековья.
14.5.8. Локальные археологические комплексы эпохи средневековья и методы их этнической интерпретации.
14.5.9. Языковая и этническая дефференциация Евразии в эпоху средневековья и проблемы этногенеза современных народов.

14.5.10. Славяне, финно-угры, балты, германцы. Восточные славяне: этногенез и расселение.
14.5.11. Возникновение раннефеодальных центров, в том числе и городов.
14.5.12. Генезис феодализма в древней Руси: древнерусская деревня, древнерусский город.
14.5.13. Древнерусская культура: архитектура, нумизматика и сфрагистика, прикладное искусство, эпиграфика и письменность.
14.5.14. Языческие верования славян и возникновение религиозных центров. Христианизация древней Руси.
14.5.15. Погребальный обряд эпохи средневековья.
14.5.16. Славяно-скандинавские отношения в период раннего средневековья и евро-балтийское торгово-экономическое и культурное сообщество.
14.5.17. Средневековые народы и государства Кавказа и Средней Азии.
14.5.18. Урало-алтайские народы и палеоазиаты.
14.5.19. Археологические культуры древних венгров, ранних булгар и буртас.
14.5.20. Популяционная структура, демография и социальные отношения в эпоху средневековья.
14.5.21. Изобразительное искусство и другие надстроечные явления в эпоху средневековья.
14.5.22. Формирование кочевого хозяйства и походы качевников в эпоху средневековья.
14.5.23. Культура кочевников Евразии в эпоху средневековья.
14.5.24. Государственные образования тюрко- и монголоязычных народов на территории Северной Евразии в эпоху раннего и развитого средневековья.
14.5.25. Древняя Русь.
14.5.26. Древнерусские города и их культура.
14.5.27 Москва и предпосылки образования Московского государства. Его культура и искусство.
14.5.28. Города и поселения Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства и их культура.
14.5.29. Города Закавказья и их культура.
14.5.30. Города Средней Азии и их культура.
14.5.31. Города Южной Сибири и их культура.
14.5.32. Города Дальнего Востока и их культура.
14.5.33. Освоение северных и восточных районов страны русскими землепроходцами, по археологическим данным (XII—XVIII вв.)
14.5.34. Военное дело и дружина в средневековье по археологическим данным.

14.6. Теория, методика, место археологии в системе гуманитарных наук

14.6.1. Сравнительно-историческое изучение отдельных категорий и элементов материальной культуры.
14.6.2. Сравнительно-историческое изучение видов, форм и элементов духовной культуры.
14.6.3. Сравнительно-историческое изучение хозяйственного цикла.
14.6.4. Сравнительно-историческое изучение урбанизации: предпосылки, факторы, тенденции, динамика.
14.6.5. Сравнительно-историческое изучение цивилизации: предпосылки, факторы, тенденции, динамика.
14.6.6. Динамика культурной истории и историческая демография.
14.6.7. Динамика культурной истории и антропологическая динамика.
14.6.8. Динамика культурной истории и этнолингвистическая динамика.
14.6.9. Археология, этногенез и этнокультурные процессы.
14.6.10. Археология, историческая этнология и сравнительное культуроведение.
14.6.11. Проблемы исторической интерпретации археологических источников.

Экономический, палеоэтнографический, системный и другие подходы в историко-археологическом исследовании.

14.6.12. Возможности этнической интерпретации археологических культур. Соотношение и мера совместимости историко-культурного, лингвистического и биологического (антропологического) ракурсов этногенетического исследования.

14.6.13. Периодизация и хронология различных археологических культур. Место каждой из них во всемирно-историческом процессе.

14.6.14. Методика и техника полевых и камеральных археологических исследований.

14.6.15. Математические, естественно-научные, технические методы познания в археологии.

14.6.16. Трасология.

14.6.17. Использование ЭВМ. Создание банков данных.

14.6.18. Подводная археология.

14.6.19. Гносеология археологии: уровни, формы, общенаучные и специфические методы познания. Методология археологического знания в сопоставлении с моделями социальной и культурной антропологии.

14.6.20. История археологического знания как такового.

14.6.21. Историография археологии.

14.6.22. История археологического знания на фоне истории гуманитарного знания.

14.6.23. История археологического знания на фоне истории естественно-исторического знания.

14.6.24. Археология, история и современность.

14.6.25. Археологические памятники, их охрана и использование отечественного культурного наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этническая история и современные национальные процессы // Вопр. истории. 1987. № 9.
2. История строительства социалистического общества // Вопр. истории. 1987. № 10.
3. Историзм археологии: методологические проблемы // Тез. докл. конференции. М., 1976.
4. *Butzer K.* Archeology as human ecology. Chicago: Chicago University press, 1982.
5. The analysis of prehistoric diets. Orlando; San Diego; New York; London; Academic press, 1985.
6. *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Prehistoric civilization in Anau. Wash.: Smithonian press, 1908.
7. *Braidwood R., Howe B. et al.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago; Chicago University press, 1960.
8. *Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
9. *Соколов В. А.* Александр Александрович Иностранцев. М.: Наука, 1981.
10. Проблема происхождения домашних животных. Л.: Изд-во АН СССР, 1933.
11. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных. Т. 1. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
12. *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970.
13. *Петренко А. Г* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1984.
14. *Лисицына Г Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М.: Наука, 1977.
15. *Лисицына Г Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в южной Туркмении. М.: Наука, 1978.
16. *Алексеев В. П.* Этногенез. М.: Высш. школа, 1986.
17. *Милитарев А. Ю., Шнирельман В. А.* К проблеме локализации древнейших афразийцев (опыт лингво-археологической реконструкции) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 2. М., 1984.
18. *Kaiser M., Shevoroshkin V* Nostratic // Ann. rev. anthropol. 1988. V. 39.
19. *Shevoroshkin V* Methods in inter-phyletic comparison. Wiesbaden, 1988.
20. *Cavalli-Sforza L., and al.* Reconstruction of human evolution: bringing together genetic, archeological and linguistic data // Proc. Nat. Acad. Sc. U.S.A. 1988. V. 85.
21. *Bateman R.* Speaking of forked tongues // Current anthropology. 1990. V. 31. № 1.
22. *Clark D.* Analytical archeology. L., 1968

23. *Binford L.* Bones. Ancient men and modern myths. Orlando; San Diego; New York: Academic press, 1981.
24. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М.: Изд-во иностр. лит., 1964.
25. *Грюнбаум А.* Философские проблемы пространства и времени. М., 1969.
26. *Алексеев В. П.* Вектор времени в таксономическом континууме // Вопр. антропологии. 1975. Вып. 49.
27. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М.: Наука, 1978.
28. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
29. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наукова думка, 1983.
30. *Деревянко А. П., Фелингер А. Ф., Холюшкин Ю. П.* Методы информатики в археологии каменного века. Новосибирск: Наука, 1989.
31. *Daniel G., Renfrew C.* The idea of prehistory. Edinburgh, 1988.
32. *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
33. *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. М.: Наука, 1983.
34. *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986.
35. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова думка, 1982.
36. *Пряхин А. Д.* История советской археологии. Воронеж: изд. ВГУ, 1986.
37. Archeological thought in America/Ed. Lamberg-Karlowski C. Cambridge; New York: Cambridge University press, 1989.

V. P. ALEXEEV

ANCIENT SOCIETIES, THEIR INTERACTION WITH ENVIRONMENT, CULTURE AND HISTORY

Summary

Modern trends in the development of archaeological thought are reflected in three fields of studies extending practically the whole scope of archeological science. The first aim of this research is to demonstrate an interaction of archaeologically fixed cultural phenomena and environmental situation, in other words, ecologisation of archaeology as a whole. The other subject of study can be formulated as an attempt of further ethnisation and sociolisation of archaeology which is limited now by our bad knowledge of linguistic situation and geography in antiquity, but has to lead in principle to more precise understanding ethnic origins of the populations having created different archaeological cultures. The third and the last, it is necessary to underline the significance of internal development of archaeology itself in which the ideas of «cultural layer» and "archaeological time" are considered to be the most important in framework of theoretical assumption. A list of the most significant topics is added which require further elaboration.

В. П. ЛЮБИН

ИЗОБРАЖЕНИЯ МАМОНТОВ В ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ
(по материалам Каповой пещеры)

Каповая пещера расположена на западном (европейском) склоне Южного Урала, на правом берегу р. Белой, в ее широтном течении, в Бурзянском р-не Башкирской АССР (рис. 1, 2).

Южный Урал — самая широкая его часть, отличающаяся наибольшим разнообразием ландшафтов. В верхнем плейстоцене здесь сохранялись весьма благоприятные климатические условия: эту область рассматривают как убежище, где обитали и выжили животные, вытесненные с севера Русской равнины надвигающимся ледником [1, с. 244—269]. Видное место среди них занимали мамонты, являвшиеся одним из главных промысловых животных верхнепалеолитического человека. Остатки их известны в верхнеплейстоценовых отложениях Южного Урала в изобилии [2, с. 125, 126].

Палеолитические рисунки в Каповой пещере открыты А. В. Рюминым в 1959 г. [3, с. 189, 190; 4, с. 31—34; 5, с. 57—65; 6, с. 57—65]. В 1960—1978 гг. изучение пещеры и рисунков проводила экспедиция О. Н. Бадера [7, с. 319, 320; 8, с. 14—23; 9, с. 54—57; 10, с. 125—134; 11; 12, с. 41—48; 13, с. 3—7; 14, с. 365—378; 15, с. 95—99], в 1982—1987 гг.— экспедиция В. Е. Щелинского. Последняя была наиболее комплексной: наряду с археологическими исследованиями велись геодезические, микроклиматические, палеонтологические, палеомагнитные, радиометрические и др. [16, с. 188; 17, с. 187; 18, с. 163; 19, с. 117, 118; 20, с. 217; 21; 22, с. 548—553]. В отложениях пещеры обнаружен верхнепалеолитический культурный слой толщиной до 10—15 см (остатки кострищ, кухонные отбросы, кремневые орудия). Благодаря находкам в слое кусочков охры, обломка глиняной чашечки с охрой на дне, фрагмента известняка со следами красочного изображения животного и обломка бивня мамонта удалось увязать этот слой с настенными росписями. Время их создания, по мнению В. Е. Щелинского, может соответствовать древнему дриасу: радиоуглеродная дата по древесному углю из культурного слоя — $14\,680 \pm 150$. В период обитания в пещере человека климат вокруг нее был континентальным: в пыльце — сочетание тундровых, лесных и степных элементов, в костных находках — остатки мамонта, песца, копытного, лемминга, пищухи и др.

На двух этажах пещеры, по данным В. Е. Щелинского [19, с. 117], выявлено около 40 красочных изображений: разнообразные геометрические знаки и рисунки животных — мамонта (10), лошадей (4), носорога и быка. Настоящая статья посвящена характеристике семи достаточно хорошо читаемых рисунков мамонтов [1] на двух — западном и восточном — красочных панно зала Рисунков второго этажа пещеры, на расстоянии 275 м от входа в нее (рис. 3). Рисунки эти описываются порознь, в той последовательности и под теми порядковыми номерами, которые им были приданы в свое время О. Н. Бадером [11]. Изъятие их из ансамблей изображений не позволит, разумеется, говорить о целостном

[1] Изображения по крайней мере трех мамонтов в первом этаже пещеры менее надежны в этом отношении: два из них очень сильно размыты, третье частично перекрыто натеком и имеет, как кажется, поздние подрисовки углем.

© В. П. Любин, 1991 г.

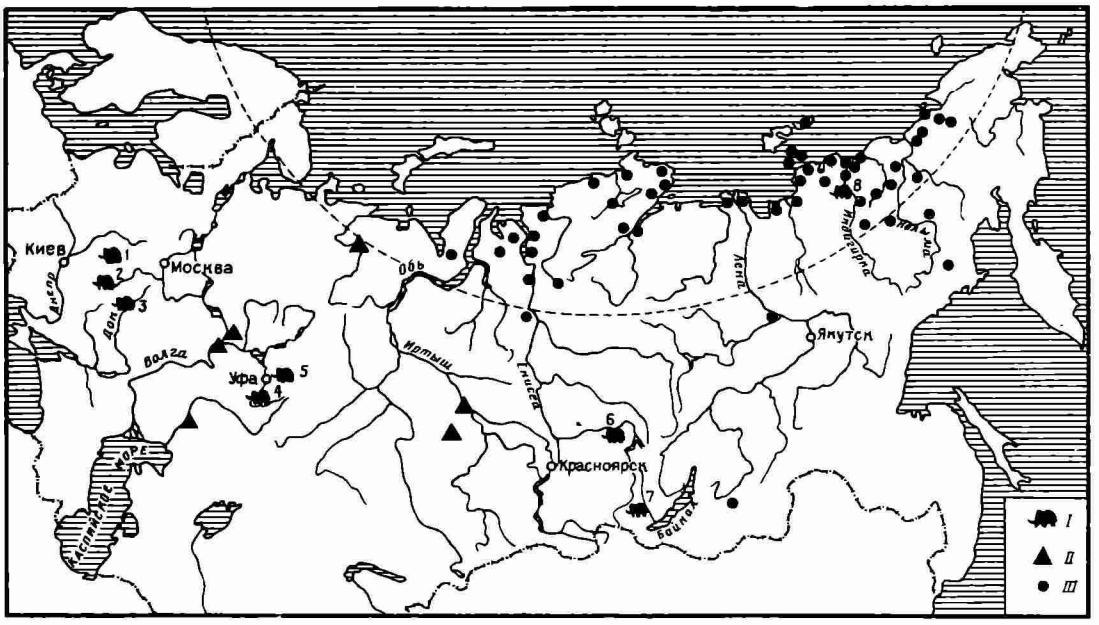


Рис. 1. Находки изображений мамонтов, их костей и целых туш на территории СССР I — пункты находок палеолитических изображений мамонтов. *1* — Елисеевичи; *2* — Авдеево; *3* — Костенки 1, 11, 21; *4* — Каповая пещера; *5* — Игнатиевская пещера; *6* — Усть-Кова; *7* — Мальта; *8* — Берелёх. II — массовые «кладбища» мамонтов в их спутников; III — пункты находок мерзлых туш и частей скелетов мамонтов. I — по В. П. Любину; II — по Н. К. Верещагину (1979); III — по В. Е. Гарутту (1964) и Н. К. Верещагину (1979)

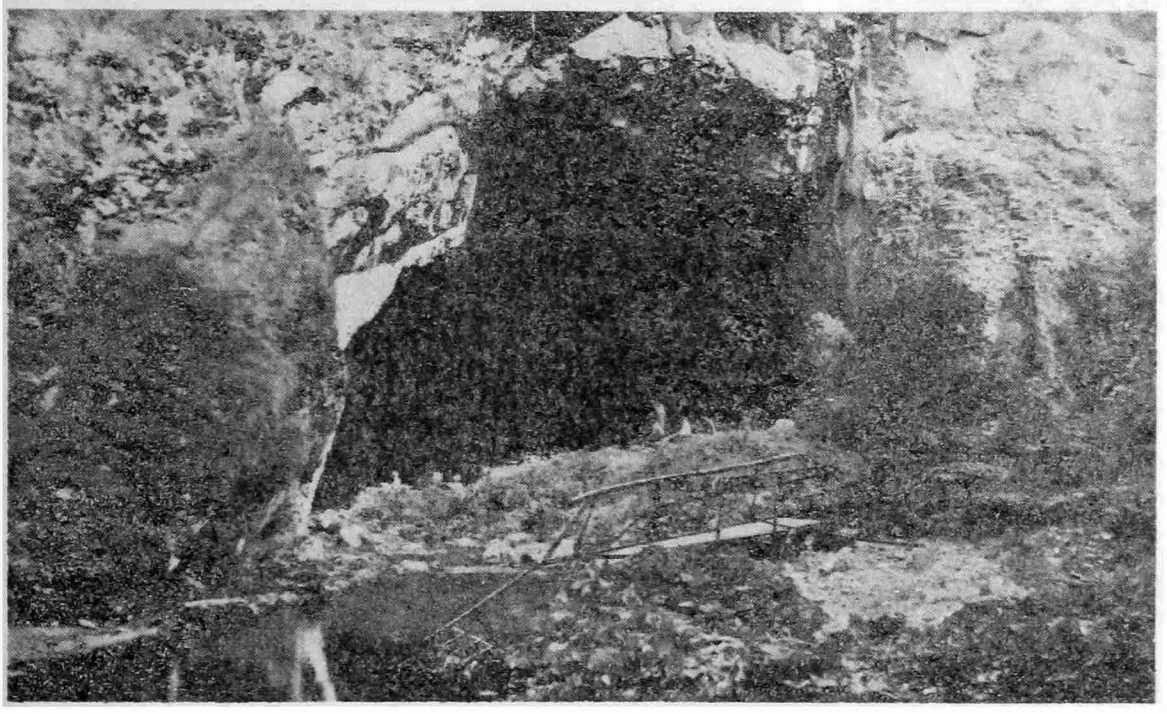


Рис. 2. Вход в Каповую пещеру

«звучании», возможном смысловом назначении каждого панно. Правомерность особого рассмотрения мамонтов — вначале разрозненно, затем суммарно — оправдывается, на наш взгляд, тем обстоятельством, что они являются важной темой в анималистическом искусстве пещеры и обширных территорий Евразии.

Оценка трактовки изображений мамонтов, их реалистичности или стилизации будет измеряться палеонтологическими критериями, особенностями анатомического строения этих вымерших животных. Сопоставление реконструируе-

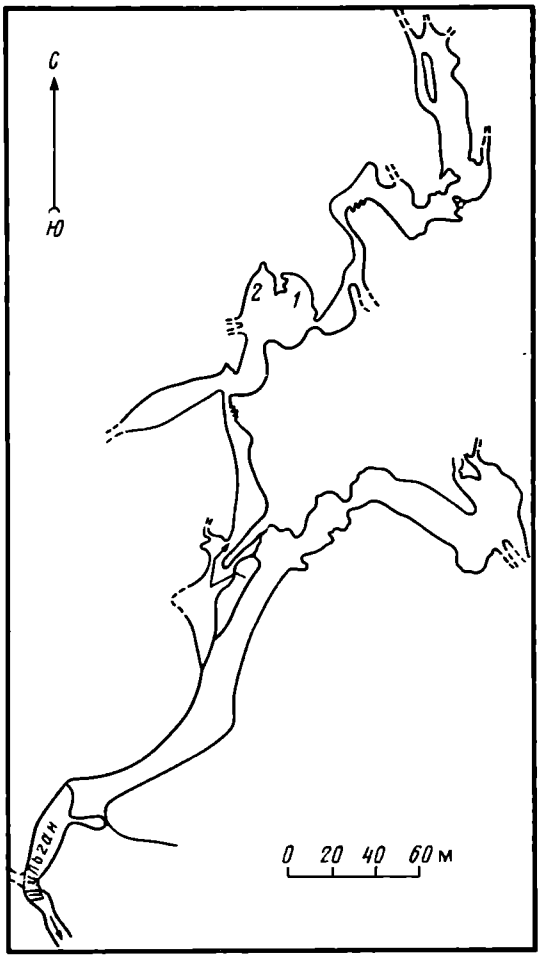


Рис. 3. Каповая пещера. План: 1 — восточное панно; 2 — западное панно (по О. Н. Бадеру, 1965)

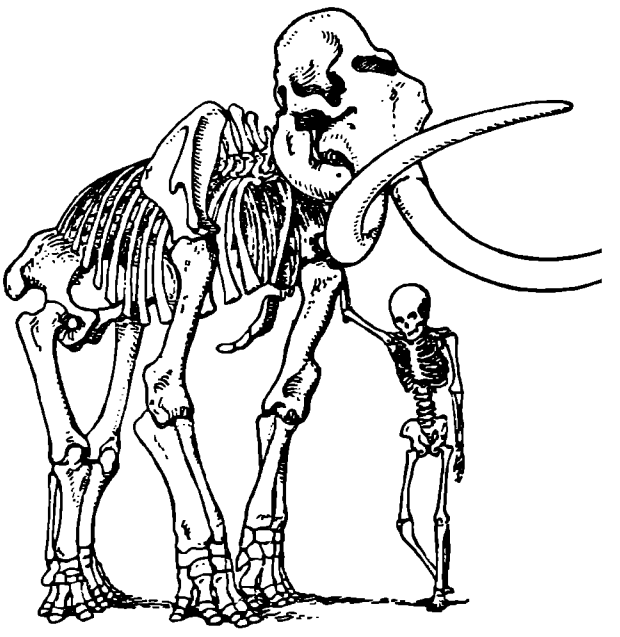


Рис. 4. Скелет мамонта (Быстров, 1957)

мого палеонтологами внешнего облика мамонтов с их палеолитическими изображениями позволит, как кажется, говорить об остроте наблюдений и правдивости визуальной памяти древнего человека, о его способности «схватывать» наиболее характерные признаки объекта и создавать его обобщенную модель. Предлагаемый методический подход сделает, по-видимому, допустимой возрастную и половую атрибуцию некоторых изображений и в будущем по мере накопления изобразительного материала (по Восточной Европе и Сибири его пока недостаточно) и совершенствования систематики мамонтов, возможность (?) прослеживания вариабельности этих изображений, обусловленной географической обособленностью различных популяций этих животных [2]. Последнее потребует, конечно, более специальных междисциплинарных исследований.

Реконструкции внешнего облика мамонтов [24, с. 138—140; 25; 26, с. 100—107; 27, с. 20—41; 28, рис. 64; 29, с. 19—25], опирающиеся на значительное количество найденных в Сибири их костей и трупов (рис. 1) и смонтированные скелеты этих животных [30, с. 17; 31], представляются достаточно значимыми для выполнения поставленной задачи (рис. 4, 5).

Абсолютное большинство изображений мамонта в палеолитическом искусстве представлено в профиль, сбоку — в положении, наиболее характерном, информативном и технически, по всей видимости, легче воспроизводимом. Про-

[2] Некоторые различия популяционного уровня палеонтологи отмечают уже сейчас: у побережья Полярного бассейна обитала низкорослая популяция мамонтов, на Русской равнине и в Приангарье — более крупная [23, с. 225—227].

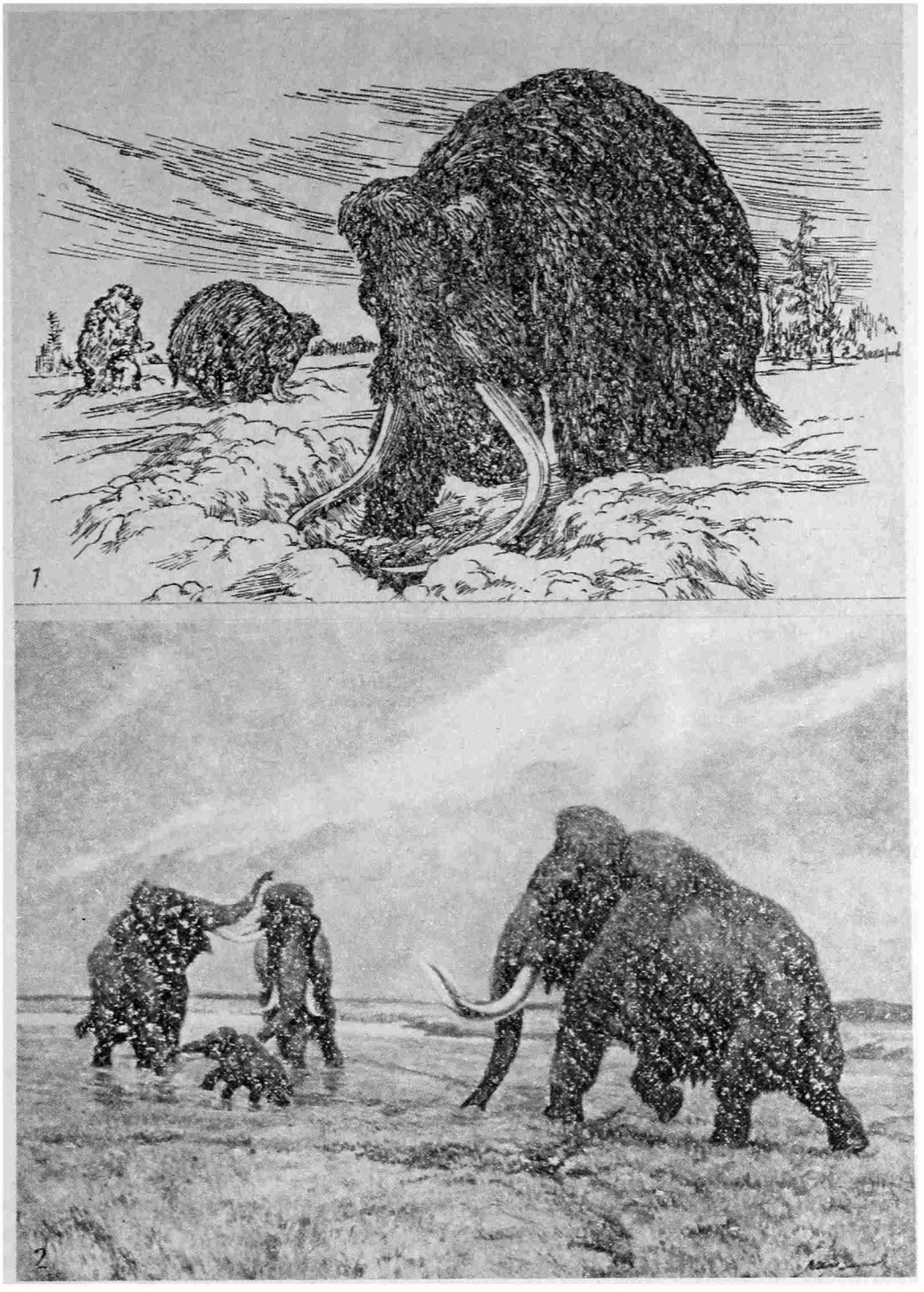


Рис. 5. Реконструкции мамонтов: *1* — рисунок Е. Я. Захарова, выполненный под руководством В. Е. Гарутт (1960); *2* — по К. К. Флерову (1952)

фильному абрису животного будет уделяться поэтому особое внимание, что позволит, очевидно, лучше понять любые отступления от этого положения: свидетельства обобщенных, ракурсных и иных изображений.

Одним из наиболее существенных показателей внешнего облика мамонта является изображение его головы. Череп мамонта в отличие от черепа современных слонов укорочен (в поперечнике) и более высок за счет сильного развития мозгового отдела и альвеол, несущих сильно развитые мощные бивни (рис. 6, *14*). Наряду с этим уплощенность и некоторая вогнутость лобного отдела черепа делает его «макушку» суженной, заострённой. Последнее наблюдается, однако, только при рассмотрении мамонта сбоку (рис. 6, *14*). Известная уплощенность

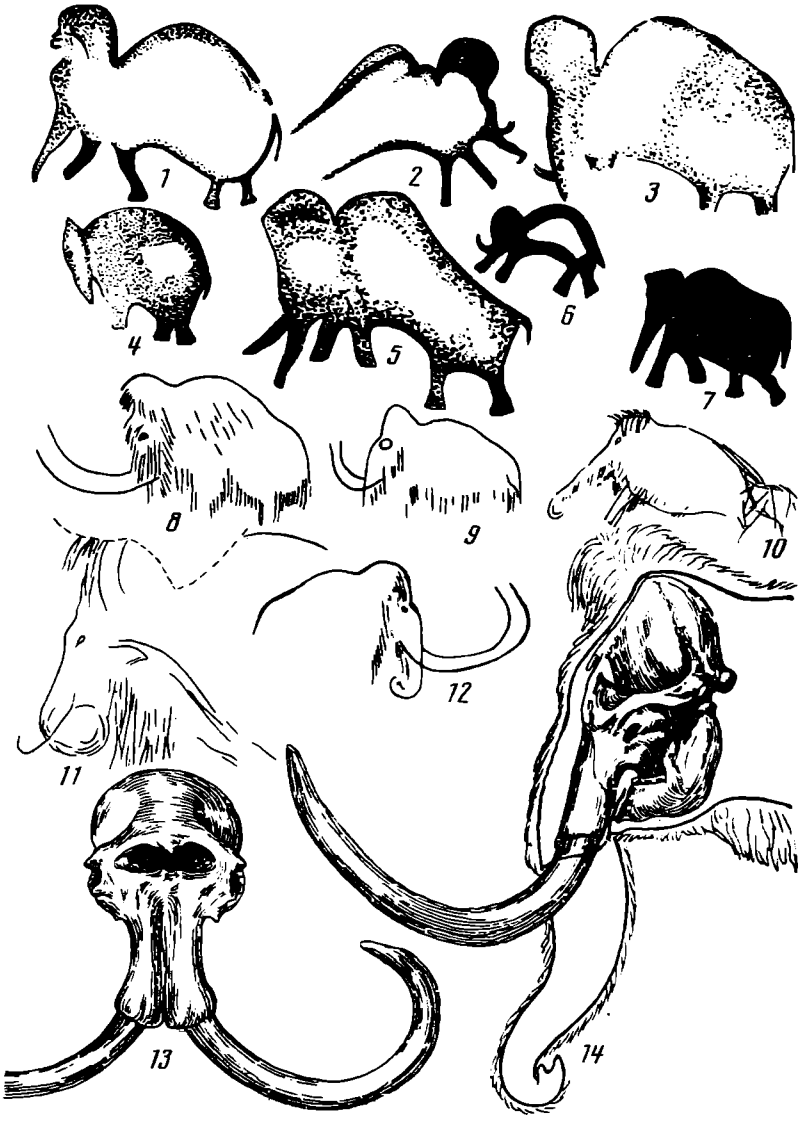


Рис. 6. *1—12* — изображения мамонтов: *1—7* — на восточном (*1—4*) и западном (*5—7*) панно зала Рисунков Каповой пещеры; *8, 9, 12* — из пещеры Руфиньяк (соответственно мамонты «Патриарх», «Отшельник» и «Мамонт Открытия»; Nougier, 1958); *10, 11* — из стоянки Гоннерсдорф; (Bosinski, 1979); *13* — череп мамонта (В. Е. Гарутт, 1960); *14* — реконструкция головы мамонта с п-ова Таймыр (Н. В. Гарутт, 1987) (масштаб разный)

лобного отдела черепа и определенная заостренность его «макушки» хорошо видны на профилях скульптурных и графических реконструкций мамонта [24, с. 140, рис. 2; 26, с. 103, рис. 3]. Эти морфологические особенности черепа отчетливы и на фотоснимках [32, с. 157, рис. 5, *2*; 33; 34] Подобную форму вершины черепа фиксируют и некоторые палеолитические изображения этого животного из Костенок 1 [35, с. 386, 387, рис. 171, 173, 174; 36, табл. XIV, *2*], Елисеевичей [37, с. 4—7, рис. 1], Пржедмости [38, с. 275, рис. 1], пещер Ла Мадлен [39, табл. XXVIII], Пэр-нон-Пэр [40, с. 325, рис. 383], Руфиньяк [41, с. 58] и др. (рис. 6, *9*; 7, *4, 6*; 8, *11, 14*; 9, *1*). При виде спереди череп выглядит совсем по-иному: вершина его «... имеет очертания полуокружности или полуовала» [32, с. 158, рис. 6, *2*; 33, с. 119] (рис. 6, *13*), слегка расширяющегося кверху наподобие епископской митры. Хобот мамонта был более толстым и массивным, чем у современных слонов [28; 34, с. 40]

Чрезвычайно характерной и наиболее ярко запечатленной палеолитическими художниками особенностью силуэта мамонта, неизменно используемой, в частности, при редуцированных изображениях (рис. 8, *1—10*), является абрис перед-

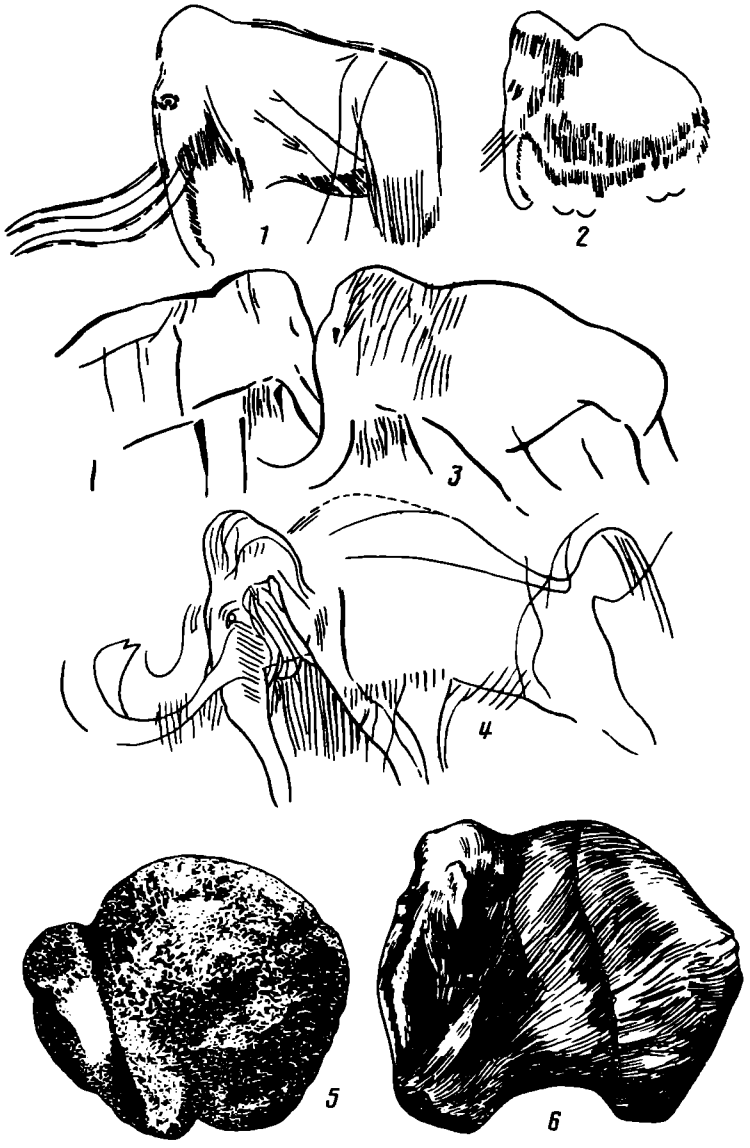


Рис. 7. Изображения мамонтов из: *1* — Бернифаль (Breuil, 1974) *2* — Фон-де-Гом (Capitan et al., 1910); *3* — Ложери От (Leroi-Gourhan, 1971); *4* — Ла Мадлен (Lartet, 1875); *5* — Авдеево (Гвоздовер, 1952); *6* — Пржедмости (Maska et al., 1912) (масштаб разный)

ней и верхней части его фигуры, т. е. линия, очерчивающая хобот, голову, шею и спину животного. На отрезке хобот — лоб существенны два изгиба этой линии: первый при переходе от плоского лба к основанию хобота, в месте выступающего отростка носовых костей (надглазье); второй в месте выхода бивней из альвеол. Первый отмечается почти на всех изображениях мамонта. Второй, фиксирующий начало подвижной части хобота за пределами внешнего края альвеол, встречается гораздо реже. Он проступает в тех случаях, когда хобот как бы «прижат» к ногам животного. Оба изгиба, например, превосходно выражены на «компактных» статуэтках мамонта из Пржедмости в Чехословакии [38, рис. 1] и Авдеево на Русской равнине [42, с. 211—215] (рис. 7, *5, 6*).

Мамонты, как и остальные слоны, держат голову таким образом, что лобная плоскость располагается почти вертикально [30, с. 20], но в отличие от слонов мамонты обладают большими, спирально изогнутыми и длинными (до 3—3,5—4 м) бивнями, значительно утяжеляющими голову (вес бивней старых самцов достигает 200—300 кг) [27, с. 28; 32, с. 158] (рис. 4, 5). Хорошо выражены бивни такого рода на изображениях мамонта в пещерах Фон-де-Гом, Руфиньяк,

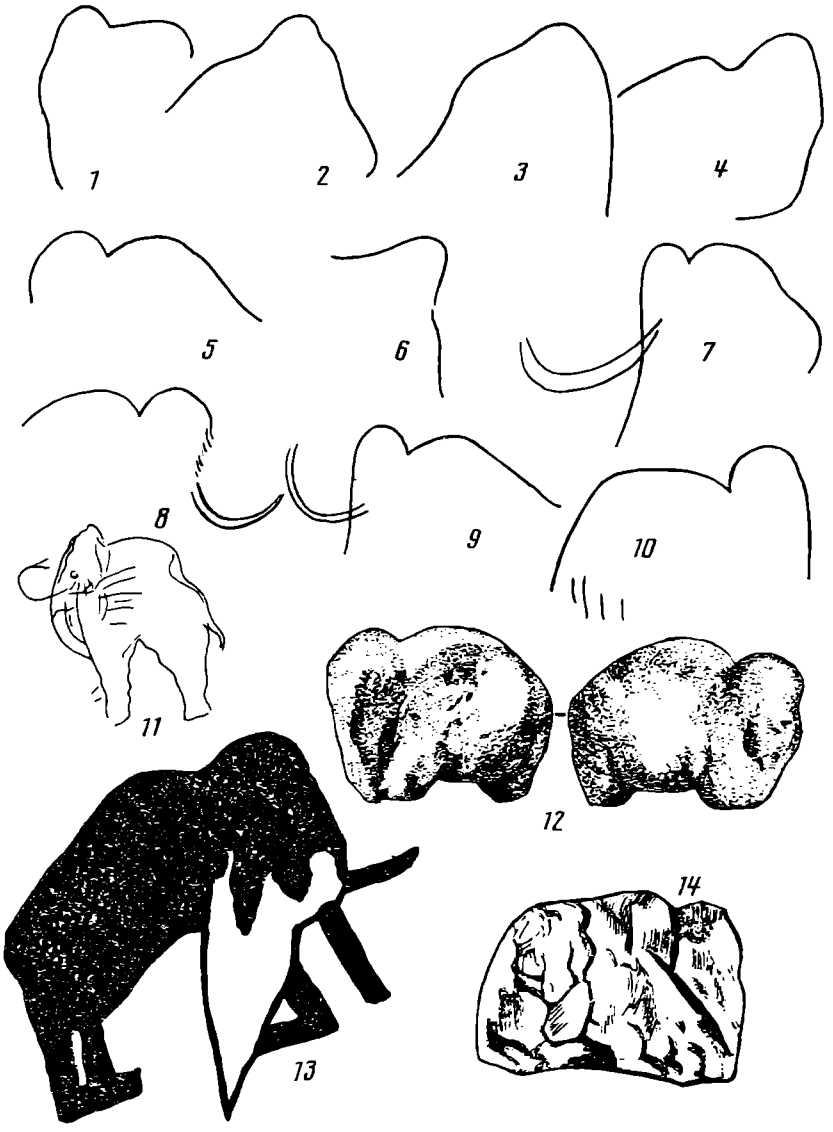


Рис. 8. Редуцированные изображения мамонтов из пещер: *1* — Шабо (Combier et al., 1959); *2—4* — Пеш Мерль (Delluc, 1983); *5, 7—10* — Фон-де-Гом (Capitan et al., 1910); *6* — Ла Мартин (Delluc, 1983). Рисунки из пещер: *11* — Пэр-нон-Пэр (Breuil, 1974); *13* — Игнатиевской на Урале (Васильевский, Дроздов, 1983). Фигурки со стоянок: *12* — Авдеево (Гвоздовер, 1983); *14* — Елисеевичи (Грехова, 1980) (масштаб разный)

Бернифаль и др. [40, рис. 39—40, 328, 332, 333; 41, с. 32, 35, 39, 43, 54; 43, рис. 101—109; 44, рис. 536, 537; 45, рис. 5, 8, 26; 46, табл. 11, 14, 21, 22, 37, 44; 47, с. 39; 48, рис. 465, 466, 693] (рис. 6, *8, 9*; 7, *1*; 8, *8, 9*; 10, *4, 8*).

Крупная тяжелая голова и мощные бивни обусловили большие нагрузки на шейный и грудной отдел позвоночника, следствием чего явилось укорочение шеи животного и увеличение остистых отростков грудных позвонков. В силуэте мамонта шея выражена лишь резкой и глубокой седловидной впадиной, отделяющей голову от горбатой в своей передней части спины (холки). От высокой холки спина круто спускалась вниз по направлению к крестцу [28; 32, с. 158—160; 49, с. 49—50] (рис. 4, 5, *2*).

Необычный облик этого северного слона помимо своеобразия головы, бивней, шеи, холки и некоторых других морфологических особенностей дополняла его «теплая одежда»: «... с лопаток, боков, брюха свисали почти до земли жесткие остевые волосы подвеса — своеобразной „юбки“ метровой длины и более. Под кроющими волосами ости скрывался теплый подшерсток длиною до 15 см На холке и хвосте... были также космы волос. Жесткие ... волосы на лбу росли

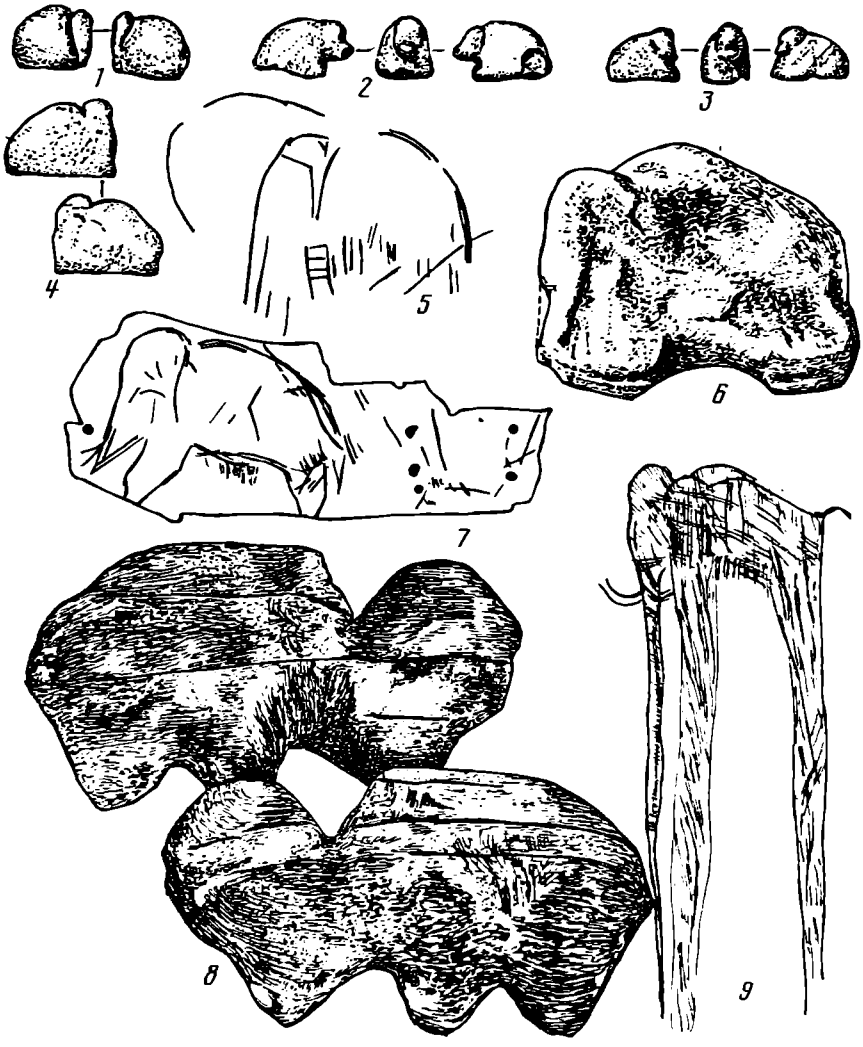


Рис. 9. Изображения мамонтов со стоянок: *1, 4, 6* — Костенки 1 (Ефименко, 1958; Праслов, 1986); *2, 3* — Костенки 11 (Рогачев, 1962); *5* — Костенки 21 (Праслов, 1985), *7* — Мальта (Герасимов, 1931); *8* — Усть-Кова (Васильевский, Дроздов, 1983, 1988); *9* — Берелёх (Бадер, 1972, 1975) (масштаб разный)

наклонно вперед» [27, с. 26, 27] Длинный волосяной покров, свисающий с боков и брюха животного, хорошо передан на изображениях мамонта из пещер Фон-де-Гом, Бернифаль, Комбарель, Пеш Мерль, Руфиньяк и др. (рис. 6, *8*; 7, *2*; 10, *4, 8, 9*). На выразительной фигуре старого мамонта, известного под именем «Патриарх» из галереи Арни Брейля в пещере Руфиньяк, помимо длинной «шерстяной юбки», указана шерсть на голове и хоботе, при этом падающая на лоб челка определенно скрадывает уплощенность лобного отдела и заостренность вершины головы [46, с. 21] (рис. 6, *8*) Падающие на плоский лоб челки хорошо подчеркнуты и на некоторых гравированных рисунках мамонта из Гоннерсдорфа [50, рис. 11, 14] (рис. 6, *10, 11*). Эта деталь чрезвычайно важна как объяснение округлой за счет прилегающей ко лбу челки верхушки головы, наблюдаемой на большинстве изображенных в профиль рисунков этого животного. Некоторые исследователи поэтому явно заблуждаются, считая выпуклый череп (la crâne bombé) — при рассмотрении его сбоку — одной из самых характерных черт Elephas primigenius [51, с. 570, рис. 11]

Ноги мамонта относительно короткие и имеют столбообразную форму; они обладают почти одинаковой толщиной по всей длине и у спокойно стоящего животного не образуют видимых углов [28] Диаметр ступни достигал 35—50 см (у годовалого животного — 13—15 см) [27, с. 101] Хвост короче, чем у совре-

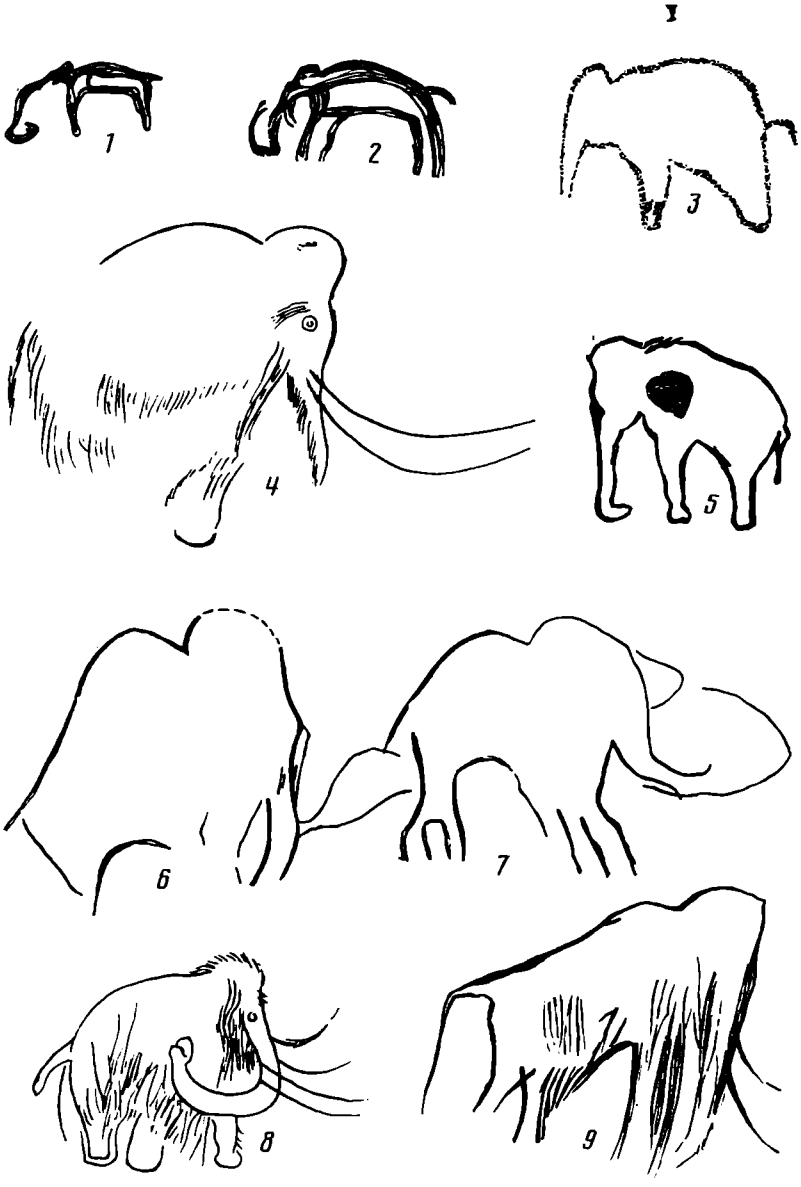


Рис. 10. Изображения мамонтов из пещер: *1, 2* — Ла Бом-Латрон (Breuil, 1974); *3* — Кастильо (Breuil, 1974); *4* — Бернифаль (Breuil, 1974); *5* — Пиндаль (Breuil, 1974); *6, 7* — Шабо (Combier et al., 1959); *8* — Комбарель (Capitan et Breuil, 1902); *9* — Пеш-Мерль (Breuil, 1974) (масштаб разный)

менных слонов. Рост доходил до 3—3,5 м в холке. В отличие от остальных слонов мамонт обладал относительно длинным туловищем за счет укороченных конечностей [32, с. 153] Размеры скелета крупного мамонта из Сибири: высота — 3,2 м, длина без бивней — 2,7 м.

Размеры и другие морфологические признаки животных находятся в зависимости от их биологического возраста и пола. Более короткое, как бы шарообразное туловище и относительно более длинные ноги имеют детеныши. Мамонтята рождались мохнатыми с крохотными (3—4 см) молочными бивнями. В годовалом возрасте молочные бивни вытеснялись постоянными, которые понемногу росли и с возрастом постепенно закручивались по спирали. Бивни мамонтов-самок были, как правило, тоньше, прямее. Самцы имели более тяжелую и массивную голову и более резко выраженный изгиб на профильной линии от лба к основанию хобота [26, с. 101; 27, с. 27—29; 28; с. 101; 29; 32, с. 153, 154]

Таковы краткие сведения о внешнем облике мамонтов, накопленные отече-

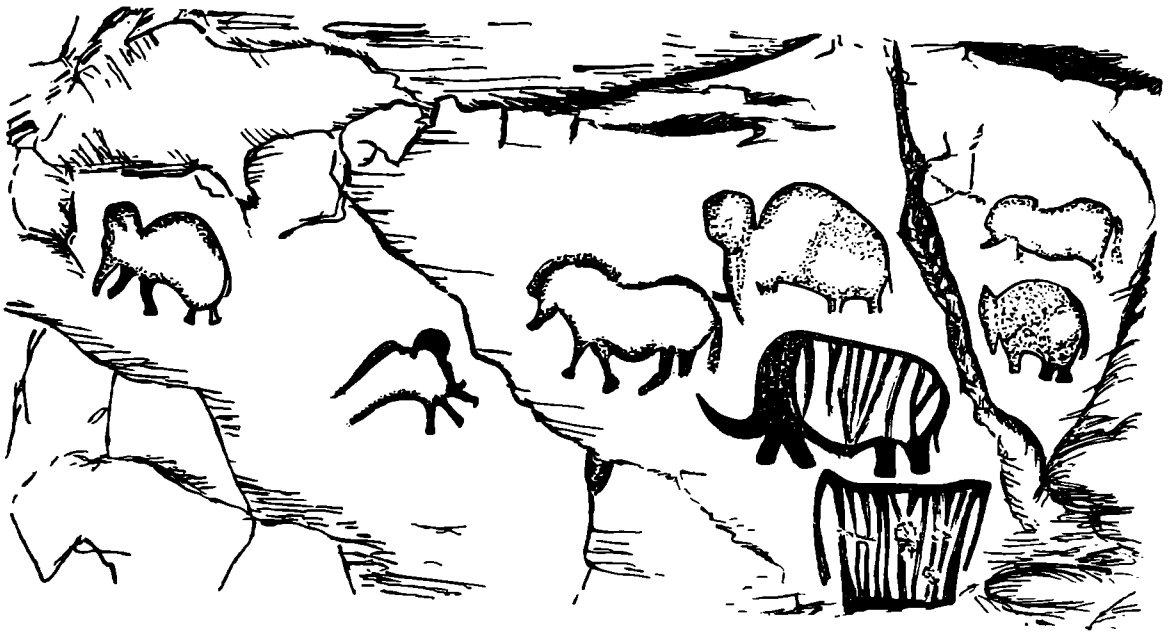


Рис. 11. Каповая пещера, зал Рисунков. Восточное панно: слева — первый и второй мамонты; в центре — лошадь Рюмина, третий мамонт, носорог и геометрическое изображение; справа — лошадь и четвертый мамонт (уменьшено примерно в 30 раз)

ственной наукой на основании изучения остатков этих животных из зоны вечной мерзлоты Сибири. Данные материалы, как представляется, позволят правильнее оценить рисунки этих животных на стенах Каповой пещеры.

Восточное панно (четыре мамонта, две лошади, один носорог, одна геометрическая фигура). Большой ровный участок стены обрамлен со всех сторон природными гранями — уступами и трещинами — и заполнен живописными изображениями (рис. 11) Размеры обрамленного участка около 23 м^2: поперечник (расстояние от пола до продольного выступа) — 3,5, длина — 6,5 м. Для росписей использовано немногим более $^3/_4$ этого пространства (5, 6 м — в длину, 2,85 м — в высоту)

Трещина, рассекающая по диагонали большую часть скального полотна, и вертикальный эрозионный желоб, отчленяющий его крайнюю правую часть, разбивает весь комплекс изображений на три изолированных участка: левый, имеющий очертания неправильного параллелограмма, центральный — подтреугольный и правый — в виде вытянутого вверх тесного прямоугольника. Древний художник искусно использовал возможности наиболее ровного и просторного центрального участка, насытив его наиболее крупными изображениями лошади, мамонта, носорога и геометрической фигуры. Весьма плотно заполнен и узкий (до 1 м в поперечнике) правый сектор, в котором одна над другой помещены две небольшие и как бы стиснутые с боков фигурки животных — лошади и мамонта. Что же касается довольно значительного левого сектора, где нарисованы самые выразительные на этом панно мамонты, то из-за сильной трещиноватости большей части наличной площади художник отобрал здесь только два обособленных пригодных участка.

Поверхность стены с рисунками выглядит очень древней, не испытавшей после их нанесения каких-либо заметных механических (шелушение) или химических (коррозия) воздействий. Если те и другие и имели место, то в более раннее время, ибо в нескольких случаях рисунки перекрывали как места выломов плиток известняка, так и древние слабо выступавшие натеки и корродированные участки. Помимо этих неровностей скала усеяна множеством мелких морщинок, трещинок, изломов, и мастеру приходилось иногда — это совершенно очевидно на участке с изображением четвертого мамонта — с усилием втирать краску в ноздреватую корродированную поверхность стены.

Дефекты рельефа скального «полотна» художник преодолевал либо предварительно удаляя некоторые естественные выступы на участках нанесения краски; либо приспосабливая естественные неровности для изображения или подчеркивания отдельных элементов тела животных: линия горба первого мамонта приурочена к дугообразному вылому; левая передняя нога лошади Рюмина (названа по имени первооткрывателя живописи в пещере) наведена по выступающему кальцитовому натеку, глаз четвертого мамонта обозначен небольшим выступом скалы [3] Подготовительная искусственная обработка скалы, по наблюдениям В. Е. Щелинского, отмечена четырежды: 1) в области головы, хобота и передней ноги первого мамонта предварительно был удален — сбит и соскоблен грубым абразивом — натечный кальцит на площади 20×35 см; 2) на участке бивней и хобота второго мамонта сбита небольшая (3×8 см) неровность скалы; 3) на отдельных участках таза третьего мамонта видны следы удаления (мелкие сколы и пикетаж) выступавшего кальцитового натека, общая площадь обработки 25×30 см; 4) в области гривы лошади Рюмина — следы пакетажа и сбивания неровностей скалы. Обработанный участок (25×30 см) здесь шире красочного контура.

Скальное полотно восточного панно в целом желтовато-коричневого цвета. Если допустить, что первоначально стенопись панно была такой же насыщенной, как и хорошо сохранившиеся под натеком вишнево-красные изображения лошадей на первом этаже пещеры, то сочетания желтоватого цвета скалы и красных рисунков в свое время придавало панно теплый яркий колорит и большую эмоциональную выразительность. «Согласно Гёте, желто-красный цвет производит невероятный шок и буквально рвется в органы зрения... Кандинский считает, что желто-красный цвет вызывает чувство силы, энергии, честолюбия, решительности, веселья, триумфа... При восприятии красно-желтого цвета мы чувствуем потребность в дальнейшей активности...» [54, с. 324]. Диагональное расположение основной трещины и изображений двух мамонтов придает панно дополнительную экспрессию. И когда А. П. Окладников [53, с. 101] пишет об ощущении декоративной целостности, которую посетитель выносит из Каповой пещеры, он, по всей видимости, имеет в виду прежде всего восточное панно. Пространственная обособленность этого и других панно, расположение их в замкнутом объеме пещерной полости, в «таинственном неземном» окружении, оправдывает, на наш взгляд, сравнение палеолитических рисунков в пещерах с фресками в храмах-святилищах [55, с. 44—45; 56, с. 79].

Рисунки наносились, видимо, на сырую поверхность известняковой скалы, что при высыхании способствовало закреплению и долговечности низов красочного слоя. Большая же часть этого слоя со временем смывалась, образовывая розоватые потеки, покрывавшие незакрашенные части фигур животных (так, на рисунках лошадей в первом этаже пещеры, сохранившихся под кальцитовым натеком, слой краски местами достигал 3 мм [57, с. 28]). Рисунки были в основном контурными. В результате размыва контурные линии местами стали блеклыми, размазанными, но большей частью они все же прослеживаются в виде широких лент. Ленты эти расширяются, как правило, на темени, холке и брюхе животных, подчеркивая, возможно, космы волос их челок, грив и подбрюший. Хобот, хвост и конечности мамонтов большей частью закрашивались полностью.

Степень размыва в пределах обширного восточного панно различна: лучше других сохранились изображения носорога, геометрической фигуры и второго мамонта, хуже — фигуры первого мамонта и лошади Рюмина и совсем плохо — фигуры второй лошади, третьего и четвертого мамонтов. В целом же время

---

[3] Случаи использования подходящих неровностей скалы или кальцитовых натеков для изображения или подчеркивания отдельных частей тела или целых фигур животных известны и в ряде пещер Франко-Кантабрии (Фон-де-Гом, Пеш-Мерль, Альтамира, Кастильо, Ковалянас и др.) [52, с. 38, 39; 53, с. 38, 39] В некоторых случаях художник лишь «мастерски заканчивал работу, начатую самой природой» [53, с. 39].

пощадило росписи восточного панно, и они, будучи неприкрытыми натечным панцирем, дошли до нас в удовлетворительном состоянии. За тысячелетия, прошедшие со времени создания рисунков, на поверхности изображений возникли лишь минимальные новообразования: «белые корочки в трещинах» левой части панно и «известняковые натеки в виде выпуклых полушарий»; те и другие «не имеют на своей поверхности ни малейших следов краски» [8, с. 131].

Нанесение красочного раствора на скалу производилось, вероятнее всего, широкой примитивной кистью (скрепленный в основании пучок шерсти?), причем, как кажется, изображение исполнялось сразу в один прием, без заметных поправок; предварительные гравированные наброски (эскизы), о которых писал А. В. Рюмин [6], не прослежены ни в одном случае. Создание целостного и правильного контурного рисунка животного, визуальное контролирование абриса при непрерывном движении руки требовало, разумеется, огромного запаса образов, совершенного чувства формы, большой моторной практики и художественгой одаренности.

Все росписи в пределах зала Рисунков выполнены красной краской. «Химический анализ образцов краски сделанный химической лабораторией Государственной центральной художественно-реставрационной мастерской им. И. Э. Грабаря, показал, что краска состоит из красной земли (охры) со следами животного клея» [9, с. 18]. Красочный раствор содержался в специальных сосудах, один из которых, каменный (серпентин), был обнаружен в расселине стены первого этажа пещеры, второй, глиняный, со следами краски, как отмечалось,— в культурном слое.

Все плоскости, на которые в пещере нанесены основные росписи, имеют наклон в сторону художника. Нависание стен, видимо, представляло двоякое удобство: мастер мог выше дотянуться; красочный раствор лучше скапывал вниз, не давая досадных потеков.

Фигуры животных на всех панно пещеры (за исключением второго мамонта на восточном панно) обращены головой влево, как бы уходящими от охотников [4]. Все они изображены в профиль, но отдельные профильные изображения, как представляется, даны в небольшом ракурсе, другие — с условно повернутым (фронтальным) положением головы. Величина рисунков мамонтов сравнительно небольшая: длина самого крупного (пятого) достигает 103, высота — 75 см, наименьшего (седьмого) — соответственно 52 и 49 см, что хорошо укладывается в пределы поля, названного французскими исследователями полем человеческих рук (champ manuel) [58, с. 70, рис. 40, 51].

Рисунки четырех мамонтов, изображенных на восточном панно, отличаются размерами, пропорциями, манерой исполнения. Художник (или художники) писал каждую фигуру скорее всего отдельно, не согласовывая взаимные пропорции изображений, их пространственные соотношения. Почти во всех случаях, когда художник старался передать конечности животных, он видел их в движении. Росписи расположены здесь на высоте от 1,3—1,7 до 2,6—2,85 м выше современного пола, что предполагает использование каких-либо специальных конструкций (пристенных лестниц, подмостков?).

Первый мамонт (рис. 6, *1*; 11) [5] Высота фигуры в холке 63 см, длина от надглазья до крестца 75 см, от конца хобота до ступни задней ноги 77 см. Рисунок

---

[4] Такая ориентировка преобладает в первобытном анимализме. «Людям легче рисовать животных, повернутых влево» [56, с. 96] вследствие, видимо, «доминирования левого полушария коры головного мозга» [54, с. 41]

[5] Этот и другие рисунки мамонтов Каповой воспроизведены Н. В. Гарутт по спроецированным на экран многочисленным цветным слайдам, представляющим как отдельные фигуры животных, так и важные детали их абрисов. Размытые или плохо окрашенные места обозначены при этом пунктиром. Рисунки эти, на наш взгляд, точнее опубликованных ранее [11] О. Н. Бадером полевых зарисовок художника К. Н. Никохристо. Автор сердечно благодарит Н. В. Гарутт за подготовку этих рисунков и других иллюстраций и выражает глубокую признательность В. Е. Гарутт и Н. В. Гарутт за ценные указания, советы и внимание к данной работе.

нанесен на участок стены, рассеченный несколькими узкими, заполненными белоснежным кальцитом трещинами, которые ярко выделяются на темно-коричневатом фоне скалы наподобие инкрустации. На протяжении 3—5 см от этих кальцитовых «вставок» стена стала темнее за счет, возможно, большего увлажнения в период выделения кальцита. Кальцит ли, влага ли здесь причиной, но в тех местах, где трещины пересекали красочный абрис изображения, краска была «съедена» или размыта. Таковы нижняя часть лба, отчасти холка и спина близ крестца и левая задняя нога. Есть размытые или расплывчатые участки и вне кальцитовых врезов: очень неясны темя, конец хобота, промежуток между передними ногами. Но на части фигуры широкая красная лента обвода видна отчетливо. Особенно хорошо она обозначает заднюю часть туловища, расширенную область хобота, затылочную часть головы.

Голова имеет форму асимметричной митры. На ней при внимательном рассмотрении можно видеть несколько падающих с макушки изогнутых линий, изображающих, по всей видимости, свисающие космы волос. Каждая из этих линий явно нанесена отдельным мазком — ударом кисти. Нижняя часть лба «съедена» кальцитовой инкрустацией, но выпуклое надглазье весьма отчетливо. Хобот, толстый в своем основании, книзу становится тонким, изогнутым и к концу почти неразличимым. Бивни не обозначены.

Голову и горбатую холку, наведенную по естественному вылому в скале, разделяет глубокая четкая седловидная впадина. К крестцу спина резко оседает. Хвост различим. Тумбообразные ноги сохранились в неодинаковой степени, две из них закрашены полностью, третья (задняя правая) наведена контуром. Ступни у трех ног расширены. Фигура весьма динамична — животное шагает и идет вверх: правая передняя нога выставлена вперед, две ноги полусогнуты (у стоящего мамонта ноги прямые); передние ноги заметно выше задних; осевший зад и скошенная назад линия брюха свидетельствуют о подъеме вверх.

В нескольких публикациях констатируется особая близость изображения этого мамонта с гравированной фигуркой мамонта из Мальты в Сибири [7, с. 319; 8, с. 20, 21, рис. 7; 10, с. 132]. Эта параллель не может быть принята, так как линия «хобот — голова — шея — спина», трактовка ног и очертания хобота на этих изображениях различны. Не может быть принято и сравнение его с рисунком мамонта из пещеры Комбарелль [53, с. 57] — тот имеет длинные и изогнутые хобот и бивни, прямые ноги, длинные волосы в подбрюшье (ср. рис. 6, *1*; 9, *7*; 10, *8*) [80].

Второй мамонт (рис. 6, *2*; 11). Максимальная высота от темени (которое здесь возвышается над холкой) до подошвы передней (прямой) ноги 60 см, длина от конца хобота до различимой части зада 78 см. Художник выбрал для него небольшой гладкий участок левого сектора панно, близ диагональной трещины. В лучшей, ровной части этого участка аккуратно, с надлежащими деталями воспроизведена передняя часть животного. Задняя же часть вытянутого в движении туловища пришлась на окраину трещиноватого инкрустированного поля. Именно это допускает мысль о том, что отсутствие крайней задней части туловища и едва угадываемое обозначение задних конечностей объясняются не незавершенностью рисунка, а пагубным влиянием инкрустированных трещин.

Фигура этого мамонта необычна. Крупная, высокая, в форме превосходной митры голова господствует в изображении, располагаясь заметно выше хорошо выраженной горбатой спины. Горб отделяет от головы не глубокий, как обычно, врез, а широкий просвет, заполненный выпуклой «шейной складкой». Сам же спинной горб раздваивается: нижняя его часть, обозначенная, как и «шейная складка», жирной линией, переходит в прямую, падающую к крестцу линию спины; верхняя возвышается в виде широкого слабо окрашенного выступа, примыкающего к ровной линии спины. Странная «шейная складка» и два разноокрашенных и как бы наложенных один на другой горба вызывают мысль о возможности наличия здесь двух разновременных и почти полностью перекрывших друг друга изображений мамонта. Неумелая реставрация (?) более

раннего рисунка явилась причиной искаженного, карикатурного облика всего изображения в целом.

Лобный отдел головы, хобот, бивни переданы более реалистично. Надглазье выражено весьма резким уступом [6] Хобот изогнутый, приподнятый, самый выразительный из всех изображенных на рисунках мамонтов Каповой пещеры.

Пропорции фигуры (удлиненность и суженность к задней части), выброшенные вперед ноги, наклоненная голова и кажущаяся согнутость плохо видимых задних конечностей позволяют видеть здесь изображение бегущего, и, судя по длинным ногам и коротким, слабо изогнутым бивням, молодого зверя.

Передняя часть изображения частично закрашена: «митра», хобот и передние ноги покрыты краской полностью. В основании «митры» окраска ограничена выпуклой кверху дугой, что сообщает голове некоторую моделировку, объемность. В этом можно видеть попытку передать глубину пространства, зачатки перспективного видения в изображении отдельного объекта.

Третий мамонт (рис. 6, *3*). Самый крупный на восточном панно: высота в холке приблизительно 73 см, длина от надглазья до хвоста 95 см. Поверхность скалы, на которой он изображен, имеет мелкие неровности, местами коррозионную ноздреватость или продольные трещинки со слабыми кальцитовыми выцветами. Красочный абрис животного пострадал главным образом от текших по скале водных потоков, следы которых видны во многих местах; наиболее разрушительными были два, прослеживаемые в виде широких белесых полос: первый, более крупный, смывший краску с примыкающей к седловине части горба в верхней части фигуры и с передних конечностей и части контура брюха в нижней; второй — размывший контур спины между холкой и крестцом. В настоящее время различимы в разной степени голова, свисающий вниз хобот, бивни, часть горба (прерывисто), круп с хвостом, задние конечности и примыкающая к ним часть брюха.

Особенностью данной фигуры, как кажется, является показ животного в двух направлениях — частично сбоку, частично спереди: корпус изображен в профиль, голова — в фас, т. е. фронтально, в условно повернутом положении. Очертания головы симметрично-округлые, слегка приплюснутые с боков; профильная линия лицевой части ее отличается от таковой на остальных рисунках: отсутствует характерное выпуклое надглазье, но резко выражен переход к межчелюстным костям (см. череп на рис. 6, *13*). Очень низкое и не совсем понятное положение бивней объясняется, возможно, желанием показать их при ракурсе опущенной головы. Отметим, наконец, тумбообразные короткие задние конечности, имеющие 9—10 см в поперечнике, и некоторую закрашенность средней части туловища.

Четвертый мамонт (рис. 6, *4*). Изображение его сильно размыто и имеет тускло-розовый цвет. Отличается своими размерами, пропорциями и очертаниями. Небольшие размеры (высота в холке около 60 см, длина от надглазья до хвоста 56 см), своеобразные «сжатые» (высота превышает длину) пропорции и очень широкое, массивное и короткое туловище объясняются параметрами выбранной для него поверхности — узкая вертикальная полоска стены справа от эрозионного желоба. Участок неблагоприятен и в том отношении, что скала здесь изъедена коррозией и имеет несколько мелких трещин.

Художник, как кажется, плохо рассчитал соотношеие различных частей тела животного, и голова, которая рисовалась, очевидно, в последнюю очередь, втискиваемая в оставшийся между желобом и туловищем просвет, получилась сплюснутой, с особо острым теменем. Голову отделяет от спины отчетливый седловидный врез. Спина обозначена широкой дугой, на которой не подчеркнута

[6] Столь крутой уступ в этом месте имеется на некоторых рисунках мамонтов из пещер Фонде-Гом и Руфиньяк. Особенно характерна в этом отношении фигура мамонта «Отшельник» (Solitaire) на Большом фризе в пещере Руфиньяк [41, с. 35] (рис. 6, *12*).

Рис. 12. Каповая пещера, зал Рисунков. Западное панно: слева направо — пятый, шестой и седьмой мамонты (левее пятого, вне рисунка, имеется еще изображение быка). Уменьшено примерно в 20 раз

холка. Задние тумбообразные конечности, различимые лучше передних, имеют в стопе 7—8 см. Хвост смутно угадывается.

Западное панно (три мамонта, один бык) (рис. 12). Размеры стены с рисунками здесь больше, чем на восточном панно, и она не имеет естественных рамок, но длина полосы с росписями такая же — 5,6 м. Расстояние от глиняного пола до нижнего края полосы 1,5 — 1,9 м, до верхнего — 2,25 — 2,4 м.

Суженный отвершек зала Рисунков, в котором находится это панно, испытал в свое время сильное воздействие различных карстовых процессов: светлая поверхность стены здесь сильно подвержена эрозии и покрыта множеством блюдцевидных, частично надвинутых друг на друга наподобие чешуи углублений; намытый водой высокий шлейф глинистого материала (нерастворимый остаток глинистого компонента известняка) частично заполняет отвершек и резко повышает уровень его пола над полом зала. К стене с росписями поверхность шлейфа наклонена таким образом, что, стоя на ней, можно дотянуться до самых верхних рисунков панно (что удостоверено глинистыми мазками пальцев туристов). Это предполагает, что древний художник не нуждался здесь ни в каких дополнительных подставках.

Мелкие малозаметные трещины и выпуклые прожилки на стене не могли служить препятствием для росписей. Известные затруднения представляли, однако, блюдцевидные углубления, приподнятые края которых, смыкаясь, образовывали сеть округлых выступов. В ряде случаев, на наш вгляд, художник приурочивал к этим выступам подходящие отрезки контуров животных, подчеркивал объемность отдельных частей фигур или, что, при всей осторожности, нельзя полностью исключить, элементы ландшафта местности.

Блюдцевидные западины варьировали по размерам: в нижней части стены их размеры небольшие (10—25 см в поперечнике), в верхней — крупнее. Пятый мамонт нарисован на границе мелких и крупных западин, шестой — в пределах мелких, седьмой — в пределах крупных.

Пятый мамонт (рис. 6, *5;* 12). Самый крупный мамонт в зале Рисунков: высота в холке 75 см, длина от конца бивней до хвоста 103 см. Крупная склоненная голова его обладает своеобразной формой: затылочная часть ее округла, лобная слегка вогнута, теменная прямая; две последние при этом смыкаются под тупым углом. Сходная, но еще более резко выраженная асимметричность очертаний такого рода отмечена у головы седьмого мамонта.

Контурный абрис всей фигуры несколько расплывчат. Надглазье выражено слабо. Слегка извилистый хобот свешивается ниже передних конечностей. Шея обозначена достаточно глубокой выемкой. Короткие бивни трактованы одной прямой линией. Горб (холка) размерами примерно в голову находится на одном уровне с ней. От холки спина резко, с небольшой вогнутостью, спадает к крестцу. Короткий, слегка отставленный хвост слабо различим. Видны все четыре короткие, расширяющиеся к ступням столбообразные ноги и слегка втянутый живот.

Вся фигура — вытянутая, поджарая, динамичная — производит впечатление сильного, взбирающегося по отлогому склону зверя. «Линия склона» очерчена слившимися верхними рельефными краями пяти отчасти перекрывающих друг друга «блюдец». Ноги идущего мамонта упираются в эту «твердь»: верхние на более высоком уровне, нижние — с напряжением — на заметно более низком. Небезынтересны и другие случаи совпадения элементов фигуры и элементов рельефа стены: хобот, плечевая и тазовая кости подчеркнуты вертикальными выступами стыков «блюдец»; линии брюха и промежности между широко расставленными задними ногами следуют по дуговидным краям «блюдец».

Голова и горб закрашены на две трети, причем в основании их окраска ограничена таким же образом, как у второго мамонта, что также придает фигуре некоторую моделировку, глубину.

Шестой мамонт (рис. 6, *6;* 12). Значительно уступает в размерах пятому: высота в холке 49, длина от конца хобота до конца хвоста 58 см. Расположен в 20 см от пятого, на уровне его задних ног. Изображен явно с учетом рельефа стены: линия округлой спины, на которой не выделен горб, очерчена по дуге приподнятого края блюдца; неглубокая седловина шеи совпадает с таковой на границе этого и соседнего блюдец; ноги упираются в возвышенные края других впадин, которые неровно поднимаются в направлении движения животного. Сравнительно небольшая голова имеет форму скорее полуовала, чем митры. Хобот короткий, изогнутый вверх и вперед. Ноги тумбообразные, сравнительно длинные, имеют в стопах толщину 7—8,9—10 см. Хвост короткий.

Голова; хобот, ноги закрашены, туловище обведено необычно широкой линией, поперечник которой на спине достигает 7—7,5 см. Отсутствие бивней, сравнительно длинные конечности, шарообразное туловище и небольшие размеры фигурки допускают видеть в ней изображение детеныша, взбирающегося по откосу вслед за матерью.

Темно-розовый, плохо сохранившийся рисунок этого животного вызывает серьезные разночтения: на копии его, выполненной художником К. Н. Никохристо, на наш взгляд, неправильно обозначены очертания головы, хобот и конечности [11, табл. IX]

Седьмой мамонт (рис. 6, *7; 12).* Единственный в зале Рисунков выполненный в силуэтной манере и самый миниатюрный в пещере: высота в холке 49 см, длина от хобота до хвоста 52 см. Специальный выбор для него весьма ровного участка стены не вызывает сомнений; участок этот ограничен снизу и слева частыми мелкими блюдцами, справа — перегибом скалы. Мелкие продольные трещинки и невысокий продольный выступ, разделяющий отлогие борта двух больших плоских западин, не представляли сколько-нибудь серьезных помех для рисования. Мамонт изображен в наклонном положении и в ракурсе, идущим вверх и удаляющимся, что сделало его фигуру более живой и специфичной. Наклонное положение обнаруживается в скошенной линии живота, в различных уровнях передних и задних ног, плеч и тазового пояса. Ракурс заметен в укороченных, сжатых пропорциях всей фигуры, и в частности головы, в некотором перекрывании головы плечом и в уменьшении в связи с этим шейно-спинного изгиба. Движение выражают обе пары конечностей, расставленных в шаге, причем левая задняя нога приподнята и видна скошенная, слегка выпуклая линия ее ступни (ширина стопы 6,5 — 7 см).

Форма головы, как отмечалось, подобна таковой у пятого мамонта. На лобно-хоботной линии заметны два небольших перегиба, соответствующих надглазью и краю костной обоймы бивней. Хобот напряженно фиксирован параллельно выдвинутой ноге. Бивней нет.

О. Н. Бадер, изучавший рисунки пещеры вплоть до 1978 г., уделял много внимания их особенностям и датировке. «Содержание, стиль и техника рисунков Каповой пещеры,— писал он,— отличаются от французских и североиспанских известным своеобразием. Прежде всего, наша живопись отличается исключительным обилием фигур мамонтов Далее, в пещере совершенно отстуствует техника гравировки, столь распространенная в области Пиренеев и к северу от нее. Мамонты нарисованы со слабо намеченными, кототкими бивнями или вовсе без них» [11, с. 20] Живопись пещеры монохромная, силуэтная, хотя несколько изображений контурные. Так, носорог, четвертый и седьмой мамонты имеют густо окрашенные силуэты, фигуры первого, второго, третьего мамонтов и обеих лошадей выполнены также в виде сплошь закрашенных силуэтов с подчеркиванием контуров более густыми линиями и лишь фигуры быка, пятого и шестого мамонтов на западном панно переданы посредством грубых, частью расплывшихся контуров [8, с. 55; 10, с. 131; 11, с. 18, 20]

Стиль рисунков реалистический. Каждое животное легко узнаваемо по характерным особенностям его фигуры. Все животные изображены в профиль, в позе идущих. «Изображения животных не представляют собой единой сюжетно связанной сцены, а нанесены отдельно, каждый раз самостоятельно, что можно заключить по разномасштабности фигур и различной высоте над полом» [8. с. 20]. «Единственное исключение, возможно, представляют пятый и шестой мамонты, нарисованные рядом и на одном уровне. Вероятно, здесь изображен детеныш, идущий вслед за взрослым мамонтом» [11, с. 18]. «Монохромная силуэтная живопись в пещерах Южной Франции, наиболее близкая нашей, относится к раннему мадлену. Это позволяет предварительно датировать рисунки верхнего этажа Каповой пещеры тем же или более ранним временем, учитывая контурный характер части рисунков» [11, с. 20].

Заключения О. Н. Бадера сохраняют, в общем, свою силу и сегодня. В то же время новые исследования позволяют внести в них определенные уточнения и дополнения. Что касается техники нанесения росписей, то здесь, на наш взгляд, необходимо отметить такие обстоятельства, как бесспорно намеренный выбор художником наиболее подходящих (ровных, малотрещиноватых и т. д.) участков скалы; предпочтение, отдаваемое стенкам, имеющим наклон к мастеру; частичная, проведенная местами обработка скальной поверхности; использование естественных неровностей скалы для подчеркивания отдельных элементов фигур животных и (?) показа неровностей местности; преобладание в пещере контурных, а не силуэтных изображений животных. Силуэтные изображения животных в пещере единичны (седьмой мамонт). Остальные фигуры имеют либо линейные контуры, либо частичную заливку (закрашены лишь голова, холка, ноги). Искусственная же закраска туловищ кажущаяся: на самом деле она результат размыва контурных линий, потеки краски от которых заполняли не только внутреннюю часть туловища, но и пространство книзу от них [59, с. 41—43]

Вопрос о волосяном покрове на фигурах мамонта Каповой и других пещер заслуживает особого внимания. В Каповой, на наш взгляд, этот покров передан путем: 1) расширения красочных линий на темени, горбе и брюхе животных, имеющего целью подчеркнуть космы волос на их челках, холках и подбрюшьях; 2) закругления и возвышения темени и головы, увеличения высоты горба животных и как следствие этого углубления седловины шеи. Только такая трактовка голов объяснит придание им в ряде случаев (при профильном изображении) формы митры [7] В противном случае «митру» следует рассматри-

[7] Придание профилю головы мамонта условно-обобщенной формы митры широко прослеживается и во Франко-Кантабрии. Форма эта иногда сохраняется даже тогда, когда рисовальщик

вать как изображение головы в условно повернутом (фронтальном) изображении; 3) включения в абрис фигуры длинного волосяного покрова, свисавшего с боков и брюха животных, что объясняет, возможно, некоторую тучность, одутловатость туловищ первого, третьего и четвертого мамонтов (рис. 6, *1, 3, 4*). Расширенность фигур такого рода чаще всего наблюдается на стенных росписях. На гравированных же изображениях длинные пряди волос на подгрудке и брюхе животных передаются, как правило, серией процарапанных вертикальных линий (пещеры Фон-де-Гом, Комбарель, Бернифаль и др.; рис. 7, *2*; 10, *4, 8*).

В изображениях мамонтов Каповой можно видеть как общие черты, так и отличия. Среди первых — необозначенность глаз и ушей; отсутствие типичных длинных, спирально изогнутых бивней; свисающие хоботы (кроме хобота шестого мамонта, который, однако, по О. Н. Бадеру, также свисает книзу). Среди вторых — различные изображения голов (в форме «митры» у первого и второго мамонтов, фронтально (?)-округлой, несколько ромбовидной — у третьего, сплюснутой с боков, с острым теменем — у четвертого, полушарной — у шестого, угловатой в лобно-теменной части и округлой в затылочной — у пятого и седьмого; очертания последних, как кажется, наиболее близко воспроизводят профиль головы мамонта по реконструкции Н. В. Гарутт; рис. 6, *14*), ног (небольших, утрированных у первого мамонта; стилизованных, голенастых у второго, отчасти у шестого; тумбообразных у остальных[1]), спин (горбы не подчеркнуты у четвертого и шестого мамонтов) и седловидных зрезов. Заметны различия и в передаче движения ног (ноги расставлены в шаге; полусогнутые; приподнятые, выброшенные вперед; при подъеме расположенные на разных уровнях). Различие пропорций, очертаний и других деталей животных допускает, что большая часть их изображена сбоку, собственно, в профиль; третий мамонт — частично сбоку, частично (голова) спереди; некоторые животные представлены в ракурсе или на подъеме. Нельзя сказать, что изображения только двумерны, очевидны попытки моделировки тел животных средствами живописи с помощью одной краски (заливка митры и горба второго и пятого мамонтов имеет дуговидный край, что делает как бы выдвинутыми светлые места книзу от них).

Развитая техника нанесения рисунков и широкий спектр приемов и вариантов воспроизведения мамонтов на стенах Каповой пещеры является, на наш взгляд, показателем не только хронологическим, но и локальным. Главной локальной особенностью этих уральских рисунков, заметно отличающей их от статичных в подавляющем большинстве изображений мамонтов в палеолитическом искусстве Франко-Кантабрии (рис. 6, *8, 9*; 7, *1, 2*; 8, *11*; 12, *1—5, 8, 9*)[8], является их большая динамичность. Сильный динамический эффект, впечатление напряженности и жизнеподобности создают диагональное положение ряда фигур, разнообразная передача движения их ног, подъем вверх, вытянутость или сокращение в ракурсе туловищ отдельных фигур, разновеликость и непохожесть фигур пятого (взрослого) и шестого (детеныш?) мамонтов, находящихся, по всей видимости, в композиционной связи. Фигура шестого мамонта — шарообразного, голенастого — вообще не имеет параллелей в анималистическом искусстве. Оригинальна и поджарая, голенастая фигура второго мамонта, в которой, судя по коротким бивням, также можно видеть молодого зверя.

изображает на голове космы волос (мамонт «Патриарх» из грота Руфиньяк, некоторые рисунки из Фон-де-Гом и др.; рис. 6, *8*; 8, *8*). В Каповой это можно наблюдать на рисунке первого мамонта (рис. 6, *1*).

[8] Среди сотен рисунков мамонтов, известных в этой области, есть, однако, образцы весьма динамичных изображений. Самым замечательным из них, не имеющим до сих пор вообще равных среди наиболее реалистических изображений, является гравированный рисунок мамонта из пещеры Ла Мадлен [39, рис. 1] (рис. 7, *4*). Отметим также гравированный рисунок из Ложери От с изображением поединка двух соперничающих самцов [44, рис. 31] (рис. 7, *3*). Вне Франко-Кантабрии примечательны в этом отношении некоторые из гравировок на сланцевых плитках из Гённерсдорфа [50, рис. 8, *4, 9, 13*] (рис. 6, *10*).

Все фигуры мамонтов нарисованы в полный рост, с изображением конечностей на каждой из них, и животные — подчеркнем это еще раз — не стоят как вкопанные. Бо́льшей пластической информативностью, эмоциональной наполненностью обладают изображения мамонтов на западном панно (рис. 12). Монументальная живопись зала Рисунков в целом, несомненно, участвовала в организации внутреннего пространства этого зала, создавала определенную сакральную, идейно насыщенную среду для человека.

В настоящее время в палеолитическом искусстве Евразии известно около 400 изображений мамонта. Диапазон воплощений темы мамонта огромен: от полномерных реалистических или обобщенных, по-разному стилизованных, до частичных, крайним проявлением которых являются сильно редуцированные, «условно-знаковые», представляющие наиболее характерную, узнаваему часть фигуры животного (линия, очерчивающая голову, шейно-спинной изгиб, горб) (рис. 10, *1—10*). Весьма лаконичны также изображения, в которых помимо указанной линии одним или несколькими штрихами обозначены либо бивни, либо шерсть на лбу или в подбрюшье [43] (рис. 8, *10*). Тема мамонта выражена как в искусстве монументальном (гравировка, живопись, барельеф), так и в искусстве малых форм (скульптура круглая и плоская, гравировка).

В географическом распространении тех или иных способов воплощения этой темы, как и дру́гих тем сюжетного искусства, намечаются определенные отличия между районом Франко-Кантабрии и обширной приледниковой зоной Евразии. Первое отличие, по мнению В. В. Селиванова, заключается в том, что главным объектом первобытного искусства во Франко-Кантабрии является крупное промысловое животное, в то время как изображения женщины составляют только 2,5%, а антропоморфные фигуры — 4% общего количества изображений [60, с. 101], в восточной же, приледниковой зоне, напротив, изображения крупных животных составляют всего около 30%, изображения женщины и антропоморфные фигурки — соответственно 42 и 14,2% [61, с. 26, 27]. Второе отличие связано с изобразительными особенностями анималистического искусства, третье — с тематическими: изображения животных во Франко-Кантабрии представлены как в монументальном, так и в мобильном искусстве, в районах же Центральной и Восточной Европы — почти исключительно в мобильном; в составе мобильных изображений во Франко-Кантабрии на первом месте лошадь, северный олень и бизон [44], в восточных районах — мамонт. Тема мамонта, судя по первым свидетельствам, преобладала, по всей видимости, и к востоку от Русской равнины: на Урале (пещеры Каповая и Игнатиевская) (рис. 6, *1—7*; 8, *13*) [11; 62, с 47—58, рис. 1], в Приангарье (Мальта, Усть-Кова) (рис. 9, *7, 8*) [63; 64, с. 59—65 рис. 2; 65, с. 46—48] и в Якутии (Берелёх) (рис. 9, *9*) [66, с. 94; 67, с. 95, 96; 68, с. 30—33].

Привлечение изобразительных материалов приледниковых восточных районов вносит, как кажется, определенные коррективы в обоснование двух, на наш взгляд, дополняющих друг друга гипотез о происхождении и содержании палеолитического искусства: магической (изображения животных — следы магических действий первобытных охотников) [69] и мифологической (изображения передают информацию о мифах древнего общества) [44, 60]. Последняя, опирающаяся главным образом на палеолитическое искусство пещер Франко-Кантабрии, исходила из статистических закономерностей в «репертуаре» этого искусства: изображения лошадей и бизонов решительно преобладали в этих пещерах и сочетались соответственно либо с символикой женского, либо с символикой мужского начала. «Сексуальная» трактовка такого рода не бесспорна, так как преобладание лошадей и бизонов на рисунках можно объяснить также распространением этих животных в определенных районах Франко-Кантабрии и реальным значением их в жизни местных охотников. Условные же знаки росписей слишком разнообразны для того, чтобы ограничивать их смысл одной символикой пола [53, с. 96, 97; 70, с. 274]. Суммарные статистические подсчеты, кстати сказать, фиксируют весьма неравномерную представленность изображений не только этих, но и других животных в пещерах отдель-

ных физико-географических областей Франко-Кантабрии: в районах, окаймляющих Центральный Французский массив (Перигор, Керси, Рона — Лангедок) доминирующими темами пещерного искусства в целом являются представители более холодолюбивых животных (мамонт, северный олень, каменный баран); в районе Пиренеев — бизон; в Кантабрии — бизон, благородный олень, лань; лошадь же была представлена широко повсеместно [71, с. 487—492; 72, с. 7—9, табл. 3]. Единичные изображения хоботных в пещерах этого района (Пиндаль, Кастильо; рис. 10, *3, 9)* по ряду признаков (раздвоенная «макушка» черепа, выпуклый лоб, форма спины и др.) рассматриваются некоторыми специалистами [25; 73, с. 80] как изображения лесных слонов (Palaeoloxodon antiquus), а не мамонтов. Наряду с этим в пределах каждого района прослеживаются еще и локальные вариации, определявшиеся хронологией стоянок и культурным выбором их обитателей. Более 2/3 всех изображений мамонтов во Франко-Кантабрии, например, приходится на перигорские пещеры Руфиньяк и Бернифаль [44]: в первой из них мамонты составляют 68,80% всех изображений, во второй — 61,29% [71, с. 492—497].

Зоогеографический фактор, на наш взгляд, является определяющим в тематике сюжетного искусства и в обширных районах к востоку от Рейна. Главным объектом охотничьего промысла и первобытного искусства здесь были мамонты, огромные стада которых паслись в холодных степях и тундре приледниковой зоны. Тема мамонта значительна или преобладает в этой зоне почти на всех этапах развития анималистического искусства. Наиболее крупные ансамбли изображений этого северного слона известны из Гённерсдорфа в ФРГ (61 графическое изображение) [50, с. 295—322] и стоянок средней полосы Русской равнины. На последних встречено около 40 скульптурных изображений мамонта [36, 37, 42, 74—77] (рис. 7, *5;* 8, *12, 14;* 9, *1—4, 6)*. Количество костных остатков мамонта в культурных слоях костенковских стоянок, в которых были найдены скульптурные изображения этого животного, составляет более 50% всех найденных здесь костей млекопитающих [23, с. 224, 225] Помимо того, в 1982 г. в Костенках 21 встречено первое на Русской равнине гравированное изображение мамонта [79, с. 114—117] (рис. 9, *5)*.

Наиболее древние изображения мамонтов на Русской равнине датируются временем 23 — 21 000 (Костенки 1, 4, 11; Авдеево), более поздние — 17—15 000 (Елисеевичи). Красочные рисунки Каповой пещеры имеют еще более поздний возраст: 14 680±150 лет по углю из культурного слоя, 14 — 12 000 — по палеомагнитным показателям этого же слоя [21] Для сибирских находок известы две радиоуглеродные даты по древесному углю: 23 920±310 лет для резной фигурки мамонта из Усть-Ковы и 14 750±120 лет для гравированного изображения из Мальты. Впрочем, по мнению геолога С. М. Цейтлина [78], условия залегания культурного слоя с находкой в Мальте говорят о том, что он не может быть моложе 24 — 22 000 лет.

Наиболее ранним и несомненно наиболее примитивным изображением мамонта является плоская скульптура из Усть-Ковы, которая, как кажется, в какой-то мере сродни «бесплотным» плоскостным контурным рисункам этого животного в монументальном стенном письме. Большое разнообразие изображений помимо асинхронности можно также объяснить их региональными и локальными (культурными) особенностями. Так, например, фигурки мамонтов из Костенок 1 (рис. 9, *1, 4)* явно отличаются от таковых из Костенок 11 (рис. 9, *2, 3*), а те и другие — от более крупных и более реалистических скульптур из Авдеево (рис. 7, *5;* 8, *12)* и Пржедмости (рис. 7, *6)*. Мамонты в стенных росписях и гравировках ряда пещер Южной Франции (пещер Руфиньяк, Фон-де-Гом, Шабо, Ля Бом Латрон) [43—46; 81] (рис. 6, *8, 9, 12;* 7, *2;* 10, *1, 2, 6, 7)* также имеют свою локальную, порой весьма яркую специфику. Вопрос этот заслуживает специального рассмотрения.

Возвращаясь к палеолитической стенописи Каповой пещеры, отметим высокий уровень художественной культуры и биологических знаний ее созда-

телей (IV ступень «стилистической хронологии» А. Леруа-Гурана), что предполагает, если она имеет местные корни, обнаружение в будущем свидетельств более ранних этапов ее развития на Урале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Карачаровский В. В.* Позднечетвертичная фауна бассейна Р. Юрюзани (Южный Урал) // МИА. 1951. № 21.
2. *Дуброво И. А.* Плейстоценовые млекопитающие Среднего и Южного Урала и их стратиграфическое значение // Науч. тр. Пермск. политехн. ин-та. Сб. XX. Пермь, 1966.
3. *Рюмин А. В.* Пещерная живопись на Южном Урале // Матер. комиссии по науч. геологии и географии карста. Информ. сб. 1. М.: Изд-во МОИП, 1960.
4. *Рюмин А. В.* Среди вечного мрака // Вокруг света. 1961. № 8.
5. *Рюмин А. В.* Первобытный человек на Южном Урале // Альманах Туристские тропы. Кн. 4. М., 1961.
6. *Рюмин А. В.* Пещерная живопись позднего палеолита на Южном Урале // Archeol. rozhledy. 1961. Roč. XIII. Seš. 5. Praha, 1961.
7. *Бадер О. Н.* Следы древнейшей пещерной живописи на Урале // Сов. археология. 1961. № 3.
8. *Бадер О. Н.* Открытие палеолитической пещерной живописи на Урале // Истор.-археол. сб., посвященный А. В. Арциховскому. М.: Изд-во МГУ, 1962.
9. *Бадер О. Н.* Работа Уральской палеолитической экспедиции // Вопр. археологии Урала. Вып. 2. Свердовск: Изд-во УралГУ, 1962.
10. *Бадер О. Н.* Палеолитические рисунки Каповой пещеры (Шульган-Таш) на Урале // Сов. археология. 1963. № 1.
11. *Бадер О. Н.* Каповая пещера. М.: Наука, 1965.
12. *Бадер О. Н.* Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового века Урала // Вопр. археологии Урала. Вып. 15. Свердловск: Изд-во УралГУ, 1981.
13. *Bader O. N* Peinture paléolithique dans l'Oural de Sud // Les rapports et informations des archéologues de l'URSS. VI Congr. internat. sci. préhist. et protohist. Moscou, 1962.
14. *Bader O. N.* Pitture rupestri paleolitche negli Urali // Rivista di seinze prehistoriche. 1966. V XXI. Fasc. 2.
15. *Gurba J* Malovida w jaskini Szulgan Tasz (Ural poudnikovy) // Acta arch. Carpatica. 1967 T. IX. Fasc. 2.
16. *Щелинский В. Е.* Возобновление исследований палеолита Южного Урала // АО — 1982. М., 1984.
17 *Щелинский В. Е.* Исследования Каповой пещеры (Шульган-Таш) // АО — 1983. М., 1985.
18. *Щелинский В. Е.* Работа в Каповой пещере // АО — 1984. М., 1986.
19. *Щелинский В. Е.* Возраст наскальной живописи Каповой пещеры // Природа. 1986. № 4.
20. *Щелинский В. Е.* Раскопки в Каповой пещере // АО — 1985. М., 1987.
21. *Щелинский В. Е., Кузьмина И. Е., Кочегура В. В.* О возрасте культурных остатков в Каповой (Шульган-Таш) пещере на Южном Урале // Геохронология четвертичного периода. М.: Наука, 1985.
22. *Ляхницкий Ю. С., Щелинский В. Е.* Исследования Каповой пещеры (Шульган-Таш) // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1987 Т. 119. Вып. 6.
23. *Верещагин Н. К., Кузьмина И. Е.* Фауна млекопитающих // Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982.
24. *Гарутт В. Е.* Опыт пластической реконструкции внешнего облика шерстистого мамонта // Вестн. ЛГУ. 1946. № 3.
25. *Гарутт Н. В.* Реконструкция внешнего облика вымерших слонов на основании изучения скелета: Дипломная работа (рукопись). 1982.
26. *Гарутт Н. В.* О реконструкции внешнего облика вымерших слонов // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. 1987 Т. 168.
27. *Верещагин Н. К.* Почему вымерли мамонты. Л., 1979.
28. *Garutt V. E.* Mammut. Mammuthus primigenius (Blumenbach). Wittenberg (Lutherstadt), 1964.
29. *Garutt V E.* Versuch der graphischen Reconstruction des Lebenslildes der Elefanten der Entwicklungslinie Archidiskodon — Mammuthus // Qwartärpaläontologie. Berlin, 1981. B. 4.
30. *Гарутт В. Е., Дубинин В. Б.* О скелете таймырского мамонта // Зоол. журн. 1951. Т. XXX. Вып. 1.
31. *Быстров А. П.* Прошлое, настоящее, будущее. Л., 1957.
32. *Гарутт В. Е.* Мамонт в изображении человека верхнего палеолита // МИА СССР. 1960. № 79.
33. *Гарутт В. Е.* Ископаемые слоны Сибири // Антропогенный период в Арктике и Субарктике. Тр. н.-и. ин-та геол. Арктич. Гос. геол. ком-та. СССР. Т. 143. М., 1965.
34. *Аугуста И., Буриан З.* Книга о мамонтах. Прага: Артия, 1962.
35. *Ефименко П. П.* Костенки 1. М., Л., Изд-во АН СССР, 1958.
36. *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР // САИ. 1962. Вып. $А_{4-3}$.
37. *Грехова Л. В.* Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи // Тр. Гос. Истор. музея. Вып. 51. История и культура Евразии по археологическим данным. М.: Изд-во ГИМ, 1980.
38. *Maska Ch., Obermaier H., Breuil H.* La statuette de Mammouth de Předmost // L'Anthropologie. Paris, 1912. T. XXIII. № 3—4.
39. *Lartet M. E.* On a Piece of Elephant's Tusk engraved with the Outline of a Mammoth from La Magdelaine, Dép. Dordogne. Reliquice Aquitanice. L., 1875.

40. *Breuil H.* Quatrer cents siècles d'árt pariètal. Les cavernes ornées de l'âge du Renne. P 1974.
41. *Nougier L.-R.* Rouffignac. La grotte aux cent mammouths. P., 1958.
42. *Гвоздовер М. Д.* Скульптурное изображение мамонта из Авдеевской палеолитической стоянки близ Курска // Ископаемый человек и его культура на территории СССР. Уч. зап. МГУ Вып. 158. Тр. Ин-та антропологии. М., 1952.
43. *Capitan L., Breuil H., Peyrony D.* La caverne de Font-de-Gaume aux Eyzies (Dordogne). Monaco, 1910.
44. *Leroi-Gourhan A.* Préhistoire de l'art occidental. P., 1971.
45. *Nougier L.-R., Robert R.* Rouffignac ou la guèrre de mammouths. P., 1957.
46. *Nougier L.-R., Robert R.* Rouffignac. I. Galerie Henri Breuil et Grand Plafond. Firenze, 1959.
47. *Sarradet M.* Font-de -Gaume en Perigord. Périgueux, 1977.
48. *Елинек Я.* Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1983.
49. *Дубинин В. Б.* Изменение шейного отдела позвоночника животных в филогенезе и онтогенезе // Журн. общ. биологии. 1949. Т. X. № 2.
50. *Bosinski G.* The mammoth engravings of the Magdalenian site Gönnersdorf (Rhineland, Germany) // 3e Colloque de la Societé suisse des sciences humaines. 1979.
51. *Bandi H.-G.* Contribution de la zoologie et de l'éthnologie a l'interpretation de l'art des peuples-chasseurs préhistoriques // L'Antropologie. 1984. Т. 88. № 4.
52. *Гущин А. С.* Происхождение искусства. М.; Л., 1937.
53. *Окладников А. П.* Утро искусства. Л., 1967.
54. *Арнхейм Р.* Искусство и визуальное восприятие. М., 1974.
55. *Формозов А. А.* Что такое наскальные изображения? // Панорама искусств. 8. М., 1985.
56. *Формозов А. А.* Наскальные изображения и их изучение. М.: Наука, 1987.
57. *Возлинская Т., Гассель А.* Второй цвет художников Каповой пещеры // Знание — сила. 1971. № 3.
58. *Delluc B. et G.* (avec la collaboration de Basile-Robert et al.) Les grottes ornées de Domme Dordogne): la Martine, le Mammouth et le Pigeonnier // Gallia préhistoire. 1983. Т. 26. F. 1.
59. *Любин В. П., Щелинский В. Е.* Изображения мамонтов и лошадей в монументальном палеолитическом искусстве Урала (Каповая пещера) и Франко-Кантабрийской области // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988.
60. *Leroi-Gourhan A.* Les religions de la préhistoire. P., 1964.
61. *Селиванов В. В.* Человек и зверь (о двух ведущих темах палеолитического искусства) // Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1976.
62. *Окладников А. П., Петрин В. Т* Палеолитические рисунки Игнатиевской пещеры на Южном Урале // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983.
63. *Герасимов М. М.* Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, Изд-во Краев. музея, 1931.
64. *Васильевский Р. С., Дроздов Н. И.* Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983.
65. *Васильевский Р. С., Дроздов Н. И.* Скульптура мамонта из Северного Приангарья // Природа. 1988. № 4.
66. *Флинт В. Е.* Уникальная находка на Берелёхе. Древность или современность? // Природа. 1972. № 8.
67. *Бадер О. Н.* Художник рисовал с натуры // Природа. 1972. № 8.
68. *Бадер О. Н.* Палеолитическая гравировка из Индигирского Заполярья // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975.
69. *Reinach S.* L'art et la magie // L'Anthropologie. 1903. Т. XIV
70. *Фролов Б. А.* Рецензия на книгу: André Leroi-Gourhan. Prehistoire de l'arte occidentale // Сов. археология. 1966. № 3.
71. *Roussot A.* Approche statistique du bestiaire figuré dans l'art parietal // L'Anthropologie. 1984. Т. 88. № 4.
72. *Sauvet G.* La communication graphique paleolithique (de l'analyse quantitative d'un corpus de données à son interpretation sémiologique) // L'Anthropologie. 1988. Т. 92. № 1.
73. *Ucko P. J., Rosenfeld A.* L'art paleolithique. P., 1966.
74. *Рогачев А. Н.* Схематические скульптуры животных из Костенок // САИ. 1962. Вып. А 4—3.
75. *Абрамова З. А.* Характерные особенности палеолитического искусства на Русской равнине // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988.
76. *Гвоздовер М. Д.* Новые находки из Авдеева // Вопр. антропологии. 1983. Вып. 71.
77. *Праслов Н. Д.* Скульптурное изображение мамонта из раскопок Костенок 1 в 1985 г. // Млекопитающие четвертичной фауны СССР. Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 149. Л., 1986.
78. *Цейтлин С. М.* Некоторые проблемы геологической периодизации и палеогеографии палеолита Сибири // Основные проблемы геологии антропогена Евразии. М., 1969.
79. *Праслов Н. Д.* Гравированные изображения животных в Гмелинской стоянке (Костенки 21) // Тр. Зоол. ин-та АН СССР. Т. 131. Л., 1985.
80. *Combier J., Drouot E., Huchard P.* Les grottes solutréennes à gravures pariétales du canyon inférieur de l'Ardèche // Mém. Soc. préhistorique Franc. Т. 5. 1959.

V. P. LYUBIN

THE IMAGES OF MAMMOTHS IN THE PALEOLITHIC ART
(on the materials of the kapova cave)

Summary

A number of mammoths' images belonging to the paleolithic art is analysed in the article according to the criteria of paleonthology. The appearance of the animals reconstructed by the paleonthologists is compared with the paleolithic drawings and sculptures. Such a method allowed the author to determine the position of the investigated images in the art of this period, whether they originated from the Kapova cave in the Urals or from Franco-Cantabria or other areas of Eurasia. Some specific local features of the mammoths' images from the Urals are characterized. A question is raised about the differences in the paleolithic art of Franco-Cantabria and eastern glacial zone as well as the factors which influenced the subjects of figurative art.

Н. У. ХОЛМАТОВ

ДВУСТОРОННЕОБРАБОТАННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ В НЕОЛИТЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Поводом для написания настоящей статьи послужили находки двусторонне-необработанных наконечников стрел на стоянках сазаганской культуры. Памятники этой культуры, располагающиеся в нижних предгорьях Каратюбе (Самаркандская обл.), исследуются сравнительно недавно, и результаты исследований опубликованы лишь в предварительном порядке [1—4]. По характеру индустрии сазаганская культура относится к кругу культур гор, предгорий и горных долин Средней Азии, отличаясь по ряду признаков (как и позднемезолитическая — ранненеолитическая культура Центральной Ферганы) от классических материалов «горного неолита» — гиссарских [5, 6] Вся совокупность сазаганских материалов датируется сейчас поздним мезолитом — неолитом; они показывают наибольшую среди горных материалов степень культурных контактов с неолитом равнин Средней Азии. Каменные наконечники стрел были найдены на первых исследованных раскопками стоянках Сазаган 1 и Сазаган 2, а также на изучаемой сейчас стоянке этой культуры Джангал 1. В связи с этим возникла необходимость сравнительно-типологического анализа этих находок с привлечением всех известных к настоящему времени материалов такого рода из Средней Азии.

Двустороннеобработанные наконечники стрел, относимые к неолиту, исчисляются сейчас в Средней Азии многими сотнями. К сожалению, подавляющее большинство их происходит из подъемных коллекций, и, несмотря на то что в ряде случаев отнесение этих изделий к неолиту более чем вероятно, они не могут быть использованы для анализа, если подходить к нему строго. Из раскопок известно всего лишь несколько десятков изделий, они в равной мере свойственны и равнинному, и «горному неолиту». Отдельные находки из Таджикистана не могли быть учтены, так как они лишь отмечены, но не воспроизведены в публикациях. Обратимся прежде всего к материалам гиссарской культурной общности (рис. 1).

В Таджикистане наконечники стрел известны в материалах стоянок Ошхона, Куртеке (маркансуйская культура) и Ак-Таньги (гиссарская культура). В Ошхоне в ходе работ 1958 г., судя по предварительному сообщению, найдено восемь наконечников, пять из которых происходит из культурного слоя (рис. 2. *4—11*). Отмечено, что эти изделия двух типов: тонкие веретенообразные, на пластинках, довольно тщательно обработанные с обеих сторон, и листовидные, бесчерешковые с небрежной «струйчатой» ретушью [7, с. 24—26, 28, 29, рис. 5, *16*, 6, *15, 16*] В 1960 г. стратиграфия стоянки была уточнена: выделены четыре культурных горизонта. В первом (верхнем) горизонте отмечены «стрелка» с обломанным концом [8, с. 16], а также «небольшая серия двустороннеобработанных наконечников стрел, довольно небрежно отделанных преимущественно по краям, листовидных или овальных очертаний» [8, с. 18, 19, рис. 7, *3, 11*]. Во втором горизонте найдены «заготовки стрел, а также две стрелки — одна с выделенным черешком... другая продолговатая, с основанием, тщательно подтесанным уплощающими сколами» [8, с. 18, 21, рис. 7, *4*]. В двух нижних

© Н. У. Холматов, 1991 г.

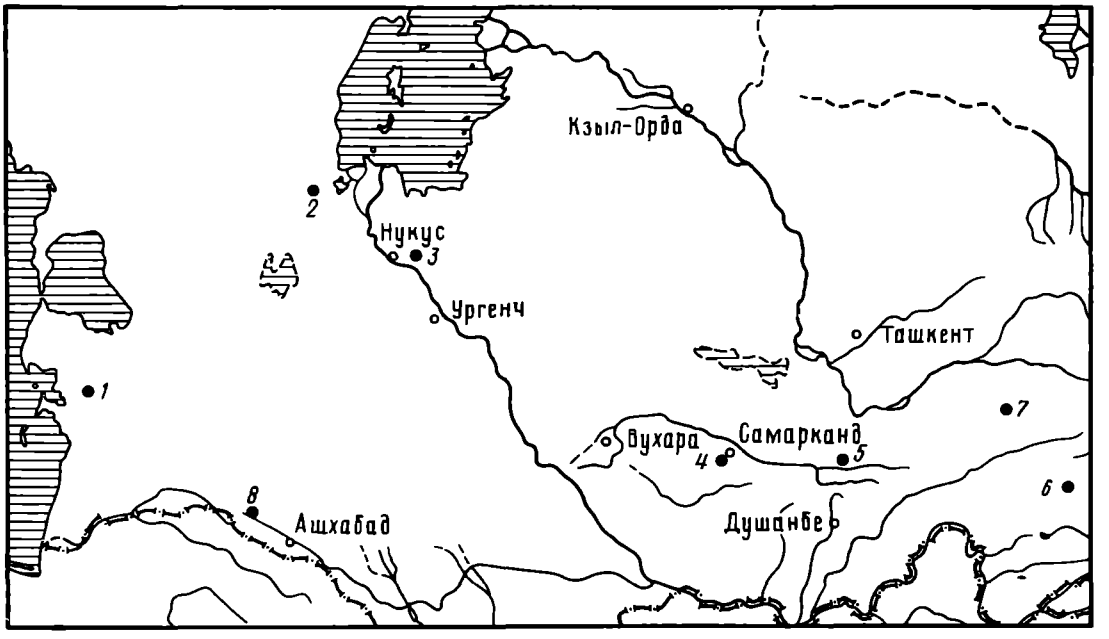


Рис. 1. Мезолитические и неолитические памятники Средней Азии, в материалах которых имеются двустороннеобработанные наконечники стрел. *1* — Джебел, Дам-Дам-Чешме 1; *2* — Каскажол; *3* — Джанбас 4; стоянка Толстова, Кават 7; *4* — стоянки сазаганской культуры; *5* — Ак-Таньги; *6* — Ошхона, Куртеке; *7* — стоянки центральноферганской культуры; *8* — Джейтун

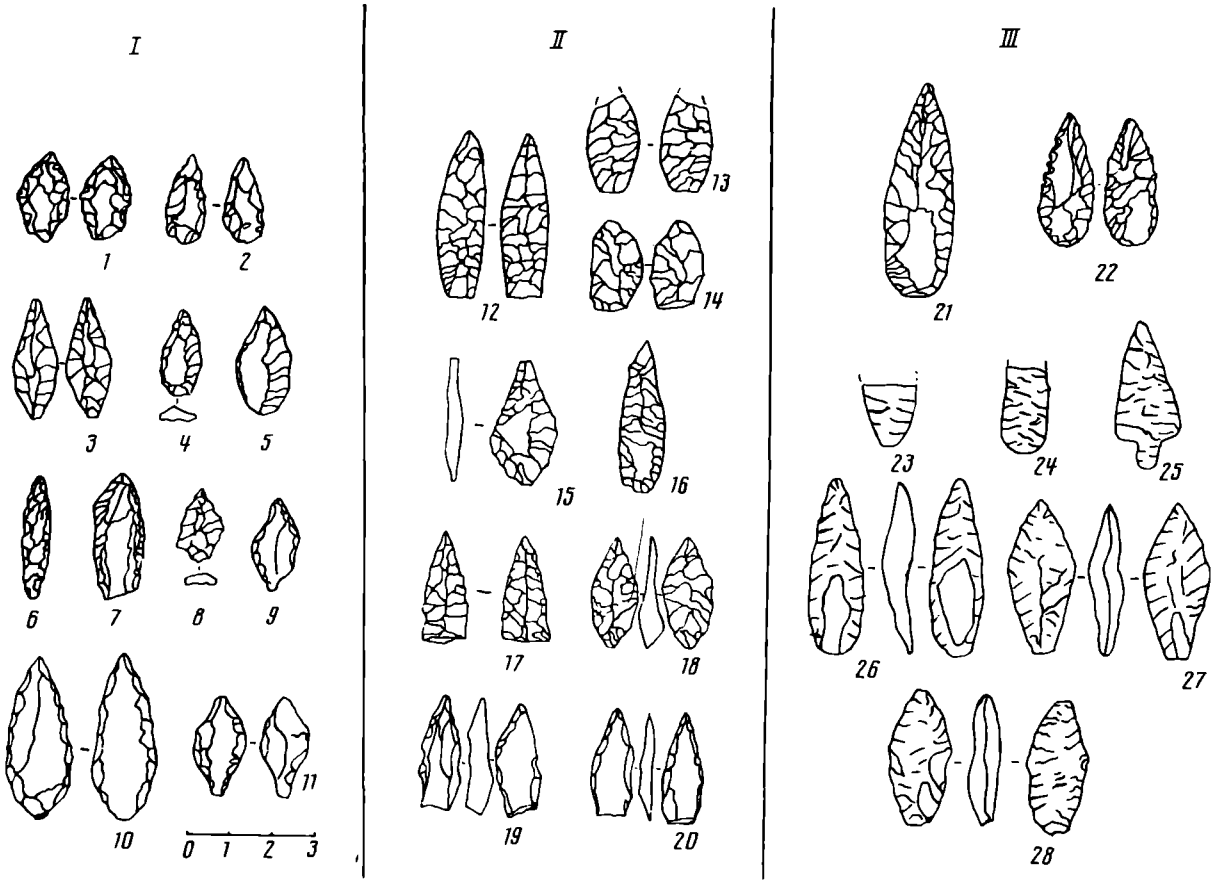


Рис. 2. Наконечники стрел со стоянок «горного неолита» Средней Азии. I — памятники Таджикистана (маркансуйской и гиссарской культуры); II — памятники центральноферганской культуры; III — памятники сазаганской культуры. *1, 2* — Куртеке, второй горизонт; *3* — Ак- Таньги, гиссарский слой; *4—11* — Ошхона (*4, 5, 8* — подъемный материал; *6, 7* — культурный слой; *9, 10* — первый горизонт; *11* — второй горизонт); *12* — Баскум; *13, 14* — Мадьяр, пункт 11; *15, 16* — Мадьяр 2; *17* — Шаркуль 2; *18* — Тайпак 7; *19, 20* — Тайпак 10 (*12—20* — подъемный материал); *21, 22* — Джангал 1; *23—27* — Сазаган 2; *28* — Сазаган 1

горизонтах наконечники стрел отсутствуют. Таким образом, можно полагать, что в культурном слое стоянки (работы 1958 и 1960 гг.) найдено, не считая заготовок, минимум 10 наконечников стрел («небольшая серия» из первого горизонта представлена воспроизведением двух изделий). Три наконечника, как указывалось, происходят из подъемной коллекции (рис. 2, *4, 5, 8*). Материалы Ошхоны до сих пор не опубликованы. В предварительных публикациях отмечено, что все горизонты Ошхоны скорее всего более или менее одновременны. Несмотря на наличие в материалах изделий архаического, палеолитического облика, В. А. Ранов был склонен датировать стоянку скорее неолитом, чем мезолитом, причем существенную роль в такой датировке сыграли найденные на стоянке наконечники стрел [7, с. 29; 9, с. 44]. Несколько позже была получена радиоуглеродная дата (9530±130) [10, с. 14, 15], и сейчас Ошхона рассматривается как памятник мезолитический [6, с. 17]. В первых публикациях В. А. Ранова воспроизведены шесть наконечников стрел (в том числе пять — из культурного слоя). В более поздних работах даны прорисовки еще двух наконечников, один из которых, возможно, повторяет с некоторым уточнением ранее опубликованное изделие (ср. [7, с. 25, рис. 5, *16;* 6, с. 18, рис. 4, *1*]), другой, ромбовидной формы, опубликован впервые. Первый из них, если верно наше предположение, происходит из подъемной коллекции 1958 г., происхождение второго не указано. Таким образом, для сравнительного анализа могут быть использованы только шесть-семь изделий.

В навесе Куртеке найдены четыре наконечника стрел, два в верхнем и два в нижнем культурных горизонтах. Опубликовано одно изделие из верхнего горизонта и оба из нижнего (рис. 2, *1, 2*). Верхний горизонт датируется эпохой поздней бронзы, нижний — условно неолитом-энеолитом [8, с. 9, 10, рис. 2, *2, 3, 6*]

Один двустороннеобработанный наконечник близкой к ромбовидной формы найден в навесе Ак-Таньги в слое, условно обозначенном как «бронза III» (рис. 2, *3*). Слой имеет радиоуглеродную дату (4170±110) и отнесен В. А. Рановым к концу III — первой половине II тыс. до н. э. Отмечена тщательная обработка изделия. В вышележащем горизонте «бронза II» (3120±140) найдены два двустороннеобработанных наконечника «вытянутых очертаний» [11, с. 13, 18, 19, рис. 9, *3*]. При первоначальном обследовании памятника в 1959 г. в подъемном материале также были обнаружены два хороших наконечника стрел [12, с. 113, рис. 5]. Раскопками 1962—1963 гг. на памятнике вскрыты более ранние культурные горизонты (неолит — мезолит), однако данные не опубликованы даже в предварительном порядке.

В Центральной Фергане нет неолитических памятников, сохранивших культурный слой, на развеянных стоянках собрано около 10 наконечников стрел (рис. 2, *12—20*). Среди них имеются и двустороннеобработанные формы, и изделия с краевой ретушью, близкие гиссарским и маркансуйским, однако, в отличие от находок из Таджикистана, первые здесь преобладают [5, рис. 19, *34,* 38, *41,* 51, *9,* 53, *5,6,* 60, *25, 37,* 13, с. 131, 134, 135, 141, рис. 32, *15,* 33, *19, 20*] [1]

Рассматривая наконечники стрел со стоянок «горного неолита», необходимо прежде всего отметить, что подавляющее большинство их не являются изделиями с двусторонней обработкой, а относится к типу наконечников с краевой ретушью (рис. 2, *4, 7, 9—11, 19, 20)* и в ряде случаев к переходным типам (рис. 2, *1, 2, 5)*. Лишь отдельные изделия можно отнести к настоящим наконечникам стрел с двухсторонней отжимной ретушью, причем техника их обработки,

---

[1] У И. Исламов указал в предварительном сообщении находку двустороннеобработанного наконечника стрелы в раннемезолитическом комплексе грота Обишир 5 [14, с. 40, 41]. Однако после публикации материалов памятника выяснилось, что речь идет лишь об изделии с краевой ретушью, возможно, даже не наконечнике [15, с. 68]. Это сообщение было использовано А. В. Виноградовым как одно из доказательств появления двустороннеобработанных наконечников в Средней Азии еще в мезолите [16, с. 131]

исключая орудие из Ак-Таньги (рис. 2, *3*), довольно грубая. Если верна мезолитическая дата Ошхоны, то найденная здесь значительная серия наконечников стрел представляет большой интерес, так как показывает становление двусторонней отжимной техники, свойственной в целом уже неолитической эпохе, еще в предшествующее мезолитическое (во всяком случае, в позднемезолитическое) время. Что касается форм, то преобладают листовидные изделия с наиболее широкой частью в середине или в нижней трети изделия. Единичны наконечники ромбовидной или близкой к ней форме. Основания округлые или, реже, приостренные либо уплощенные. Два грубо изготовленные орудия из Ошхоны, которые можно было бы рассматривать как черешковые наконечники (рис. 2, *9, 11*), на наш взгляд, таковыми не являются. Скорее всего это дублированные плечиковые микросверла. Это же относится, вероятно, и к некоторым изделиям из Центральной Ферганы.

Что касается находки из памятников сазаганской культуры, также относящейся, как уже указывалось, к кругу культур «горного неолита», то они имеют совершенно иной характер. Здесь найдено пока восемь наконечников стрел, половина из которых опубликована. С остальными мы имели возможность ознакомиться по коллекциям, хранящимся в фондах СамГУ (рис. 2, *21—28*). Один наконечник найден на стоянке Сазаган 1, датирующейся концом мезолита, пять изделий — на стоянке Сазаган 2, относящейся к концу мезолита — раннему неолиту [17, с. 74]. Четыре орудия с последней стоянки воспроизведены в публикации [18, с. 29, табл. 1, *2—5*]. Наконец, два изделия происходят со стоянки Джангал 1, исследования которой только что начаты [19, с. 499]. Судя по всему, эта последняя близка по времени стоянке Сазаган 2. Характеризуя наконечники стрел сазаганских стоянок, необходимо иметь в виду, что стратиграфия последних крайне сложна, культурный слой изобилует поздними (с эпохи бронзы) перекопами и в связи с этим мезолитические и неолитические комплексы в известной мере условны.

Говоря о своеобразии в рамках «горного неолита» наконечников стрел сазаганских стоянок, мы прежде всего имели в виду полное пока отсутствие здесь изделий с краевой ретушью. Изделия со всех трех стоянок можно в принципе отнести к типу двустороннеобработанных, хотя почти на каждом из них имеются небольшие участки либо естественной поверхности отщепов, либо, реже, сделанные крупными сколами, выполнявшими те же функции, что и отжимная ретушь. Шесть изделий листовидной формы (разных вариантов), два — близкой к ромбовидной (углы слегка сглажены, рис. 2, *27, 28*). Основания округлые или слегка приостренные. По этому признаку из серии резко выделяется наконечник с хорошо выраженным широким черешком (рис. 2, *25*). Несмотря на широкое употребление отжимной техники, большая часть сазаганских наконечников характеризуется некоторыми чертами архаичности. Это проявляется не только в наличии необработанных или грубообработанных участков, но главным образом в неоправданной функционально значительной толщине орудий и заметной, иногда очень резкой асимметрии сечений, особенно продольных (рис. 2, *26—28*).

На равнинах Средней Азии в неолитическое время господствовали пластинчатые асимметричные наконечники с краевой ретушью кельтеминарского типа. Особенно много их в Кызылкумах, имеются они и в других районах [16, с. 129, 130, 20]. Появляются они только в среднем неолите; в раннем неолите, исключая, может быть, Джебел, никаких типологически выделяемых наконечников стрел не найдено. В Кызылкумах пластинчатые наконечники господствуют до конца неолита, в других районах, судя по подъемным материалам, а также результатам раскопок Джебела, они, возможно, уступают в количественном отношении двустороннеобработанным формам. Несмотря на то что в подъемных коллекциях последние насчитываются сотнями, в стратифицированных памятниках их находки редки. Они известны сейчас в Джебеле, Дам-Дам-Чемше 1, на стоянках Джабас 4, Кават 7, Толстова. Поздним неолитом предположи-

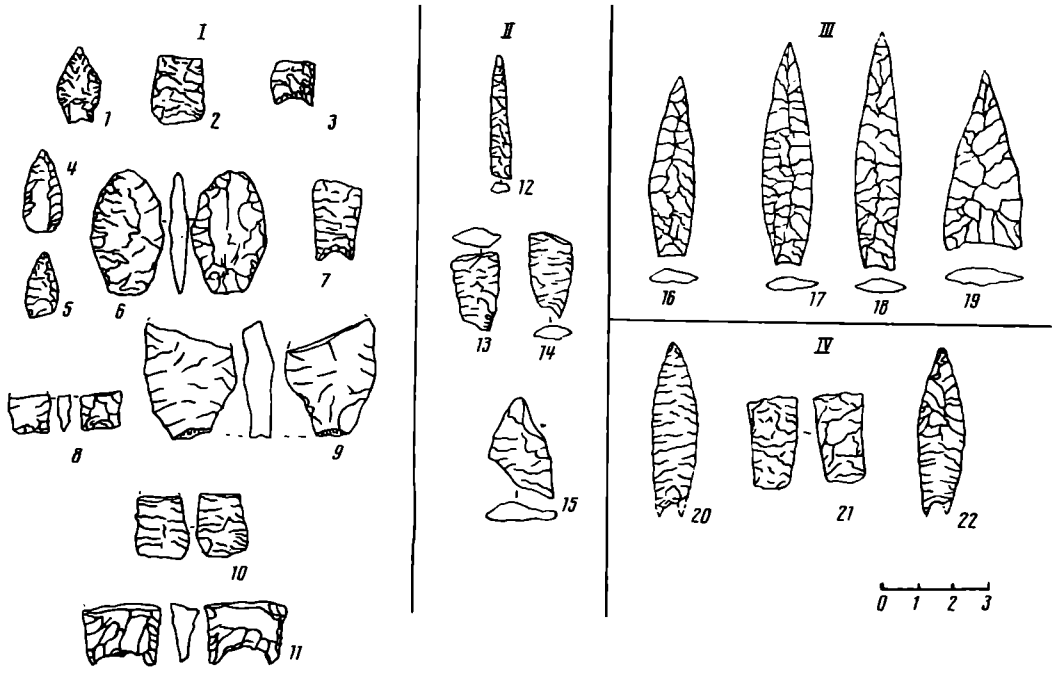


Рис. 3. Наконечники стрел со стоянок равнин Средней Азии. I — пещера Джебел; II — пещера Дам-Дам-Чешме 1; III — курганная группа Каскажол; IV — памятники кельтеминарской культуры, *1, 2* — Джебел, первый слой; *3* — Джебел, второй слой; *4—7* — Джебел, третий слой; *8, 9* — Джебел, четвертый слой; *10* — Джебел, пятый слой; *11* — Джебел, шестой слой; *12* — Дам-Дам-Чешме 1, второй слой; *13, 14* — Дам-Дам-Чешме 1, третий слой; *15* — Дам-Дам-Чешме 1, четвертый слой; *16—19* — Каскажол; *20* — Джанбас 4, культурный слой; *21* — стоянка Толстова, культурный слой; *22* — Кават 7, культурный слой

тельно датируется группа находок в одном из погребений Юго-Восточного Устюрта.

В хронологическом отношении наиболее интересны материалы из Джебела [21] (см. также [16, с. 122, 129—131, рис. 55]). Самое раннее двустороннеобработанное изделие происходит из VI слоя. В очень бедном находками V—VI слое таких орудий нет, однако они имеются во всех без исключения вышележащих слоях (V—I; рис. 3, *1—11*). Большая часть джебелских наконечников фрагментирована, однако имеющиеся данные показывают, что здесь также наиболее характерны листовидные формы, имеются, по всей видимости, и ромбовидные (рис. 3, *1*). Особенностью наконечников из Джебела, не свойственной изделиям «горного неолита», является наличие выемчатых оснований, в том числе у изделия из VI слоя (рис. 3, *1, 3, 7, 11*). Слабо намеченное черешковое основание у одного наконечника из V слоя (рис. 3, *9*), возможно, обусловлено формой массивной заготовки, т. е. является случайным.

Предложенная А. П. Окладниковым хронологическая интерпретация этого многослойного памятника не может сейчас считаться бесспорной. Это вызвано главным образом тем, что автор, исходя из своей культурно-хронологической концепции памятника, считал, что ряд важных в хронологическом плане находок (керамика, двустороннеобработанные наконечники), зафиксированных в ряде слоев пещеры, являются там случайными, проникшими из вышележащих горизонтов. Напомним, что речь идет не о единичных обломках керамики, а о 26 фрагментах, очень значительном для памятника объеме (в слое V, с которым связывается начало гончарства, найдено, например, всего лишь 45 мелких черепков). Утверждалось, в частности, что обломок двустороннеобработанного наконечника стрелы из VI слоя проник туда сверху [21, с. 193—216] Предложенная А. П. Окладниковым хронологическая интерпретация памятника позже неоднократно корректировалась [22; 23, с. 145, 146; 24, с. 118, 119; 25, с. 184; 26, с. 57, 58]. Исходя из этого, хронологическую колонку Джебела можно сейчас принимать лишь условно. Наиболее приемлемой представляется точка

зрения, согласно которой Джебел — памятник в основном неолитический, а VI слой, из которого происходит самый ранний двустороннеобработанный наконечник стрелы, датируется либо самым концом мезолита, либо переходным от мезолита к неолиту временем [16, с. 121—125, 132, табл. 10].

Малонадежным в хронологическом отношении является другой памятник того же района — грот Дам-Дам-Чешме 1. Культурные отложения грота располагались на сильно наклонной поверхности скального основания и достигали примерно 160 см мощности. Выделено четыре культурных слоя, местами отмечен еще один, пятый горизонт (самый нижний). Результаты раскопок опубликованы лишь предварительно, по ним можно судить, что материал перемешан. До четвертого слоя включительно в материалах имеется керамика, в том числе импортная сероглиняная, лощеная. Во втором слое найдены обломки металлических изделий. Кремневый материал также демонстрирует крайнюю разнородность: заведомо мезолитические для Средней Азии сегменты соседствуют с поздними формами наконечников стрел [27, с. 60—67]. Из этого памятника опубликованы четыре двустороннеобработанных наконечника [27, рис. 3, *12—15*]. Все они фрагментарны, можно полагать, что все они листовидной формы. Отметим особо узкий веретенообразный наконечник из второго слоя (там найдены фрагменты металлических изделий) [2]

В Кызылкумах, основном районе распространения памятников кельтеминарской культурной общности, двустороннеобработанные наконечники стрел, происходящие из культурного слоя, известны только на стоянках древней Акчадарьинской дельты (рис. 3, *20—22*). В свое время был опубликован такой наконечник со стоянки Джанбас 4 [23, с. 42, рис. 12, *9*], позже аналогичное изделие было найдено на стоянке Толстова. Оба наконечника листовидной формы с легкими выемками в основании.

Четыре двустороннеобработанных орудия происходят со стоянки Кават 7, два из них целые. Наконечник стрелы аналогичен по форме изделиям со стоянки Толстова, наконечник копья — листовидной формы, с округлым основанием и наиболее широкой частью в нижней половине [23, с. 91, 92, рис. 42, *13, 17*].

Значительная по среднеазиатским масштабам серия наконечников стрел, датирующаяся сейчас поздним неолитом, найдена на Юго-Восточном Устюрте при раскопках могильника Каскажол. Уловия находки рассмотрены в работах В. Н. Ягодина и Е. Б. Бижанова [30, с. 148—151; 31, с. 250—252]. Насколько можно судить по воспроизведениям, найденные в Каскажоле наконечники стрел в большинстве своем листовидной формы (в отдельных случаях со «склонностью» к ромбовидности), с легкими, иногда едва намеченными выемками в основании. По этим признакам их можно было бы сближать с описанными выше неолитическими наконечниками, особенно с изделиями со стоянки Толстова и из Джебела, однако для них характерны совершенно иные пропорции (рис. 3, *16—19*). Почти все они сильно вытянутые, узкие и по этому признаку существенно отличаются от среднеазиатских неолитических двустороннеобработанных наконечников. Если рассматривать серию наконечников стрел из Каскажола

---

[2] В 1989 г., когда статья находилась в редакции, была опубликована работа Г Ф. Коробковой «Мезолит Средней Азии и Казахстана», в которой на основании результатов раскопок Дам-Дам-Чашме 1 время появления двустороннеобработанных наконечников стрел в Средней Азии отнесено к раннему мезолиту. Из этого делаются далеко идущие выводы, в частности двустороннеобработанные формы в подъемных коллекциях с Устюрта также отнесены ею к мезолиту [29, с. 156, 157]. Между тем опубликованные по Дам-Дам-Чашме 1 данные не дают для этого никаких оснований. Здесь найдены четыре изделия такого рода (одно во втором слое, два в третьем слое, одно в четвертом слое; см. подрисуночную подпись в работе [27, с. 64, рис. 1]). В этой и в другой, более поздней статье [28, с. 48, 49] Г Е. Марковым отмечено, что двустороннеобработанный наконечник найден в верхнем горизонте четвертого слоя. Там же найдена и самая ранняя в этом памятнике керамика [27, с. 63; 29, с. 48, 49]. Таким образом, о мезолите говорить не приходится, тем более о раннем мезолите. Характер найденной в четвертом и третьем слоях керамики свидетельствует, что имеющаяся здесь поздняя примесь относится даже не к раннему, а к более поздним периодам неолита.

как комплекс, а она, судя по всему, таковым является, нельзя не отметить наличия здесь наконечника треугольной формы, не свойственной неолитическим изделиям из Средней Азии. Является ли он показателем хронологическим или отражает локальные различия (казахстанское влияние), пока не ясно, так как типология казахстанских наконечников стрел пока не разработана. Второе предположение может быть в настоящее время обосновано находками близких по форме наконечников стрел в культурном слое неолитической стоянки Пеньки 1 в Северо-Восточном Казахстане [32, с. 319, рис. 1, *18, 33*]. В подъемном материале с неолитических стоянок Северного Казахстана наконечники стрел такой формы также имеются.

Любопытная ситуация с наконечниками стрел наблюдается в Южной Туркмении. В материалах неолитической джейтунской культуры типологически выраженных изделий такого рода нет. В. М. Массон уже обращал внимание на это обстоятельство [33, с. 89]. В материалах Джейтуна имеется довольно крупная по объему группа изделий, которые с типологической точки зрения можно было бы рассматривать как наконечники стрел с краевой ретушью или даже частично с неполной двусторонней отжимной обработкой, однако трасологические исследования показали, что функционально это орудия совершенно иного плана (рис. 4, *8—13*). Имеются в виду скребки «в виде миниатюрных

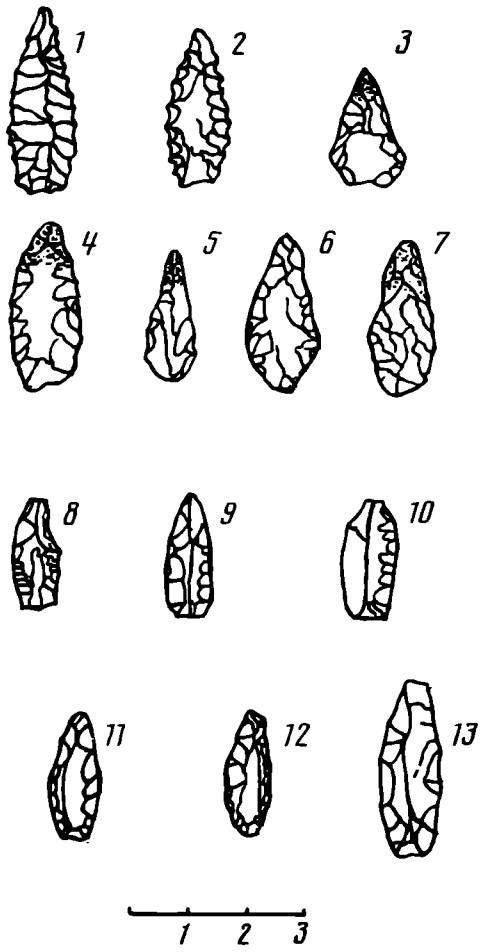


Рис. 4. Наконечники стрел и боковые скребки из памятников в Южной Туркмении. *1—4* — Яланғач-депе; *5—7* — Геоксюр; *8—13* — Джейтун

острий с прямым основанием» или «скребки в виде острий» [33, с. 30, 31, 183, табл. XVII, *1—6*; 34, с. 95, 118, 119, табл. XIII, *1—6*; 35, с. 78, 80, рис. 14, *7*].

На этой территории настоящие двустороннеобработанные наконечники стрел появляются только в энеолите, причем, вероятнее всего, не в раннем, а в среднем энеолите. Они найдены на Яланғач-депе, Геоксюре и ряде других памятников [36, с. 39, 40, табл. III, XXVII] К сожалению, большая часть этих изделий происходит из подъемного материала и точная датировка их в рамках

южнотуркменского энеолита невозможна. Предполагается, что некоторые из этих находок относятся, возможно, к раннему энеолиту. Что касается техники изготовления, то большая часть изделий является настоящими двустороннеобработанными формами, однако имеются орудия и с краевой ретушью, и с неполной двусторонней обработкой [13, с. 60, рис. 17, *4, 5, 7, 8*; 36, табл. XXVII, *28, 42*]. Некоторые из наконечников при трасологическом изучении показали хорошо выраженные следы использования в качестве сверл или вкладышей серпов [13, с. 62], однако высокая типологическая выразительность этих изделий свидетельствует, что такое использование было побочным или вторичным. Отметим, что традиция производства каменных двустороннеобработанных наконечников продолжается и в бронзовом веке и в Южной Туркмении, и в Средней Азии в целом [37]. А. П. Окладников, анализируя материалы раскопок Джебела, уже обратил внимание на относительно позднее появление каменных наконечников стрел в памятниках земледельческих культур юга Средней Азии и Ирана [21, с. 205] (там же приведена зарубежная литература по этой проблеме). Трудно сказать сейчас, является ли эта «вспышка» производства каменных наконечников своего рода инновацией в позднем энеолите — раннебронзовом веке или это продолжение старой, сейчас не прослеживаемой неолитической традиции (вспомним джейтунские скребки в виде острий).

Подведем некоторые итоги. В настоящее время в стратифицированных неолитических и мезолитических памятниках Средней Азии известно (исключая наконечники кельтеминарского типа) около 50 наконечников стрел. Подъемные находки такого рода во много раз превышают это количество. Следует сразу же указать на два обстоятельства. Во-первых, можно предполагать, что не все из указанных в публикациях и рассмотренных выше изделий являются наконечниками стрел. Это в первую очередь касается некоторых орудий из памятников Таджикистана и Центральной Ферганы (рис. 2, *7, 9, 11, 20*). Не исключено, что они использовались как сверла или провертки и сделаны именно для этих целей. Во-вторых, в ряде случаев нет полной уверенности в том, что отнесенные к неолиту комплексы являются хронологически чистыми. Можно, например, с достаточной уверенностью полагать, что черешковый наконечник со стоянки Сазаган 2 относится к бронзовому веку или даже к более позднему времени. Не совсем достоверны в этом плане и некоторые изделия из верхних гиссарских слоев памятников Таджикистана, так как во многих случаях маломощные поздненеолитические культурные отложения непосредственно перекрыты слоями эпохи бронзы.

Можно полагать, что наконечники стел из отщепов — не только с краевой ретушью, но и двустороннеобработанные — появляются в Средней Азии еще в мезолите, во всяком случае, в конце мезолита. Об этом свидетельствуют находки из Ошхоны, представленные хорошей серией. Не исключено, что к концу мезолита относятся некоторые изделия Джебела. Каких-либо существенных различий между позднемезолитическими и неолитическими наконечниками в технике обработки не прослеживается. Что касается «горного мезолита» и неолита, то на ранних стоянках изделий с краевой ретушью больше, чем на поздних, хотя отметим еще раз, что двустороннеобработанные формы имеются в самых ранних комплексах. Видимо, двустороннеобработанные формы появляются здесь не в самом конце мезолита, а несколько ранее. При этом продолжается (возможно, до конца неолита) и старая, позднепалеолитическая — мезолитическая традиция краевой обработки наконечников.

Превалируют изделия листовидной формы разных пропорций, заметную роль играют ромбовидные или близкие к ним изделия, причем последние уже имеются на самых ранних стоянках [3]

---

[3] В связи с тем что исследуемая серия невелика по объему, нам представляется, что детальная классификация наконечников, в частности листовидных (наконечники «иволистные», «лавролистные», «миндалевидные» и др.), пока не имеет смысла. О деталях формы можно судить по рис. 1 и 2, где даны практически все воспроизведенные в публикациях наконечники стрел.

Каменные наконечники стрел из Средней Азии, пропорции (отношение длины и ширины)

Памятник	Количество наконечников	Отношение длины и ширины
Ошхона	8	2,5
Куртеке	2	2,0
Ак-Таньги	1	2,8
Всего (Таджикистан)	11	2,4
Сазаганская культура	5	2,7
Джебел	3	2,0
Кельтеминар (Акчадарьинская дельта)	3	3,0
Всего (мезолит и неолит)	22	2,5
Каскажол	3	4,1
Сапалли-Тепе	26	3,2
Заманбаба	29	3,0
Всего (эпоха бронзы)	55	3,1

Для типологии наконечников стрел всех категорий очень важна форма основания, насада. Подавляющее большинство изделий рассматриваемой коллекции имеют округлое основание, достаточно хорошо представлены наконечники с приостренными либо уплощенными основаниями. В неолите появляются изделия с выемчатыми основаниями. В Хорезме они впервые фиксируются в среднем неолите (это вообще первые в Кельтеминаре двустороннеобработанные наконечники), в Джебеле они могут иметь и более ранний возраст. Более сложен вопрос о черешковых наконечниках. Речь идет об уже упоминавшейся находке на стоянке Сазаган 2 и о некоторых орудиях из Таджикистана (рис. 2, *9, 11, 25*). Высказанные выше предположения относительно этих орудий сейчас не могут быть достаточно аргументированы, однако нам представляется, что наконечники стрел с черешком появляются в Средней Азии не ранее самого конца неолита или на рубеже неолита и бронзового века. Учитывая, что на Ближнем Востоке черешковые наконечники стрел (в основном на пластинах и с краевой ретушью) широко распространены не только в мезолите, но и в конце верхнего палеолита, последнее заключение можно, очевидно, отнести только к настоящим двустороннеобработанным изделиям из отщепов.

Имеются некоторые различия между наконечниками стрел из памятников гиссарского культурного круга («горный неолит») и кельтеминарских и близких им памятников равнин. Первым свойственна более грубая обработка и существенная роль краевой ретуши. Вторым, как правило, более тонкая отжимная ретушь и завершенность форм. Среди первых наибольшую близость к материалам равнин показывают находки сазаганской культуры. Для культур «горного неолита» типологически выделяемые наконечники в целом малохарактерны, что, возможно (как в Джейтуне), связано с особенностями экономического уклада. На памятниках равнин Средней Азии их доля в каменном инвентаре значительно выше, причем в Кызылкумах преобладают пластинчатые наконечники кельтеминарского типа, а на Устюрте и в Прикаспийских районах — двустороннеобработанные. Это особенно хорошо подтверждается подъемными материалами (см., например, [30, 38, 32]).

Благодаря работам Т. Ширинова [37, 40], исследовавшего каменные наконечники стрел эпохи бронзы из Среднеазиатского междуречья, можно по некоторым показателям сравнить последние с неолитическими. В эпоху бронзы изделия с краевой ретушью практически в Средней Азии исчезают. Наиболее характерным типом становятся наконечники с черешком, с насадом. Учитывая многообразие форм, свойственное наконечникам стрел бронзового века, важным признаком является существенное изменение пропорций: первые в целом более вытянуты, чем неолитические. В таблице приведены сравнительные данные по этому признаку (отношение длины и ширины) для изделий этих двух эпох. Анализируя эти данные, можно заметить, что из неолитической серии явно

выпадают наконечники стрел из Каскажола. Это еще раз свидетельствует об очень поздней дате погребения. Вызывает сомнение неолитический возраст веретенообразных наконечников из Ошхоны и Дам-Дам-Чашме 1 (рис. 2, *6*; рис. 3, *12*). Несколько неожиданными оказались и данные для изделий из Хорезма (стоянки Джанбас 4 и Кават 7). Энеолитические же наконечники из Геоксюра и Яланғач-депе оказались, напротив, близкими по пропорциям орудиям эпохи неолита. Можно полагать, что по этому признаку могут быть хотя бы ориентировочно датированы наконечники стрел из подъемных коллекций в том случае, если они представлены сериями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лев Д. Н.* Итоги работы археологического отряда Самаркандского госуниверситета имени А. Навои в 1906 г. // Тр. СамГУ. Нов. серия. 1972. Вып. 218.
2. *Джуракулов М. Д.* Некоторые итоги исследования неолитических стоянок в селении Сазаган // ОНУ 1983. № 6.
3. *Джуракулов М. Д., Холюшкин Ю. П.* Предварительные результаты статистического подсчета и характер развития неолитической индустрии Сазаган 1. Материалы по истории Узбекистана (археология, древняя история и этнография) // Тр. СамГУ Нов. серия. 1976. Вып. 307.
4. *Холюшкина В. А., Холюшкин Ю. П.* К вопросу о характере развития мезолитической индустрии Сазаган // Сибирь в древности. Новосибирск, 1979.
5. *Исламов У И., Тимофеев В. И.* Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: ФАН, 1986.
6. *Ранов В. А.* Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. История и культура Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1985.
7. *Ранов В. А.* Изучение памятников каменного века на Восточном Памире в 1958 г. // ТИИАН ТаджССР. 1961. Т. XXVII.
8. *Ранов В. А.* Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г.// АРТ. 1962. Вып. VIII.
9. *Ранов В. А.* Итоги разведок каменного века на Восточном Памире // МИА. 1964. № 124.
10. *Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф.* Некоторые вопросы исследования каменного века Памира // СА. 1964. № 4.
11. *Литвинский Б. А., Ранов В. А.* Раскопки навеса Ак-Таньги в 1961 г. // ТИИАНТаджССР. 1964. Т. XLII.
12. *Ранов В. А., Салтовская Е. Д.* О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. // ТИИАНТаджССР. 1961. Т XXI.
13. *Коробкова Г Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азия // МИА. 1969. № 158.
14. *Исламов У И.* Некоторые результаты полевых работ на стоянке Обишир V в 1971 г. // УСА. 1972. Вып. 2.
15. *Исламов У И.* Обиширская культура. Ташкент: ФАН, 1980.
16. *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. 1981.
17. *Джуракулов М. Д., Мамедов Э. Д.* Геология археологических памятников Зеравшана, каменный век. Ташкент: Укитувчи, 1986.
18. *Джуракулов М. Д.* Итоги археологических исследований в Придаргомской степи в 1980 г. // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Самарканд, 1981.
19. *Джуракулов М. Д., Аванесова Н. А.* Работы Самаркандского госуниверситета // АО-1986. М.: Наука, 1988.
20. *Виноградов А. В.* О распространении наконечников кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
21. *Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // ТЮТАКЭ. 1956. Т. 7
22. *Виноградов А. В., Итина М. А.* // СЭ. 1959. № 1. Рец. на кн.: Памятники культуры каменного и бронзового века Южного Туркменистана, ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII.
23. *Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма // МХЭ. Вып. 8. М.: Наука, 1968.
24. *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977.
25. *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969.
26. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974.
27. *Марков Г Е.* Памятники каменного века в западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите. ИМКУ. Ташкент: ФАН, 1975. Вып. 12.
28. *Марков Г. Е.* Памятники первобытности в Восточном Прикаспии — Грот Дам-Дам-Чешме 1 // ВМГУ. Сер. 8. История. 3. 1981.
29. *Коробкова Г Ф.* Мезолит Средней Азии и Казахстана. Ахеология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989.
30. Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978.
31. *Бижанов Е. Б.* Неолитическое погребение на Устюрте // СА. 1985. № 1.

32. *Чалая Л. А.* О типах неолитических стоянок Казахстана // Сб. научн. работ аспирантов исторического факультета. М.: Изд-во МГУ, 1970.
33. *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180.
34. *Коробкова Г Ф.* Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // ТЮТАКЭ. 1960. Т. 10.
35. *Массон В. М.* Неолитические охотники и собиратели // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л.: Наука, 1966.
36. *Сарианиди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. 1965. Б 3-8. Ч. IV.
37. *Ширинов Т* Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазиатского междуречья. Ташкент: ФАН, 1986.
38. *Марков Г Е.* Материалы по каменному веку Прибалханья // Материальная культура Туркменистана. Ашхабад, 1971.
39. *Юсупов Х.* Древности Узбоя. Ашхабад: Ылым, 1986.
40. *Ширинов Т.* Кремневые изделия эпохи бронзы с поселения Сапаллитепе (типологически-функциональное исследование) // СА. 1979. № 4.

N. U. KHOLMATOV

THE ARROWHEADS RETOUCHED FROM BOTH SIDES IN THE NEOLITHIC OF THE SOVIET CENTRAL ASIA

Summary

In the article a collection of stone arrowheads from the stratified settlemants of the Soviet Central Asia is presented (ca. 50 artefacts). They are made on the stone flakes, retouched from both sides in pressure technique and in edge-retouched technique. Proceeding from the datings accepted now by the Soviet scolars the author concludes that the mentioned technique existed in the territory of the Soviet Central Asia as early as the Mesolithic. A comparisons are made between the sets of arrowheads originating from the Neolithic sites of the mountinous regions and the valleys, and on the other hand, between the Neolithic and the Bronze Age arrowheads.

А. Н. ГЕЙ

НОВОТИТОРОВСКАЯ КУЛЬТУРА
(предварительная характеристика)

Памятники эпохи бронзы, в том числе и раннего ее периода, в Восточном Приазовье и степном Правобережье Кубани долгое время оставались слабо изученными. Так, в обобщающих работах 60-х годов для аргументации положения о заселении указанной территории племенами ямной культурной общности привлекались лишь отдельные находки из раскопок Н. И. Веселовского, Д. Я. Чуйко, К. Ф. Смирнова [1, 2]. Широкие исследования степных курганов, ведущиеся с начала 70-х годов, и резкий количественный рост материалов показали, что в эпоху ранней бронзы степи Северо-Западного Предкавказья заселяли наряду с ямниками носители иных культурных традиций: майкопской, новосвободненской, а также совершенно особой культурной группы, ярчайшей чертой которой является широкое использование в погребальной практике и, надо думать, в реальной жизни колесного транспорта в виде деревянных четырехколесных повозок с дисковидными, обычно трехчастными колесами.

Первые выразительные материалы такого типа были получены В. И. Козенковой при раскопках курганов у станицы Новотиторовской в 1970 г., однако их культурное своеобразие не было раскрыто в полной мере. В. И. Козенкова отметила лишь смешение ямных, катакомбных и северокавказских черт в погребальном ритуале и инвентаре и на этом основании датировала открытые захоронения началом II тыс. до н. э. [3] В дальнейшем аналогичные материалы не раз упоминались в качестве ямных или относящихся к ямно-катакомбному времени [4, 5]. В 1980 г. В. А. Сафронов и Н. А. Николаева интерпретировали их как памятники «степной филиации новосвободненской культуры» или, иначе, как «культуры с повозками и новосвободненской керамикой», датировав временем от XXIV до середины XVIII вв. до н. э. и связывая их появление с якобы имевшим место продвижением на Кавказ племен европейской культуры шаровидных амфор [6, 7]. Впоследствии они изменили свою точку зрения, включив захоронения с повозками из Прикубанья в состав сконструированной ими днепро-кубанской или кубано-днепровской (КДК) культуры, отнесенной на этот раз к XXIII — второй половине XVIII в. до н. э. [8] Несмотря на ряд верных замечаний (например, о причастности данной культуры к распространению колесного транспорта в Европе, о доминировании в Прикубанье при эпизодическом проникновении сюда ямников, о временном диапазоне существования от майкопской до катакомбных культур), концепция авторов не получила признания, причем не только из-за крайне путаного изложения, но и в результате произвольного подбора памятников для КДК. Так, сначала все повозки, с территории Венгрии в том числе, объявляются неямными, затем часть их возвращается ямной культуре; сходные по многим параметрам с кубанскими погребениями Северо-Западного Причерноморья не включаются в культуру на том основании, что стратиграфически следуют за усатовскими, а ранние старосельские — без объяснения причин, причем отрываются от поздних старосельских [8, с. 59—61] и т. д. Не менее сомнительны и хронологические построения, например синхронизация КДК с якобы доямной культурой вытянутых погребений Поднепровья по комплексу из могильника Танковое, не имеющему никакого отношения к куль-

© А. Н. Гей, 1991 г.

турам с повозками, или синхронизация Константиновского поселения, Майкопского кургана и ранних звеньев КДК, к тому же на фоне общей сверхкороткой хронологии авторов [8, с. 61]. Не добавляют ясности и такие замечания, как: «... с 23 в. до н. э. по вторую половину 18 в. до н. э. от низовий Буга и Днепра до низовий Кубани приморская полоса была занята одной культурой, которая на этой же территории переросла в ПКК под влиянием злотского компонента, но продолжала существовать на этой территории до 16 в. до н. э. (до 17 в. до н. э. на Нижнем Дону)» [8, с. 67], поскольку воистину трудно представить культуру, которая в одно и то же время, на одной и той же территории и «переросла», и «продолжала».

Тогда же автором данной статьи для обозначения нового явления были предложены термины «памятники новотиторовского типа» или «новотиторовская культура» по первому изученному могильнику [1] Оценивая своеобразие этой культуры и ее роль в истории степных скотоводческих племен, я исходил из многочисленных наблюдений, свидетельствующих о том, что, будучи целиком *предкатакомбной* по времени, эта культура демонстрирует зарождение и развитие целого комплекса признаков, характерных впоследствии именно для катакомбных культур эпохи средней бронзы, что заставляет считать ее *протокатакомбной* по своей сути [9, 10, 11]

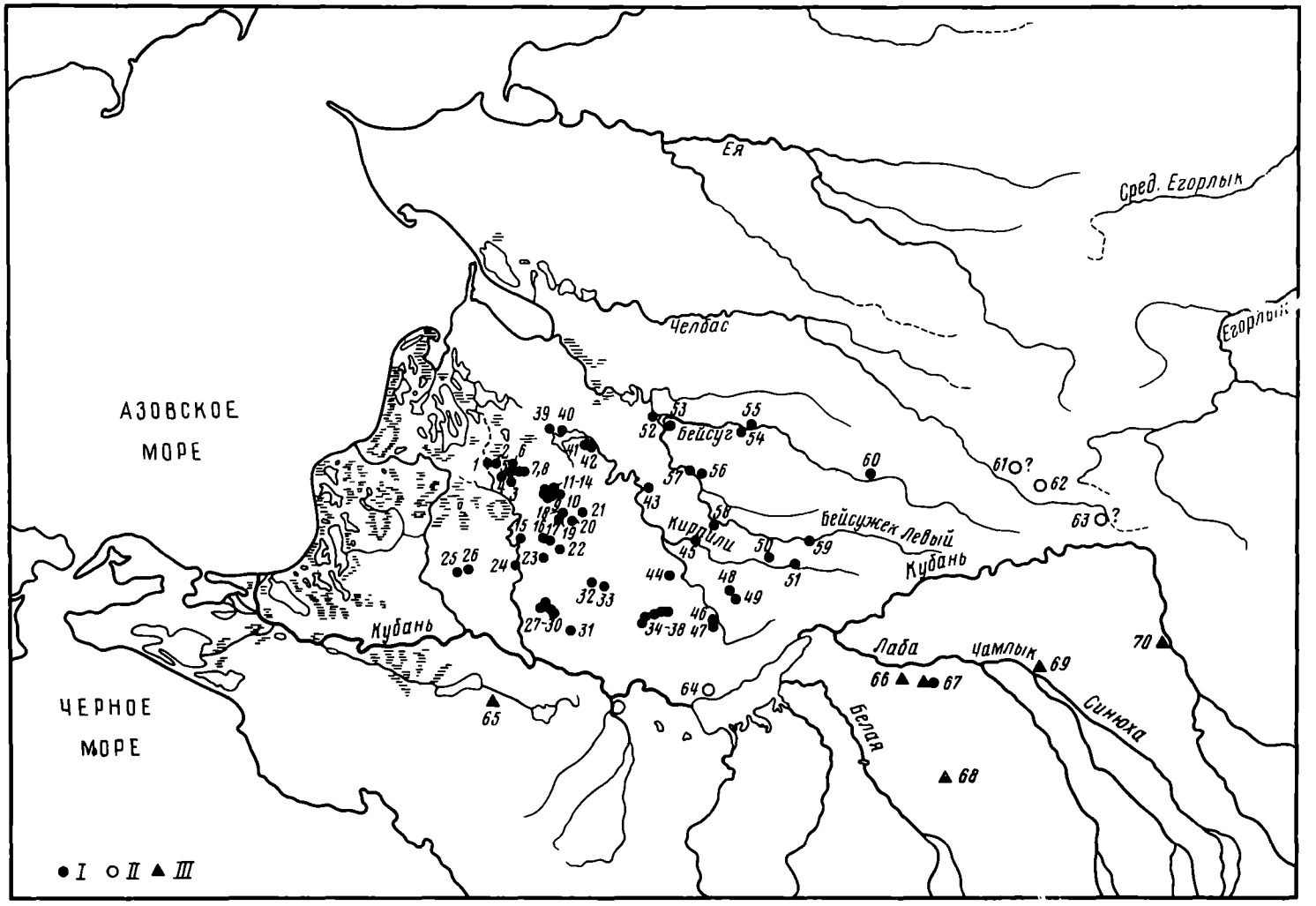
Термин «новотиторовский тип» был использован в работах В. А. Трифонова для характеристики групп погребений с повозками и без них, содержавших скорченные на боку костяки, отмеченные преимущественно в западной, приморской части Прикубанья, тогда как сходные с ним и по инвентарю, и по деталям обряда захоронения со скорченными на спине и вытянутыми костяками из восточных и центральных районов Прикубанья по-прежнему называются ямными [12, 13]. Трудно согласиться с таким разграничением в целом однородных материалов. Логичнее предположить, что вариации некоторых, пусть немаловажных, признаков неизбежны в среде подвижных скотоводческих коллективов и вызваны в данном случае более интенсивными контактами с соседними древнеямными племенами на востоке новотиторовской территории. Условность разделения погребений эпохи ранней бронзы степного Правобережья Кубани на группы по позе погребенного наглядно выступает в работе, принадлежащей коллективу Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР, где скорченные на спине, на боку и вытянутые захоронения (группы 3—7, по их терминологии) сводятся в «один общий культурный блок», не включающий, правда, также очень близкие по набору признаков слабоскорченные «предкатакомбные» захоронения (группа 8) [14]. Этот-то культурный блок с добавлением предкатакомбной группы, с моей точки зрения, и заслуживает обособления в рамках единой новотиторовской культуры. Что касается предложенной В. А. Трифоновым датировки новотиторовских памятников временем от 2700 до 2200 г. до н. э., то она основывалась на немногих сопоставлениях и ряде общих соображений, поэтому была воспринята многими с недоверием. Однако в ходе работ последних лет накапливается все больше данных, свидетельствующих в ее пользу.

Такова вкратце история осмысления одной из наиболее интересных и представительных (к данному моменту раскопано не менее 500 погребений) культурных групп Северо-Западного Предкавказья. К сожалению, основные материалы по новотиторовской культуре до сих пор не опубликованы, отсутствует в литературе и развернутая ее характеристика. В задачу настоящей работы и входит попытка частично заполнить этот пробел.

Исследованные памятники новотиторовской культуры группируются на сравнительно небольшой территории у восточного побережья Азовского моря, ограниченной с юга Кубанью, а с северо-востока долинами Бейсуга и Челбаса (рис. 1). Граница по Кубани достаточно четкая на всем протяжении существования культуры, лишь на сравнительно короткое время, в конце раннего ее

---

[1] Доклад на заседании Сектора неолита и бронзы ИА АН СССР 18.03.1982.


АЗОВСКОЕ
МОРЕ
ЧЕРНОЕ
МОРЕ
Ея
Сред. Егорлык
Челбас
Бейсуг
Бейсужек Левый
Кирпили
Кубань
Кубань
Лаба
Чамлык
Белая
Синюха
● I ○ II ▲ III

периода, в Закубанье появляются памятники, сходные с ранними новотиторовскими. Единственное их отличие — преобладание скорченных на спине, а не на боку захоронений. Известны здесь и находки повозок (Чернышев 1) [15]. Эта группа, получившая название петропавловской [11], довольно быстро исчезает, будучи поглощена явно пришлым или, по крайней мере, спонтанно распространившимся населением, оставившим памятники раннего этапа северокавказской культуры (архаичные вытянутые захоронения в обширных ямах без каменных конструкций). Северо-восточный участок границы (по Челбасу), напротив, проблематичен в силу неизученности серединных районов междуречья Дона и Кубани, отделяющих наши памятники от хорошо изученных Нижнего Подонья и Приманычья.

Территория, занятая новотиторовской культурой, представляет собой низменную равнину, пересеченную множеством степных речек, бегущих в Азовское море, и сильно заболоченную в приморской полосе, т. е. благоприятна для населения с подвижным и полуподвижным скотоводческим укладом хозяйства. По климатическим условиям она с древности и вплоть до нового времени использовалась степными скотоводами для откочевки сюда из открытых степей на зимний период. На это указывает существование именно в приморской полосе больших могильников средневековых кочевников (Коллекторский) и обширных ногайских кладбищ. Добавлю, что угол между нижним течением Кубани и юго-восточным берегом Азовского моря на современных климатических картах является единственным участком к северу от Кубани, характеризуемым мягкой зимой, в отличие от умеренно мягкой на обширных степных просторах Предкавказья [16, с. 87].

Пока известны исключительно погребальные памятники новотиторовской культуры в виде захоронений, впущенных в более древние (майкопско-новосвободненские и раннеямные) курганы, а также собственных курганов и курганных могильников, состоящих из шести-семи насыпей, причем традиция сооружения собственных курганов является ведущей. Достаточно сказать, что на очерченной территории от Кубани до Челбаса площадью около 15,5 тыс. км^2, по данным многолетних разведок и крупномасштабным топографическим картам, находится не менее 15 тыс. курганов, причем, по всей вероятности, около 95% из

Рис. 1. Карта исследованных памятников новотиторовской культуры. *I* — новотиторовские памятники, *II* — предполагаемые новотиторовские памятники, *III* — памятники петропавловской группы. *1, 2* — Лебеди IV и VIII (Скарбовенко В. А., 1980); *3—5* — Новониколаевский I, Лебеди I и II (Гей А. Н., Рябова В. Я., 1979—1980); *6* — Царский (Пятых Г. Г., 1981); *7, 8* — Новониколаевская (несколько групп, Сафронов В. А., 1979—1980); *9, 10* — Малаи I и II; *11—14* — Греки I—III, V (Гей А. Н., Мельник В. И., Орловская Л. Б., Сорокина И. А., 1981—1982); *15* — Крупской; *16* — Чапаи; *17* — Павлоградский (Сафронов В. А., 1978); *18* — Останний (Гей А. Н., Ульянова О. А., 1985); *19* — Магистральный; *20* — Овальный (Ждановский А. М., Марченко И. И., 1986); *21* — Олений I (Гей А. Н., Мелешко Б. В., Сатеев О. И., Ульянова О. А.); *22* — Северный (Скрипкин А. С., 1981); *23, 24* — Старонижестеблиевская (Шаталин Ю. А., 1982; Паромов Я. М., 1988); *25, 26* — Красноармейская (Анфимов И. Н., 1983, 1986); *27—30* — Ивановская (Баков Г., 1971; Ждановский А. М., 1974; Булава Л. А., 1977; Пятых Г. Г., 1977); *31* — Новомышастовская; *32* — Бойко-Понура; *33* — Найдорф (Ярковая Л. А., 1973, 1975); *34—36* — Новотиторовская (Козенкова В. И. 1970; Ярковая Л. А., 1973; Нехаев А. А., 1980); *37* — Белевцы I (Бочкарев В. С., 1985); *38* — Белевцы II (Пьянков А. В., 1985); *39* — Приазовский (Ярковая Л. А., 1973); *40* — Приазовская I (Бочкарев В. С., 1983); *41, 42* — Роговская (Анфимов Н. В, 1971; Сафронов В. А., 1972); *43* — Тимашевск (Каминский В. И., 1984); *44* — Старомышастовская (Бочкарев В. С, 1984); *45* — Нижний (Анфимов Н. В., 1966); *46, 47* — Динская (Ярковая Л. А., 1973; Чернопицкий М. П., 1987); *48* — Пластуновский I (Гей А. Н., 1988); *49* — Пластуновская; *50* — Верхний; *51* — Раздольная (Нехаев А. А., 1977—1980); *52, 53* — Брюховецкая I, II; *54, 55* — Батуринская I, II; *56* — Новокорсунская (Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Бестужев Г. Н., Трифонов В. А., 1978—1981); *57* — Новокорсунская (Тарабанов В. А., Кондрашов А. В., 1985); *58* — Пролетарский (Шевченко Н. Ф., 1983); *59* — Бураковский (Тарабанов В. А., 1983); *60* — Первомайский (Нехаев А. А., 1979); *61* — Хоперская (Скрипкин А. С., 1983); *62* — Степной I (Мельник В. И., 1987); *63* — Челбас I (Сафронов В. А., 1977); *64* — Пашковский (Тарабанов В. А., 1977); *65* — Мингрельский I (Савченко Е. И., 1984); *66* — Уляп (Лесков А. М., 1982); *67* — Чернышев I (Днепровский К. А., 1984); *68* — Келермес (Галанина Л. К., 1981); *69* — Большой Петропавловский (Гей А. Н., Ульянова О. А., 1982); *70* — Новокубанский (Навротский Н. И., 1970).

В скобках указано, кем и когда раскапывался памятник

них насыпано в эпоху ранней и средней бронзы и около 45% возведено носителями новотиторовской культуры. Так, из 224 раскопанных курганов 98 оказались насыпаны над новотиторовскими могилами, еще 32 содержали впускные новотиторовские захоронения. Зная это, можно предполагать, что отмечаемая группировка курганных памятников по речным бассейнам с резким увеличением их количества в низовьях рек и уменьшением в верховьях и на водоразделах отражает, в частности, определенную группировку и плотность новотиторовского населения. Намечаемые курганные скопления, которые могут быть названы массивами, и данные по раскопанным памятникам уже сейчас позволяют говорить о территориальных вариантах новотиторовской культуры. Один из них — Понурский (в долинах Ангелинского Ерика, Понуры и низовьях Кирпилей) — характеризуется преобладанием погребений в положении скорченном на боку, с отклонением на спину, второй — Кочетовский (по Кочетам и в верховьях Кирпилей) — присутствием большого числа вытянутых и скорченных на спине захоронений.

Единовременно насыпанные новотиторовские курганы имеют высоту от 0,8 до 1,5 м и никогда не более 3 м. Более высокие насыпи (до 8 м) сооружены в несколько приемов. Число захоронений в кургане колеблется от 1 до 10—15. Яркой чертой является наличие двух-трех основных могил, расположенных в ряд по линии север—юг (Лебеди I, кург. 2; Царский, кург. 1). Впускные захоронения располагаются либо в ряд, либо по кольцу вокруг центра насыпи. В крупных курганах с большим количеством могил и многократными подсыпками насыпи погребения часто образуют четкую хронологическую последовательность, в которой все комплексы связаны общей планировкой и общими признаками в обряде и инвентаре (например, полусидячая поза, наличие повозок и булавок в кург. 2 мог. Лебеди I; однотипно раскрашенные циновки в кург. 1 Останнего могильника и т. д.), что позволяет рассматривать их как памятники одного коллектива или родственной группы, а вместе с тем демонстрируют изменения ритуала и инвентаря во времени, позволяют представить новотиторовскую культуру в динамике. Анализ стратиграфических и планиграфических данных позволяет говорить о трех последовательных этапах ее развития.

1-й этап. Захоронения в обширных прямоугольных ямах с далеко выходящими за их края древесными и камышовыми перекрытиями. Яркая черта, сохраняющаяся и в дальнейшем,— сочетание в составе перекрытия продольных и поперечных лаг. Погребенные лежат в слабо- или среднескорченном положении на левом боку, иногда с отклонением на спину, и ориентированы головой на восток и северо-восток. Известны отдельные полусидячие захоронения и случаи частичного трупосожжения (Лебеди I, кург. 2, погр. 116; кург. 6, погр. 8—11). В некоторых случаях над основным захоронением в насыпи устраивалась конструкция типа вертикального колодца, обеспечивавшего доступ в могилу после возведения насыпи. Встречаются отдельные случаи захоронения на правом боку и западной ориентировки, т. е. по обряду, характерному для следующих этапов. Синхронность их с ведущей формой обряда в данном случае подтверждается сочетанием их в одной могиле или в разных основных погребениях одного кургана (Лебеди I, кург. 7, погр. 7; Царский, кург. 1, погр. 6, 8), а также переменной стратиграфией. Инвентарь ограничен и включает жаровни из обломков крупных сосудов, вся поверхность которых покрыта грубыми расчесами, бронзовые ножи, шилья, тесла, наборы просверленных астрагалов овцы, каменные песты и терочники, кремневые сколы и сколы с галек, куски охры и т. д. В крупных курганах имеются разобранные деревянные повозки, положенные на край могильной ямы (рис. 2). Отмечен случай раскрашивания циновки, лежавшей на перекрытии могилы, зигзагообразным узором, нанесенным красной краской (Лебеди I, кург. 2, погр. 119).

2-й этап. Погребенные почти во всех случаях лежат на правом боку, ориентация изменяется на западную с отклонениями. Наряду с простыми ямами и ямами с надстроенным в насыпи колодцем (Лебеди I, кург. 2, погр. 120) полу-

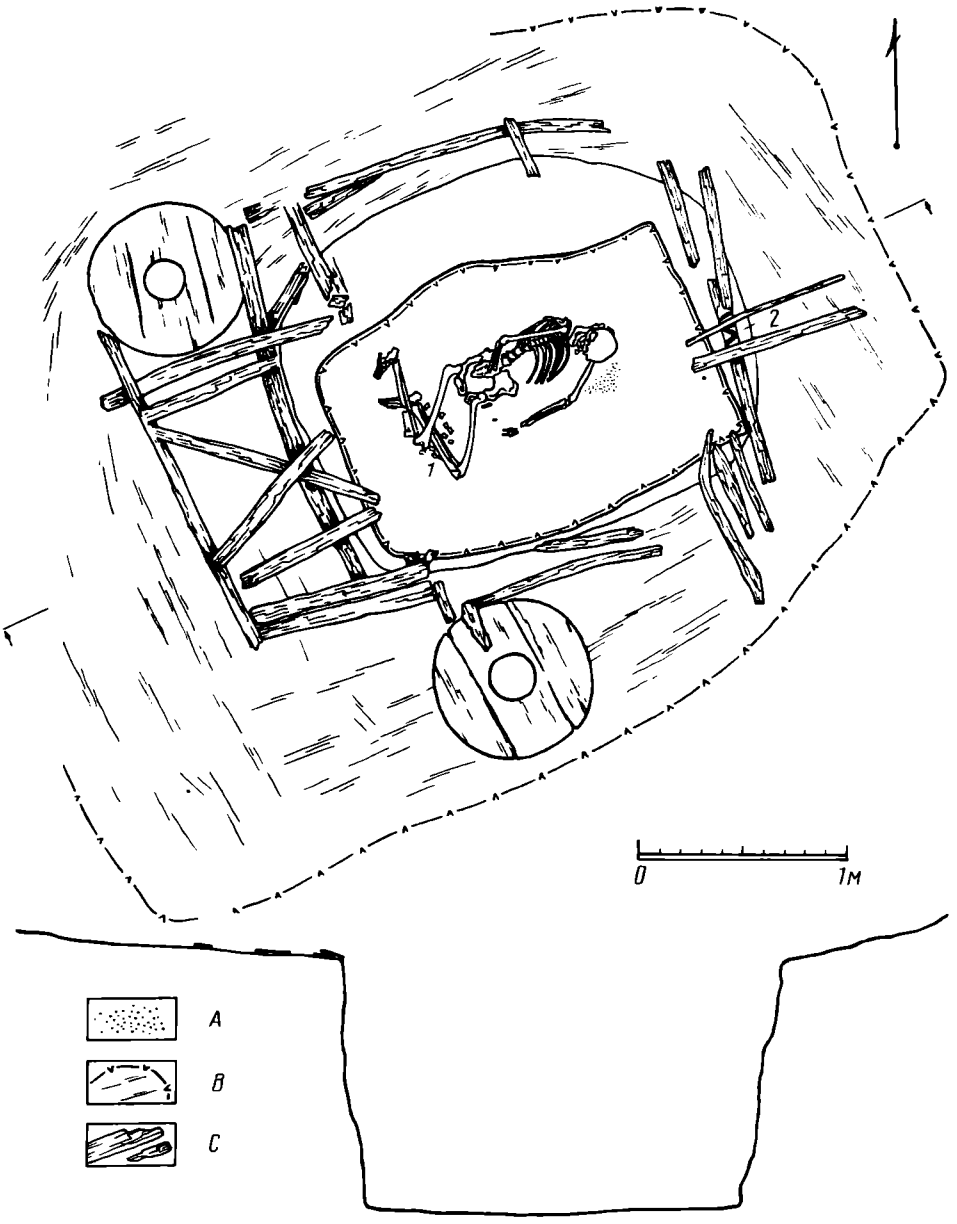


Рис. 2. Захоронение 1-го этапа новотиторовской культуры (основное погребение 119 в кург. 2. мог. Лебеди I). *1* — просверленные астрагалы овцы; *2* — рисунок красной краской; *A* — посыпка красной краской, *B* — черный камышовый тлен; *C* — истлевшее дерево

чают распространение ямы с уступом. В больших курганах по-прежнему встречаются разобранные, реже целые повозки, помещенные на краю ямы (рис. 3) или на уступе. В инвентаре сохраняются все категории 1-го этапа, но возрастает количество керамики (добавляются столовая посуда и миниатюрные сосудики), украшений (височные кольца из бронзы и серебра, свернутые в полтора оборота, бронзовые бляхи с пуансонным орнаментом, подвески из клыков и челюстей животных), костяных изделий (молоточковидные булавки от неорнаментированных с прямым до богато украшенных с сигаровидным стержнем, костяные кольца, бусы, острия из расколотых трубчатых костей). Сохраняются полусидячие захоронения (Лебеди I, кург. 2, погр. 112), появляются, особенно в памятниках восточного, кочетовского варианта, вытянутые захоронения, принадлежность которых к данному этапу устанавливается по находкам вытянутых и скорченных костяков в одной могиле (Динской курган, погр. 14 и 27). Часты находки раскрашенных циновок. Нанесенные на них узоры имеют вид косых крестов по диагонали циновки, выполненных белой краской, пересекаю-

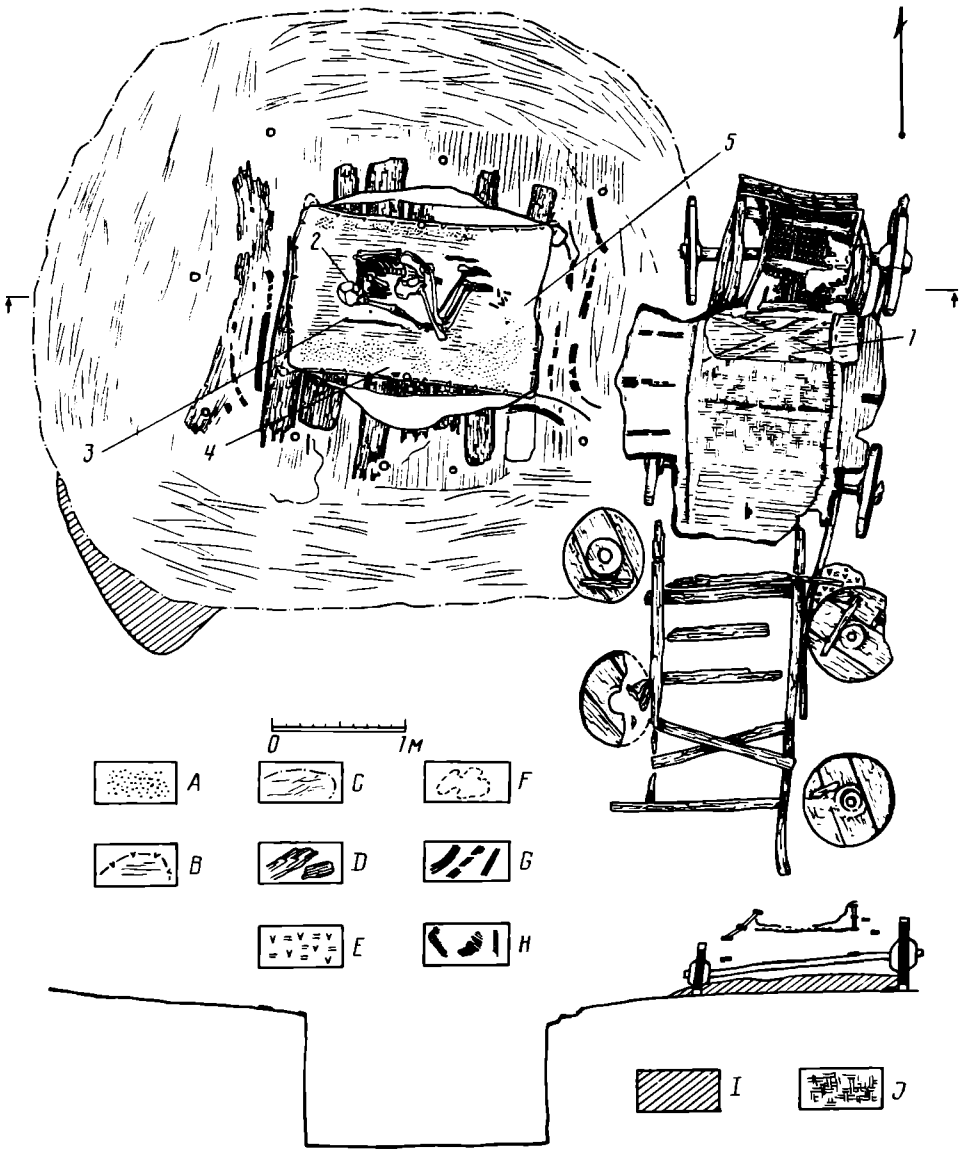


Рис. 3. Захоронение 2-го этапа новотиторовской культуры (основное погребение № 150 в кург. 1 могильника Останний). *1* — ребра крупного животного; *2* — серебряные височные кольца; *3* — позвонок рыбы; *4* — скопление рыбьей чешуи; *5* — костяные трубочки, разрисованные красной краской («флейта Пана»); *A* — посыпка красной краской; *B* — черный камышовый тлен от подстилки; *C* — серо-белый камышовый тлен; *D* — истлевшее дерево; *E* — кострище; *F* — белый тлен; *G* — полосы красной краски на циновке; *H* — черная краска на циновке и колсах; *I* — выкиды из могилы; *J* — плетение циновки

щихся под прямым углом, как бы в клетку, полос и строенных лент красного, черного и белого цветов, черной каймы по краю циновки (Останний, кург. 1, погр. 100, 140, 150; кург 2, погр. 15). Очевидно, к этому же этапу следует отнести сюжетную роспись (бык, рало, человек, птица?), выполненную красной краской на перекрытии вытянутого захоронения с западной ориентировкой (Батуринский II, кург. 3, погр. 11) [17].

3-й этап. Памятники этого времени сохраняют основные характеристики 2-го этапа, прежде всего скорченное на правом боку положение погребенных и западную ориентировку. Параллельно с основным обрядом продолжают встречаться захоронения в сидячем и полусидячем положении, а в кочетовском варианте возрастает число вытянутых захоронений (Пластуновский 1). Изменения заметны в инвентаре, где наряду с известными ранее появляются поздние типы — серебряные височные кольца с расплющенными концами, свернутые в два с половиной и три с половиной оборота, роговые стержневидные и даже

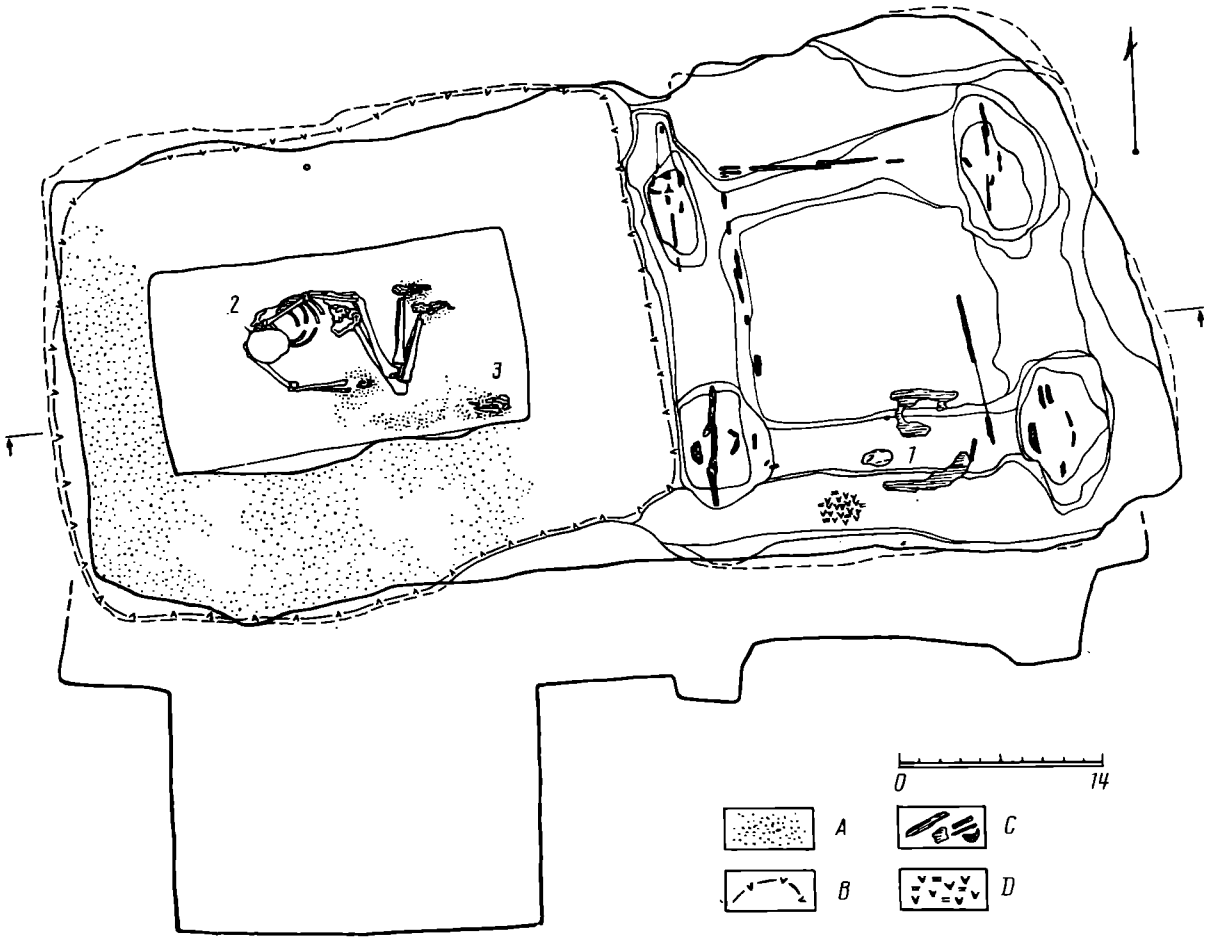


Рис. 4. Захоронение в «протокатакомбе» 3-го этапа культуры (впускное погребение 25 в кург. 9 мог. Малаи I). *1* — каменная мотыга; *2* — серебряное височное кольцо; *3* — череп и ноги особи мелкого рогатого скота; *A* — посыпка красной краской; *B* — тлен черного цвета; *C* — истлевшее дерево; *D* — кострище

отдельные бронзовые молоточковидные булавки (Лебеди I, кург. 2, погр. 123; Магистральный). Миниатюрные, вероятно, культовые сосудики из детских могил приобретают черты, роднящие их с более поздними курильницами и глиняными модельками повозок катакомбного времени.

Самые показательные инновации прослеживаются в конструкции погребальных сооружений. Рядом с простыми ямами и ямами с уступом появляются ямы с уступами и ступеньками, приближающиеся по форме к катакомбным могилам. Отличия от классических ям с уступом в этих могилах идут по линии расширения уступа с одной стороны от нижней ямы-камеры, увеличения числа ступенек на уступе, расширения нижней камеры в придонной части. Примером такого сооружения является погр. 25 в кург. 9 могильника Малаи I (рис. 4), в котором уступ в восточной половине так расширен, что на нем уместилась повозка в собранном виде, здесь же находится угловая ступенька для спуска в могилу. Сдвинутая к западу нижняя камера перекрывалась деревянной конструкцией, включавшей вертикальные колья (пресловутые «шалаши»). В наиболее четко оформленном виде такое сооружение приближается к катакомбе, вход в которую находится не в боковой стенке, а в своде камеры (Раздольная, кург. 1, погр. 11; Пашковский, погр. 2) [18, 19]. Всего на данный момент только в Прикубанье известно 14 таких захоронений, что составляет не менее четверти от всех погребений 3-го этапа. Во всех установленных случаях они занимают стратиграфически промежуточное положение между памятниками 2-го этапа новотиторовской культуры и самыми ранними катакомбами, что позволяет обозначить их как «протокатакомбы». Повозки на 3-м этапе происхо-

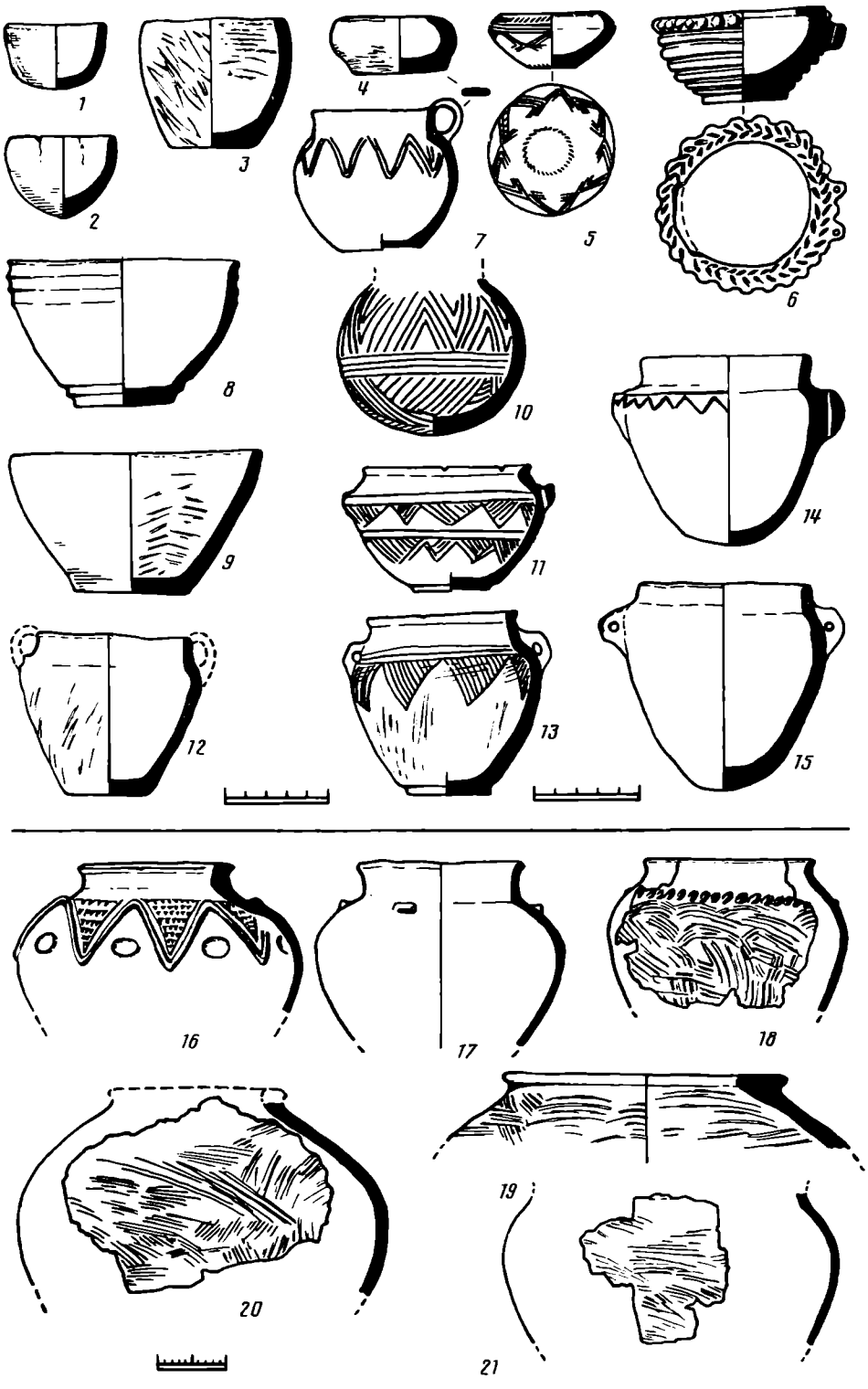


Рис. 5. Посуда из новотиторовских погребений. *1, 10* — Лебеди I, кург. 2, находки в насыпи; *2* — Лебеди I, кург. 2, погр. 73; *3* — Малаи I, кург 9, погр. 14; *4* — Лебеди I, кург. 2, погр. 100; *5* — Малаи II, кург. 1, находка в насыпи; *6* — Пластуновский I, кург. 2, погр. 26; *7* — Лебеди I, кург. 2, погр. 61; *8* — Лебеди I, кург. 2, погр. 112; *9* — Греки 1, кург. 2, погр. 78; *11* — Лебеди I, кург. 2, погр. 120; *12* — Малаи I, кург. 9, погр. 11; *13* — Малаи I, кург. 9, погр. 24; *14* — Царский, кург. 1, погр. 7; *15* — Лебеди I, кург. 7, погр. 7; *16* — Олений I, кург. 2, погр. 25; *17* — Останний, кург. 2, погр. 15; *18* — Пластуновский I, кург. 2, погр. 11; *19* — Олений I, кург. 3, находка в насыпи; *20* — Лебеди I, кург. 2, погр. 116; *21* — Лебеди I, кург. 2, погр. 120

дят в основном из протокатакомб. Есть и раскрашенные циновки, мотивы росписи аналогичны тем, что известны в предшествующее время (Останний, кург. 1, погр. 160; Пластуновский 1, кург. 1, погр. 11).

Говоря о материальной культуре носителей новотиторовской культуры в целом, следует сказать, что наши знания о ней ограничены тем набором предметов и изделий, которые фигурируют в погребальной обрядности. Перечисленные выше костяные изделия и украшения типологически невыразительны (землекопные орудия из бараньих лопаток, астрагалы, кольца и бусы из трубчатых костей, подвески из зубов, челюстей и когтей животных и т. д.) Молоточковидные булавки распространены широко и за пределами новотиторовской территории, эволюция их форм и орнаментов в Прикубанье идет тем же путем, что на Дону или в Калмыкии [20] Кремневые изделия малочисленны и представлены концевыми скребками на пластинчатых отщепах и мелкими треугольными наконечниками стрел с выемкой в основании, похожими на катакомбные. Металлические изделия разнообразны. Кроме украшений (височные кольца, бляхи) представлены черешковые ножи, четырехгранные шилья простейших форм, «бритвы», плоские тесла, мелкие «долотца» в виде шила с уплощенным концом, также практически не отличающиеся от типов, известных в раннем бронзовом веке степной полосы и Предкавказья. О существовании развитой собственной металлообработки, включающей литье бронзовых проушных топоров в складных формах, свидетельствует находка погребения мастера-литейщика (Лебеди I, кург. 3, погр. 10) [10], причем сами топоры типологически занимают промежуточное положение между майкопско-новосвободненскими и катакомбными.

Что касается новотиторовской керамики, то она обладает ярко выраженным своеобразием, легко отличима от посуды других культур, ямной прежде всего. Вся керамика — лепная. Предварительно она может быть разделена на шесть групп с последующим выделением внутри них отдельных типов. Группу 1 составляют миниатюрные сосудики, вероятно, культового назначения. Намечается два их типа: плоскодонные, реже округло- либо остродонные чашечки без орнамента (рис. 5, *1—3*), и плошки с загнутым внутрь краем, обычно орнаментированные (рис. 5, *4—6*). В группу 2 входят шаровидные сосуды (рис. 5, *10*). В группу 3 — горшковидные, обычно плоскодонные сосуды с орнаментом и без него, снабженные налепными ручками-выступами с горизонтальными или вертикальными отверстиями в них (рис. 5, *11—13*). К этой же группе тяготеют отдельные типично ямные сосуды, найденные в новотиторовских захоронениях (рис. 5, *14, 15*), которые могут рассматриваться как свидетельство контактов между носителями обеих культурных традиций. Группу 4 составляют одноручные сосудики типа кружек (рис. 5, *7*); группу 5 — глубокие неорнаментированные миски (рис. 5, *8, 9*). Группу 6 составляют крупные сосуды хозяйственного назначения. Первый их тип — чернолощеные сосуды с налепными украшениями на плечиках (рис. 5, *16, 17*), второй — горшковидные сосуды, покрытые расчесами (рис. 5, *18, 21*), третий — приземистые сосуды с утолщенным венчиком, морфологически сходные с тарной керамикой поздних майкопско-новосвободненских памятников и одновременно предваряющие реповидные сосуды катакомбного времени (рис. 5, *19, 20*).

Общим для всей посуды является использование теста с примесями песка и шамота, толченая раковина встречается редко. Обработка поверхности грубыми расчесами отмечена почти во всех группах (рис. 5, *3, 9, 12, 13, 18—21*), темное лощение характерно для хозяйственных сосудов первого типа и кружек (рис. 5, *7, 16, 17*), использование оранжевой отмученной глины — для миниатюрных сосудиков и горшков (рис. 5, *4—6, 11, 13*). В орнаментации преобладают прочерченные узоры в виде косо заштрихованных треугольников и зигзагообразных композиций в сочетании с горизонтальными линиями (рис. 5, *5, 7, 10, 11, 13*). Шнуровой орнамент, применяемый в тех же схемах, редок и, похоже, появляется только в поздних памятниках. Яркой особенностью новотиторовской посуды является использование налепных украшений (рис. 5, *6, 16, 17*) и наличие про-

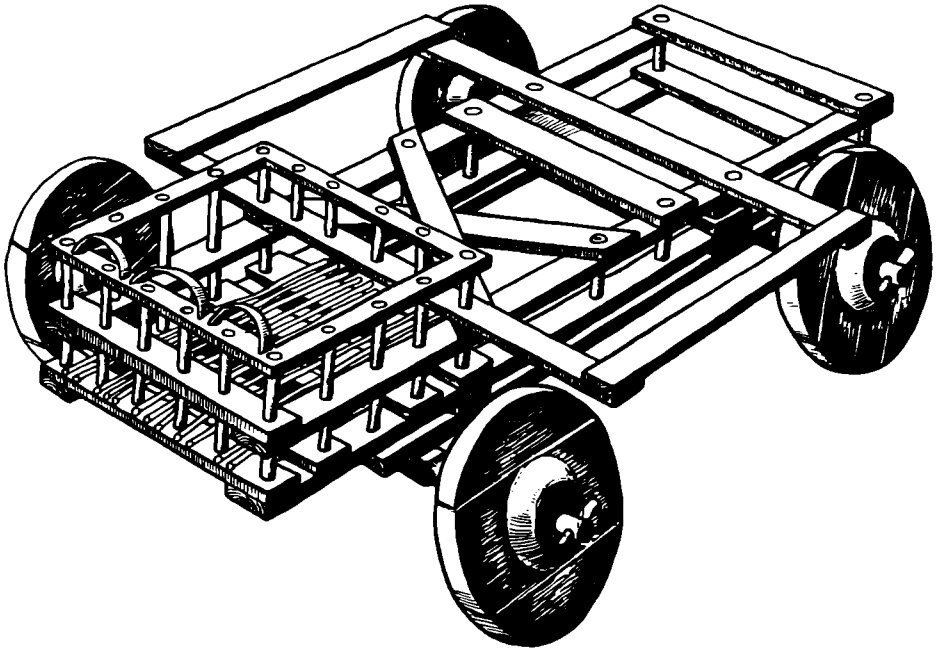


Рис. 6. Реконструкция новотиторовской повозки, выполненная по находкам из погребений 150 и 160 кургана 1 могильника Останний

глаженных каннелюр в придонной части или по всей поверхности (рис. 5, *6, 8, 11, 13*). Прослеживается постепенное вырождение каннелюр и превращение их в грубо прочерченные горизонтальные линии. На посуде кочетовского варианта встречаются ряды ногтевых защипов (рис. 5, *18*)

С известной долей условности к погребальному инвентарю можно отнести деревянные четырехколесные повозки, устанавливавшиеся на краю ямы или на уступе и служившие, очевидно, для доставки тела умершего к месту захоронения. Новотиторовские повозки отличаются сложной конструкцией (рис. 6) и выработанными стандартами размеров, отдельных деталей и конструкции в целом. Трехчастные колеса диаметром около 70 см при толщине до 7 см имели ступицы диаметром до 25 см, выступающие с обеих сторон колеса на 5—13 см. Кузов представлял собой решетчатую конструкцию, собранную из нескольких уровней горизонтальных досок или брусьев (шириной до 10 см), скрепленных между собой рядами вертикальных столбиков. В средней части верхнего яруса кузова имеется крестовина, очевидно, придававшая конструкции жесткость. Оси четырехугольного сечения были встроены в раму нижнего яруса кузова, лишь концы их были округлыми, и колеса, закрепленные чекой, вращались свободно. Нижний ярус кузова невелик (1×1, 1×1,4 м), средний, за счет удлинения продольных брусьев, достигает размеров 1×2,2 м, а верхний, включающий длинные поперечные брусья, выступающие с боков и частично нависающие над колесами, представляет крестообразную платформу размером до 2,2×2,7 м, которая, будучи застелена плотной (часто раскрашенной) циновкой, судя по всему, и являлась основанием кибитки или фургона, известного по глиняным моделькам более позднего, уже катакомбного времени [21] Сам способ крепления осей исключает наличие поворотного устройства, оно, вероятнее всего, не было известно, а имеющиеся в литературе [22] и еще не опубликованные свидетельства в пользу наличия у ямных или катакомбных повозок «лисицы» или поворотного круга основаны скорее всего на неверной трактовке результатов раскопок, когда за поворотное устройство принимается стык продольной дроги и поперечной нахлестки либо неподвижной оси, скрепленных вертикальным штоком конструкции кузова. Дышло новотиторовской повозки представляло собой рогатину длиной до 4 м, раздвоенный конец ее крепился непосредственно к раме кузова, запряжка была парной, тягловые животные (быки или во-

лы) размещались по бокам дышла. Рядом с повозками иногда находятся деревянные прямоугольные рамы с внутренними перегородками, напоминающие более всего одну из разновидностей ярма архаичного типа [23, табл. 1] Даже наиболее ранние из известных новотиторовских повозок, насколько удается проследить, уже имеют все главные конструктивные особенности, представленные в реконструкции на рис. 6, иными словами, они достаточно сложны, что заставляет предполагать либо достаточно длительную предысторию колесного транспорта в степной полосе, либо заимствование основных принципов с других территорий.

О системе хозяйства новотиторовского населения говорят следующие наблюдения. Прежде всего это преобладание среди жертвенных животных и в составе заупокойной трапезы костей домашних видов, овец и коз в первую очередь. Так, в 81 случае представлены кости мелкого рогатого скота, в 9 — крупного рогатого, в 2 — лошади, в 6 — кабана, в 7 — хищника (волка или собаки), в 3 — благородного оленя, в 6 — неопределенных птиц и, наконец, в 5 — кости и чешуя рыб [2]. Такое распределение красноречиво указывает на производящий характер экономики в целом, хотя и не дает точного представления о составе стада новотиторовских скотоводов. Можно думать, что подавляющее преобладание в захоронениях костей мелкого рогатого скота во многом продиктовано ритуальными установлениями. Сам факт широкого распространения тяжелых повозок-фургонов, запрягаемых волами или быками, диктует наличие соответствующих стад, гарантирующих воспроизведение тягловой силы, иными словами, пропорция стад крупного и мелкого рогатого скота в реальной жизни могла выглядить иначе, чем это представляется по находкам из могил.

Находки при погребениях массивных каменных зернотерок (9 случаев), наличие крупных пифосообразных сосудов, наконец, упоминавшееся изображение рала на циновке позволяют говорить о существовании собственного вспомогательного земледельческого уклада. Особо отмечу, что находки зернотерок связаны прежде всего с узкой приморской полосой и низовьями степных речек Восточного Приазовья, т. е. с той территорией, на которой сконцентрированы курганы-кладбища родовых коллективов, в отличие от курганов в верховьях тех же речек и на водораздельных пространствах, где связь отдельных могил между собой фиксируется не столь отчетливо. Кроме того, неодинаковым оказывается и процентное соотношение взрослых и детских захоронений в разных районах. Если в низовьях рек число детских захоронений доходит до 33—37%, то в верховьях — лишь до 17—20%. Все это позволяет считать, что ведущим хозяйственным укладом у новотиторовского населения было полукочевое скотоводство, при котором часть населения с преобладанием взрослых (здесь возможны варианты, скажем, такие: в благоприятные годы с семьями и детьми, а в неблагоприятные исключительно взрослые) в течение весенне-летнего периода осуществляла выпас стад в открытой степи, тогда как другая часть взрослых и основная масса детей круглогодично передвигалась (поселения неизвестны) в пределах традиционных зимников, охраняя их от возможных посягательств соседей и практикуя впридачу к скотоводству земледелие в ограниченных масштабах. Радиус летнего выпаса при этом вряд ли превышал 100—150 км (здесь я исхожу из средней длины приазовских речек, по долинам которых вытянуты курганные массивы, и из наблюдений, свидетельствующих, что в верховьях Челбаса, отстоящих от побережья на 200 км, известны лишь единичные захоронения, сопоставимые с собственно новотиторовскими).

Разработка вопросов, касающихся уровня социального развития и социальной организации новотиторовцев, находится в начальной стадии. Анализ данных о количественном и качественном составе погребального инвентаря, а также о трудовых затратах при устройстве различных групп захоронений пока-

---

[2] Определение выполнено В. П. Данильченко, которой автор выражает глубокую признательность.

зывает, что общество не было «эгалитарным», что основными факторами, определявшими социальный статус и престиж погребенного, являлись скорее всего его принадлежность к определенной возрастной группе и, может быть, профессиональные специализация и квалификация. Показательно, что находки повозок (среди упоминавшихся 500 новотиторовских захоронений повозки представлены в 90 случаях) связаны только с погребениями взрослых мужчин и женщин преимущественно старшего возраста (при средней продолжительности жизни в 20—22 года, к старшим возрастам у новотиторовцев можно относить всех жителей, переваливших за 30-летний рубеж). В захоронениях взрослых старше 20 лет независимо от пола повозки имеются в целом в каждой четвертой могиле, а в отдельных микрорайонах и курганных группах число их доходит до 40%. Что касается крайне немногочисленных погребений ремесленников (на те же 500 могил приходится одно захоронение литейщика-кузнеца, два захоронения плотников — вероятных строителей повозок и три захоронения с набором инструментов, предположительно связанных с ткацким или сетевязальным делом), то их социальный статус подчеркивается либо повозкой, либо парадным полированным сверленым топором из серпентинита, либо и тем и другим. Выделения особого воинского сословия не отмечено, нет и ярко выраженных захоронений вождей, тем более военных предводителей. Такая картина заметно расходится с широко распространенными в литературе положениями о далеко зашедшем социальном и даже имущественном расслоении у степных племен энеолита — раннего бронзового века, о выделении у тех же ямников вождей, воинского и жреческого сословий, об особом высоком социальном статусе погребенных, захороненных с повозками [24—28]. Новотиторовские материалы определенно указывают, что вряд ли стоит преувеличивать роль социального расслоения скотоводческих обществ в эпоху ранней бронзы. Скорее речь должна идти о явлениях, которые я обозначаю как «ситуационное ранжирование», когда в условиях повышенной военной опасности или дальних миграций, сопряженных с военными действиями, в обществе возникают определенные элементы военно-демократической структуры; в условиях же спокойного и длительного обитания в районах традиционных зимников и кочевий компактных и достаточно монолитных массивов населения, таких как новотиторовский, предпосылки для возникновения таких структур либо недостаточны, либо допускают формирование этих институтов по мере надобности с последующей деградацией (скажем, с прекращением военной опасности). И только в следующих за новотиторовскими и генетически связанных с ними катакомбных памятниках эпохи средней бронзы отмечается ряд показателей, позволяющих предполагать у потомков новотиторовцев прогрессирующее сращение кровнородственных и ранговых градаций, формирование институтов наследования социального статуса и с предельной осторожностью говорить об имущественном расслоении, точнее, о возможности такого расслоения.

Говоря об относительной и абсолютной хронологии новотиторовской культуры, необходимо отметить следующее. В стратиграфических колонках курганов Правобережья Кубани погребения 2-го этапа новотиторовской культуры всегда являются более поздними по отношению к раннеямным (с мариупольскими чертами), майкопским и новосвободненским. Известны также пока немногочисленные случаи (например, Пластуновский 1, кург. 1 и 2), когда новотиторовские погребения 1-го этапа оказались более поздними, чем новосвободненские и сменившие новосвободненцев ямные достаточно архаичного облика (на спине, с восточной ориентировкой, широко расставленными руками и ногами, распавшимися ромбом), т. е. относящиеся примерно к началу развитого этапа ямной общности. Напомню, что в Закубанье петропавловская группа, сходная с ранней новотиторовской, приходит на смену новосвободненской культуре [15]. Таким образом, новотиторовская культура в целом является более поздней, чем майкопская, новосвободненская и раннеямная. Вместе с тем в обряде и инвентаре ранних новотиторовских памятников в ряде случаев прослеживаются черты, свойственные новосвободненской культуре (металл, керамика, элементы позы —

вроде положения рук перед лицом погребенного). И наоборот, в новосвободненской культуре известно захоронение с повозкой [29] При любой трактовке, будем ли мы считать это показателем сосуществования определенных звеньев новосвободненской и новотиторовской культур или же результатом прямого наследования культурных элементов, нельзя отрывать начало раннего новотиторовского этапа от времени заката новосвободненской культуры и всего майкопско-новосвободненского культурного блока. К настоящему времени накоплен большой материал, включающий стратиграфические наблюдения, типологические сопоставления и даже импорты-реперы в виде ближневосточных печатей, к сожалению, крайне слабо отраженный в литературе [30—32], который заставляет отказаться от традиционной датировки майкопско-новосвободненских древностей второй половиной III тыс. до н. э. и отнести их существование в целом ко второй половине IV — первой половине III тыс. до н. э. Соответственно ранние новотиторовские памятники должны датироваться не позднее второй четверти — середины III тыс. до н. э.

Для синхронизации новотиторовской культуры с соседними культурными образованиями важны наблюдения, показывающие, что роговые молоточковидные булавки, широко представленные в позднеямных памятниках, появляются у новотиторовцев не ранее рубежа 1-го и 2-го этапов культуры. Что определенная интенсификация ямных влияний, выражающаяся в появлении отдельных круглодонных сосудов в типичных новотиторовских захоронениях, приходится на 2-й и отчасти 3-й этапы. Что появление отдельных вытянутых захоронений происходит в конце 2-го и особенно на 3-м этапе новотиторовской культуры, т. е. в то время, когда южнее, в Закубанье, происходит становление северокавказской культуры с аналогичным обрядом, а восточнее, в Калмыкии, складывается сходная группа предкатакомбных памятников (горизонт В, по В. А. Сафронову [33]). Таким образом, новотиторовская культура существует параллельно с памятниками развитого и позднего этапов ямной культуры, а в конце своего существования и с ранними звеньями северокавказской, что в абсолютных датах соответствует периоду от второй четверти до последних веков III тыс. до н. э. Кроме того, новотиторовские памятники 3-го этапа по данным стратиграфии всегда предшествуют древнейшим захоронениям приазовской катакомбной культуры, справедливо относимой к числу древнейших катакомбных образований [34] и входящей в круг так называемых преддонецких памятников, относимых к последним векам III тыс. до н. э. [35]

Имеются также две радиокарбонные даты для захоронений могильника Останний, приходящиеся на XXV—XXIV вв. до н. э. Одна из них (кург. 1, погр. 160—4440±40, ЛЕ-2963) относится к захоронению в «протокатакомбе», сопровождавшемуся повозкой и по всем признакам принадлежащему к 3-му этапу. Другой образец (кург. 2, погр. 12—4270±40, ЛЕ-2962) взят из перекрытия могилы, относящейся скорее всего ко 2-му этапу. Инверсия дат в данном случае может быть вызвана различной глубиной залегания отобранных образцов и загрязнением второго из них гуминовыми кислотами современной почвы (первый образец залегал на глубине 5,8 м, а второй — 1,5 м от современной поверхности насыпи). Как видно, эти первые и явно недостаточные данные все же подтверждают предположения о том, что начало новотиторовской культуре должно датироваться ранее середины III тыс. до н. э., так же как конец ее — ранее конца этого тысячелетия. Учитывая все изложенное, датировка новотиторовской культуры рамками 2700—2200 гг до н. э. представляется на данный момент наиболее реальной, хотя, разумеется, далеко не окончательной.

Касаясь исторической интерпретации новотиторовской культуры, отмечу, что сложение ее пока представляется загадкой. Отчетливо ощутимый майкопско-новосвободненский компонент, судя по всему, является все-таки только одним из компонентов, но не основой. В поисках этой основы, вероятно, будут иметь значение такие детали, как, скажем, наличие каннелированной посуды, весьма необычной для культуры степных скотоводов. Что касается дальнейших судеб, то здесь обращает на себя внимание наличие в новотиторовской культуре

признаков, предвосхищающих многие черты более поздних катакомбных памятников, причем не разрозненных, а составляющих определенный комплекс, постепенное развитие этого комплекса и его составляющих по пути все большей кристаллизации специфических катакомбных черт. Назову здесь обряд слабоскорченного на боку трупоположения с протянутыми к коленям руками, сидячие и полусидячие захоронения, трупосожжения, использование повозок в обряде, жаровни, жертвенники из костей овцы, керамические формы («протореповидные» сосуды, миски) традиции металлообработки, эволюцию форм погребальных сооружений (от ям и ям с уступом через «протокатакомбы» к ранним катакомбам с прямоугольными камерами, плоскими потолками и уступами в шахте). Вполне закономерен поэтому вывод о том, что новотиторовская культура является субстратом раннекатакомбной приазовской культуры, а через нее — других катакомбных культур Предкавказья с обрядом скорченного на боку трупоположения (манычской прежде всего, в меньшей степени элистинской, а возможно, и недавно намеченной батуринской [6, 36]). Таким образом, новотиторовская культура, являясь всецело культурой эпохи ранней бронзы и чисто формально относясь к числу образований, которые могут быть включены в состав ямной культурно-исторической области в понимании Н. Я. Мерперта [2], в этнографическом плане представляет совершенно самостоятельное явление, принадлежит к числу ранних звеньев катакомбной общности, предшествующих формированию самой общности в современном ее понимании.

В заключение отмечу, что новотиторовская культура не является изолированным единичным явлением, а органично вписывается в ареал сходных культурных групп, занимающих южную периферию ямной культурно-исторической области в полосе от низовьев Дуная до Калмыкии. В их число входит часть позднеямных памятников Северо-Западного Причерноморья, объединяемая иногда в так называемую буджакскую культуру, характерными чертами которой является скорченное на боку положение погребенных, широкое распространение западной ориентировки, ямы с уступами, а в керамике — сосудов с ушками, высоких мисок (чаш), сосудов с каннелюрами или оформленными желобком поддонами, наличие повозок, иногда определяемых как носилки или сани, а в некоторых памятниках (Семеновский могильник) сидячих погребений и трупосожжений [27, 37—41] Восточнее, в Нижнем Поднепровье, аналогом новотиторовской культуры выступают памятники старосельского типа, выделенного Ю. А. Шиловым и датированного второй половиной III тыс. до н. э. [42] Старосельские памятники, как и буджакские, демонстрируют безусловное и яркое сходство с новотиторовскими 2-го и 3-го этапов; специфических групп с восточной ориентировкой, сходных с ранними новотиторовскими, на Днепре и к западу от него пока не выявлено. Вызывает удивление, что ранние старосельские памятники, равно как и буджакские, не были включены В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой в состав КДК [8] Сходные со старосельскими погребения встречаются также в Надпорожье и Северном Приазовье, однако здесь существуют сложности с их выделением, связанные с отсутствием чистых памятников, пока уверенно опознаются лишь погребения с повозками.

К этому же культурному кругу можно отнести часть памятников степного и предгорного Крыма, включаемых иногда в состав кеми-обинской культуры [43], но таковыми не являющихся. Известны здесь деформированные ямы с уступами, близкие к «протокатакомбам» Прикубанья (Рисовое, кург. 1, погр. 40, 43), и полусидячие костяки в ямах с уступом и сожженными перекрытиями (Марьино, кург. 1, погр. 11; Симферополь, кург. 12, основная могила) [44]. Отличительный признак этой территориальной группы — господство восточной ориентировки погребений и полное отсутствие западной даже в поздних памятниках.

Важные соответствия новотиторовской культуре находятся на Нижнем Дону, среди выделенных В. Я. Кияшко «неямных» групп погребений второй половины III тыс. до н. э. [45]. Заслуживают внимания группа IV (полусидячие захоронения, ориентированные спиной к востоку и северу, в ямах со следами

огня), группа VI (захоронения на левом боку в ямах с уступами, ориентированные на восток и юг), группа IX, вариант 1 (скорченные на спине и правом боку костяки с неустойчивой ориентировкой в ямах с заплечиками), группа X (слабоскорченные захоронения на правом боку с западной ориентировкой). Находки повозок здесь пока не отмечены, но эволюция обряда и, добавлю, инвентаря от IV к X группе происходит тождественно аналогичным процессам в новотиторовской культуре, что подчеркивает сходство обоих образований. Отмечу, что IV и VI группы также не были включены в состав КДК.

Позднее, в конце III, а может быть, и в начале II тыс. до н. э. дериваты очерченного крупного культурного массива появляются и восточнее. К их числу можно отнести часть памятников так называемого архаринского горизонта в Калмыкии, намеченного В. П. Шиловым [46], представителем которого является знаменитое погребение в кургане Три Брата [47] В Приморском Дагестане к таким дериватам относятся прежде всего Утамышские курганы [48]. В последней четверти III тыс. до н. э. на смену куро-аракской культуре в Закавказье приходит алазано-беденская, носящая явные следы активного взаимодействия с северными степными культурами и даже проникновений с севера [49] Многочисленные параллели в погребальных обрядах новотиторовской и алазано-беденской культур позволяют ставить вопрос о причастности первой и к этим процессам.

Завершая краткий обзор культурных образований, безусловно стоящих в одном ряду с новотиторовской культурой, скорее всего составляющих вместе с ней особую этнокультурную общность, внутреннюю структуру и динамику развития которой необходимо еще долго уточнять, отмечу следующие моменты. Во-первых, приуроченность всех упомянутых культурных групп к самым благоприятным в климатическом отношении районам степной полосы европейской части СССР, к лучшим местам зимовки скота, использовавшимися степными скотоводами всех времен. Это говорит не только о каких-то нюансах хозяйственной деятельности, но и о той роли, которую играло население упоминавшихся групп в истории степной полосы, об уровне его организации и потенциальной военной мощи, позволявшей в течение столетий сохранять за собой эти благоприятные зоны в условиях постоянной конкуренции с племенами той же ямной культуры. Во-вторых, касаясь динамики внутри намеченной общности, следует признать, что наиболее ранними из известных являются пока памятники 1-го этапа новотиторовской культуры и сходные с ними IV и VI группы погребений на Нижнем Дону. Вопрос о наличии ранних памятников в Крыму остается открытым. Все прочие группы сопоставляются лишь со 2-м и 3-м новотиторовскими этапами, поэтому нет реальных оснований для вывода о продвижении всего массива из Европы на Кавказ, как это предполагают В. А. Сафронов и Н. А. Николаева [8]. Не приходится говорить и о переживании в Прикубанье консервативной группы старосельских памятников, как это делает Ю. А. Шилов, имея в виду именно новотиторовские материалы [42]

Наконец, важно отметить, что обрисованный ареал или культурный массив, ярким проявлением которого является новотиторовская культура Прикубанья, в целом полностью вписывается в рамки очерченной Н. Я. Мерпертом «циркумпонтийской зоны», связанной с генезисом отдельных индоевропейских групп [50], замыкая эту зону в северном и восточном секторах и соединяя воедино кавказский и балканский «мосты» между Европой и Передней Азией. Такое совмещение кажется особенно многозначительным, если учесть множественные совпадения между археологически реконструируемой культурой новотиторовцев и культурными реалиями определенных стадий развития индоевропейского массива, восстанавливаемыми языкознанием [51]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
2. *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Дис. докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1968 // Архив ИА АН СССР. Р-2. № 2010.

3. *Козенкова В. И.* Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье // КСИА. 1973. № 134.
4. *Авилова Л. И., Андреева М. В., Клочков И. С., Николаева Н. А. Новикова Л. А., Сафронов В. А.* Курганы у станицы Роговской // АО-1972. М., 1973.
5. *Анфимов И. Н.* Итоги работы Красноармейской археологической экспедиции 1983 г.// Материалы к научно-практическому семинару археологов на тему «Итоги полевых исследований археологических памятников Краснодарского края в 1982—1983 гг. и задачи на 1984—1985 гг. Краснодар. 1984.
6. *Сафронов В. А.* Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980.
7. *Николаева Н. А.* Повозки Западного Прикубанья и вопросы появления первых индоевропейцев в Восточной Европе // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы: Тез. докл. конф. Оренбург, 1980.
8. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение днепро-кубанской культуры — культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
9. *Гей А. Н.* Раскопки курганов на р. Понуре // АО-1981. М., 1983.
10. *Гей А. Н.* Погребение литейщика новотиторовской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. Древности Северного Кавказа (материалы работ Северо-Кавказской экспедиции). М.: Наука, 1985.
11. *Гей А. Н., Каменецкий И. С.* Северо-Кавказская экспедиция в 1979—1983 гг.// КСИА. 1986. № 186.
12. *Трифонов В. А.* О смене обрядовых групп погребений в Степном Прикубанье (энеолит — средняя бронза) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпоз. Ереван, 1982.
13. *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно-историческая характеристика). Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1983.
14. *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г Н.* Работы Кубанской экспедиции в 1978—1980 гг.// Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983.
15. *Днепровский К. А.* Обрядовые группы захоронений финальной ранней бронзы в Чернышевском 1 курганном могильнике // Древний и средневековый Восток. Часть II. М.: Наука, 1988.
16. Кавказ. Сер. «Природные условия и естественные ресурсы СССР». М.: Наука, 1966.
17. *Шарафутдинова Э. С.* Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в степном Прикубанье // КСИА. 1983. № 176.
18. *Нехаев А. А.* Отчет о полевых исследованиях совместной археологической экспедиции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника и Краснодарского краевого совета ВООПИК в 1977 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6849.
19. *Тарабанов В. А.* Исследование кургана, расположенного в 5 км восточнее пос. Пашковский, попадающего в зону реконструкции автомобильной дороги Краснодар — Кропоткин // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 6819.
20. *Гей А. Н.* Костяные булавки эпохи бронзы в Предкавказье // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар, 1987.
21. *Андреева М. В.* Глиняная модель повозки из погребения катакомбного времени // СА. 1984. № 3.
22. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.) // Элиста, 1966.
23. *Кожин П. М.* К проблеме происхождения колесного транспорта // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985.
24. *Даниленко В. М., Шмаглий М. М.* Про один поворотний момент в історії енеолітичного населения Південної Европи // Археологія. 1972. № 6.
25. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
26. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблемы этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
27. *Шмаглий Н. М.* Погребения раннего бронзового века с повозками в курганах Северо-Западного Причерноморья // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпоз. Ереван, 1982.
28. *Чередниченко Н. Н.* О некоторых аспектах социальной структуры скотоводческого общества в эпоху энеолита — раннебронзового века // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. конф. Донецк, 1987.
29. *Кондрашов А. В., Резепкин А. Д.* Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. 1988. № 193.
30. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977 № 1.
31. *Кореневский С. Н.* Погребение майкопской культуры из Кабардино-Балкарии // СА. 1981. № 1.
32. *Нехаев А. А.* Некоторые вопросы изучения поселения Свободное // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1984.
33. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщ. научно-методич. совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. 1974. Вып. VII.
34. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа

и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
35. *Смирнов А. М.* Катакомбные культуры в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1987
36. *Трифонов В. А.* Две группы катакомбных погребений на Среднем Бейсуге // КСИА. 1983. № 176.
37. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. 1970. Вып. 6.
38. *Клейн Л. С.* // Рец. на кн.: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (МАСП. 1970. Вып. 6) // СА. 1975. № 1.
39. *Субботин Л. В.* Некоторые особенности погребальных обрядов племен ямной культуры устья Днестра (по данным раскопок Семеновской экспедиции) // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. Киев: Наук. думка, 1980.
40. *Алексеева И. Л., Шмаглий Н. М.* Погребения с повозками ранней поры бронзового века Северо-Западного Причерноморья // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1985.
41. *Черняков И. Т., Тощев Г. Н.* Культурно-хронологические особенности курганных погребений эпохи бронзы Нижнего Дуная // Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1985.
42. *Шилов Ю. А.* Памятники старосельского типа (археологические источники и историческая интерпретация) // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
43. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969.
44. *Щепинский А. А.* Марьинские курганы эпохи бронзы // ЗОАО. 1960. Т. 1 (34).
45. *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. канд. ист. наук. 07.00.06. Ростов н/Д, 1974 // Архив ИА АН СССР Р-2. № 2143.
46. *Шилов В. П.* Стратиграфическое отношение «жертвенного места» и погребения 8 кургана 9 группы Три Брата 1 в Калмыкии // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
47. *Синицын И. В.* Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. 1948. Вып. X.
48. *Котович В. Г Котович В. М., Магометов С. М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.
49. *Гобеджишвили Г Ф.* Беденские курганы // Тез. докл. сессионных и пленарных заседаний. Всесоюз. науч. сес., посвящ. итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тбилиси, 1971.
50. *Мерперт Н. Я.* Вопросы культурно-исторического развития Юго-Восточной Европы на грани энеолита и раннего бронзового века // Тез. докл. пленарных заседаний Всесоюз. науч. конф., посвящ. новейшим открытиям в области археологии и 100-летию V Археологического съезда. Тбилиси, 1981.
51. *Гамкрелидзе Т В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

A. N. GEY

NOVOTITOROVSKAYA CULTURE. THE FIRST CHARACTERISTIC

Summary

Novotitorovskaya culture of the Early Bronze Age was discovered during the wide-scale investigations of kurgans in the Kuban area beginning from the 1970. The sites were spread in the steppe zone on the right bank of the Kuban river and on the eastern shores of the Azov sea (Fig. 1). Three stages of development of the culture are outlined. The first one is characterized by pit burials with sceletons contracted on their left side, their heads pointing east (Fig. 2). During the second stage plain pits and pits with a step were used, the heads of the dead pointing west (Fig. 3). In the third stage a new type of burial camera emerged, so-called protocatacomb one (Fig. 4). In the article a short characteristic of the material culture is given including pottery (Fig. 5) as well as the description of wooden carriages (Fig. 6). A number of them were discovered in the graves. Novotitorovskaya culture belonged to seminomadic shepherds who inhabited the Kuban area in 2700—2200 B. C. It was connected with a number of similar cultural groups which existed in this and somewhat later time in the steppes of the Lower Danube, Lower Dnieper, North Crimea, Lower Don and the North Caucasus. Novotitorovskaya culture is usually included in pit-grave (yamnaya) cultural unit being in fact an antecedent for later catacomb cultures. Genetically Novotitorovskaya culture is closely connected with the early Azov catacomb culture of the Middle Bronze Age.

Л. Т. ЯБЛОНСКИЙ

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ САКОВ ЮЖНОГО ПРИАРАЛЬЯ

В археологии раннего железного века восточных областей евразийской степи достойное место по праву занимают погребальные комплексы, оставленные, как предполагают, племенами сакского круга. Среди них такие могильники, как Южный Тагискен и Уйгарак в Приаралье, памятники тасмолинской и майэмирской культур Центрального и Восточного Казахстана. Сравнительно недавно наиболее ранний этап становления культур этого типа единодушно датировался исследователями VII—VI вв. до н. э. [1, с. 237 и сл.].

Однако после итоговых публикаций кургана Аржан в Туве [2—4] в научных собраниях и на страницах печати последовала острая дискуссия [5—11], связанная прежде всего с предложением М. П. Грязнова удревнить начальную стадию формирования сакской культуры. Развернувшаяся затем полемика, с одной стороны, еще раз показала трудности осмысления археологических материалов, относящихся к переходным от эпохи бронзы историческим этапам, а с другой — все еще ощутимую нехватку конкретных археологических данных, касающихся ранних периодов становления сакских культур.

Основная задача предлагаемой статьи — в общих чертах познакомить специалистов с новыми материалами, полученными недавно из раскопок курганов левобережного Хорезма. Представляется, что эти данные имеют самое непосредственное отношение к проблемам становления и развития сакской культуры. Речь пойдет о некоторых предварительных результатах раскопок курганных могильников Сакар-чага 3—6, расположенных на территории древней Присарыкамышской дельты Амударьи (современная Ташаузская обл. Туркменской ССР).

Небольшая останцовая возвышенность Сакар-чага находится у северной кромки Заунгузских Каракумов, в непосредственной близости от поселения Куюсай 2 и могильника Тумек-Кичиджик, материалы которых позволили Б. И. Вайнберг выделить куюсайскую культуру раннего железного века Хорезма [12].

На поверхности возвышенности курганы локализуются отдельными скоплениями, вытянутыми вдоль ее длинной оси. Расстояние между крайними группами около 6 км, а соседние отдалены друг от друга не более чем на 1 км.

Основные сведения о могильнике Сакар-чага 3 опубликованы [13]. Из восьми курганов могильника один являлся кенотафом. Насыпи располагались в две почти параллельные цепочки, причем одна из них содержала только трупоположения, а другая — только трупосожжения. В обоих случаях места погребений окружены кольцами, насыпанными из измельченного известняка. Все курганы содержали погребения на поверхности древнего горизонта. Исключение составляет кенотаф кург. 8, где под насыпью была обнаружена неглубокая яма подошвообразной в плане формы. В индивидуальных и многоактных коллективных погребениях было захоронено в общей сложности 14 человек. В случаях с трупосожжениями ориентировка погребенных не фиксируется, в коллективных трупоположениях она неустойчива, в единственном индивидуальном — западная.

© Л. Т. Яблонский, 1991 г.

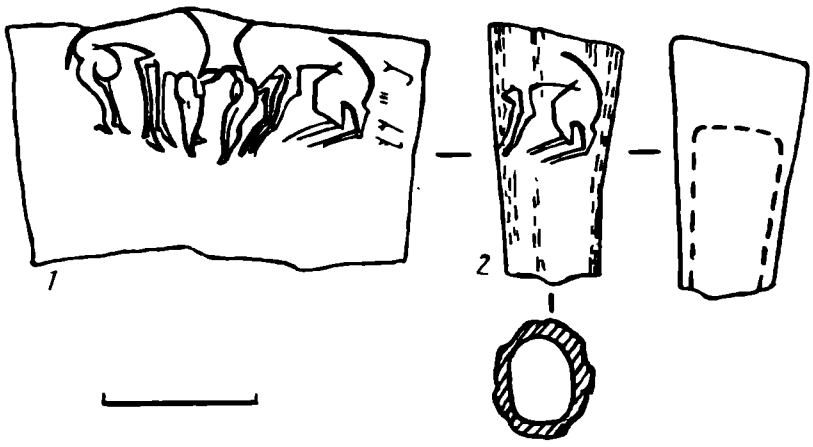


Рис. 1. Могильник Сакар-чага 3. Костяное навершие, прорисовка. *1* —развертка; *2* — общий вид

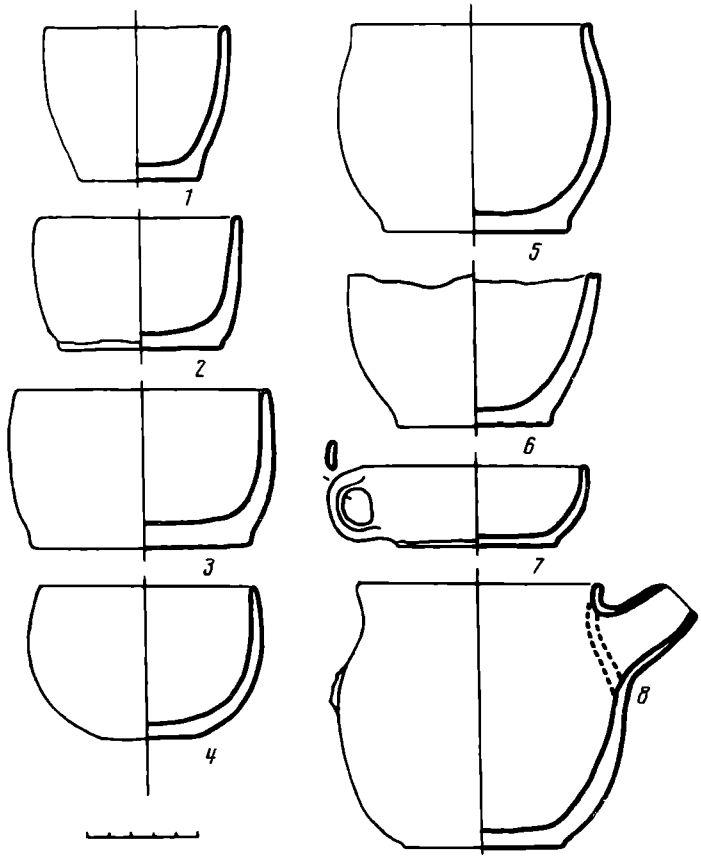


Рис. 2. Могильник Сакар-чага 4. Лепная керамика: *1* — кург. 4; *2, 5, 8* — кург 2; *3, 4* — кург. 5; *6* — кург. 1; *7* — кург. 7

Керамический комплекс могильника делится на две категории: лепная посуда местного производства и импортная, имеющая аналогии в материалах поселения Яз-депе [13, рис. 1; 14, 15] Наиболее массовыми находками являются каменные терочники. В одном из захоронений обнаружен костяной предмет с выгравированными на его поверхности противопоставленными фигурами кабанов (рис. 1). Под насыпью кург. 7 (коллективное захоронение на горизонте) найдены кости крупной рыбы, копыто и бабка лошади.

Могильник Сакар-чага 4 также состоит из восьми насыпей, вытянутых в одну цепочку. Во всех случаях, за исключением кург. 1, удалось зафиксировать каменные надкурганные сооружения. Они представлены двумя видами: либо

крупными обломками рваной известняковой плиты, либо выкладкой из плит, но меньшего размера. Как правило, надкурганные камни просели в толщу насыпи над поверхностью погребальной площадки. Как и в Сакар-чага 3, все захоронения совершены на поверхности древнего горизонта. И здесь погребальные площадки были окружены кольцами, насыпанными из измельченного известняка. Диаметры насыпей колеблются от 9 до 14 м.

Захоронения представляют собой индивидуальные и коллективные трупоположения и трупосожжения. В некоторых случаях трупосожжения совершались на стороне, а прах вместе с сопровождающим инвентарем переносили к месту окончательного погребения. В этом случае поверхность погребенной почвы и нижние слои насыпи не носят следов прокала и не содержат интенсивных углисто-золистых слоев. На месте захоронения фиксируется лишь небольшое золистое пятно и поблизости от него — предметы сопровождающего инвентаря. Особое место в группе занимает кург. 8, который практически не имел насыпи и представлял собой округлую в плане площадку диаметром 5,5 м, окруженную каменистой выкладкой. Внутри выкладки поверхность погребенной почвы носила следы сильной прокаленности. Ее перекрывал углисто-золистый слой мощностью до 25 см. Насыпь над ним образовалась путем естественного заноса. Эта картина позволяет сделать предположение о том, что площадка предназначалась не для захоронения, а только лишь для неоднократных сожжений с последующим переносом праха к месту окончательного погребения. В горелом слое не обнаружено никаких остатков погребений. Топографически кург. 8 занимает крайнее и несколько обособленное место в группе.

Под насыпями остальных курганов, на поверхности погребенной почвы, а иногда и в нижних слоях насыпей обнаружен характерный инвентарь. Вся керамика, за исключением венчика тонкостенного кругового сосуда, лепная, кострового обжига и представлена различными формами (рис. 2). Среди вещевого инвентаря (рис. 3) каменные зернотерки и терочник неправильной формы (рис. 3, *9, 11*), золотая подвеска с бирюзовой вставкой (рис. 3, *7*), сердоликовые бусы (рис. 3, *1, 4*), железный нож (рис. 3, *8*), каменный пестик цилиндрической формы со следами красной краски на рабочей части (рис. 3, *5*), набор бараньих астрагалов (21 шт.), кости рыбы и овцы, крупинки реальгара.

Могильник Сакар-чага 5 расположен в 1 км от могильника Сакар-чага 4. Курганы вытянуты в одну цепочку по направлению длинной оси возвышенности. Две наиболее крупные насыпи кург 1 и 2 находились в юго-восточной части группы. Размеры насыпи кург. 1—19×14 м, диаметр насыпи кург. 2 достигает 31 м. Диаметры остальных колеблются в пределах от 6 до 19 м. Под насыпями раскопаны погребальные камеры разнообразных видов. В кург. 1 на поверхности погребенной почвы выявлена система ям от сгоревшей столбовой конструкции (рис. 4). Реконструируется центральное сооружение прямоугольной в плане формы с размерами 3×2,5 м, обнесенное кольцевой оградой диаметром 5 м. На месте ограды фиксируется два, а местами и три ряда столбовых ям различных конфигураций. Ямы заполнены измельченным известняком, перемешанным с супесью, углем и золой. С юго-восточной стороны в ограде имелся проем-вход. Поверхность погребенной почвы в центральной части кургана сильно прокалена, однако углисто-золистый слой внутри ограды отсутствует. Локальное его скопление обнаружено у края площадки. Складывается впечатление, что после сожжения постройки площадка была расчищена для возведения следующей. О многоактности сожжений может свидетельствовать также двойное, а местами и тройное кольцо столбовых ям, наличие остатков от двух, трех и даже четырех столбов в пределах общей ямы.

Два кургана группы являются кенотафами. Остальные содержали захоронения в ямках и на поверхности древнего горизонта. Оба захоронения на горизонте представлены трупосожжениями, совершенными на стороне, причем в одном случае захоронение праха было произведено на песчаной подсыпке. Однажды зафиксировано сожжение в яме. По расположению кальцинированных костей устанавливается западная ориентировка погребенного. В другом

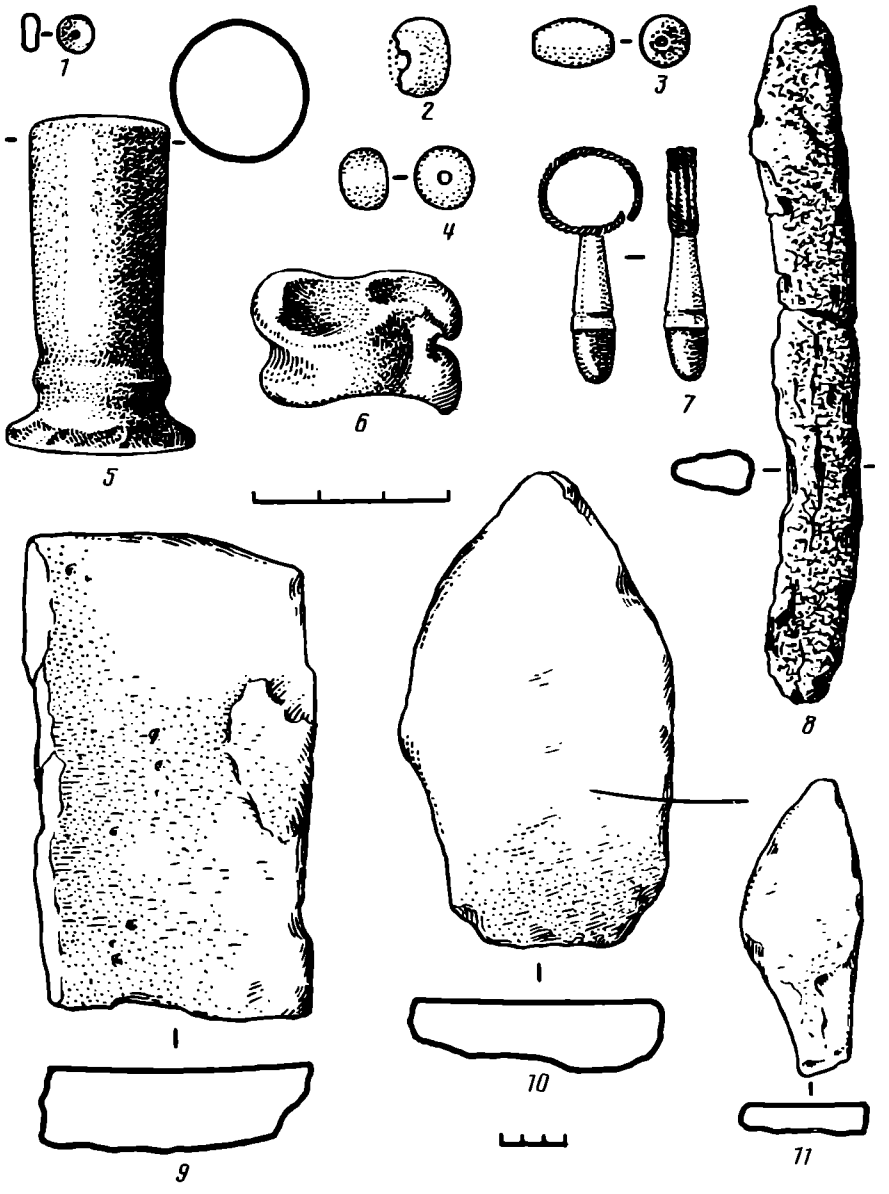


Рис. 3. Могильник Сакар-чага 4. Инвентарь: *1, 4* — сердоликовые бусы; *2, 3* — стеклянные бусы; *5* — каменный пестик; *6* — набор астрагалов (21 экз.); *7* — подвеска (золото с бирюзовой вставкой); *8* — железный нож; *9—11* — каменные зернотерки. *1, 9* — кург. 2; *2—4, 5, 7* — кург 4; *6, 10* — кург 7; *8* — кург. 5; *11* — кург 1

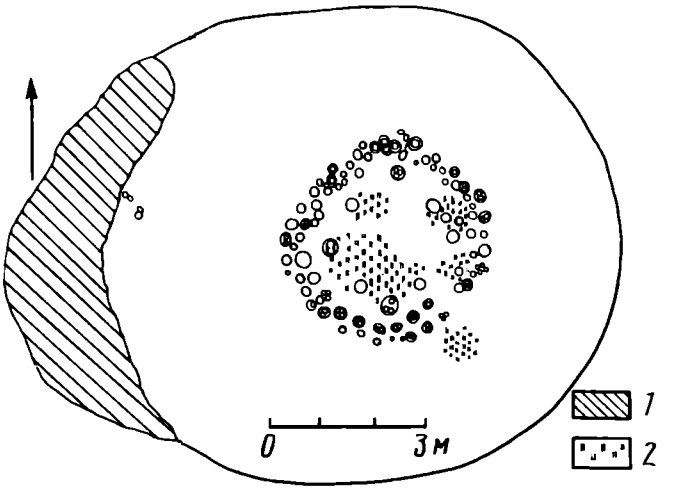


Рис. 4. Могильник Сакар-чага 5, кург 1. Общий план: *1* — место скопления угля и золы; *2* — площади наиболее сильной прокаленности погребенной почвы

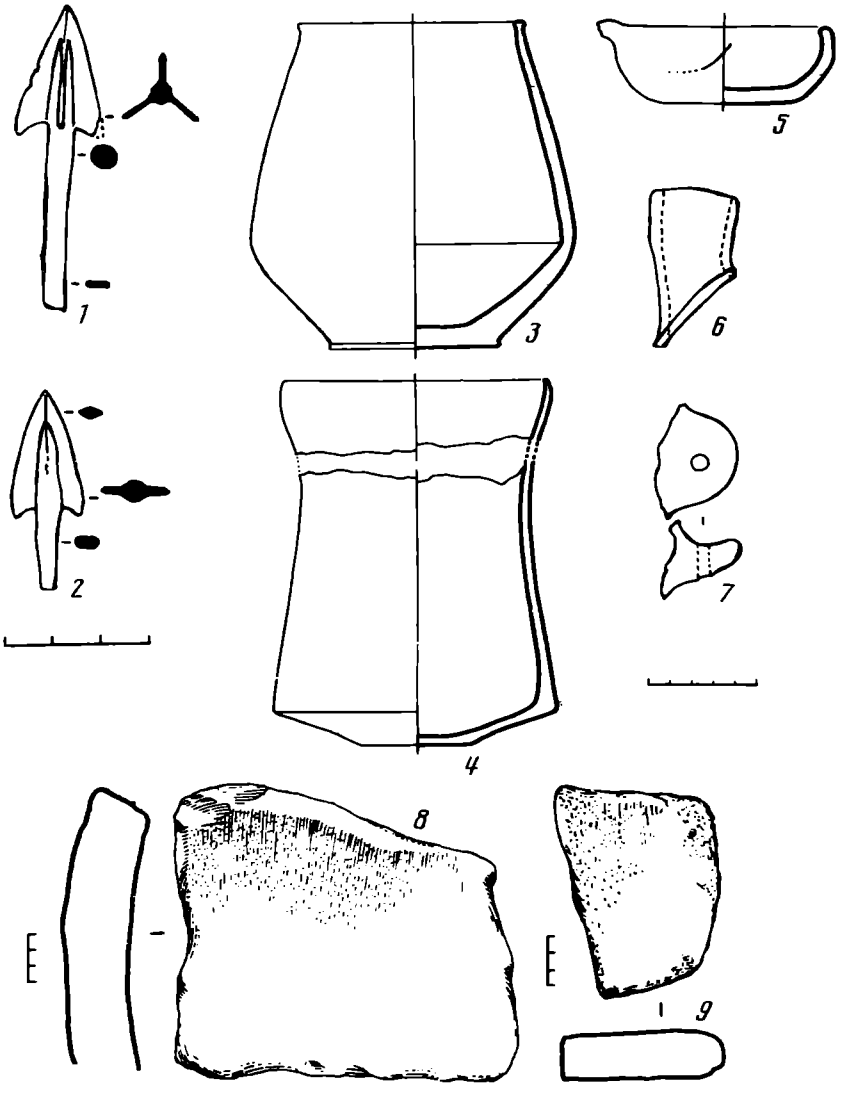


Рис. 5. Могильник Сакар-чага 5. Инвентарь: *1, 2* — бронзовые наконечники стрел; *3, 5—7* — лепные сосуды; *4* — круговой сосуд; *8, 9* — каменная зернотерка и терочник. *1, 2, 6* — кург. 8; *3, 5, 8, 9* —кург 9; *4* — кург. 4

кургане, в совершенно аналогичной яме с широтной ориентировкой, остатков погребения не обнаружено, но в заполнении найден во фрагментах круговой кубок с подкосом в нижней части (рис. 5, *4*). Сопровождающий погребения инвентарь немногочислен. В одном из курганов, содержащих прах от сожжения на стороне, найдены фрагменты лепного сосуда с носиком-сливом (рис. 5, *6*), в другом — лепная посуда куюсайского типа (рис. 5, *3, 5*). Среди вещевого инвентаря — каменные зернотерки (рис. 5, *8, 9*), обломки железного предмета, бронзовые черешковый двухлопастной наконечник стрелы и в паре с ним — массивный трехлопастной, тоже черешковый (рис. 5, *1, 2*).

Могильник Сакар-чага 6 занимает северную оконечность возвышенности. Здесь раскопано 70 курганов, из которых 34 датированы раннесакским временем [16, 17]. Насыпи в нем расположены не цепочками, как это было в остальных могильниках, а отдельными скоплениями, «кустами». Выделяется по меньшей мере пять таких подгрупп. Обычно в центре каждой из них расположена насыпь больших размеров, вокруг которой группируется несколько более мелких. Насыпи, как правило, округлой в плане формы, с диаметрами от 6 до 50 м. В 12 случаях они были окружены каменистыми кольцами, насыпанными из измельченного известняка. Их нельзя считать остатками выбросов из могил,

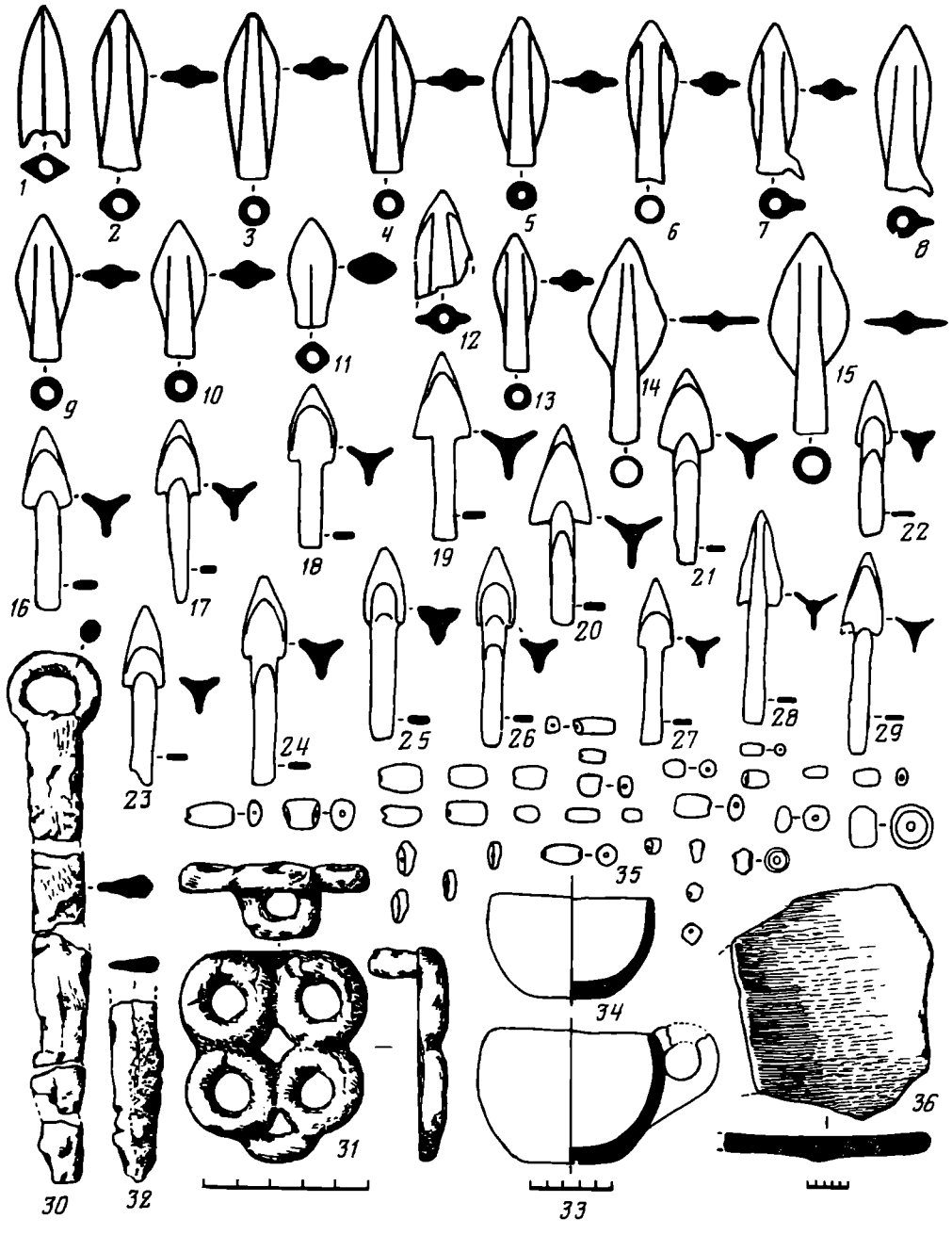


Рис. 6. Могильник Сакар-чага 6, кург. 3. Инвентарь: *1—29* — бронзовые наконечники стрел; *30* — бронзовый нож; *31* — бронзовая пряжка; *32* — железный нож; *33, 34* — лепная керамика; *35* — сердоликовые, бирюзовые, стеклянные бусы; *36* — каменный жертвенник

поскольку кольца фиксировались и в курганах, содержащих захоронения на поверхности древнего горизонта, где могильные ямы отсутствовали. В 9 случаях в насыпях обнаружены остатки надкурганных сооружений в виде выкладок из плит известняка. Большинство курганов (21) было ограблено в древности. При ограблении центральная часть насыпей разрушалась. Следовательно, можно предполагать, что изначально количество надкурганных сооружений могло быть и большим. В могильнике зафиксированы различные типы погребальных сооружений. По способу захоронения все они делятся на две большие группы: I — трупоположения, II — трупосожжения. Обе группы содержат разнотипные погребения. Ниже дается их краткая характеристика.

Группа I, тип 1 — трупоположения на поверхности древнего горизонта без дополнительных конструкций — 13 курганов. При сооружении курганов этого

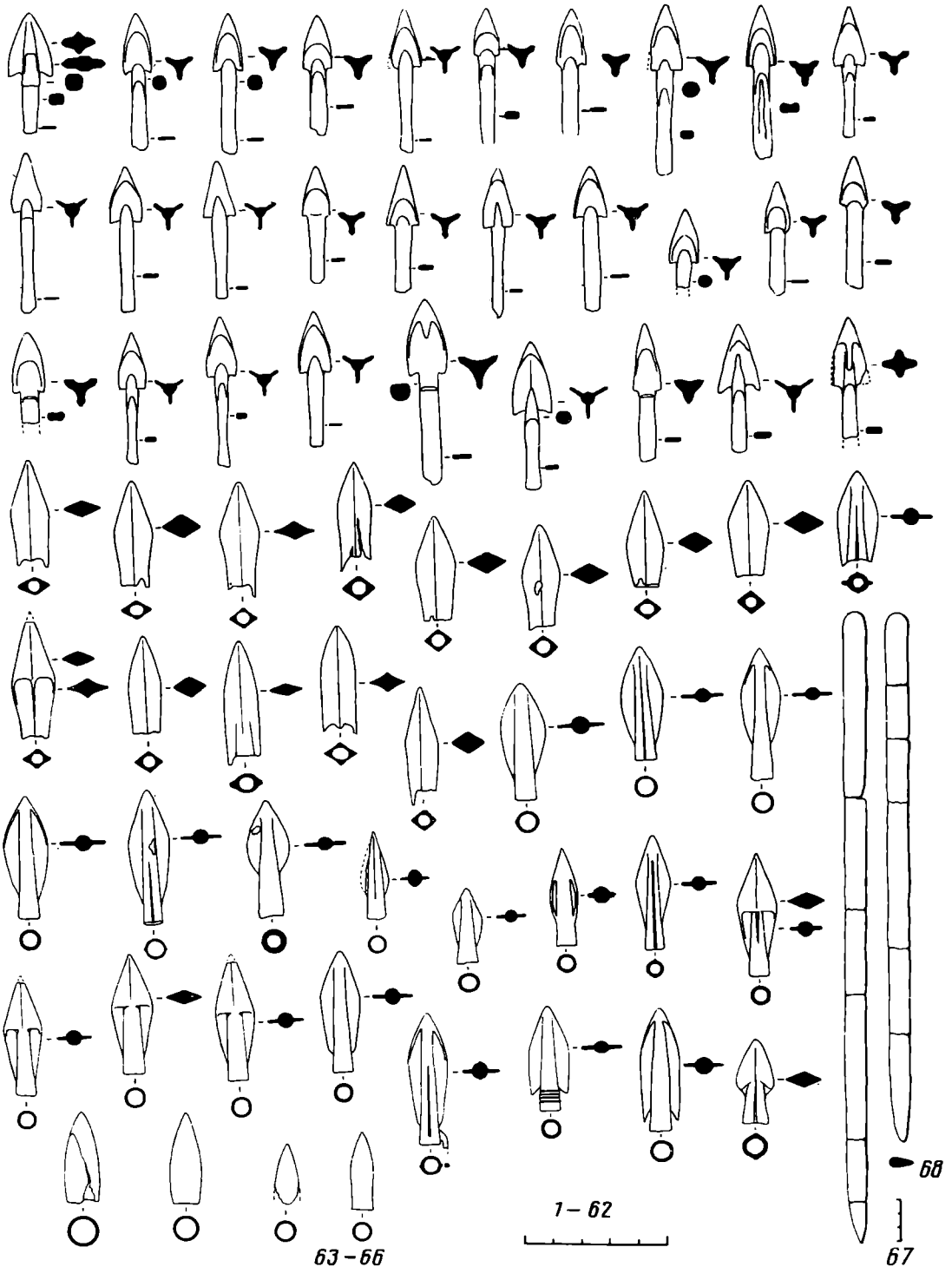


Рис. 7 Могильник Сакар-чага 6, кург. 20. Инвентарь: *1—62* — бронзовые наконечники стрел; *63—66* — костяные наконечники стрел; *67—68* — бронзовые ножи

типа использовались, как правило, естественные рельефные возвышения. Место, предназначенное для погребения, предварительно разравнивалось. На подготовленной таким образом площадке совершались индивидуальные и коллективные многоактные погребения с западной ориентировкой. Коллективные, относительно разновременные захоронения характеризуются полным или частичным разрушением скелетов людей, захороненных здесь ранее. При погребениях этого типа в числе предметов сопровождающего инвентаря встречена лепная керамика куюсайского типа (рис. 6, *33, 34*), круговая керамика, предметы вооружения

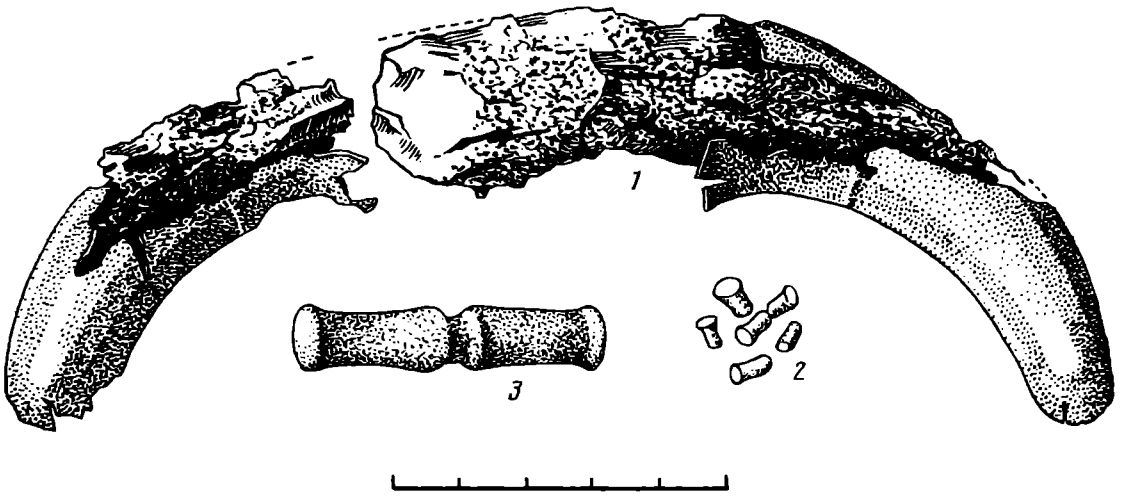


Рис. 8. Могильник Сакар-чага 6, кург. 20. Инвентарь: *1* — предмет из железа с золотой фольгой; *2* — бронзовые заклепки; *3* — бронзовая застежка

(рис. 6, *1—29, 30*), зернотерки и жертвенники (рис. 6, *36*), кости лошади и других домашних животных. Размеры насыпей курганов колеблются от 7 до 19 м.

Группа I, тип 2 — трупоположения на поверхности древнего горизонта в сочетании со столбовой конструкцией. Представлено единственным случаем. Под насыпью диаметром 12 м зафиксирована система столбовых ям, расположенных кольцом. Внутри кольца столбовые ямы от центрального сооружения, имеющего в плане форму прямоугольника. В пределах площадки, ограниченной столбовыми ямами, обнаружено ограбленное в древности коллективное погребение — разрозненные кости скелетов молодой женщины и младенца. Здесь же кости диких и домашних животных. Ориентировка погребенных не устанавливается.

Группа I, тип 3 — трупоположение в небольшой яме, окруженной столбовой конструкцией. В могильнике представлено единственным случаем. Яма под-

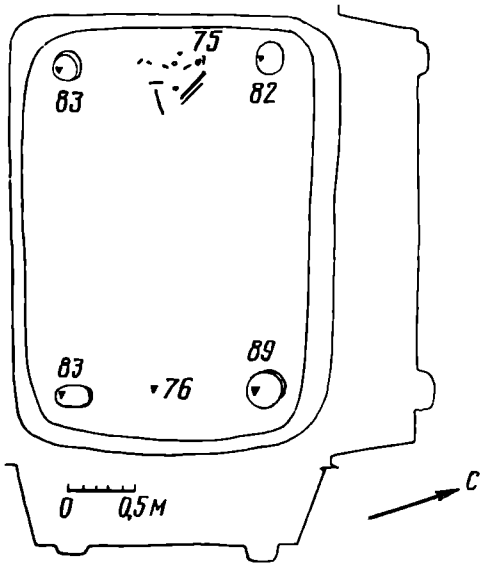


Рис. 9. Могильник Сакар-чага 6, кург. 18. План погребальной камеры

прямоугольной в плане формы ориентирована широтно. Со всех четырех сторон по периметру ямы прослежена столбовая конструкция прямоугольной в плане формы. Поверхность погребенной почвы вокруг места захоронения слабо прокалена и покрыта тонким слоем золы, перекрытым прослойкой камыша. Курган ограблен в древности и не содержал остатков захоронения. В нижних слоях насыпи найден фрагмент тонкостенного кругового сосуда.

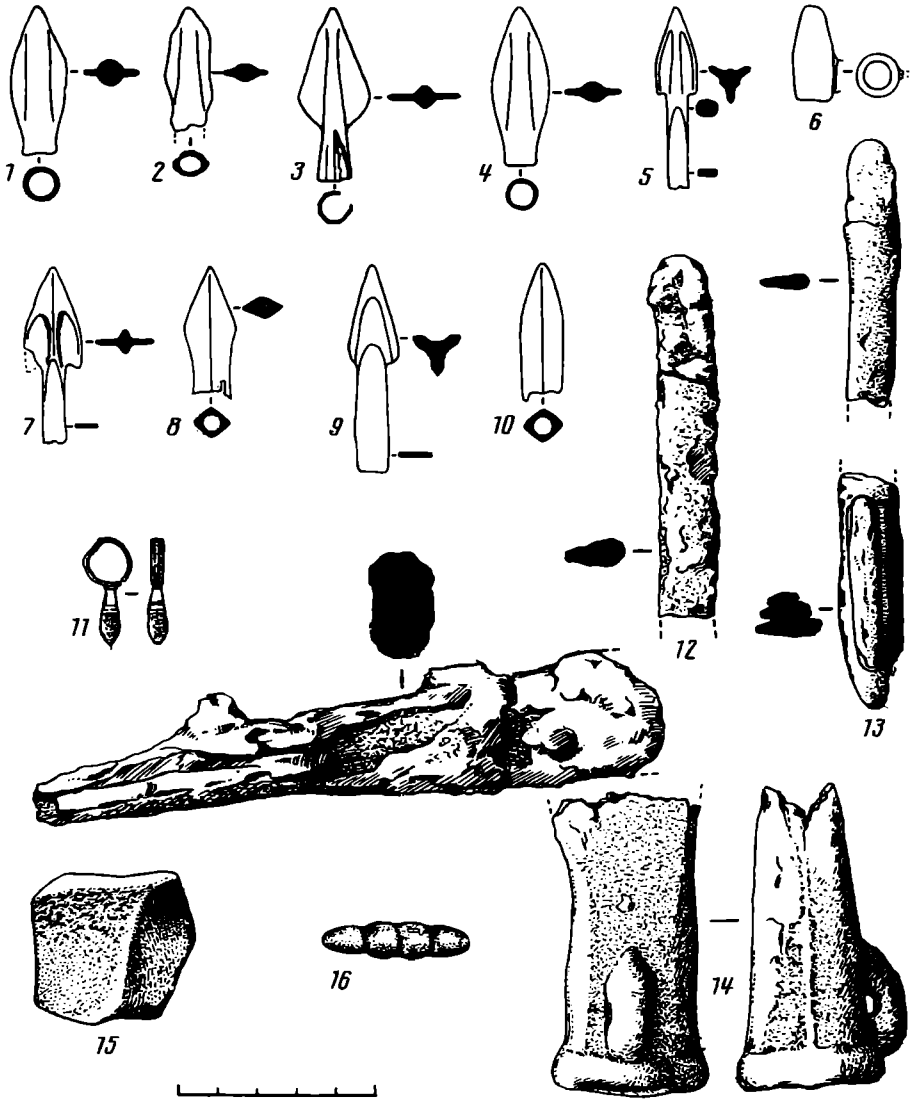


Рис. 10. Могильник Сакар-чага 6, кург. 23. Инвентарь: *1—10* — бронзовые наконечники стрел; *11* — подвеска (золото с бирюзовой вставкой); *12, 13* — железные ножи; *14* — биметаллический клевец (втулка бронзовая, ударник железный); *15* — камень; *16* — бирюзовая застежка

Группа I, тип 4 — трупоположения в прямоугольной яме площадью от 20 м^2 и глубиной свыше 2 м — пять случаев. Ямы под большими, диаметром до 50 м насыпями. Поверхность погребенной почвы и кольцевые валики из известняка перекрыты мощным слоем камышевого настила. В углах одной из таких ям зафиксированы ямки от столбов. Все погребения этого типа ограблены в древности. Тем не менее в ряде случаев по непотревоженным частям скелетов удавалось выявить западную ориентировку погребенных. Захоронения сопровождались местной лепной и импортной круговой керамикой, предметами вооружения (рис. 7, *1—66*). В одном из них найдены также бронзовые жертвенные ножи (рис. 7, *67, 68*), в другом — каменный жертвенник с реальгаром, почти во всех — кости лошади и других домашних животных. В захоронении кург. 20 встречены также железный предмет, концы которого обложены подграненной золотой фольгой (рис. 8, *1*), части колчана — бронзовые застежка и заклепки (рис. 7, *2, 3*). В ямах этого типа хоронили как мужчин, так и женщин.

Группа I, тип 5 — трупоположения в широких ямах подпрямоугольной в плане формы со следами столбовых конструкций по углам — три случая (рис. 9). Насыпи небольших размеров — от 6,5 до 10 м в диаметре. В ямах содержались индивидуальные трупоположения с западной ориентировкой погребенных. Две

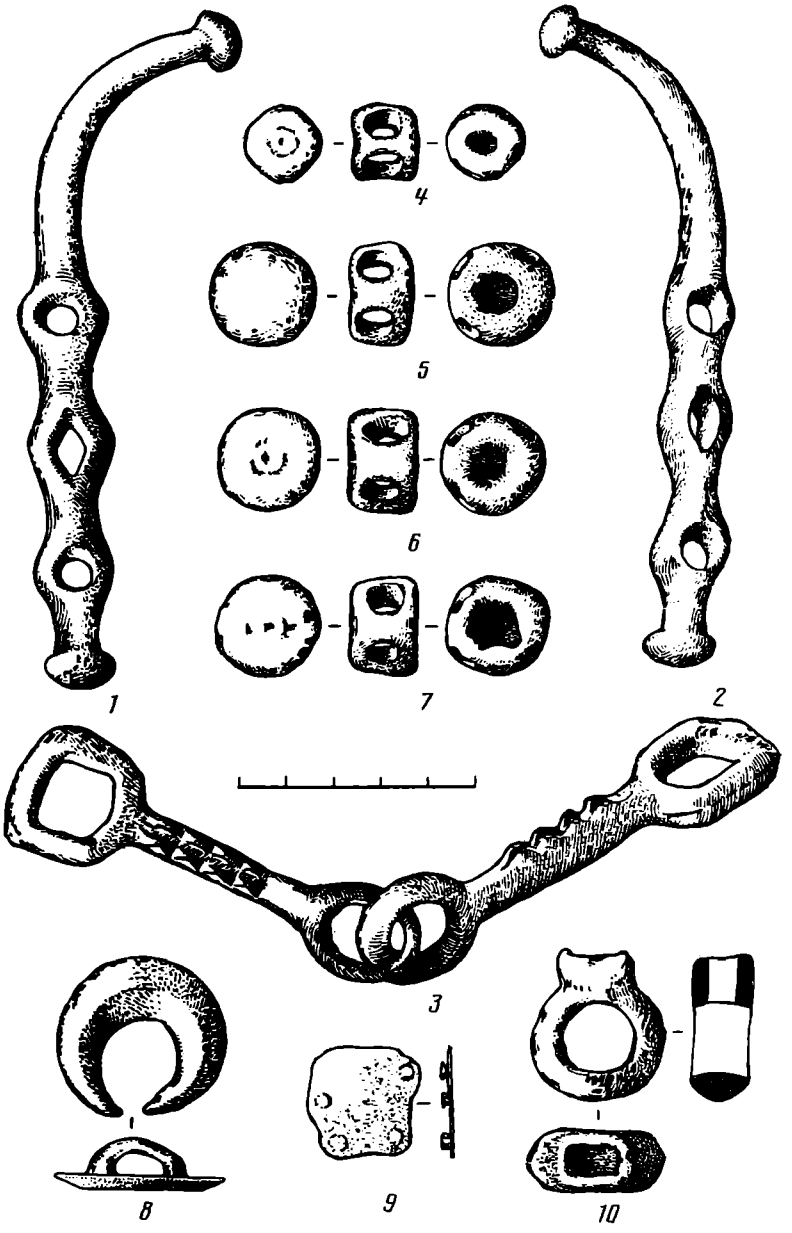


Рис. 11. Могильник Сакар-чага 6, кург 23. Инвентарь из бронзы: *1, 2* — псалии; *3* — удила; *4—7* — обоймы для перекрестия ремней уздечки; *8* — лунница; *9* — накладки на ремень (4 экз.); *10* — чомбурная петля

из трех могил ограблены в древности. В нетронутом захоронении кург. 23 обнаружен богатый инвентарь: подвеска, аналогичная той, что была найдена в могильнике Сакар-чага 4,— кольцо из спаянных витых проволочек с конической подграненной обоймой и бирюзовой каплевидной вставкой на конце (рис. 10, *11*), предметы вооружения — 10 бронзовых наконечников стрел (рис. 10, *1—10*), преднамеренно сломанный биметаллический клевец с бронзовой втулкой и железным ударником (рис. 10, *14*), сломанный на несколько частей, уложенных столбиком, железный нож (рис. 10, *12, 13*). Здесь же детали конской упряжи — удила и псалии (рис. 11, *1—3*), уздечный набор (рис. 11, *4—10*). Особый интерес представляют собой выполненные в традициях скифо-сибирского «звериного стиля» подпружные пряжки (рис. 12, *1—8*)

Группа I, тип 6 — трупоположения с западной ориентировкой в неглубоких ямах подпрямоугольной в плане формы без дополнительных конструкций — шесть случаев. Подразделяются на два варианта: широкие и относительно глу-

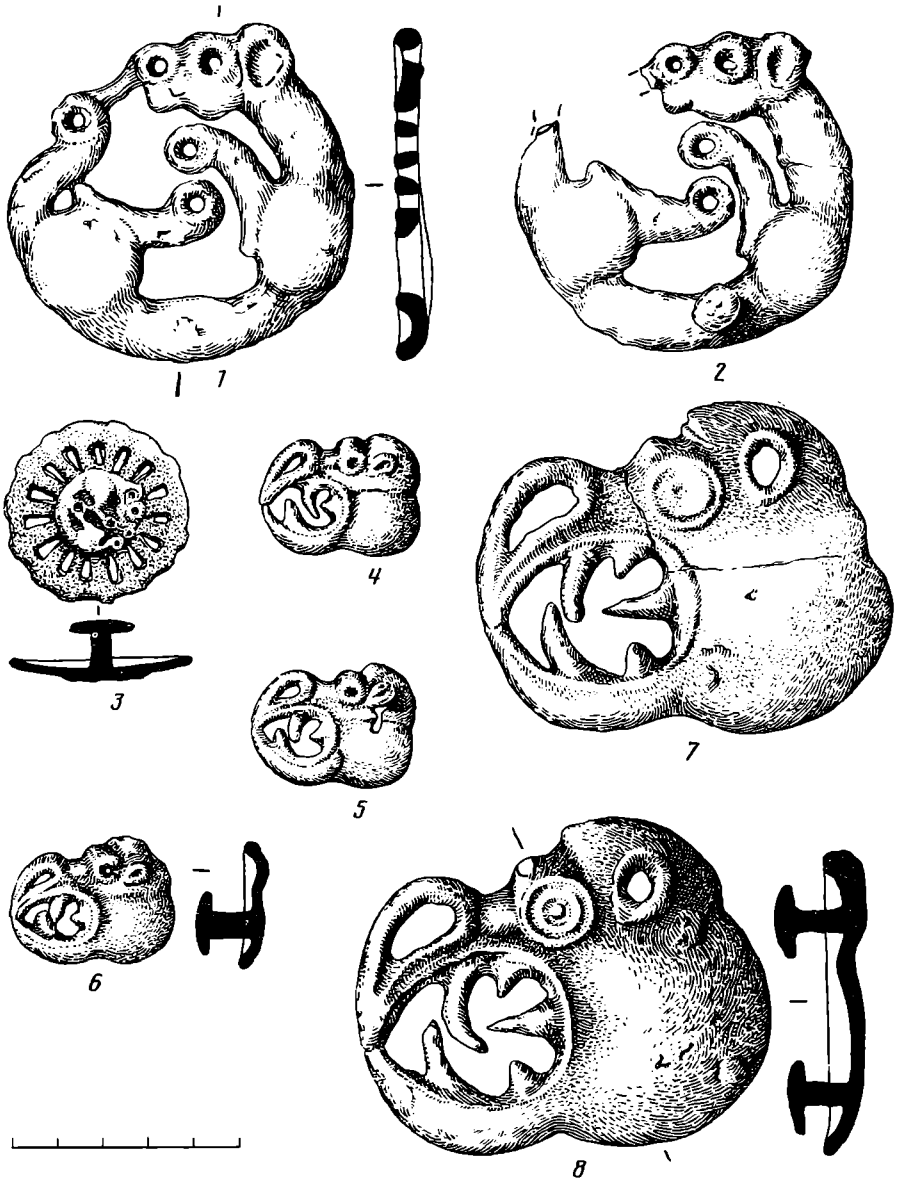


Рис. 12. Могильник Сакар-чага 6, кург 23. *1—8* — бронзовые подпружные пряжки

бокие ямы (две) и узкие мелкие (четыре). В одном из женских погребений первого варианта найдена, в частности, импортная круговая керамика (рис. 13, *4, 5*) Погребения второго варианта представлены индивидуальными и парными захоронениями, одновременными и последовательными. В последнем случае кости скелетов от предыдущих захоронений разрушались при совершении нового. Инвентарь погребений второго варианта крайней беден и представлен исключительно лепными сосудами куюсайского типа и каменными зернотерками.

Погребения с трупосожжениями характеризуются тремя типами, составляя II группу.

Группа II, тип 1 — трупосожжения на поверхности древнего горизонта без дополнительных конструкций — два случая. В одном из них площадка диаметром 6 м была окружена известняковым кольцом. Поверхность погребенной почвы в пределах образованной им площадки была засыпана песком. Сохранились кальцинированные кости скелета. Судя по их положению, погребенный был уложен на спину в вытянутом положении, головой на запад. Над ним была сооружена поленница из бревен, а вокруг — кольцо из хвороста. Насыпь кургана сооружалась над недогоревшим еще костром. При погребении найдены брон-

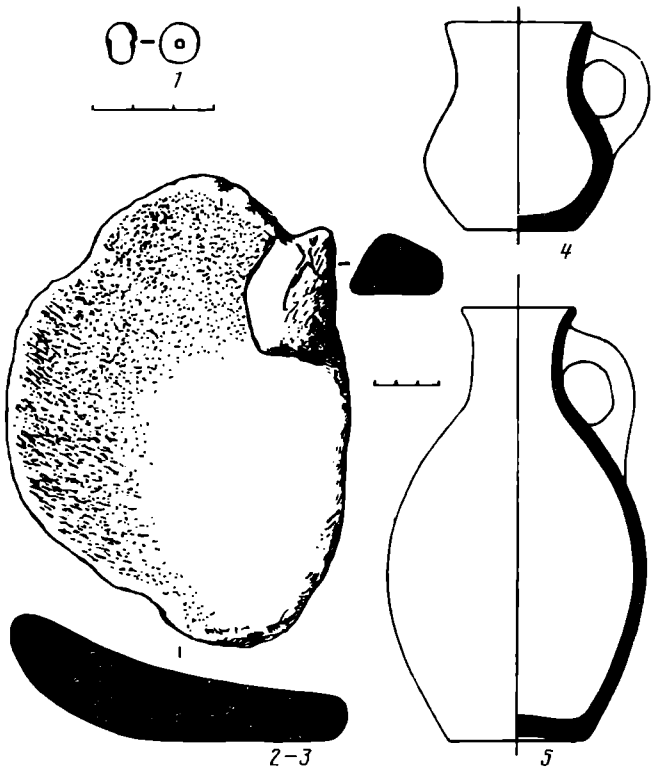


Рис. 13. Могильник Сакар-чага 6, кург. 5. Инвентарь: *1* — стеклянная бусина; *2, 3* — каменные зернотерка и терочник; *4, 5* — сероглиняная круговая керамика

зовые наконечники стрел, неопределимый предмет из железа, зуб лошади, кости птицы и домашних животных. В пределах этой площадки трупосожжения производили по меньшей мере дважды. Об этом свидетельствуют остатки кострища от первоначального погребения.

Группа II, тип 2 — трупосожжения на поверхности древнего горизонта в столбовой конструкции — один случай. Остатки аналогичного сооружения зафиксированы в могильнике Сакар-чага 5. В данном случае насыпь кургана диаметром 19 м была окружена известняковым валиком. В его пределах выявлено двойное кольцо от столбовых ям, окружающих центральное сооружение подпрямоугольной в плане формы. Насыпь сделана над недогоревшим еще костром. В площади центрального сооружения найдены кости человека, а также два сосуда — лепные куюсайского типа. По расположению кальцинированных костей фиксируется западная ориентировка погребенного.

Группа II, тип 3 — трупосожжения в ямах. Обнаружены в могильнике дважды. В одном случае трупосожжение произвели в могильной яме, где до этого уже было совершено трупоположение (часть скелета от него сохранилась). В другом — трупосожжение было устроено в яме подквадратной в плане формы, глубиной 60 см, окруженной известняковым кольцом. В заполнении ямы, главным образом вдоль периметра стен, зафиксированы следы глиняной обмазки сгоревшего плетня. При женском погребении найдены бронзовые вток и два наконечника стрел, железные браслеты, каменный жертвенник клювовидной формы и пестик для растирания краски, глиняное пряслице, длинный железный нож и стеклянные бусы. Все сожженные в ямах были ориентированы головой на запад.

Краткий обзор исследованных погребений позволяет наметить как определенные черты сходства, так и различия в деталях погребального обряда отдельных сакарчагинских групп. Так, в могильнике Сакар-чага 3 курганы вытянуты в две цепочки. В могильниках Сакар-чага 4 и 5 насыпи составляют одну линию. Курганы могильника Сакар-чага 6 сгруппированы кустообразно. Мо-

гильники 3—5 представлены небольшим количеством насыпей. Погребения на поверхности древнего горизонта здесь абсолютно преобладают. Шестой могильник содержит существенно большее количество погребений, среди которых представлены все известные на Сакар-чага конструкции, за исключением трупосожжений с переносом праха. Для захоронений именно этого могильника характерен камышевый настил по поверхности погребенной почвы. Лишь однажды он был обнаружен под насыпью кургана могильника 5 и ни разу не встречен в Сакар-чага 3 и 4. В курганах могильников 4 и 5 ни разу не отмечена традиция многоактных захоронений в одну погребальную камеру. Таким образом намечаются как будто определенные межгрупповые различия.

В то же время прослеживаются и сходные черты. Характерной для всех могильников особенностью погребальных сооружений являются известняковые кольца, ограничивающие места погребений и расположенные у подножия насыпей, каменные надкурганные выкладки. Во всех могильниках присутствуют разнотипные погребения на поверхности древнего горизонта. В двух могильниках найдены вещи, выполненные в традициях «звериного» стиля, наконечники стрел. Надо думать, что, если бы не почти сплошное ограбление курганов в древности, таких погребений было бы найдено больше. И наконец, что особенно важно, в разнообразных по конструкции погребальных камерах всех могильников была обнаружена не только привозная гончарная, но и местная лепная керамика так называемого куюсайского типа. Особенности лепной керамики, как известно, служат неплохим этнографическим признаком. Присутствие однотипной лепной посуды позволило Б. И. Вайнберг отнести поселение Куюсай 2, некоторые погребения могильника Тумек-кичиджик и ряда других памятников Присарыкамышья к куюсайской археологической культуре [12, с. 42 и сл.]

Что касается отмеченных различий в погребальном обряде отдельных групп, то для решения вопроса об их происхождении нужен специальный анализ. Пока можно предположить, что хронологический разрыв между временем функционирования могильников невелик, а сами они оставлены если не одной группой людей, то, во всяком случае, весьма сходными в культурном отношении группами.

Для того чтобы установить культурную принадлежность и хронологию сакарчагинских могильников, кратко, насколько это позволяют рамки статьи, остановлюсь на некоторых особенно характерных чертах погребального обряда.

Сопровождающий инвентарь можно разделить на следующие основные категории: 1) керамический комплекс, включающий лепную посуду кострового обжига и круговую керамику высокого качества; 2) предметы труда и быта — зернотерки, железные ножи, пряслица; 3) предметы вооружения: наконечники стрел, клевец, детали колчанов; 4) предметы конской упряжи, некоторые из которых выполнены в традициях «звериного» стиля; 5) украшения — бусы, браслеты, подвески; 6) предметы культа — каменные алтарики, бронзовые ножи, пестики для растирания краски и реальгар, курильницы. Неотъемлемую часть сопровождающего инвентаря составляют остатки заупокойной пищи, представленные в захоронениях костями диких и домашних животных, в том числе лошади.

Кратко охарактеризую каждую из упомянутых категорий.

Лепная керамика представлена разнообразными формами: плоскодонными баночными сосудами, кружками с низким туловом и выступающей петлеобразной ручкой, лепными корчагообразными сосудами, сосудами с трубчатым носиком-сливом. Керамические изделия аналогичной выделки и форм хорошо известны по раскопкам поселения Куюсай 2 [18, табл. V—VIII]. В общем весь этот комплекс имеет некоторое сходство со степной присырдарьинской керамикой раннесакского времени. Характерную форму в нем представляют горшки с носиком-сливом.

Что касается немногочисленных круговых сосудов, то прямые аналогии им находятся в поселениях, расположенных на территории древней Маргианы,

относящихся по времени к слоям Яз II [14, с. 48], верхнюю дату которых некоторые исследователи определяли не позже рубежа VII—VI вв. до н. э. [19, с. 198, 199; 20, с. 39]. В целом же сочетание лепной керамики местного производства и импортной круговой южного происхождения вообще характерно как для куюсайских памятников Присарыкамышья [18, табл. IX; 21, с. 94], так и для раннесакских погребений Нижней Сырдарьи [22, рис. 47, 48].

Каменные терочники, железные ножи и пряслица конусообразной формы мало что дают для установления культурной и хронологической принадлежности могильников. Можно лишь повторить, что этот комплекс имеет прямые аналогии в куюсайских памятниках Присарыкамышья [13, с. 50]. Сердоликовые, нефритовые и бирюзовые бусы также широко распространены в памятниках раннесакского времени [18, с. 44] Фрагменты от однотипных с сакарчагинскими подвесок из золота с бирюзой найдены в слоях поселения Куюсай 2 [5, с. 17, 18; 18, табл. XI*а*]. Эти подвески не имеют точных аналогий в других регионах, но принципиально сходные формы известны в раннесакских памятниках Казахстана [22, табл. XIX, *9*], а прототипом для них можно считать подвеску из Северного Тагискена [1, с. 114, рис. 3].

Каменные алтарики в раннесакское и савроматское время распространены в широком регионе евразийских степей, но специфические — клювовидной формы, как на Сакар-чага, встречались ранее только в могильниках Южный Тагискен [23, рис. 10] и Уйгарак [22, табл. XVI, *15*] и, так же как на Сакар-чага, только в женских погребениях [22, с. 66]. Высказывалось справедливое мнение о том, что форма таких алтариков является стилизацией птичьих головок и напоминает однотипные бронзовые бляшки из Уйгарака и Южного Тагискена [1, с. 280].

Больше возможностей для уточнения даты сакарчагинских погребений дают предметы из бронзы — наконечники стрел и детали конской упряжи, хронологические шкалы которых достаточно подробно разработаны в скифо-сакской археологии. На Сакар-чага найдено свыше 120 наконечников стрел. Значительную часть из них составили два больших колчана, один из которых (кург. 20 мог. Сакар-чага 6) содержал 66 экземпляров (рис. 7), а другой (кург. 3 того же могильника) — 30 (рис. 6).

Прежде всего отмечу, что весь набор наконечников стрел по способу насада делится на черешковые и втульчатые. Первые составляют 45,6%, а вторые — 54,4% от общего числа. Интересно, что таково же распределение стрел в пучке из кург. 20 — соответственно 46,8 и 53,2%. Поровну распределяются обе группы наконечников в погребении кург. 3. Таким образом, можно полагать, что приблизительно равное соотношение стрел обоих видов вообще характерно для могильника Сакар-чага 6. Помимо бронзовых в наборе из Сакар-чага присутствуют и костяные втульчатые пулевидные наконечники различных форм — конусовидные и собственно пулевидные с выпуклым и вогнутым профилем. Однако они составляют абсолютное меньшинство. В единственном экземпляре найдены трехлопастной втульчатый наконечник, базисный пулевидный (бронзовый), а также четырехлопастной черешковый.

Сочетание в комплексе черешковых и втульчатых стрел составляет основную особенность казахстанских «сакских» наборов и не характерно для «скифских» причерноморских и савроматских [24, с. 121; 25, с. 203]

Среди черешковых наконечников из Сакар-чага редко, но встречаются все же двухлопастные экземпляры, которые на юге Средней Азии и в Иране датируются от эпохи поздней бронзы. Прототипы для трехлопастных черешковых наконечников известны в памятниках Казахстана и Южной Сибири эпохи поздней бронзы. Четырехлопастной черешковый наконечник обнаружен ранее только в погребениях Уйгарака [22, с. 94] и представляет собой очень редкую и, вероятно, специфическую приаральскую форму.

Разнообразными вариантами представлены втульчатые наконечники. Высказывалось предположение о том, что базисные ромбические в сечении наконечники происходят из приаральско-казахстанского региона [25, с. 203] Они часто

встречались в нижнесырдарьинских могильниках, а в Сакар-чаге составляют треть от общего числа втульчатых. Остальные две трети имеют выступающую втулку. Среди них лавролистные и листовидные (19 экз.), симметрично- и асимметрично-ромбические (16 экз.), некоторые с шипами у основания втулки, башневидные с опущенными жальцами (2 экз., один из них с рельефными ободками в нижней части втулки), листовидной формы, ромбические в сечении (2 экз.) и др.

Если не вдаваться в частности, можно отметить, что все перечисленные формы имеют прототипы в памятниках срубно-андроновского круга или аналогии в евразийских комплексах предскифского времени: на востоке в тувинском кургане Аржан, на западе в причерноморских и предкавказских памятниках «киммерийского» времени.

Судя по сводке И. Н. Медведской, в комплексах с территорий Средней Азии и Казахстана, датирующихся VI в. до н. э., случаи сосуществования черешковых и втульчатых стрел единичны [26, с. 81]. Она же пришла к выводу о том, что когда трехлопастные черешковые наконечники встречаются в наборах, где отсутствуют трехлопастные втульчатые «скифского» типа, такие комплексы надо датировать временем не позднее VII в. до н. э. [26, с. 83]. По-видимому, именно VII в. до н. э.— верхняя дата сакарчагинского набора стрел.

Надо сказать, что наиболее близкие по типологическому составу наконечников наборы были получены при раскопках поселения Куюсай 2 [18, табл. XII], а также раннесакских погребальных комплексов Сырдарьи [22, табл. XXV; 27]. Напомню также, что в Уйгараке из 137 наконечников стрел только 13 входят в группу втульчатых трехлопастных [22, с. 89], а на куюсайском поселении определено два из 50 и, как пишет Б. И. Вайнберг, «еще около восьми представлено лишь фрагментами» [18, с. 20].

Не противоречит, как кажется, установленной по стрелам дате и другой важный компонент погребального инвентаря — предметы конской упряжи (рис. 11), в состав которой входят, в частности, бронзовые удила со стремячковидным окончанием и двухрядным зубчатым рельефом вдоль стержня, а также трехдырчатые псалии с грибовидными окончаниями и отверстиями, расположенными в одной плоскости (подробный анализ см. [6, с. 53, 54; 28, с. 67, 68]).

Что касается предметов, выполненных в «зверином стиле» (рис. 12), то прямые аналогии пряжкам в виде свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы обнаруживаются в могильнике Уйгарак. Зубастые грифоны не имеют типологических аналогий в известных мне материалах, но они найдены в одном наборе с «пантерами», да и стилистически, безусловно, представляют наиболее ранний этап становления скифо-сибирского «звериного стиля». Изображение фигур кабанов на костяном навершии из могильника Сакар-чага 3 (рис. 1), как уже отмечалось [13, с. 48, 49], наиболее близкие стилистические и типологические аналогии находит на оленном камне из кургана Аржан. Мнения по поводу возможной даты аржанского камня разделились (ср. [29, с. 343; 30, с. 97]). Сакарчагинская находка косвенно может свидетельствовать в пользу мнения о синхронности аржанского камня с погребениями этого кургана.

Возвращаясь к характерным для сакарчагинских могильников конструкциям погребальных камер, надо отметить, прежде всего, что все они без исключения несут черты, корни которых обнаруживаются в могильниках евразийских степей эпохи поздней бронзы. В частности, сочетание в одном погребальном комплексе обрядов трупоположения и трупосожжения характерно для позднеандроновских памятников Центрального Казахстана [31, с. 10; 32, с. 36, 37], а обряд кремации вообще довольно широко распространен в эпоху поздней бронзы в ареале расселения и особенно в зоне культурного взаимопроникновения племен срубно-андроновского круга [33, с. 25]

В непосредственно предшествующее сакарчагинским погребениям время ближайшие аналогии элементам конструкции погребальных камер обнаруживаются в мавзолеях Северного Тагискена, где центральная камера прямоугольной формы окружалась кольцом огня [34]. Генетическую связь с конструкциями этого комплекса демонстрируют и могильные ямы с четырьмя столбами по углам.

В более позднее, раннесакское время обе эти детали погребального обряда фиксируются в нижнесырдарьинских могильниках Южный Тагискен и Уйгарак, для погребений которых были характерны и камышевые настилы по поверхности погребенной почвы [23, с. 154]. Сооружения со столбовыми конструкциями на горизонте и в ямах встречаются также в позднебронзовое и предскифское время в Северном Причерноморье [35; 36, с. 196; 37, с. 92, 93]. Погребения с трупосожжениями на стороне известны в памятниках срубной культуры, расположенных в широком регионе от верховьев р. Урал до Нижнего Поднепровья [38, с. 185].

Другим важным признаком погребального обряда является ориентировка захороненных. В сакарчагинских могильниках, независимо от способа сооружения погребальной камеры, она почти всегда западная. Эта разновидность ориентировки вообще характерна для присарыкамышских погребений эпохи раннего железа [18, табл. 3] и преобладает среди захоронений могильников Уйгарак [25, с. 197] и Южный Тагискен [23, с. 152]. В более раннее, андроновское время трупосожжения на горизонте с западной ориентировкой встречаются на территории Казахстана [28, с. 8; 39, с. 192], а в предскифское время вытянутые на спине трупоположения с западной ориентировкой попадаются и в Северном Причерноморье [40, с. 20; 41, с. 88; 42, с. 102]. В это же время здесь наблюдается переход от скорченных трупоположений к вытянутым. На территории Казахстана западная ориентировка зафиксирована в комплексах, датируемых VIII—VII вв. до н. э. [6, с. 39], а в сако-усуньское время она уже устойчиво преобладает в Семиречье [43, с. 8].

Приведенный здесь далеко не полный обзор некоторых археологических материалов свидетельствует как будто в пользу предположения об архаичности погребального обряда сакарчагинских могильников, о присутствии в нем реминисцентных черт, которые могут указывать на близкое к эпохе поздней бронзы время функционирования этих комплексов.

Совершенно очевидно, что каждый из упомянутых здесь компонентов погребального обряда сакарчагинских могильников потребует в дальнейшем специального анализ с привлечением всех накопленных археологической наукой данных. Это дело будущих исследований. Однако и на основании достаточно беглого обзора материалов можно предварительно сформулировать некоторые основные выводы.

Главный из них состоит в том, что сакарчагинские комплексы, содержащие все элементы «скифской триады», типологически представляют сакскую (в широком смысле) культуру Средней Азии. Этот вывод подкрепляется близким сходством в конструкциях погребальных камер и предметов материальной культуры с нижнесырдарьинскими погребальными комплексами, сакская культурная принадлежность которых общепризнана.

Многочисленные параллели, которые устанавливаются в погребальном обряде и инвентаре могильников Сакар-чага, Уйгарак и Южный Тагискен, свидетельствуют по меньшей мере об очень тесных культурных связях между группами, оставившими перечисленные памятники. В формировании материальной культуры этих групп скорее всего принял участие этнокультурный пласт, представленный в Приаралье погребальными комплексами Северного Тагискена [44, с. 11].

Прямые аналоги в различных категориях предметов материальной культуры со всей очевидностью показывают, что поселение Куюсай 2 и могильники Сакар-чага, отстоящие друг от друга не более чем на 2 км, оставлены одной этнографической группой населения, а следовательно, происхождение куюсайской культуры, во всяком случае, основного его компонента, как это и предполагала М. А. Итина [45, с. 5, 6], действительно нужно связывать со степью. Другой важный вывод, который следует из сказанного, состоит в том, что современное левобережье Амударьи в раннем железном веке входило в зону расселения племен сакского типа, а курганы и поселения Присарыкамышья этой эпохи обозначают пока наиболее западные территории сакского ареала.

Сложнее обстоит дело с хронологией сакарчагинских комплексов. Верхняя дата их существования — VII в. до н. э. устанавливается, на мой взгляд, достаточно надежно. Специфический набор бронзовых наконечников стрел и типологические особенности других предметов сопровождающего инвентаря имеют аналогии в кургане Аржан на востоке и в памятниках предскифского времени, которые датируются обычно VIII — серединой VII в. до н. э. на западе.

В то же время надо еще раз отметить, что круговая керамика сакарчагинских могильников (см. [13, рис. 1; рис. 5, *4*; рис. 13, *4, 5*]) по аналогиям с той, что встречена в памятниках древней Маргианы, синхронных слоям Яз II, не позволяет со всей определенностью предложить VIII в. до н. э. в качестве нижней даты для сакарчагинских погребений. И все же, с учетом особенностей большинства компонентов погребального обряда и сопровождающего инвентаря, конец VIII—VII в. до н. э. представляется датой вероятной. Она отражает и понимание автором стадиального положения могильников Сакар-чага.

Более подробный анализ погребального обряда сакарчагинских комплексов и происходящего из него палеоантропологического материала позволит, возможно, уточнить хронологическую и типологическую атрибуцию присарыкамышских могильников эпохи раннего железа. Но уже сейчас ясно, что материалы из курганов левобережного Хорезма сыграют немаловажную роль в решении проблем, связанных со становлением не только сакской культуры Средней Азии и Казахстана, но и синхронных культур европейского степного ареала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахской ССР. Алма-Ата: Наука, 1977
2. *Грязнов М. П., Маннай-Оол М. Х.* Окончание раскопок кургана Аржан // АО-1974. М.: Наука, 1975.
3. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154.
4. *Грязнов М. П.* Аржан, царский курган скифского времени. Л.: Наука, 1980.
5. *Кызласов Л. Р* Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакских культур // СА. 1977. № 2.
6. *Акишев А. К., Акишев К. А.* Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1978.
7. *Лесков А. М.* Киммерийские мечи и кинжалы и происхождение скифского акинака // III Всесоюз. конф. «Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен». М., 1979.
8. *Раевский Д. С.* Рец.: *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М., 1980 // Народы Азии и Африки. 1981. № 6.
9. *Тереножкин А. И.* Рец.: *Грязнов М. П.* Аржан. Л., 1980 // СА. 1982. № 3.
10. *Окладников А. П., Худяков Ю. С.* Рец.: *Грязнов М. П.* Аржан. Л., 1980 // СА. 1982. № 3.
11. *Мандельштам А. М.* Рец.: *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979 // Изв. Сиб. отд. АН СССР Сер. общ. наук. Вып. 2. Новосибирск, 1982. № 6.
12. *Вайнберг Б. И.* Куюсайская культура раннего железного века в Присарыкамышской дельте Амударьи // УСА. Вып. 3. Л.: Наука, 1975.
13. *Яблонский Л. Т.* Могильник раннесакского времени Сакар-чага 3. // СЭ. 1986. № 3.
14. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73.
15. *Яблонский Л. Т* Раскопки курганов в Северной Туркмении // АО-1983. М.: Наука, 1985.
16. *Яблонский Л. Т* Курганы левобережного Хорезма. Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС // Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. М.: Наука, 1987
17 *Яблонский Л. Т.* Работы Левобережного отряда // АО-1986. М.: Наука, 1988.
18. *Вайнберг Б. И.* Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма // ТХЭ. Т. XI. М.: Наука, 1979.
19. *Дьяконов И. М.* Рец.: *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М., 1959 // ВДИ. 1960. № 3.
20. *Воробьева М. Г* Проблема «Большого Хорезма» и археология // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
21. *Юсупов Х.* Курганы могильников Тарым-кая II и III // Кочевники на границах Хорезма // ТХЭ. Т. XI. М.: Наука, 1979.
22. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака) // ТХЭ. Т. VIII. М., Наука, 1973.
23. *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сыр-Дарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2.
24. *Акишев К. А., Кушаев Г А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука, 1963.

25. *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии // МИА. 1971. № 177.
26. *Медведская И. Н.* Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3.
27. *Кузьмина Е. Е.* Рец.: *О. А. Вишневская.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. (по материалам Уйгарака). М., 1973 // СА. 1975. № 2.
28. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. № 118.
29. *Шер Я. А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово: Изд-во КГУ, 1980.
30. *Ковалев А. А.* О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987.
31. *Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Т. 7 Алма-Ата: Наука, 1959.
32. *Кадырбаев М. К.* Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. Алма-Ата: Наука, 1974.
33. *Козенкова В. И.* Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 2.
34. *Толстов С. П.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. 1963. № 2.
35. *Тереножкин А. И.* Скифская культура // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177.
36. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
37. *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // СА. 1978. № 4.
38. *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжениями у племен срубной культуры Нижнего Поволжья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наук. думка, 1976.
39. *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. 1927. Вып. 2.
40. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
41. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177
42. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
43. *Обельченко О. В.* Культура древних кочевников долины Зеравшана: Автореф. дис. докт. ист. наук М., 1982.
44. *Итина М. А.* Хорезмская экспедиция — основные итоги и перспективы исследований // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981.
45. *Итина М. А.* От редактора // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭ. Т. XI. М.: Наука, 1979.

L. T. YABLONSKY

THE PROBLEM OF FORMATION OF SAKS' COULTURE IN THE ARAL AREA (ON THE MATERIALS OF THE SAKARCHAG KURGANS)

Summary

The article is devoted to the partial publication and preliminary discussion of the kurgan materials from the Sakarchag height on the left bank of the Khorezm river. A brief characteristic of the construction of burial cameras and the assambleges of the accompanying artefacts is given. In conclusion the author claimes a certain cultural unity of the early shepherds in the Lower Amudarya and the Lower Syrdarya area and a "steppe" character of the main component of their material culture. The investigated burials are supposed to be dated to the end of the 8th — the 7th centuries B. C.

М. Ю. ТРЕЙСТЕР

ИТАЛИЙСКИЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНО-РИМСКИЕ ЗЕРКАЛА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Металлические зеркала италийских и провинциально-римских типов, найденные на территории Восточной Европы, до недавнего времени не привлекали внимания исследователей. Так, они вообще не были включены в свод римских импортных изделий с территории СССР, составленный В. В. Кропоткиным [1] В последние годы интерес к памятникам данной категории заметно активизировался [2, с. 261—264; 3, с. 142—153; 4, с. 124—134; 5, № 21—22; 6, № 4, 17, 23; 7, с. 116—123; 8, с. 150—154; 9, с. 123—127], что позволяет, введя в научный оборот немногочисленные неизданные находки, составить полный каталог и рассмотреть вопросы проникновения зеркал в данный регион. Нами учтено 47 находок, относящихся к восьми группам (см. приложение: каталог находок).

К типу прямоугольных зеркал принадлежит 17 экз. Г Ллойд-Морган отмечает, что происхождение этого типа зеркал неясно, однако к I в. н. э. он стал одной из наиболее популярных форм, распространенной практически во всех провинциях Римской империи. Некоторые зеркала находились в употреблении длительное время, но данных об их изготовлении в течение II в. н. э. или позднее нет [10, с. 3; 11, с. 97]. Заметим, что указанные зеркала были встречены в Северной Италии в комплексах уже первой четверти I в. н. э. [12, с. 45, 46, 137; 13, с. 208]. Практически одновременно они появились и в некрополе Пантикапея [3, с. 146].

Что же касается их происхождения, то нам представляется перспективным обратиться к находкам из эллинистического некрополя Мирины, где было найдено несколько подобных бронзовых пластин, которые, по мнению Э. Поттье и С. Рейнака, могли быть зеркалами, а также к терракотовой фигурке Эрота, держащего в руках зеркало прямоугольной формы [14, с. 203; прим. 1; с. 529, № 93]. Три бронзовые пластины из Мирины, хранящиеся в Лувре [MYR. 800, 814, 815; рис. 1, *1*), имеют размеры 7,3×8,3, 9×9 и 7,4×8,6 см при толщине 0,15—0,3 см и вполне могли быть зеркалами. Терракота же (MYR. 93), как отмечает С. Беске [15, с. 40, табл. 46*б*], в своем роде уникальна, так как ни одна из подобных фигурок, известных достаточно широко в Греции, Италии, Малой Азии, Северном Причерноморье, не держит квадратное зеркало. При отсутствии стратиграфических данных издатель по аналогии с подобными фигурками Эротов датирует статуэтку из Мирины (рис. 2) началом II в. до н. э. Интересно, что прямоугольное зеркало держит в руках и Эрот, изображенный на фризе с мистериями экуса Виллы мистерий в Помпеях около 50 г. до н. э. (рис. 3) [6, с. 14; 16, табл. 13; 17, с. 180, рис. 236]. Таким образом, можно предположить, что указанный тип зеркал мог быть заимствован римлянами в Малой Азии, а в августовскую эпоху и позднее широко распространился: на западе их находки известны в Испании и Карфагене, на севере — на Нижнем Рейне, в Англии, Дании, на востоке — в Малой Азии, Северном Причерноморье и степях Заволжья [1] [4, с. 129—132, 11, с. 97, № 9, 10, 15].

Заметим, что одна из пантикапейских находок (см. кат. I, *13)* обнаружена в погребении с инвентарем III в. до н. э. В свое время мы предположили, что это явилось результатом неточности фиксации погребального инвентаря разновременных могил [3, с. 146, прим. 10].

© М. Ю. Трейстер, 1991 г.

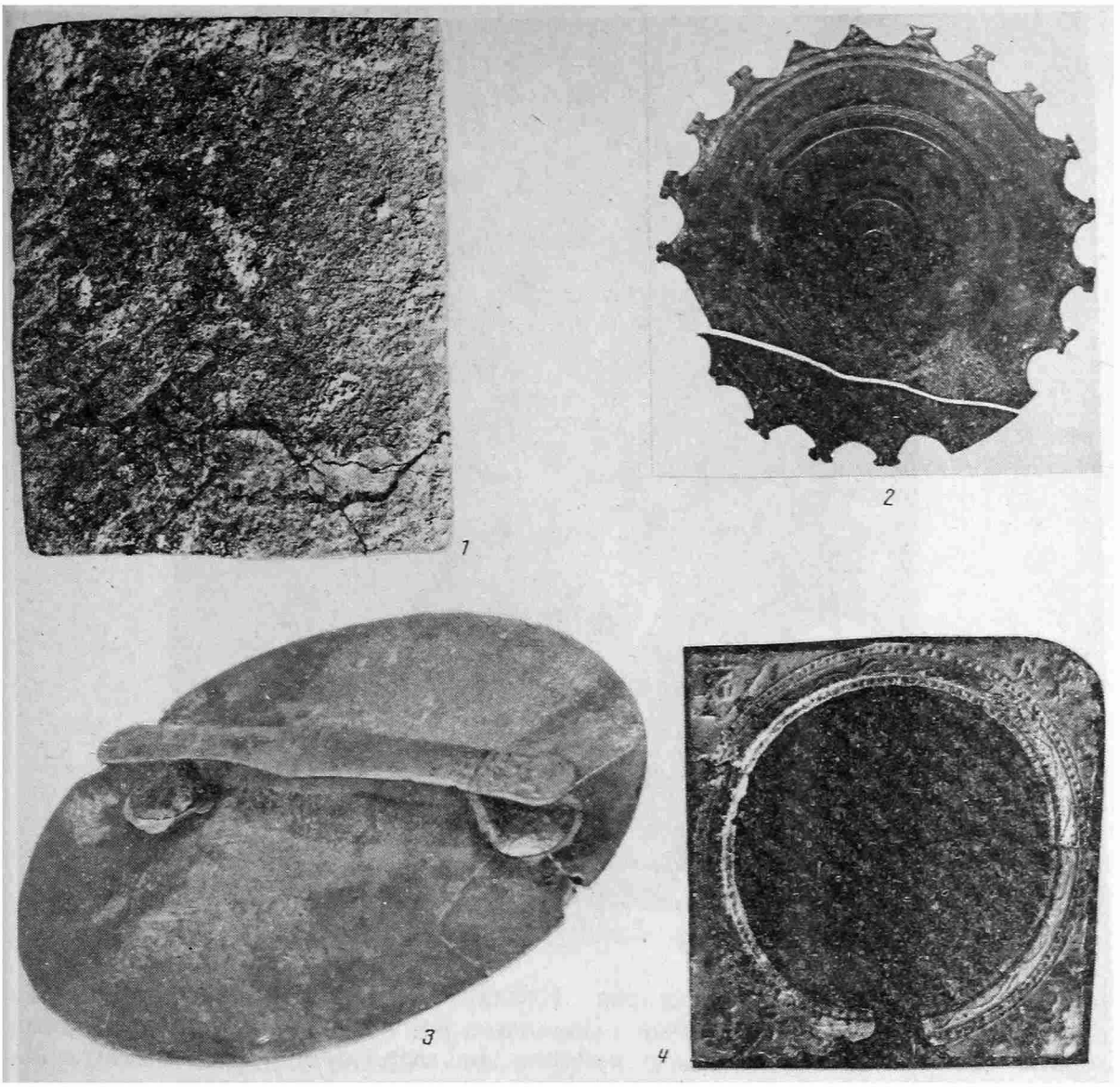


Рис. 1. *1* — бронзовое зеркало из Мирины (фото Лувра), *2* — бронзовое зеркало из Пантикапея (найдено до 1907 г.), Одесский археологический музей, № 44076 (фото ВНИИР); *3* — бронзовое зеркало из Пантикапея (?) (найдено до 1913 г.), ГМИИ им. А. С. Пушкина, № II *1а* 408 (фото ГМИИ); *4* — свинцовая рамка зеркала из коллекции В. Святловского (найдена до 1920-х годов), ГМИИ им. А. С. Пушкина, № II *1е* 1144 (фото ГМИИ)

Надо думать, что прямоугольные зеркала изготовлялись в различных центрах. Судя по концентрации находок, выделяется ниймегенская группа на Нижнем Рейне — в каталог Г Ллойд-Морган включено 93 экз [10] Автор отмечает, что таких зеркал здесь найдено в 4 раза больше, чем в Кёльне, причем общее количество зеркал здесь лишь в 2,5 раза больше. Пропорции прямоугольных зеркал примерно равны в Кёльне и Любляне: коллекции зеркал и здесь, и там составляют около 110—120 образцов, и, таким образом, сравнимы. Высокая концентрация находок прямоугольных зеркал в Ниймегене позволяет английской исследовательнице предположить, что по крайней мере часть находок была изготовлена на месте [11, с. 97]

Ранее мы уже обращались к вопросу о размерах прямоугольных зеркал, пытаясь выделить стандарты, соотнести их с римской метрической системой и, сопоставив выделенные стандарты с рецептами сплавов зеркал, решить вопрос о центрах производства. Используя размеры 32 прямоугольных зеркал с тер-

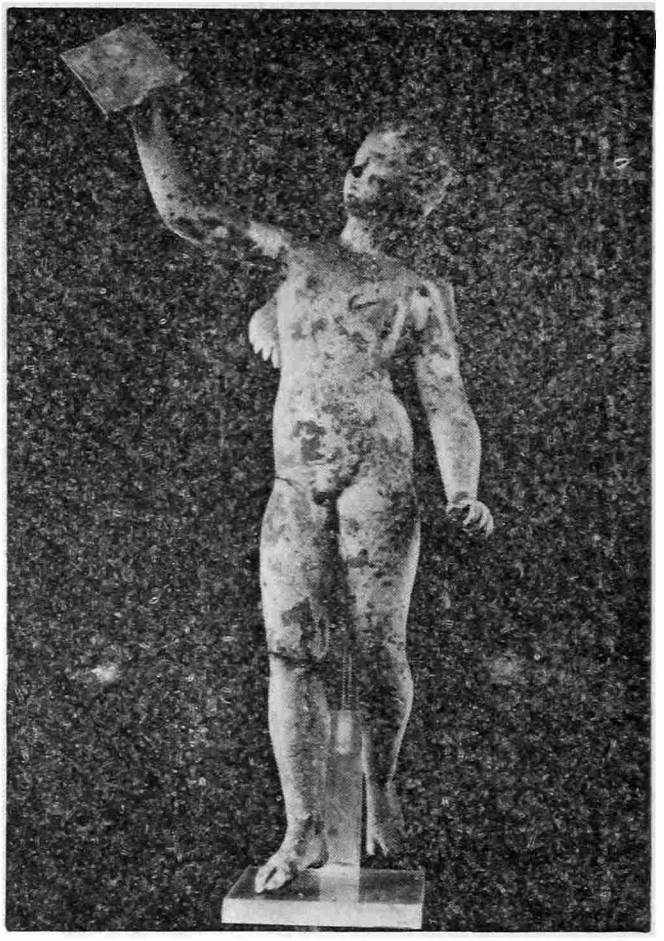


Рис. 2 Терракотовая статуэтка Эрота из Мирины (фото Лувра)

ритории Северного Причерноморья, Италии, Югославии, Швейцарии, мы выделили несколько стандартов. Большинство проанализированных нами зеркал меньших размеров было найдено на территории Северной Италии, Югославии и Швейцарии; для Пантикапея характерны более крупные зеркала, причем доля пантикапейских в общем количестве зеркал этой группы довольно высока. Результаты спектрального анализа дали нам возможность предположить боспорское происхождение зеркала (см. кат. I, *9*) [2] Мы пришли к выводу, что на Боспоре в подражание небольшим «ручным» зеркалам североиталийского производства стали делать зеркала больших размеров, и использовались они чаще как настольные или вмонтированные в шкатулки [3]

Публикация зеркал, найденных в Ниймегене, дала нам возможность ввести в работу размеры большого массива зеркал из области Нижнего Рейна. Частотные гистограммы и тот факт, что отношение большего размера к меньшему у прямоугольных зеркал — величина, близкая к постоянной, дают возможность разбить весь учтенный массив зеркал на три группы, ориентируясь на больший размер: крупные — $l > 12{,}5$ см, средние — $12{,}5 \geqslant l \geqslant 10{,}5$ см, мелкие — $l < 10{,}5$ см. В целом наши предположения подтвердились: зеркала меньших и средних размеров наиболее типичны для Италии, некрополей Эмоны и Ниймегена, тогда как зеркала крупных размеров, напротив, наиболее часты

[2] Аналогичное зеркало было найдено в Кардице в Фессалии; погребение было датировано А. С. Арванитопулосом, а затем и Б. В. Фармаковским серединой II в. до н. э., однако стеклянный флакон из могилы в Кардице позволяет датировать ее I в. до н. э. [3, с. 145, прим. 8] Упомянутые К. Ф. Смирновым [18, с. 166—167] находки прямоугольных зеркал в сарматских погребениях Приуралья IV—II вв. до н. э. нуждаются в специальном рассмотрении.

Рис. 3. Фрагмент фрески экуса Виллы мистерий в Помпеях

в Северном Причерноморье. Впрочем, для окончательных выводов материал недостаточен в количественном отношении.

К зеркалам, привезенным в Пантикапей с Нижнего Рейна или из Северной Италии, относится образец, украшенный гравированной линией параллельно краю и насечками по краю (кат. I, *11*). Подобная орнаментация довольно редка на прямоугольных зеркалах, тем не менее такие зеркала известны в некрополях Аквилеи [19, с. 11, рис. 8], Ниймегена [10, с. 3, рис. 1] и в Галлии [20, № 477]. Данный вариант орнаментации относится к типу Д по классификации Г. Ллойд-Морган [10, с. 3] Заметим, что, судя по размерам, зеркало из Пантикапея скорее всего происходит из мастерских Северной Италии или Нижнего Рейна. К привозным зеркалам следует, по всей вероятности, отнести и некоторые другие находки из некрополя Пантикапея (кат. I, *8, 13, 14*), а также зеркало из сарматского погребения в Приуралье (кат. I, *1*). Напротив, зеркала крупных размеров, вероятно, местного, северопричерноморского производства: об этом говорят и состав металла одного из зеркал, и, вероятно, типичное для северопричерноморского (боспорского?) центра изготовление крупных настольных зеркал в гипсово-деревянной оправе. Деревянные оправы известны и в памятниках Северной Италии и Нижнего Рейна [10, с. 3], между тем как гипсово-деревянные футляры или обрамления имели зеркала из Пантикапея и сарматских погребений в Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье [3, с. 148—150; 4, с. 128, 129], а также кургана Рошава Драгана во Фракии [21, с. 37] Это дало нам основание считать зеркало в богато орнаментированном гипсово-деревянном футляре из погребения

у с. Михайловка сделанным в боспорской мастерской [4, с. 128, 129] [3]. Заметим, что из трех известных нам зеркал с длиной больших сторон более 20 см две находки происходят из Северного Причерноморья. Из шести известных нам зеркал со сторонами 16—18 см три происходят из Северного Причерноморья и по одному — из Ниймегена [10, № *48*], Ломбардии [22, с. 180] и с о-ва Кипр [23, № *840*] Учитывая, что коллекция прямоугольных зеркал из Северного Причерноморья невелика по сравнению с собраниями аналогичных зеркал в Западной Европе, такое распределение зеркал больших размеров можно объяснить, предполагая местное производство.

К типу зеркал с перфорацией относится 11 экз. По мнению Г Ллойд-Морган, самые ранние экземпляры зеркал с перфорацией из серебра и посеребренной бронзы происходят из Италии: их производство концентрировалось в Цизальпинских памятниках долины р. По в течение I в. н. э. или его первой половины. Этот тип зеркал был чрезвычайно популярен в I в. н. э. Неясно, когда зеркала с перфорацией перестали изготовлять — во всяком случае некоторые находки встречаются в комплексах II в. н. э. [10, с. X, 49 сл.; 11, с. 104, № 7; 24, с. 330, 331; 25, с. 165] К. Рот-Руби определенно отмечает находки зеркал с перфорацией в комплексах первой половины II в. н. э. на территории Германии [26, с. 31—35] Надо полагать, что зеркала с перфорацией, как и прямоугольные, изготовлялись в различных центрах. Так, В. П. Шилов полагал, что зеркала, найденные в волго-донских степях, были сделаны в южноиталийских центрах [2] М. Пардуц называл их не южноиталийскими, а римско-провинциальными [27, с. 69]. Г Ллойд-Морган, которой учтено более 300 экз. таких зеркал с территории Италии и северо-западных провинций Империи, отмечает, что зеркала этого типа воспроизводились в Ниймегене, откуда происходит около 30 находок [10, с. X, 49—56]; чуть меньше 20 зеркал этого типа известно в Британии [25, с. 165]. Прямоугольные зеркала и зеркала с перфорацией сосуществовали, однако интересно, что последние появились на Боспоре лишь во второй половине I в. н. э.

Если мы попытаемся выделить стандарты зеркал с перфорацией, привлекая доступные нам материалы (размеры около 70 зеркал), то заметим, что их диаметры колеблются между 7,5 и 17,7 см, что соответствует при переводе в римскую метрическую систему [28, с. 547] величинам от 4 до 9,5 дюйма. Выделяется три группы зеркал: крупные — с диаметром более 11,5 см, средние: $11{,}5 \geqslant dm \geqslant 9{,}9$ см — и мелкие — с диаметром менее 9,2 см. Распределение внутри групп равномерное. Наиболее распространены были мелкие и средние зеркала; при этом наблюдаются зависимости между стандартами зеркал и местом находки: так, зеркала меньшего размера типичны для некрополя Эмоны, средние и крупные — для могильника Ниймегена. Из северопричерноморских находок, размеры которых нам известны, три принадлежат меньшему стандарту. Различир в распределении мелких зеркал между находками с территории Югославии и Нидерландов существенно с вероятностью более 95% [4] Исследования состава металла показывают, что зеркала с перфорацией изготовлялись по различным рецептам, вероятно, в нескольких производственных центрах. Сравнительно скромное количество их находок в Северном Причерноморье и отсутствие дополнительных определяющих признаков не позволяют говорить о местном производстве.

Единственное зеркало с зубчатым краем из Пантикапея (рис. 1, *2*) относится к довольно редкому типу зеркал. Так, Г Ллойд-Морган учтено всего 49 находок такого типа. Автор отмечает, что, вероятно, их производили

---

[3] Большие гипсово-деревянные шкатулки с рельефными изображениями, находящими аналогии в орнаментации футляра зеркала из Михайловки, были найдены в богатом сарматском погребении кург. 10 Кобяковского могильника на окраине Ростова-на-Дону (раскопки 1987 г.; любезное сообщение В. К. Гугуева) и в погребениях 4 и 7 кургана Рошава Драгана [21, с. 36, 37, рис. 35].

[4] Благодарим канд. мат. наук С. Н. Лицына, выполнившего необходимые расчеты.

в I в. н. э. мастерские Северной Италии, хотя несколько самых ранних зеркал, возможно, были сделаны в Кампании и Южной Италии. Большинство известных находок таких зеркал сосредоточено на территории Италии и прилегающих областей Австрии, Франции, Югославии. Отдельные находки известны на территории Германии, Швеции, Бельгии, Малой Азии, Северной Африки. Сравнительно большая группа таких зеркал — из Ниймегена, по мнению Г Ллойд-Морган, импорт из Италии [10, с. 57—61; 26, с. 36, 37; 29, с. 215—218]. Вероятно, североиталийским является и зеркало из Пантикапея.

В каталог римских зеркал с рельефными изображениями на крышках, составленный Г Целхаз, было включено 35 зеркал. По мнению автора, найденные в Северном Причерноморье три зеркала относятся к продукции малоазийского центра [6]. Недавно сводка римских рельефных зеркал была существенно дополнена Д. Виллерсом. В настоящее время известно 69 зеркал, места находок которых территориально распределяются следующим образом: преобладают зеркала, найденные на территории Малой Азии, Сирии, Фракии, несколько меньшее количество было обнаружено в Римской Африке и к северу от Альп, в основном в Баварии [30, с. 33].

На зеркале, найденном в Керчи, изображены три грации. Аналогичные изображения известны еще на шести зеркалах, происходящих из Малой Азии, а также из Баварии и Карфагена [6, № 1—3; 30, № 36—38] Более редки зеркала с бюстом Прозерпины, типа найденного в Ольвии — известно еще одно такое зеркало из Туниса [6, № 16]. Д. Виллерс полагает, что зеркала относятся к продукции малоазийских мастерских. Предположение о том, что не существовало изолированных линий развития таких зеркал, как и локальных мастерских, подтверждают взаимосвязи между зеркалами с изображениями трех граций, бюста Прозерпины и Венеры Виктрикс [30, с. 33]. Уникально в своем роде зеркало из Керчи с изображением Эрота, подвязывающего сандалии сидящей Афродите.

Найденные в погребениях I—II вв. н. э. некрополя у д. Ново-Отрадное и могильника Валовый I под Танаисом зеркала с крышками отличаются между собой в деталях, однако принадлежат довольно распространенной категории зеркал первых веков новой эры, прототипами которых были зеркала, широко представленные в эллинистическую эпоху [31, с. 136, рис. 63, тип C_2] Аналогичные зеркала известны на территории Галлии, Нижнего Рейна [10, с. 69 сл., тип R_b; 20, № 458; 32, № 400].

Находки «монетных» зеркал были достаточно редки по сравнению с остальными типами зеркал, при этом преобладают экземпляры, происходящие с территории Германии, Франции и Нидерландов. Высказано предположение об изготовлении «нероновских» зеркал в Лугдунуме [10, с. 78, тип S_a; 30, № 64, 65; 33, с. 36]

Зеркало в виде плоского диска с припаянной с обратной стороны П-образной ручкой-петлей, украшенной тремя поясками насечек (рис. 1, *3*), поступившее в ГМИИ им. А. С. Пушкина из собрания керченского коллекционера Запорожского, относится к типу W по классификации Г Ллойд-Морган. Отмечается, что ряд зеркал этого типа относится к III в. н. э., хотя подобные находки I в. н. э. происходят из раскопок Помпей и Аквилеи. Предполагается, что одним из центров изготовления подобных зеркал был Кёльн [10, с. XI, 90—93].

Стеклянные зеркала в свинцовых оправах были широко распространенной категорией зеркал: только в Италии и северных провинциях Империи было найдено более 400 оправ таких зеркал. Одними из первых стали изготавливать эти зеркала, вероятно, мастерские Аквилеи; в III—IV вв. н. э. их производство было налажено в Кёльне. Предполагается, что была мастерская на территории Северной Франции, а также мастерские в Дунайских провинциях [7, с. 121; 10, с. X; 34, с. 1—22; 35, с. 152, 154; 36, с. 201—203]. Существовало несколько разновидностей стеклянных зеркал в свинцовых оправах: это были простые круглые рамки, квадратные рамки с круглым отвер-

стием для стекла, зеркала с ручками с одним круглым отверстием для стекла или с основным круглым отверстием, окруженным трапециевидными. С территории Северного Причерноморья, в основном из Пантикапея и Херсонеса, происходит 11 свинцовых рамок зеркал.

Ю. П. Калашник отмечает аналогии для зеркал из Херсонеса и Пантикапея (кат. VIII, *2, 8*) среди находок с территории Фракии и Дакии — они имеют близкие пропорции, форму, надписи. Орнаментация, украшающая зеркало из Пантикапея (кат. VIII, *8*), находит аналогии на зеркалах из Суцидавы, Дуросторума, Пауталии [37, с. 420, рис. 3; 38, рис. 1, *1*]. Оборотная сторона оправы из Херсонеса с изображением двух павлинов (кат. VIII, *3*) аналогична находке из Новиодунума [8, с. 150] Мотив трех граций, как на оборотной стороне зеркала из Пантикапея (кат. VIII, *9*), известен на оборотной стороне зеркала из Суцидавы [7, с. 119] Квадратные рамки с круглым отверстием для стекла, типа находки из Пантикапея (кат. VIII, *5*), менее характерны для Подунавья, чем для рейнских провинций. Очень близкая аналогия керченской находке происходит из Дуросторума. Подобные рамки, выделенные Й. Фитцем в тип XV, известны в Интерцизе и Аквилее [38, № 13, рис. 3, *13;* 39, с. 391]. Аналогии круглому зеркалу с растительным орнаментом из Херсонеса (кат. VIII, *1*) известны в Дакии и Фракии [38, рис. 2, *4а*]. Д. Тюдор объединяет подобные зеркала в тип XI своей классификации [37, с. 420, прим. 8, рис. 4, *17*]. Подобные находки из Интерцизы относятся к типу X по Й. Фитцу [39, с. 391].

Чрезвычайно редки происходящие из Пантикапея (в том числе из погребения второй половины I в. н. э.) рамки зеркал с основным круглым отверстием, окруженным трапециевидными (кат. VIII, *5, 9*). Четыре аналогичные оправы, три из которых отлиты в одной форме, происходят из раскопок в Остии [5] Близкую композицию имеют гипсовые оправы зеркал из Сирии и Египта, в том числе происходящие из погребения IV—V вв. н. э. [40, с. 32. № 55, 57; табл. XXIX, *40, 42*; 41, с. 66]. Ввиду редкости находок вопрос о центрах их изготовления следует считать открытым; впрочем, нельзя исключать возможности местного производства зеркал из Пантикапея, что хорошо согласуется с точкой зрения о местном стеклоделии во второй половине I в. н. э. [42]

Неизвестны нам аналогии происходящей, вероятнее всего, из Северного Причерноморья квадратной рамке с круглым отверстием, обрамленным фризами жемчужника и растительного орнамента и миниатюрными профильными изображениями мужских и женских головок с атрибутами в углах (рис. 1, *4*).

Мы уже отмечали, что находки прямоугольных зеркал в некрополе Аквилеи, в том числе в гробнице торговца Луция Канция Фрукта, и далее на восток — в Эмоне, Новиодунуме [19, с. 3—18; 43 табл. XXII, *20;* 44, табл. VII, *11*; XIX, *41;* LXXXIV, *2,* LXXXVII, *1;* 45, табл. LV, *4*) знаменуют вехи торгового пути, связывавшего Северную Италию с Причерноморьем [46]. В. П. Шилов полагает [2, с. 264], что зеркала с перфорацией попали к сарматам Дона и Поволжья, минуя античные города Северного Причерноморья, в период продвижения роксоланов на Дунай, где они были непосредственными соседями римлян. Незначительное количество стеклянных зеркал в свинцовых рамках, найденных в Северном Причерноморье, не позволяет, по мнению В. М. Зубаря, считать их исключительно предметами импорта; предполагается, что они могли попасть в Херсонес со своими хозяевами — выходцами из Подунавья. Одним и аргументов исследователя является тот факт, что свинцовые оправы зеркал в значительном количестве были найдены в Суцидаве, Эске, Дуросторуме, т. е. там, где размещались подразделения XI Клавдиевого легиона, составлявшего ядро римского гарнизона в Херсонесе [47, с. 92]. Д. С. Герцигер связывает находку «монетного» зеркала в Ольвии с присутствием здесь римских войск во второй половине I в. н. э. [9].

---

[5] Сердечно благодарю Г Ллойд-Морган за информацию в письме от 8.05.1988 г.

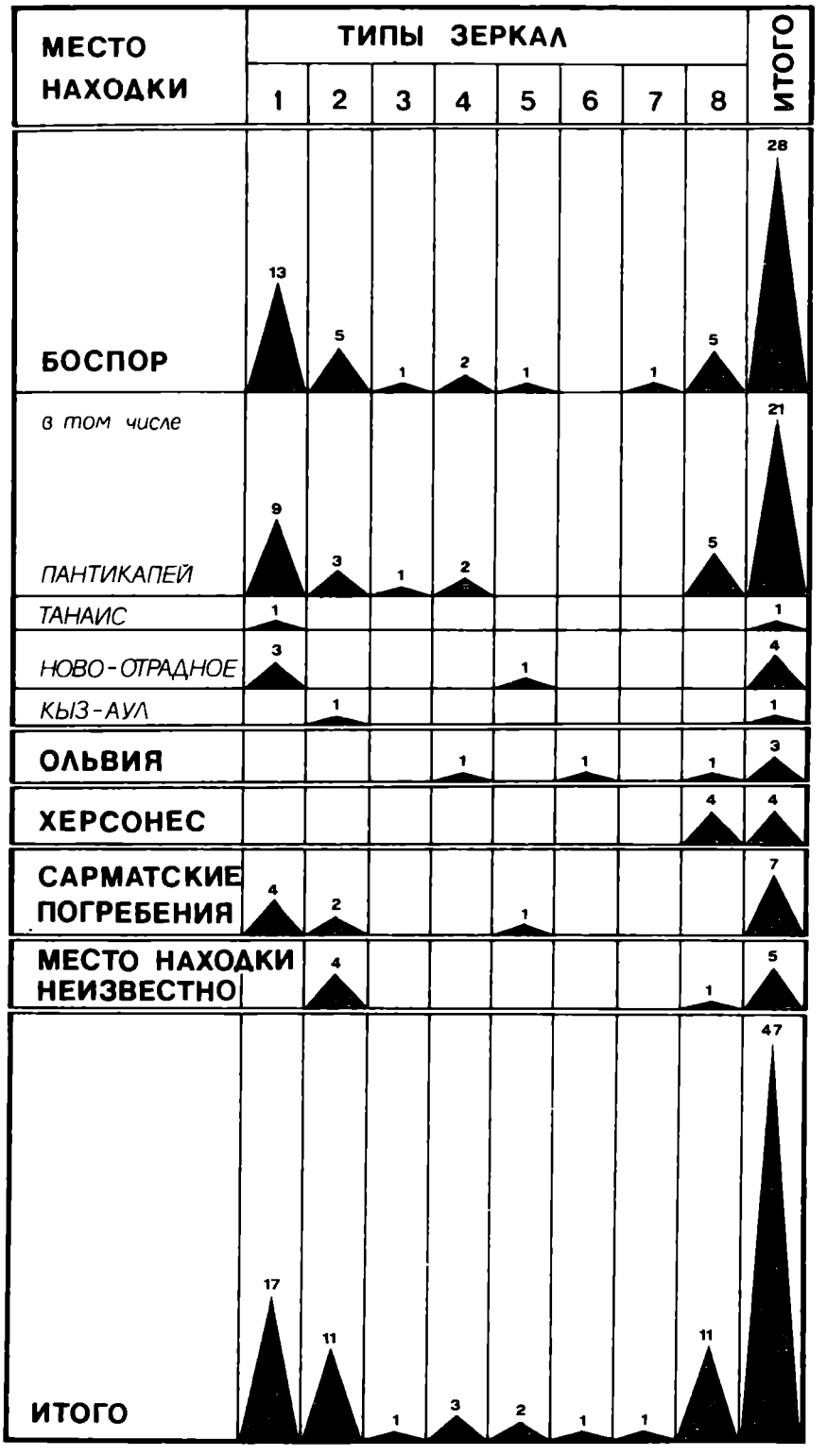


Рис. 4. Распределение италийских и провинциально-римских зеркал в Восточной Европе. Типы зеркал: *1* — прямоугольные зеркала; *2* — зеркала с перфорацией; *3* — зеркала с зубчатым краем; *4* — зеркала с рельефами на крышках; *5* — зеркала с крышками; *6* — «монетные» зеркала; *7* — зеркала с П-образными ручками-петлями; *8* — свинцовые рамки стеклянных зеркал

Нам представляется, что к вопросу о путях проникновения зеркал италийских и провинциально-римских типов в Северное Причерноморье надо подойти комплексно: во-первых, проанализировав территориальное распределение всех известных находок с учетом контекста этнической, социальной и культурно-

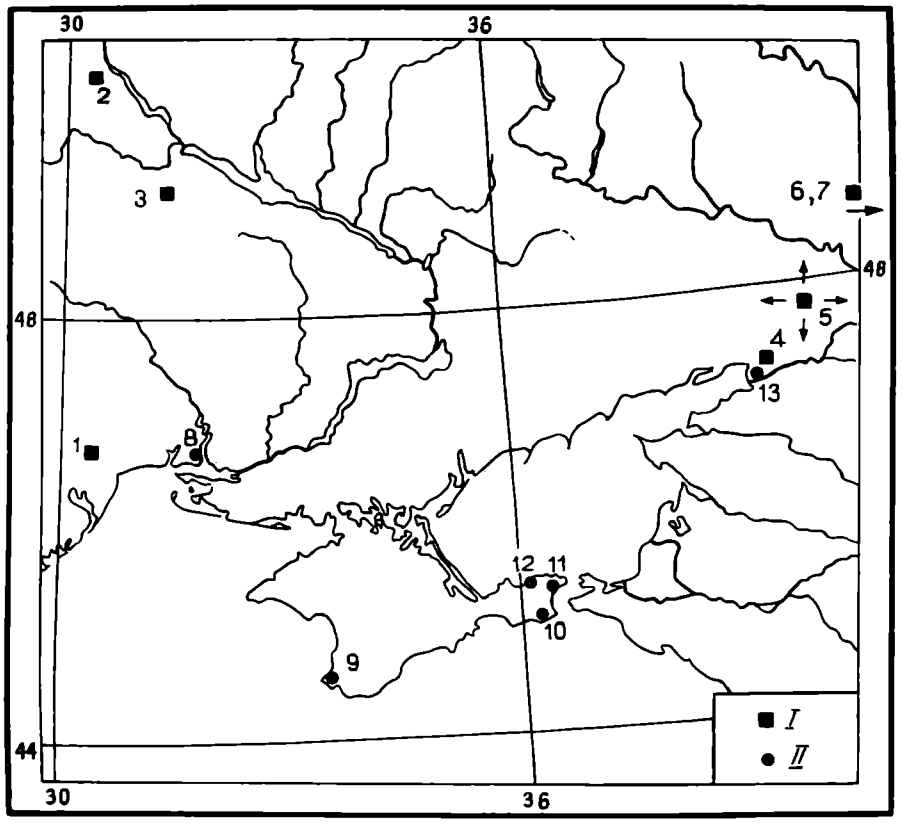


Рис. 5. Находки италийских и провинциально-римских зеркал в Восточной Европе. *1* — Михайловка; *2* — Краснополка; *3* — Петрик; *4* — Валовый; *5* — Донская обл.; *6* — Альт-Веймар; *7* — Бережновский; *8* — Ольвия; *9* — Херсонес; *10* — Кыз-Аул; *11* — Пантикапей; *12* — Ново-Отрадное; *13* — Танаис; I — находки в сарматских погребениях; II — находки в античных городах и на поселениях

исторической принадлежности комплекса, и, во-вторых, сравнив с распределением аналогичных зеркал на территориях, лежащих за пределами Римского лимеса.

Как видно по рис. 4, 5, больше половины всех зеркал происходит с территории Боспора, где они были найдены в основном в Пантикапее, причем в богатых погребениях I — начала II в. н. э. Заметим, что в Ольвии и Херсонесе такие зеркала были редкостью, а в Херсонесе зеркала только одного типа были обнаружены в позднеантичных могилах [6] Другая относительно многочисленная группа зеркал происходит из сарматских погребений I — первой половины II в. н. э., в основном также богатых.

Прослеживается интересная закономерность. Римские войска стояли гарнизоном в Херсонесе с 62 г. н. э. и до конца античной эпохи, хотя состав гарнизона в разное время менялся [48, с. 217, 218; 49, с. 55; 50, с. 61 сл.; 51, с. 17—19]. В Ольвии римские вексилляции были размещены не ранее начала II в. или даже, как полагают, при Адриане, а может быть, уже при Антонине Пие [49, с. 60; 52, с. 23, 24] На Боспоре римские войска появились в середине I в., во время похода Дидия Галла и Гая Юлия Аквилы, и находились здесь позднее, во II в. н. э., судя по эпиграфическим и некоторым археологическим свидетельствам [48, с. 215, 216; 49, с. 55, 56; 53, с. 33—50]. Впрочем, вероятно, права Н. А. Фролова, полагающая, что ни письменные, ни нумизматические данные не дают оснований считать, что на Боспоре с середины I в. были размещены

[6] После сдачи статьи в печать в Херсонесском историко-археологическом музее-заповеднике нами было обнаружено одно зеркало с перфорацией из раскопок некрополя Херсонеса 1910 г. у западной оборонительной стены Инв № 4932. Дм. зеркала — 13,8 см.

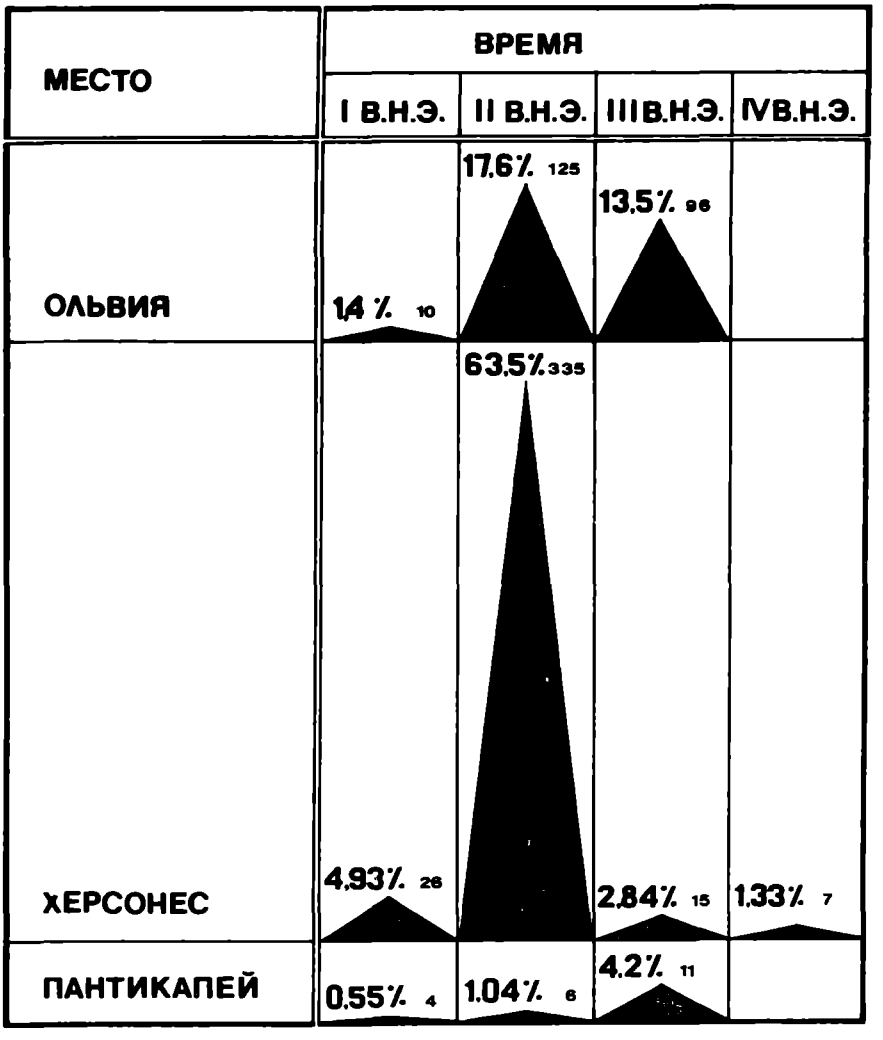


Рис. 6. Римские имена в ономастике Ольвии, Херсонеса и Боспора

постоянные римские гарнизоны [54, с. 55—57] Анализ римских имен в ономастике Северного Причерноморья (рис. 6) с очевидностью показывает обратную закономерность между количеством римских имен в ономастике того или иного центра и количеством находок провинциально-римских зеркал [55] Таким образом, вряд ли можно считать, что их появление здесь следует связывать с приходом римских войск (вероятно, это было скорее исключением, чем правилом), его необходимо отнести за счет торговых связей. Интересно, что выявляется определенная хронологическая закономерность: в I—II вв. зеркала попадали на Боспор, практически минуя Ольвию и Херсонес, тогда как в III—IV вв. наблюдается обратная закономерность: зеркала поступали, правда в меньшем количестве, только в Херсонес.

Несколько иначе обстояло дело с поступлением провинциально-римских и италийских зеркал в сарматскую среду Существует несколько гипотез, объясняющих значительное количество римского импорта в погребальных комплексах сарматов: 1) в результате торговых связей, включающих торговлю с прибрежными понтийскими городами, межплеменной обмен, торговлю с пограничными Римскими провинциями; 2) путем вручения даров, в том числе от боспорских царей и римской администрации; 3) в качестве платы за службу, полученной от римских и боспорских правителей; 4) в качестве военных трофеев, захваченных на территории Закавказья и в Мезии [56, с. 64—70]

Нам представляется наиболее вероятным, что зеркала провинциально-римских типов попали в сарматские погребения в результате торговых связей

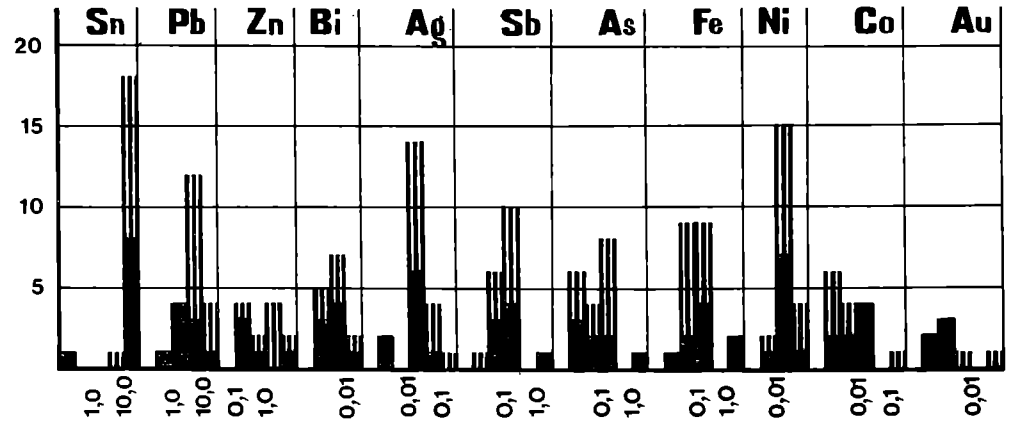


Рис. 7 Гистограммы распределения примесей в металле прямоугольных зеркал (сплошная заливка) и зеркал с перфорацией (вертикальная штриховка)

через посредство Боспора, что в принципе не исключает возможность получения некоторых таких предметов в качестве даров сарматской знати от правителей Боспора. Менее вероятным представляется, что эти импортные изделия попали к сарматам в качестве военной добычи роксолан, взятой во время пограничных столкновений на Дунае и похода на Мёзию 69 г. н. э. Хотя находки зеркал с перфорацией известны как на территории Фракии [21, с. 37], так и Дакии [57, с. 266, № 145, 146, табл. XXVIII, *1*], прямоугольных зеркал здесь найдено не было. Распределение находок провинциально-римских и италийских зеркал в Восточной Европе напоминает распределение здесь недорогих бронзовых и стеклянных сосудов, фибул и отличается от распределения дорогой высокохудожественной серебряной и бронзовой посуды, находки которой практически неизвестны в городах Северного Причерноморья, но достаточно хорошо представлены среди материалов из богатых сарматских комплексов [56, с. 65] Особо важная роль Боспора в масштабах Северного Причерноморья как в получении рассматриваемых зеркал, так и в их дальнейшем распределении в варварской среде подкрепляет гипотезу о местных боспорских подражаниях прямоугольным зеркалам.

Для сравнения рассмотрим распределение подобных зеркал к северу от лимеса, специально исследованное Г Ллойд-Морган. Интересно, что к северу от границ Империи — в Скандинавии, на Британских островах было обнаружено всего 15 зеркал четырех типов, в том числе из рассматриваемых нами: три прямоугольных зеркала, два зеркала с зубчатым краем и одно с перфорацией. Автор отмечает, что в этом регионе зеркала не воспроизводились и попадали в погребения своих первых владельцев, не передаваясь по наследству [11, с. 98, 103, 104]

В заключение затронем некоторые вопросы, связанные с изготовлением бронзовых провинциально-римских зеркал. На изготовление особенно крупных образцов прямоугольных зеркал расходовалось довольно значительное количество металла (500—600 г.), пятую часть которого, как правило, составляло олово. Напомним в этой связи, что, по сообщению Плиния, либра олова стоила в эту эпоху 80 денариев, тогда как либра свинца — всего лишь 7 (Plin N. H. XXXIV 161). Таким образом, только для легирования оловом двух-трех крупных или семи-восьми зеркал меньшего размера уходило, учитывая неизбежные производственные потери, только олова стоимостью 80 денариев. Кроме того, крупные настольные зеркала требовали дополнительного обрамления.

В первые века новой эры основные месторождения олова разрабатывались в Иберии, Корнуэлле, а также в Бретани, Арморике, Аквитании [58, с. 60, 61], откуда металл в виде слитков мог попадать в различные точки Империи и снабжать мастерские, в том числе расположенные в долине Нижнего Рейна или в Северной Италии. Находка слитков олова и сплава олова и свинца на

дне Темзы в Батерси показывает, что существовал путь через устье Рейна [59, с. 41—50], который, вероятно, и снабжал мастерские Ниймегена оловом. Обратим внимание, что слитки из Батерси представляли собой готовый сплав для легирования меди в различных вариантах соотношения концентраций олова и свинца: 24:1; 2:1; 1:1. Находка у южного побережья Франции слитков олова свидетельствует о доставке металла морем из рудников Иберии в Италию [60, с. 221—228]

Обратим внимание и на рецепт сплава, из которого изготовлялись зеркала (рис. 7). Он принципиально отличается от рецептов, по которым отливались зеркала греками и этрусками в предшествующую эпоху (см. [3; 4]) Так, архаические греческие зеркала были изготовлены из сплава, содержащего около 10% олова. Эти добавки были характерны и для этрусских зеркал, и для греческих зеркал классического и эллинистического времени (при незначительном увеличении концентраций свинца в эллинистическую эпоху) [61, с. 105; 62, с. 227, 229]. В каком же регионе следует искать центр изобретения рецепта, которым стали пользоваться бронзолитейщики Италии и провинций? Нам представляется, что этот вопрос может быть решен хотя бы предположительно. Исследования китайских зеркальных сплавов показали, что по крайней мере с VI в. до н. э. точно такие же рецепты сплавов (концентрации олова 18—22%, свинца 6—9%) применялись и здесь. Употреблялись они и для отливки ханьских зеркал [63, с. 6—16; 64, с. 131 сл.; 65, с. 124]. Вероятно, римские бронзолитейщики использовали как образец ханьские зеркальные сплавы (ср. [66, с. 9—13]). Нам, к сожалению, неизвестно, имели ли место случаи находок китайских зеркал в Италии и провинциях, однако контакты Запада и Востока документированы для эллинистической эпохи и тем более для первых веков нашей эры [67, с. 256—258]. В этой связи нам хотелось бы обратить внимание на один из путей, по которым ханьские зеркала могли поступать в I в. н. э. в Римскую империю. Известны находки таких зеркал в Хакасско-Минусинской котловине [68], в трех погребениях некрополя Тилля-Тепе в Северном Афганистане [69, с. 58, табл. 145], где они были обнаружены вместе с импортными римскими изделиями и монетами, а также в сарматских погребениях в Казахстане, Поволжье, на Нижнем Дону, в том числе в некрополе Танаиса, и на Украине [56, табл. 46, *4*, 77, *1*; 65, с. 125; 70, с. 83—85, рис. 1, *4*, 2, *3*]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Каталог находок

I — прямоугольные зеркала: 1 — II Бережновский могильник, 1954 г., курган 36, 9×7,5 см; 2 — Краснополка, 1980 г., курган 224, могила 2, 16,7×14,8 см; 3 — Михайловка, 1982 г., курган 3, могила 3, 22,5×19,8 см; 4 — Ново-Отрадное, 1960 г., могила 1; 5, 6 — там же, 1960 г., могила 44, 45; 7 — 15 — Пантикапей; 7 — 1894 г., склеп А. Борецкого, 18,6×15,5 см, ГИМ, № 33528—33530; 8 — 1900 г., раскопки К. Е. Думберга, 11,8×10,5 см, ГИМ, № 24417; 9 — 1903 г., могила 44, 21,8×19 см, ГИМ, № 43938; 10 — собрание И. Е. Забелина, 16,8×14,5 см, ГИМ, № 22204; 11 — 1861 г., могила 4, 10,3×8,7 см, ГЭ.П.1861.4; 12 — 1867 г., могила 96, ГЭ.П.1867.37; 13 — 1908 г., могила 44, 12,6×11,5 см, ГЭ.П.1908.98; 14 — 1902 г., могила 331, 8×7 см; 15 — 1905 г могила 26; 16 — Петрик, 1873 г., курган; 17 — Танаис, раскоп. А. Е. Леонтьева.

II — зеркала с перфорацией: 1 — Альт-Веймар, 1924 г., курган В7, дм. 9 см; 2 — Донская обл.; 3 — Кыз-Аул, 1930 г., могила 12, дм. 9,6 см; 4 — окрестности Керчи или Тамани, собрание Д. Я. Самоквасова, дм. 9,8 см, ГИМ, № 76990; 5—7 — Пантикапей: 5 — 1872 г., IV каменная гробница, дм. 9 см, ГЭ.П.1872; 6 — 1900 г могила 69, дм. 9,6 см, ГЭ.П.1900.41; 7 — найдено до 1881 г., собрание А. Л. Бертье-Делагарда, дм. 7,5 см, ОАМ, № 45973; 8—11 — места находок неизвестны: 8 — собрание А. С. Уварова, дм. 10,4 см, ГИМ, № 54791; 9 — собрание А. С. Уварова, дм. 8,3 см, ГИМ, № 54791; 10 — собрание М. С. Воронцова, дм. 11,5 см, ОАМ, № 45529; 11 — собрание Д. Г Бурылина, дм. 10,4 см, ИОХМ, б/№.

III — зеркала с зубчатым краем: 1 — Пантикапей (рис. 1, *2*).

IV — зеркала с рельефами на крышках: 1 — Ольвия, 1902 г., дм. 8,8 см, ГЭ.О.1902.57; 2, 3 — Пантикапей: 2 — 1894 г., катакомба в саду Абдул-Керима, дм. 12,7 см, ГЭ.П.1894.39; 3 — 1901 г., могила 36, дм. 9,2 см.

V — зеркала с крышками: 1 — Ново-Отрадное, 1960 г., могила 4; дм. 7,7 см; 2 — могильник Валовый 1, 1987., курган 9, могила 1, дм. 9,5 см, АКМ, № 935.

VI — «монетные» зеркала: 1 — Ольвия, найдено до 1936 г., дм. 5,2 см, ГЭ.Ол.17048.

VII — зеркала с П-образными ручками-петлями: 1 — Пантикапей (9) (рис. 1, *3*).

VIII свинцовые рамки стеклянных зеркал: 1—4 — Херсонес: 1 — склеп II—IV вв. н. э. на ул. Н. Островского, ГХЗ, № 67/36757; 2 — 1892 г., могила 164, дм. 3,1 см, ГЭ.Х.1892.109; 3 — 1958 г., подбойная могила, ГХЗ, № 10/36463; 4 — ГХЗ, № 111/36898; 5—9 — Пантикапей: 5 — 1892 г., склеп на северном склоне г. Митридат, 7,5×7,5 см, ГЭ.П.1872.181; 6 — 1905 г., могила 65, ГЭ.П.1905.41; 7 — 1902 г., могила 213; 8 — поступила в 1866 г. из Археологической комиссии, ГЭ.Е.2857; 9 — куплена в 1901 г. В. В. Шкорпилом, ГЭ.Е.2859; 10 — Ольвия, Британский музей; 11 — место находки неизвестно (рис. 1, *4*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия на территории Восточной Европы (II в. до н. э.— IV в. н. э.) // САИ. 1970. Вып. Д1-27.
2. *Шилов В. П.* Южноиталийские зеркала в волго-донских степях // СА. 1972. № 1.
3. *Сорокина Н. П., Трейстер М. Ю.* Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного исторического музея // СА. 1983. № 4.
4. *Сорокина Н. П., Дзиговский А. Н., Трейстер М. Ю.* Бронзовое прямоугольное зеркало в орнаментированном футляре из сарматского погребения у с. Михайловка // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
5. *Морозовская Т. В.* Бронзовые зеркала из коллекции ОАМ АН УССР // Новые исследования по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1987.
6. *Zahlhaas G.* Römische Reliefspiegel. Kallmünz: Lassleben, 1975.
7. *Калашник Ю. П.* Свинцовые рамки стеклянных зеркал в собрании Эрмитажа // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979.
8. *Зубарь В. М.* О свинцовых зеркалах из некрополя Херсонеса // Проблемы античной культуры. М.: Наука, 1986.
9. *Герцигер Д. С.* Монетное зеркало из Ольвии // Античная торевтика. Л.: Гос. Эрмитаж, 1986.
10. *Lloyd-Morgan G.* The Mirrors: Description of the Collection in the Rijksmuseum G. M. Kam at Nijmegen. Nijmegen: Rijksmuseum, 1981.
11. *Lloyd-Morgan G.* Roman Mirrors and Pictish Symbol: A Note on Trade and Contact// Roman Frontier Studies, 1979. BAR Intern. Ser. 1980. V. 71.
12. *Simonett Ch.* Tessiner Gräberfelder // Monographien zur Ur-und Frühgeschichte der Schweiz. Basel: Birkhauser u Cie, 1941.
13. *Lamboglia N.* Necropoli romane nelle terre delle attuale canton Ticino // *Simonett Ch.* Necropoli romane nelle terre delle attuale scanton Ticino. Belinzona: Avchivo Storice Ticinese, 1971.
14. *Pottier E., Reinach S.* La nécropole de Myrina. P.: Thorin, 1887.
15. *Mollard-Besques S.* Catalogue raisonné des figurines et reliefs en terre-cuite grecs, etrusques et romaines: Musée du Louvre et collections des universités de France: T. II. Myrina. P., 1963.
16. *Maiuri A.* La villa dei Misterii. Roma, 1947.
17. *Simon E.* Augustus: Kunst und Leben in Rom um die Zeitenwende. München: Hirmer, 1986.
18. *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975.
19. *Guida P.* Una tomba nuova scoperta nella necropoli di Levante // Aquileia Nostra. 1963. An. 34.
20. *Boucher S., Perdu G., Feugere M.* Misée de la civilisation gallo-romaine a Lyon: Bronzes antiques. II. Instrumentum, aegyptiaca. Lyon, 1980.
21. *Буюклиев Х.* Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и Проучвания. 1986 Кн. XVI.
22. *Panseri C., Leoni M.* Esame di specchi bronzei, ritrovati in sepolcreti romani dell'alta Lombardia del I—II secolo D. C.// Sibrium. 1957. V. III.
23. *Richter G. M. A.* The Metropolitan Museum of Arst: Greek, Etruscan and Roman Bronzes. N. Y., 1915.
24. *Lloyd-Morgan G.* Roman Mirrors in Britain // Current Archaeology. 1977. № 58. V. V. № 11.
25. *Gaunt J., Parfitt K., Lloyd-Morgan G.* A Roman Mirror, from Mongeham, near Deal // Kent Archaeological Review. Autumn, 1979. № 57.
26. *Roth-Rubi K.* Zur Tupologie römischer Griffspiegel // Bull. des Musees royaux d'Art et d'Histoire. Bruxelles, 1974. 6e sér An. 46.
27. *Parducz M.* Denkmäler der sarmatenzeit Ungarns. B. 1. Budapest: Országos magyar történeti múzeum, 1941.
28. The Oxford Classical Dictionary: Oxvord, Clarendon Press, 1957.
29. *Lloyd-Morgan G.* A New Hand Mirror from Roman Libya // Libya Antiqua. 1976—1977. V. XIII—XIV
30. *Willers D.* Vom Etruskischen zum Römischen: Noch einmal zu einem Spiegelrelief in Malibu // The J. Paul Getty Museum Journal. 1986. V. 14.
31. *Zuchner W* Griechische Klappspiegel. B.: Gruyter, 1942 // JDAI. 14 Erg.-H.
32. *Comstock M., Vermeule C.* Greek, Etruscan and Roman Bronzes in the Museum of Fine Arts Boston. Boston: Museum of Fine Arts, 1971.
33. *Zimmer G.* Spiegel im Antikenmuseum // Bilderheft der Staatlichen Museen Preussischer Kulturbesitz. 1987. № 52.
34. *van Buchem H.* Convexe Spiegeltjes // Numaga. 1976. V 23. № 1.
35. *Lloyd-Morgan G.* Roman Mirrors and the Third Century // The Roman West in the Third Century: Contributions from Archaeology and History. BAR Intern ser. 1981. V. 109.

36 *Lloyd-Morgan G.* A Lead Mirror Frame of the Roman Period from Caerwent // Archaeologia Cambrensis. 1986. V. CXXXV.
37. *Tudor D.* Le dépot de miroirs de verre doublé de plomb trouvé à Sucidava // Dacia. N. S. 1959. V. 3.
38. *Museteanu S., Elefterescu D.* Oglinzi romane din plomb de la Durostorum // Pontica. 1978. V. 11.
39. *Fitz J.* Bleigegenstände // Intercisa. II. Geschichte der Stadt in der Römerzeit. Budapest, 1957.
40. *Flinders Petrie W. M.* Objects of Daily Use Illustrated by the Egyptian Collection in University College London. L., 1927.
41. *Zoudhi B.* Miroirs de Verre de l'Époque Romaine conservés au Musée National de Damas // Annales du 5e Congrès International d'Etude Historique du Verre. Liege, 1972.
42. *Сорокина Н. П.* Стеклоделие античного мира первых веков нашей эры (основные проблемы): Автореф. дис. докт. ист. наук. М., 1988.
43. *Petru S., Petru P.* Neviodunum. Ljubljana: Narodni muzej, 1972.
44. *Petru S.* Emonske nekropole. Ljubljana: Narodni muzej, 1972.
45. *Plesničar-Gec L.* Severno Emonsko grobišče. Ljubljana: Narodni muzej, 1972.
46. *Treister M. Ju.* Bronzeworking in Bosporus in the First Centuries A. D.// Materials of the VIIIth Intern. Colloquium on Antique Bronzes, Stara Zagora, May—June 1984. Sofia.
47. *Зубарь В. М.* Этнический состав населения Херсонеса Таврического первых веков нашей эры (по материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма. Киев, 1987
48. *Блаватский В. Д.* О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э.// Archeologia Polona. 1973. T. XIV
49. *Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э.// ВДИ. 1981. № 4.
50. *Кадеев В. И.,* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.— III в. н. э.// ВДИ. 1979. № 2.
51. *Соломоник Э. И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.: Наука, 1983.
52. *Карышковской П. О.* Ольвия и Рим в I в. н. э.// Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наук. думка, 1982.
53. *Цветаева Г. А.* Боспор и Рим. М.: Наука, 1979.
54. *Фролова Н. А.* О римско-боспорских отношениях в I — середине III в. н. э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
55. *Савостина Е. А.* Римские имена в ономастике Северного Причерноморья // СА. 1977. № 4.
56. *Raev B. A.* Roman Imports in the Lower Don Bassin // BAR Intern. ser. 1986. V 278.
57. *Gramatopol M.* Dacia antiqua. Bucuresti, 1982.
58. *Healy J.* Mining and Metallurgy in the Greek and Roman World. L.: Thames and Hudson, 1978.
59. *Hughes M. J* The Analysis of Roman Tin and Pewter Ingots // Aspects of Early Metallurgy. British Museum Occas. Paper. 1980. № 17
60. *Parker A. J., Price J.* Spanish Exports of the Claudian Period // IJNA. 1981. V 10. № 3.
61. *Craddock P. T* The Composition of the Copper Alloys Used by the Greek, Etruscan and Roman Civilizations. Pt 2 // JAS. 1977 V. 4. № 2.
62. *Craddock P. T* The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze //SE. 1984 (1986). V. LII.
63. *Riederer J.* Metallanalysen chinesischer Spiegel // Berliner Beiträge zur Arshäometrie. 1977. B. 2.
64. *Богданова-Березовская И. В.* К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
65. *Мошкова М. Г., Рындина Н. В.* Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое исследование) // Очерки технологии древнейших производств. М: Наука, 1975.
66. *Равич И. Г., Морозовская Т. В.* Зеркальные бронзы древнего мира // Культура и искусство в СССР. Серия «Реставрация памятников истории и культуры». 1987 № 3.
67. *Casson L.* China and the West // *Casson L.* Ancient Trade and Society. Detroit, 1984.
68. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
69. *Sarianidi V. L.* Baktriches Gold aus den Ausgrabungen der Nekropole von Tillja-Tepe in Nordafghanistan. Leningrad: Avrora, 1985.
70. *Мошкова М. Г.* Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КСИА. 1982. Вып. 170.

M. Yu. TREISTER

THE ITALIAN AND PROVINTIONAL ROMAN MIRRORS IN EASTERN EUROPE

The author has studied the collection of the Italian and provintional Roman mirrors known by now which counts 47 species divided into 8 types. The prevailing types are those of rectangular form, the type with perforation and mirrors made of glass with lead frames. For each type the author has analysed the problem of its origin, spreading and centres of production. An attempt is made to outline some standards for certain types, so the author has made a supposition about the local production of rectangular mirrors in Bosporus. A special attention is payed to tracing routes by which the mirrors reached the north shores of the Black sea, Bosporus and territories of the Sarmatians in the 1st and the 2nd centuries A. D. A problem of composition of alloys is raised in connection with available information on the resources of tin and prise for it. A hypothesis is presented concerning possible influence of Han alloying technology in ancient China on the Roman bronze-casting techniques. A probable way is pointed for the penetration of the Chinese mirrors to Europe in the 1st century A. D.

Н. А. КРЕНКЕ, Е. А. ЦЕПКИН

РЫБОЛОВСТВО НА МОСКВЕ-РЕКЕ С V В. ДО Н. Э. ПО VII В. Н. Э.

Объектом настоящего исследования является коллекция остатков рыб и предметов, связанных с рыболовством; она была собрана при раскопках Дьякова городища в Москве. Эта коллекция представляла собой интерес, поскольку сведения о древней промысловой ихтиофауне Москвы-реки и рыболовстве до сих пор были ограничены лишь средневековыми материалами из раскопа в Зарядье [1].

Накопление культурного слоя Дьякова городища происходило в интервале с V в. до н. э. по VII в. н. э., что установлено на основании многочисленных (66) радиоуглеродных датировок и по вещевым находкам [2].

Особенности залегания костных остатков рыб и методика сбора коллекции. Методика раскопок, проводившихся на Дьяковом городище в 1981—1987 гг., совершенствовалась от ручной переборки культурного слоя до просева его через сетку с 3-миллиметровыми ячейками, что существенно сказалось на количестве обнаруженных мелких объектов, к которым принадлежат и остатки рыб. Неоднородность методики сбора исключает возможность корректных количественных сопоставлений между участками памятника, раскапывавшимися в разные годы, но не препятствует сравнению по степени насыщенности рыбьими костями различных стратиграфических горизонтов, так как для каждого из них применялся весь набор методик отбора.

Всего на памятнике было отобрано 290 образцов, содержавших 420 костей и чешую рыб. Из них 90 образцов были взяты на участках с нарушенной стратиграфией, 17 — из нижнего слоя городища, 183 — из верхнего слоя [1] Сделав поправку на разницу в объемах изученного верхнего и нижнего слоев, можно прийти к выводу, что верхний слой памятника примерно в 3 раза более насыщен остатками рыб, чем нижний. Возможно, это объясняется различиями в степени развития рыболовства в ранне- и позднедьяковский периоды, хотя допустимы и другие варианты интерпретаций.

Имеющиеся материалы не позволяют достоверно определить, имелись ли различия по насыщенности остатками рыб между субгоризонтами 2-метровой толщи верхнего слоя городища. Однако просев культурного слоя через 3-миллиметровую сетку на контрольном участке площадью 2 м^2 показал, что верхний горизонт верхнего слоя весьма насыщен чешуей и костями рыб, которые содержались (и не в единичном числе) в каждом 10-сантиметровом пласте без исключения (табл. 1). При этом надо учитывать, что контрольные квадраты не входили в зону скопления кухонных отбросов, были сравнительно удалены от жилищ, культурный слой в них отличался однородностью.

При раскопках было обнаружено около двух десятков скоплений рыбьей чешуи, которые могли образоваться лишь при разделке значительного количе-

---

[1] Верхний и нижний слои соответствуют двум основным этапам функционирования поселения и датируются соответственно V—III вв. до н. э. и II в. до н. э.— VII в. н. э. Население, оставившее эти слои, довольно значительно различалось по уровню развития материальной культуры. В период отложения нижнего слоя железообработка была еще слабо развита. Палинологические исследования, проведенные на городище, позволяют предположить, что земледельческая активность людей, оставивших верхний слой, была существенно интенсивней, чем у населения, оставившего нижний горизонт [3]

© Н. А. Кренке, Е. А. Цепкин, 1991 г.

Таблица 1

Распределение костных остатков рыб, обнаруженных в контрольных квадратах (№ 241, 242) Дьякова городища

Слои, см	Виды рыб	Реконструированный вес, особей, кг	Всего, кг
140—150*	Щука, окунь, судак, карповые	0,3+0,1+2,0+0,3+ +0,1+0,1	2,9
150—160	Щука, плотва	0,5+0,2	0,7
160—170	Щука, окунь, карповые	0,3+0,1+0,1	0,5
170—180	Голавль, щука, карповые	0,3+0,3+0,3+0,5+0,3	1,7
180—190	Лещ, голавль, щука, таймень, карповые	0,9+1,0+1,0+10,0+ +0,5+0,5+0,3+0,1	14,3
190—200	Лещ, щука	0,5+0,6+0,2	1,3
200—210	Карповые	0,3+0,5	0,8
210—220	Щука, голавль, карповые	0,5+0,5+0,5	1,5

* Уровень 140—150 см соответствует поверхности, существовавшей до раскопок XIX в.

ства рыбы. Все эти скопления залегали в верхнем слое, причем лишь два скопления относились к нижней части верхнего слоя, а все остальные — к его средней и верхней частям. Планиграфическая позиция большинства скоплений была одинакова — они располагались возле краев прямоугольных построек (размеры около 4×5 м), между близко стоявшими постройками. В центральной зоне жилищ, возле очагов, скоплений чешуи зафиксировано не было.

Характеристика предметов, связанных с рыболовством. *Крючки.* С дьяковских памятников Москворецкого бассейна нам известно всего пять крючков; три из них найдены на Дьяковом городище и два — на Щербинском (рис. 1). Два крючка из раскопок 1981—1987 гг на Дьяковом городище (рис. 1, *2, 4*) были найдены в средней и нижней частях верхнего слоя. Их типологическое сходство с остальными крючками позволяет предположить, что все они относятся к позднедьяковскому времени. Малочисленность крючков на Дьяковом городище (и на дьяковских городищах вообще) при обилии остатков рыб заставляет предположить, что или ловля на удочку была мало распространена, или рыболовецкий инвентарь хранился не на городище, а попадал сюда случайно. Показательно сравнение количества крючков и охотничьих стрел. На два крючка из раскопок 1981—1987 гг. приходится 86 стрел. Такая диспропорция делает небезосновательной гипотезу о существовании специализированных рыболовецких стоянок с постоянно хранившимся там инвентарем.

Грузила. Каменные и глиняные грузила, которые предположительно могли быть грузилами от сетей, встречены и в нижнем, и в верхнем слоях Дьякова городища. В нижнем слое найдено три каменных грузила. Все они отличаются массивностью (рис. 2, *1, 5, 6*). Грузила из верхнего слоя менее массивны, более половины из них сделано из глины (рис. 1, *11—15;* 2, *2—4*).

Кочедыки. Инструменты для плетения сетей могут быть атрибутированы лишь гипотетически. Очевидно, что это должна быть сравнительно массовая категория находок. В слое Дьякова городища было найдено около 200 костяных острий (проколок). Среди острий из нижнего слоя и нижнего горизонта верхнего слоя выделить кочедыки не представляется возможным. Массовое орудие специализированного назначения, которое, на наш взгляд, являлось кочедыком, появляется в средней части верхнего слоя. Это — острие слабоизогнутого профиля, сделанное из бокового метаподия лося. Оно имело отверстие для привязывания нити, причем в отличие от остальных проколок отверстие располагалось не у самого тыльного конца предмета. Само острие было намеренно сточено таким образом, чтобы быть тупым и коротким, т. е. оно, очевидно, не предназначалось для прокалывания (рис. 1, *6—10*). Подобных предметов было найдено более 10.

Обращает на себя внимание тот факт, что появление вышеописанного типа острий, предположительно кочедыков, совпадает по времени с появлением в слое

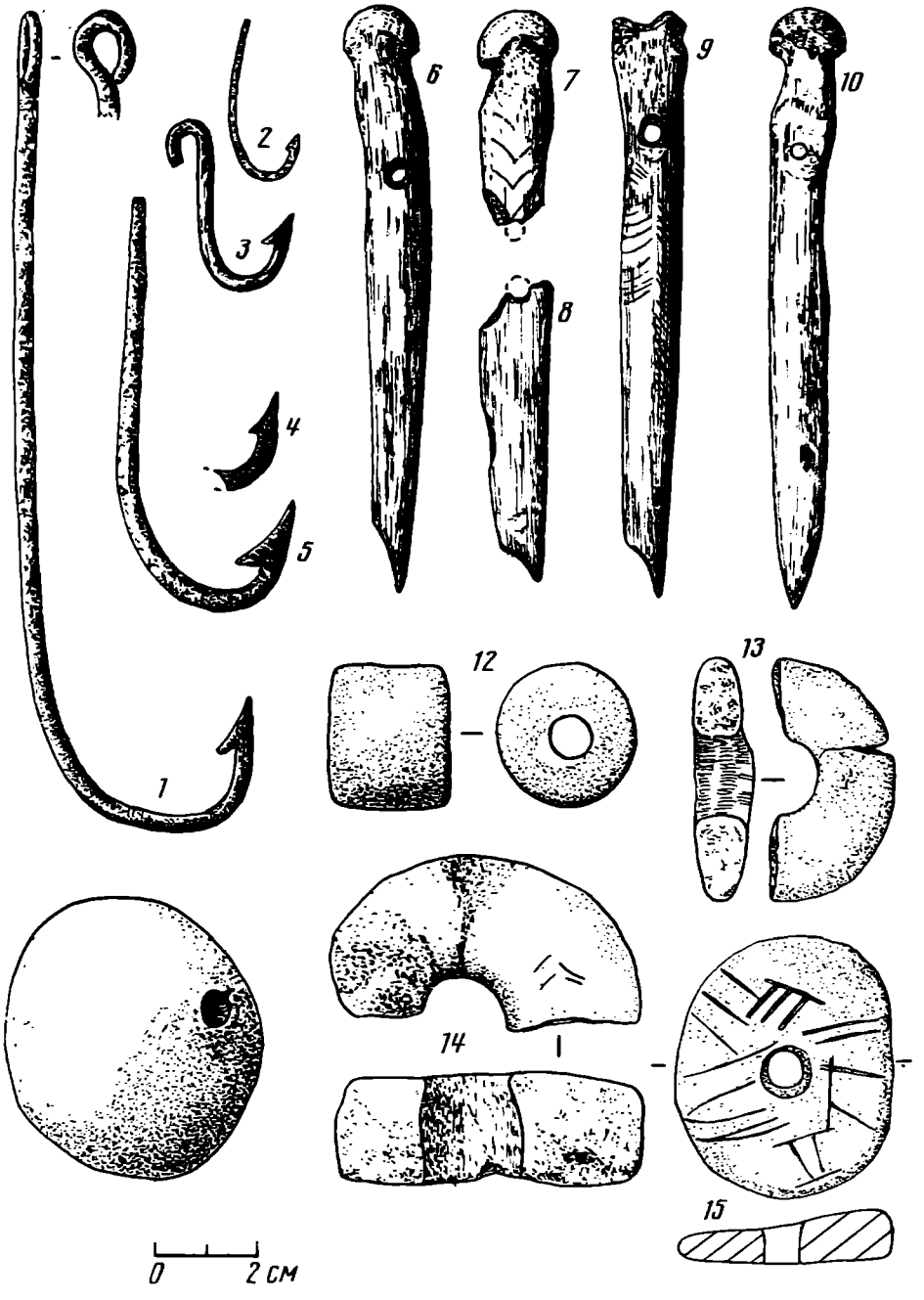


Рис. 1. Позднедьяковские предметы, связанные с рыболовством. *1—5* — крючки; *6—10* — кочедыки; *11—15* — грузила. *1, 4, 5* — железо; *2, 3* — бронза; *6—10* — кость; *11—14* — глина; *15* — камень. *1, 3* — Щербинское городище; *2, 4—15* — Дьяково городище (*2, 4, 6—15* — раскопки 1981—1987 гг *5* — раскопки XIX в).

городища зерен льна [2]. Вероятно, освоение дьяковцами льняного волокна создало новые возможности для развития ремесла по плетению сетей, что сопровождалось и выработкой стандартизированного инструмента новой формы.

Остеологический материал. Из общего числа костей 185 экз. определены до вида, 30 экз. (мелкие позвонки) — до семейства (карповые) Остальная часть костного материала была представлена обломками ребер, лученосцев и жабер-

---

На памятнике проводилась широкая программа карпологических исследований (Н. А. Кирьянова, Институт археологии АН СССР), и данное наблюдение базируется на массовом материале.

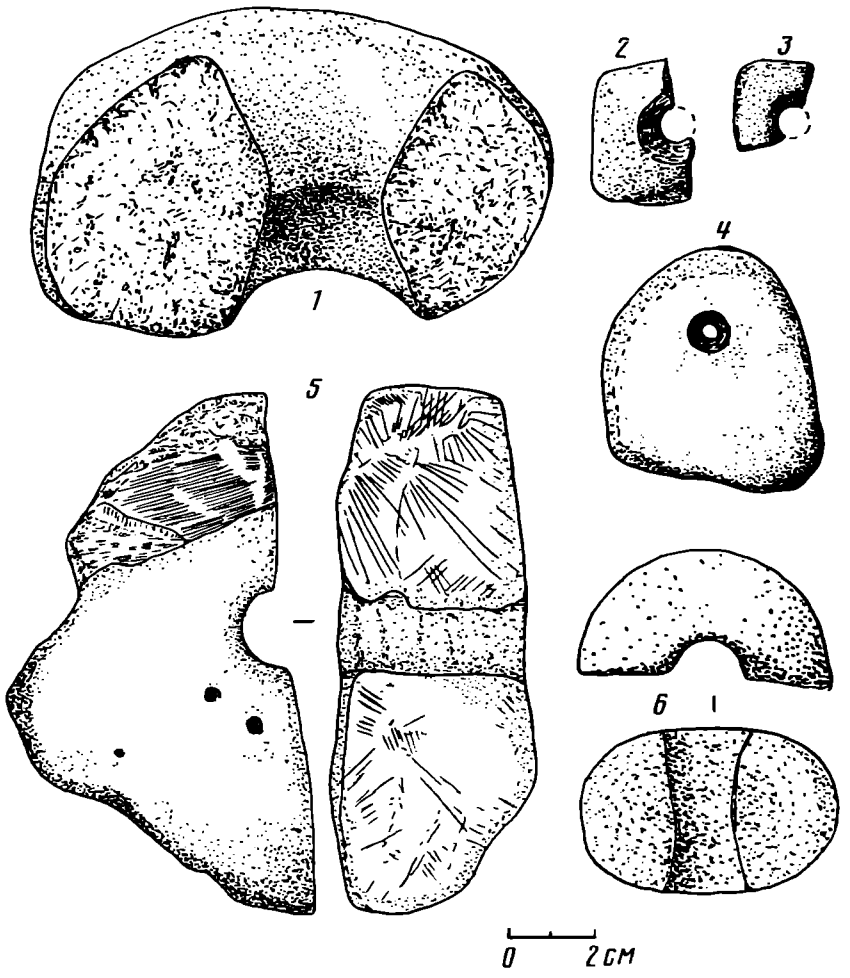


Рис. 2. Дьяково городище, рыболовные грузила. *1, 5, 6* — нижний слой; *2—4* — верхний слой; *1—6* — камень

ных дуг, которые из-за отсутствия диагностических признаков отнесены в группу рыб вообще. Ниже приведены результаты определения субфоссильных остатков по каждому виду в отдельности (табл. 2 и 3).

Стерлядь Acipenser ruthenus. Материал: supracleithrum, колючий луч грудного плавника и спинная жучка (всего 3 экз.). В настоящее время стерлядь в Москве-реке не встречается. За последние несколько десятилетий она ни разу не была отмечена в этой реке, хотя теоретически допустимо, что в отдельные годы единичные экземпляры ее могут случайно зайти в самые низовья Москвы-реки из Оки. Эта ценная промысловая рыба во второй половине XIX в. еще попадалась в Москве-реке, причем неподалеку от столицы, но была очень редкой [4] Основной стерляжьей рекой Подмосковья в прошлом являлась Ока. Известно, например, что в этой реке на участке между городами Муромом и Алексиным только за год (с сентября 1686 г. по август 1687 г.) для московского Кормового дворца было добыто более 6 тыс. стерлядей [5].

Таймень Hucho hucho taimen. Материал: два позвонка, принадлежавшие особи длиной 117 см. И в Москве-реке, и в Оке тайменя теперь нет. Современный ареал его в Верхневолжском бассейне ограничен тремя притоками Камы: Вишерой, Колвой и Чусовой [6] Однако еще сравнительно недавно, во второй половине XIX в., область распространения этого вида рыбы была гораздо шире. Таймень встречался как в самой Каме, так и во многих ее притоках: Вятке, Вишере, Колве, Чусовой, Уфе, Белой, а также в Волге от устья Камы до г. Ставрополя [7, 8]

Щука Esox lucius. Материал: фрагменты чешуи и 98 экз. различных костей (dentale, articulare, quadratum, hyomandibulare, maxillare, palatinum, para-

Таблица 2

Видовой состав остатков рыб из Дьякова городища, V в. до н. э.— VII в. н. э.

Вид рыбы	Количество костей	
	экз.	%
Стерлядь	3	1,5
Таймень	2	1,0
Щука	98*	53,2
Плотва	4*	2,2
Язь	5*	2,7
Голавль	10*	5,4
Жерех	1	0,5
Лещ	20*	10,8
Карась	—*	—
Сом	14	7,6
Судак	27	14,6
Окунь	1*	0,5
Всего	185	100,0

* Обнаружена чешуя.

Таблица 3

Восстановленные размеры рыб из Дьякова городища

Вид рыбы	Длина тела, см		Количество рыб (экз.)
	колебания	средняя	
Стерлядь	75—92	—	2
Таймень	117	—	2
Щука	23—120	83,5±2,9	67
Плотва	19—31	24,0	4
Язь	27—42	36,0	5
Голавль	12—43	33,5±3,1	10
Жерех	49	—	1
Лещ	20—50	40,7±1,6	17
Сом	97—205	157,7	8
Судак	30—75	62,8±2,5	18
Окунь	16	—	1

sphenoideum, ceratohyale, urohyale, praeoperculum, metapterygoideum, ectopterygoideum, frontale, posttemporale, cleithrum, pelvis, vertebrae). В современной фауне Москвы-реки щука является весьма обычной, хотя и не очень многочисленной рыбой. До зарегулирования стока реки плотиной Можайского гидроузла численность ее была значительно выше, чем теперь. В 30-е годы, например, в среднем течении Москвы-реки щука составляла в местном колхозном промысле 25% всего улова рыбы [9].

Плотва Rutilus rutilus. Материал: фрагменты чешуи и 4 экз. костей (pharyngiale, hyomandibulare, praeoperculum), принадлежащие особям длиной 19—31 см. В настоящее время в Москве-реке плотва принадлежит к числу наиболее широко распространенных и многочисленных рыб.

Язь Leuciscus idus. Материал: фрагменты чешуи и 5 экз. костей (cleithrum, parasphenoideum, praeoperculum, operculum, interoperculum). В настоящее время в среднем течении Москвы-реки язь довольно обычен, но не столь многочислен, как плотва. В прошлом столетии его было гораздо больше; только в черте столицы удочками вылавливалось до 300—400 пудов (4800—6400 кг) язя ежегодно [7].

Голавль Leuciscus cephalus. Материал: фрагменты чешуи и 10 экз. костей (cleithrum, pharyngiale). В составе современной ихтиофауны среднего течения Москвы-реки голавль по численности занимает примерно то же место, что и язь. В 30-е годы он был здесь более обилен и составлял в местном промысле 15% всего улова рыбы [9].

Жерех Aspius aspius. Материал: 1 экз. глоточной кости. В настоящее время в среднем течении Москвы-реки жерех редок; не был он здесь многичисленным и в прошлом столетии [7].

Лещ Abramis brama. Материал: фрагменты чешуи и 20 экз. костей (parasphenoideum, urohyale, frontale, operculum, suboperculum, cleithrum, pelvis). На протяжении нашего столетия численность леща в среднем течении Москвы-реки не оставалась постоянной. В 30-е годы лещ здесь был весьма обычным видом, в 50-е годы численность его сильно сократилась, а в последнее время стала заметно возрастать [10].

Карась Carassius sp. Материал: несколько фрагментов чешуи, принадлежавшей, по-видимому, золотому карасю. В Москве-реке карась редок. Будучи типично лимнофильной рыбой, он лишь случайно попадает в реку из озер и стариц во время весеннего половодья.

Таблица 4

Дьяково городище. Видовой состав рыб в древних уловах по слоям

Вид рыбы	Нижний слой	Верхний слой	Вид рыбы	Нижний слой	Верхний слой
Щука	+	+	Плотва	+	+
Судак	+	+	Стерлядь	—	+
Лещ	+	+	Таймень	—	+
Сом	—	+	Жерех	—	+
Голавль	—	+	Окунь	—	+
Язь	—	+	Карась	—	+

Сом Silurus glanis. Материал: 14 экз. различных костей (maxillare, interoperculum, cleithrum, marginalia, vertebrae). В среднем течении Москвы-реки последние случаи поимки сома были отмечены в 30-е годы [9]. В XIX в. сом также был редкой рыбой и постоянно встречался лишь в низовье Москвы-реки [4, 7].

Судак Lucioperca lucioperca. Материал: 27 экз. различных костей (dentale, articulare, maxillare, quadratum, parasphenoideim, epihyale, praeoperculum, interoperculum, metapterygoideum, cleithrum, vertebrae, колючий луч плавника). В XIX в. судак попадался как в среднем, так и в нижнем течении Москвы-реки [7]. В 30-е годы нашего столетия он встречался здесь очень редко [9], а в 50-е годы вообще не был отмечен. В последнее время, однако, стала появляться молодь судака, попадающая в среднее течение Москвы-реки из Можайского водохранилища.

Окунь Perca fluviatilis. Материал: фрагменты чешуи и позвонок. Окунь относится к числу весьма обычных рыб Москвы-реки. В 30-е годы в среднем течении реки он был объектом местного промысла, хотя играл в уловах незначительную роль — около 2% [9]

Характер промысла и экологическая реконструкция. Разнообразие видового состава рыб по остаткам в коллекции в целом указывает на существование разных способов лова. При этом при дифференцировании материалов по слоям выявляется ряд особенностей. Состав фауны нижнего слоя городища (табл. 4) с учетом биотопического распределения обнаруженных здесь видов рыб свидетельствует, что основным орудием лова была сеть. Это подтверждают и находки крупных, тяжелых каменных грузил (рис. 2, *1, 5, 6)* предназначенных, безусловно, для сетных, а не для крючковых снастей. Наиболее показательным для характеристики раннедьяковского рыболовства является отсутствие в нижнем слое остатков такого крупного (1,5—2 м) хищника, как сом, которого дьяковцы могли бы поймать лишь на большие и крепкие крючки. Таким образом, отсутствие костей сомов в нижнем слое подтверждает неслучайность отсутствия в этом слое крючков.

Верхний слой выделяется разнообразием видового состава рыб (12 видов), различных по своей экологии. Это крупные хищники (сом, таймень, щука, судак, жерех), населяющие различные биотопы — от заросших заводей до наиболее глубоких открытых участков водоемов, типично донные рыбы (лещ, стерлядь) и рыбы, плавающие в толще воды на различной глубине (плотва, голавль, язь, окунь). Приведенные данные в совокупности с находками разнообразного рыболовного инвентаря (рис. 1) указывают на существование в позднедьяковское время по крайней мере двух принципиально разных типов орудий лова: сетных (сети и, возможно, невода) и крючковых [3] Наличие в комплексе рыб самых мелких размеров (12—25 см) дает основание предполагать применение третьего типа орудий — ловушек типа верш, сплетенных из прутьев.

[3] Мелкими круглыми глиняными грузилами (рис. 1, *12—15*) могла оснащаться нижняя часть невода. Массивные крючки (рис. 1, *1, 4, 5*), несомненно, предназначались для ловли сомов, а небольшими (рис. 1, *2, 3*) дьяковцы могли добывать всех остальных хищных рыб.

Весьма примечательно, что в уловах дьяковцев преобладала щука. Это свидетельствует о том, что жители городища не ориентировали свой промысел на вылов каких-то наиболее ценных (в гастрономическом отношении) объектов, а в большом количестве вылавливали именно тех рыб, для добычи которых не требовались сложные приемы и снасти. Щука, как известно, еще с эпохи мезолита являлась наиболее легко доступным объектом речного и озерного промысла, особенно весной, когда большими стаями она выходила на самые мелководные участки залитой вешними водами поймы для икрометания, теряя при этом всякую осторожность.

Набор видов рыб в уловах дьяковцев, естественно, не полностью отражает состав промысловой ихтиофауны Москвы-реки. Так, обращает на себя внимание отсутствие в коллекции с Дьякова городища самой многочисленной промысловой рыбы Москвы-реки — подуста, который в первой четверти нашего столетия в среднем течении реки составлял половину всех уловов рыб [9]. Эта небольшая по размерам (до 30—35 см) рыба постоянно держится на участках реки с довольно быстрым течением, обычно на самом стрежне. Ловить пугливого, стремительно плавающего подуста можно было лишь специальными мелкоячейными сетями, сплетенными из очень тонких, но прочных ниток, которыми, видимо, не располагали жители городища. Примечательно также отсутствие в ловах дьяковцев крупных представителей семейства осетровых: белуги, русского осетра и севрюги, костные остатки которых наряду с остатками щуки, леща, голавля, сома, судака, стерляди были найдены при археологических раскопках в центре Москвы, в слоях XI—XVII вв. [1]. Осетровые, судя по данным письменных источников [5, 11, 12], заходили из Волги в Оку и ее притоки, в том числе и в Москву-реку, вплоть до первой половины XVIII в. Для добычи этих сильных, крупных проходных рыб, размером от 1,5 до 3 м, требовались особо прочные большие сети.

В результате анализа костных остатков и чешуи рыб были получены данные о сезоне лова. В коллекции с Дьякова городища имеются кости рыб, выловленных ранней весной, летом и осенью. По остаткам рыб пока не установлено наличие зимней рыбалки, вопрос о которой остается открытым.

Изученная коллекция имеет информативную ценность не только для характеристики рыболовства, но дает материал и для реконструкции экологической ситуации. Судя по наличию в уловах дьяковцев таких рыб, как судак, стерлядь и особенно таймень, Москва-река в I тыс. н. э. была более полноводной и чистой рекой, чем в конце прошлого — начале нашего столетия. Для нереста тайменя и стерляди необходимо было наличие чистых, незаиленных галечниковых и песчанных участков дна.

Исчезновению из москворецкой фауны туводных тайменя и стерляди, а также проходных рыб предшествовало значительное сокращение их ареалов и численности вследствие многовекового, постоянно усиливающегося воздействия разнообразных форм хозяйственной деятельности человека. Наибольшее по своим масштабам влияние на фауну рыб Москвы-реки и других притоков Оки [13] оказывало нарушение естественного хода весеннего паводка в результате вырубки лесов по водоразделам рек. На основании изучения письменных источников С. В. Кириков [5, с. 256] пришел к выводу, что антропогенные изменения речных и озерных водоемов «начались с тех пор, как стали распахиваться степи и сводиться леса. Особенно сильно сказалась вырубка лесов по берегам рек». Как показали палинологические исследования [3, 14], вырубка лесов на территории Среднерусской возвышенности происходила уже в субатлантическое время, т. е. 1—2,5 тыс лет. тому назад.

На основании изученной коллекции можно сделать следующие выводы.

1. Промысловая ихтиофауна из раскопок Дьякова городища преимущественно состояла из видов, широко представленных в Москве-реке еще в XIX — начале XX в. В то же время некоторые виды (таймень, стерлядь, сом) отсутствовали либо были чрезвычайно редки в уловах конца XIX — начала XX в., что

свидетельствует о существенных изменениях, произошедших за последние 2 тыс. лет под воздействием антропогенных факторов.

2. Послойный анализ костных остатков и вещевых находок позволяет предположить, что интенсивность рыболовства нарастала от раннего этапа существования городища к позднему. Наличие в позднедьяковских уловах разнообразных видов рыб, тяготеющих к различным биотопам, указывает на существование различных приемов ловли, что подтверждается и вещевыми находками.

3. Преобладание щуки в ранне- и позднедьяковских уловах указывает на то, что стратегия рыболовства в железном веке была направлена главным образом на получение максимума добычи, для отлова которой не требовались сложные приемы и снасти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цепкин Е. А.* Рыбы из археологических раскопок древней Москвы // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд-ние биологии. 1972. Т. 77. Вып. 5.
2. *Кренке Н. А.* Раскопки Дьякова городища 1981 г. // КСИА. 1984. Вып. 178.
3. *Гунова В. С., Кренке Н. А.* Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ. 1985. Серия 5. География. № 1.
4. *Мочарский Н. И.* Подмосковные рыбы // Тр. отдела ихтиологии Императорского Русского о-ва акклиматизации животных и растений. 1887. Т. I.
5. *Кириков С. В.* Промысловые животные, природная среда и человек. М.: Наука, 1966.
6. *Зиновьев Е. А.* Фауна рыб Камы, охраняемые объекты, проблемы ихтиологического кадастра водоемов // Всесоюзное совещание по проблеме кадастра и учета животного мира. Ч. 2. М.: Наука, 1986.
7. *Сабанеев Л. П.* Рыбы России. М., 1911.
8. *Берг Л. С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
9. *Модестов В. М.* Рыбы Москвы-реки и перспективы их промыслового использования // Сб. науч. студ. работ. Биология. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ, 1939.
10. *Цепкин Е. А., Соколов Л. И.* Об изменениях ихтиофауны среднего течения Москвы-реки // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд-ние биологии. 1987 Т 92. Вып. 1.
11. *Рулье К. Ф.* О животных Московской губернии или о главных переменах в животных первозданных, исторических и ныне живущих, в Московской губернии замечаемых. М., 1845.
12. *Герберштейн С. Н.* Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокомский. Книга о Московском посольстве. СПб., 1908.
13. *Цепкин Е. А.* Об изменении видового состава промысловой ихтиофауны бассейна Оки в позднем голоцене // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд-ние биологии. 1981. Т 86. Вып. 2.
14. *Серебрянная Т А.* Влияние человека на растительность Среднерусской возвышенности (по палинологическим данным) // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981.

N. A. KRENKE, E. A. TSEPKIN

FISHERY IN THE MOSKVA-RIVER DURING THE 5TH CENTURY B. C.— THE 7TH CENTURY A. D.

Summary

The article presents some results of the study of the collection of fishbones and artefacts connected with fishery which was formed during the excavations of Dyakovo fortified settlement in the vicinities of Moscow. The site is dated to the 5th century B. C.— the 7th century A. D. The species of the exploited ichtiofauna were defined and some factors characterizing the development of fishery during the period of occupation of the site were marked. The fishery being first comparatively primitive then developed up to the more progressive level when different types of tackles were used. The findings of bones of Salmo trutta and sterlet are of great significance for reconstruction of the paleoecology of the Moskva-river.

С. З. ЧЕРНОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ВНУТРЕННЕЙ КОЛОНИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА XIII—XV ВВ. И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЛОСТНОЙ ОБЩИНЫ

Внутренняя колонизация, охватившая в XIII—XV вв. обширные пространства Северо-Восточной Руси и явившаяся предпосылкой экономического подъема великого Московского княжества, до сих пор в полной мере не исследована, хотя внимание историографии привлечено к этой теме уже полтора столетия [1, с. 10—30; 2, с. 3—22] Подобная ситуация обусловлена состоянием письменных источников, не освещающих начальные стадии колонизационного процесса, что делает необходимым привлечение археологических данных.

В. О. Ключевский первым увидел в характере колонизации ключ к объяснению особенностей общественного быта Северо-Восточной Руси. «Глухие дебри расчищались,— писал он,— пришлые люди селились на новях, возникали промыслы, новые доходы прибывали в княжескую казну, новые классы завязывались в обществе» [3, с. 88] Рисуя картину освоения новых земель, В. О. Ключевский подчеркивал, что «колонизация колебала и разрывала общественные и экономические связи там, откуда выходила, и давала мало средств установить их в том краю, где понемногу осаживались переносимые ею массы населения» [3, с. 86]. Исследователь не рассматривал конкретные социальные формы, в которых протекал этот процесс, отмечая лишь, что «черные земли сдавались на оброк крестьянским обществам» [3, с. 76].

Монографическое исследование внутренней колонизации было предпринято С. Б. Веселовским и базировалось на комплексе актов Троице-Сергиева и других монастырей. С. Б. Веселовский пришел к выводу, что расселение в XIV в. происходило как бы заново, в форме одно — трехдворных деревень, которые крестьяне стремились основывать в отдалении от уже существующих поселений. Причину этого явления исследователь видел в крестьянском землевладении, которое возникало в результате освоения отдельным двором свободного участка земли [4, с. 27—32, 129]. Затем, по мнению С. Б. Веселовского, возникли владельческие дворы вотчинников, которые постепенно стягивали крестьянские хозяйства, образуя села [4, с. 43] В противоположность С. Б. Веселовскому Н. Н. Воронин предполагал, что «деревня» существовала и до XIV в. в форме поселения «семьи» на земле общины-погоста [5, с. 72] Это мнение было оспорено Б. А. Романовым [6, с. 409]

Дальнейшие исследования, проведенные Г Е. Кочиным, А. П. Пьянковым и В. В. Седовым, подтвердили вывод С. Б. Веселовского о том, что малодворные деревни представляли собой новый тип поселений, распространившийся в XIV в. [7, с. 117; 8, с. 100—107; 9, с. 25, 29, 126]. Относительно причин его появления высказывались различные гипотезы. И. В. Левочкин связывал возникновение малодворной деревни с особенностями раннего трехполья, когда земли быстро выпахивались и оставлялись в перелог. При столь экстенсивном использовании земель «предел вместимости» деревни был, по его мнению, невелик и малодворная деревня оказывалась наиболее рациональной формой поселения [10, с. 181—184]. Признавая влияние почвенно-географической ситуации и си-

© С. З. Чернов, 1991 г.

стемы земледелия на форму расселения, А. Я. Дегтярев вслед за С. Б. Веселовским главной причиной появления все новых и новых поселений считал тип крестьянского землевладения, поземельный принцип обложения и практику предоставления «льготы» [2, с. 167, 168; 11, с. 146; 12, с. 77—83].

Таким образом, существует устойчивая историографическая традиция, указывающая на связь внутренней колонизации и эволюции крестьянского общинного землевладения. В связи с этим необходимо охарактеризовать состояние вопроса о происхождении общины раннемосковского времени.

Волостная община, какой ее застают акты первой половины XV в., была описана в трудах Н. П. Павлова-Сильванского, А. С. Лаппо-Данилевского и Ю. В. Готье [13, с. 19, 145, 146; 14, с. 60—70; 15, с. 76; 16, с. 93—103; см. историографический обзор — 17]. Ими было показано, что резко отличаясь от позднейшей передельной общины, она обладала правом распоряжаться свободными участками и общими угодьями. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, границы волостей московских князей «основаны были не на административном делении, а на внутренней организации самого населения, на общинном строе его жизни». «Волость» характеризовалась им как крестьянская община с управлением, «в состав которого с течением времени могли входить правительственные лица» [15, с. 82, 83]. С. Б. Веселовский не находил в источниках XIV в. подтверждения тезиса об исконности «земельной общины-волости» [18, л. 14—23] Исходя из представления о волости как о княжеском установлении, он писал: «Раньше всего коллективная ответственность... стала применяться в княжеских слободах и волостях. Она ограничивалась обязанностью всей слободы или волости оплачивать запустевшие участки, которые поступали в ее распоряжение» [4, с. 51] При этом исследователь признавал, что «для ответственности волости и слободы были благоприятные условия: однородный в юридическом смысле состав населения, более или менее широкое право самоуправления, волостная или слободская раскладка повинностей и, наконец, право волости или слободы... на все свободные земли волостной или слободской территории» [4, с. 52; см. также: 19, с. 54, 183, 187].

В настоящее время знания о раннемосковской общине углубились. Ю. Г. Алексеевым изучены черные волости Переяславского уезда XV в. [21—24]. Оставлены крайности отмеченных выше точек зрения: волостная община рассматривается и как орган княжеской администрации, и как форма общественной организации [20], хотя различия в трактовке этого социального института сохраняются [21, с. 4, 39; 25, с. 157]. Вопрос о его происхождении остается, однако, далеким от разрешения.

Ряд исследователей полагает, что институт волостной общины сложился лишь к началу XV в. [19, с. 187]. Действительно «волостные деревни» упоминаются в источниках не ранее 1421 г. [АФЗиХ, т. 1, № 226], а воспоминания крестьян о «волостных землях» в судных делах второй половины XV в. обычно не идут далее «великого мора» (1425—1427 гг.) и «Едигеевы рати» (1408 г.) [83, т. 1, № 340; т. 2, № 400]. Следует учесть, однако, что число дошедших до нашего времени актов XIV в. крайне незначительно. Но даже если признать возможность того, что понятие «волостные земли» вошло в обиход делопроизводства лишь на рубеже XIV и XV в., это не может служить основанием для того, чтобы сомневаться в наличии на «черных землях» [1] в «волостях» XIV в. опреде-

---

[1] В грамотах великих и удельных князей «черные люди» упоминаются начиная с 1-го докончания вел. кн. Дмитрия Ивановича и кн. Владимира Андреевича (между 1362 и 1367 гг.— ДДГ, № 5, см. также: № 11, 13). По-видимому в XIV в. они составляли лишь одну из категорий неслужилого населения волости. Наряду с «черными людьми» в источниках XIV в. упоминаются «численные люди» (ДДГ, № 1, 4, 5, 7, 11, 12, 13) и «сироты», отмеченные в духовной грамоте вел. кн. Дмитрия Ивановича 1389 г. («...а кому будет жалоба сиротамъ на волостели, и тѣмъ людем оучинит исправу княгини моя» — ДДГ, № 12). В настоящей работе неслужилое население волости рассматривается в целом, так как в центре нашего внимания находятся свойственные всем категориям этого населения форма распределения земельных участков и общественная организация.

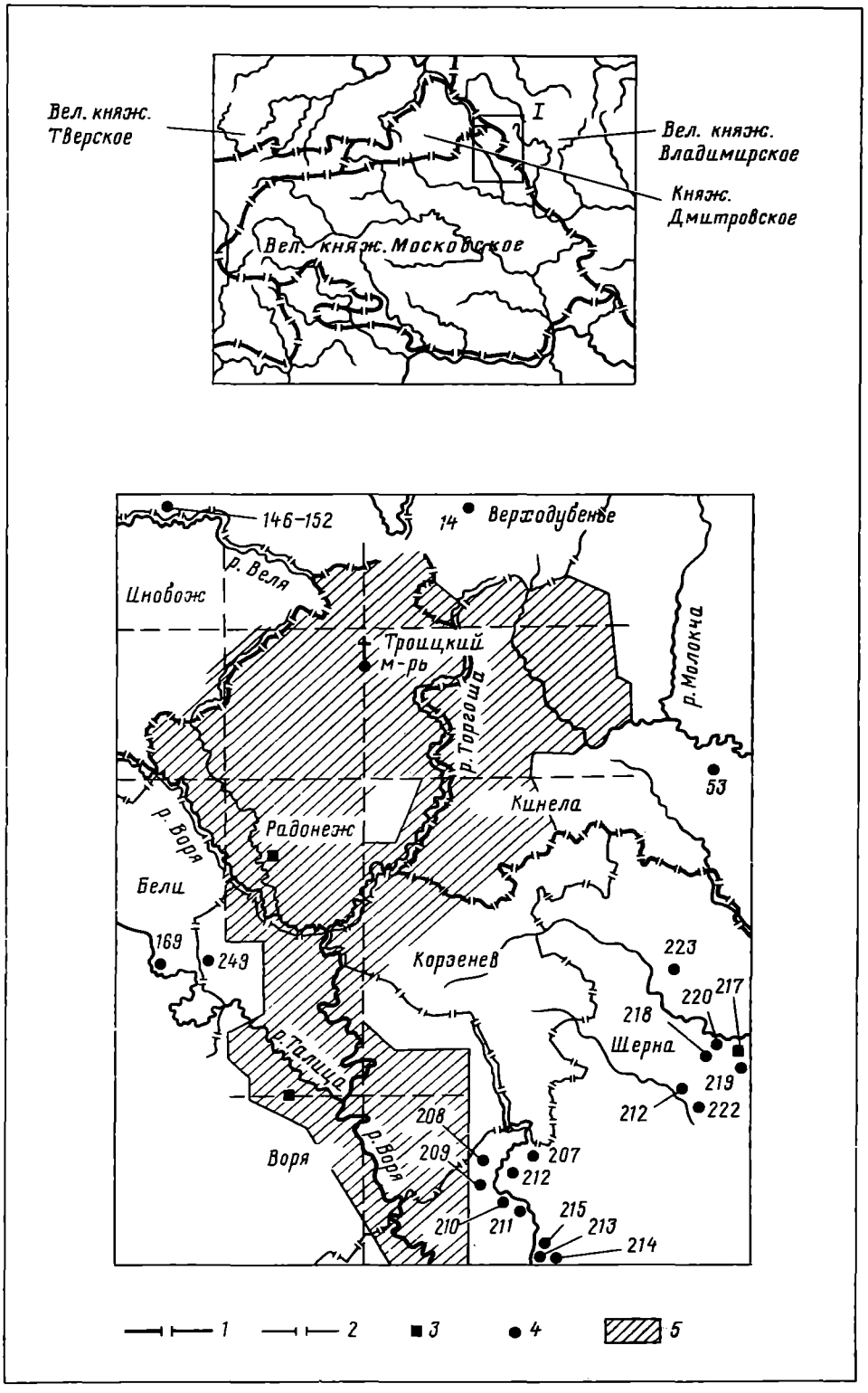


Рис. 1. Схема расположения волостей Радонеж, Воря и Кинела (территории княжеств даны на середину XIV в. по В. А. Кучкину). I — местоположение исследованного района; *1* — граница великого княжества Московского; *2* — границы волостей; (реконструкция на вторую половину XIV—XV в.); *3* — городки-центры волостей; *4* — селища, курганные группы; *5* — зоны сплошного археологического обследования (здесь и далее на рисунках номера памятников соответствуют номерам в тексте)

ленной организации землепользования и коллективной ответственности при раскладке податей. Именно эту организацию автор имеет в виду, используя термин «волостная община».

Некоторые материалы для изучения предыстории раннемосковской волости

дали историко-терминологические и историко-археологические исследования. Проанализировав терминологию духовных грамот великих московских князей первой половины XIV в., С. М. Каштанов сделал вывод, что лишь ко времени составления завещания Ивана Красного (1356—1359 гг.) (дата по А. А. Зимину: [26, с. 280]) завершился процесс превращения понятия «волость» из финансового в территориальное [27, с. 182] А. А. Юшко было локализовано 36 пунктов великокняжеского землевладения, упоминаемых в духовных грамотах вел. кн. Ивана Калиты (1336, 1339 гг.) (даты по В. А. Кучкину: [28, с. 11]). Из 12 обследованных волостных центров 6 представляли собой новообразования XIV в., 6 — центры, сформировавшиеся на месте поселений XII—XIII вв. В целом 70% великокняжеских поселений оказались новообразованиями XIV в. [29, с. 113]. Все это говорит в пользу того, что в первой половине XIV в. волость как территориальная единица обложения еще находилась в процессе формирования.

Когда же возникла волостная община с ее землераспределительными функциями, известными по актам Московского княжества первой половины XV в.? Была ли она прямой наследницей общины домонгольского времени и соответствовавшей ей погостской организации обложения или сформировалась после монгольского нашествия? На эти вопросы удастся ответить в том случае, если подтвердится мнение исследователей, объясняющих особенности внутренней колонизации XIV в. изменениями, произошедшими в крестьянском землевладении. Тогда станет методически возможным датировать появление той специфической формы распределения земельных участков, которая является признаком волостной общины.

В настоящей работе рассматриваются археологические материалы, полученные в ходе сплошного обследования Северо-Восточного Подмосковья. Была изучена территория волостей Радонежа и Вори, входивших в 1336—1339 гг. в Московское княжество, а также переяславской волости Кинелы, принадлежавшей в тот же период Ивану Калите как великому владимирскому князю [30, с. 144] (рис. 1, врезка *I*). Этот район дает уникальные возможности для исследования. Здесь не только можно проследить по археологическим данным смену структур расселения, но и благодаря многочисленным актам Троице-Сергиева монастыря осуществить социальную интерпретацию этих структур. В частности, можно локализовать «волостные» (черные) поселения и относившиеся к ним во второй половине XIV — первой половине XV в. земли и на основе археологических источников конкретно проследить их предысторию.

Район охватывает бассейн р. Воря с притоками Пажа, Торгоша, Талица и Пруженка, а также течение р. Вондюга (бассейн р. Шерна). На севере он ограничен Волго-Окским водоразделом (рис. 2). Наиболее ранние сведения об археологических памятниках на этой территории (Загорский, Пушкинский и Щелковский р-ны Московской обл.) содержатся в сводках З. Я. Ходаковского, М. А. Саблина и С. К. Богоявленского [31, с. 6; 32, с. 186; 33, с. 172, 175]. В 1901—1908 гг. Ю. Г Гендуне на высоком методическом уровне были раскопаны две курганные группы у д. Михайловское (№ 176 — 18 из 22 насыпей; № 177 — 6 из 7 насыпей), открыты курганы близ с. Муромцево (№ 185, 187) и д. Путилово (№ 158), городище у с. Царево (№ 170), исследован древний Радонеж (№ 76) [34—39]. В 1907 г. И. К. Линдеман раскопал курганы у с. Муромцево (№ 187 — 30 из 45 насыпей) и у д. Путилово (№ 158 — 20 из 40 насыпей) [40], в 1922 г. Б. С. Жуков — у д. Псарево (№ 147) [41—43] В 1967 г. Л. Р. Кызласовым и А. А. Коноваловым в группе Каблуково 1 (№ 197) [44, 45] из 50 насыпей было раскопано 32. В 1970-е годы Р Л. Розенфельдтом велись разведки [46—51], а в 1982—1986 гг.— раскопки курганных групп Каблуково 1, 3, Останкино 1, 2 и Чекмово (№ 197, 201, 203, 246, 247, 166) [52—59] Всего было изучено 11 курганных групп, в том числе 4 наиболее крупные. Все они содержали кривичские трупоположения конца XI — первой половины XIII в. Среди поселений раскопки проводились лишь на городище и селище Радонеж [60, 61]. Разведывательные работы велись О. Н. Бадером,

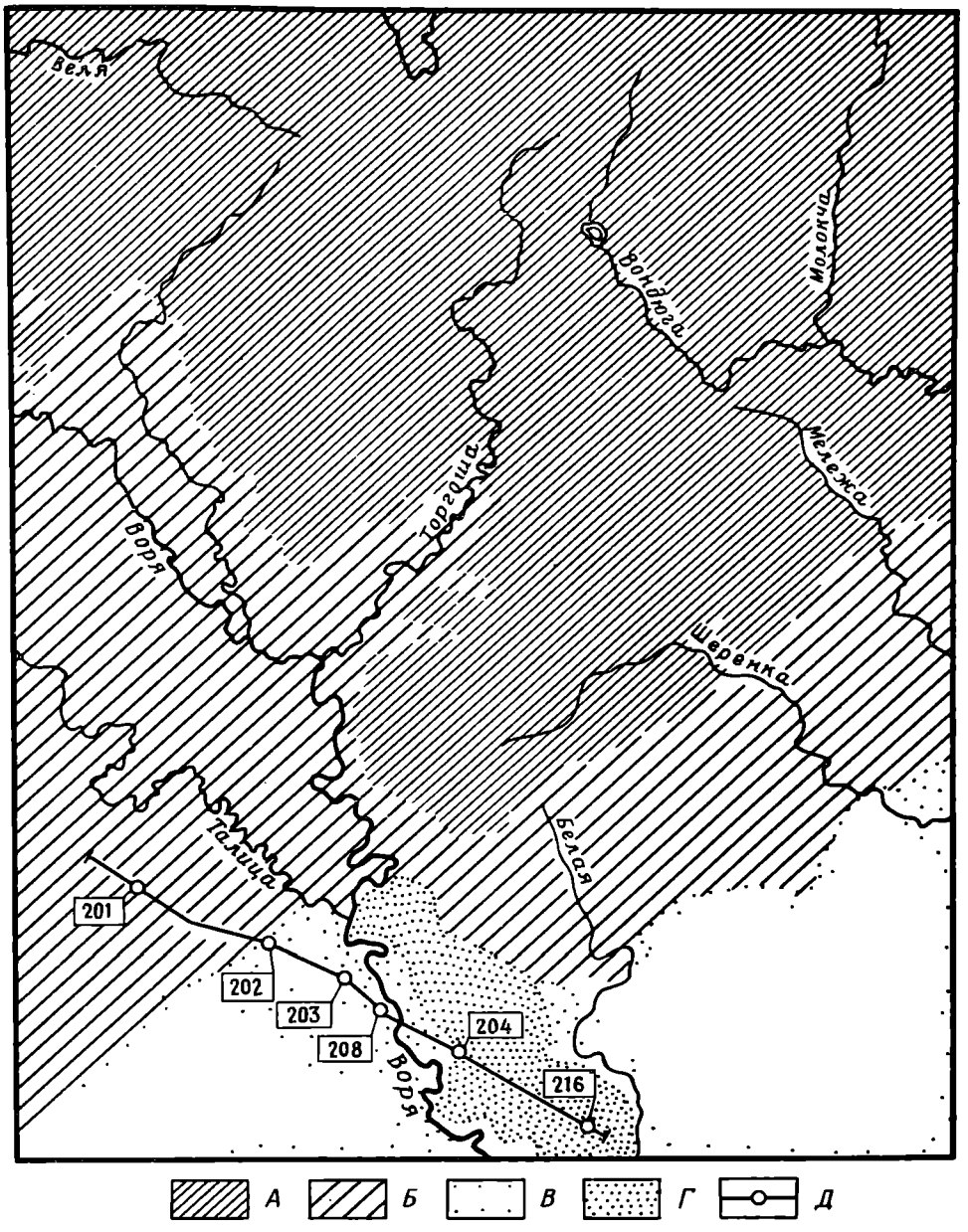


Рис. 2. Ландшафты: *А* — моренная возвышенность; *Б* — мелкохолмистый моренный ландшафт; *В* — участки равнины с легкоопесчаненными суглинками; *Г* — ландшафт мещерского типа с супесчаными почвами; *Д* — пробные площади геоботанического обследования. (*А, Б* — Клинско-Дмитровская гряда; *В, Г* — Приклязьменская наклонная равнина)

В. М. Колобовым, Е. И. Диковым, П. А. Раппопортом, В. В. Сидоровым, А. А. Юшко, А. Б. Вареновым [62—77]

Таким образом, к началу работ автора в районе были выявлены 3 городища и 16 курганных групп, тогда как селища оставались практически неизвестными. Автором выявлено 215 селищ XI—XVII вв., 12 курганных групп и могильники XIV—XVII вв.[2] Памятники, открытые ранее, обследовались повторно (при обнаружении селища, относящегося к известной ранее курганной группе, снимался их общий план). Благодаря этому в настоящее время имеется сопоставимая информация о средневековых поселениях и погребальных памятниках.

[2] Отчеты о моих разведках в бассейне р. Воря в 1976—1988 гг. хранятся в архиве Института археологии АН СССР (Р-1, № 6409, 6692—6699, 6985—6690, 7520—7524, 8059—8064, 8554, 8555, 9728, 11171, 11172, 11763). Археологическая карта района и список памятников со ссылками на архивные материалы находятся в печати (КСИА).

Чтобы оценить степень достоверности и представительности имеющихся данных, необходимо определить, какая часть древних поселений обнаружена и насколько точно установлена их площадь. В связи с этим следует отметить, что методика археологических разведок сельских поселений [9, с. 8—11] была дополнена рядом приемов [78], позволивших обнаружить следы небольших селищ на покрытых лесами водоразделах. Разведки велись по краю первой террасы реки, по вершинам возвышенностей и старинным дорогам с шурфовкой через 50—100 м. Сплошное обследование лесных массивов стало возможным благодаря аэрофотосъемке (1970 г.) и картам масштаба 1:25 000. На аэроснимках просматривались поляны, к которым сходились полузаросшие дороги. На большей части таких полян-покосов («осёлков») были обнаружены селища XIV—XVII вв. с ненарушенным культурным слоем и ландшафтным окружением (24% от общего числа селищ; всего в лесах — 28%).

В качестве критерия полноты археологических обследований использовались перечни сел, деревень и пустошей в описаниях XV—XVI вв., содержащие практически полный список поселений того времени. Идентификация последних с селищами показала, что обнаружено примерно 70% поселений, известных по документам.

Размеры селищ определялись с помощью сетки проб культурного слоя (при задернованной или покрытой лесом поверхности) и по распространению керамики (на распахиваемых селищах). Однако полученные данные не всегда адекватно отражают истинные размеры, которые имели древние поселения. Так, например, в селах и деревнях, где выявлено 30% селищ, не всегда удается определить ареал керамики XIII—XV вв. На распахиваемых селищах (30% от общего количества) керамика разносится плугом на значительные расстояния. Некоторые селища, в настоящее время задернованные или занятые лесом, тем не менее повреждены распашкой еще в XVII—XVIII вв. (№ 88, 89), другие пострадали в меньшей степени, так как начали распахиваться лишь недавно (№ 9, 72). Наиболее точно размерам древних поселений соответствуют границы селищ на «осёлках» — данные об их площади и были положены в основу расчетов.

Половина селищ была изучена шурфовкой (42%) и раскопками (8%), составившими в общей сложности 980 м^2 На остальных производится сбор подъемного материала. Мощность культурного слоя составляла обычно 0,1—0,3 м. Ниже этого слоя, в материке, залегали по́дпольные и хозяйственные ямы. Заполнение ям сохранилось как на селищах-«осёлках», так и на распаханных памятниках. Изучение комплексов из подпечных ям дало возможность уточнить хронологию московской керамики и датировать ее типы: курганной — конец XI—XIII в.; серой — XII — конец XIV в.; красноглиняной грубой — XIV—XV вв.; красноглиняной гладкой — конец XV—XVII в.; краснолощеной — XIV — первая половина XVI в.; белоглиняной грубой — конец XV—XVI в.; белоглиняной гладкой — вторая половина XVI—XVII в.; чернолощеной — начало XVI в.— начало XIX в.; поливной — XVIII—XIX вв. (Представленная хронология разработана автором в специальной статье, которая находится в печати).

Наряду с вещевым материалом керамика послужила основным источником для датировки поселений. Шурфовка и сбор подъемного материала производились с таким расчетом, чтобы каждое селище было представлено не менее чем 20 датируемыми образцами (венчиками, орнаментированными фрагментами). Поскольку последующие раскопки дают те же типы керамики (уточняя лишь их соотношение), что и предварительные разведки, датировки, основанные на разведочных данных, можно считать представительными.

На основании совстречаемости типов керамики поселения были распределены по следующим периодам:

конец XI — первая половина XIII в. — курганная керамика, наличие курганного могильника
вторая половина XIII — начало XIV в. — курганная и серая керамика, отсутствие курганного могильника

XIV в.	— сочетание серой и красноглиняной грубой керамики при отсутствии курганной
конец XIV—XV в.	— красноглиняная грубая и кранолощеная керамика при отсутствии серой и курганной посуды
конец XV—XVI в.	— белоглиняная грубая и красноглиняная гладкая керамика при отсутствии красноглиняной грубой
XVII в.	— белоглиняная гладкая и чернолощеная керамика

Картирование поселений и их классификация по топографии и площади (рис. 3—6) позволили проследить особенности каждого из выделенных периодов и тем самым описать характерные черты расселения как в домонгольский период, так и в XIV—XV вв.

Заселение славянами-кривичами течения р. Воря началось в конце XI — начале XII в.[3] По всей видимости, население продвинулось сюда с юга, от р. Клязьма. Практически все поселения домонгольского времени были приурочены к судоходным рекам и имели естественные источники воды (рис. 3). Анализ топографии селищ показывает, что они располагались на кромке плоских надпойменных террас, имевших ярко выраженный склон к реке. На графике связь этих двух признаков — плоская терраса и резкий склон к реке — хорошо прослеживается (рис. 4). Типичное поселение домонгольского времени показано на рис. 5, *1*. Застройка селений была, видимо, прибрежно-рядовой. Размеры их колебались от 0,5 до 20 тыс. м^2, причем мелкие селища преобладали (рис. 6), что отмечалось и ранее [79, с. 278]. Крупные поселения (№ 159, 188, 198, 199) не были центрами притяжения более мелких (рис. 7). Слабая степень иерархичности структуры расселения[4] проявляется в расположении погребальных памятников: почти каждому поселению соответствует курганная группа. Обыкновенно она находится на расстоянии 30—200 м от селища, выше его по течению реки, на краю террасы (№ 156, 172, 173, 190, 201, 203) либо в глубь от края террасы (№ 158, 176—178, 187, 197, 200). Четко выраженные «гнезда» поселений не прослеживаются.

Во второй половине XIII—XIV в. начинается активное заселение водораздельных пространств (рис. 8). Удаленность от судоходных рек уже не останавливает переселенцев, что объясняется появлением сети сухопутных дорог. Иным сравнительно с домонгольским периодом становится и расположение селений относительно источников воды: более половины селищ удалено от реки или ручья на 100—800 м. По высоте над уровнем воды они достигают порой 30—60 м. При селищах обнаружены пруды (от 20×20 до 100×50 м — рис. 3). Следует заметить, что пруды упоминаются в Уставной грамоте митрополита Киприана 1391 г. [83, т. 3. № 5] и троицких актах XV в. [83, т. 1, № 6, 468, 476, 503, 542, 547]

Кардинально меняется и топография: край первой надпойменной террасы перестает быть притягательным местом для основания поселения. Наиболее распространенным становится селение на полого спускающемся к ручью или реке холме. Другой характерный признак этого периода — уклон площадки поселения. Благодаря устойчивой связи этих признаков — пологому склону к реке и уклону площадки — ареалы памятников второй половины XIII—XV в. и домонгольского времени оказываются в разных частях корреляционного графика (рис. 4). По форме и характеру застройки селища становятся более разнообраз-

---

[3] Этим временем датируются комплексы из курганных групп Михайловское 1, Путилово 1, Муромцево 2, Каблуково 1, содержащие проволочные браслетообразные, завязанные на оба конца височные кольца, семилопастные типа 3 (по Т. В. Равдиной) и ромбощитковые завязанные височные кольца, а также глазчатые бусы (ГИМ, оп. 95 (инв. № 43894), № 3, 15—19; оп. 106 (инв. № 44575), № 22—25, 33—35, 69, 72, 74, 77, 125, 127; оп. 110 (инв. № 44576), № 38, 41, 50, 53, 54) [79, с. 16; 80, с. 206; 81, с. 68; 82, с. 178] Среди височных колец абсолютно преобладают браслетообразные кривичские. В единичных экземплярах представлены семилопастные вятичские (№ 176, 187) и ромбощитковые (№ 156, 176).

[4] Под структурой расселения понимаются взаиморасположение поселений (равномерно или «гнездами») и их соотношение по размерам (тяготеют ли к крупным поселениям).

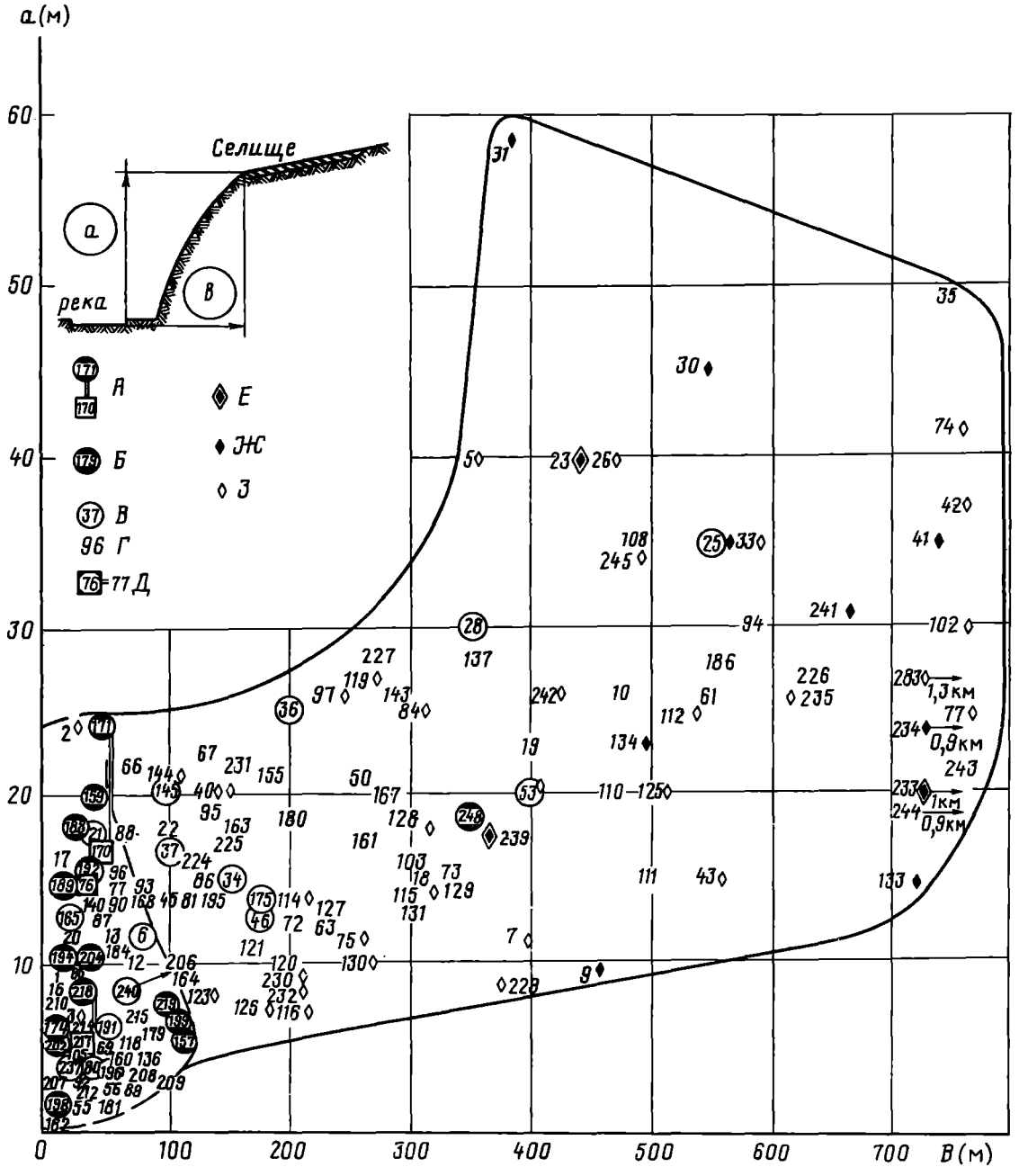


Рис. 3. График корреляции поселений по удаленности от источника воды: *А* — городище с прилегающим селищем XII—XIII вв.; *Б* — селище конца XI — первой половины XIII в., при котором имеется курганная группа; *В* — селище второй половины XIII — начала XIV в., при котором отсутствует курганная группа; *Г* — селище XIV—XV вв.; *Д* — Радонеж — городище и посад XIV—XV вв.; *Е* — пруд, сооруженный в XIV—XV вв.; *Ж* — пруд, сооруженный в XIV—XVI вв.; *З* — пруд, дата которого не определена

ными. Прибрежно-рядовой тип сохраняется, но большинство селищ имеет уже округлую форму, типичную для поселений на «пологих холмах». Во всех случаях, когда прослеживаются пятна от построек, округлой форме селищ соответствует кучевая застройка (№ 9, 28, 45, 50, 72, 115). Появляются также поселения с уличной застройкой (№ 4, 20, 84, 162, 207, 208).

Бо́льшая часть прослеженных особенностей: удаленность от рек, расположение на пологих водораздельных холмах на большом расстоянии от естественного источника воды, наличие прудов, округлая форма — свойственна уже ранним кинельским и радонежским поселением (рис. 8, № 6, 25—28, 36, 37, 46, 53, 145, 233). Эти поселения представляют исключительный интерес в плане изуче-

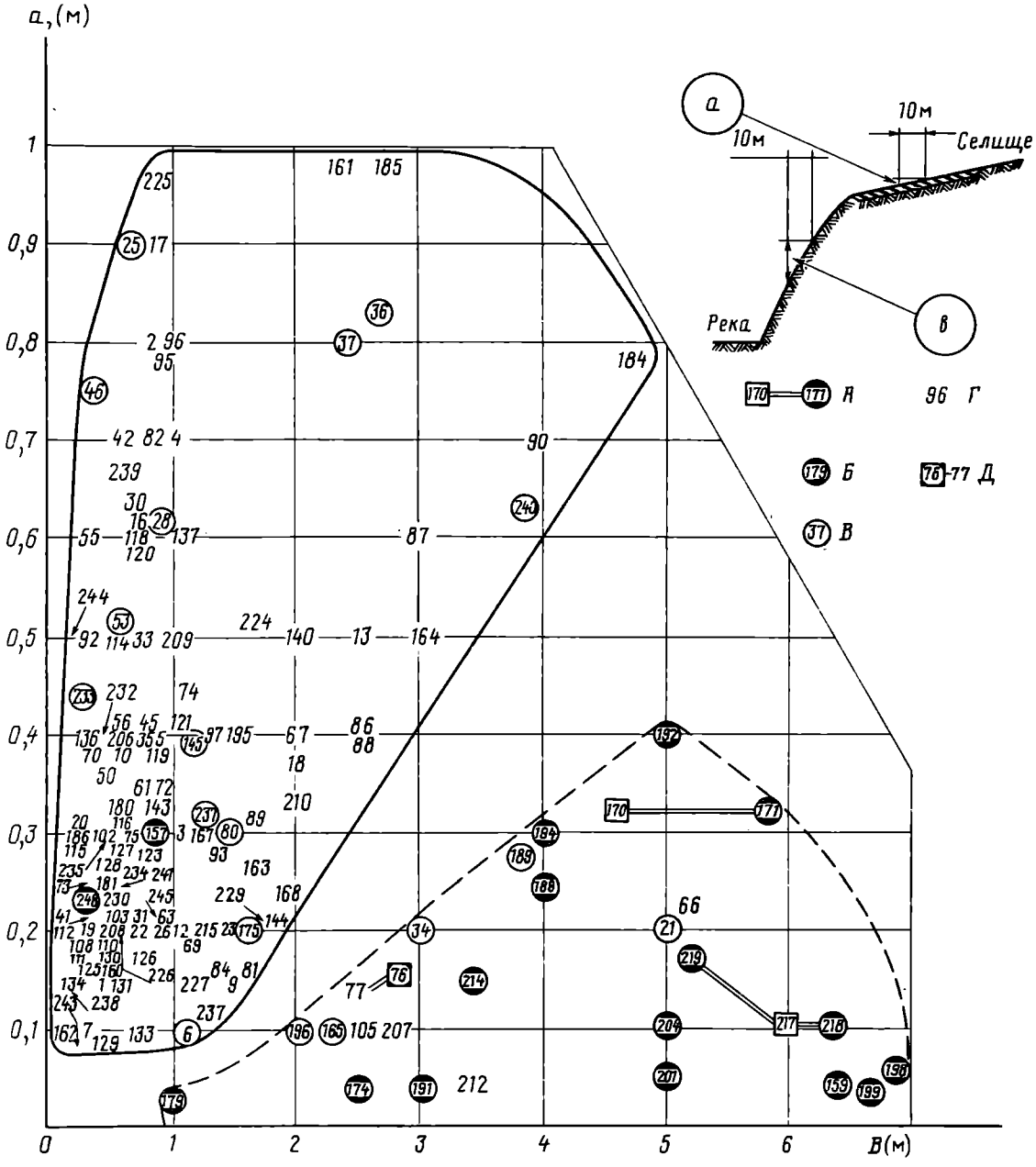


Рис. 4. График корреляции поселений по крутизне площади и склона к реке. Условные обозначения те же, что и на рис. 3

ния внутренней колонизации, так как отражают ее начальный этап. Впервые они были выявлены при обследовании южной части Кинельского стана (рис. 8). В отличие от большинства селищ, известных по актам XV в., на них была найдена курганная керамика. В то же время, хотя местность эта покрыта лесами, способствующими хорошей сохранности курганов, ни при одном из селищ не было обнаружено курганной группы. Видимо, поселенцы проникли сюда во второй половине XIII — начале XIV в., когда курганный обряд уже отошел в прошлое, но курганная керамика еще продолжала бытовать. Косвенно такая датировка подтверждается тем, что по топографии некоторые из этих селищ тяготеют к домонгольскому типу (№ 21, 34; см. также: № 165, 189, 196). Формирование нового топографического типа наглядно прослеживается при сравнении двух селищ в Шиловской пустоши (рис. 5): селище «А» второй половины XIII в. основано было у обрывистого склона оврага, а селище «В» XV в.— на пологом склоне к реке.

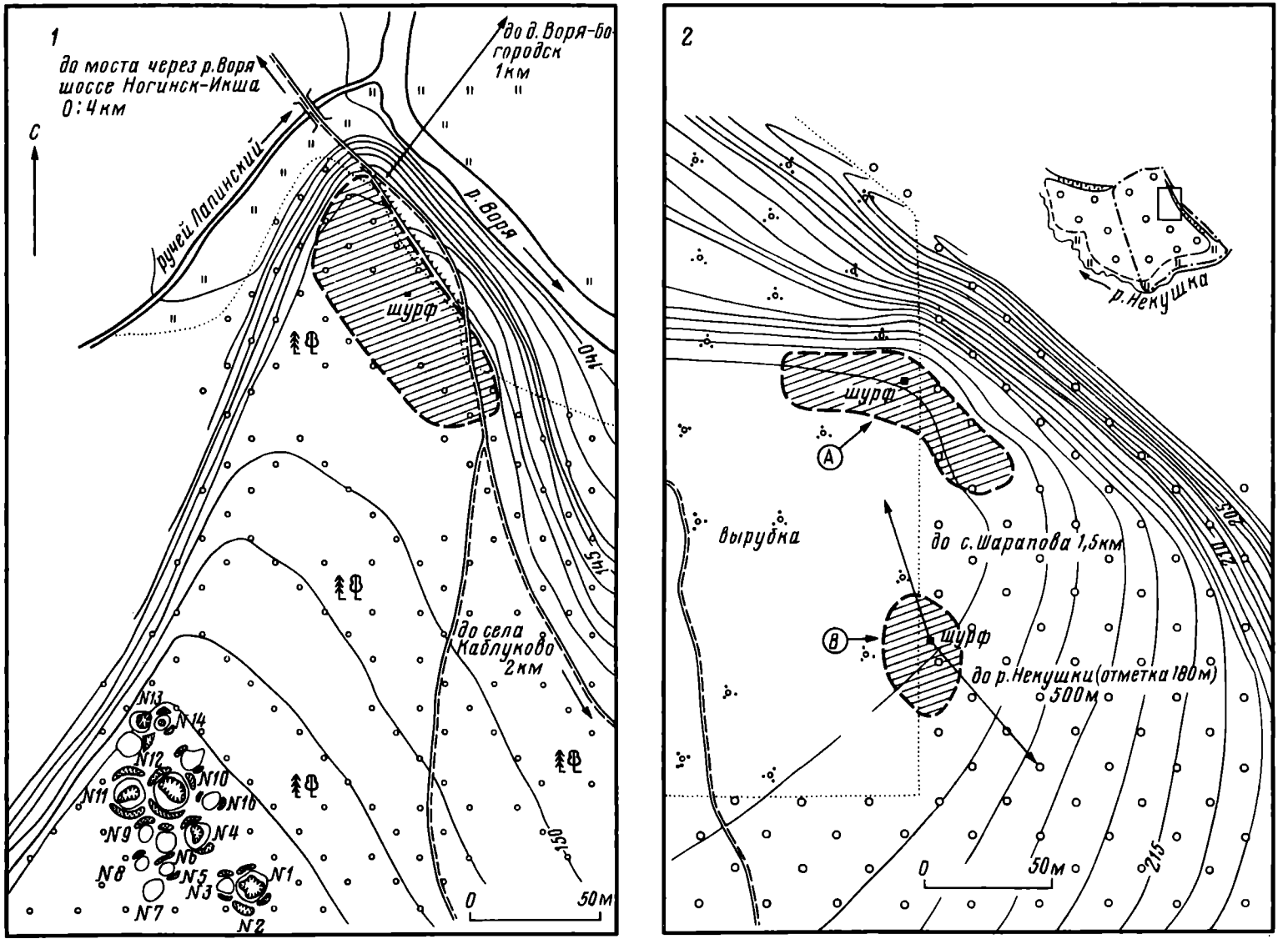


Рис. 5. Типичные поселения. *1* — поселение XII — первой половины XIII в. на плоской террасе: селище и курганная группа Каблуково 3; *2* — поселение на пологом склоне холма: селище Шарапово 5 (на Шилове овраге). *А* — селище второй половины XIII в., расположено близ крутого склона оврага, в чем прослеживается влияние традиции XII — первой половины XIII в.; *В* — селище XV в., идентифицируемое с деревней Площевской волости. На врезке — положение селищ на территории Шиловой пустоши

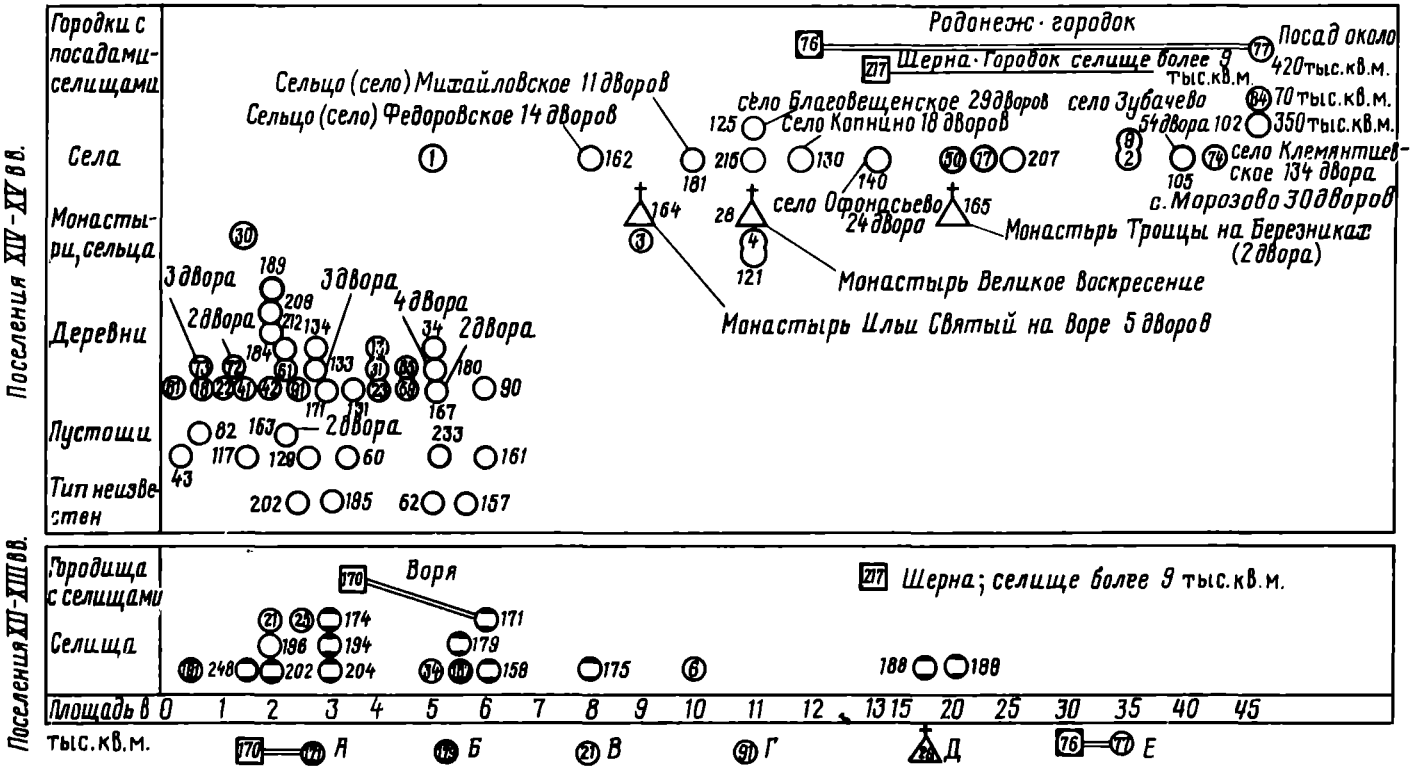


Рис. 6. Таблица распределения поселений по площади. Поселения конца XI—XIII в.: *А* — городища с прилегающим селищем XII—XIII вв.; *Б* — селище конца XI — первой половины XIII в., при котором имеется курганная группа; *В* — селище второй половины XIII в. без сопутствующей курганной группы. Поселения XIV—XV вв.: *Г* — пустоши, деревни, села; *Д* — монастыри; *Е* — Радонеж — городище и посад

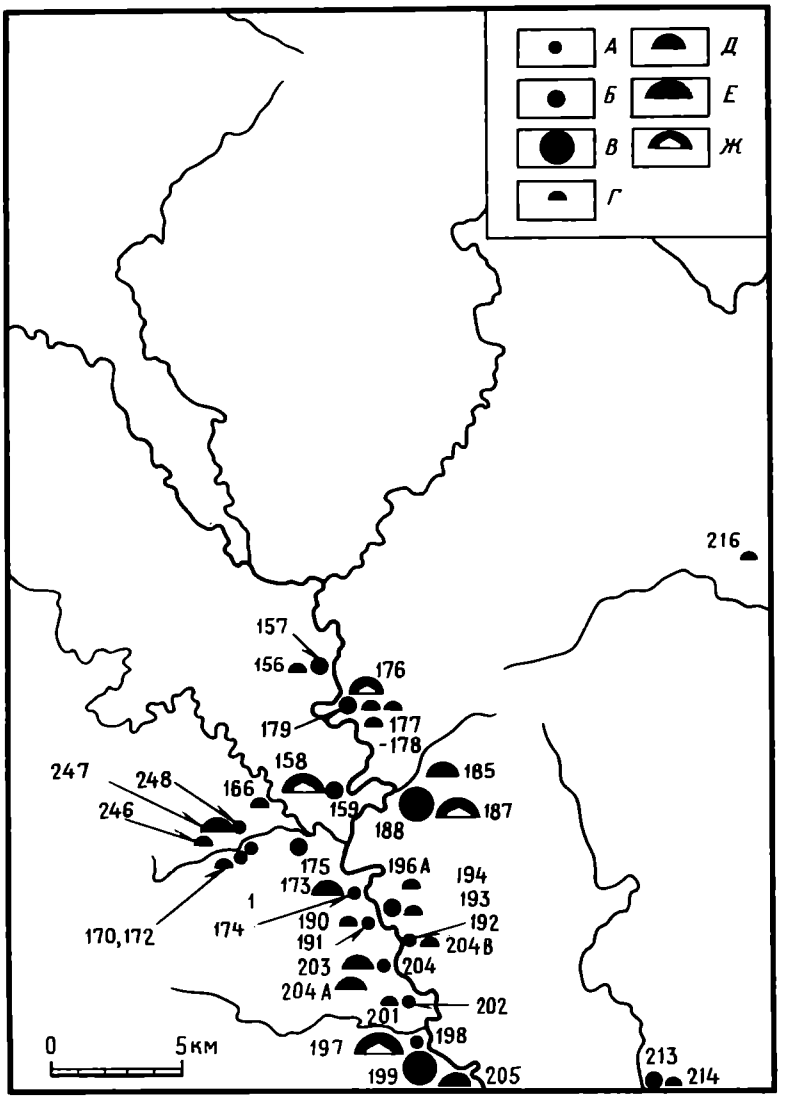


Рис. 7. Расселение на территории позднейших волостей Воря, Радонеж и Кинела в первой половине XIII в.: *А* — поселение менее 6 тыс. м^2; *Б* — поселение 6—20 тыс. м^2; *В* — поселение более 20 тыс. м^2; *Г—Ж* — курганные группы, в том числе: *Г* — до 11 насыпей, *Д* — от 11 до 35 насыпей, *Е* — более 35 насыпей, *Ж* — содержащие погребения конца XI — первой половины XII в.

Другая группа селищ, содержащих курганную керамику, но не имевших при себе курганных групп, обнаружена вблизи древнего Радонежа (№ 80, 233, 237, 240).

Расселение послемонгольского времени характеризовалось не только новым топографическим типом селений (на пологих холмах), но и специфической структурой. По размерам селища XIV—XV вв. отчетливо делятся на две группы: 0,2—6 тыс. м^2 и 8—50 тыс. м^2 (рис. 6). Первые упоминаются в актах XV в. как «деревни» и «пустоши», вторые — как «сельца» и «села». Судя по «Выписи» В. И. Голенина 1503/04 г деревни имели 1—4 двора, села — от 11 до 134 [83, т. 1, № 649] «Выпись» отражает иерархию поселений, существовавшую в начале XVI в. и «весьма далеко ушедшую от ситуации первоначального расселения» [2, с. 104]. До перехода к Троицкому монастырю села имели значительно меньшие размеры. Таковы, например, вотчинные села первой трети XV в.: Андреевское Воронина у озера (№ 1—5 тыс. м^2), Катавасьево (№ 30—1,5 тыс. м^2), а также княжеское село Микульское на Пруженке (№ 215 — 11 тыс. м^2), упоминаемое в докончании вел. кн. Симеона Гордого с братьями 1347—1354 гг (ДДГ

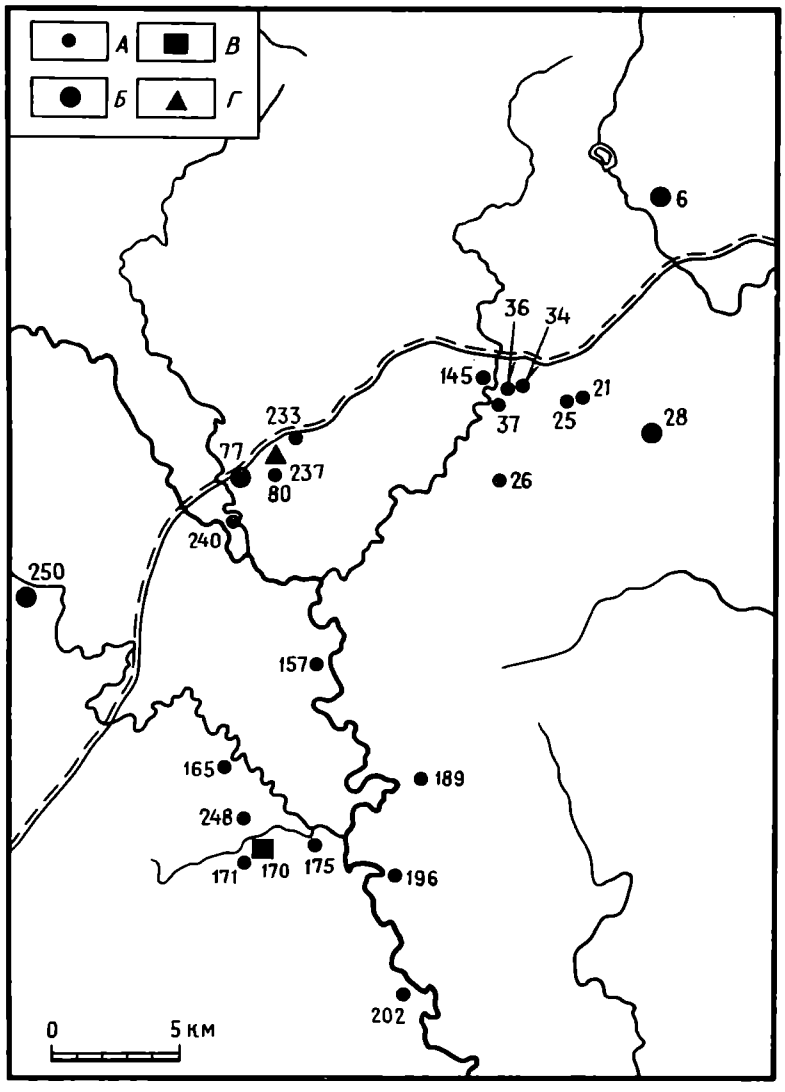


Рис. 8. Внутренняя колонизация волостей Воря, Радонеж и Кинела второй половины XIII — начала XIV в.: *А* — поселение менее 6 тыс. м^2; *Б* — поселение 6—20 тыс. м^2; *В* — городище XIII—XIV вв.; *Г* — святилище Белые Боги

с. 11) [5] В XIV—XV вв. наряду с вотчинными существовали и «волостные» села, например с. Площево (№ 53 — 30 тыс. м^2 в XV в.) и с. Воздвиженское (№ 84 — 70 тыс. м^2 в XV в.) [83, т. 1, с. 238, 274—275, 310—313].

Как можно видеть, в XIV—XV вв. деревни и пустоши группировались вокруг сел, тогда как в XII — первой половине XIII в. мелкие поселения не тяготели к крупным столь явно. Насколько значительные изменения в структуре расселения скрывались за этим, свидетельствует тот факт, что с переходом к бескурганному христианскому погребальному обряду кладбища уже не возникали у каждого поселения, а приурочивались к церквам в селах [6]

Локализуется на основании плана XVII в. [84, план № XXVIII] и документов XV—XVII вв. [83, т. III, с. 78, 79, 488; 85, с. 129, 130]

[6] Наиболее раннее христианское погребение выявлено на окраине древнейшей части курганной группы Каблуково I (конец XI—XII в.). Оно совершено в яме глубиной 1,28 м и представляет собой останки мужчины 60—70-летнего возраста. О наличии гроба свидетельствует находка кованных гвоздей по периметру могильной ямы. Над правым плечом погребенного найдены медный крест—тельник и остатки кожанного мешочка, в котором он был заключен [44, с. 5, 9, 10] Типичный могильник XIV—XV вв. был исследован в д. Михайловское (№ 181). Под неорнаментированными плитами из валунного камня шириной 0,6 м здесь было раскопано погребение

Характерные черты структуры расселения XIV—XV вв. ясно прослеживаются уже в кинельской и радонежской группах селищ второй половины XIII — начала XIV в. Перед нами наиболее ранний пример расселения в виде группы мельчайших деревень (1—3 двора), тяготеющих к центральному поселению. Особенно ярко это прослеживается на примере окрестностей Радонежа (рис. 8).

Описав особенности расселения второй половины XIII—XV в., мы можем задаться вопросом, поставленным в начале статьи: в какой степени они были обусловлены природными условиями и системой хозяйства, а в какой — формами землевладения?

Исследования геоморфологов [86, с. 5—25; 87, с. 66—84; 88, с. 251—265; 89, с. 125—147], почвоведов [90; 91, с. 460—482] и геоботаников [92, с. 1—40; 93, с. 14, 15; 94, с. 143—150; 95] свидетельствуют о большом ландшафтном разнообразии изучаемого района (рис. 2). Его южная часть относится к Приклязьминской наклонной равнине, где рельеф местности характеризуется плоскими водоразделами и четко выраженными террасами рек. Судя по геоботаническому разрезу [94, рис. 2, *Д*], для правобережья р. Воря, где произрастают сосново-еловые леса, характерны подзолистые почвы на легкоопесчаненных суглинках, подстилаемых флювиогляциальными отложениями. На левобережье р. Воря на тех же подпочвах залегают подзолистые (на песках) почвы, формируя ландшафт мещерского типа — сосновые леса и сосново-сфагновые болота.

Карта (рис. 7) свидетельствует, что в домонгольское время были заселены главным образом ландшафты Приклязьминской равнины, точнее — те их участки, которые примыкали к долине р. Воря. Почвы здесь (кроме ландшафта мещерского типа) были пригодны для ведения подсечного земледелия, как показано в работе В. С. Давыдчука и И. К. Фролова [96, с. 15] Рельеф равнины определил топографический тип домонгольских поселений, возникавших на плоских надпойменных террасах.

В ходе внутренней колонизации население продвинулось к северу, на территорию Клинско-Дмитровской гряды, первоначально заняв моренную равнину [87, с. 75; 88, с. 263; 89, с. 139]. Подпочвы здесь сложены из покровных суглинков, подстилаемых тяжелосуглинистой мореной; почвы — дерново-среднеподзолистые. Леса там, где они сохранили свой породный состав, представлены широколиственно-еловыми массивами на водоразделах и еловыми — на склонах [94, с. 49]. Севернее, в направлении к Волго-Окскому водоразделу, равнина переходит в моренную возвышенность, сильно расчлененную эрозионной сетью. Водоразделы поднимаются здесь над долинами на 30—40 м. Многочисленные овраги, относящиеся к различным речным системам, порой смыкаются своими верховьями, расчленяя местность на отдельные возвышенности. Характер почв и растительности тот же, что и на моренной равнине, однако широколиственно-еловые леса на водоразделах выделяются более явственно [93, с. 14]

Система земледелия, получившая распространение в XIV—XV вв., позволяла использовать дерново-подзолистые почвы Клинско-Дмитровской гряды, более плодородные, чем почвы, сформировавшиеся на опесчаненных суглинках Приклязьминской равнины [91, с. 474]. На возвышенности вместо речных террас, характерных для равнины, население встретило пологие склоны, а вместо плоских водоразделов — волнистую местность, расчлененную оврагами. Этим и следует объяснять появление поселений «на пологих холмах».

Новая структура расселения, возникшая в XIII—XIV вв., не находит столь однозначного объяснения в природно-хозяйственных условиях. Наиболее плодородные почвы на Клинско-Дмитровской гряде находились на вершинах водораздельных холмов [91, с. 480; 94, с. 49] (рис. 2, пробные площади № 201, 202). Эти урочища, хорошо выделяющиеся по преобладанию на них широколиственно-еловых лесов, со второй половины XIII—XIV в. стали наиболее притягатель-

---

в неглубокой яме. Судя по найденному на территории могильника наперстному кресту конца XIV—XV вв., могильник может быть датирован этим временем [72, с. 42—44]. К XIV—XV вв. относятся также могильники на памятниках № 28, 125, 181, 207.

ными местами для поселения [78, с. 67]; то же явление отмечено в Новгородском крае [97, с. 79]. Такие вершины обычно по площади не достигали 100 десятин (1 км^2). При системе земледелия с перелогом в таких почвенных условиях потребности в земле среднего крестьянского двора — примерно 15 десятин в трех полях [21, с. 20] — могли быть удовлетворены наилучшим образом, если поселение было малодворным. Однако если влияние этого фактора было бы решающим, то на Приклязьминской равнине, где однородные почвы лежат большими массивами, деревни должны были сложиться более крупными. Однако они имели такие же размеры, что и деревни на гряде (№ 196, вторая половина XIII в.— 2 тыс. м^2; № 212, XIV в.— 2 тыс. м^2; № 174, 195, 202, XIV—XV вв.— 2—3 тыс. м^2). Следовательно, рассредоточенная система расселения со свойственным ей постоянным возникновением все новых и новых малодворных селений не являлась хозяйственной необходимостью. В свою очередь многодворным селам отнюдь не всегда соответствали «сравнительно большие массивы пригодной к обработке земли» [2, с. 104], так как размеры плодотворных земель при селах и деревнях отличались незначительно.

Если природно-хозяйственная ситуация не оказала решающего влияния на формирование рассредоточенного типа расселения, причины его следует искать в формах землевладения. Под этим углом зрения рассмотрим ранние очаги внутренней колонизации.

Уже беглое сопоставление карт первой и второй половин XIII в. (рис. 7, 8) показывает, как сильно изменились социальные структуры, лежавшие в основе расселения. В эпоху монгольского нашествия прекратили существование 11 из 17 селений, в том числе наиболее крупные (Муромцево 2 и Путилово 1), сохранявшие в начале XIII в. кривичские этнографические черты. Гибель славянских поселений на р. Воре явилась проявлением общего запустения, охватившего в тот период Северо-Восточную Русь [98, с. 56].

К началу XIV в. вдали от некогда густо заселенной долины р. Воря, на ее притоках, возникают три группы поселений. Наиболее ранняя из них располагалась в низовьях р. Талица, в районе городища Царево 1 (рис. 8, № 165, 166, 170—172, 175, 246—248). Типологическая близость городища к городкам — центрам соседних волостей [99, с. 124] (рис. 1, № 217) и его местоположение дают основание видеть в нем центр волости Воря, впервые упоминаемой в духовной грамоте вел. кн. Ивана Калиты 1336 г. (ДДГ, с. 8). Вместе с Радонежем волость входила в удел кн. Ульяны, а после его раздела, в 1370-е годы, перешла к вел. кн. Дмитрию Ивановичу. С 1399—1402 по 1428 г. она принадлежала кн. Петру Дмитровскому, а затем являлась предметом спора галицких князей и вел. кн. Василия Темного (ДДГ, с. 9, 34, 74, 354, 434) [83, т. 1, № 173, 414, 493] В XV в. на правобережье р. Воря еще сохранялись «черные земли», восходившие, видимо, к владениям этой волости в XIV в. (рис. 9) [83, т. 1, № 595]. Все это дает основание связывать группу поселений у Царевского городища с волостью Воря, упоминаемой в духовных грамотах московских князей XIV в.

Археологические материалы позволяют проследить предысторию этой группы поселений. Само городище (4, 5 тыс. м^2) имеет слабо выраженный культурный слой, содержащий курганную керамику. Судя по раскопкам прилегающего к нему селища (рис. 9, № 171) и наличию при нем небольшой курганной группы (№ 172), весь комплекс памятников может датироваться второй половиной XII—XIV в. К северу от него располагались поселения Останкино 1 и 2. По своим небольшим размерам и топографическим особенностям они напоминают селища второй половины XIII—XIV в. и отражают начальный этап внутренней колонизации. Так, например, селище Останкино 2 лежит в 400 м от р. Прорванихи на вершине моренной возвышенности (рис. 7, № 248). В то же время (и в этом уникальность поселения) при нем имеется курганная группа, датируемая по вещевым комплексам и погребальному обряду (все погребения — в ямах глубиной 0,4—1 м) в пределах второй половины XII — первой половины

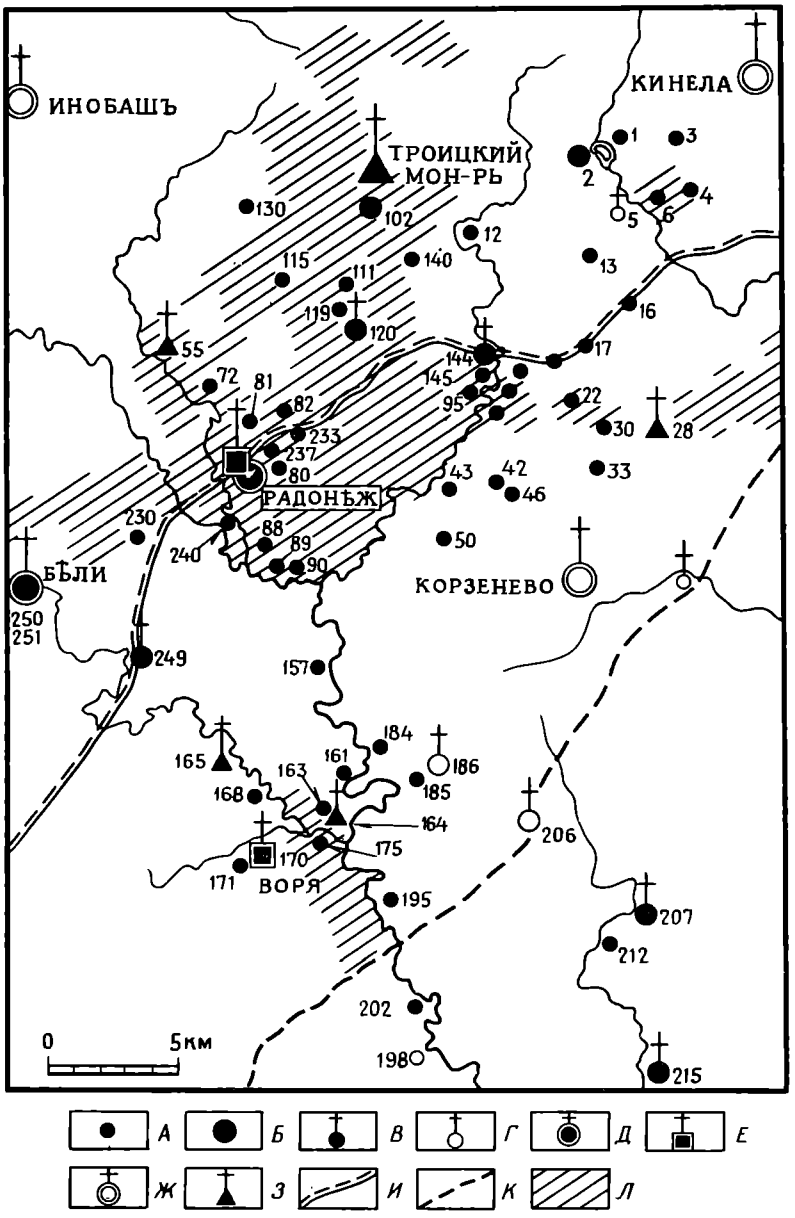


Рис. 9. Внутренняя колонизация волостей Воря, Радонеж и Кинела XIV в. *А* — поселение менее 6 тыс. м^2; *Б* — поселение более 20 тыс. м^2; *В* — село с церковью; *Г* — село, известное по письменным источникам, археологически не датированное; *Д* — село — центр волости и ее название; *Е* — городок — центр волости; *Ж* — село — центр волости, известное по письменным источникам, археологически не датированное; *З* — монастырь; *И* — Переяславская дорога через Радонеж и Стогово; *К* — Хомутовская дорога на Переяславль; *Л* — «волостные» земли по актам первой половины XV в. В источниках упоминаются следующие села: № 120 — «село Киясовское» кн. Владимира Андреевича Храброго (до 1410 г.— АСЭИ, т. 1, с. 127), № 207 — село «Душеное с деревнями и бортью», переданное митрополитом Алексеем Чудову монастырю (1366—1377 гг.) (АСЭИ, т. III. с. 51); № 215 — «Микульское село на Пруженке» кн. Ивана Ивановича и кн. Андрея Ивановича (1347—1354 гг.— ДДГ с. 11)

XIII в. [58] [7] Приведенные данные позволяют заключить, что группа малодворных селений, идентифицируемая с волостью Воря XIV в., начала формироваться как расселенческая структура со многими свойственными послемонгольской эпохе топографическими особенностями уже в начале XIII в. Более широко — XIII в.— можно датировать возникновение здесь укрепленного пункта для сбора дани: разрез вала Царевского городища показал, что он был насыпан «на краю уже существовавшего древнего поселения» [56, с. 15]

В кургане 3 (погр. 1) найдено 8 перстней (с уплощенной передней частью, решетчатые, ложные рубчатые), 5 ложновитых рубчатых колец и 2 проволочных браслета. В кургане 4 (погр. 1)

Кинельская группа поселений (рис. 8, 9; № 21, 25, 28, 34, 36, 145) отражает этап внутренней колонизации, который приходится на вторую половину XIII в. В плане нашего исследования особенно важно то, что эта группа надежно связывается с волостным землевладением. Эта связь устанавливается благодаря актам Троицкого монастыря, фиксирующим существование волостной организации в Кинеле в 1460—1480-е годы и более раннее время. В этот период интересующие нас поселения входили в состав Площевской волости, объединявшей остатки черных «волостных» земель. Судя по актовым известиям, волость наделяла «волостных людей» пустующими земельными угодьями («пустошами»), на которых ставился крестьянский двор [21, с. 16—23]. «Волостные люди» — «мужи-площевичи» сообща отстаивали интересы волости в земельных спорах с Троицким монастырем [83, т. 1, № 328, 421, 422, 424]. Раскопки [100, с. 104—109] показали преемственность волостных деревень XV в. и поселений, возникших во второй половине XIII — начале XIV в. В качестве примера можно привести историю заселения Шиловской пустоши. Участвовавший в ~1473—1485 гг. в земельном споре волостной крестьянин-«старожилец» Конан Шилов «показал», что ранее, т. е. в первой половине XV в., на пустоши жил его отец [83, т. 1, № 422]. Судя по археологическим данным, деревня отца Конана Шилова была поставлена на земельном участке, освоенном за 100 лет до этого, так как в 50 м от следов этой деревни обнаружено селище, датируемое по курганной керамике второй половиной XIII — началом XIV в. (рис. 5). Этот факт можно объяснить лишь тем, что земельный участок оставался в ведении волости на протяжении всего XIV в. Таким образом, можно полагать, что Кинельская волость, известная по грамотам вел. кн. Ивана Калиты и вел. кн. Василия Дмитриевича [101, с. 80, 81], как расселенческая структура возникла во второй половине XIII в., причем ее формирование было связано с наделением «черных» крестьян земельными участками.

В конце XIII — начале XIV в. складывается и древнейшее ядро Радонежской волости (рис. 8, № 77, 80, 233, 237, 240). В духовных грамотах вел. кн. Ивана Калиты она упоминается как «Радонѣжьскоѥ» с одноименным «селом», служившим, по всей видимости, ее центром (ДДГ, с. 8, 9). После раздела удела кн. Ульяны, в 1370-е годы, Радонежская волость вошла в удел кн. Владимира Андреевича Серпуховского, а в 1410—1426 гг. стал основой самостоятельного княжества (ДДГ, с. 46). Все это способствовало сохранению здесь «черных» земель (рис. 9) и волостной организации, известной по документам 1456 г. [83, т. 1, № 255, 256]

На примере Радонежа хорошо видны особенности этапа внутренней колонизации, относящегося к 1330—1370-м годам (рис. 9). В этот период население осваивает моренную возвышенность, именовавшуюся еще в 1330-е годы «великім лѣсом». Здесь возникают княжеские — волостные села Киясовское, Клементьевское, Княже и относящиеся к ним деревни. «Житие Сергия Радонежского» донесло до нас ценное свидетельство о том, как в 1330-е годы протекало заселение «вести Радонѣжь». Великий князь, повествует агиограф, «намѣстника постави в ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обѣщася тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози» [102, с. 34, 35] Из приведенного текста ясно видна роль княжеской власти в развитии волостной общины на этом этапе колонизации.

Проведенное исследование показало, что волостная община как новая форма крестьянского землевладения и княжеская административно-податная единица [8] возникает во второй половине XIII в., с началом внутренней колонизации.

встречено 5 проволочных браслетообразных полуторооборотных эсовидных височных колец кривичского типа, ромбощитковое завязанное височное кольцо и бусы (4 сердоликовые бипирамидальные и 9 хрустальных шаровидной формы). В погр. 2 кургана 4 найдено семилопастное височное кольцо типа 6 по Т. В. Равдиной второй половины XII — начала XIII в. (с боковыми колечками и штриховой полосой, заходящей в лопасти) [56].

[8] История закрепления за этой административной и податной единицей названия «волость» — тема специального исследования. Здесь лишь примерно обозначим период, когда это произошло.

Эти два процесса были взаимосвязаны, причем складывавшаяся рассредоточенная система расселения в виде малодворных деревень обусловливалась главным образом тем, что община наделяла своего члена индивидуальным земельным участком. Таким образом, во второй половине XIII в. изменился не только хозяйственный тип, но и социальная структура основного земледельческого населения обширных пространств Северо-Восточной Руси.

Первые признаки отмеченных изменений относятся к предмонгольскому времени; следовательно, их истоки лежали во внутреннем развитии древнерусского общества. Монгольское нашествие 1237—1239 гг. и разорения последующих лет подорвали структуру расселения и общинные связи, существовавшие со времени славянского заселения края и оформившиеся в ходе окняжения середины — второй половины XII в. в систему погостов-округов. Лаврентьевская летопись так описывает последствия разорения 1238 г.: «Татарове поплѣниша Володимерь, и поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопийци, и ови идоша к Ростову, а ини къ Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ, доже и до Галича Мерьскаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, доже и до Торжку, и *нѣсть мѣста, ни вси, ни селъ, тацѣхъ рѣдко, идеже не воеваша на Суждальской земли*; и взяша городовъ 14, опрочь слободъ и погостовъ, во одинъ мѣсяць февраль, кончеваюшюся 45-тому лѣту» [104, стб. 464]

Судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, можно предполагать, что разорение вело не только к физическому уничтожению населения, но и к «снятию» существующей традиции, регламентировавшей расселение, что создавало условия для ускоренного формирования нового типа общинных связей.

Этому способствовало и начавшееся перемещение населения из центральных, наиболее пострадавших районов Владимиро-Суздальской земли на ее западные и северо-восточные окраины [30, с. 105, 106] Подвижки населения должны были затронуть Клинско-Дмитровскую гряду, являвшуюся в географическом отношении прямым продолжением возвышенного междуречья Волги и Клязьмы, на котором располагалось Суздальско-Юрьевское ополье. Таким образом, исследованный район входил в зону наиболее активных демографических и социальных трансформаций.

Поселения по р. Воря, и в том числе группа селений близ позднейшего одноименного волостного центра, в первой трети XIII в. управлялись, по всей видимости, из Москвы. С вокняжением во Владимире в 1238 г. кн. Ярослава Всеволодовича и до его гибели в 1246 г. земли, относившиеся к Москве, и округа Переяславля входили в великое княжение. Через 10 лет после Батыева нашествия, по разделу вел. кн. Ярослава, Москва досталась в удел его сыну кн. Михаилу Хоробриту и на один год (1248 г.) стала центром самостоятельного княжества [30, с. 117, 118; 106, с. 20—22]. Однако после гибели Михаила Хоробрита (1249 г.), в период великого княжения Андрея Ярославича (1249—1252 гг.) и Александра Ярославича Невского (1252—1263 гг.), Московские и Переяславские земли вновь соединились, войдя в состав великого княжения.

Период 1260—1290-х годов, на который, по археологическим данным, приходится сложение новых форм расселения и общинной организации, в политиче-

---

Лаврентьевская летопись, представляющая собой копию с великокняжеского владимирского свода начала XIV в. и сохраняющая терминологию этого времени [103, с. 83], сообщает под 1238 г. о разорении «слободъ и погостов» [104, стб. 464] и лишь однажды, под 1285 г., упоминает «волость Олешню», принадлежавшую тверскому владыке [104, стб. 483]. В Рогожском летописце, текст которого с 6836 (1327/28) г. восходит к своду 1408 г. [103, с. 93], отразилась терминология, типичная для XIV в. Под 1364 г. в летописце упоминается мор «по станом и по волостем» Нижнего Новгорода [105, стб. 76] и «по всем волостем Переяславьскимъ ... и по селомъ и по погостомъ» [105, стб. 77]. Под 1368 г. при описании отхода литовского войска от Москвы сообщается, что «Ольгердъ ... волости повоева» [105, стб. 90]. Таким образом можно заметить, что по-видимому, в конце XIII — начале XIV в. слово погост как обозначение единицы административного деления на территории Северо-Восточной Руси вытесняется словом «волость». «Погостом» начинают именовать центр волости с церковью и дворами причта.

ской истории является эпохой создания мощных самостоятельных княжеств. С 1263 г. Переяславль принадлежал кн. Дмитрию Александровичу, который, опираясь на свой удел, вел многолетнюю борьбу за владимирский стол. Самостоятельность княжества сохранялась до 1302 г. Москва после 7 лет управления тиунами кн. Ярослава Ярославича владимирского и тверского (1263—1271 гг.), в 1270-е годы, также превращается в самостоятельное княжество [30, с. 118, 119; 106, с. 22, 23] За время правления кн. Даниила Александровича оно становится одним из наиболее населенных. Ускоренное хозяйственное развитие позволило Московскому княжеству укрепиться к 1303 г. настолько, что сыновья Даниила смогли на протяжении четверти века вести изнурительную борьбу с Тверью за великое княжение.

Судя по археологическим данным, начальное развитие волостной общины пришлось на эпоху максимального усиления ордынского ига, когда в 1256—1257 гг. татары «изочтоша всю землю Суждалскую и Рязанскую и Моуромскую, и поставиша десятникы, сотникы, тысущникы, темникы» [105, стб. 32]. В этот период была введена система, по которой сбор ордынского «выхода», осуществлявшийся численниками и контролировавшийся баскаками, основывался на описаниях, проводившихся примерно через 20 лет (второе «число» 1275 г.). Вероятно, при такой системе новые поселения, не вошедшие в описание, получали определенные льготы в выплате податей, что могло вести к их численному росту и закреплению в качестве единицы расселения. В условиях общего усиления княжеской власти в области поземельных отношений эти обстоятельства могли способствовать закреплению специфической формы землевладения — волостной общины, которая в то же время оказалась наиболее приспособленной для земледельческого освоения обширных пространств Московского и других великорусских княжеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель России в XVI в. Л.: Наука, 1985.
2. *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV—XVII веках. Л.: Изд. Ленингр. ун-та, 1980.
3. *Ключевский В. О.* Боярская дума древней Руси. Пб., 1919.
4. *Веселовский С. Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. // Изв. ГАИМК. 1936. Вып. 139.
5. *Воронин Н. Н.* К истории сельского поселения феодальной Руси: погост, слобода, село, деревня // Изв. ГАИМК, 1935. Вып. 138.
6. *Романов Б. А.* Изыскание о русском сельском поселении эпохи феодализма // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960.
7. *Кочин Г Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства: конец XIII — нач. XVI в. М.; Л.: Наука, 1965.
8. *Пьянков А. П.* Сельская община Северо-Восточной Руси в XIV—XV вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963.
9. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.) // МИА. 1960. № 92.
10. *Левочкин И. В.* К вопросу о системах земледелия в Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. // Уч. зап. МГПИ. 1970. Т. 359.
11. *Дегтярев А. Я.* Сельские поселения Северо-Запада России // Аграрная история Северо-Запада России XVI в.: Север. Псков. Л.: Наука, 1978.
12. *Дегтярев А. Я.* Сельское расселение и системы земледелия на Руси в XV—XVII вв. // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1981.
13. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.
14. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. М., 1923.
15. *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.
16. *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. М., 1937.
17. *Архангельский П. Г* К вопросу о происхождении русской общины // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913.
18. *Веселовский С. Б.* Княжеское землевладение // Архив АН СССР в г. Москве. Ф. 620. Оп. 1, д. 81.
19. *Ельяшевич В. Б.* История права поземельной собственности в России. Т. 1. Париж, 1948.
20. *Данилова Л. В.* О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М.: Наука, 1982.

21. *Алексеев Ю. Г* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л.: Наука, 1966.
22. *Алексеев Ю. Г* Волость в Переяславском уезде XV в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1960.
23. *Алексеев Ю. Г* Крестьянская волость в центре феодальной России // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России: дооктябрьский период. Л.: Наука, 1972.
24. *Алексеев Ю. Г* Черная волость Костромского уезда XV в. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России: Сб. статей памяти И. И. Смирнова. Л.: Наука, 1967.
25. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М.: Наука, 1972.
26. *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот XIV—XV вв. // ПИ. 1958. Т. VI.
27. *Каштанов С. М.* Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М.: Наука, 1982.
28. *Кучкин В. А.* Московское княжество при Иване Калите // Вопросы исторической географии и истории географии. М.: Наука, 1973.
29. *Юшко А. А.* О феодальном землевладении Московской земли XIV в. // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М.: Наука, 1988.
30. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М.: Наука, 1984.
31. *Ходаковский З. Я.* Донесение о первых успехах путешествия в России // РИБ. 1844. Т. 7.
32. *Саблин М. А.* Список курганов Московской губернии // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXXV. СПб., 1879.
33. *Богоявленский С. К.* Материалы к археологической карте Московского края // МИА. 1947. № 7.
34. *Гендуне Ю. Г.* [Сообщение] // ЗОРСА, 1894. Т. VII. вып. 1.
35. *Гендуне Ю. Г* О раскопках в Калужской, Московской и Тульской губ. 1901 г. // Архив ЛОИА. Ф. 1, д. 39.
36. *Гендуне Ю. Г* О раскопках в Калужской и Московской губ. 1902 г. // Архив ЛОИА. Ф. 1, д. 27.
37. *Гендуне Ю. Г* О раскопках в Калужской, Московской и Черниговской губ. 1903 г. // Архив ЛОИА. Ф. 1, д. 15.
38. *Гендуне Ю. Г* О раскопках в Владимирской, Московской и Тверской губ. 1907—1908 гг. // Архив ЛОИА. Ф. 1, д. 67.
39. *Гендуне Ю. Г* Отчет об изучении памятников старины в Клинском и Дмитровском уездах Московской губ. 1908 г. // Архив ЛОИА. Ф. 1, д. 105.
40. *Линдеман И. К.* Раскопки курганов летом 1907 г. // Древности. Т XXII. Вып. 1. М., 1908.
41. *Жуков Б. С.* Отчет о раскопках 2-х славянских курганов близ д. Псарево Сергиевского уезда при р. Веле в 1922 г. // Архив ЛОИА. Ф. 2, д. 85.
42. *Городцов В. А.* Результаты раскопок в 1921 г. // ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 134. 1921 г.
43. *Городцов В. А.* Археологические раскопки и разведки в Советской России между 1918 и 1924 гг. // Древний мир. 1924. Вып. 1.
44. *Коновалов А. А.* Отчет о раскопках кривичских курганов у д. Каблуково Щелковского р-на Московской обл. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4275, 4275а, 4275б.
45. *Кызласов Л. Р., Коновалов А. А.* Работа славянской экспедиции // АО-1967. М., 1968.
46. *Розенфельдт Р. Л.* Археологические разведки в Московской обл. в 1960 г. // КСИИМК. 1962. Вып. 90.
47. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет о поездке в г. Красноармейск Московской обл. в октябре 1969 г. // ГИМ. Архив отдела археологических памятников. Группа В. Д. № 304.
48. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1975 г. (бассейн р. Клязьмы и Вори) // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5876.
49. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской обл. в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6462, 6462а.
50. *Розенфельдт Р. Л., Юшко А. А.* Список археологических памятников Московской области. М.: Изд. ИА АН СССР, 1973.
51. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об обследовании состояния памятников археологии Московской обл. 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9834.
52. *Розенфельдт Р Л.* Отчет о раскопках курганов в Пушкинском районе Московской обл. в 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 9833.
53. *Розенфельдт Р. Л.* Раскопки и разведки в Подмосковье // АО-1982. М., 1984.
54. *Розенфельдт Р. Л.* Раскопки в Подмосковье // АО-1983. М., 1985. С. 80.
55. *Розенфельдт Р. Л.* О работах в Московской области // АО-1984. М., 1986.
56. *Розенфельдт Р. Л.* Отчет об археологических раскопках курганных групп Останкино 1 и Останкино 2 у д. Останкино Пушкинского р-на Московской обл. в 1985 г // Архив ИА АН СССР Р-1, № 11730.
57 *Розенфельдт Р. Л.* Разведки и раскопки в Московской области // АО-1985. М., 1987
58. *Розенфельдт Р Л.* Отчет об археологических раскопках в Пушкинском районе Московской обл. в 1986 г. // Архив ИА АН СССР Р-1, № 11830.
59. *Розенфельдт Р. Л.* Раскопки и разведки в Подмосковье // АО-1986. М., 1988.
60. *Милонов Н. П.* Археологические разведки в Радонеже // Историко-археологический сборник. М., 1948.

61. *Милонов Н. П.* Археологические исследования некоторых раннефеодальных городов. 1936 г. // ОР ГБЛ. Ф. 177, д. 43, 46.
62. *Колобов В. М.* Отчет о краеведческих археологических разведках на территории Московской обл. за 1948 г. // Архив Моск. обл. краевед. музея в г. Истра. Папка 3а, д. 3.
63. *Колобов В. М.* Отчет о разведках археологических и исторических памятников на территории Московской обл. 1948 // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 241.
64. *Диков Е. И.* Отчет об археологических разведках на территории Ногинского р-на Московской обл. в 1959 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1896, 1896а.
65. *Диков Е. И.* Отчет об археологической разведке по рекам на территории Ногинского, Павлово-Посадского, Ореховского и Щелковского р-нов Московской обл. в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2504, 2504а.
66. *Диков Е. И.* Отчет о работах археологической группы в Московской обл. в 1964 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2913.
67. *Диков Е. И.* Отчет о работе археологической экспедиции в бассейне р. Клязьмы в Московской обл. в 1967 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3471, 3471а,б.
68. *Раппопорт П. А.* Укрепления раннемосковских городищ // КСИИМК. 1958. Вып. 71.
69. *Раппопорт П. А.* Обследование раннемосковских городищ в 1954 г. // КСИИМК. 1956. Вып. 62.
70. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. // МИА. № 105.
71. *Варенов А. Б.* Научный отчет о разведке в Ногинском р-не Московской обл. в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5529.
72. *Юшко А. А.* Отчет о работе Звенигородского отряда в 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6200, 6200а.
73. *Юшко А. А.* Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда в 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6249, 6249а.
74. *Юшко А. А.* Отчет об археологических разведках на территории Московской обл. в 1978 г. // Архив ИА АН СССР Р-1, № 7991, 7991а.
75. Памятные места Московской области: Путеводитель / Сост. Бурых Б. Б., Колобов В. М., Скотников Ю. А., Тихонович С. С., Шаповалов Т. И. М.: Моск. рабочий, 1954.
76. *Сидоров В. В.* Отчет о разведках в Московской области в 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3723, 3723а.
77 *Бадер О. Н.* Археологическая карта р. Учи // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 941.
78. *Чернов С. З.* Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. М., 1987.
79. Очерки по истории русской деревни. М.: Сов. Россия, 1967.
80. *Шмидт Е. А.* Курганы XI—XIII веков у дер. Харлапово в Смоленском Поднепровье // Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск, 1957.
81. *Равдина Т. В.* Хронология «вятичских» древностей // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2154.
82. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55.
83. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952; т. III. М.: Наука, 1964.
84. *Ламанский В. И.* Сборник чертежей Москвы, ее окрестностей и города Пскова XVII столетия. СПб., 1861.
85. *Холмогоровы В. И. и Г. И.* Исторические материалы о церквах и селах XVI—XVIII столетий. Вып. 5. М., 1887.
86. *Борзов А. А.* Очерк геоморфологии Московской области // Тр. Общества изучения Моск. обл. Вып. 4. М., 1930.
87. Рельеф Москвы и Подмосковья / Под ред. Дик Н. Е. и др. М., 1946.
88. *Батурин В. Е.* Краткий физико-географический очерк Загорского р-на // Учен. зап. МГПИ. 1959. Т. 101.
89. *Рябцева К. М.* Геоморфологический очерк Пушкинского р-на // Учен. зап. МГПИ. 1957. Т. 66.
90. *Гугуева К. П.* Почвенное районирование Московской обл. // Вестн. МГУ. Сер. 6. Экономика. 1959. № 3.
91. Почвы Московской области и повышение их плодородия. М., 1974.
92. *Иванова Н. А., Шаховская А. Д.* Природа Сергиевского уезда // Сергиевский уезд Московской губ. Сергиев, 1925.
93. *Алехин В. В.* Геоботанические карты Московской области. М., 1934.
94. *Петров В. В.* Связь между характером лесной растительности и почвообразующими породами на северо-востоке Московской обл. // Вестн. МГУ. Сер. 6. Экономика. 1965. № 6.
95. *Курнаев С. Ф.* Дробное лесорастительное районирование Нечерноземного Центра. М.: Наука, 1982.
96. *Давыдчук В. С., Фролов И. К.* К истории заселения Орловского течения Оки в I тысячелетии н. э. // КСИА. 1976. Вып. 146.
97. *Жекулин В. И.* Историческая география: предмет и методы. Л.: Наука, 1982.
98. *Каргалов В. В.* Последствия монголо-татарского нашествия XIII в. для сельских местностей Северо-Восточной Руси // Вопр. истории. 1965. № 3.
99. *Юшко А. А., Чернов С. З.* Из исторической географии Московской земли // СА. 1980. № 2.
100. *Чернов С. З.* Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря // АЕ за 1981 год. М.: Наука, 1982.
101. *Чернов С. З.* Вотчина Ворониных // Вестн. МГУ. Сер. 8. История, 1982. № 6.

102. Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца... (Сообщил архим. Леонид) // Памятники древней письменности и искусства. Т. 58. СПб., 1885.
103. *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI—XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. 2. Ч. 2. М., 1976.
104. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1926—1928. Т. 1.
105. Рогожский летописец // ПСРЛ. 1922. Т. XV. Вып. 1.
106. *Тихомиров М. Н.* Древняя Москва (XII—XV вв.). М.: Изд. МГУ, 1947

S. Z. CHERNOV

ARCHAEOLOGY ON THE INTERNAL COLONISATION IN THE MOSCOW PRINCIPALITY IN THE 13th-15th CENTURIES AND THE ORIGINS OF THE VOLOST COMMUNITY

Summary

The author takes as his subject the internal colonisation that proceeded in the Moscow Principality between the 13th and 15th centuries according to archaeological data obtained in the vicinity of mediaeval Radonezh (Fig. 1). He has identified the stages of settlement and the specific features of each of them. The pattern of settlement along the rivers that had taken shape by the early 13th century was disrupted by the Mongol invasion (1237—1239). A new settlement pattern emerged in the latter half of the 13th century: it was represented by groups of villages containing from 1 to 3 households. At the same time people began settling on the hills. This was caused by agricultural development and resulted in the settlements' different topography (Figs. 4—6). The author pays particular attention to three groups of 1—3 household villages that were associated (according to written sources) with the Moscow princes' personal possessions: Vorya, Radonezh and Kinela of the 14th century (Fig. 8). His studies allowed him to conclude that these groups represented a new form of peasant land tenure and the princely tax-paying unit — the volost community — that is dated by archaeology to the second half of the 13th and early 14th centuries. This means that in that period the economic type and the social structure of the main landtilling population had changed. These changes were in evidence in the Moscow Principality that in the 1270s detached itself from the Vladimir Principality and in the land that formed its part up till the middle of the 14th century.

Вл. В. СЕДОВ

ПСКОВСКИЕ ХРАМЫ XV В. КРУГА ЦЕРКВИ ГЕОРГИЯ СО ВЗВОЗА

В данной работе сделана попытка очертить круг памятников псковской школы последней четверти XV в., типологически и образно группирующихся вокруг церкви Георгия со Взвоза. Этот памятник по характеру перекрытия относится к типу храмов с подпружными арками, слитыми со сводами, или со слитыми сводами, с невыявленными подпружными арками. Церкви с подобной конструкцией можно разделить на две группы: в первой памятники сохраняют традиционную псковскую трехабсидность плана (церковь Георгия со Взвоза 1494 г., церковь Николая в Острове 1543 г., церковь Жен Мироносиц в Пскове 1546 г.), во второй подобное решение перекрытия сочетается с меньшими размерами и одноабсидностью (церковь Ильи в Выбутах и др.). В первой группе можно выделить храмы, составляющие типологический и, видимо, хронологический ряд и близкие по конструктивному и художественному решению. Кроме церкви Георгия со Взвоза к рассматриваемому кругу относятся церкви: Николая в Верхнем Мосту, Николая в Красных Прудах и Михаила и Гавриила Архангелов в Кобыльем Городище.

Единственным точно датированным памятником исследуемой группы является церковь Георгия со Взвоза 1494 г., [1, с. 81; 2, с. 224, 291], построенная как приходской храм в пределах стены 1465 г. Окольного города [3, с. 227]. В научной литературе этот храм упоминается вскользь, как пример «упрощенного типа сооружения» [4, с. 215]. В конце XIX — начале XX в. ему были посвящены краткое описание А. Березского [5] и обзорная статья М. В. Красовского [6] Церковь имеет средние для Пскова размеры 12×12 м (подкупольное пространство 3×3 м) и представляет тип четырехстолпного трехабсидного одноглавого храма со слитыми сводами (рис. 1, *А, Г*; 2; 3, *А*). Западная пара столбов — круглая на высоту человеческого роста, восточная округлена к востоку на ту же высоту. Выше скругления от столбов к стенам перекинуты арки и столбы сливаются со стенами палаток угловых компартиментов, так что в верхней зоне интерьер приобретает крестообразность. Угловые компартименты перекрыты сводами на двух уровнях, за исключением северо-западного, где находилась лестница на хоры. В юго-западном компартименте находился придел (рис. 1, *Г*), перекрытый коробовым сводом по оси запад — восток. В восточной стене придела — три абсиды-нишки. Если западные палатки соединялись деревянным настилом хор, то восточные, возможно, соединялись проходом на балках вдоль северной стены с северо-западным компартиментом, так как и северо-западный, и северо-восточный компартименты во втором ярусе открываются в северный рукав креста. Юго-восточный компартимент имеет лишь арочный вход со стороны восточного рукава и служил, вероятно, ризницей.

Вдоль северной и южной стен хорошо сохранились пазы от иконостаса. Судя по их расположению, высота иконостаса достигала пят сводов рукавов креста. Высоко расположенные окна абсиды, предназначенные для освещения поверх иконостаса, и арка северо-восточного компартимента, которая была прикрыта иконостасом такой высоты, свидетельствует о том, что первоначаль-

© Вл. В. Седов, 1991 г.

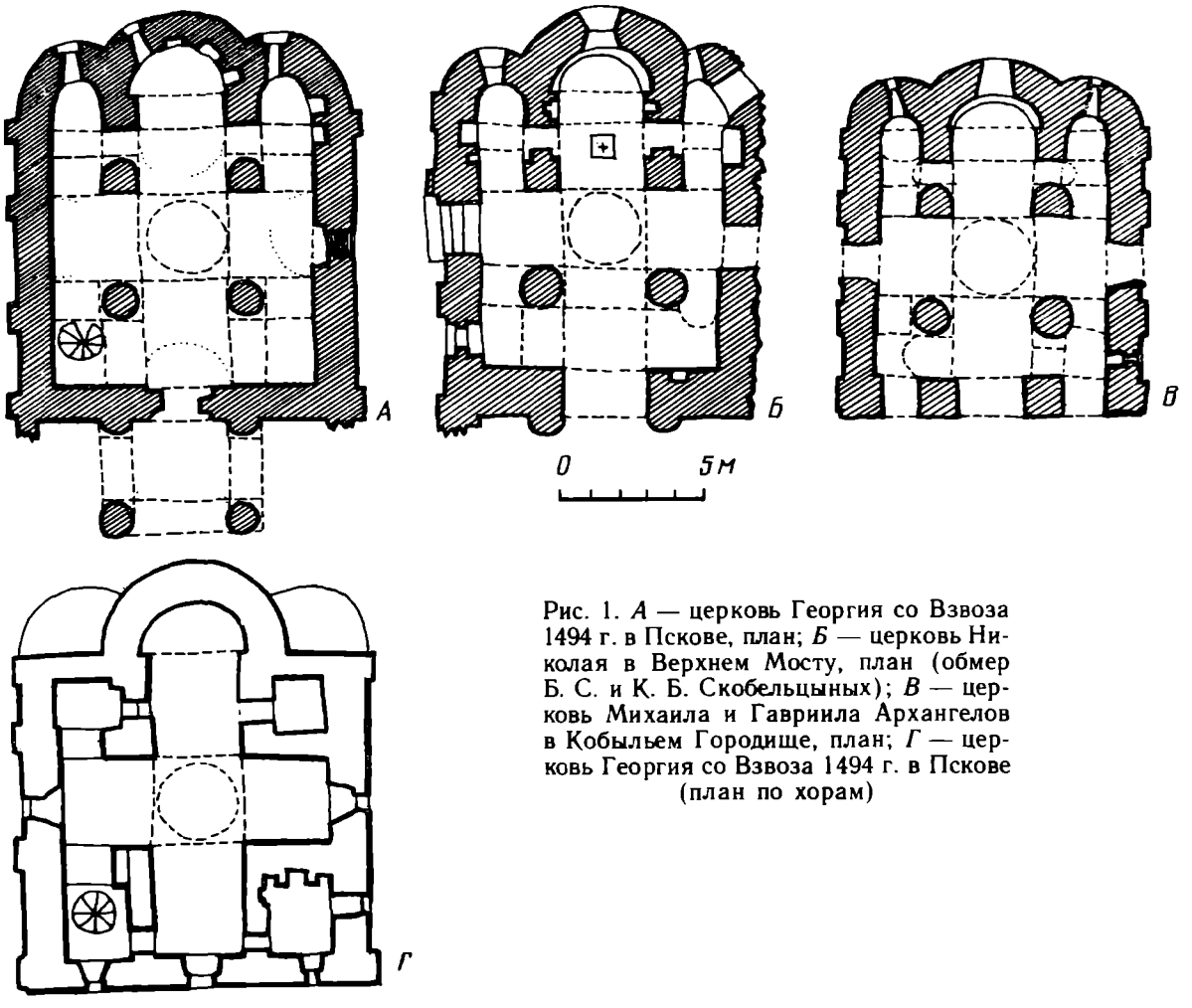


Рис. 1. *А* — церковь Георгия со Взвоза 1494 г. в Пскове, план; *Б* — церковь Николая в Верхнем Мосту, план (обмер Б. С. и К. Б. Скобельцыных); *В* — церковь Михаила и Гавриила Архангелов в Кобыльем Городище, план; *Г* — церковь Георгия со Взвоза 1494 г. в Пскове (план по хорам)

ная алтарная преграда была ниже и лишь позднее была повышена. Действительно, М. В. Красовский свидетельствует, что иконостас церкви Георгия относился к концу XVII в. [6, с. 490], т. е. не был современен храму.

Первоначальные оконные проемы, щелевидные, с раструбом внутрь храма, сохранились лишь в абсидах и угловых палатках западного членения. Окна рукавов креста растесаны в XVII—XVIII вв. Сохранилось обрамление западной двери с покрытием «домиком». Высокий барабан прорезан шестью световыми проемами.

Фасады церкви Георгия расчленены на три прясла стройными лопатками, стянутыми двухуступчатыми лопастными арками. Наиболее вероятным представляется восьмискатное пофронтонное покрытие. В верхнем поле средних прясел, за исключением восточного фасада, расположены двухуступчатые нишки. В композиции восточного фасада основную роль играют абсиды. Средняя абсида — довольно высокая, она украшена валиковыми тягами, образующими аркатуру. Окна в абсиде расположены в два яруса. Декоративный пояс на абсидах заштукатурен. Декорацию барабана составляют бровки над окнами, пояс поребрик — бегунок — поребрик, пояс уступчатых ниш по верху барабана и под ним — пояс зеленых изразцов, наиболее ранний пример среди псковских керамических поясов [7, с. 211—213].

В целом декоративный «набор» церкви Георгия не отличается оригинальностью. Лаконичность фасадов подчеркивает изящество пропорций. Вытянутый барабан больше насыщен декором, и это создает эффект остановки вертикальных направляющих орнаментальными поясами.

На западном фасаде сохранился двухуступчатый портал, обрамленный валиком. К фасаду примыкает крыльцо на двух круглых столбах и двух полу-

Рис. 2. Церковь Георгия со Взвоза 1494 г. в Пскове. Вид с юго-востока

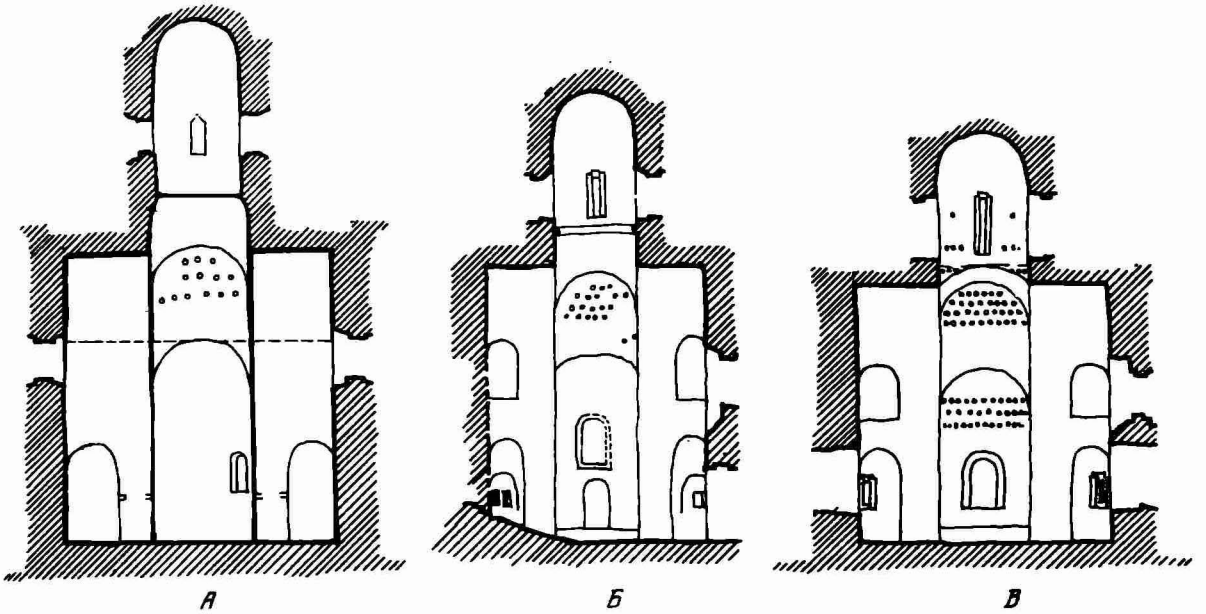


Рис. 3. Поперечные разрезы храмов. *А* — Георгия со Взвоза (обмер А. М. Павлинова); *Б* — Ильи в Выбутах (обмер В. А. Лебедевой); *В* — Михаила и Гавриила Архангелов в Кобыльем Городище (обмер П. П. Покрышкина)

столбах, утопленных в стену. Крыльцо перекрыто коробовым сводом. Западный фасад крыльца украшен композицией из трех двухуступчатых ниш. До 1825 г. с севера к храму примыкал придел Петра Митрополита, а с юга — притвор с двускатным покрытием и стоящей на нем звонницей, разобранный в 1831 г. [5, с. 7].

Таким образом, основной объем храма был дополнен тремя меньшими, что не мешало его доминирующей роли и подчеркивало его строгость и вертикализм. Среди псковских храмов середины — конца XV в. церковь Георгия выглядит наиболее изящной, законченной.

Отмеченными в описании фасадов храма чертами обладает и его внутреннее пространство. Низкие, затемненные угловые помещения первого яруса вводятся в главный неф скруглениями столбов. В верхнем ярусе пространство крестообразное (при невысоком иконостасе свод восточого рукава был открыт в интерьер), ребра его создают вертикальный эффект. Нерасчлененные гладкие стены лишь в люнетах и парусах перебиваются отверстиями голосников. Внутреннее пространство может быть расчленено на двустолпность нижней зоны и вертикально построенный крест верхней зоны, геометризм которого переходит в плавные очертания сводов рукавов креста. В нижней зоне восточные пространства отсечены алтарной преградой, а двустолпность включает в себя и угловые компартименты. В верхней зоне они выключаются из интерьера и их стены составляют крест, завершающий и осеняющий храм.

В перекрытии нет ступенчатости в переходе к барабану, отсутствие подпружных арок создает нерасчлененность, слитность пространства венчающей зоны. Эта слитность завершения подчеркивается световой однородностью. При ступенчатых или пониженных арках создаются сильные световые контрасты при переходе от сводов к барабану; при невыявленных подпружных арках этот переход выглядит легче, свободнее. Сходящиеся своды рукавов четко переходят в паруса и акцентируют внимание на логическом центре перекрытия — очень высоком световом барабане.

Как внутреннее пространство, так и фасады храма демонстрируют отточенность построения, прекрасное владение формой. По ясности и качеству композиции церковь Георгия со Взвоза следует отнести к лучшим памятникам псковской школы.

Ближайшей аналогией церкви Георгия со Взвоза является церковь Николая в погосте Верхний Мост в верхнем течении р. Череха (рис. 4). Сведений о времени ее постройки нет, впервые церковь упоминается в 80-х годах XVI в. в описях Псковского уезда [8, с. 174, 196, 198]. Этот храм имеет такие же размеры, как псковский памятник, подобную конструкцию и организацию фасадов. Планы памятников совпадают, за исключением того, что в Верхнем Мосту восточные столбы не скругленные, а Т-образные (рис. 1, *Б*). Церковь Николы, видимо, не имела пристроек (лопатки везде идут до низа стен), кроме западного крыльца, аналогичного крыльцу церкви Георгия. От крыльца в Верхнем Мосту сохранились полустолбы, примыкающие к западной стене. В решении внутреннего пространства Никольский храм также очень близок к Георгиевскому. Сходны расположения хор и лестницы на хоры, расположение придела в юго-западном компартименте. В юго-восточном компартименте отсутствует палатка ризницы, что создает несколько бóльшую прозрачность в восточной зоне. Интерьер храма украшают лишь пояса голосников в люнетах рукавов креста. Общая организация внутреннего пространства, его образность аналогичны интерьеру Георгиевского храма.

Фасады Верхнемостского памятника столь же сдержанны, как и в псковской церкви. Абсиды украшены валиковыми разводами, буквально совпадающими с декорацией абсид церкви Георгия со Взвоза, лопатки фасадов близки по ширине, в верхнем поле средних прясел — те же двухуступчатые нишки. Покрытие было, видимо, пофронтонным. Барабан имеет традиционный пояс: поребрик — бегунок — поребрик и пояс ниш. В поясе Никольского

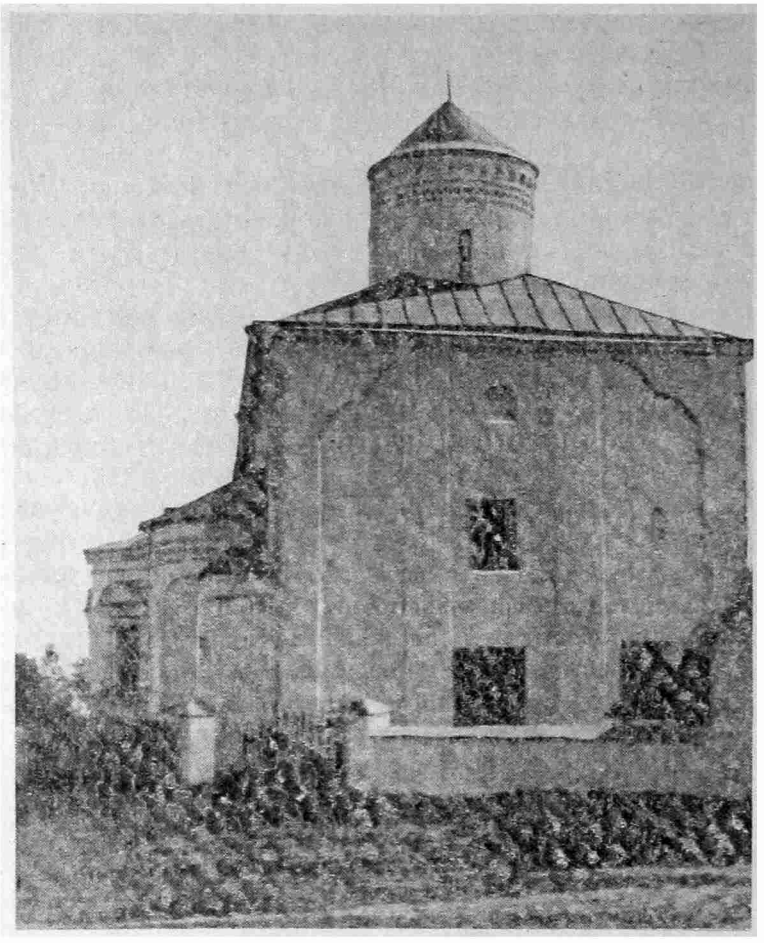


Рис. 4. Церковь Николая в Верхнем Мосту. Вид с севера

храма отсутствуют изразцы — единственное упрощение, наблюдаемое в этом погостском храме. Церковь в Верхнем Мосту является таким же законченным, «столичным» памятником, как и храм Георгия со Взвоза. Близость псковского храма и церкви Николая позволяет поставить вопрос об участии в постройке этих зданий одной строительной артели и датировать храм в Верхнем Мосту 90-ми годами XV в.

Судя по фотографиям, обнаруженным в фототеке ГНИМА [1], к исследуемой группе относится и храм Николы в погосте Красные Пруды Псковского уезда. Впервые он упомянут в летописи под 1490 г.: «В лето 6998. Бысть знамение оу святого Николы на Проуде погосте» [2, с. 224]. Храм упоминается и в описях 80-х годов XVI в. [8, с. 181, 196, 198]. Во время Великой Отечественной войны он был разрушен и представляет собой заросшую груду щебня. Однако по фотографиям удается установить, что это был трехабсидный четырехстопный одноглавый храм с подпружными арками, слитыми со сводами (рис. 5—7). На возможное наличие подклета указывают окно в северной боковой абсиде и высокое расположение южного портала. Храм имел близкое к исследуемой группе устройство внутреннего пространства: на фотографиях видны хоры и палатка лестничного всхода, пояса голосников в люнетах (рис. 7). На центральной абсиде — тот же псковский пояс бегунка и поребрика, но валиковые разводы имеют четыре близко поставленные тяги. Такой прием наблюдается лишь в абсиде церкви Козьмы и Дамиана с Примостья (1461—1462 гг.). Декорация барабана была утрачена при одной из перестроек. Южный портал храма, оформленный уступом и обрамляющим валиком, близок к наиболее

[1] Фототека ГНИМА: колл. II, № 619—622, 625, 627.

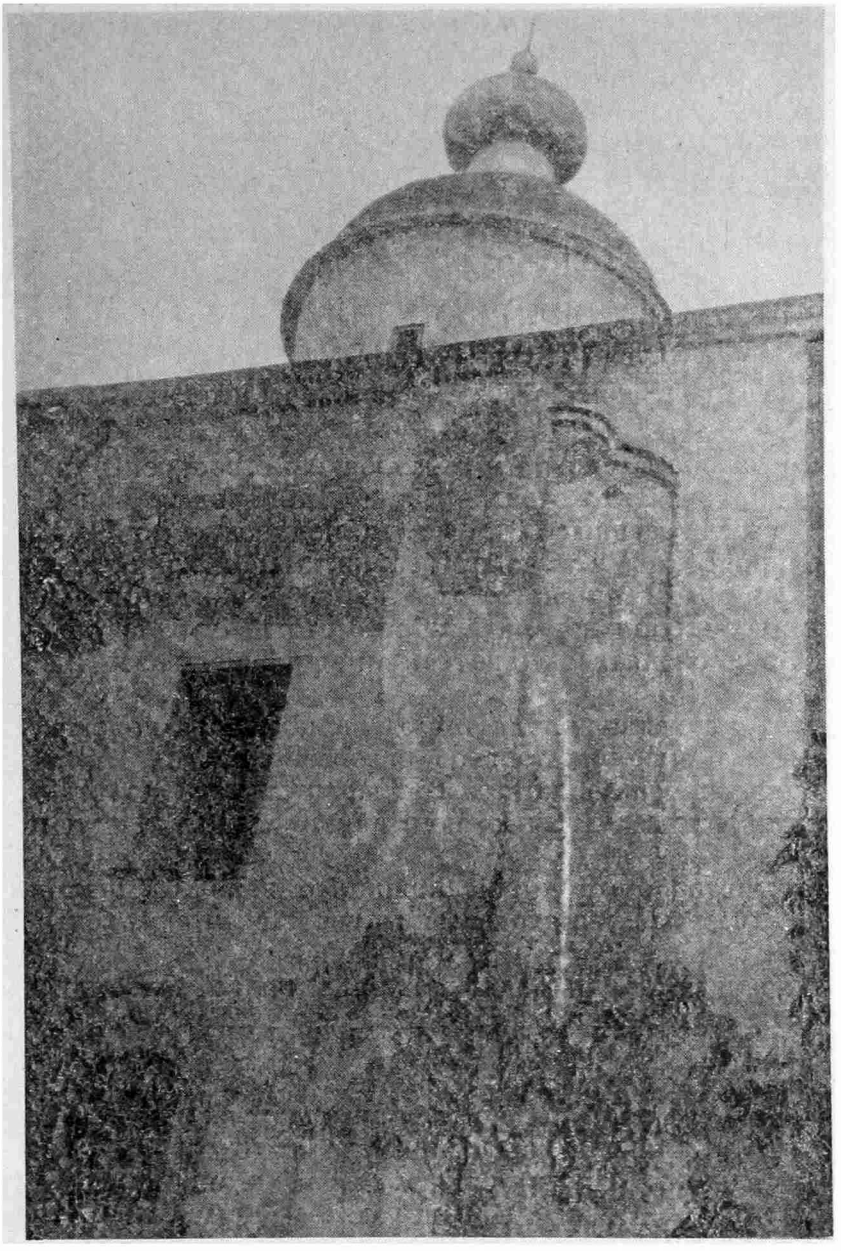


Рис. 5. Церковь Николая в Красных Прудах. Вид с юга. Фотография 1920-х годов

раннему образцу подобных порталов — западной двери церкви Георгия со Взвоза. По вертикальной построенности фасады церкви близки к фасадам церквей Георгия со Взвоза и Николая в Верхнем Мосту.

Церковь в Красных Прудах по основным особенностям — слитому своду в сочетании с трехабсидностью — может быть отнесена к кругу церкви Георгия со Взвоза. Отличительной ее чертой является подклет. Подклеты в псковской архитектуре характерны для XVI в., однако их появление относится к XV в.: в церкви Похвалы на Романихе 1466 г. зафиксировано каменное подцерковье [9, с. 79]. Достаточно осторожно памятник в Красных Прудах можно датировать 90-ми годами XV в. и связывать его постройку с появлением знамения в 1490 г. Большую точность может дать археологическое исследование памятника.

Церковь Михаила и Гавриила Архангелов в Кобыльем Городище (рис. 1, *В*; 2, *В*) подробно опубликована П. П. Покрышкиным, который указывал, что «ближайшим по сходству с описанным памятником является храм св. Геор-

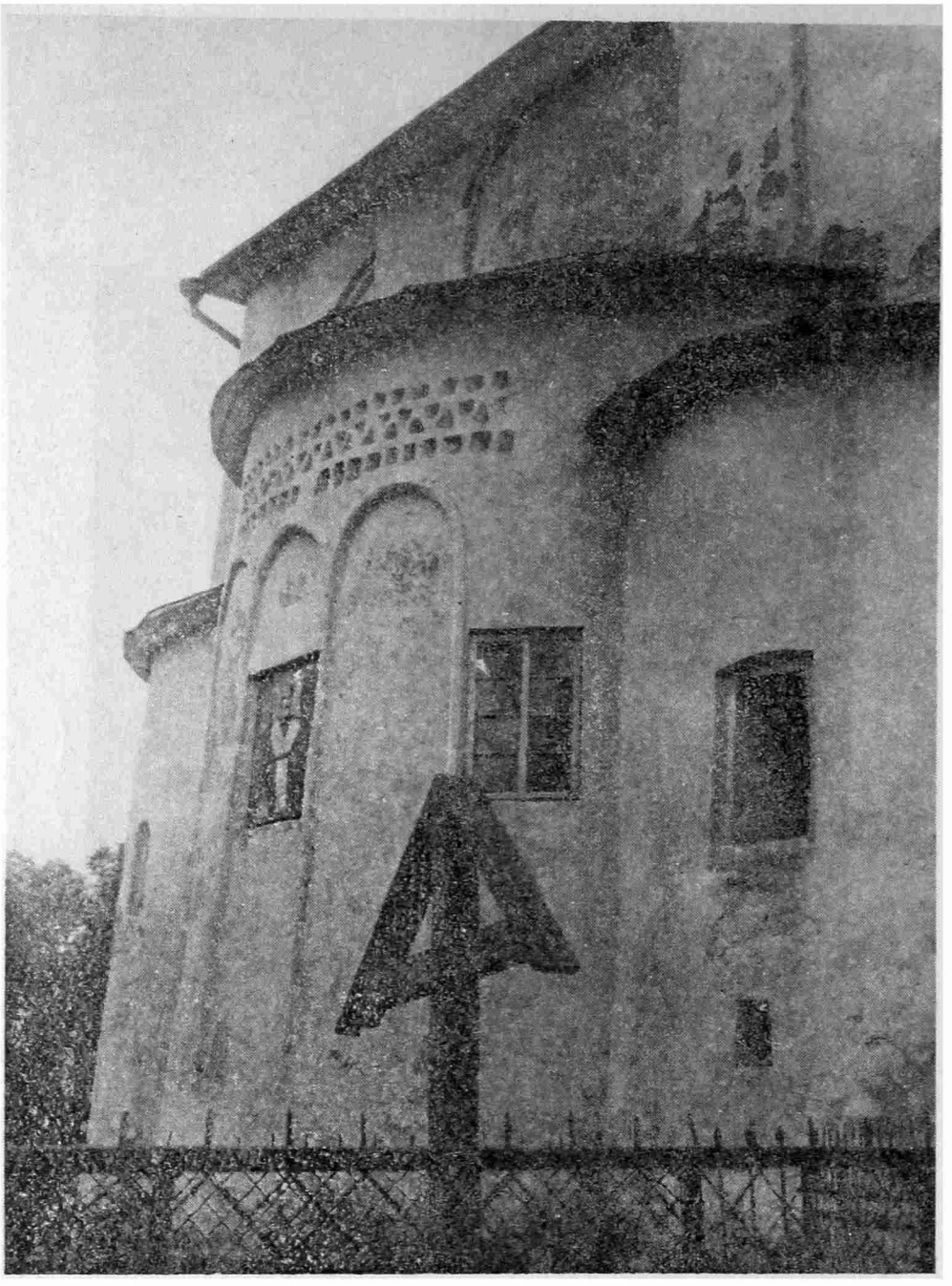


Рис. 6. Церковь Николая в Красных Прудах. Вид на абсиды. Фотография 1920-х годов

гия со Взвоза в Пскове» [10, с. 7]. Церковь в Кобыльем Городище имеет меньшие размеры, чем церкви Георгия со Взвоза и Николаевская в Верхнем Мосту (ее размеры 10×10, подкупольное пространство 2,8×2,8 м). Построение внутреннего пространства близко к интерьерам уже описанных памятников: здесь встречено то же скругление столбов, лестничный всход в северо-западном компартименте, палатка-придел в юго-западном, арочные перемычки во втором ярусе восточных угловых компартиментов. В Кобыльем Городище отсутствует ризница в юго-восточном компартименте, что сближает этот храм с церковью в Верхнем Мосту. Своды в храме Михаила и Гавриила Архангелов с невыявленными подпружными арками.

Памятник сохранил первоначальное восьмискатное покрытие. Декорация его фасадов стандартна: довольно узкие лопатки, стянутые двухступенчатыми лопастными арками. Абсиды и барабан украшают пояса поребрика и бегунка.

Рис. 7 Церковь Николая в Красных Прудах. Вид на своды. Фотография 1920-х годов

На барабане их дополняют надоконные бровки и пояс ниш. На центральной абсиде отсутствуют валиковые разводы, что вместе с некоторой тяжеловесностью фасадов придает храму черты упрощенности, провинциальности по сравнению с тремя описанными выше памятниками. Большим спокойствием, сдержанностью обладает интерьер храма. Пропорции памятника близки к пропорциям церкви Георгия со Взвоза, но довольно низкий барабан останавливает вертикальную направленность в интерьере и на фасаде храма.

Датировка церкви в Кобыльем Городище до сих пор вызывает сомнение. Хотя летопись под 1462 г. сообщает о построении церкви вместе с городом («а делаше его мастери псковские и с волощаны») [2, с. 150], однако материал постройки неизвестен. В 1480 г. Кобылье было взято немцами: «и взяша городок, и дом святого архангла Михаила и Гаврила плениша, а город огнем съжгоша и церковь и люди...» [2, с. 221]. На основании последнего сообщения,

а также анализа сообщений о плате за постройку 1462 г. Ю. П. Спегальский церковь в Кобыльем Городище относил к XVI в., а постройку 1462 г. считал деревянной [11, с. 200—201] Если со второй частью заключений Ю. П. Спегальского можно согласиться, то датировку храма Михаила и Гавриила Архангелов XVI в. следует решительно отвергнуть. В этом памятнике нет никаких черт, указывающих на XVI в., а близость к памятникам конца XV в. заставляет относить его к этому времени. После уничтожения укреплений в 1480 г. Кобылье (теперь уже городище) продолжало быть уездным центром Псковской земли. Строительство каменного храма в таком административном центре севера Псковской земли в 80—90-е годы XV в. сравнимо со строительством в погостах центра Псковского государства (в засадах Псковского уезда).

Сравнительная датировка описанных храмов неясна. Церковь в Кобыльем Городище по своей упрощенности может служить отправной точкой для последующей хронологии. Скорее всего этот храм является наиболее ранним из известных нам памятников и может быть датирован 80-ми годами XV в. Несколько более поздним временем — началом 90-х годов — может быть датирована церковь в Красных Прудах. Дата церкви в Верхнем Мосту относительно церкви Георгия со Взвоза 1494 г. может быть установлена двояко. Так как церковь Николая в Верхнем Мосту является почти полной копией церкви Георгия, она может быть сочтена повтором известного столичного памятника в провинции или предшествующим ему памятником, ступенью, после которой был поставлен городской храм. Более вероятным представляется второе предположение. Предлагая такую относительную хронологию, автор исходит из того, что для псковской архитектуры второй половины XV в. характерны накопление приемов, продвижение к более качественным образцам, а не вялое следование наиболее ярким памятникам. Поступательный характер развития псковской школы заставляет расположить памятники в описанном порядке (Кобылье Городище — Красные Пруды — Верхний Мост — Псков), при этом еще раз подчеркнув почти полное совпадение псковского и верхнемостского храмов.

Церкви исследуемой группы отличаются от памятников других течений псковской архитектуры второй половины XV в. Церкви 60-х годов (церковь Козьмы и Дамиана с Примостья 1461—1462 гг. и церковь Успения в Мелетове 1462—1463 гг.) отличны в плановых и конструктивных решениях. Сменяющий храмы 60-х годов тип церквей, совмещающий трехабсидность и использовавшиеся в 60-е годы повышенные подпружные арки (церковь Богоявления с Запсковья 1496 г. и церковь Николая в Устье конца XV в.), складывается уже в конце XV в. Несколько ранее — в 70-х годах XV в.— строится храм в Старой Уситве, совмещающий одноабсидность и повышенные подпружные арки.

Параллельны группе храмов круга Георгия со Взвоза с невыявленными подпружными арками, но одноабсидные и других пропорций — церкви Ильи в Выбутах и Рождества Христова в Новой Уситве (обе — конец XV в.). Помимо одноабсидности они имеют существенные отличия в построении внутреннего пространства. Церкви круга Георгия со Взвоза строятся в целом по псковской схеме, т. е. их подпружные арки находятся на высоте трех модулей (рис. 3, *А*). Но так как своды подняты на ту же высоту, что и подпружные арки, и слиты с ними, внутреннее пространство кажется более высоким, просторным в верхней зоне. Без барабана такое пространство в поперечном разрезе выглядит близким к квадрату. Если в церкви в Кобыльем Городище барабан довольно невысокий (рис. 3, *В*), то в церквах Георгия со Взвоза и Николая в Верхнем Мосту вытянутая «труба» барабана создает устремленность вверх в интерьере и вертикализирует пропорции фасадов. За счет этого приема, применявшегося и в новгородской архитектуре (ср. церковь Успения на Волотовом поле 1352 г.), достигается большая высота всего интерьера, он как бы концентрируется в средокрестье, являющемся смысловым центром внутреннего пространства. В церкви Ильи в Выбутах пространство построено по «новгородской» схеме: своды,

слитые с подпружными арками, находятся на высоте 3,5 модуля. Сам храм в поперечном разрезе вытянут вверх и представляет уже не квадрат, а прямоугольник (рис. 3, *Б*). При этом барабан пропорционален и не вытягивается.

Как видим, в XV в. среди храмов с невыявленными подпружными арками существуют две обособленные группы: храмы круга Георгия со Взвоза и храмы «типа Выбут» [12, с. 34, 35].

К храмам со слитыми сводами следует отнести церковь Ризоположения в Московском Кремле 1484—1485 гг., построенную псковскими мастерами. Этот храм, видимо, по условиям заказа имеет общие черты с московской архитектурой и лишь по характеру сводов (и некоторым деталям декорации) может быть отнесен к псковским памятникам. В церкви Ризоположения своды рукавов креста были продолжены и на образовавшемся квадрате, который меньше расстояний между столбами, водружен барабан. Как по конструкции, так и по декорации Ризоположенская церковь стоит особняком от современных ей псковских храмов.

Точных сведений о заказчиках церквей круга Георгия со Взвоза нет. Однако среди четырех указанных памятников три построены в сельских поселениях (два — в погостах Верхний Мост и Красные Пруды и церковь в уездном центре сельского типа — Кобыльем Городище). Только Георгиевский храм относится к городскому строительству. Обращает на себя внимание то, что храмы данной группы не связаны с монастырским строительством. Сопоставляя архитектуру исследуемых церквей с боярским строительством (церковь Козьмы и Дамиана с Примостья, церковь Успения в Мелетово) и с кончанским и общинным заказом (церковь Богоявления с Запсковья, церковь с Старой Уситве), можно предположить наличие особых вкусов у частных заказчиков, строивших храмы со слитыми сводами. Если храмы, близкие к Выбутам, уже не строятся в XVI в., то группа церкви Георгия со Взвоза находит продолжение в монастырских постройках XVI в. (церковь Воскресения со Стадища — около 1532 г., церковь Жен Мироносиц на Скудельнице — 1546 г.), а также в городском храме провинциального Острова (1543 г.). Предположительно заказчиком этих храмов в XVI в. можно считать местное население, сохранявшее традиционные вкусы. Указанные памятники XVI в. существенно отличаются от церквей XV в. Пользуясь такими косвенными данными, можно предположить существование группы заказчиков с особыми вкусами, влияние которых отразилось на создании аристократизирующей линии в псковской архитектуре последней четверти XV в. Среди храмов этой линии особенно выделяется церковь Георгия со Взвоза, представляющая приходский храм нового посада, может быть, менее связанный с устоявшимися вкусами старых концов Среднего города в Пскове.

Исследуемые храмы представляют значительный интерес как особая ветвь в сложении псковской архитектурной традиции. Их своеобразие предполагает особый круг заказчиков и, возможно, работу одной артели, которая развивает найденную типологическую схему от церкви в Кобыльем Городище к высокой образности церкви Георгия со Взвоза. В складывающихся накануне присоединения Пскова к Москве основных типах псковской школы храмы круга церкви Георгия со Взвоза занимают выдающееся положение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
2. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
3. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова в XIV—XV вв. М.: Наука, 1985.
4. *Романов К. К.* Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях // ИРАИМК. 1925. Т. IV
5. *Березский А.* Историко-археологический очерк псковоградского Георгиевского со Взвоза храма. Псков, 1887
6. *Красовский М. В.* Материалы по истории русской архитектуры. 1. Псков. Георгиевский со Взвоза храм // Зодчий. 1905. № 45—46.
7. *Плешанова И. И.* Псковские архитектурные керамические пояса // СА. 1963. № 2.
8. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. V. М., 1913.

9. Археологические работы в Пскове // ПИМК. 1933. № 9, 10.
10. *Покрышкин П. П.* Церкви псковского типа XV—XVI стол. по восточному побережью Чудского озера и на р. Нарове // ИАК. 1907. Вып. 22.
11. *Спегальский Ю. П.* Вариант псковского храма XVI века. Церковь Ильи Пророка в бывшем погосте Торошино // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М.: Наука, 1968.
12. *Седов Вл. В.* Типология каменных храмов псковских погостов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1986.

VI. V. SEDOV

THE CHURCHES OF THE 15th CENTURY FROM PSKOV OF THE ST. GEORGE ON VZVOZ TYPE

Summary

The author gives the analysis of some little known architectural monuments from Pskov typologically close to the St. George on Vzvoz church of 1494. This temple typologically and stylistically is connected to three other churches from different districts of Pskov (St. Michel Archangel in Kobylye Gorodishche, St. Nicolas in Verkhny Most and St. Nicolas in Krasnye Prudy). This fact gives the author a possibiiity of referring these monuments to a specific group dated to the end of the 15th century. All the temples of this group were probably built by a single artel. Some questions of dating of certain monuments of Pskov architectural school are raised.

Дискуссии

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, К. К. МАРЧЕНКО

СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ. ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ

Северное Причерноморье в структуре античной ойкумены отличается рядом культурных особенностей. Эти особенности приобретают черты исключительности, даже уникальности, если принять во внимание тот факт, что здесь на протяжении многих веков в прямой контакт вступали не только стадиально отличные, разноформационные общества, стоявшие на различных уровнях социально-экономического развития, но и общества различных хозяйственно-культурных типов: кочевники-скотоводы, с одной стороны, и пашенные земледельцы в лице жителей греческих апойкий северных берегов Понта и автохтонного оседлого населения региона — с другой. Основным и самым непосредственным результатом взаимодействия всех этих сил стало возникновение здесь весьма своеобразной культурно-исторической системы, длительное существование которой наложило неизгладимый отпечаток на всю историю Северного Причерноморья. Вскрытию механизма образования и функционирования этой системы на протяжении скифской эпохи и посвящается настоящее исследование.

Хорошо известно, что географическое положение и природно-климатические условия региона во многом предопределяют характер и генеральную направленность протекавших на его территории культурно-исторических процессов. В этом отношении прежде всего необходимо заметить, что Северное Причерноморье являлось органической частью Великого евразийского пояса степей и что, таким образом, здесь имелись все основания предпосылки для ведения скотоводческо-кочевнического образа жизнедеятельности. Вместе с тем столь же очевидно и то, что аридная зона рассматриваемого региона была по сути дела всего лишь крайне западным, т. е. завершающим (тупиковым), отрезком степей, плотно охваченным к тому же с севера, запада, юго-востока обширными гумидными областями. Такая ситуация естественным образом придавала значительную специфику существовавшей здесь среде обитания. Она явно благоприятствовала установлению непосредственных и самых тесных контактов номадов с земледельцами. Этому же в немалой степени благоприятствовали наличие моря вдоль южной кромки степного коридора и существование многочисленных и весьма развитых водных систем, пересекавших этот коридор в субмеридиональном направлении. Сходную роль могло играть, наконец, и то обстоятельство, что в структуре самой аридной зоны Северного Причерноморья, главным образом в ее приморской части, имелся целый ряд довольно обширных экологических анклавов (ниш), например Прикубанье, дельта Дона, южный Крым, Днепро-Бугский лиман и т. д., обладавших вполне приемлемыми условиями для постоянного функционирования там оседлых этносоциумов.

Говоря теперь о природно-климатической составляющей применительно к скифской эпохе, следует вместе с тем иметь в виду, что развитие номадизма в евразийских степях протекало в то время на фоне обширного похолодания, охватившего период в несколько столетий — IX—V вв. до н. э. [1, с. 66, 67].

© Ю. А. Виноградов, К. К. Марченко, 1991 г.

Нельзя исключить также, что связанное с этим похолоданием усыхание аридной зоны Евразии могло явиться одним из факторов, приведших в конечном счете к значительному усилению подвижности хотя бы и части кочевых общностей, вынужденных в этих условиях искать для себя более благоприятную среду обитания. Важно заметить, однако, что обрисованное выше географическое своеобразие конкретно Северопричерноморского региона позволяет предполагать, что он не мог быть основным центром формирования номадизма как вполне специфического хозяйственно-культурного типа жизнедеятельности скотоводов; последний, вероятнее всего, находился гораздо восточнее — на территории Центральной Азии и Сибири. Более того, принимая во внимание это своеобразие, можно думать, что время от времени проникавшие сюда с востока номады по прошествии относительно непродолжительного периода завоевания «новой родины» закономерно вступали здесь в полосу кризиса кочевого хозяйства.

Перейдем к характеристике самого культурно-исторического процесса, протекавшего в Северном Причерноморье в скифскую эпоху. Еще сравнительно недавно история этого региона рассматривалась по большей части дискретно: отдельно — греческие государства и отдельно — варварская периферия. Стремление усматривать здесь тесную взаимосвязь проявлялось в историографии эпизодически или чаще всего просто декларировалось. Ход культурно-исторического развития греческих колоний при этом исследовался обычно в рамках традиционного деления античной истории или в границах частных периодизаций, а особенности развития местных племен вообще трактовались, как правило, в пределах условных хронологических рамок (например, VII—VI, VI—V, IV—III вв. до н. э.). О попытке иной, единой периодизации (см. [2, с. 103—104]) сейчас вспоминается сравнительно редко.

Если же оценивать культурно-историческое развитие региона как единый процесс, то в этой общей, динамично изменявшейся во времени системе необходимо выделить прежде всего три основные подсистемы: кочевые общества степей, античные государства и оседлые и полуоседлые потестарные образования лесостепей. Вполне очевидно также, что каждая из названных подсистем обладала спецификой, только ей присущими особенностями и закономерностями развития. Равным образом очевидно, однако, и то, что, входя в систему взаимоотношений региона, любая из них так или иначе влияла на другие и в свою очередь испытывала обратное влияние.

В плане развития контактов и взаимодействий в этой тройственной системе наибольшее значение, безусловно, имели две первые составляющие. Это прежде всего кочевые объединения, способные в силу мобильности и ударной мощи в течение продолжительных отрезков времени определять военно-политическую, а следовательно, в значительной степени и экономическую обстановку на обширных территориях, прилегающих к степному коридору, и, во-вторых,— античные центры, активно влиявшие на варварскую периферию в хозяйственном, культурном, политическом и даже идеологическом аспектах. В теоретическом плане, таким образом, вполне естественно допускать существование достаточно жесткой хронологической сопряженности спонтанной трансформации какой-либо из вышеназванных подсистем с кардинальным изменением всего механизма их взаимодействий и тем самым с изменением положения и значимости отдельных частей в самой системе и для системы. Следует думать, что такая взаимозависимость составляющих систему в принципе предоставляет в руки исследователя достаточно гибкий и совершенный инструмент построения общей периодизации истории региона.

Огромная работа, проделанная отечественными антиковедами и скифологами, позволяет ныне достаточно объективно представлять общий характер, генеральную тенденцию и основные формы интересующих нас взаимовлияний, дает понимание роли, которую они сыграли в культурном и социально-экономическом развитии юга нашей страны. Вместе с тем к важнейшим достижениям

советской антиковедческой науки в целом следует отнести и осознание исключительной многогранности и противоречивости самого процесса этих влияний [3, с. 12]. Именно указанная многогранность, равно как фатальная неполнота и специфика историко-археологических документов, создавали значительные препятствия на пути построения приемлемо обоснованной общей периодизации истории Северного Причерноморья скифской эпохи. Особые сложности при этом, как известно, возникают в сфере синтеза фактов «молчаливой» археологии и разрозненных справок античной литературной традиции.

Одной из дополнительных, субъективных, если так можно выразиться, причин существующих трудностей являются, на наш взгляд, отсутствие вполне самостоятельной на сей счет разработки материалов самой археологии и, как следствие, неоправданно прямолинейное сопоставление ее данных с данными письменных источников. Следует заметить к тому же, что в таком сопоставлении отдельным, вырванным из контекста свидетельствам материальной культуры скифской эпохи отводится, как правило, сугубо вспомогательная роль: служить дополнением, подсветкой или простой иллюстрацией того или иного сообщения древних авторов.

Вместе с тем не приходится сомневаться, что констатируемая ситуация — столь явная недооценка исторического потенциала археологии — не может считаться ни методически правильной, ни тем более отвечающей требованиям дня. В настоящее время есть все основания полагать, что хронологически ограниченные сочетания разнообразных по своей сути, но одинаковых по тональности фактов археологии раннего железного века, фактов, охватывающих все главные части рассматриваемой системы, в принципе могут служить вполне надежной первичной базой построения полнокровной исторической периодизации. Более того, следует думать, что как раз последние достижения античной и скифо-сарматской археологии: массовые раскопки скифских курганных некрополей в степной зоне, возможность более узкой датировки целого ряда важнейших памятников VIII—III вв. до н. э., но прежде всего результаты широких исследований хоры античных государств — и позволяет ныне подойти к созданию такой базы. При этом, разумеется, необходимо отдавать себе полный отчет в том, что временные границы периодизации, сознательно созданной исключительно на основе археологических реалий, изначально условны и несколько размыты. Одним из важнейших, на наш взгляд, методических принципов такой работы должен являться отказ от прямого использования дошедшего до наших дней фонда сообщений античной литературной традиции. Следует думать, что его привлечение возможно лишь на заключительной фазе исследования и до проведения дополнительного анализа письменных документов и справок в той только мере, в коей они не вступают в явное противоречие с хронологически сгруппированными и критически осмысленными данными археологии.

Исходя из вышеизложенных посылок и основываясь на всей совокупности археологических материалов и наблюдений, историю Северного Причерноморья скифской эпохи можно разделить ныне на пять основных периодов [1]

Первый и наиболее ранний период скифской эпохи охватывает вторую половину VIII — середину VII в. до н. э. [4, 5]. Есть веские основания полагать, что в это время в Северное Причерноморье с востока перемещается несколько орд номадов — носителей так называемой раннескифской культуры. Среди последних, по всей видимости, оказались и скифы, ставшие вскоре известными на Ближнем Востоке ассирийскому царю Ассархаддону как союзники Страны Манеев [6, № 65]. Данное обстоятельство, несомненно, привело к кардинальному изменению всей военно-политической, демографической и культурной ситуации в регионе. Оно, очевидно, полностью дестабилизировало сложившийся здесь ранее баланс сил и отношений. Можно думать, что одним из наиболее

---

[1] Априорно следует допускать, что в дальнейшем возможно и иное, например более дробное, деление эпохи.

ярких и одновременно первых следствий этих радикальных изменений было появление в восточной Анатолии еще в конце VIII в. до н. э. одного из новых кочевых этносоциумов Северного Причерноморья — киммерийцев, нанесших в 715/14 г. тяжелое поражение урартскому царю Русе I [7, № 50, 8, 10, 11]. Не позднее середины 70-х годов следующего столетия в северо-западные районы Ирана, на границу с Ассирией, проникают и сами скифы, ставшие с этого времени, как и киммерийцы, одним из существенных факторов военно-политической обстановки на Древнем Востоке. Впрочем, как известно, окончательно закрепиться северным номадам в этом богатейшем регионе с многочисленным и хорошо организованным оседлым населением в конечном счете все-таки не удалось.

Другое дело — Северное Причерноморье. Здесь, безусловно, у новых кочевых орд не оказалось сколько-нибудь значительных противников ни среди жителей степной полосы, ни тем более среди относительно более слабых догосударственных оседлых и полуоседлых образований лесостепных областей Украины и предгорий Северного Кавказа. Одним из основных результатов такого благоприятного для пришельцев соотношения сил стал довольно быстрый и, по всей видимости, сравнительно легкий захват ими буквально всех наиболее благоприятных в это время в природно-климатическом и демографическом отношениях районов под заселения. Важно отметить, что все эти районы находились за пределами собственно степного коридора. В их числе в первую очередь необходимо назвать Прикубанье, на территории которого уже в середине VII в. до н. э. (если не раньше!) фиксируются явные признаки образования первых родовых кладбищ номадов, свидетельствующих в пользу относительной стабилизации обстановки в Предкавказье [8, с. 53]. Практически одновременно еще одна орда кочевников проникает в районы Днепропетровского Правобережья, а чуть позже номады закрепляются и на левом берегу Днепра, в Посулье [9, с. 307, 308]. Наиболее отдаленными территориями расселения кочевников этого времени, находящимися за пределами собственно Северного Причерноморья, становятся, наконец, внутрикарпатское пространство, так называемое Семиградие [10], на западе и Волго-Камское междуречье на северо-востоке.

Есть некоторые основания полагать, что во время завоевания «новой родины» номады раннескифского периода вовсе не преследовали цели тотального вытеснения или истребления автохтонного населения. Анализ археологических материалов Северного Причерноморья свидетельствует скорее, что последнее частично было просто инкорпорировано в политическую и социально-экономическую структуру пришельцев [11]. Судя по грандиозности и богатству уже самых ранних погребальных сооружений VII в. до н. э. лесостепных районов Украины и особенно Предкавказья, кочевники этого времени образовали верхний пласт, своего рода аристократию, в социальной структуре новых скотоводческо-земледельческих общественных образований Понта. С этого времени здесь, по всей видимости, начался процесс культурной интеграции завоевателей и аборигенов, естественным образом сопровождавшийся постепенным отмиранием номадизма.

Принципиально новый (второй) период в истории Северного Причерноморья начинается с середины VII в. до н. э. Помимо означенной относительной стабилизации в регионе он был ознаменован появлением на северном побережье Понта греческих колоний. Как хорошо известно, самая ранняя из них — поселение на о-ве Березань — Борисфен была основана еще в 647/6 г. до н. э. Позднее, в начале следующего столетия, сюда были введены Ольвия, Пантикапей и др. Таким образом, именно на этом этапе складывается охарактеризованная выше трехчленная система отношений. Для правильного понимания общей ситуации в Причерноморье при этом принципиальное значение имеет факт беспрепятственного, т. е. явно не отягченного внешними факторами, выведения греческих апойкий на северный берег Понта [12, с. 370] с последующим их бурным

развитием, выразившимся, в частности, в свободном освоении обширных сельских территорий в окрестностях античных колоний Нижнего Побужья [13, 14] и Поднестровья [15].

Отсутствие сколько-нибудь заметных в археологическом отношении родовых кладбищ номадов, равно как и сама крайняя малочисленность погребений кочевников в степной зоне Северного Причерноморья вплоть до V в. до н. э. [16, 17], заставляет предполагать, что этот регион во второй половине VII и большей части VI в. до н. э. был местом обитания относительно небольших групп скифов. Основные центры скотоводов на этом этапе, как мы старались показать выше, находились в Предкавказье и лесостепных районах Причерноморья.

Следует заметить, правда, что в первом приближении возможна и иная интерпретация только что изложенных фактов. В соответствии с ней малочисленность скифских памятников в степи может быть объяснена, и зачастую объясняется, особенностями самого кочевого общества, которое в это время будто бы находилось на стадии нашествия, т. е. завоевания и освоения родины, когда все население двигалось без стабильных маршрутов и еще не определились места постоянных зимников и летних стойбищ [18, с. 232, 233; 19, с. 19] С таким решением вопроса, однако, согласиться трудно. Помимо вышеизложенных соображений ему явно противоречит отмеченный ранее расцвет оседлой жизни в лесостепной зоне региона и окрестностях греческих колоний. Дополнительным и очень серьезным аргументом против данной интерпретации является, на наш взгляд, тот факт, что в этот период степной коридор был доступен для передвижения в меридиональном и даже широтном направлениях. Наиболее яркими археологическими свидетельствами именно такого, т. е. относительно стабильного, положения дел в степи, как известно, служат значительный и все возрастающий во времени греческий импорт в лесостепные районы Понта [20], присутствие вплоть до начала V в. до н. э. выходцев из числа оседлого населения Северного Причерноморья и Карпато-Дунайского бассейна в составе жителей сельских поселений Нижнего Побужья [21, с. 153, 154] и Поднестровья [15, с. 16; 22, с. 28, 29] и, очевидно, не раз уже отмеченная в историографии близость целого ряда элементов материальной культуры населения Среднего Поднепровья и Предкавказья. Следует предполагать, таким образом, что контроль кочевников над греческими апойкиями и, как бы это ни звучало парадоксально, в известном смысле степью во второй половине VII — первой четверти V в. до н. э. был, скорее всего, номинальным.

Указанная точка зрения, впрочем, вовсе не означает отрицания существования во второй половине VII — первой четверти V в. до н. э. самых различных, например экономических и культурных, форм контактов степняков со своими соседями [23, с. 9—11]. Более того, в этот период допустимо предполагать и наличие каких-то договорных отношений, тех или иных форм необременительной дани скифам. Последнее, как представляется, в большей степени было характерно для колоний Боспора Киммерийского, географически очень близких к зоне обитания скифов в Предкавказье. Не исключено к тому же, что через данный район проходил один из маршрутов регулярных передвижений какой-то части скотоводов из лесостепного Поднепровья в Прикубанье [24]. По этой причине можно полагать, что влияние скифов на развитие греческих колоний Боспора было более сильным, чем, скажем, в Ольвии.

Третий период истории Северного Причерноморья скифской эпохи — начало второй четверти V — последняя треть этого же столетия. Судя по археологическим данным, состояние относительной стабильности, мирного положения дел в регионе начало заметно меняться только с конца VI в до н. э. или даже в начале следующего столетия. Наиболее существенной предпосылкой трансформации ранее сложившегося соотношения сил, по всей видимости, стало усиление кочевого элемента, связанное с увеличением его численности. Такому увеличению, вероятно, содействовали сразу два фактора: во-первых, естественный прирост населения в степи и, во-вторых, что особенно важно, появление

здесь пришельцев. Первый фактор, как представляется, был обусловлен вполне благоприятной мирной обстановкой в Причерноморье, а также началом периода, связанного с потеплением и увлажнением климата в аридной зоне. Второй же определяется передвижением в Северное Причерноморье новых орд кочевников с более восточных территорий Евразийской степи, а не только из района Северного Кавказа, как сейчас принято считать [16, с. 100, 101]. Следует заметить сразу, что эти последние хотя и принесли с собой несколько иную, нежели у их предшественников, культурную традицию, однако эти отличия были, по всей видимости, столь незначительными с точки зрения ионийцев, а образ жизни — столь схож, что и на них вскоре был распространен экзоэтноним «скифы». Как бы там ни было, но второй фактор, несомненно, стал главной причиной фиксируемого всеми группами источников усиления агрессивности номадов, которая проявилась в их военно-политической экспансии на Балканы (Herod., IV, 40), и, надо думать, междоусобных столкновений. Прогрессирующее возрастание напряженности в Северном Причерноморье во второй четверти V в. до н. э. вылилось в род баранды.

С этого времени негативные явления проявляются практически повсеместно, т. е. во всех сопредельных со степью районах Понта. В конце первой — начале второй четверти V в. до н. э. отмечается резкое сокращение жизнедеятельности на сельскохозяйственных территориях античных государств. Прекращают существование многочисленные стационарные сельские поселения в окрестностях апойкий Нижнего Побужья [13, с. 142; 14, с. 7] и Поднестровья [15, с. 18]. Греческие колонии, безусловно, столкнулись в этот период со значительными трудностями военно-политического и отчасти экономического характера. Античные центры Боспора, объединив свои усилия, судя по всему, сумели противостоять скифскому натиску [12, с. 398 сл.; 25]. В ином положении находились другие — географически более или менее изолированные друг от друга эллинские колонии региона: Ольвия и, весьма вероятно, Никоний и Тира. Как представляется, они оказались в той или иной степени в зависимости от номадов [12, с. 400, 402—404; 13, с. 142, 143]. Сходная ситуация в это же время, по всей видимости, возникла и в западной части Крыма с ионийской Керкинтидой [26, с. 8], небольшая же дорийская колония на месте будущего Херсонеса вообще была вынуждена заморозить свое развитие вплоть до конца V в. до н. э. [26, с. 8, 9]

Практически одновременно заметно усиливается военное давление новых кочевых орд, продвинувшихся в южнорусские степи и на лесостепные территории Северного Понта, где, судя по всему, в это время возникает один из основных очагов сопротивления, длительное время успешно противодействовавший их экспансии. Лишь к середине V в. до н. э. здесь появляются явные признаки нарастающего кризиса, выразившегося прежде всего в существенном сокращении следов жизнедеятельности местного скотоводческо-земледельческого населения и очевидном ухудшении его благосостояния. В археологическом представлении эти тенденции наиболее четко прослеживаются ныне на памятниках приграничных районов лесостепной зоны Днепровского Правобережья и Подолии [9, с. 266, 294, 299, 365; 27, с. 111—113].

К настоящему времени в отечественном антиковедении почти безраздельно господствует точка зрения, согласно которой непосредственной побудительной причиной, своего рода катализатором, столь кардинального изменения всей обстановки в Северном Причерноморье была победа кочевников в войне с Дарием, вызвавшая усиление их «национального» самосознания и политических амбиций [12, с. 399; 13, с. 142; 28, с. 29; 29, с. 108]. Такая точка зрения представляется неубедительной хотя бы по хронологическим соображениям. Археологические материалы, и прежде всего хорошо датируемые комплексы античных поселений северо-западной части Причерноморья, отчетливо фиксируют наступление серьезных перемен в регионе минимум через 40 (!) лет после скифского похода персов. Эти же данные определенно свидетельствуют и в пользу относительно медленного, т. е. растянутого во времени и пространстве, развития неблаго-

приятных тенденций в отношениях скифов со своими соседями. Весьма примечательным в этой связи представляется и то, что первые признаки нестабильности военно-политической и демографической обстановки появляются сначала, по всей видимости, как раз на крайнем востоке степного коридора Причерноморья — в Северо-Восточном Приазовье, где уже на рубеже VI—V вв. до н. э. или в самом начале V в. до н. э., т. е. почти на четверть века раньше запустения территории Нижнего Побужья и Поднестровья прекращает существование так называемое Таганрогское поселение греков, а за пределами дельты Дона практически полностью исчезают погребения кочевников [30, с. 12].

Но дело не только или, точнее, не столько в этом. Сам факт отсутствия сколько-нибудь выраженного в археологическом отношении центра кочевых скифов в Северо-Западном Причерноморье вплоть до середины V в. до н. э. [9, с. 359], равно как и отсутствие каких-либо следов военных действий (пожаров, разрушений и т. п.) на площади всех мало-мальски раскопанных сельскохозяйственных поселений конца VI в. до н. э. Нижнего Поднестровья и Побужья, вообще ставит под сомнение правдоподобность глубокого и массированного проникновения персов Дария в степную зону региона, а следовательно, в конечном счете и предполагаемую силу воздействия военных действий кочевников на их общество [31, с. 23; 32, с. 50—53] [2].

Еще более спорным представляется взгляд на события V в. до н. э. в русле целенаправленной и чуть ли не планомерной политики Скифского царства [12, с. 399—400; 33, с. 66]. Естественно, мы не исключаем того, что на отдельных этапах степь или ее значительные части могли объединяться под руководством одного вождя или рода. Следует подчеркнуть, однако, что такие объединения в условиях явного отсутствия сколько-нибудь значительной социально-экономической стратификации скифов степной зоны Северного Причерноморья VI и большей части V в. до н. э. вряд ли были долговременными. В принципе существование политически единой кочевой Скифии от Дона до Дуная на сколько-нибудь продолжительных хронологических отрезках представляется по меньшей мере весьма проблематичным [3] Речь в данном случае чаще всего должна идти, пожалуй, о ином — о военно-политическом преобладании одной орды номадов над другими. Вполне возможно предположить также, что археологическим, материальным, если так можно выразиться, отражением именно такого, т. е. относительно раздробленного, состояния кочевого общества региона этого и даже более позднего периода является наличие в степи нескольких больших, более или менее компактных, культурно близких, но отнюдь не тождественных групп памятников скифов, например в дельте Дона, Северо-Восточном Приазовье и Поднепровье.

Археологические материалы середины и особенно второй половины V в. до н. э. вполне надежно фиксируют постепенное формирование совершенно новой ситуации в регионе. Наиболее показательной новацией оказывается образование в степи родовых кладбищ номадов, включающих в себя богатые захоронения скифской знати [4]. Весьма показательно, что условия для зарождения такой тенденции раньше всего возникли опять-таки на крайнем востоке региона, в дельте Дона, где постоянный некрополь кочевой знати, так называемый Елизаветовский могильник на Дону, начинает формироваться еще во второй четверти V в. до н. э. [36, с. 380].

Можно думать, что постепенное «замирание» степи, установившей в третьей четверти V в. до н. э. свой диктат в регионе, стало главной предпосылкой общей стабилизации обстановки, очередного радикального изменения всей си-

---

[2] Напомним, что краткая версия похода персов на Скифию находит свою поддержку в сообщении Страбона (VII, 3, 14).

[3] Напомним, кстати, что об отсутствии единства у скифов, по крайней мере во второй половине V в. до н. э., сообщает такой авторитет, как Фукидид (II, 79).

[4] В их числе назовем Чабанцеву Могилу, Первую Завадскую Могилу, Раскопану Могилу, курган Бабы, Большой Знаменский курган и т. д. [9, с. 99—101; 16, с. 21 сл.; 34, с. 70 сл.; 35, с. 285].

стемы взаимоотношений в Северном Причерноморье. Начался период планомерной внеэкономической эксплуатации оседлого и полуоседлого населения со стороны кочевой скифской аристократии. Этот период, как представляется, продолжался вплоть до конца IV в. до н. э. В целом для него характерны новый подъем хозяйственной и культурной жизни на всей рассматриваемой территории, относительно мирные контакты и связи всех трех подсистем.

Начало нового, четвертого периода кроме указанных явлений в степной зоне отличается фиксируемой именно с последней трети V в. до н. э. эллинской реколонизацией сельскохозяйственных территорий Северо-Западного Понта [37; 38, с. 101], а чуть позднее — и Северо-Западного Крыма [39, с. 166]. С этим же рубежом в принципе может быть связано выведение Херсонеса в Крым [40, с. 257] и приход к власти Спартокидов на Боспоре (Diod., XII, 31, 1).

Следует сразу подчеркнуть, что результаты определенной стабилизации отношений в различных подсистемах имели, по-видимому, свои особенности. Так, можно думать, что население если не большинства, то уж во всяком случае значительной части лесостепных районов Северного Понта в общем не смогло достичь былого развития, хотя в это время здесь и появляются явные признаки оживления культурной и хозяйственной жизни [5]. Как представляется ныне, объяснение данному факту нужно искать в сравнительно слабой экономической и социально-политической базе племен этой зоны, с одной стороны, и в усиленной внеэкономической эксплуатации их кочевниками — с другой.

Иное дело — античные центры региона. В это время они достигают наивысшего уровня расцвета и активно распространяют свое влияние по всем направлениям. Именно в это время оно становится максимальным, при этом наибольшее воздействие греческой культуры фиксируется как раз в степном коридоре. В общем как старые, так и недавно полученные археологические материалы с полной очевидностью доказывают ту истину, что IV в. до н. э. является благословенным временем для эллинства на Черном море [41, с. 93].

Что касается степной зоны Северного Причерноморья, то необходимо признать, что количество археологических памятников здесь в IV в. до н. э. в сравнении с предшествующими периодами представляется просто огромным [17, с. 345].

Несомненно, накопленные ныне материалы такого рода с течением времени могут стать хорошей базой для социологических, палеоэкономических реконструкций и особенно демографических оценок. Пока же в этом направлении делаются только первые шаги. К примеру, попытка использования данных письменной традиции (Herod., IV, 81) для подсчета населения Скифии показала их полную для этого непригодность [6]. Реконструкции же, базирующиеся на собственно археологических материалах, как кажется, явно завышают картину численности населения [43]. В принципе они мало согласуются с тем бесспорным фактом, что для нормального функционирования экономической системы кочевых или даже полукочевых обществ нужны значительные пространства пастбищ, которые лимитируют как рост численности стад, так в конечном итоге и народонаселения степей. Есть основания полагать, что для содержания стада, необходимого для поддержания жизни в степи только одного человека, требовалось до 180—190 га пастбищ [44, с. 66].

Важно отметить, что в Скифии в это время окончательно выделяется несколько центров. Это дельта Дона, Северо-Восточное Приазовье, Крым и, разумеется, наиболее крупный из них — Поднепровье. «Аристократия» каждого из этих

---

[5] Наиболее показательным в этом смысле, пожалуй, является район Посулья, где одновременно с очевидным и значительным сокращением общего числа погребений местных жителей со второй половины — конца V в. до н. э. появляется серия сравнительно более богатых, чем прежде, захоронений, содержащих наряду с греческим импортом и предметы из золота [9, с. 314, 315, 325—328].

[6] На поверку оказалось, что число скифов, проживавших в Северном Причерноморье при царе Арианте, должно было находиться в промежутке от 3 до 13 млн. человек, что представляется просто невероятным (см. [42]).

центров явно заинтересована в связях с эллинскими государствами, получая от этого немалые выгоды в форме регулярной дани, подарков и в результате торговли. Разумеется, она в немалой степени способствовала развитию этих связей.

Приведенные факты не должны заслонять от нашего внимания тех негативных последствий именно для номадов, которые закономерно возникали в результате саморазвития всей системы в целом. Все говорит о надвигающемся в это время кризисе кочевого хозяйства. В результате все углубляющегося имущественного и социального расслоения последовательно расширяется и к середине IV в. до н. э. достигает значительных масштабов оседание номадов на землю. Наиболее ярко эти процессы помимо Поднепровья прослеживаются ныне в дельте Дона. Именно здесь, на восточной границе Скифии, в середине — второй половине IV в. до н. э. функционирует крупное стационарное поселение с торгово-ремесленной ориентацией экономики, так называемое Елизаветовское городище на Дону, которое с некоторыми оговорками может быть причислено к категории городских центров региона [45, с. 211 сл.]. Заметим также, что в структуру этого городища во второй половине IV в. до н. э. входила и небольшая колония Боспора — своего рода отдельный греческий квартал.

В результате обозначенных процессов нарушается традиционная система кочевнического общества, что, безусловно, вело к военно-политическому ослаблению скифов (ср. [46, с. 24, 25]). В этом смысле время возведения наибольшего количества так называемых царских курганов (вторая половина IV в. до н. э.) можно назвать «золотой осенью» Скифии.

Смертельный удар по внутренне ослабленной Скифии, как представляется, был нанесен на рубеже IV—III вв. до н. э. новой волной кочевников — сарматскими племенами [47, с. 42—54]. В конечном итоге он привел к значительно более глубокому, нежели в V в. до н. э., кризису всей системы в целом, постепенной дестабилизации каждой из трех выделенных подсистем. Начался пятый и последний период скифского или, правильнее сказать, уже скифо-сарматского времени. С нашей точки зрения, этот период охватывает рубеж IV—III — середину III в. до н. э.

Первым следствием радикального изменения военно-политической обстановки стало, по-видимому, полное уничтожение культуры кочевой знати скифов, выразившееся, в частности, в исчезновении скифских «царских» курганов [48, с. 35—38]. Практически одновременно с этим в степи исчезают и родовые могильники номадов.

Весьма показательным в этом же смысле оказывается, наконец, и прекращение в начале III в. до н. э. функционирования крупнейшего поселения степняков на восточном рубеже Скифии — так называемого Елизаветовского городища [36, с. 394, 395]. Иными словами, создается впечатление, что на вторжение новой волны кочевников отреагировал прежде всего степной мир Причерноморья. Вместе с тем не подлежит сомнению, что жизнь на подавляющем большинстве аграрных поселений региона, как эллинских, так и туземных, продолжалась вплоть до конца первой трети или даже середины III в. до н. э. Более того, есть все основания полагать, что именно в это время она достигла здесь своего максимума. Судя по всей совокупности данных, дестабилизация стала всеохватывающей лишь с 70—60-х годов III в. до н. э., когда под ударами номадов гибнет подавляющая часть неукрепленных поселений греков [49, с. 191, 192].

После исчезновения с исторической арены «Великой» Скифии на новой основе, как известно, возникли так называемые Малые Скифии. Последние были вынуждены сразу же вступить в продолжительную и далеко не всегда успешную борьбу со своими соседями — кочевыми ордами сарматов, фракийцами, галатами и эллинскими колониями Крыма, Побужья и Добруджи. Античные государства Северного Причерноморья, лишившись своеобразного гаранта в системе взаимоотношений с варварским миром в лице скифской знати, вступили в нелегкий период приспособления к новым историческим реальностям. Их по-

ложение в дальнейшем, как представляется, в значительной степени осложнялось отсутствием сколько-нибудь продолжительных периодов стабилизации в степном коридоре вплоть до римской эпохи. В данном случае мы еще раз акцентируем внимание на высказанной ранее мысли М. И. Ростовцева о прямой зависимости глубины и продолжительности кризисных явлений в Северном Причерноморье от частоты смены хозяев степи, т. е. от частоты появления здесь все новых и новых кочевых орд, не создавших надежной основы для сколько-нибудь длительной консолидации в регионе географически обширных и политически стабильных структур и объединений [41, с. 4, 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. (Ландшафт и этнос, IV) // ВЛУ 1966. № 6. Вып. 1.
2. *Ростовцев М. И.* Боспорское царство и южно-русские курганы // Вестник Европы. 1912, июнь.
3. *Блаватский В. Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (в VII—V вв. до н. э.) // СА. 1964. № 2.
4. *Kossak G.* «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ort-und Mitteleuropa // Situla, 1980. 20/21.
5. *Полін С. В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.
6. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 3.
7. *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2.
8. *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
9. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1983.
10. *Vasiliev V* Scitii agatîrsi pe teritoriul României. Clus — Napoca. 1980.
11. *Галанина Л. К.* К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. 1985. № 3.
12. *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.: Наука, 1983.
13. *Марченко К. К.* Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1980. № 1.
14. *Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б. и др.* К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1980.
15. *Охотников С. Д.* Сельские поселения Нижнего Поднестровья в VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1987.
16. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
17. *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В. и др.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1986.
18. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М.: Наука, 1975.
19. *Мелюкова А. И.* Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1988.
20. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1-27.
21. *Марченко К. К.* Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э. // ВДИ. 1974. № 2.
22. *Бруняко И. В.* Скифская керамика античных поселений Нижнего Поднестровья VI—V вв. до н. э. // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. семинара. Ч. I. Кировоград, 1987.
23. *Вахтина М. Ю.* Греко-варварские контакты VII—VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма: Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1984.
24. *Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4.
25. *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. 1984. № 3.
26. *Золтарев М. И.* Херсонес и Ольвия в конце VI — II в. до н. э. (проблемы взаимоотношений): Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1986.
27. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
28. *Карасев А. Н.* Оборонительные сооружения Ольвии // КСИИМК. 1948. Вып. 22.
29. *Виноградов Ю. Г.* Перстень царя Скила // СА. 1980. № 3.
30. *Житников В. Г* Политическая и демографическая ситуация конца VI — начала V в. до н. э. на Нижнем Дону и возникновение Елизаветовского поселения // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье. Тез. докл. семинара. Новочеркасск, 1987.
31. *Граков Б. М.* Скіфи. Киев: Наук. думка, 1947.
32. *Полин С. В.* О походе Дария в Причерноморскую Скифию // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. семинара. Ч. II. Кировоград, 1987.
33. *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI—IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1984. М.: Наука, 1985.

34. *Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. Киев: Наук. думка, 1980.
35. *Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. А.* Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка // АО-1984. М., 1986.
36. *Marcenko K. K.* Die Sidlung von Elisavetovka — ein grechischbarbarisches Emporion im Dondelta // Klio. 1986. 68.
37. *Виноградов Ю. А., Марченко К. К.* О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. семинара. Парутино, 1985.
38. *Охотников С. Д.* Археологическая карта Нижнего Поднестровья в античную эпоху (VII—III вв. до н. э.) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1983.
39. *Щеглов А. Н.* Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. Л., 1986.
40. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды. 1. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ. 1938. № 2 (3).
41. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
42. *Марченко К. К., Щеглов О. М.* До Геродота. IV, 81 // Археологія. 1989. № 3.
43. *Гаврилюк Н. А.* Периодизация экономической истории степной Скифии // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1987
44. *Железчиков Б. Ф.* Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э.—I в. н. э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
45. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище — поселение городского типа // СА. 1980. № 1.
46. *Доманский Я. В.* Из истории отношений Ольвии со Скифией // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. семинара. Парутино, 1985.
47. *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13.
48. *Алексеев А. Ю.* Греческая керамика из Александропольского кургана // СГЭ. 1986. Вып. 51.
49. *Щеглов А. Н.* О греко-варварских взаимоотношениях на периферии эллинистического мира // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси: Мецниереба, 1985.

Yu. A. VINOGRADOV, K. K. MARCHENKO

THE NORTH SHORES OF THE BLACK SEA IN SCYTHIAN EPOCH AN ATTEMPT OF HISTORICAL PERIODISATION

Summary

The north shores of the Black sea during the scythian epoch are considered to form a system consisting of three interconnected subsystems: ancient classical states, nomades of the steppe and settled potesterian societies in the forest-steppe zone. After the analysis of the whole mass of archaeological data the history of interrelations among the subsystems can be divided into four main periods. The first one dated to the second half of the 7th century B. C.— the end of the first quarter of the 5th century B. C. is characterized by stability and peaceful contacts of all the three subsystems, flourishing settlements in the forest-steppe zone and in the vicinities of the Greek colonies. There was no control of the situation from the side of the nomadic tribes. The contacts of the hellenistic centres and the settled inhabitants of the forest-steppe zone played the main cultural role. The second period lasted from the second quarter of the 5th century B. C. to the end of the century. It was the time of unstability, caused by the strengthening agressivness of the Scyths, which resulted in war expansion and clashes. The number of agricultural settlements in the vicinities of the Greek colonies and in the forest-steppe zone diminished. The third period dated to the end of the 5th century B. C.— the end of the 4th/the beginning of the 3rd centuries B. C. was again characterized by a certain stability of the connections among all the three subsystems. The cultural and economic activities were developing in some regions of the forest-steppe zone, the classical centres of the area in question reached maximum in their life. But a parallel process of settling of nomades on the agricultural lands was taking place which resulted in crisis of the nomadic economy of the Scyths. During the last period dated to the end of the 4th/the beginning of the 3rd centuries B. C.— the middle of the 3rd century B. C. «The Great Scythia» was destroyed by the new nomades — the Sarmatians. The main part of agricultural settlements inhabited by the Greeks or barbarians in the steppe as well as in the forest-steppe zone were destroyed.

Проблемы мировой археологии

К. ЛАМБЕРГ-КАРЛОВСКИ

ОГОНЬ ДО ИЗОБРЕТЕНИЯ КЕРАМИКИ И МЕТАЛЛА

Следует помнить, что человечество лишь открыло для себя пользу огня, но не изобрело его. Для большинства ремесел, включая металлургию, необходим контролируемый огонь, и только теплотехника позволяет плавить руду, изготовлять стекло и исследовать космос. Развитие контроля человека над огнем и овладение теплотехникой слабо документированы археологическими материалами древнейшего палеолитического периода.

Археологическая информация о том, на какой ступени человеческой эволюции был впервые намеренно использован огонь, отсутствует. Данные о контролируемом использовании огня синантропом полмиллиона лет тому назад в Чжоукоутяне близ Пекина ныне подвергаются сомнению, равно как и мнение Дарта об огне у австралопитеков [1] Находки обожженных костей животных как в Чжоукоутяне, так и в некоторых памятниках африканских гоминид, вероятно, поднимают завесу над целью, с которой впервые применялся огонь: он ускоряет пищеварительный процесс, способствуя более эффективному усвоению пищи — источника энергии.

Обработанная на огне пища позволяла гоминидам лучше адаптироваться к среде, облегчая и улучшая пищеварительные процессы. Столь же значимым было применение огня для расширения территории обитания гоминид, позволяя человеку — хотя вначале лишь периодически — заселять более холодные регионы. С расширением территории открывались новые области для успешной охоты. Археологический материал не дает специфических доказательств этого, но мы можем догадываться, что ранние гоминиды применяли контролируемый огонь не только для приготовления пищи и проникновения в более холодные области.

Огонь расширял территории пастбищ для стадных животных. Стоит при этом вспомнить гипотезу географа К. Сауэра и антрополога О. Стюарта, которые убедительно доказывали, что индейцы в Новом Свете значительно увеличивали пастбища, выжигая растительность: «Число племен, у которых зафиксировано применение огня, дает основание сделать вывод, что выжигание растительности является универсальной чертой культуры индейцев США. Более того, размах подобных пожогов позволяет считать почти всю растительность Америки периода ее открытия результатом пожаров в том смысле, как это понимают экологи. Таким образом, огонь был столь же мощным фактором формирования растительности различных регионов, как почва, влажность, температура, ветры и воздействие животных» [2].

В Новом Свете, как и во многих других областях земного шара, управляемый человеком огонь изменял экологию. Первый химический эксперимент человечества привел к появлению новых способов усвоения пищи, а также к формированию новых природных условий. Овладение огнем, хотя это очень трудно определить в самых ранних археологических материалах, являлось, вероятно, одним из наиболее важных орудий человека. Этнографические данные

© К. Ламберг-Карловски, 1991 г.

свидетельствуют о важной роли огня в расширении среды обитания и открытия новых пищевых ресурсов. Именно контролируемый огонь впервые позволил человеку в сравнительно широких масштабах менять окружающую среду и собственный образ жизни. Таким образом, контролируемый огонь видоизменял не только биологию человека, но и условия его жизни на Земле.

Вторым химическим экспериментом явилось недавно зафиксированное в верхнепалеолитических материалах Франции и Чехословакии получение красителей с помощью обжига, а также изготовление статуэток. В ряде поселений на территории Франции, датированных около 40 тыс. лет до н. э., обнаружены скопления обожженных окислов железа, цвет которых менялся после обжига. Это знаменует собой начало пиротехнологии и ее первое использование для изготовления декоративного материала [3] Многочисленные свидетельства обжига глиняных фигурок относятся к культуре Павлов, чьи открытые и расположенные на моравских равнинах поселения датируются 26—22 тыс. лет до н. э. и характеризуются граветтийским кремневым комплексом [4] Памятники Долне Вестонице и Павлов дали сходные образцы обожженных фигурок человека и животных — всего до 10 тыс. экз. 10 лет назад Б. Клима изучил две печи в Долне Вестонице. Первая находилась в жилище размером 28 м ^{2} и представляла собой овальную яму 130×40 см, глубиной 40 см. С одного конца печь была сводчатой до высоты 40 см. В самой печи и около нее было найдено более 2300 фрагментов обожженной глины, относящихся по преимуществу к обломкам фигурок. Вторую печь обнаружили в 40 м к западу; она имела круглую форму — примерно 1 м в диаметре, глубину 60 см. Печь по периметру на 3/4 была окружена подковообразной в плане глиняной стенкой.

Производились анализы глины и содержимого печей; они показали, что керамические фигурки были обожжены при относительно низкой температуре в 500—800° С и что последние, скорее всего, обжигались именно в этих печах. Описанные комплексы являются наиболее ранними свидетельствами применения пиротехнологии в производственной сфере. Вот что в связи с этим пишут авторы исследования: «Поскольку примерно 99,9% фигурок оказались разбитыми, можно полагать, что их изготовители, по современным меркам, являлись плохими гончарами или, может быть, не стремились производить достаточно прочные изображения из глины. Несомненно, что это объясняется сложностью овладения новой технологией. Возможно и иное толкование: пластическая деформация глины и внутренние напряжения в результате низкотемпературного обжига. Плохо просушенные или плохо обожженные глиняные фигурки впитывали влагу, а после повторного помещения их в огонь они лопались с изрядным шумом. Если же просушивание и повторное увлажнение контролировались, то трескались лишь немногие фигурки, а сам процесс служил неким шаманским целям».

Приведенная выдержка свидетельствует о возможности двух взглядов; однако ни один из них не может быть безукоризненно доказан, хотя они взаимно и дополняют друг друга. Описанные данные можно рассматривать и как доказательство чисто экспериментального характера процессов, когда огонь и глина дали в итоге совершенно новый материал. Подобная трактовка подчеркивает перспективность подхода С. Смита [5], являющегося одним из наиболее известных исследователей металлургии в США и внесшего также ощутимый вклад в изучение истории металлургической технологии. Он считает, что в период до XVIII в. за всяким открытием стояла личная связь мастера с его материалом. Неодолимая любознательность подталкивала мастера на поиски неведомых материалов с целью овладения их свойствами для производства чего-то нового, причем сама их новизна была атрибутом весьма желательным и эстетическим. В этом случае мотивация открытий была направлена на производство вещей, значимых эстетически, но бесполезных в утилитарном отношении. И наоборот, при описанном выше процессе обжига производство объекта, равно как и объект сам по себе, могло являться вторичным по отношению к целям, с которыми

сам объект помещался в огонь: ритуал был направлен на поддержание определенных взаимоотношений между индивидуумом и группой людей или же между людьми и их божествами.

Наш следующий пример касается наиболее раннего изготовления пластических обмазок в период докерамического неолита. Изобретение и применение пластической гипсовой или известняковой массы можно наблюдать уже в эпипалеолитической культуре Кебарана (около 12 000 лет до н. э.), где обмазка использовалась для крепления кремневых вкладышей в составных орудиях. Такая же обмазка сравнительно постоянно использовалась в натуфийской культуре (10 000 — 8500 лет до н. э.) и в докерамических неолитических культурах VII тыс. до н. э., где она употреблялась для покрытия полов и стен, а также для изготовления статуэток и сосудов. Производство подобной массы — процесс трудоемкий и энергоемкий, невозможный без высокой квалификации. Он требует обжига многих тонн известняка в течение 3—4 дней с постоянным добавлением топлива. Использование обмазок для полов и стен зафиксировано в Эйнане, Ифтаеле, Чатал-хюйюке, Хаджиляре, Телль Рамаде, Библе, Аин Газале, Иерихоне и Али Коше. Для неархитектурных объектов обмазки использовались при изготовлении скрепляющих веществ (Северная Лагума VIII), емкостей (Абу Хурейра, Нахаль Хамар, Библ, Телль Рамад) и скульптуры (Иерихон, Аин Газаль). Исчерпывающий обзор и анализ известняковых и гипсовых обмазок для древнейших периодов на Ближнем Востоке даны в работе У Кинжери, П. Вэндивера и М. Прикета [6].

Обмазка — это отличный пример изобретения технологии, зафиксированной впервые на археологическом материале примерно 12 000 лет до н. э., но широко распространившейся лишь около 6500 лет до н. э. Это указывает на огромные трудовые затраты и высокую степень зависимости от источников тепловой энергии: дерева, навоза и т. п. Так, для обмазки одного строения в Чайонютепеси требовалось 1,8 т известняка, а в Иерихоне — 0,45 т. Производство соответствующего порошка для приготовления известняковой обмазки требует: 1) сооружения печи, 2) доставки известняка или гипса в количестве часто до нескольких тонн, 3) сбора большого количества топлива, 4) круглосуточного обжига известняка в течение 3—6 дней, 5) приготовления раствора или самой пластической массы для покрытия ею архитектурных сооружений, выделки сосудов и т. п.

Использование подобных обмазок является чрезвычайно важным свидетельством применения сложной пиротехнологии, разработанной еще до времени производства керамики и металла. Неравномерность распространения среди неолитических сообществ находок этого рода, т. е. следов обмазки или же предметов, изготовленных из таких пластических масс, можно объяснить с помощью некоторых рабочих гипотез. Толщина и качество использовавшихся в одном поселке обмазок могут соответствовать различиям в функциях самих сооружений. В некоторых случаях обмазка сугубо утилитарна, как, например, в случае ям-хранилищ; в других обусловлена эстетическими потребностями (окраска и обжиг штукатурки полов и стен). Следовательно, цель употребления обмазки — эстетическая или утилитарная, видимо, может в какой-то степени отражать социально-экономические взаимоотношения участников этих производственных процессов. Постараемся подвести некоторые итоги в социально-экономическом аспекте.

Технологические трудности процесса изготовления пластических масс или сходных продуктов для обмазки делали их в чем-то исключительным материалом, подобно экзотическим объектам, обнаруживаемым в неолитических поселках: обсидиану, зеленым камням и морским раковинам. Толстый слой обмазки на полу жилища свидетельствует о социальном могуществе владельца дома и его высоком статусе в общине.

Неравномерность распределения этих продуктов по отдельным жилищам и между различными сообществами, может быть, указывает на возникновение

социального неравенства. Это, без сомнения, является неизбежным результатом новой технологии. Но, с другой стороны, остается вопрос, было ли социальное неравенство первичным импульсом для ее возникновения и последующего развития.

После изобретения технология обмазки подвергалась эпизодическим модификациям. При помощи минеральных добавок получали новый материал, пригодный для эстетических и практических целей (пол в технике «тераццо» в Чайоню-тепеси в Анатолии около 7000 лет до н. э.); включение волокон в этот раствор позволяло создавать большие емкости; наконец, возникла так называемая технология барельефов, позволившая проводить облицовку стен гашеной известью. Стала возможной ускоренная сушка объектов, а их поверхность была в этом случае твердой и гладкой. Очевидно также, что кроме эстетической ценности эта технология становилась символом богатства, социального статуса и могущества.

Согласно взглядам С. Смита, наиболее ранние эксперименты с материалом (например, производство металла) были обусловлены эстетическими целями. Все технологические манипуляции и производство объектов имели как бы двойную цель: с одной стороны, утилизацию, а с другой — преобразование материалов для повышения их эстетических и декоративных свойств. Общая для производителя и пользователя эстетика мотивировала динамику открытий. С. Смит полагал, что наука, занимающаяся поиском предопределенных закономерностей, в конце концов заменила собой древнее и врожденное эстетическое чувство, любознательность и потребность в красоте. Так, цвет превратился не в то, что видит глаз, а в поддающуюся измерению волну частиц света. Он пишет: «В некоторых отношениях период после 1980 г., наполненный научными достижениями, стал для истории менее интересным, чем предшествующий. Силы порядка и закономерностей стали преобладающими, а наука поглотила человека. В ранний период именно интеллектуальный интерес и случайные контакты выдающихся личностей служили наведению мостов между отдельными дисциплинами и формировали животрепещущие направления поиска» (разрядка моя. — К. Л.-К.). Первые металлические изделия, датированные 7000—4000 гг. до н. э., представляли собой по преимуществу «безделушки». Независимо от технологии изготовления сам набор вещей состоит из бус, булавок и колец; в небольшом количестве представлены также орудия: долотца, рыболовные крючки, ножи. Такая «технология безделушек» подтверждает теорию С. Смита об эстетических корнях и функциях древнейшей металлургии на Ближнем Востоке. Однако прежде чем отвергнуть реальность этой идеалистической теории, вспомним слова датского физика Нильса Бора о том, что «факты, полученные при различных условиях эксперимента, не могут складываться в простую картину, но должны считаться лишь составной частью истины в том смысле, что только исчерпывающая полнота явлений дает надлежащую информацию об объекте».

Итак, взгляд на идеалистическую теорию С. Смита о происхождении металлургии, которую можно считать лишь составной частью «общего феномена», может быть дополнен материалистической перспективой. Прежде всего остановимся на материалистических путях трактовки явлений, избегая эстетических аспектов при мучительных экспериментах человека с новыми материалами. Металл в неолитических обществах явился новым ресурсом, контроль над которым, как легко догадаться, был очень важен. Металлические декоративные безделушки представляли возможность для немногих членов общины демонстрировать свой общественный статус и богатство. Резонно считать, что наиболее ранние украшения: бусы, кольца, булавки — принадлежали женщинам, хотя доказать эту гипотезу на археологическом материале довольно трудно. Подобное распределение принадлежавших мужчине, но демонстрируемых женщиной эстетически значимых предметов хорошо известно по этнографическим данным, особенно на Ближнем Востоке. Такие предметы являются символами,

обозначавшими родовые связи, личное богатство и власть корпоративных групп. Они являют собой знак причастности к новым ресурсам и контролю над ними, к технологии и к новому распределению по социальным и трудовым группировкам; таким образом, в этих предметах эстетика сочетается со знаком силы и богатства. Различия между взглядами идеалиста и материалиста заключают в себе противоречивые перспективы, которые еще не ведут к синтезу.

Эволюция управляемых термических процессов продолжается и по сегодняшний день, но последствия их могут быть более угрожающими. Возможно, в следующем столетии род Homo и присвоит себе определение sapiens после установления контроля над самой чудовищной разновидностью огня; если же нет, от него останется лишь уголь его собственных костей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 *Binford L., Bunn H. T Kroll E. M.* Fact and Fiction about the Zinjanthropus Fire: Data, Arguments and Interpretation // Current Anthropol. 1988, V. 29. № 1.
2. *Eisley L.* The First Use of Fire // Sci. Amer. 1954. V. 137. № 2.
3. *Smith C. S.* From Art to Science. MIT Press. 1980.
4. *Vandiver P., Soffer O., Klima B.* Venuses and Wolverines: The Origins of Ceramic Technology ca 26 000 B. C. // Annual Meeting of the Society for American Archaeology. Phoenix. Arizona, 1988.
5. *Smith C. S.* A Search for Structure. MIT Press. 1981.
6. *Kingery W D., Vandiver P., Prickett M. E.* The Beginnings of Pyrotechnology II: Production and Use of Lime and Gypsum Plaster in the Prepottery Neolithic Near East // J. Field Archaeol. 1988. V 15. № 2.

C. C. LAMBERG-KARLOVSKY

FIRE BEFORE POTTERY AND METAL

Summary

The article is devoted to the immense role of fire in human history. The control of fire for the first time permitted man to alter on a relatively large scale both his environment and his own being. In this way the control of fire influenced a number of changes in the human biology and put a beginning for different branches of production.

В. М. МАССОН

ОГОНЬ В ЭПОХУ ПАЛЕОЛИТА: МНОГООБРАЗИЕ ФУНКЦИЙ

К. К. Ламберг-Карловски справедливо ставит вопросы о древнейшей пиротехнике, уходящей корнями в глубины антропогенеза и социогенеза. Новые данные все с большей уверенностью позволяют говорить о начале систематического использования эффекта теплотехники во внепищевой производственной сфере по крайней мере в пору верхнего палеолита. Такие факты появились и на территории СССР. Так, систематические раскопки Костенок почти с каждым сезоном подтверждают использование огня для обжига глины, хотя утилитарное назначение получаемых таким образом объектов не вполне ясно. Глиняная антропоморфная фигурка обнаружена на многослойной Майнинской стоянке в Западном Саяне [1]. Хорошо известны каменные светильники, встречающиеся в палеолите Франции особенно в пору мадлена, число которых сейчас достигает трех сотен [2]. При раскопках пещеры Шульган-Таш на Южном Урале экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством В. Е. Щелинского был обнаружен каменный светильник этого типа, а также плошка-светильник, грубо вылепленная из глины. Таким образом, в разных частях верхне-

© В. М. Массон, 1991 г.

палеолитической ойкумены методом проб и ошибок шло экспериментальное освоение глины как нового материала для древних производств, свойства которого совершенствовались с помощью огня.

Есть основания полагать, что огонь использовался для усовершенствования главного производства палеолитической эпохи — изготовления кремневых орудий. Опираясь на этнографические свидетельства, американские исследователи произвели тепловую обработку окремненных пород, что изменяло внутреннюю структуру и повышало степень их пластинчатости [3]. Эти работы были продолжены Е. Ю. Гирей [1] в рамках экспериментально-трасологической экспедиции ЛОИА АН СССР. Тепловая обработка производилась на открытом воздухе, в кострах, в условиях разной продолжительности, вплоть до нескольких суток. Массовые опыты позволили определить конкретные признаки тепловой обработки кремневого сырья в древние эпохи. Не исключено, что эти приемы, так же как и многое другое, восходят к поре позднего палеолита.

Таким образом, есть все основания говорить, как справедливо указывает К. К. Ламберг-Карловски, о том, что уже в пору палеолита расширяется спектр применения теплотехники в различных производствах. Использование огня в подсистеме жизнеобеспечения палеолитического человека хорошо известно. Вместе с тем постоянные очаги палеолитических жилищ, помимо использования для обработки продуктов питания и создания комфортной среды обитания, были социокультурным центром, символом бытового, производственного и идеологического единства древних микроколлективов. Этот аспект уводит нас к истокам той функции огня, в том числе неугасимого, которую он играет в культах и обрядах древних и современных религий. Находки каменных ламп в пещерах с сюжетной живописью могут указывать на то, что эта дифференциация функций восходит по крайней мере к поре позднего палеолита. Эмпирическое накопление положительных знаний и производственного опыта, связанных с теплотехникой, было отдаленной предпосылкой той сферы духовного производства, которую для древнейшей эпохи можно именовать преднаукой [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев С. А.* Палеолитический человек в горах Западного Саяна // Природа. 1988. № 3.
2. *de Beaume S., Roussot A., Sackett J.* // Les lampes de Solvieux (Dordogne) // L'Anthropologie. 1986. T 90.
3. *Crabtree D. E., Butler B. R.* Notes on experiments in flintknapping // Teliwa. 1964. 7 (3).
4. *Старостин Б. А.* Параметры развития науки. М., 1980.

V. M. MASSON

FIRE IN THE PALEOLITHIC: THE DIVERSITY OF FUNCTIONS

Summary

The author is pointing out the fairness of the questions raised by C. C. Lamberg-Karlovsky and gives in the present article a number of concrete archaeological evidences of using fire in the Paleolithic. It was applicated for the perfection of some branches of production using heat engineering experiments aimed at getting knowledge about the qualities of clay and flint. In this period one more important function of fire is noted, namely, it became a sociocultural centre for primitive microsocieties. The accumulation of knowledge and productive experience connected with heat engineering became the premises for development of certain field of spiritual production which for this early epoch could be termed after B. A. Starostin as prescience.

[1] Автор выражает благодарность Е. Ю. Гире за представленную информацию.

Е. Н. ЧЕРНЫХ

ДРЕВНИЙ МЕТАЛЛ И СИМВОЛЫ

В своей статье К. Ламберг-Карловски говорит, что «первые металлические изделия, датированные 7000—4000 гг. до н. э., представляли собой по преимуществу „безделушки“ и что такая «„технология безделушек“ подтверждает теорию С. Смита об эстетических корнях и функциях древнейшей металлургии на Ближнем Востоке». Он склонен относить теорию С. Смита, базирующуюся в основном на интуитивных представлениях, к разряду идеалистических. Однако какого-либо осуждения эта оценка, кажется, не содержит; здесь археолог хотел бы дополнить теорию металлурга «материалистической. перспективой». Мне показалось, что такая «материалистическая перспектива» ведет к признанию К. Ламберг-Карловски древнейших медных вещей в первую очередь не орудиями труда, но своеобразными символами или же знаками, служившими для обозначения родовых связей, личного богатства и власти корпоративных групп. Мысль чрезвычайно плодотворная, она порождает новые вопросы. Что было изначальным при возникновении производства символов? Послужило ли открытие новой технологии, или, точнее, пиротехнологии, импульсом к возникновению социально ранжированных обществ? Или же, наоборот, социальное неравенство усиленно толкало культуру на поиск новых технологий для производства символов? Тесная связь с символикой начальных шагов производств, основанных на пиротехнологии и уходящих в эпохи палеолита и докерамического неолита, продемонстрирована К. Ламберг-Карловски достаточно убедительно.

Я думаю, что проблема символической деятельности, кратко затронутая американским археологом в его лаконичной статье, бесспорно заслуживает несколько более подробного обсуждения, хотя в западной и советской литературе имеются пока еще не очень многочисленные примеры обращения к этой теме [1—3] Символика в жизни как древних, так и современных обществ занимает место столь существенное, что не обращать на нее внимания попросту невозможно, поскольку это, как правило, приводит к заметному искажению исторической перспективы. Однако вряд ли можно правильно понять эту роль, если рассматривать ее вне связи с иными направлениями социальной активности.

Любое человеческое общество, независимо от его положения во времени и в пространстве, обеспечивает свое чисто физическое существование и творческий потенциал по созиданию собственной культуры благодаря затратам определенной энергии. Можно полагать, что эта общественная энергия всегда направлена по трем основным каналам: 1) обеспечение витального, или физиологического, уровня бытия культуры, 2) символическая деятельность и, наконец, 3) организация самой культуры. Третий канал является базовым для первых двух: система организации культуры определяет характер, уровень технологии и в конечном итоге организацию производства в целом. От этой системы во многом зависит и распределение долей общественной энергии по двум основным сферам — витальной и символической. Сильные искажения в пропорциях этих долей всегда чрезвычайно опасны и могут сыграть в судьбах культур роль самую драматическую, что очень часто наблюдалось в исторической практике. Символическая сфера могла буквально «пожирать» иные, высасывать все соки из других каналов общественной энергии, обескровливать их. Базовые структуры общества деформировались, и его культура разрушалась.

Обе упомянутые сферы тесно связаны между собой, но во многом и противоположны. Граница между ними во многом расплывчата и условна; далеко не всегда очевидна эта грань и при оценке целевой направленности тех или иных видов деятельности. Критерием при подобных оценках служат, как правило,

© Е. Н. Черных, 1991 г.

конечный продукт производства и пропорциональная доля затрат из общего баланса общественной энергии, потребной для его изготовления. Порой ответить на такой вопрос бывает достаточно просто, когда, скажем, сопоставляются «полярные» по своей функции классы металлических изделий, например орудия труда, с одной стороны, а с другой — украшения, культовые предметы и т. п. Однако уже четкое соотнесение оружия с какой-либо из названных сфер может привести к различиям в оценках. С одной стороны, оружие может быть вещью утилитарной. Но разве военные действия тех или иных социальных организмов были всегда направлены только на сохранение собственной популяции от посягательства врагов? Ведь гораздо чаще цели бесчисленных войн устремлялись в ином направлении — в необъятный мир символов, чтобы доказать собственную силу и величие, чтобы явить не только физическое, но и нравственное превосходство над далекими и близкими соседями, чтобы уверить их в мощи собственных богов-покровителей. Достижение этих столь привлекательных для древних (да и не только для древних) обществ символических миражей всегда обильно оплачивалось жизнями, но это редко кого останавливало. Именно поэтому оружие должно рассматриваться с функциональной точки зрения обособленно от орудий труда.

Но и эта картина сильно усложняется, когда мы оцениваем функциональную направленность орудий, встречающихся в погребениях: ведь помещенные в могилу, данные вещи незамедлительно становились символами. И не имело значения, служили ли они покойному при его земной жизни или же, что было, видимо, несравненно чаще, специально изготавливались для потустороннего, иллюзорного бытия человека и являлись его своеобразной визитной карточкой в мире теней. И если мы хотим в достаточной мере корректно определить хотя бы приближенный уровень общественной производственной энергии, направленной на достижение утилитарных целей, необходимо прежде всего выделить из всей массы находок те орудия труда, что обнаружены в слоях поселений, а также, видимо, в кладах, — они и послужат нам основным критерием в оценках. Даже среди серий случайных единичных находок, подобранных за пределами культурно определенных комплексов, вряд ли возможно с большой долей уверенности наметить те орудия, что были изготовлены для выполнения утилитарных функций, — ведь эти предметы могли происходить и из разрушенных некрополей. Кроме того, далеко не всегда мы можем указать на четкие различия между орудиями и оружием. Все это делает наши расчеты достаточно приблизительными, но при всем том крайне показательными и принципиально важными.

Исследование по кратко охарактеризованной здесь программе было проведено в последнее время на материалах гигантской Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП) раннего (РБВ) и среднего (СБВ) бронзовых веков [4]. Провинция по существу являлась центральной системой для всего Старого Света с середины IV по начало II тыс. до н. э. Базой данных для проделанной работы послужили 32—33 тыс. многообразных металлических изделий, обнаруженных в различных памятниках южной половины Восточной Европы, Кавказа, Малой Азии и Балкано-Карпатья. Анализ всей совокупности данных и распределения металлических находок по различным металлам, классам изделий, а также типам памятников привел к крайне любопытным наблюдениям.

Обратимся к статистике находок. Из 32—33 тыс. всех металлических изделий 23—24 тыс. относятся к золотым украшениям и только лишь 8500 предметов сделано из бронз или меди; несколько сотен вещей изотовлено из серебра, свинца и некоторых других металлов. Уже эти первые цифры бесспорно говорят нам о том, что по существу не менее 3/4 всех металлических предметов должно быть сразу же отнесено к разряду «символических»: ведь из золота и серебра выделывались лишь украшения и культовые вещи.

Нетрудно предвидеть вопрос: возможно ли сравнивать мелкие золотые поделки: бусины, бляшки и т. п. — с крупными и массивными бронзовыми

орудиями и оружием: топорами, теслами и пр.? Я уверен, что не только возможно, но и необходимо. Хотя общая масса (физический вес) меди многократно превышала вес золота, однако ни в какое сравнение не могут идти трудности добычи и извлечения этого драгоценного металла, связанные с редкостью его минеральных источников. Затраты общественной энергии в горно-металлургических центрах Циркумпонтийской провинции на добычу золота, судя по всему, были огромны; вполне вероятно, что они превышали ту, что требовалась для добычи медной руды и выплавки из нее металла. Возможно, именно поэтому среднее соотношение цены на золото и медь колебалось в Средиземноморском бассейне и на Ближнем Востоке, по крайней мере со старовавилонского времени до Римской империи, чаще всего в пределах от 1:500, вплоть до 1:3000, а среднее значение этой пропорции приближалось, по всей вероятности, к 1:1000 [5—7] Это означало, скажем, что золотая бусина весом в 1 г на рубеже III и II тыс. до н. э. была равностойной примерно килограмму меди, а из этой меди можно было отлить два-три втульчатых топора или крупных тесла — вещи, встречаемые лишь в богатых, престижных могилах и кладах.

Этот внешне парадоксальный и неожиданный для нас вывод приобретает еще более уверенное звучание, если обратиться к исследованию медной и бронзовой индустрии всей провинции. В среднем для полного, совокупно учтенного медного и бронзового материала периодов РБВ и СБВ доля изделий с утилитарной функцией — орудий труда, обнаруженных в слоях селищ и в кладах, — удивительно невелика: она вряд ли превышает 10—15%. Иначе говоря, до 85—90% всех бронзовых, обнаруженных в различных археологических памятниках изделий выделывалось для насыщения символической сферы общественного бытия.

Даже такие приближенные расчеты говорят о многом. Прежде всего вряд ли может выдержать критику широко распространенный во множестве общеисторических и социологических (философских) трудов взгляд (или же весьма стойкое заблуждение) о едва ли не исключительной нацеленности металлургического производства и металлических изделий на утилитарную сферу с целью резкого повышения производительности труда и т. п. В основе такого взгляда лежали чисто умозрительные представления о глубокой рациональности древних культур. Взгляд этот старались подкрепить экспериментами, демонстрировавшими большую эффективность медных и бронзовых орудий в сравнении с каменными; однако ничего другого такие эксперименты доказать не могли. В реальности на примере населения подавляющего большинства различных культур, втянутых в гигантскую систему ЦМП. мы видим, что общественные усилия направлялись по преимуществу для насыщения металлом так называемой символической сферы. Особенно ярко проявляли себя в этом отношении курганные общности: до 95—99% всех известных металлических находок сосредоточено в погребениях. Колоссальная и трудно измеряемая общественная энергия затрачивалась на обеспечение заупокойной жизни, причем это касалось не только «царских» захоронений, но и многих «рядовых» погребений. Огромная часть металла шла в производящих центрах провинции на отливку оружия — оно было представлено наиболее массивными категориями изделий, вроде топоров.

К сожалению, материалы втянутых в систему ЦМП степных общностей в 90—95% случаев представлены лишь могильными находками и не дают нам возможности судить о функциях металлических изделий и пропорциональных соотношениях между этими функциями в повседневной жизни данных народов.

Упомянув здесь о курганных культурах эпох РБВ и СБВ, нельзя не привести еще один чрезвычайно показательный пример. В системе Циркумпонтийской провинции выделяется два очень четких блока культур. Первый из них — южный, его культуры локализовались в регионах Закавказья, Малой Азии и Балкано-Карпатья. Для них характерны крупные долговременные поселения;

ведущим типом хозяйства считается земледелие в сочетании со скотоводством. Курганные культуры составляли так называемый северный блок культур, по многим своим ведущим признакам резко отличающийся от южного. Поселения здесь встречаются крайне редко: подвижное скотоводство, как полагают, было ведущим типом экономики. Кроме упомянутых черт обоих блоков культур для нас особый интерес представляет то, что в южных регионах сосредоточивалось множество медных и иных металлических месторождений. Северные территории были практически лишены своих рудных богатств; занятие металлургией для населения курганных культур становилось в огромном большинстве случаев невозможным в отличие от центров южного блока. Спектральные анализы совершенно определенно показывают, что огромная масса металла (мышьяковых бронз) переправлялась от южных земледельцев и металлургов на север, к степным скотоводам.

Наиболее любопытным здесь явилось определение приближенной доли экспорта выплавленной в южных горно-металлургических центрах меди и бронз на север — в восточноевропейские степи и лесостепи и на Северный Кавказ. Максимально полный учет всех находок по всем регионам провинции и расчет металла по долям химических групп в комплексах культур обоих блоков позволяет утверждать, что в период РБВ (третья четверть IV — середина III тыс.) до 45% всей выплавленной на юге меди переправлялось за тысячи километров на север, «курганным» народам. В эпоху СБВ (середина III тыс. — 18—17 вв. до н. э.) эта доля резко возрастает до 60%, т. е. в безрудную Восточную Европу шла преобладающая часть выплавляемого здесь металла! Еще раз напомним, что львиная доля завозимых сюда бронз попадала в подкурганные могилы, что, по всей вероятности, этот дальний металл, за который степным скотоводам приходилось достаточно дорого платить, доставлялся в значительной мере лишь с целью сопровождения покойных в загробный мир.

Иначе говоря, мы приоткрываем для себя целую индустрию древности. То была сложнейшая, весьма дорогостоящая в отношении энергетических затрат система дальних взаимосвязей различных народов, отражавшая по существу систему международного разделения труда и обслуживавшая символическую, иррациональную сферу общественного бытия разнообразных культур.

Конечно, металл относится к разряду наиболее ярких показателей, поддающихся относительно надежному расчету при определении долей социальной энергии по основным упоминавшимся здесь каналам. Однако в распоряжении археологов имеются и другие источники, типа погребального обряда и иных, позволяющих более или менее уверенно способствовать разрешению важнейшей и поныне остающейся в тени темы о символической сфере древних обществ, игравшей поистине колоссальную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Childe G.* Society and Knowledge. London: Allen and Unwin, 1956.
2. *Kus S.* The spirit and its burden: archaeology and symbolic activity // Marxist Perspectives in Archaeology. Cambridge, 1984. P. 101—107
3. *Черных Е. Н.* Отражение рационального и иррационального в археологической культуре // СА. 1982. № 4. С. 6—20.
4. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53—82.
5. *Козырева Н. В.* Некоторые проблемы товарно-денежных отношений в старовавилонской Месопотамии / ВДИ. 1984. № 2. С. 3—14.
6. *Янковская Н. Б.* Оптовая торговля древней Передней Азии до возникновения империй // ВДИ. 1985. № 3. С. 3—8.
7. *Янковская Н. Б.* К проблеме оптовой торговли Каниша (XIX в. до н. э.) // ВДИ. 1986. № 2. С. 17—24.

E. N. CHERNYKH

ANCIENT METAL AND SYMBOLS

Summary

Summerising the results of the long — term investigations of the ancient metallurgy in the cultural and historical context the author claimes that one of the main aimes of the metal production and metalworking was making artefacts which served as symbols. They included weapons, ornaments and pieces of ritual significance and practically the whole repertoiry of finds from the cemeteries. Some calculations were made basing on the materials of the Circumpontic metallurgical province which existed in the Early and Middle Bronze Ages. The author demonstrates that the symbolic sphera of culture probably consumed not less than a half of bronze produced in the territory of the province.

Публикации

А. П. ЖУРАВЛЕВ, Э. Л. ЧИСТЯКОВА, А. М. ЖУЛЬНИКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ОБРАБОТКЕ САМОРОДНОЙ МЕДИ В ЭНЕОЛИТЕ КАРЕЛИИ

На территории современной Карелии в 70-х годах текущего столетия был открыт древнейший центр по обработке самородной меди, основные месторождения которой расположены на Заонежском полуострове [1—3]. Близ выходов меди были сосредоточены древние поселения, где занимались металлообработкой. Центр возник в эпоху энеолита на Заонежском полуострове и связывается А. П. Журавлевым с носителями ромбоямочной керамики [4]. Находки последующих лет подтвердили это открытие.

В результате комплексного изучения феномена специалистами различных наук было установлено, что древнейшая обработка самородной меди в Карелии зародилась на базе высокоразвитой каменной индустрии при наличии в Заонежье богатых и разнообразных пород камня, среди которых встречается и самородная медь, т. е. кварц-кальцитовых месторождений [5]

Выяснилось далее, что на ранних стадиях энеолита дендриты самородной меди обрабатывались методом холодной ковки, которая зафиксирована на поселениях с чистыми комплексами ромбоямочной керамики в бассейне Онежского озера, в частности в Пегреме [6] Поселения датированы изотопным методом концом IV—III тыс. до н. э. [7].

Задача данной статьи — анализ нового материала, полученного при раскопках памятников с чистыми комплексами ромбоямочной и асбестовой керамики, проведенных А. П. Журавлевым и А. М. Жульниковым на северном побережье Онежского озера и прилегающих территориях. Сейчас в Карелии известно 15 энеолитических поселений с чистыми комплексами, в инвентаре которых обнаружены 172 предмета, среди которых имеются дендриты меди, примитивные кованые поделки из меди и орудия, связанные с ее обработкой (табл. 1).

Находкам медных предметов на поселениях с ромбоямочной керамикой посвящен ряд публикаций [8—10]. Новый интересный комплекс вещей из меди недавно был обнаружен А. М. Жульниковым при раскопках поселения с асбестовой керамикой Войнаволок XXVII [1] на северном побережье Онежского озера [11]. Комплекс включает 44 предмета, общий вид которых показан на рис. 1. В коллекции имеются ветвистые дендриты самородной меди, куски меди, подвергнутые различной степени холодной деформации, а также пластины и обломки предметов. В целом эта уникальная коллекция медных предметов имеет неоценимое значение для изучения ранних этапов металлообработки на Европейском Севере, и в частности в эпоху энеолита, в период бытования комплексов асбестовой керамики в Карелии, который охватывает все II тыс. до н. э. и, влзможно, начало I тыс. [12]

---

[1] Поселение Войнаволок XXVII датируется по радиокарбону 4410±50 (ТА-1748); 4280±80 (ТА-1748) годами.

© А. П. Журавлев, Э. Л. Чистякова, А. М. Жульников, 1991 г.

№ п. п.	Поселение	Дендриты, кусочки	Пластины	Проколки	Ножи
1	Пегрема I	25	20	2	—
2	Пегрема III	—	—	—	—
3	Пегрема VII	3	5	—	1
4	Клим I	3	—	—	—
5	Сандермоха I	3	—	—	—
6	Деревянное I	2	1	—	1
7	Вигайнаволок I	2	—	—	—
8	Оровнаволок	3	—	—	1
9	Челмужская Коса XXI	2	—	1	—
10	Кочнаволок II	1	—	—	—
11	Кудамгуба VII	—	1	—	—
12	Тунгуда XIV	—	2	—	—
13	Войнаволок XXVII	6	5	—	—
14	Войнаволок XXIV	—	1	—	—
15	Оровнаволок XVI	1	1	—	—
	Итого	51	36	3	3

Многие вопросы истории развития металлообработки на протяжении этого длительного времени еще не нашли решения. Высказано, например, мнение о том, что металлообработка в Карелии в энеолите затухает [13].

Изучение новых коллекций медных вещей, раскопанных на памятниках с асбестовой керамикой, позволяет в настоящее время с фактами в руках объективно решать этот вопрос. Приведем результаты аналитического исследования медных предметов из поселений Войнаволок XXVII и Челмужская Коса XXI.

При визуальном знакомстве с коллекциями из Войнаволока XXVII было установлено, что 6 образцов являются недеформированными дендритами самородной гидротермальной меди, 33 образца представляют собой в той или иной степени деформированные дендриты такой же меди и 5 образцов — сильно деформированные обломки дендритов, сплюснутые до пластин. Химический состав образцов приведен в табл. 2 [2],

Таблица 2

№ п. п.	Шифр	Cu	Sn	Pb	Ag	As	Fe	Ni	Co
1	37608	осн.	—	0,0001*	0,0024	0,0023	0,0320*	0,0001*	0,001*
2	37609	»	0,0001	0,0001*	0,0015	0,0035*	0,0014	0,0004*	—
3	37610	»	—	0,0001*	0,0003	0,0014*	0,0053*	0,0008	—

* Означает примерно.

Результаты химического анализа говорят о высокой степени чистоты исследуемого металла, что характерно для всех медных поделок, обнаруженных на энеолитических поселениях Карелии [10]. Это еще раз подтверждает то положение, что единственным материалом для изготовления металлических вещей в энеолите региона была местная гидротермальная самородная медь.

При металлографическом исследовании образцов мы пользовались уже описанной ранее методикой [10]. При микроскопическом исследовании нетравленых образцов установлено полное отсутствие неметаллических включений

[2] Спектральный анализ произведен в лаборатории естественно-научных методов Института археологии АН СССР.

Таблица 1

связанные с ее обработкой

Крючки	Кованые куски	Разложенные предметы	Кольца	Тигли (обл.)	Печь	Наковальня	Гальки — молот	Итого
—	1	12	1	4	1	1	12	79
—	—	—	—	2	—	—	—	2
—	—	—	—	8	—	—	—	17
—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	—	—	—	4
—	—	—	1	—	—	—	—	3
2	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	1	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	2
—	33	—	—	—	—	—	—	44
—	—	—	—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	2
2	34	12	2	15	1	1	12	172

во всех случаях. Травление поверхности осуществлялось водным раствором $FeCl_3 + HCl$. Микроструктура некоторых образцов приведена на рис. 2.

Микроструктура образца, представленная на рис. 2,*в*, соответствует структуре самородной меди в исходном ее состоянии, для которого характерно наличие очень крупных, практически монокристаллических образований, отделенных друг от друга слаботравящимися границами [10]. На рис. 2,*б* видна слабая фрагментация исходных кристаллических образований, что связано с малой степенью холодной деформации меди, которой она подверглась. Рисунок 2, *в* представляет структуру холоднодеформированной меди с высокой степенью обжатия. Эта структура наблюдается у образцов из группы пластинок.

Таким образом, вся коллекция из поселения Войнаволок XXVII является либо сырьем, т. е. недеформированными дендритами гидротермальной самородной меди, либо холоднодеформированными кусками самородной меди с той или иной степенью обжатия.

На рис. 2, *г—е* представлена структура образцов с поселения Челмужская Коса XXI [3] В образцах обнаружено большое количество окислов Cu_2O, характер расположения которых различен в каждом из них. Рисунок 2, *г* свидетельствует о том, что имеющийся кусочек меди был получен плавкой, вероятно, самородной меди. Об этом же говорит наличие внутри округлых зерен, характерных для литого состояния, эвтектики $Cu—Cu_2O$. Другие неметаллические включения отсутствуют.

Второй образец также представляет собой остаток изделия, полученного плавкой, о чем свидетельствует большое количество окислов Cu_2O в структуре. Однако характер расположения окислов в виде строчек (рис. 2, *д*) говорит о том, что металл, кроме того, был подвергнут горячей пластической деформации. Признаком горячей пластической деформации является характер полиэдрической структуры с наличием в ней двойников деформации (рис. 2, *е*). Границы зерен неметаллических включений не содержат.

Таким образом, результаты специальных анализов медных предметов из поселений с асбестовой керамикой Войнаволок XXVII и Челмужская Коса XXI позволяют заключить, что на позднем этапе энеолита Карелии население продолжало пользоваться местной самородной медью гидротермального типа. При этом в ранний период комплексов асбестовой керамики характер обработки

[3] Поселение Челмужская Коса XXI датировано 3980±90 (ТА-1983) годом.

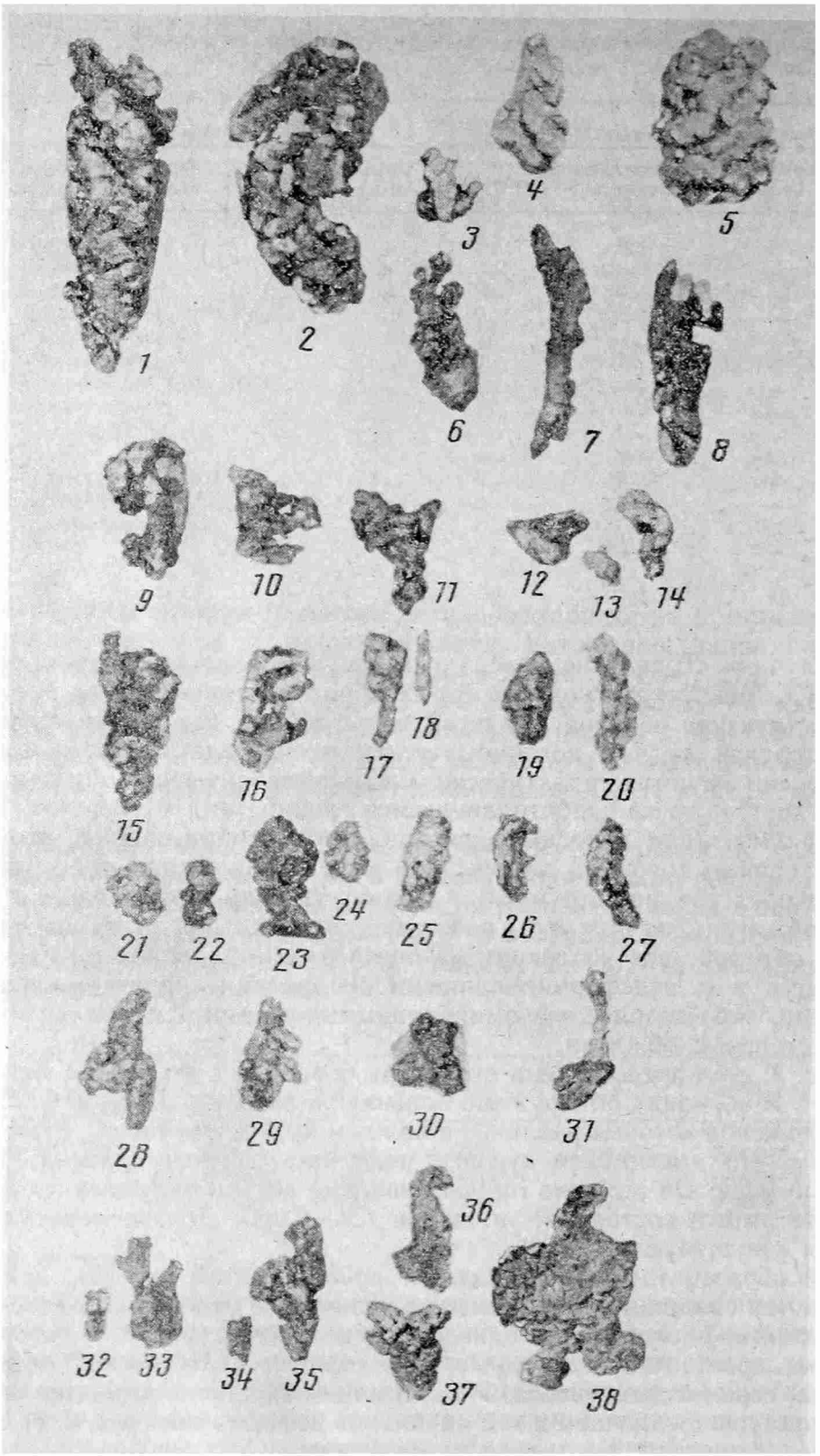


Рис. 1. Кованые дендриты самородной меди и пластинки из поселения Войнаволок XXVII

металла продолжал оставаться таким же, как и во время бытования комплексов ромбоямочной керамики,— холодная ковка. В дальнейшем технология металлообработки претерпела изменения в сторону усложнений — плавка самородной меди и ее горячая ковка. Появление новой технологии обработки металла

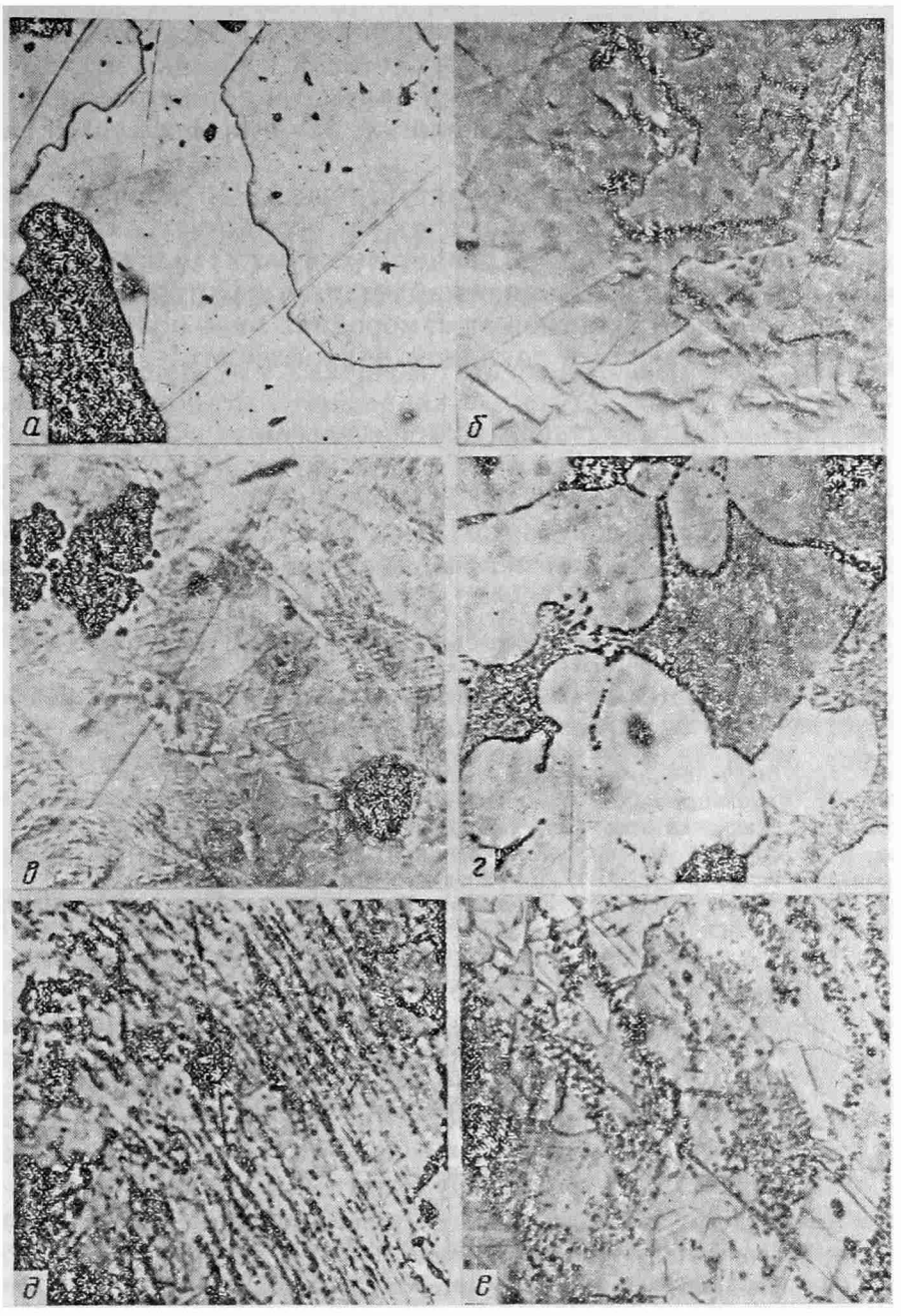


Рис. 2. Микроструктура образцов из поселения Войнаволок XXVII (*а—в*) и Челмужская Коса XXI (*г—е*). *а* — микроструктура недеформированной самородной меди; *б* — микроструктура слабодеформированной самородной меди; *в* — микроструктура сильнодеформированной самородной меди (пластинок); *г* — микроструктура литой меди; *д*, *е* — структура литой горячекованой меди. *а—г*, *е* — увеличение 400×, *д* — увеличение 100×

в Карелии следует относить к достижениям местного населения, а не к импульсу извне, неизбежным следствием которого явилось бы заимствование элементов других культур, например, появление отдельных предметов, нехарактерных для местного населения. Своеобразие продукции, среди которой имеются лишь примитивные поделки, отходы производства и дендриты самородной меди, является веским подтверждением самостоятельного совершенствования металлообработки у населения с асбестовой керамикой.

Те предметы, которые имеются в нашем распоряжении, можно уверенно связывать с навыками древних мастеров Карелии. Все поделки, полуфабрикаты и дендриты меди имеют формы, характерные для раннего этапа метал-

лообработки, зародившейся в местных условиях в III тыс. до н. э. у населения с ромбоямочной керамикой. В период асбестовой керамики местные кузнецы, продолжая пользоваться традиционными приемами обработки меди, добились дальнейшего усовершенствования технологии: они открыли плавку самородной меди и ее горячую ковку.

В свете новых данных намеченные интуитивно А. П. Журавлевым в 1975 г. северные границы энеолитического центра по обработке самородной меди в Карелии [1] подтвердились. Об этом свидетельствуют находки самородной меди на поселении Тунгуда XIV, сделанные археологами Петрозаводского университета Северной Карелии. Заонежская самородная медь получила распространение в энеолите в восточном и западном направлениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Журавлев А. П.* О древнейшем центре обработки меди в Карелии // КСИА. 1975. № 142.
2. Fennoscandia antiqua. Helsinki, 1982.
3. Энеолит СССР. М.; Наука, 1982.
4. *Журавлев А. П.* Энеолит Карелии: Автореф. дис. канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.
5. *Горлов В. И.* Находки самородной меди на территории Карелии // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М.; Наука, 1972.
6. *Врублевская Э. Л.* Металлографические обследования образцов с поселения Пегрема I // КСИА. 1979. № 157
7. *Журавлев А. П., Лийва А. А.* О датировке археологических памятников Пегремы. Геохронология четвертичного периода. М., Наука, 1980.
8. *Журавлев А. П.* Поселение Пегрема I // СА. 1987. № 4.
9. *Журавлев А. П.* К изучению энеолита Карелии // СА. 1977. № 3.
10. *Журавлев А. П., Врублевская Э. Л.* Ранний этап металлообработки в Карелии // СА. 1978. № 1.
11. *Жульников А. М.* Раскопки поселения Войнаволок XXVII // АО-1984. М., 1986.
12. *Журавлев А. П.* Энеолит асбестовой керамики Карелии // Тез. докл. XVII Всесоюз. конф. финноугроведов. Устинов: Уд. ИИЯЛ Уральского отд. АН СССР, 1987.
13. *Савватеев Ю. А.* Некоторые итоги и особенности археологических исследований в 70-х гг. в Карелии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука. 1984.

A. P. ZHURAVLEV, E. L. CHISTYAKOVA, A. M. ZHULNIKOV

SOME NEW DATA ON THE USAGE OF NATIVE COPPER DURING THE CHALCOLITHIC IN KARELIA

Summary

A number of new finds of native copper and artefacts made of it were discovered in some Karelian settlements characterized by the presence of asbestos pottery. The study of metal proved that the Late Chalcolithic population continued using native copper of hudrothermal origin. The technology of cold hammering of metal was practiced, the technologies of melting and hot hammering also emerged. Later the metalworking in Karelia undergone some perfection in the original local forms. The usage of native copper in Karelia lasted during the local Chalcolithic — i. e. from the first half of the 3rd millenium B. C. up to the end of the 2nd millenium B. C.

Н. М. БОКИЙ, Г. П. ГОРБУЛ, В. В. ОТРОЩЕНКО

КИММЕРИЙСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА КИРОВОГРАДЩИНЕ

Предскифский период в Северном Причерноморье при современном состоянии источников во многих отношениях все еще остается недостаточно изученным. Медленное накопление материала делает каждый памятник важным и значимым. В 1979—1985 гг. на правобережном пограничье степи и лесостепи в верховьях рек Ингул и Ингулец при раскопках курганов исследовано пять погребений киммерийской культуры. Погребение 8 в кургане 2 у с. Чечелиевка Петровского р-на Кировоградской обл. уже опубликовано [1. с. 224—228]. В этом же кургане обнаружено погребение 4.

Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами находилась в 6 м к северу от центра и была ориентирована по линии юго-запад — запад — северо-восток — восток. Размеры ямы: 2,2×1 м, глубина — 1,6 м от поверхности. Яма имела деревянное продольное перекрытие из нетолстых бревен, на дне местами сохранился коричневый тлен от подстилки, поверх которой отмечена посыпка мелом. Скелет лежал вытянуто на спине, черепом на юго-запад — запад. Руки протянуты вдоль туловища, кисти их подведены к тазобедренным суставам. Стопы ног развернуты вправо. У темени умершего стоял лепной сосуд (рис. 1, *1*).

Сосуд типа корчаги имеет биконическую форму с округлыми боками, на которых легкой прошлифовкой обозначено ребро. Венчик плавно отогнут наружу и округло утолщен. От венчика до ребра-уступчика стенки сосуда плавно расширяются, затем округляются и, сужаясь, переходят в сравнительно небольшое плоское дно. Поверхность корчаги залощена, цвет — черный с бурыми пятнами, черепок твердый, хорошей выделки, в тесте — примесь мелкого песка. Высота — 24 см, диаметр венчика — 14, дна — 10,6, тулова — 24 см (рис. 2, *1*).

Близкое по обряду захоронение обнаружено на противоположном, правом берегу р. Ингулец, у пос. Димитрово, углеразрез Верболозовский Александрийского р-на, в 1985 г. Курган (высота — 3,5 м, диаметр — 40 м) находился на левом берегу р. Бешка — правого верхнего притока Ингульца, в 6 км к северо-западу от поселка, сооружен носителями ямной культуры.

Погребение 1 находилось на расстоянии 3,9 м к востоку от центра, совершено в яме прямоугольной формы (размеры: 2,8×1,7/1,55 м с небольшим расширением к западу, ориентировка по линии запад — восток), на дно которой был поставлен прямоугольный сруб в один венец. Размеры сруба: 2,3×1,1/1,0 м, глубина ямы — 1,7 м от поверхности. Рама сруба была сложена из обтесанных брусьев сечением 0,10—0,15 м «встык». Аналогичные брусья перекрывали яму поперечно, при этом концы их на 0,15—0,2 м выходили за края ямы. Дно было устлано корой, от которой сохранилась заметная прослойка коричневого тлена, и густо посыпано мелом. Скелет человека лежал вытянуто на спине, черепом на запад, руки были протянуты вдоль туловища, а стопы ног соприкасались суставами пальцев. На костях отмечена посыпка мелом, а у висков обнаружены две золотые подвески (рис 1, 2).

Височные подвески в виде закрученных «бараньих» рогов изготовлены из массивного золотого (с примесью 1% меди) прута шириной 0,9 см. Свернутые в полтора оборота стерженьки заканчиваются круглой уплощенной шляпкой,

© Н. М. Бокий, Г П. Горбул, В. В. Отрощенко, 1991 г.

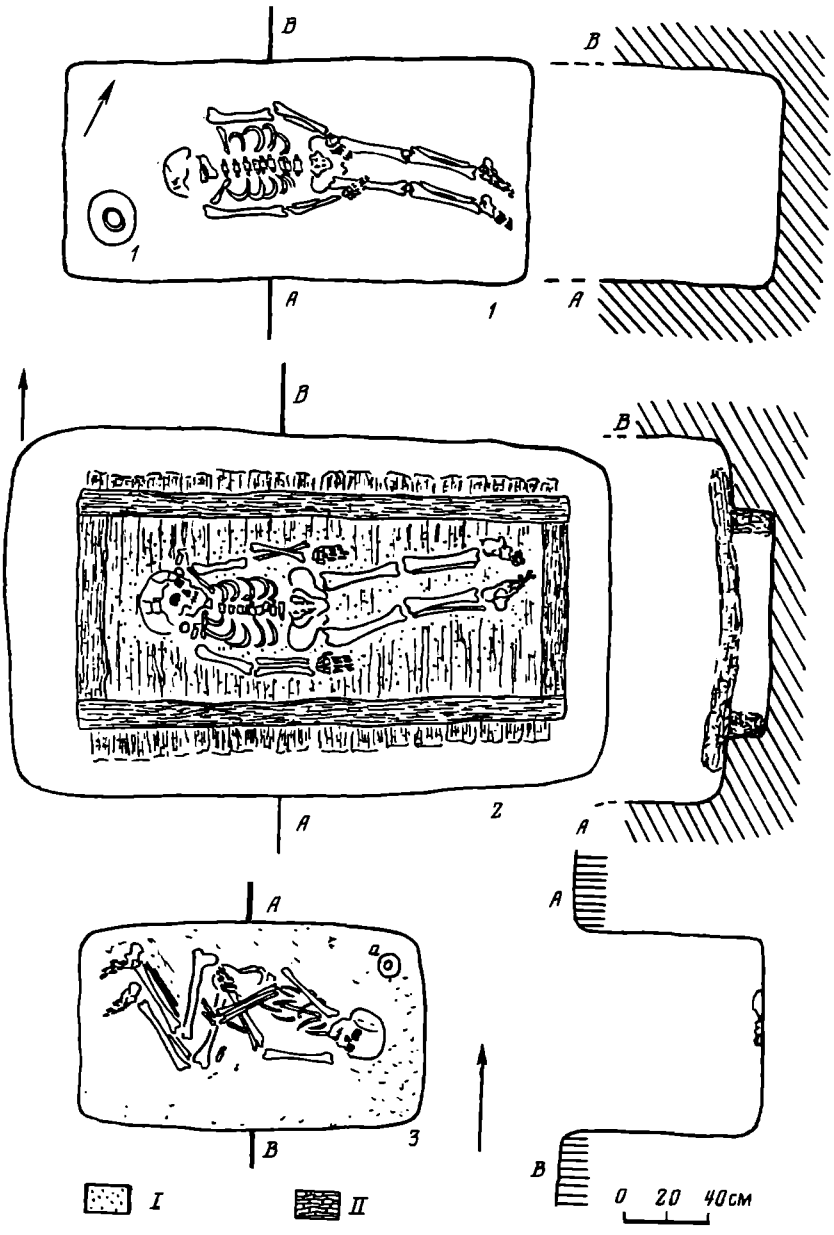


Рис. 1. *1* — с. Чечелиевка, кург. 2, погр. 4; *2* — пос. Димитрово, кург. 1, погр. 1; *3* — с. Донино-Каменка, кург. 2, погр. 1 (*а* — керамика, *б* — серьги, *в* — оселок) I — посыпка дна мелом; II — дерево

обведенной у основания двумя горизонтальными неглубокими желобками. Плоскость шляпки украшена тремя радиально расходящимися от центра прямыми нарезками. Противоположный конец подвесок уплощен и заовален. Размеры украшений: длина — 2,5 см, диаметр шляпки — 1,2 см (рис. 2, *2, 3*).

Еще одно погребение вскрыто на правом берегу р. Ингулец в Кургане 2 (на территории бывшего городского кладбища г. Александрия) Курган (высота — 3,8 м, диаметр — 32 м) сооружен в эпоху ранней бронзы. Погребение 7 находилось в юго-западном секторе кургана, на расстоянии 5 м от центра, совершено в подбое. Входная яма овальной формы (2,6×1 м, ориентирована по линии восток — юго-восток — запад — северо-запад) имела под северной стенкой ступеньку на глубине 3,1 м от отметки 0. Ширина ступеньки — 0,25 м, высота 0,65 м. На ступеньке и дне ямы сохранились остатки камышовой подстилки. В южной продольной стенке был вырыт подбой овальной в плане формы, размерами 2,4×0,8 м и высотой 0,7 м, вход в который закрывался часто постав-

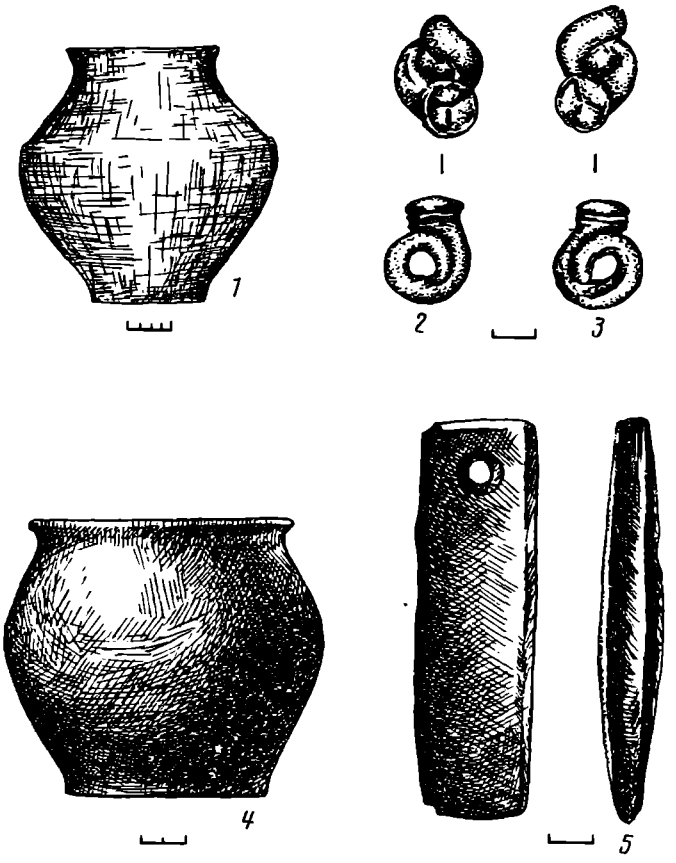


Рис. 2. *1* — с. Чечелиевка, кург. 2, погр. 4; *2, 3* — пос. Димитрово, кург. 1, погр. 1; *4, 5* — с. Донино-Каменка, кург. 2, погр. 1. *1, 4* — керамика; *2, 3* — электр; *5* — камень

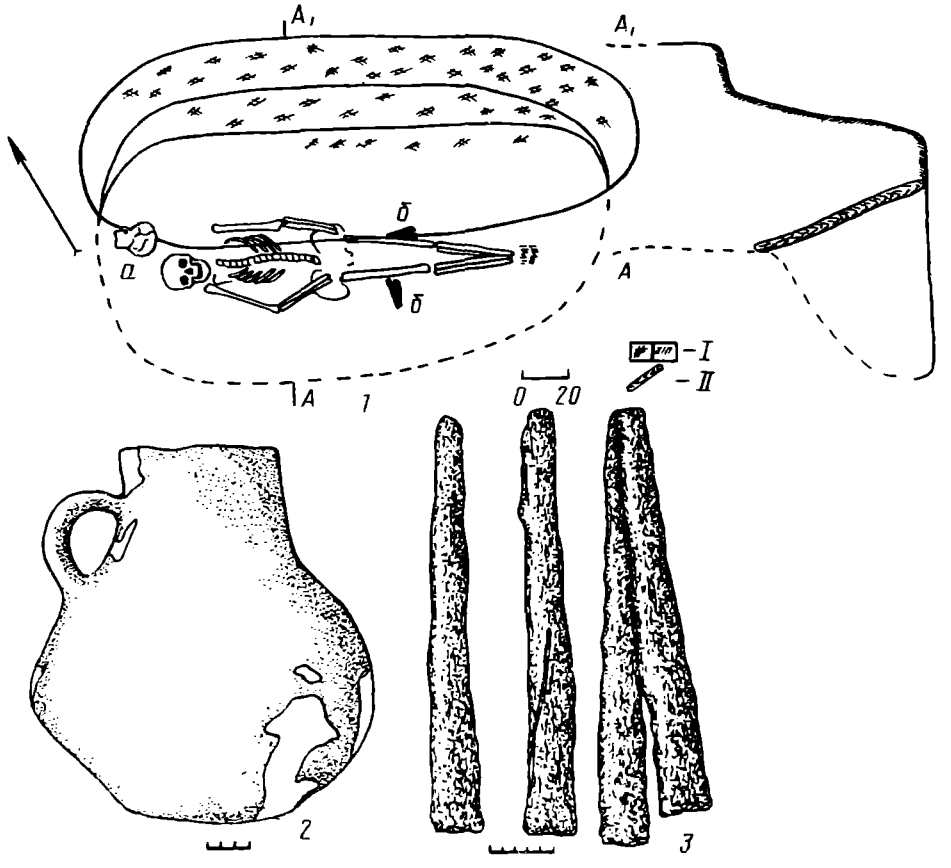


Рис. 3. г. Александрия, кург. 2, погр. 7 *1* — план и разрез подбоя, (*а* — сосуд; *б* — конусы) *2* — сосуд; *3* — железные конусы. I — камыш, II — дерево

ленными жердями. Скелет человека лежал вытянуто на спине, черепом на северо-запад. Руки были вытянуты вдоль туловища и слегка согнуты в локтях (левая — слабее), кисти рук — на тазовых костях, ноги сведены в стопах. Слева за головой умершего находился развал кувшина, а на уровне коленей обеих ног с наружной стороны найдено по паре железных конусов (рис. 3, *1*) [2, С. 270, 271] [1]

Кувшин — лепной биконической формы с округлыми боками и плоским дном. Высокое цилиндрическое горло отделено от тулова небольшим уступом, венчик слабо отогнут наружу. Под венчиком начинается петельчатая, овальная в сечении ручка. Поверхность сосуда темно-серого цвета, подлощена. Размеры кувшина (см): высота — 30, диаметр венчика — 14, тулова — 24, дна —9, высота ручки — 7,8, ширина — 1,5 (рис. 3, *2*).

Железные конусы (4 экз.) — в виде трубок, свернутых из листа и совмещенных по шву. Окончание конусов притуплено. Размеры (см): длина — 16, диаметр верхний — 1, нижний — 2 (рис. 3, *3*). В полости трубок отмечена древесина.

В 1979 г. был исследован курган 2 у с. Донино-Каменка, расположенный между верховьями рек Ингулец и Аджамка, в 2 км к западу от села в Знаменском р-не. Курган (высота — 0,6 м, диаметр — 20 м) сооружен в эпоху бронзы. Погребение I располагалось на расстоянии 3 м к северо-западу от центра. Захоронение совершено в яме прямоугольной формы, ориентированной по линии запад — восток; размеры ямы: 1,6×0,9 м, глубина — 0,9 м. Под продольным деревянным перекрытием на дне ямы расчищен скелет человека, лежавшего скорченно на левом боку, черепом на восток — юго-восток. Присогнутые в локтях руки были направлены вниз и перекрещивались в области живота. Ноги были согнуты под прямым углом в тазобедренных и под острым в коленных суставах. Умерший лежал на подстилке из коры и был посыпан мелом. Комочки мела прослежены и в заполнении ямы. В северо-восточном углу ямы, против затылка, стоял лепной горшочек, а в области поясницы обнаружен оселок (рис. 1, *3*).

Горшочек — бочонковидной формы, с отогнутым наружу венчиком с закругленным краем, короткой шейкой, плавно переходящей в округлое тулово, сужающееся к плоскому дну. Цвет сосуда — бурый с серыми пятнами, поверхность заглажена. Размеры (см): высота — 14, диаметр венчика — 12,8, тулова — 14, дна — 8,3 (рис. 2, *4*).

Оселок изготовлен из песчаника темно-коричневого цвета, имеет подпрямоугольную форму в плане и разрезе со слегка выпуклыми широкими плоскостями, поверхность хорошо зашлифована. На верхнем конце изделия есть отверстие конической формы, выполненное путем двустороннего сверления. Нижний конец оселка сточен, один из его углов выщерблен. Размеры (см): длина — 11,7, ширина — 2,5—3,2, толщина — 1,3, диаметр отверстия — 0,6—1,0 (рис. 2, *5*). Расположение оселка относительно тела умершего позволяет предполагать наличие пояса.

К исследуемой группе погребений следует присоединить условно погребальный комплекс вещей из разрушенного кургана у с. Камбурлиевка Онуфриевского р-на Кировоградской обл. [3, с. 49, рис. 19, *8, 9*]. Он состоит из гранитного клевца-молотка и оселка, удивительно схожего по форме и размерам с оселком из Донино-Каменки.

Все рассмотренные погребения сопровождались инвентарем, что усиливает достоверность их культурной атрибуции. Известная закономерность наблюдается в географическом расположении киммерийских могил. Камбурлиевка — Александрия — Димитрово — Донино-Каменка образуют с востока на запад цепочку, отстоящую на 40—50 км от южной линии городищ чернолесской

---

[1] Выражаем благодарность Г. Л. Евдокимову за разрешение опубликовать материалы его раскопок.

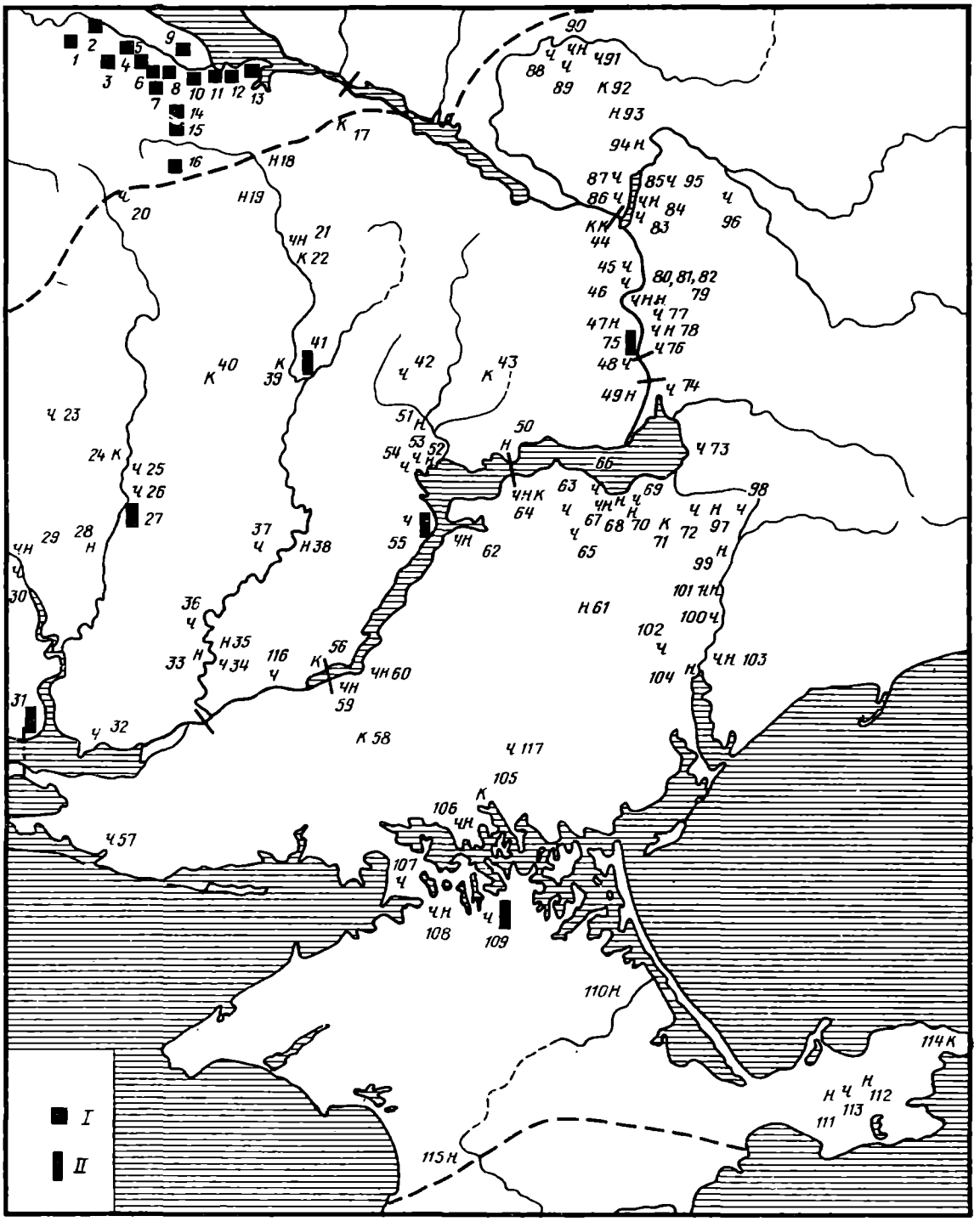
культуры по Тясмину [4, с. 7, рис. 1]. В 25 км к северо-западу от Донино-Каменки находится южный форпост чернолесских племен — городище в Черном Лесу на территории Знаменского р-на Кировоградской обл. Таким образом, устанавливается довольно четкая граница на протяжении 100 км на запад от Днепра между чернолесскими и киммерийскими памятниками, совпадающая, кстати, с современной границей степи и лесостепи.

Не менее показательна другая цепочка памятников: Донино-Каменка — Димитрово-Чечелиевка и далее на юг по Ингульцу. К северу от Чечелиевки, у с. Марьяновка, был найден широкий бронзовый браслет чернолесского типа [4, с. 162, рис. 109, *4*; с. 166], а южнее, в кургане у с. Радионовка Криворожского р-на Днепропетровской обл., на правом берегу р. Ингулец, обнаружены двукольчатые удила и наконечник копья из бронзы [5, с. 75, рис. 3] Далее на юг на левом берегу р. Ингулец открыто яркое погребение в кургане у с. Великая Александровка Херсонской обл. [6, с. 144—154]. В то же время наметилась цепочка киммерийских памятников на восток от г. Кривой Рог: с. Поддубное Софиевского р-на [7, с. 169—171, рис. 1, *6*, *7*], с. Ивановка Никопольского р-на, Никопольское курганное поле [3, с. 46, 47, 53], г. Каменка-Днепровская Запорожской обл., где в поле кургана 11 обнаружен клад предскифских древностей: детали конской узды и железные наконечники копий (раскопки Запорожской экспедиции ИА АН УССР в 1986 г.). Выходит, что в расположении киммерийских памятников существует определенная закономерность. К этому вопросу мы еще возвратимся ниже при характеристике сопровождающего инвентаря.

Обряд погребения достаточно традиционен. Все захоронения впущены в курганы эпохи бронзы и расположены на расстоянии 3—6 м от центра, в различных секторах насыпей. Локальной особенностью является соотношение подпрямоугольных ям и подбоев — 4:1, в то время как в целом по степи наблюдается заметное преобладание именно подбойных сооружений у киммерийцев [7, с. 181, рис. 8] Другой особенностью является обильная посыпка дна ямы и умершего мелом, отмеченная в четырех могилах из пяти, кроме Александрии. Обычно же наличие мела в могилах предскифского периода известно довольно редко, в пределах 7% по выборке в 150 могил черногоровского типа. Близость лесостепи объясняет наличие деревянных перекрытий ям и входа в подбой, устройство сруба на дне ямы в кургане у пос. Димитрово. Наличие в могиле сруба или дощатого саркофага было в предскифский период важным показателем знатности умершего. Обычно в таких гробницах встречаются оружие, детали конской упряжи, золотые украшения (Высокая могила, Белоградец, Березки, Новопетровка и др.).

Различия внутри анализируемой группы погребений заключаются в положении и ориентировке умерших. В двух случаях это скорченное положение на спине (Чечелиевка, погребение 2, курган 2) и левом боку (Донино-Каменка) с ориентировкой на восток с отклонениями, а в трех — вытянутое (ориентировка на запад с отклонениями) В свое время этим различиям было придано хронологическое значение [3, с. 198—202; 8, с. 50—52] Наиболее четко показатели различия и сходства двух групп (черногоровской и новочеркасской) носителей киммерийской культуры сформулированы Э. С. Шарафутдиновой и О. Р. Дубовской [9, с. 129—132]. Новые материалы, однако, свидетельствуют по крайней мере о частичном сосуществовании черногоровских и новочеркасских памятников, а значит, и групп населения [10, с. 70—73; 11, с. 147—152; 12, с. 71—73].

Материалы из курганов Кировоградщины дали новый факт в пользу частичного сосуществования упомянутых групп населения. Специфические для черногоровских захоронений височные подвески в форме бараньих рожек (или улиткообразные) найдены здесь и при скорченном (Чечелиевка, погребение 8, курган 2), и при вытянутом (Димитрово) захоронениях. Это первый случай обнаружения массивных золотых подвесок в форме бараньих рожек в погребении новочеркасской группы. Подвески из упомянутых погребений отлиты из сплава


I
II

золота и серебра с незначительным добавлением меди и золота с незначительной примесью меди, чем отличаются от золотой подвески из погребения 5 Высокой Могилы [13, с. 154, рис. 7] и бронзовых, плакированных золотой фольгой подвесок из Львово [3, с. 50—52, рис. 22, *1*] и Целинного [14, с. 240, рис. 4]. На плоскости гвоздевидной шляпки каждой из этих подвесок нарезан знак из трех прямых линий, сходящихся к центру. Возможно, три луча, вписанные в окружность шляпки, являются родовым знаком черногоровцев, отличным от знака новочеркассцев — ромба с кружком в центре, вписанного в окружность [3, с. 175, рис. 92]. Наличие таких подвесок при вытянутом захоронении новочеркасского облика может свидетельствовать о межплеменных связях.

Нанесенные на карту Степного Причерноморья комплексы с подвесками типа бараньих рожек следующим образом пересекают эту территорию с севера на юг: два — по Ингульцу, третий, у с. Львово, находился на территории Бериславского р-на Херсонской обл., неподалеку от Каховской переправы через Днепр, четвертый, у с. Целинное, — в Джанкойском р-не Крымской обл., указывая направление пути к киммерийским переправам через Боспор Киммерийский в Азию [15, с. 6—7]. Показательно, что на этом пути уже выявлены две киммерийские стелы, установленные некогда на Царевой могиле в г. Кривой Рог и на кургане 16 у с. Целинное [16, с. 17, 18, рис. 6; 14, с. 242, рис. 6]. Высокая Могила находится в стороне от этого пути, но также на не менее древней дороге, шедшей от переправы через Днепр у Никополя и Каменки-Днепровской на восток и далее на север вдоль Великого Луга к порогам, где у Кичкасской переправы обнаружена еще одна киммерийская стела [16, с. 18, 19, рис. 8]. На полпути от Высокой Могилы до Кичкаса в погребении 12 кургана 1 у с. Каменское Васильевского р-на Запорожской обл. [2]. обнаружена височная подвеска, подражающая описанным выше, изготовленная из обломка бронзовой булавки кобанской культуры (VI тип по В. И. Козенковой — с витым стержнем и навершием в виде уплощенной пластинки, завернутой в трубочку) [17, с. 57, табл. XXXV, *3*].

Таким образом, тщательное картографирование (рис. 4) памятников ким-

[2] Неопубликованные материалы раскопок И. Р. Тихомоловой упоминаются с ее любезного разрешения.

Рис. 4. Расположение городищ чернолесской культуры (по А. И. Тереножкину, 1961) и степных памятников киммерийской культуры: I — городища; II — стелы; Ч — погребения черногоровской группы; Н — погребения новочеркасской группы; К — клады и случайные находки. Переправы через Днепр и Днепро-Бугский лиман даны в по Е. В. Черненко, 1984. *1* — Залевки; *2* — Головятино; *3* — Секирное; *4* — Лубенцы; *5* — Полудневка; *6* — Волчий Шпиль; *7* — Яныч; *8* — Субботов; *9* — Адамовка; *10* — Калантаев; *11* — Тясминка; *12* — Пеньковка; *13* — Московская Гора; *14* — Большое Чутовское; *15* — Малое Чутовское; *16* — Черный Лес; *17* — Камбурлиевка; *18* — Александрия; *19* — Димитрово; *20* — Донино-Каменка; *21* — Чечелиевка; *22* — Марьяновка; *23* — Калиновка; *24* — Привольное; *25* — Соколовка; *26* — Отрадное; *27* — Константиновка; *28* — Костычи; *29* — Новая Одесса; *30* — Ковалевка; *31* — Ольвия; *32* — Широкая Балка; *33* — Лиманцы; *34* — Галагановка; *35* — Нововасильевка; *36* — Шированка; *37* — Висунск; *38* — Великая Александровка; *39* — Радионовка; *40* — Терновое; *41* — Кривой Рог (Царева Могила); *42* — Поддубное; *43* — Ивановка; *44* — Днепропетровск; *45* — Орехово; *46* — Башмачка; *47* — Федоровка; *48* — Верхнехортицкий могильник; *49* — Разумовка; *50* — Никополь; *51* — Шолохово; *52* — Кут; *53* — Грушевка; *54* — Марьянское; *55* — Золотая Балка; *56* — Берислав; *57* — Новочерноморье; *58* — Красный Подол (Черная Долина); *59* — Любимовка; *60* — Софиевка; *61* — Богдановка; *62* — Первомаевка; *63* — Заповитное (совхоз «Степной»); *64* — Каменка-Днепровская; *65* — Малая Цымбалка; *66* — Путь Ильича; *67* — Высокая Могила; *68* — Балковский курган; *69* — Днепрорудное; *70* — Видножено; *71* — Михайловка; *72* — Бурчак; *73* — Каменское; *74* — Запорожская опытная станция; *75* — Днепрогэс, Кичкасская переправа; *76* — Кичкас; *77* — Вильнянский могильник; *78* — Вильногрушевка; *79* — Орлов; *80* — Петро-Свистуново; *81* — Ясиноватое; *82* — Днепровка; *83* — Игрень; *84* — Соколовка; *85* — Александровка; *86* — Спасское; *87* — Верхняя Маевка; *88* — Заплавка; *89* — Котовка; *90* — Иосифовка; *91* — Колпаковка; *92* — Веселое; *93* — Николаевка; *94* — Хащевое; *95* — Песчанка; *96* — Булаховка; *97* — Барвиновка; *98* — Жовтневое; *99* — Виноградное; *100* — Троицкое; *101* — Старобогдановка; *102* — Высокое; *103* — Новофилипповка; *104* — Зеленый Луг; *105* — Сергеевка; *106* — Васильевка; *107* — Рисовое; *108* — Танковое; *109* — Целинное; *110* — Чкалово; *111* — Луговое; *112* — Зеленый Яр; *113* — Виноградное; *114* — Керчь; *115* — Зольное; *116* — Львово; *117* — Метрополь. (Пунктиром на карте отмечены границы степной зоны.)

мерийской культуры позволяет наметить нити торговых путей предскифского периода. Один из них тянулся от городища в Черном Лесу вдоль Ингульца, через переправы у современного Никополя или Каховки переходил на левый берег Днепра и далее через Черную Долину направлялся к Перекопскому перешейку и Киммерийским переправам Керченского пролива (Боспора Киммерийского). Через территорию Кировоградской обл., возможно, проходил и другой путь — от городища в Черном Лесу вдоль р. Ингул, также помеченный находками двух киммерийских стел (Константиновка, Ольвия) [16, с. 16—18, рис. 4, 7] и заметной цепочки погребений [18, с. 34, рис. 1].

Напутственная пища в виде костей барана обнаружена в погребении 8 кургана 2 у с. Чечелиевка, т. е. в одном из двух погребений черногоровского типа, что соответствует удельному весу этого показателя в целом по группе. В погребениях с подвесками типа бараньих рожек кости барана зафиксированы во всех случаях, кроме Димитрово. Но в последнем случае умерший находился в вытянутом положении. Для погребений новочеркасской группы наличие напутственной пищи менее обязательно (около 20% по серии), что и подтверждают комплексы Кировоградщины, в которых кости животных не отмечены вообще. Предположенная В. Н. Корпусовой и В. П. Белозором связь подвесок в виде бараньих рожек с почитанием этого животного в киммерийской среде [14, с. 240], вероятно, действительно имела место, по крайней мере в черногоровской ее половине.

Керамика присутствует примерно в половине погребений предскифского периода степной зоны, в группе вытянутых на спине удельный вес этого показателя достигает даже 60%. Захоронения Кировоградщины не нарушают этой пропорции. При скорченном погребении из Донино-Каменки находился небольшой горшочек без лощения. При всей пестроте предскифских форм керамики простые горшочки с плавной профилировкой тулова и отогнутым наружу закругленным краем венчика составляют количественно преобладающий тип посуды, восходящий к керамической традиции белозерской культуры (совхоз «Аккермень», курган 17, погребение 11; Суворово, курган 5, погребение 2) [3, рис. 2, *4;* 33, *3*]. Среди вытянутых погребений такая посуда также известна, но она более характерна для группы вытянутых на боку захоронений (с. Видножено Васильевского р-на Запорожской обл., курган 1, погребение 3, раскопки Запорожской экспедиции ИА АН УССР в 1987 г.).

Биконическая лощеная корчага с уступчиком в месте перехода плечиков в тулово из погребения у с. Чечелиевки типологически близка к группе корчаг западного происхождения, выделенных В. И. Козенковой как показатель контактов Северного Кавказа с Карпато-Дунайским бассейном в начале I тыс. до н. э. [19, с. 62—64, рис. 6]. Ближайшая аналогия из степного региона также находится на западе (курган 4, погребение 1 у с. Дивизия Татарбунарского р-на Одесской обл., раскопки Г. Н. Тощева) [3]. Это погребение оказалось разрушенным, но по расположению сосудов в яме можно предположить, что умерший был ориентирован головой на запад.

Сосуд в форме кувшина с ручкой из Александрии также известен в коллекции предскифской посуды, но в погребениях черногоровской группы: погребение 15 в кургане 1 у хут. Степана Разина [3, с. 67, 62], погребение 3 в кургане 11 могильника Грушевский и случайная находка у хут. Обрывский [20, с. 23, 160, рис. 6, *2;* с. 158, рис. 4, *6*]. Использование одних и тех же форм посуды при различных типах погребального обряда указывает на возможность синхронизации этих обрядов.

Железные вещи представлены четырьмя коническими трубками из погребения с кувшином в г. Александрия. Такой же комплект конусов зафиксирован в погребении 6 кургана 14 в группе Бутор I Григориопольского р-на Молдавской ССР [21, с. 117—119, рис. 59, *3*] и еще один конус в погребении 3 кургана 3 той же группы. Первое из этих погребений совершено в подбое, второе — в

[3] Любезное сообщение Г. Н. Тощева.

узкой яме; ориентировка умерших — в западном направлении; другие вещи отсутствуют [22, с. 119, рис. 1, *3*]. В Александрии конусы были обнаружены попарно, несколько выше коленей правой и левой ноги, а в Буторе все четыре лежали пучком у пояса. Похоже, что конусы являлись деталью одежды. Попутно заметим, что лишь недоразумением можно объяснить представление о кувшине из Александрии как о сосуде салтовского типа, высказанное Н. Л. Серовой и Е. В. Яровым со ссылкой на А. И. Мелюкову [21, с. 136] Не говоря уже о территориальном несоответствии, заметим, что салтовская посуда изготовлялась на гончарном круге, а сосуды предскифского периода все, без исключения, лепные.

Оселки из Донино-Каменки и Камбурлиевки типичны для черногоровской группы погребений. Они сравнительно невелики, с четко выделенными углами, отличаются от белозерских, которые в сечении приближаются к квадрату, в то время как черногоровские оселки уплощенно-прямоугольные в поперечном сечении. Оселки всегда расположены у поясницы умершего и косвенно указывают на существование у погребенного пояса, истлевшего со временем. Изображения на киммерийских стелах показывают, что оселок являлся часто встречаемым элементом в поясном наборе воина-всадника прежде всего в Днепровском ареале (Царева Могила, Ольвия, Целинное). Отметим, что на стеле из Ольвии вырезаны детали, подобные поясной бронзовой ворворке из погребения 8 кургана 2 у с. Чечелиевка. Они использовались, в частности, для крепления оселка [16, с. 16, рис. 5] А. И. Тереножкин пишет, что это — отверстия на поясе, но ведь они переданы двойной окружностью. Скорее всего, такие ворворки фиксировали отверстия на поясе.

В целом вещевой комплекс кировоградских погребений невелик. Лишь в одном случае отмечены оружие (молоток-клевец из Камбурлиевки) и детали конской узды (костяные псалии из Чечелиевки, курган 2, погребение 8). Вообще для погребений предскифского периода в отличие от скифских оружие и предметы конской упряжи — редкость. Несколько богатых захоронений всадников лишь оттеняют скромность материального сопровождения сотен рядовых могил. Это косвенное свидетельство мобильности киммерийцев, самые яркие вещевые комплексы которых обнаружены за пределами степи.

Новые материалы конкретизируют внешний облик носителей киммерийской культуры. В связи с находками подвесок типа бараньих рожек, которые могли, вероятно, вдеваться в ухо, следует обратить внимание на отрывок из Анакреонта, цитируемый Афинеем (Athen., XII, 533a): «Прежде он ходил в керберийском башлыке, с деревянными подвесками в ушах и с косматой шкурой вокруг ребер» [23, с. 268]. Комментатор отмечает: «Понятие „керберийский" в точности соответствует понятию „киммерийский" в его отвлеченном мифико-географическом значении» [23, с. 268, сн. 2]. По изображениям на стелах и материалам погребений видно, что подвески были существенной деталью в убранстве киммерийского воина. Несомненно, их изготовляли не только из золота, электра и бронзы, но и вырезали из дерева. Башлык, упоминаемый Анакреонтом, есть на головах большинства киммерийских всадников, изображенных на саркофаге из Клазомен (VI в. до н. э.). На киммерийское происхождение так называемых фригийских колпаков справедливо указывает Э. Берзин [24, с. 32]. Ж. Зайтерле упоминает о металлических или кожаных венчиках (лентах) как о детали ранних фригийских колпаков VIII в. до н. э. [25, с. 6, рис. 13] Известны подобные ленты в степных погребениях этого же времени [7, с. 176, рис. 3, 19].

Все более весомые аргументы в пользу сосуществования носителей черногоровских и новочеркасских памятников ставят вопрос о характере их взаимоотношений. Вряд ли целесообразно решительное противопоставление этих двух групп как киммерийцев и скифов или наоборот. Важнее понять формы сосуществования двух групп населения на одной и той же территории, ведших однотипное экономическое существование и поклонявшихся одним и тем же кумирам, фактически составлявших двуединую культуру. Показательно, что

культура предскифского кочевого населения в Восточной Венгрии (бассейн р. Тиса) характеризуется теми же двумя обрядовыми группами погребений (скорченные — с восточной ориентировкой и вытянутые — с западной), что и степная киммерийская культура [26, с. 141—145]. Именно это население принесло киммерийскую узду и железное оружие на Запад. Е. Кеменцеи отмечает, что самые западные могилы кочевников предскифского периода обнаружены на Чепеле (Будапешт) и в Бекашмедьере — на участке важной переправы через Дунай, которую предскифские племена стремились контролировать [26, с. 143]. Очевидно, не только кочевое скотоводство и война, но и торговое посредничество были составляющими могущества киммерийцев.

Вопросы хронологии позднейшего предскифского периода на столь ограниченном материале не могут быть уточнены. Наметившаяся синхронизация черногоровских и новочеркасских памятников размывает и без того шаткий хронологический рубеж между ними. И все же в целом черногоровские комплексы выглядят архаичнее новочеркасских. Они более связаны обрядом погребения и общим обликом материальной культуры со степными культурами эпохи поздней бронзы. Новочеркасские комплексы нередко насыщены железными вещами и выглядят более соответствующими эпохе раннего железа. Отразить эти качественные различия в достоверных датировках еще предстоит. Пока же погребения Кировоградщины можно датировать в пределах IX — начала VII в. до н. э., придерживаясь хронологии А. И. Тереножкина [3, с. 208].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бокий Н. М., Горбул Г. П.* Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области // СА. 1985. № 4.
2. *Евдокимов Г. Л.* Раскопки курганов в г. Александрия // АО-1979. М., 1980.
3. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
4. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев: Изд-во Ан УССР, 1961.
5. *Петрунь В. Ф.* До похождения мінеральної сировини пам'ятників III—I тисячоліття до н. е. з басейну річки Інгулець // Археологія. 1969. Т. 22.
6. *Кубышев А. И., Полин С. В., Черняков И. Т.* Погребение раннежелезного века на Ингульце // СА. 1985. № 4.
7. *Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В.* Погребения киммерийцев в катакомбных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1.
8. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на Юге Украины: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.08. М., 1975.
9. *Шарафутдинова Э. С., Дубовская О. Р.* Киммерийская проблема и две группы погребений предскифского времени в Северном Причерноморье // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Тез. докл. Всесоюз. симпоз., посвященного 60-летию образования СССР. Ереван. 1982.
10. *Петренко А. М.* Комплекс VIII—VII вв. до н. э. из Ставрополья // КСИА. 1982. Вып. 170.
11. *Лесков А. М.* О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984.
12. *Борзияк И. А., Дубовская О. Р.* Новое погребение предскифского времени в Молдавии // Изв. АН МССР. Серия обществ. наук. 1986. № 2.
13. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. 1974. № 1.
14. *Корпусова В. Н., Белозор В. П.* Могила киммерийского воина у Джанкоя в Крыму // СА. 1980. № 3.
15. *Скрижинская М. В.* Происхождение киммерийской топонимики в Северном Причерноморье // Античные древности Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1988.
16. *Тереножкін О. І.* Кіммерійські стели // Археологія. 1978. Вип. 27.
17. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры // САИ. 1982. Вып. В. 2—5.
18. *Гребенников Ю. С., Елисеев В. Ф., Клюшинцев В. Н.* Погребения предскифского периода в Южном Побужье // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
19. *Козенкова В. И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
20. *Максименко В. Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
21. *Серова Н. Л., Яровой Е. В.* Григориопольские курганы. Кишинев: Штиинца, 1987.
22. *Державин В. Л.* Курганы эпохи бронзы у с. Буторы в Молдавии // СА. 1976. № 2.

23. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Дополнения // ВДИ. 1952. № 2.
24. *Берзин Э.* Киммерийцы и скифы — старые загадки и новые открытия // Знание — сила. 1985. № 10.
25. *Seiterle G.* Die Urform der Phrygyschen Mütze // Antike Welt. 1985. H. 3.
26. *Кеменцеи Т* Предскифская эпоха в Восточной Венгрии // Археология Венгрии, конец II тысячелетия до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: Наука, 1986.

N. M. BOKIY, G. P. GORBUL, V. V. OTROSHCHENKO

THE CYMMERIAN BURIALS IN KIROVOGRAD REGION

Summary

Five Cymmerian kurgan burials were discovered on the Upper Ingulets river in 1979—1985. One of them — Checheliyevka, mound 2, burial 8 — was published earlier but the last four are presented in this article. The burial pits were dug into the mounds of the earlier epochs, sceletons were placed either in the contracted and in the extended position. The set of artefacts found in the burials is typical for the late prescythian period. It includes burnished and plane pottery, two paires of electrum earrings, whetstone and four iron conical artefacts. Both paiers of the earrings are of the same snail-like type, one pair accompanying contracted sceleton, the second was found with extended one. This fact permitted the authors to claim the pertial synchronism of the burials of Chernogorovka type characterized by contracted position and the Novocherkassk type with the extended one. The presented assemblages are located on the border of the steppe and the forest-steppe zones, near to the Cherny les fortified settlement, the eponymous site of the Chernolesskaya culture. Cymmeraian sites are located along the surmised ancient trade routes, one of them led from the Cherny les settlement along the Ingul river to the Bugo-Dnieper estuary and then along the Ingulets river to Dnieper in the place of Kakhovka crossing. Then the route led along the Perekop isthmus to the Crimean steppes and Bosporus Cymmerios. A supposition is made about possible Cymmerians' control of the steppe trade routes. The published burials are dated to the 9th — the beginning of the 7th centuries B. C.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

ПАМЯТНИКИ КОНЦА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ И СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ

Памятники конца эпохи бронзы, или финальной бронзы, в степях Северного Причерноморья были выделены в так называемой белозерский этап (А. И. Тереножкин). Эти памятники (поселения и погребения) обладают сочетанием определенных признаков, которые позволяют рассматривать их как самостоятельную культуру [1, с. 75; 2, с. 519—526]. С нашей точки зрения, белозерские памятники Северного Причерноморья являют собой самостоятельное культурное образование, восходящее своими корнями к позднесрубной культуре в ее сабатиновском типе-варианте (Северное Причерноморье) и характеризующееся чертами-новациями, часть которых возникла под влиянием западных культур. Позднесрубные истоки белозерской культуры (А. И. Тереножкин, В. С. Бочкарев, А. М. Лесков), а также воздействие на ее формирование культур фракийского гальштата общеизвестны [3, с. 56, 87, 88]. Ареал памятников белозерской культуры, занимающий степи Северного Причерноморья, простирается с запада на восток от низовий Прута и Дуная до Днепровского левобережья, с севера на юг — от Днепровских порогов до степного Крыма.

К востоку от бассейна р. Молочной, в Приазовье, собственно белозерские памятники отсутствуют. В дельте Дона к этому этапу принадлежат поселения особой кобяковской культуры, связанной своими истоками с Прикубаньем [1, с. 69—70; 4, с. 16, 22] Поселения этой культуры занимают ограниченную территорию — правобережную часть дельты Дона и небольшой участок к северу от нее вверх по Дону. Кобяковские могильники пока неизвестны, что, видимо, связано с их устройством, при котором они трудно обнаруживаются (бескурганные грунтовые). На территории Нижнего Подонья известно большое число позднесрубных памятников [6, с. 30 сл.; 7, с. 147 сл.], синхронных в целом сабатиновской культуре и сменяющей ее белозерской в Северном Причерноморье. В связи со сказанным неизбежно возникает вопрос о том, какой культурный тип памятников поздней бронзы в степях Подонья и далее к востоку и югу соответствует по времени белозерскому этапу. За последние два десятилетия в Нижнем Подонье и Прикубанье открыто несколько могильных комплексов, позволяющих синхронизировать их с белозерским этапом.

В числе интересующих нас нижнедонских погребений пять содержали бронзовые ножи белозерского типа и одно — костяной наконечник стрелы. Погребения эти, впущенные в более древние насыпи, происходят из различных курганных групп: Потаповский, Арпачин II, Колдыри и Северный II — в левобережье; Бессергеньевский — в правобережье.

Могильник Арпачин II (Багаевский р-н) расположен близ левого берега Дона, к западу от ст. Манычской, находящейся около устья Маныча. В кургане 5 (высота 2,8 м) открыто погребение 11, находившееся близ центра насыпи на глубине 1,3 м [8]. Контуры могильной ямы прослеживались плохо (1,24×0,76 м), глубина ее дна от поверхности насыпи 1,7 м. Сохранилась верхняя часть костяка, лежавшего на левом боку черепом на восток; руки вытянуты вперед и кисти сведены (рис. 1,2). В засыпи могильной ямы найдены кости крупного копытного, трактуемые в отчете как остатки тризны. Между

© Э. С. Шарафутдинова, 1991 г.

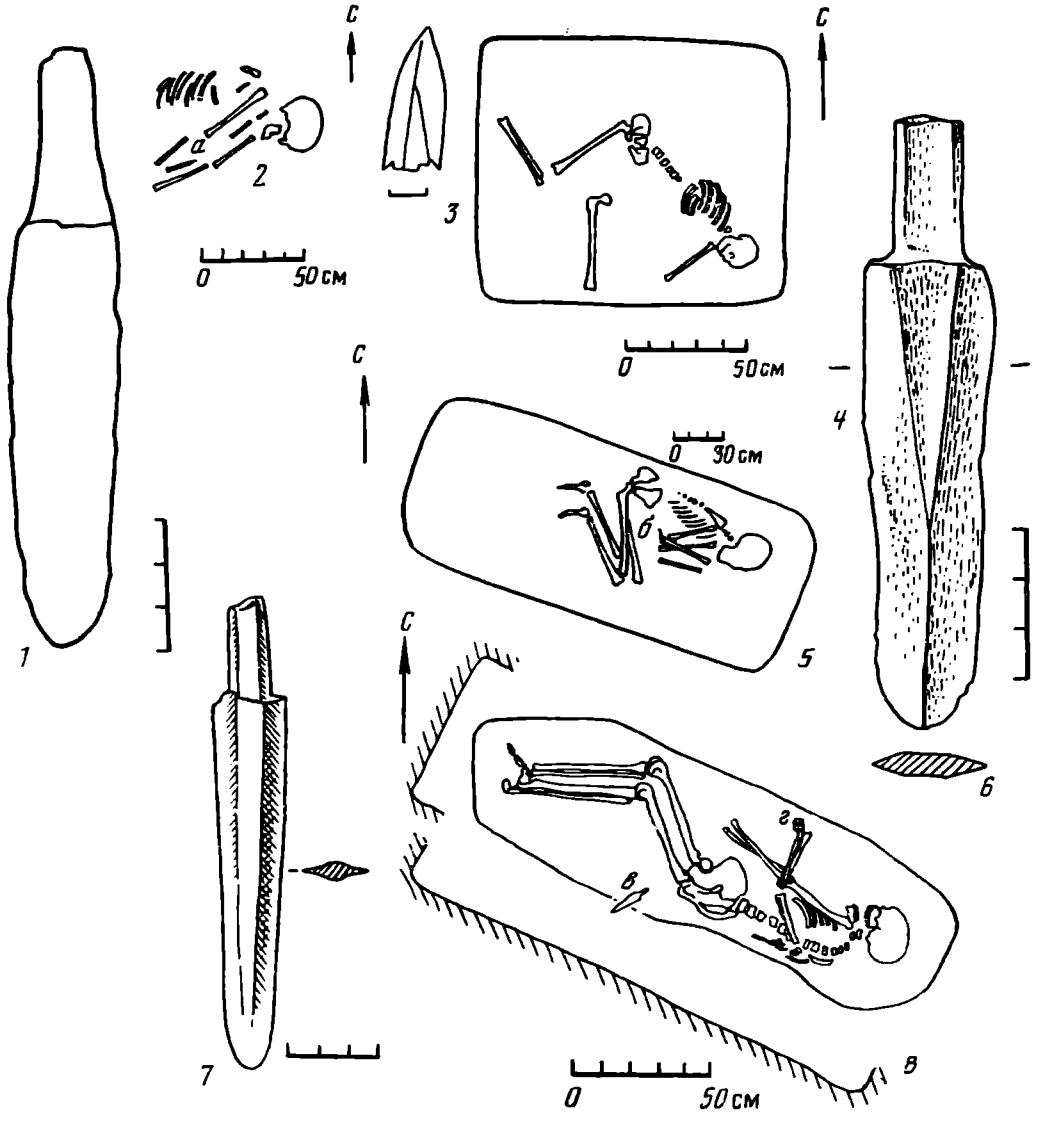


Рис. 1. Нижний Дон: *1, 2* — Арпачин, кург. 5, погр. 11; *3, 4* — Северный II, кург. 2, погр. 4; *5, 6* — Колдыри, кург. 14, погр. 10; *7, 8* — Северный II, кург. 10, погр. 4 (*1, 6, 7* — бронза, *3* — кость), *а — в* — ножи; *г* — астрагалы

руками лежал слегка корродированный бронзовый нож с параллельными краями лезвия и очень узкими плечиками (рис. 1, *1*). Длина изделия 12,5, ширина лезвия 2,1 см.

Из группы Колдыри (Багаевский р-н) на Нижнем Маныче, близ его устья, происходит курган 14 (высота 2 м), содержащий погребение 10 хорошей сохранности [9] Могильная яма, впущенная в насыпь в 18 м к юго-востоку от вершины на глубину 2,73 м от нее и прорезавшая материк, имела прямоугольную форму с закругленными углами (2,3×1,1 м) Умерший сильно скорчен на левом боку, головой на восток — юго-восток; кисти рук перед лицом. В головах погребенного лежали кости ног овцы, перед грудью — кремневый отщеп со следами работы, под правым локтем — бронзовый нож с параллельными краями лезвия и четкими узкими плечиками (рис. 1, *5, 6*). Длина ножа 12,3, ширина лезвия посредине 2,3 см.

В могильнике Северный II (Сальский р-н), расположенном на Маныче в 90 км от его впадения в Дон, в кургане 10 (высота 1 м) открыто погребение 4. Оно впущено в северный сектор насыпи на глубину 1,4 м от вершины. В узкой могильной яме с сильно закругленными углами (1,95×0,65 см) на правом боку покоился умерший со слабо подогнутыми ногами, ориентированный головой на восток — юго-восток (рис. 1, *8*). Правая рука вытянута вдоль тела,

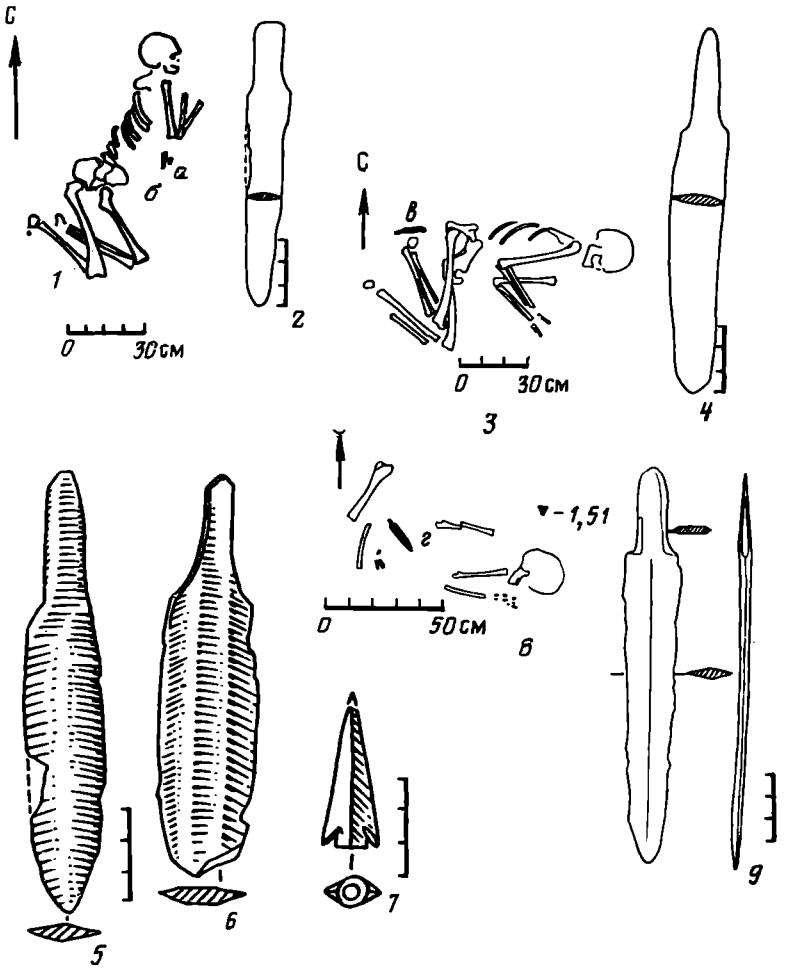


Рис. 2. Нижний Дон: *1, 2* — Центральный IV, кург. 7, погр. 3; *3, 4* — Бессергеньевский, кург. 1, погр. 2; *5 — 7* — пос. Кобяково. Степное Прикубанье: *8, 9* — Пролетарский, кург. 1, погр. 6 (*2, 4 — 6, 9* — бронза, *7* — кость), *а* — кремень; *б — г* — ножи.

левая согнута под тупым углом. Около левой кисти лежали шесть астрагалов овцы, седьмой находился в ногах; за тазовыми костями у стенки могилы находился бронзовый нож с параллельными краями лезвия и узкими покатыми плечиками [10, рис. 5, *2*] Длина ножа 15,6, ширина клинка посредине 2 см (рис. 1, *7*)

В кургане 2 (высота 0,85 м) из того же могильника содержалось погребение 4 [11] Могила прямоугольной формы (1,65×1,25 м), ориентированная по линии запад — восток, располагалась в центре насыпи на глубине 1,65 м. Костяк слабо скорчен на левому боку, черепом на юго-восток. От рук сохранилась одна плечевая кость, судя по которой, можно предположить, что руки были протянуты вперед, как и в арпачинском погребении. В могиле обнаружен [1] костяной втульчатый наконечник стрелы с ромбическим сечением (рис. 1, *3, 4*), аналогичный по форме короткой втулки и шипикам костяному наконечнику из поселения Кобяково (рис. 2, *7*) [1, табл. XXXIII, *3*]. Длина изделия 3,7 см.

Также в левобережье, на правом берегу Сала (Волгодонской р-н), к востоку от пос. Южный, в кургане 7 (высота 0,65 м) из группы IV у пос. Центральный, обнаружено погребение 3 [12] Оно находилось в юго-восточной части насыпи,

[1] Точное местоположение наконечника в могиле не указано в отчете.

на глубине 0,77 м от ее вершины. Могильная яма не прослеживалась. Умерший скорчен на левом боку, головой на северо-восток; кисти рук перед лицом. Около локтей лежали кремневый отщеп и бронзовый нож со следами коррозии, параллельными краями лезвия и узкими плечиками (рис. 2, *1, 2*). Длина изделия 12,7, ширина лезвия 1,7—2 см.

В правобережье Дона, в бассейне р. Аксай у ст. Бессергеньевской (Октябрьский р-н), в кургане (высота 0,9 м) на глубине 0,78 м от его вершины находилось погребение 2 [13]. Умерший лежит скорченно на левом боку, головой на восток, кисти рук у лица. У правой стопы лежал бронзовый нож длиной 16,5 и шириной лезвия 2,3 см, с узкими покатыми плечиками и параллельными краями лезвия (рис. 2, *3, 4*).

Два бронзовых ножа белозерского типа происходят из поселения кобяковской культуры — Кобяково (рис. 2, *5, 6*).

В отношении позднесрубных поселений белозерского этапа на Нижнем Дону следует сказать следующее. В этом регионе позднесрубные поселения почти не расчленяются по материалу на сабатиновский и белозерский этапы. Это объясняется, очевидно, тем, что позднесрубная керамика не имеет в целом отличий на сабатиновском и белозерском этапах. Пока в Нижнем Подонье выделяется всего несколько поселений времени финальной бронзы, т. е. белозерского этапа: в правобережье два поселения, у хут. Потайновского и у ст. Раздорской [7, с. 163—164]; в левобережье, вероятно, поселение у г. Батайск близ донской дельты [14, с. 285] и, может быть, поселение 7 у хут. Веселовского на Нижнем Маныче.

В Прикубанье, в Краснодарском крае, обнаружено четыре впускных курганных погребения белозерского этапа (могильники Батуринский I, Анапский I, Пролетарский, Михайловский). В двух из этих погребений содержались ножи.

Из кургана 9 (высота 2,3 м) в могильнике Батуринский I на правом берегу р. Бейсуг (Брюховецкий р-н) происходит погребение 10 [15]. Оно располагается в южной поле́ кургана на глубине 2,5 м от вершины. Контуры могильной ямы не прослеживались. Костяк скорчен на левом боку, головой на юго-восток. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута под прямым углом, ее предплечье покоится поперек тела (рис. 3, *1*). В головах умершего лежали два сосуда. Первый сосуд — слегка подлощенный желтовато-серый горшок с покатыми плечиками и почти прямым венчиком, переход от которого к плечикам выражен небольшим плавным уступом; у дна аккуратная закраина (рис. 3, *3*). Высота сосуда 14 см. Второй сосуд — желтовато-серый подлощенный черпачок со следами отбитой в древности ручки. Высота его 7 см. Дно округло-уплощенное (рис. 3, *2*).

Могильнику Анапской I, который расположен на левом берегу р. Бейсуг, в 13 км к востоку от могильника Барутинский I, принадлежит погребение 3 из кургана 2 (высота 1,7 м) [16] Погребение находилось в юго-западной поле́ насыпи на глубине 1,9 м от вершины. Могильная яма не прослеживалась. Костяк средней сохранности слабо скорчен на левом боку, черепом на восток, руки согнуты в локтях под прямым углом (рис. 3, *4*). Около левой руки лежал серый кувшин с заглаженной поверхностью, высотой 17,8 см. Край прямого горла слегка отогнут, дно плоское. Бока сосуда орнаментированы мелкозубчатым штампом (рис. 3, *5*).

В могильнике Пролетарский, который находится между левыми притоками р. Бейсуг, близ пос. Бабиче-Кореновский (Кореновский р-н), обнаружено погребение 6. Оно впущено в восточную часть кургана 1, в 9 м от вершины, на глубину 1,5 м от нее [17]. Контуры могильной ямы не прослеживались. Костяк сильно скорчен, лежит на левом боку, кисти рук у лица, головой ориентирован на восток. Между локтями и коленями лежал бронзовый нож с параллельными краями лезвия и узкими плечиками (рис. 2, *8, 9*) Длина ножа 17,4, ширина лезвия посредине 2 см.

Погребение 10 — четвертое, открытое в степном Закубанье, в кургане 11 из Михайловского могильника на левом берегу р. Чамлык (приток Лабы),

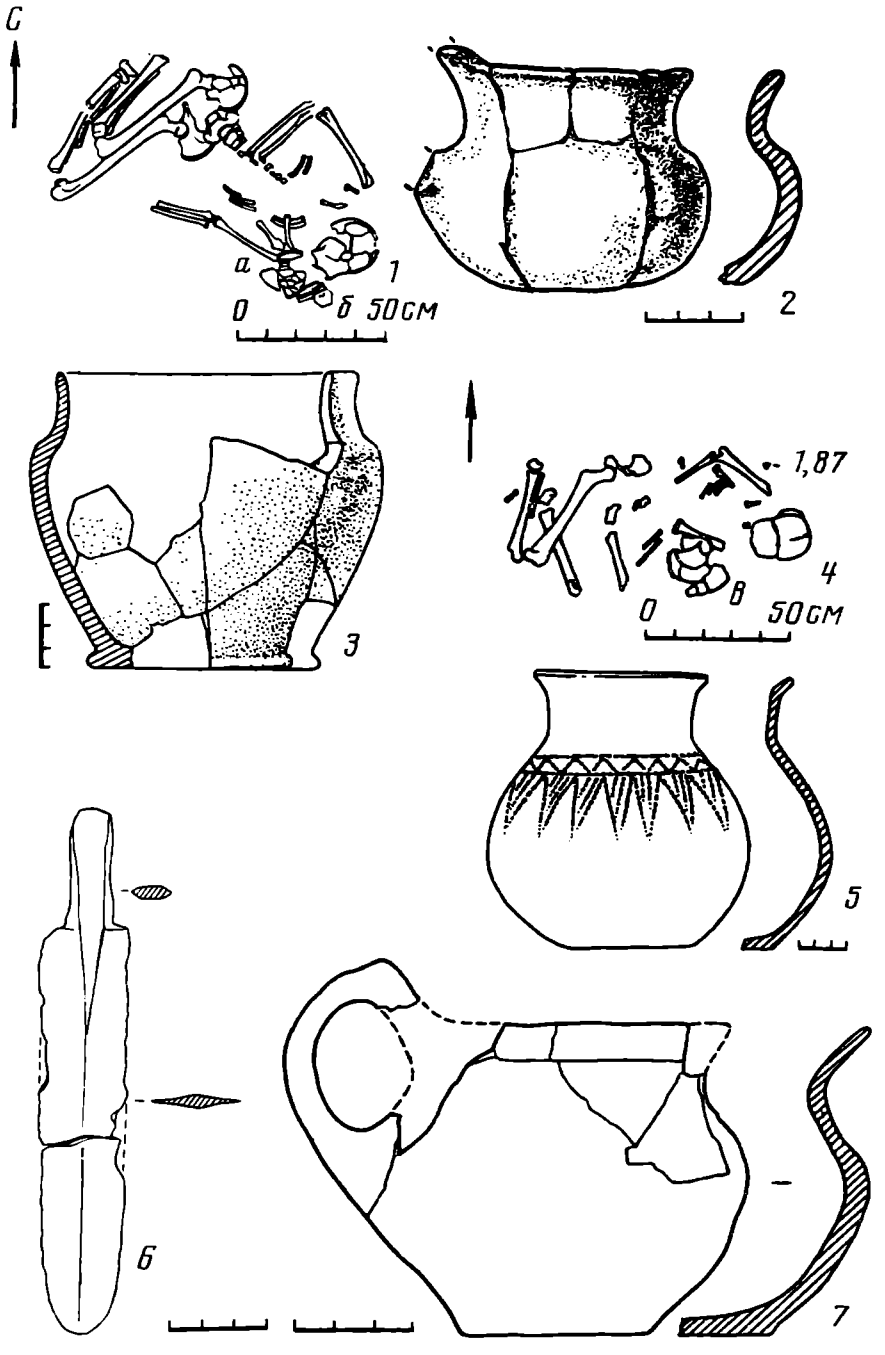


Рис. 3. Степное Прикубанье: *1—3* — Батуринский I, кург. 9, погр. 10; *4—5* — Анапский I, кург 2, погр. 3; *6, 7* — Михайловский, кург. 11, погр. 10 (*2, 3, 5, 7* — глина, *6* — бронза), *а — в* — сосуды

в 4 км к западу от ст. Михайловской [18] В могиле, костяк которой разрушен, находились бронзовый нож и черпак (рис. 3, *6, 7*). У ножа параллельные грани лезвия и узкие плечики. Длина орудия 16, ширина лезвия 2,6 см. Черпак сравнительно резко профилирован. Высота 8,3, диаметр плоского дна 4,5 см. Обряд данного захоронения, очевидно, был такой же, как и у 13 впускных в насыпи погребений поздней бронзы из этого же могильника. Костяки скорчены на левом или правом боку либо (но реже) на спине; ориентировка различная. В нескольких погребениях содержались сосуды (горшочек, кружечка, черпак) и бронзовая спиральная подвесочка кобанского типа.

Рассмотренным 10 погребениям свойственны следующие черты обряда. Скорченность чаще слабая, на левом боку, редко на правом, ориентировка

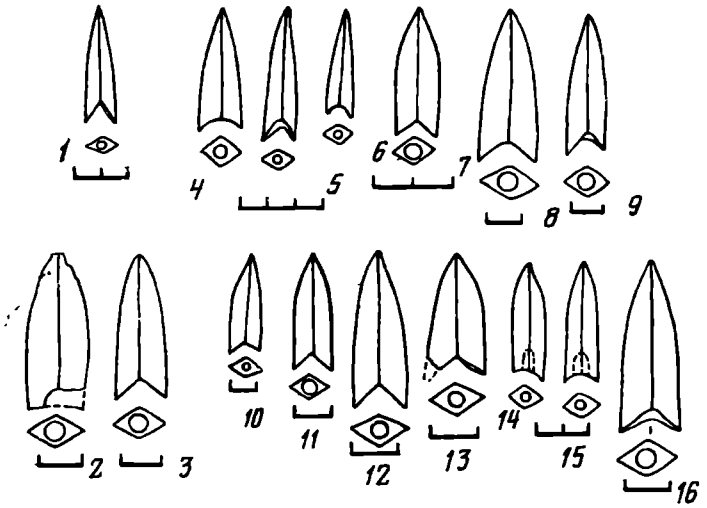


Рис. 4. Костяные наконечники стрел. Эпоха поздней бронзы: *1* — Покровск, кург 14; *2, 3* — Садчиково. Эпоха раннего железа (предскифский период): *4—6* — Субботово (позднечернолесское время): *7* — Булаховка III, кург. 5, погр. 9; *8* — Царевка; *9* — Цахнауцы; *10* — курган Малая Цимбалка; *11* — курган Высокая Могила, погр. 5; *12, 13* — Крепинский II, кург. 1, погр. 9; *14, 15* — Уч-Баш; *16* — Сержень-Юрт

на восток, юго-восток, реже на северо-восток. Положение рук различно: кисти согнутых рук перед лицом (рис. 1, *5*; 2, *1, 3, 8*), обе руки вытянуты вперед (рис. 1, *2, 4*) или согнуты под прямым углом (рис. *3, 4*) либо одна рука вытянута вдоль тела, другая согнута под прямым углом (рис. 1, *8;* 3, *1*).

Ножи с узкими плечиками и параллельными краями лезвия характерны для белозерской культуры и встречаются от Поднепровья до низовий Дуная: Компанийцы, Дереивка, Первомаевка, Малая Лепатиха (курган Широкий), Змеевка, Любимовка, Каланчак, Кочковатое [19, рис. 2, *3*; 20, рис. 42, *2—4;* 21 табл. III, *16;* 22, рис. 70, *1*; 23, рис. 4, *5;* 24, с. 57; 25, рис. 38, *34*] и т. д. (материалы Краснознаменской и Измаильской экспедиции не опубликованы) Кроме того, известны литейные формы для этих ножей, происходящие из Северного Причерноморья [26, рис. 33, *15;* 34, *10, 12—14, 16;* 27, рис. 22, *6*; 28, рис. 2, *2*] За пределами ареала белозерской культуры эти ножи встречены, как мы показали, на Нижнем Дону и Нижнем Маныче, в степном Прикубанье и Закубанье, а также в лесостепной зоне Поднестровья (пос. Кишинев) и Донетчины (Оскол), степном и лесостепном Поволжье и Волго-Камье (Калиновский, Новомордовский V, VIII, Полянский I, II и другие могильники) и в примыкающем к лесостепному Поволжью бассейне Суры (Сабанчеево) [29, рис. 17, *1*; 30, рис. 6, *2;* 31, рис. 37, *2*; 32, табл. XXV, *41*, 33, табл. 53, *5, 11*; 34, рис. 2, *1*] Распространение белозерских ножей к востоку от Северного Причерноморья указывает в первую очередь на культурные контакты северопричерноморского белозерского населения с племенами других культур эпохи поздней бронзы.

Костяной наконечник стрелы со слабо выделенной втулкой из Северного II 2/4, как и близкий ему кобяковский экземпляр (о чем говорилось выше) (рис. 1, *3*; 2, *7*), относится к типу, который восходит к костяным наконечникам, тоже ромбическим в сечении и с шипиками, но со скрытой втулкой. Этот тип встречается в евразийских степях еще с эпохи поздней бронзы, в срубных и позднеандроновских памятниках и широко распространен в предскифское время — в начале эпохи раннего железа [35, с. 60, рис. 39, *13, 14, 20—22*]. Наконечники со скрытой втулкой, шипиками и ромбические в сечении обнаружены в кургане 14 Покровского могильника и в поселении Садчиково на Тоболе (рис. 4, *1—3*) [36, табл. 14, *1 с.*; 37, рис. 14, *14, 15*] В начале раннего железного века этот тип наконечников бытует от лесостепной зоны до Северного Кавказа (верхний слой Субботова, Булаховка, Александровка, Царевка, Цахнауцы,

Малая Цимбалка, Высокая Могила, Крепинский II, Уч-Баш, Сержень-Юрт — рис. 4, *4—16*) [38, табл. IA, 6, *11, 15,* B, *5, 7*; 39, табл. 2, *5*; 40, рис. 1, *5*; 41, рис. 2, 7, *1*; 42, рис. 34, *1*; 43, рис. 9, *27, 28, 30, 35, 36;* 44, рис. 2, *4, 5;* 45, рис. 21, *5*] Два наконечника из Субботова, причисляемы к экземплярам с выступающей втулкой [38, с. 10, табл. I, *A, 1, 17*), являются, по мнению А. И. Тереножкина, черешковыми [46, с. 83, рис. 53, *12, 17*], но графически они изображены как втульчатые. Кроме экземпляров из Кобякова и Северного II, а также двух указанных спорных наконечников из Субботова, нам пока неизвестны костяные наконечники стрел с выступающей втулкой. Костяной, ромбический в сечении и с шипиками наконечник из Кипельского селища, рассматривавшийся нами в свое время, как и К. Ф. Смирновым [35, с. 60, рис. 39, *19*], в качестве втульчатого и сопоставляемый поэтому с кобяковским, в действительности является черешковым [47, с. 130, рис. 15, *4*]. Наконечник из Северного II на Нижнем Маныче по форме пера более близок экземплярам из Садчикова, Булаховки, Высокой Могилы, Уч-Баша и Сержень-Юрта (рис. 4, *2, 7, 11, 14, 16*).

Сосуды, содержавшиеся в погребениях степного Прикубанья и Закубанья, представлены характерными типами: горшок, кувшин и два черпака. Горшок из I Батуринского могильника (рис. 3, *3*) плавно профилирован и по форме характерен в целом для сосудов эпохи поздней бронзы степной зоны и близок позднесрубным, кобяковским и белозерским формам. В этом же Батуринском комплексе содержался второй сосуд — черпак с округло-уплощенным дном и следами отбитой ручки (рис. 3, *2*). По форме он немного напоминает один черпак из белозерского Широчанского могильника (погребение 33), а также, но в несколько большей мере черпак из могильника Кременевка в Приазовье под Мариуполем [3, рис. 17, *2*; 48, с. 70, рис. VII] Однако кременевский экземпляр найден в погребении, относящемся по обряду к началу эпохи раннего железа, к новочеркасской ступени, для которой не характерен такой тип сосудов. Но близость кременевского черпака к белозерским формам справедливо отмечается исследователями [48, с. 70] Второй черпак, происходящий из Михайловского могильника в Закубанье, отличался более резким профилем, что связано с отогнутостью венчика, и четким плоским дном (рис. 3, *7*). Верхняя часть ручки оформлена в виде слабого выступа. По форме этот черпак близок одному из черпаков кобанского поселения Сержень-Юрт конца бронзового — начала железного века [49, табл. LV, *7*]

Сопоставлять описанные черпаки из кубанских погребений с черпаками из поселений кобяковской культуры Нижнего Дона и Кубани мы не можем, так как последние очень фрагментарны.

Кувшин из Анапского могильника отличается в целом от белозерских типов пропорциями, бóльшим диаметром плоского дна, что сближает его и с киммерийскими формами. В определенной мере анапский кувшин можно сопоставить с двумя экземплярами из Широчанского и Каланчакского могильников [3, рис. 16, *14*; 50, рис. 16, *3*] Однако обряд каланчакского погребения свидетельствует о начале эпохи раннего железа. Один кувшин из грунтового могильника Чернянка в низовьях Днепра [51, рис. 6, *5*) слегка напоминает анапский экземпляр. Оба сопоставляемых кувшина из Широчанского и Чернянского могильников орнаментированы врезными свисающими заштрихованными треугольниками — мотив, характерный в целом для этой эпохи, но более распространенный в кобяковской и кобанской культурах (на белозерских кубках орнамент более прост — это шишечки, каннелюры, реже врезные линии, образующие свисающие треугольники, но чаще горизонтальный зигзаг, и узор, выполненный мелкозубчатым штампом в виде полос или зигзага, иногда из вложенных углов). На анапском кувшине узор более сложный, нанесен мелкозубчатым штампом и расположен в две зоны: горизонтальная лента, заполненная зигзагом, и свисающие под ней заштрихованные треугольники. Такая орнаментальная композиция характерна для кобяковской керамики. На кобанских сосудах узор из таких треугольников врезной, а на кобяковских сосудах

на Нижнем Дону врезной или веревочной, реже исполненный мелкозубчатым штампом; на Кубани, наоборот, реже веревочный узор, чаще из мелкозубчатого штампа. Вместе с тем на анапском кувшине треугольники отличаются некоторой вытянутостью. Аналогии кубанским сосудам, прослеживаемые в керамике белозерской культуры Северного Причерноморья, свидетельствуют в первую очередь об одной эпохе.

Какова же культурная принадлежность рассмотренных нижнедонских и кубанских комплексов. Чтобы установить это, кратко укажем на основе признаки белозерской культуры Северного Причерноморья, представленной поселениями, погребениями, кладами и литейными мастерскими [20, с. 117—152]. В керамическом комплексе этой культуры содержатся две группы керамики: хозяйственная (профилированные горшки, часто украшенные, но только по плечикам валиком, концы которого иногда не сомкнуты) и столовая лощеная (кубки, кувшины и черпаки определенных типов по форме и орнаменту). Об орнаментации этой столовой посуды мы уже говорили. В могилы обычно помещалась столовая посуда. Погребенные сильно скорчены на левом или правом боку (изредка на спине), головой ориентированы на юг. Только для белозерской культуры свойственны в этот период грунтовые и курганные могильники, содержащие богатые и рядовые захоронения. Белозерский вещевой инвентарь включает большое разнообразие бронзовых украшений (фибулы, колоколовидные подвески, пуговицы, браслеты, двуспиральные височные кольца), а также различные украшения из кости, стекла, пасты и золота, неизвестные в предшествующий период. К новациям относятся и бронзовые ножевидные пластины с параллельными лезвиями. Вместе с тем к белозерским бронзовым изделиям относятся орудия труда и оружие, которые являются дальнейшим развитием позднесрубных, сабатиновских типов (двуушковые кельты, долота, тесла, ножи с узкими плечиками и параллельными краями лезвия и с такой же формой лезвия ножи-кинжалы с кольцевым упором, прорезные копья) [21, с. 139—140, 52, с. 89—90]. Только в белозерской культуре появляются биметаллические ножи-кинжалы и железные ножи, но тех же форм, что и бронзовые.

Белозерский погребальный инвентарь содержит помимо столовой посуды, ножи, кинжалы и всевозможные украшения из различных материалов. Между тем в позднесрубных погребениях всего ареала (как и в сабатиновских погребениях Северного Причерноморья, которые непосредственно предшествовали белозерским) наблюдается отсутствие металлических изделий. Наличие профилированных горшков с валиком на плечиках в белозерском керамическом комплексе, сильная скорченность погребенных на боку, отсутствие в могильном инвентаре в силу характера обряда кельтов долот, тесел и копий в целом являются продолжением традиций позднесрубной культуры, представленной в западной части своего ареала (Северном Причерноморье) сабатиновским типом памятников. Белозерские металлические ножи, будучи предметом импорта и подражания, распространились за пределы территории этой культуры. Поэтому определение белозерского этапа осуществляется в первую очередь по наличию этих ножей. Столовая посуда (кубки, кувшины, черпаки), являясь характерной в эпоху поздней бронзы — начала раннего железа для ряда культур степи, лесостепи, а также Северного Кавказа, в пределах каждой культуры имеет свою специфику в формах и орнаментации. Эта специфика и определяет наряду с другими признаками данную культуру или культурную группу.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что рассматриваемые нами погребения белозерского этапа из Нижнего Подонья и Кубани отличаются от собственно белозерских погребений Северного Причерноморья. Нижнедонские и кубанские захоронения имеют восточную ориентировку, характерную для позднесрубных могил этих же двух регионов, а также Северного Причерноморья (сабатиновские памятники). В нижнедонских захоронениях, как и вообще в позднесрубных памятниках Нижнего Подонья, Прикубанья и Поволжья, отсутствует лощеная посуда типа кубков, не имеющая прототипов

в позднесрубной керамике и являющаяся характерным признаком белозерской культуры; не встречены здесь также другие типы и категории белозерских бронзовых и иных изделий. В Нижнем Подонье и Прикубанье не известны в этот период грунтовые могильники, а также богатые захоронения.

На Нижнем Дону среди не менее 600 курганных погребений эпохи поздней бронзы нет ни одного с кубком или с черпаком (как нет и поселений с подобной керамикой, кроме памятников кобяковской культуры); все эти погребения позднесрубные. Трудно полагать, что нижнедонские погребения с бронзовыми ножами белозерского типа и костяным втульчатым наконечником стрелы принадлежит кобяковской культуре, поскольку ножи эти бытуют и вне белозерского ареала, а рассмотренные погребения находятся в окружении сравнительно многочисленных позднесрубных захоронений и очень удалены от кобяковских поселений из правобережной части дельты. Так, в левобережье погребения из Арпачина II и Колдырей располагаются соответственно в 25 и 40 км к востоку от дельты; остальные комплексы, находящиеся на Нижнем Маныче и Сале, расположены в 140—160 км к юго-востоку и востоку от донской дельты; комплекс из донского правобережья — в 40 км от дельты. Поэтому отнесение нижнедонских и кубанских погребений с ножами белозерского типа к кобяковской культуре представляется поспешным [53, с. 140—141].

Присутствие в Нижнем Подонье и степном Прикубанье белозерских ножей в могилах с типичным позднесрубным обрядом говорит о том, что позднесрубная культура продолжала здесь существовать и на последнем, белозерском этапе, частично синхронизируясь с кобяковской; последняя существовала в позднебелозерское время. Это согласуется и с тем, что белозерские памятники неизвестны в Северном Приазовье. Но обряд позднесрубных захоронений Нижнего Подонья и степного Прикубанья немного изменился: в могилы иногда помещают бронзовые изделия (только ножи). Однако обращает на себя внимание тот факт, что белозерские ножи из Нижнего Подонья и степного Прикубанья встречены в погребениях, где пока отсутствуют сосуды. Если же учесть, что среди позднесрубных погребений всего ареала нередко встречаются безынвентарные, то возникает следующее предположение, которое мы высказываем как сугубо рабочую гипотезу. Поскольку в позднесрубные могилы, в том числе и в сабатиновские, помещаются только сосуды (это прослеживается вплоть до Поволжья), то, вероятно, на следующем, белозерском этапе сосуды и вообще могильный инвентарь иногда отсутствуют. В таком случае позднесрубные безынвентарные могилы, известные нам в Нижнем Подонье (30%), степном Прикубанье (30%), степном Поволжье и, может быть, в Ставрополье (8—10 могил, впущенных неглубоко в насыпь, содержат скорченные на левом боку и ориентированные на восток и северо-восток костяки, иногда снабженные банкой), возможно, относятся большей частью к финалу бронзового века, т. е. к белозерскому этапу срубной культуры.

Если это предположение отвечает действительности, то мы еще раз убеждаемся, что погребальный обряд срубной культуры развивался в сторону упрощения [54, с. 64—65]. На раннем этапе в могилы помимо сосудов помещаются изделия из металла и других материалов (орудия труда, предметы вооружения, украшения). На позднем, сабатиновском этапе могильный инвентарь содержит лишь сосуды и, может быть, очень редко бронзовые височные подвески. В конце позднего периода срубной культуры, на белозерском этапе, могилы иногда и безынвентарны. Это упрощение обряда касается и могильных сооружений (размеры, форма, убранство). Но отсутствие инвентаря (сосудов) в некоторых срубных могилах как тенденция начинает проявляться еще на позднесабатиновском этапе по всему ареалу. Рядовой характер погребального обряда позднесрубной культуры указывает на отсутствие такой социальной дифференциации общества, при которой выделяются могилы родоплеменной верхушки-знати. Между тем, например, для известного могильника Синташта в Южном Зауралье и других того же времени, а также в следующий период для срубно-абашевских и раннесрубных могильников характерно присутствие

воинских погребений родоплеменной знати. Своеобразным исключением является раннесабатиновское погребение воина из Борисовки в степях Северо-Западного Причерноморья [55, с. 54—56].

Синхронная позднесрубной культуре (и кобяковской) Нижнего Дона и степного Прикубанья белозерская культура демонстрирует, как мы видели, наоборот, резкое изменение погребального обряда в сторону его усложнения: появляются богатые подкурганные захоронения с пышным обрядом. Это отражает выделение родоплеменной знати, т. е. свидетельствует об изменениях в социальной структуре белозерского общества, что уже отмечалось исследователями [20, с. 152].

Культурная принадлежность исследуемых нами кубанских комплексов представляется следующим образом. Три комплекса находятся в степном Прикубанье, и один из них, содержащий нож, относится, как мы показали, к позднесрубной культуре (рис. 2, *8, 9*). Два других прикубанских комплекса, снабженных кувшином и черпаком с горшком (рис. 3, *2, 3, 5*), возможно, окажутся как-то связанными с кобяковской культурой этого региона. Четвертый комплекс происходит из-за Закубанья, являвшегося в древности лесостепью. Это михайловское погребение отличается от срубных погребений Нижнего Дона и Прикубанья тем, что в его инвентаре белозерский нож сочетался с сосудом-черпаком (рис. 3, *6, 7*). Сосуды типа черпаков распространены в этот период, как уже говорилось, в ряде культур юга Восточной Европы и Северного Кавказа. Черпак из Михайловки резко отличается от белозерских экземпляров. Михайловский могильник расположен в 80 км к востоку от кобяковских поселений Красногвардейское I и II, находящихся на левом берегу Кубани, в зоне Краснодарского водохранилища, и в 110 км к северо-западу от той части бассейна р. Уруп, где известны самые западные кобанские памятники [56] Поэтому михайловское погребение принадлежит скорее всего местной культуре конца бронзового века, подвергшейся известному кобанскому влиянию. Может быть, эта местная культура окажется кобяковской или близкой к ней. Разнобой в ориентировке остальных погребений белозерского этапа из Михайловского могильника, как и форма встреченных в них сосуда типа кружки и бронзовой височной подвески, а также форма черпака из погребения с белозерским ножом, — все это как будто указывает на черты, близкие кобанской культуре.

В Закубанье памятники срубной культуры, южная граница которой доходит до Кубани с севера, пока отсутствуют. Известно лишь несколько погребений, близких позднесрубному типу и относящихся, видимо, к периоду финальной бронзы; большинство могил без инвентаря (раскопки В. И. Мельника и И. А. Сорокиной в 1985 г.). Срубные же металлические изделия, в основном позднего периода, из случайных находок и кладов (где они сочетаются с прикубанскими и кобанскими бронзами), известные в Закубанье, указывают на импорт с севера и культурные контакты различных племен, происходящие в эпоху поздней бронзы.

В отношении времени существования исследуемых погребений Нижнего Дона и Кубани необходимо добавить следующее. Погребения из Арпачина II, Северного II на Нижнем Дону и из Батуринского I и Анапского I в Прикубанье, видимо, наиболее поздние на рассмотренных нами девяти комплексов и могут относиться к рубежу поздней бронзы (белозерский этап) — началу раннего железа (черногоровская ступень). На это указывают формы анапского кувшина и батуринского черпака (рис. 3, *2, 5*), а также обряд захоронения, при котором костяки слабо скорчены на боку, одна или две руки протянуты вперед (рис. 1, *2, 4, 8*; 3, *1, 4*). Преобладание слабой скорченности над сильной, как и вытянутость рук, иногда соединенных в кистях (наряду с другими положениями), свойственны степным погребениям черногоровской группы.

Хотелось бы коротко коснуться некоторых вопросов происхождения и связей культур периода поздней бронзы и раннего железа. Срубная культура уже на раннем этапе начала распространяться со своими носителями на запад, через Средний Дон и Донетчину в Нижнее Подонье и Северное Причерноморье.

Этот общепризнанный факт, впервые установленный для раннего этапа в левобережном Поднепровье А. М. Лесковым, трудно оспаривать. Однако такие попытки, бездоказательные и игнорирующие существующие фундированные хронологические системы, делаются [57, 58], причем в работе Н. Н. Чередниченко отрицается то, что им и признавалось, и утверждалось в предыдущих работах. Нам пока не представлена логическая система доказательств с привлечением новых материалов, которая отрицала бы хронологические построения и периодизацию, предложенные А. И. Тереножкиным, В. С. Бочкаревым, А. М. Лесковым и др. Между хронологическими схемами исследователей имеются расхождения, но в целом схемы указанных авторов отражают одинаковый процесс хронологического развития культур поздней бронзы на юге Восточной Европы.

По археологическим данным устанавливается, что распространение срубной культуры определило в немалой степени тот большой ареал, который она занимает. Это распространение осуществлялось сначала по лесостепной зоне, а затем по степной. Северное Причерноморье — территория, наиболее удаленная от прародины срубной культуры. Эта удаленность и время, связанное с продолжением культуры, а также ее внутреннее развитие за этот период и предполагают возникновение культурных различий, приобретающих локальный и локально-хронологический характер. В процессе продвижения срубной культуры происходило ее взаимодействие с местными предшествующими культурами (например, на Среднем Дону с абашевской, в Донетчине и в бассейне Орель — Самара Поднепровья с культурой многоваликовой керамики — КМК), что и отразилось на облике срубных памятников в разных регионах. В степях Северного Причерноморья позднесрубные памятники представлены крупным локальным сабатиновским вариантом. Ряд исследователей (В. Д. Рыбалова, И. Н. Шарафутдинова) определили сабатиновские памятники как самостоятельную культуру. Это не является принципиальным расхождением, если учитывать, что в сабатиновской культуре содержится срубный компонент, подвергшийся влиянию предшествующей КМК (КМК — хронологический субстрат). Западная часть сабатиновского ареала, занимающая Северо-Западное Причерноморье, испытала ощутимое влияние соседствовавшей с ней культурой ноа (это воздействие являлось взаимным), что выразилось здесь в ряде новаций (появление лощеной посуды), но не изменило основной облик позднесрубной — сабатиновской культуры (погребальный обряд, кухонная посуда, типы и категории бронзовых орудий и оружия). Граница между позднесрубной (к востоку от Днепра) и сабатиновской культурами достаточно условна. Но дальнейшее развитие позднесрубной культуры в Северном Причерноморье, т. е. сабатиновской, пошло иным путем; здесь она явилась генетическим субстратом белозерской культуры, окрашенной влиянием фракийского гальштата.

В культуре существует генетическая, основная линия развития и заимствования из прошлого (нередко от инокультурного предшественника), а также извне, т. е. от контактов с соседними культурами, что составляет многокомпонентность культуры. Следовательно, методически и логически неверно связывать происхождение одной культуры или культурно-исторической общности, в частности срубной, с несколькими генетическими основами, различными для каждого из регионов, входящих в общий ареал данной культуры. Не следует смешивать генетическое ядро культуры или общности с ее хронологическим предшественником — субстратом, а также с ее контактами с синхронными культурными группами, которые возникают в процессе развития данной культуры. Существование основного генетического корня не исключает инокультурные интеграции в сложном процессе культурогенеза [2]

[2] Выражаю благодарность Р. Ф. Ворониной, Е. И. Беспалому, Л. С. Ильюкову, В. Н. Каминскому, С. С. Миняеву и Н. Ф. Шевченко за предоставление комплексов для публикации. Выражаю также признательность В. Я. Кияшко за возможность ознакомиться с материалами эпохи поздней бронзы из пос. Раздорское.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура) // САИ. 1980. Вып. В1—11.
2. Археология Украинской ССР. Киев: Наук. думка. 1985. Т. 1.
3. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
4. *Шарафутдинова Э. С.* Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1971.
5. *Анфимов Н. В., Шарафутдинова Э. С.* Поселение Красногвардейское I на Кубани — новый памятник кобяковской культуры // СА. 1982. № 3.
6. *Шарафутдинова Э. С.* Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1983.
7. *Шарафутдинова Э. С.* Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.
8. *Воронина Р. Ф.* Отчет за 1973 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5642.
9. *Беспалый Е. И.* Отчет за 1983 г. хранится в АМК.
10. *Кореняко В. А., Максименко В. Е.* Погребения раннего железного века в бассейне Нижнего Дона // СА. 1978. № 3.
11. *Горбенко А. А., Кореняко В. А., Максименко В. Е., Фомичев Н. М.* Отчет за 1973 г. хранится в АМК.
12. *Копылов В. П., Житников В. Г Науменко С. А.* Отчет за 1976 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8068.
13. *Клейн Л. С., Миняев С. С.* Отчет за 1969 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7923.
14. *Чалый В. В.* Новые поселения срубной культуры в Нижнем Подонье // СА. 1983. № 1.
15. *Бочкарев В. С., Дубовская О. Р. и др.* Отчет за 1979 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1.
16. *Бочкарев В. С., Трифонов В. А. и др.* Отчет за 1982 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1.
17. *Шевченко Н. Ф.* Отчет за 1986 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1.
18. *Каминский В. Н.* Отчет за 1985 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1.
19. *Махно Е. В., Шарафутдинова И. М.* Могильник эпохи пізньої бронзи поблизу хут. Компанійці на Дніпрі // Археологія. 1972. № 6.
20. *Отрощенко В. В.* Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
21. *Іллінська В. А., Ковпоненко Г. Т., Петровська Е. О.* Розкопки курганів епохи бронзи поблизу с. Первомаівки // АП. 1960. Т. IX.
22. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на днепровском Правобережье. Киев: Наук. думка, 1961.
23. *Бураков А. В.* Поселення епохи бронзи біля с. ЗмІївка // АП. 1961. Т. X.
24. *Ванчугов В. П., Субботин Л. В.* Могильник белозерского времени в Северо-Западном Причерноморье // АИУ в 1978—1979 гг. (тез. докл. конференции). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1979.
25. *Черняков И. Т.* Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1985.
26. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
27. *Лесков А. М.* Новая мастерская литейщика эпохи поздней бронзы на Херсонщине // КСИА. 1965. Вып. 103.
28. *Мізін В. О.* Знахідка ливарної матриці на поселенни пізньої бронзи під Дніпропетровськом // Археологія. 1970. Т. XXIII.
29. *Мелюкова А. И.* Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. 1961. № 96.
30. *Ильинская В. А.* Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1.
31. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60.
32. *Тихонов Б. Г.* Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90.
33. *Халиков А. Х.* Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. В1-24.
34. *Мерперт Н. Я.* Сабанчеевский клад // Новое в советской археологии (МИА. № 130). М., 1965.
35. *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101.
36. *Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929.
37. *Кривцова-Гракова О. А.* Садчиковское поселение // МИА. 1951. № 21.
38. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
39. *Ромашко В. А.* Памятники предскифской эпохи в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1978. Вып. 2.
40. *Ромашко В. А.* Памятники финальной бронзы — раннего железа в материалах экспедиции ДГУ // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1981.
41. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. № 64.
43. *Мельниковская О. Н.* Археологические разведки на поселении Цахнауцы // КСИИМК. 1954. Вып. 56.
43. *Бидзиля В. И., Яковенко Э. В.* Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. 1972. № 1.
44. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев: Наук. думка, 1965.

45. *Козенкова В. И., Крупнов Е. И.* Исследования Сержень-Юртовского поселения // КСИА. 1966. № 98.
46. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
47. *Сальников К. В.* Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 1951. № 21.
48. *Гаврилюк Н. А., Гершкович Я. П.* О погребениях финального этапа бронзового и раннего железного века в бассейне р. Кальмиус в Северном Приазовье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
49. *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // САИ. 1982. Вып. В2-5.
50. *Щепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь: Крым, 1969.
51. *Кубышев А. И., Черняков И. Т* Грунтовой могильник белозерской культуры у с. Чернянка // СА. 1986. № 3.
52. *Шарафутдинова Э. С.* Традиции и инновации в культурах поздней бронзы и раннего железа на юге Восточной Европы // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981.
53. *Отрощенко В. В., Шевченко Н. П.* О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
54. *Шарафутдинова Э. С.* К характеристике погребального обряда позднесрубной культуры (Нижний Дон и сопредельные территории) // Проблемы археологии Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1976.
55. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964—1966 гг.) // МАСП. 1970. Вып. 6.
56. *Козенкова В. И.* О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3.
57. *Чередниченко Н. Н.* Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
58. *Березанская С. С.* Культурно-хронологические взаимоотношения между сабатиновской и срубной культурами на территории Украины // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС (тез. докл. конференции). Суздаль, 1987.

E. S. SHARAFUTDINOVA

THE SITES OF THE FINAL PERIOD OF THE LATE BRONZE AGE IN THE LOWER DON AND THE STEPPIC KUBAN AREA

Summary

In the steppe zone of the Lower Don and Kuban lately a series of burials dug into the kurgan mounds of the earlier epochs were discovered. They belong to Belozerka archaeological culture of the final period of the Late Bronze Age named after Belozerka site. The author has information about 6 burials in the Lower Don and 4 burials in the Kuban areas. All the burials of this type contained bronze knives of specific Belozerka type. These finds were discovered in the graves arranged according to timber-grave (srubnaya) culture burial rite. This fact proves the existance of the Belozerka stage of this culture in the territory mentioned above. Typologically the bronze knives of this type are the characteristic feature of the Black sea steppic area during the final stage of the Late Bronze Age. The presence of these specific tools out of the traditional territory must have been caused by wide-spread relations of the Belozerka culture. But the rite of the burials in question is simplified as compared to the classic timber-grave traditions. The author emphasizes the abscence of its typical pottery in the graves. Three burials of the Kuban area contained the vessels of non-timber-grave type. These complexes are supposed to be of local Late Bronze Age culture, maybe of Kobyakovo type or some group close to it.

М. Т. КАШУБА, Н. В. ГОЛЬЦЕВА

САХАРНЯНСКИЙ МОГИЛЬНИК I (ЦЫГЛЭУ)

Материалы раскопок одного из трех могильников предскифского периода у с. Сахарна Резинского р-на ССР Молдова, исследовавшихся в конце 40-х — начале 50-х годов, до сих пор не введены в научный оборот. Эти материалы и сейчас представляют интерес для изучения особенностей погребального обряда типа Сахарна — Солончены, хронологии и взаимодействия этой группы с культурами предскифского времени сопредельных территорий [1]

Сахарнянский могильник I (Цыглэу) был открыт при разведках 1946—1947 гг., проводимых Институтом истории, языка и литературы МФ АН СССР, исследовался в 1950 г. комплексной экспедицией под руководством Г. Д. Смирнова и Г. П. Сергеева [1, с. 192; 2, с. 117—119].

Могильник находился в 0,5 км к северу от села, в урочище Цыглэу, на высоком плато правого берега р. Днестр. Он состоял из небольших (высокой до 0,3 м) земляных или каменно-земляных насыпей, покрытых сверху слоем земли толщиной 0,1—0,3 м. Часть насыпей была ограничена кромлехом из каменных плит. Насыпи имели округлую в плане форму диаметром 4—6 м. Расположение курганов относительно друг друга неизвестно. Всего было раскопано 22 погребения, сохранились данные относительно 11 из них.

Курган I. Насыпь кургана каменно-земляная, диаметром 4 м. В центре находилось парное погребение, ориентированное на юго-восток. Один скелет (левый) сдвинут, правый лежал в анатомическом порядке. Погребенный положен скорченно на правом боку, руки согнуты в локтях, ноги — в коленях. В погребении найдены лепной кубок (в изголовье), пять пронизок у височных костей черепа [2] (рис. 1, *2, 3*). Бронзовые пронизки сделаны из тонких пластинок в виде несомкнутых усеченно-конических трубочек, одна не сохранилась. Размеры: 2×0,2 — 0,35 см; 2×0,3 — 0,4 см; 1,8 — 2,5×0,4 см; 1,5×0,3 — 0,4 см (рис. 1, *2*). Кубок с коротким, отогнутым наружу венчиком, максимальный диаметр приходится на нижнюю треть высоты сосуда, тулово округлое, дно широкое, уплощенное. Поверхность подлощена, серо-коричневого цвета. Размеры (в см): высота — 7,1, диаметр венчика — 6,5—6,8, диаметр тулова — 8,5 (рис. 1, *3*).

Курган II. Насыпь кургана земляная, ограниченная кромлехом из 40 каменных плит, выложенных по краю неглубокого чашеобразного углубления диаметром 3,55×4,35 м. С северной и южной сторон кромлех размыкался. В центре кургана находилось парное погребение, ориентированное на юго-восток. Один скелет сдвинут, другой лежал в анатомическом порядке. Погребенный положен скорченно на правом боку, руки согнуты в локтях, ноги —

К сожалению, вся полевая документация утеряна; лишь частично сохранились полевые фотографии, которые мы использовали при описании положения погребенных и восстановлении чертежей (графическая реконструкция сделана С. П. Садовниковым). В настоящее время материалы храняться в фондах ГИМа ССР Молдова в Кишиневе. В работе над статьей мы использовали выписки из полевого дневника Г. П. Сергеева, которые любезно предоставила нам Г. И. Смирнова, за что выражаем ей глубокую благодарность (выписки сделаны Г. И. Смирновой в 1953 г. в Кишиневе с разрешения Г. П. Сергеева).

[2] Из погребального инвентаря не сохранилась часть столовой посуды с резным орнаментом и горшки с валиком (по дневнику Г. П. Сергеева).

© М. Т. Кашуба, Н. В. Гольцева, 1991 г.

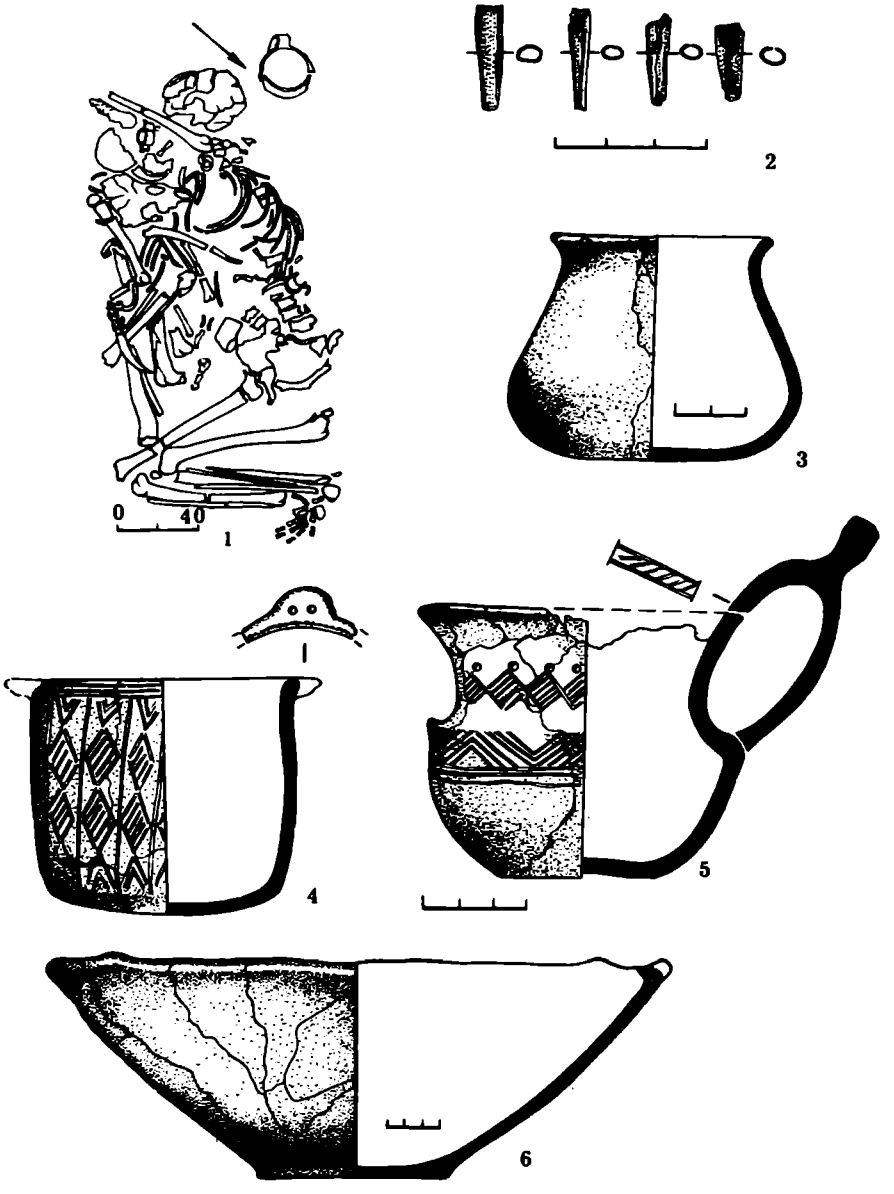


Рис. 1. Могильник I у с. Сахарна, *1* — погребение кург II; *2* — бронзовые пронизки кург I; *3* — кубок, кург I; *4—6* — пиксидка, черпак и миска, кург. II.

в коленях (рис. 1, *1*). При зачистке дна погребения обнаружены угли. В погребении найдены черпак (в изголовье), миска и пиксидка [3] (рис. 1, *4—6*).

Черпак с сильно отогнутым наружу венчиком, высокой шейкой, округлым туловом, плоским дном с умбоном. Поверхность подлощена, серо-коричневого цвета. Плоская, овальная в разрезе ручка шириной 2,8 см на перегибе снабжена выступом-упором. Ручка выше края венчика орнаментирована пояском параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу. Черпак орнаментирован резным геометрическим узором: по шейке поясок заштрихованных ромбов с кольчатым штампом в вершинах; по тулову идет широкий поясок пучков косых линий, чередующихся под налоном друг к другу. Орнаментальный поясок ограничен снизу тремя горизонтальными линиями. По максимальному диаметру тулова диаметрально противоположно ручке имеется небольшой налеп-шишечка. Размеры (в см): высота — 8,3; диаметр венчика — 11, диаметр тулова —

[3] Из погребального инвентаря не сохранились черпак, миски, банковидный сосуд с налепом (по дневнику Г. П. Сергеева).

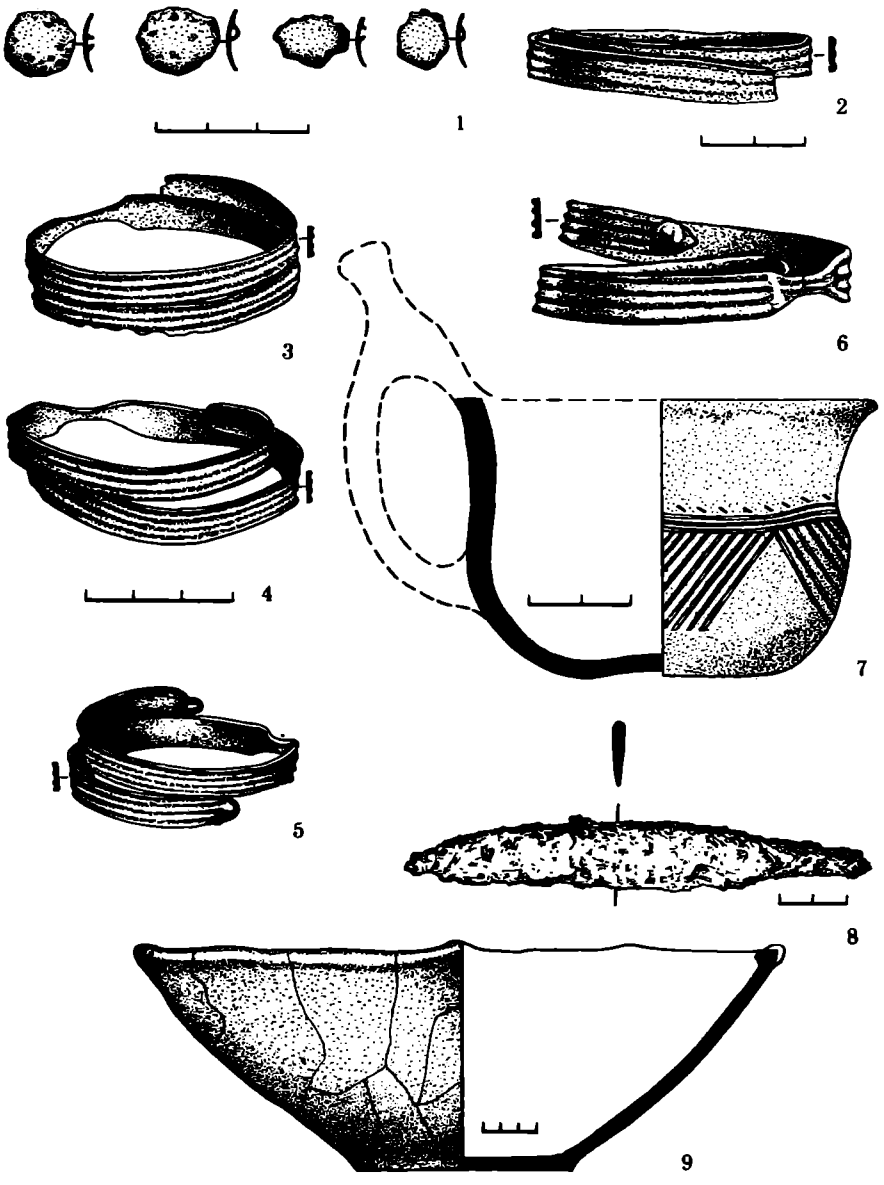


Рис. 2. Инвентарь из погребения кургана III могильника I у с. Сахарна. *1* — бляшки; *2—6* — браслеты; *7, 9* — черпак и миска; *8* — нож (*1—6* — бронза; *7, 9* — глина; *8* — железо)

10,2; диаметр дна — 4,5 (рис. 1, *5*). Миска усеченно-конической формы, с широко открытым устьем, загнутым внутрь заостренным венчиком, плоским дном. Поверхность слегка подлощена, серого цвета. По краю четыре горизонтальных налепа полукруглой формы (сохранились два из них). Размеры (в см): высота — 6,5, диаметр края — 18,4, диаметр дна — 6,6 (рис. 1, *6*). Пексидка с невыделенным венчиком, прямыми стенками и выпуклым дном. По краю венчика расположены две (одна не сохранилась) плоские полукруглые ручки с двойными сквозными отверстиями. Поверхность слегка подлощена, оранжево-коричневого цвета. Сосуд целиком покрыт резным геометрическим орнаментом, затертым белой меловой пастой. Орнамент в виде вертикальных рядов заштрихованных ромбов (всего 20 рядов), разделенных вертикальными линиями. Под краем венчика нанесены три горизонтальные линии. Размеры (в см): высота — 7,2, диаметр — 8, размеры ручки — 2,21×1,3×0,5 (рис. 1, *4*).

Курган III. Насыпь кургана земляная, ограниченная каменным кромлехом диаметром 4 м, в двух местах кромлех прерывался. Погребение находилось под каменным настилом. Скелет лежал скорченно на левом боку, ориентирован

на юго-восток. При зачистке дна погребения обнаружены угли. Погребальный инвентарь: железный нож, обломок черенка железного ножа, железный стерженек, пять бронзовых пластинчатых браслетов, четыре бронзовые бляшки-пуговицы, черпак и миска (рис. 2, *1—9*).

Железный однолезвийный нож с горбатой спинкой и пластинчатым черенком, на черенке штырек, при помощи которого крепилась рукоять. Черенок выделяется небольшим уступом. Размеры (в см): длина — 13,5, длина черенка — 3,3, ширина лезвия — 2 (рис. 2, *8*). Обломок черенка железного ножа прямоугольный в сечении. Размеры (в см); длина 4,3, ширина — 0,55, толщина — 0,3. Железный стерженек прямоугольный в сечении, с одного конца заострен. Размеры (в см): длина — 6,8, ширина — 0,6, толщина — 0,3. Бронзовые пластинчатые браслеты находились у кистей рук (рис. 2, *2—6*). Два браслета незамкнутые, с продольным рифлением, с далеко заходящими друг за друга концами и узким перехватом в средней части. Размеры (в см): диаметры — 5, длина второго (обломанного) — 8,5, ширина — 0,8 и 0,6, ширина перехвата — 0,3, толщина пластины — 0,12 (рис. 2, *3, 4*). Два других браслета аналогичны предыдущим, но на зауженных (закругленных) концах они снабжены полусферическими шишечками. Размеры (в см): диаметры — 6 и 4,7, ширина — 0,85 и 0,8 — 0,9, ширина перехвата — 0,3, диаметр шишечек — 0,5 и 0,4, толщина пластины — 0,12 (рис. 2, *5, 6*). Еще один браслет без перехвата в средней части, концы обломаны в древности. Размеры (в см): диаметр — 5,6, ширина — 0,6, толщина пластины — 0,12 (рис. 2, *2*). Четыре бронзовые округлые выпуклые бляшки с маленьким ушком. Диаметры бляшек 1,2 — 1,4 см (рис. 2, *1*).

Черпак с отогнутым наружу венчиком, высокой выделенной шейкой, полушаровидным туловом, уплощенным дном с умбоном. Поверхность подлощена, серо-коричневого цвета. Ручка не сохранилась, ее ширина 2,5 см. По тулову черпак орнаментирован пояском резного геометрического орнамента в виде групп косых линий, чередующихся под углом друг к другу. Сверху поясок ограничен тиреобразными наколами и тремя параллельными горизонтальными линиями. Размеры (в см): высота — 7,5—8,2, диаметр венчика — 10,7, диаметр тулова — 10,6, диаметр дна — 3,2 (рис. 2, *7*). Миска усеченно-конической формы, с широко открытым устьем, загнутым внутрь утолщенным венчиком, плоским дном. Поверхность слегка подлощена, серого цвета. По краю четыре симметрично расположенных горизонтальных налепа полукруглой формы. Размеры (в см): высота — 12,5, диаметр края — 35,5, диаметр дна — 12 (рис. 2, *9*).

Курган IV. Насыпь кургана земляная, ограниченная каменным кромлехом диаметром 6,5×6,9 м, с юга кромлех разомкнут. Погребение находилось в центре, совершено на уровне древнего горизонта. Скелет лежал скорченно на левом боку, ориентирован на восток. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части, ноги — в коленях (рис. 3, *5*). При зачистке дна погребения обнаружены угли. Погребение сопровождалось обломком лезвия железного ножа, двумя железными фибулами (находились у ключицы), бронзовой бляшкой, пряслицем, в ногах — миска и горшок (рис. 3, *1—4, 6—8*).

Фрагмент лезвия железного ножа сильно корродирован. Размеры (в см): длина — 8,4, ширина — 1,5, толщина спинки — 0,15 (рис. 3, *3*). Две железные фибулы двухпетельные смычковые со спинкой, на параллельной ножке. Фибулы изготовлены из круглй в сечении проволоки, диаметр сечения 0,4—0,5 см. Длина фабул 8,7 и 9,2 см (рис. 3, *1, 2*). Бронзовая бляшка с большим ушком на обороте. Ушко сделано из прямоугольного в сечении стерженька. Диаметр бляшки 2,9 см (рис. 3, *4*).

Глиняное усеченно-биконическое пряслице серого цвета. Размеры (в см): диаметр — 4,9, диаметр отверстия — 1,1, высота — 2,9 (рис. 3, *7*).

Миска усеченно-конической формы, с широко открытым устьем, загнутым внутрь заостренным венчиком, плоским дном. Повехность подлощена, серого цвета. По краю три симметрично расположенных горизонтальных налепа по-

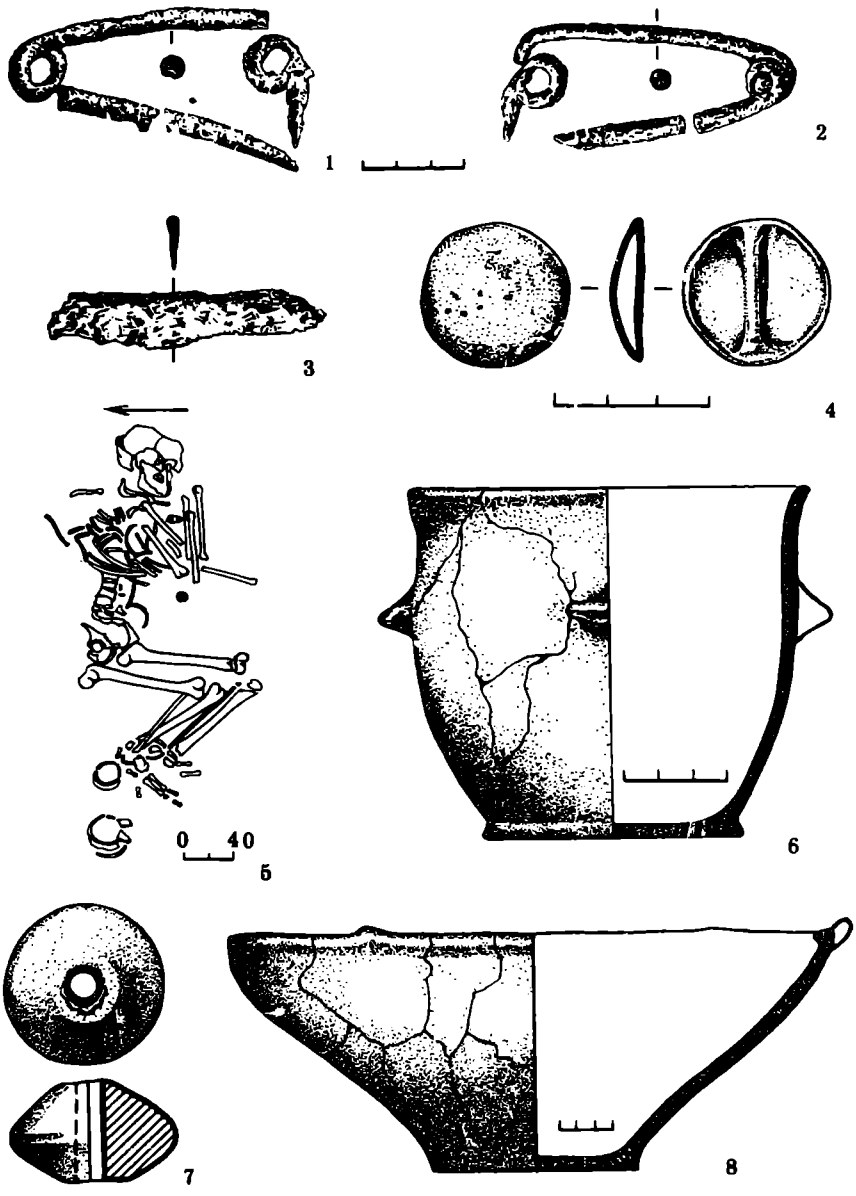


Рис. 3. Курган IV могильника I у с. Сахарна. *1, 2* — фибулы; *3* — нож; *4* — бляшка; *5* — план погребения; *6, 8* — горшок и миска; *7* — пряслице (*1—3* — железо; *4* — бронза; *6—8* — глина)

лукруглой формы. Размеры (в см): высота — 13, диаметр края — 35, диаметр дна — 11,4 (рис. 3, *8*). Горшок баночной формы, стенки слегка выпуклые, дно плоское, с небольшой закраиной, поверхность хорошо заглажена, серо-оранжевого цвета. На тулове сосуда четыре симметрично расположенные ручки-упоры полукруглой формы. Размеры (в см): высота — 10,2—10,8, диаметр венчика — 12,5, диаметр тулова — 11,8, диаметр дна — 8,2—8,6 (рис. 3, *6*).

Курган V. Насыпь кургана каменно-замляная, диаметром 4,9—5 м. В центре кургана на уровне древнего горизонта находилось парное детское погребение, ориентированное на восток. Один скелет (левый) сдвинут, правый лежал в анатомическом порядке. Погребенный был положен скорченно на правом боку, руки согнуты в локтях, ноги — в коленях (рис. 4, *5*). При зачистке дна погребения обнаружены угли. В изголовье и ногах погребенных были положены два черпака (рис. 4, *6,9*).

Черпак с коротким, отогнутым наружу венчиком, вогнутой высокой шейкой, с ребром в месте перехода плечиков в полушаровидное тулово, широким дном с умбоном. Поверхность залощена, серого цвета. Плоская ручка шириной

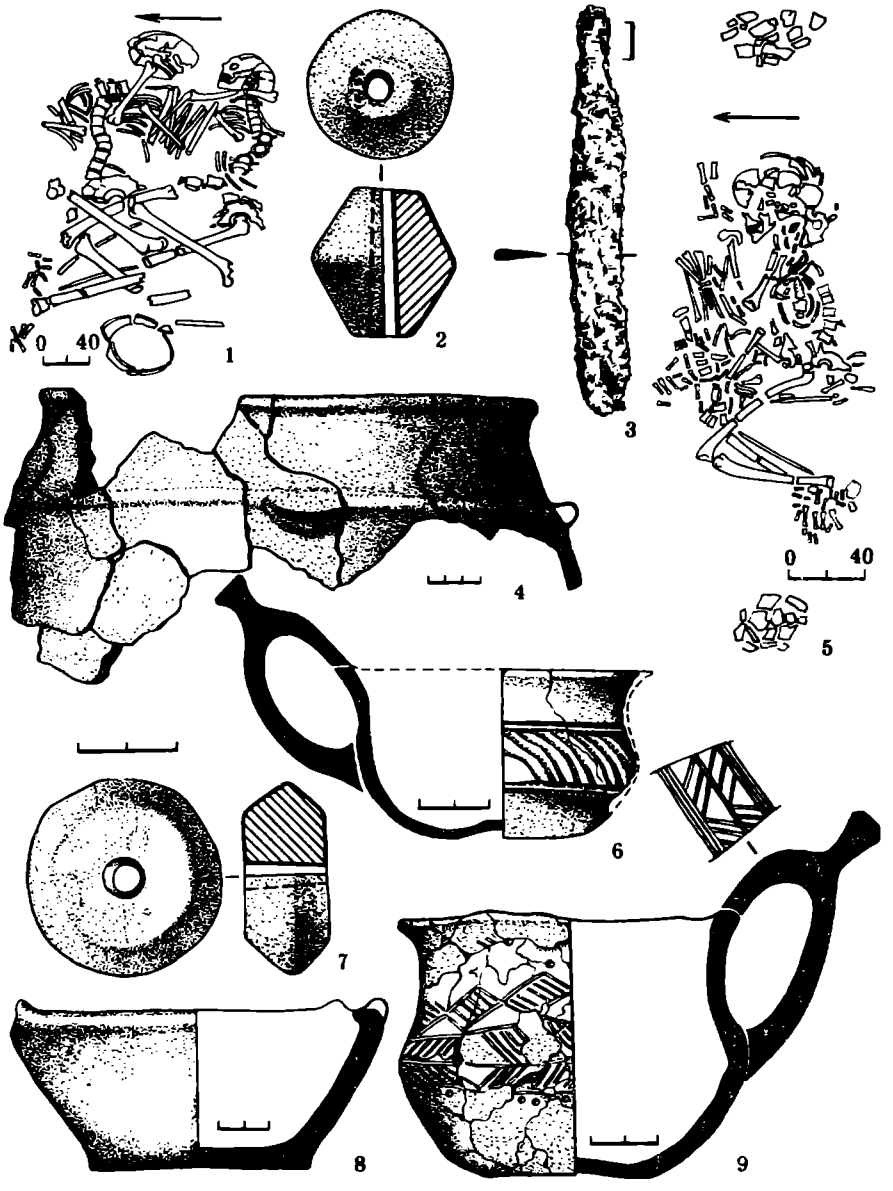


Рис 4 Могильник I у с. Сахарна. *1* — погребение кург. VIII; *2* — пряслице, кург. VII; *3* — нож, кург. VIII; *4* — горшок, кург. VII; *5* — погребение кург. V; *6* — черпак, кург. V; *7* — пряслице, кург. VII; *8* — миска, кург. VIII; *9* — черпак кург. V

2,8 см, на перегибе снабжена гвоздевидным выступом-упором. Ручка выше края венчика украшена двойным пояском орнамента в виде групп косых линий, чередующихся под углом друг к другу; поясок ограничен сверху и снизу двумя горизонтальными параллельными линиями. Черпак украшен резным геометрическим орнаментом в виде тройного пояска: горизонтальные заштрихованные ромбы с кольчатым штампом в вершинах, ниже по максимальному диаметру тулова двойной поясок узора из групп косых линий, чередующихся под углом друг к другу. Поясок сверху ограничен тремя параллельными горизонтальными линиями, снизу — полосой точечных наколов. Размеры (в см): высота — 8, диаметр венчика — 10,1, диаметр тулова — 10,6, диаметр дна — 4,5 (рис. 4, *9*). Второй черпак с отогнутым наружу краем венчика, короткой вогнутой шейкой, полушаровидным туловом с ребром в месте максимального диаметра тулова, небольшим дном с умбоном. Поверхность подлощена, серого цвета. Плоская, овальная в разрезе ручка шириной 3 см на перегибе имеет выступ-упор. Черпак орнаментирован пояском штампованного геометрического узора в виде

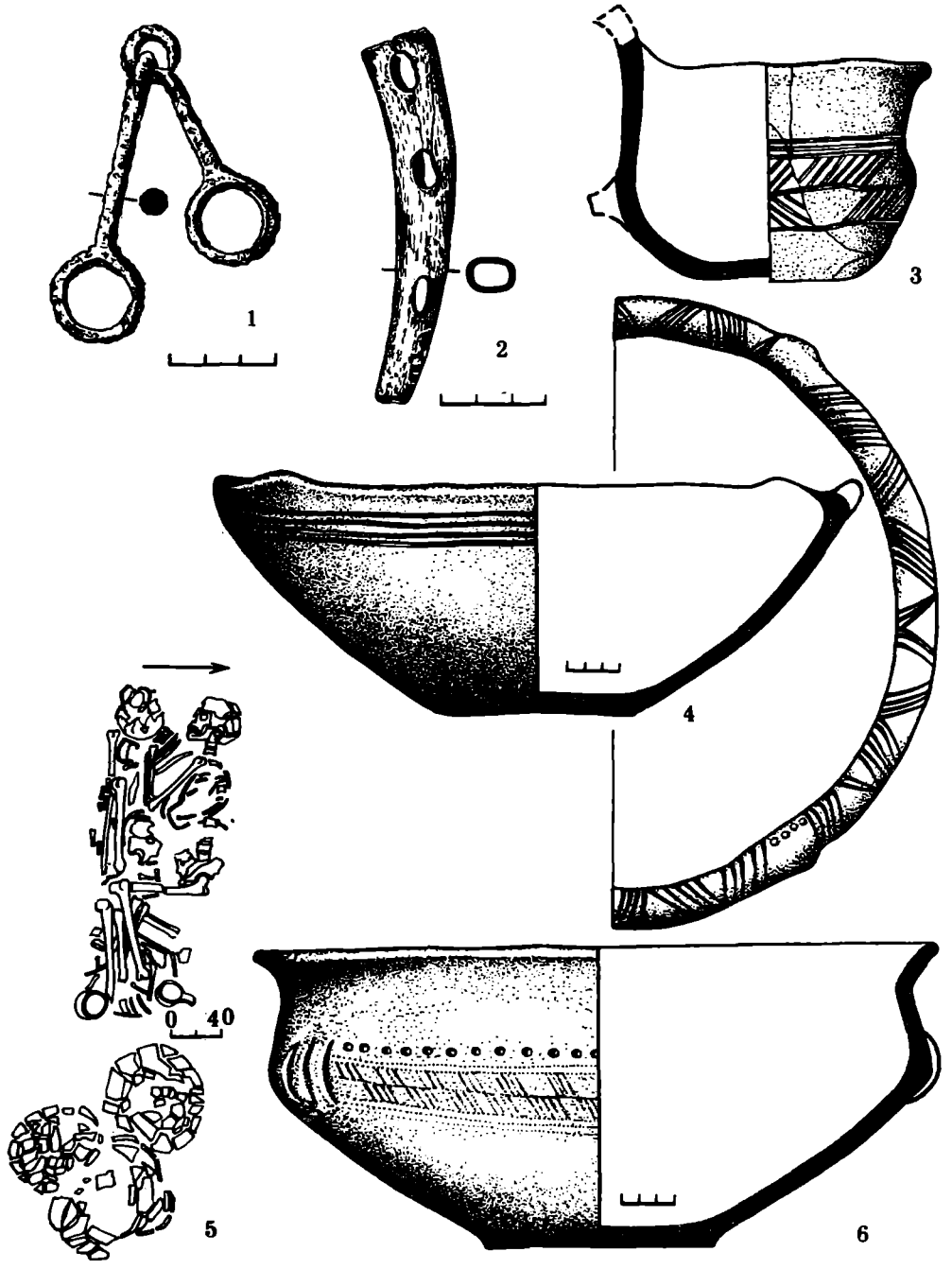


Рис. 5. Курган VI могильника I у с. Сахарна. *1* — удила; *2* — псалий; *3, 4, 6* — черпак, миска, мисковидный сосуд; *5* — погребение 1 (*1* — железо; *2* — рог; *3, 4, 6* — глина)

групп косых линий. Поясок сверху и снизу ограничен двумя горизонтальными линиями. Размеры (в см): высота — 5,3, диаметр венчика — 9, диаметр тулова — 9, диаметр дна — 3,2 (рис. 4, *6*).

Курган VI. Насыпь кургана земляная, ограниченная каменным кромлехом диаметром 6,3 м, сверху находился каменный настил. В насыпи в центре кромлеха обнаружены кости животных. В кургане обнаружены два погребения.

Погребение 1 (основное) — парное, ориентировано на запад, находилось в центре кургана. Один скелет (левый) сдвинут, второй лежал в анатомическом порядке. Погребенный положен скорченно на правом боку, руки согнуты в локтях, ноги — в коленях (рис. 5, *5*). Погребение сопровождалось предметами конского снаряжения (однокольчатыми удилами и роговым трехдырчатым

псалием), в ногах — черпак, миска и мисковидный сосуд [4] (рис. 5, *1—4, 6*).

Железные удила двусоставные, с круглыми замкнутыми кольцами на концах. Удила сделаны из круглых в сечении, чуть подграненных штырей. Длина одного колена 7,7, диаметр колец 2,5, диаметр сечения прута 0,5—0,6 см (рис. 5, *1*). Роговой трехдырчатый псалий полый, с тремя отверстиями овальной формы, расположенными в одной плоскости. Псалий повторяет форму рога. Размеры (в см): длина — 11,2, диаметр — 1—2, размеры отверстий — 1×0,6 см (рис. 5, *2*).

Черпак с коротким, слегка отогнутым наружу венчиком, высокой шейкой, шаровидным туловом, широким уплощенным дном с умбоном. Поверхность слегка подлощена, серого цвета. Плоская, овальная в разрезе ручка шириной 3,5 см на перегибе имеет выступ-упор. Черпак орнаментирован двойным пояском резного геометрического орнамента, ограниченного сверху тремя горизонтальными линиями. Орнамент в виде групп косых линий, чередующихся под углом друг к другу. Размеры (в см): высота — 6, диаметр венчика — 7,7, диаметр тулова — 7,7, диаметр дна — 3,4 (рис. 5, *3*). Миска полушаровидной формы, с загнутым внутрь венчиком, плоским дном. Поверхность слегка подлощена, серого цвета. По краю четыре симметрично расположенных горизонтальных выступа полукруглой формы. По краю венчика группами нанесены косые линии, чередующиеся под углом друг к другу; под выступами нанесены отпечатки кольчатого штампа; под венчиком с наружной стороны имеются четыре горизонтальные линии. Размеры (в см): высота — 13, диаметр края — 36, диаметр дна — 11 (рис. 5, *4*). Мисковидный сосуд с отогнутым наружу венчиком, широко открытым устьем, выпуклыми стенками, дно небольшое, плоское. Поверхность хорошо заглажена, местами подлощена, серо-оранжевого цвета. По максимальному диаметру тулова сосуд украшен двойным пояском резного и штампованного орнамента. Орнаментальный поясок сверху и снизу заключен в двойные горизонтальные линии, узор в виде групп косых линий, расположенных в шахматном порядке. В трех местах поясок прерывался симметрично расположенными тройными вертикальными короткими налепными валиками, разделенными штампованными линиями. Над орнаментальным пояском расположена полоска отпечатков кольчатого штампа, отдельные отпечатки этого штампа нанесены по максимальному диаметру тулова. Размеры (в см): высота — 17,5, диаметр венчика — 38, диаметр тулова — 30, диаметр дна — 12,5 (рис. 5, *6*).

Погребение 2 — парное детское, ориентировано на восток, расположено вне кромлеха. Оба скелета находились в анатомическом порядке. Погребенные положены скорченно на боку, лицом друг к другу, руки согнуты в локтях, ноги — в коленях. В ногах погребенных — два черпака и миска [5].

Курган VII. Насыпь кургана земляная. Погребение совершено в каменном ящике, плиты поставлены на ребро в грунтовой яме (?). Скелет ребенка лежал скорченно на боку, ориентирован на восток. Погребение сопровождалось фрагментами бронзового браслета, двумя пряслицами и двумя горшками (рис. 4, *2, 4, 7*).

От бронзового браслета сохранились три фрагмента, он сделан из уплощенной проволоки, концы заужены. Размеры (в см): ширина — 0,3—0,5, толщина — 0,12.

Глиняное пряслице усеченно-биконической формы, серого цвета. Размеры (в см): высота — 2,8, максимальный диаметр — 2,7, диаметры оснований — 1 и 1,3, диаметр отверстия — 0,5 (рис. 4, *2*).

Глиняное пряслице сделано из стенки сосуда серого цвета. Размеры (в см): диаметр — 3—3,9, толщина стенки — 1,5, диаметр отверстия — 0,86 (рис. 4, *7*).

От горшков сохранилось около 120 фрагментов стенок и венчиков и ча-

---

[4] Внутри и вне кромлеха кургана VI находились опрокинутые вверх дном баночные сосуды, они утрачены (по дневнику Г. П. Сергеева).

[5] Посуда из погребения 2 кургана VI утрачена.

стично верхняя часть одного из них. Сосуд баночной формы со слегка отогнутым наружу краем венчика. Поверхность хорошо заглажена, серо-оранжевого цвета. На 5—5,5 см ниже края имеется гладкий налепной валик и четыре симметрично расположенных полукруглых выступа-налепа. Диаметр венчика 27 см, сохранившаяся высота 20 см (рис. 4, *4*).

Курган VIII. Насыпь кургана земляная, над погребением находился каменный настил. В центре обнаружено парное погребение, ориентированное на восток. Скелет лежал в анатомическом порядке. Погребенные положены скорченно на боку, лицом друг к другу, руки согнуты в локтях, ноги — в коленях (рис. 4, *1*). Погребальный инвентарь представлен железным ножом, в ногах — миска (рис. 4, *3, 8*).

Железный нож с горбатой спинкой, пластинчатым черенком, отделенным от лезвия небольшим уступом. Лезвие в сечении треугольное, черенок прямоугольный. Размеры (в см): длина ножа — 12,4, длина черенка — 2,6 (сечение 1×0,2 см), ширина лезвия — 1,5, толщина спинки — 0,3 (рис. 4, *3*).

Миска усеченно-конической формы, с загнутым внутрь краем, плоским дном. Поверхность слегка подлощена, серого цвета. По краю три симметрично расположенных горизонтальных налепа полукруглой формы (один не сохранился). Размеры (в см): высота — 6,5—7, диаметр края — 13,7, диаметр дна — 7 (рис. 4, *8*).

Курган IX. Насыпь кургана земляная, в центре насыпи совершено погребение в каменном ящике размерами 1,5×0,84 м. Скелет лежал скорченно на боку, ориентирован на восток. Погребение сопровождалось горшком.

Горшок баночной формы, со слегка отогнутым наружу венчиком, прямыми стенками, плоским дном. Поверхность заглажена, серо-оранжевого цвета. На 2,5 см ниже края венчика имеются три симметрично расположенные ручки-упоры полукруглой формы. Размеры (в см): высота — 11, диаметр венчика — 10,8, диаметр дна — 6,8.

Курган X. Насыпь кургана земляная, в центре находился каменный ящик размерами 1×0,63 м. Погребение описывается авторами раскопок как сожжение без костей. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Все погребения данного могильника являются основными в курганах, за исключением погребения 2 кургана VI. Они были совершены на уровне древнего горизонта в центре кромлеха или под каменным закладом, в грунтовой яме с каменными выкладками в ногах и изголовье или в каменном ящике. В трех погребениях на дне обнаружены угли. Для могильника характерен биритуализм, при преобладании обряда трупоположения; девять погребений могильника (из 22) являлись парными.

Устойчивыми элементами погребального обряда являются: скорченное положение погребенных на левом или правом боку с общей ориентировкой восток — юго-восток (исключение составляет погребение 1 кургана VI с западной ориентировкой); совершение подзахоронений в одну могилу (парные погребения, в которых один из скелетов сдвинут); определенные категории и типы глиняной посуды, украшений, орудий труда, в одном случае предметов конского снаряжения при отсутствии предметов вооружения.

Количество инвентаря в каждом из погребений этого могильника значительно, чаще всего встречаются посуда и украшения. Посуда находилась во всех погребениях, за исключением погребения в кургане X. Всего обнаружен 21 сосуд; керамика находилась, как правило, в изголовье или ногах погребенных; в отличие от черпаков миски и горшки были положены вверх дном. По технологическим особенностям и функциональному назначению посуду из погребений можно разделить на кухонную (горшки) и столовую (черпаки, кубок, миски, мисковидный сосуд, пиксидка). Вся столовая посуда, за исключением кубка, украшена геометрическим резным или штампованным орнаментом; наиболее распространенный мотив узора — группы косых линий, расположенных под наклоном друг к другу. Столовая посуда могильника сделана из глины с примесью шамота и песка, плохого качества: плохо обожжена, поверхность

слаболощеная, чаще заглажена; возможно, эта керамика была специально изготовлена как сопровождающий инвентарь.

В четырех погребениях находились украшения: пластинчатые и проволочные браслеты, бляшки-пуговицы, пронизки, фибулы (курганы I, III, IV, VII). Четыре железных ножа или их обломки обнаружены в трех погребениях (курганы III, IV, VIII). В погребении 1 кургана VI обнаружены предметы конского снаряжения — удила и псалий.

Определению культурно-хронологического места могильника способствует его сопоставление с памятниками предскифского периода степи и лесостепи Юго-Запада СССР. По основным признакам погребального обряда и инвентарю могильник I у с. Сахарна обнаруживает наибольшее сходство с могильником II у с. Сахарна [2, с. 117—119; 3, с. 39—47], а также могильником у с. Алчедары [4, с. 121—124]. Особенностью является то, что в данном могильнике органически сочетаются черты, свойственные этим двум памятникам; захоронения на уровне древнего горизонта под земляными или каменно-земляными насыпями с кромлехом, что характерно для могильника II у с. Сахарна, и захоронения в каменных ящиках, характерные для могильника у с. Алчедары.

Культурная принадлежность могильника не вызывает сомнений. Этот памятник, хотя и неопубликованный, явился одним из основных, опорных при выделении культурной группы типа Сахарна — Солончены [5, с. 76—102]. Материалы могильника важны при рассмотрении хронологии культуры, характеристики малоизученного погребального обряда; но проблема происхождения последнего, по которой сформировались две точки зрения, пока рассматриваться не будет [6, с. 271—274; 7, с. 87; 8, с. 56, 57].

В последнее время неоднократно пересматривались датировки предскифских памятников степи и лесостепи юго-запада СССР [7, с. 76—88; 9, с. 101—106; 10, с. 208; 11, с. 10—12; 12, с. 133—143; 13, с. 33—53], поэтому определение хронологической позиции этого могильника, содержащего самый многочисленный и разнообразный инвентарь, по сравнению с остальными памятниками культуры, имеет особое значение.

Значительную группу погребального инвентаря составляют украшения. Бронзовые проволочные браслеты, пронизки, бляшки-пуговицы распространены в степных и лесостепных культурах эпохи бронзы и раннего железа и имеют широкий период бытования [10, с. 24—90, 161—172; 14, с. 354—535; 15, с. 307—315]

Для определения нижней хронологической границы бытования могильника I у с. Сахарна и всей группы в целом важны бронзовые пластинчатые браслеты с рифлением и железные смычковые двухпетельчатые фибулы. Датировка пластинчатых браслетов с рифлением подробно рассмотрена Г И. Смирновой, она приводит убедительные доводы в пользу конечного периода их бытования в XI—X вв. до н. э., а для юго-запада СССР — в пределах конца X в. до н. э. [13, с. 39] Единственное, что отличает сахарнянские браслеты, это перехват посредине и шишечки на концах. Точных аналогий таким браслетам нет, но они, видимо, датируются, как и пластинчатые рифленые браслеты, в целом, а конечный период их бытования приходится на конец X в. до н. э.

Для подтверждения этой даты большое значение имеют смычковые фибулы из погребения кургана IV. Они аналогичны по схеме двум вариантам ранних белозерских двухпетельчатых фибул с дужкой, параллельной или непараллельной игле: фибулы из Струмка [16, с. 26, рис. 2, 4], Лукьяновки и Широкого [17, с. 76], Первомаевки [18, с. 108, рис. 1, 3], Казаклии [19], которые датируются XII—X вв. до н. э. [13, с. 42—45; 20, с. 117—152]. Период бытования белозерских фибул некоторые исследователи расширяют до VII—VI вв. до н. э. [21, с. 47—50; 22, с. 153], ссылаясь на сходство фибулы из Степного с экземплярами, найденными в разрушенных погребениях у сел Бели Извор и Алтимир в Болгарии [23, с. 163—202]. Болгарские фибулы морфологически отличаются от фибулы из Степного, их сходство с последней поверхностно: они имеют утол-

щенную спинку, иглодержателем служит расплющенный край — фактически они относятся к простейшим однопетельчатым дуговидным фибулам. Фибула из Степного, на которой и строятся все аналогии с позднейшими образцами, относится к типу арочных, она асимметрична, с неутолщенной спинкой [24, с. 200—203, рис. 7, *1*] Белозерские фибулы и экземпляры из погребений Бели Извор и Алтимир разнотипны, поэтому фибулы VII—VI вв. до н. э. из Болгарии не могут служить аналогиями более ранних образцов. Поскольку сахарнянские фибулы сделаны из железа и крупнее белозерских, их, видимо, можно поставить последними в ряду собственно белозерских фибул и датировать концом X в. до н. э.

Такой датировке не противоречит и то обстоятельство, что в четырех погребениях этого могильника присутствуют изделия из железа (всего восемь предметов). Биметаллические предметы и изделия из железа на юго-западе СССР известны в белозерской культуре — это биметаллические кинжальчики [20, с. 117—152; 25, с. 124], железные кинжальчики и ножи [18, с. 110, 124; 19; 26], обломки железной фибулы [19]. Ранний этап освоения железа в Северо-Западном Причерноморье связывается В. П. Ванчуговым с позднебелозерскими памятниками и датируется им второй половиной XI—X в. до н. э. [26, с. 12, 16].

Железные предметы присутствуют во всех раннегальштатских группах Молдовы (в основном ножи, топорики и неопределенные изделия): Грэничешть, Корлэтень, Тэмэоань, Козия; известен 21 железный предмет, относящийся к раннему и среднему гальштату Молдовы. А. Ласло отмечает, что первые железные предметы на территории Молдовы появляются в период На А [27, с. 17—41; 28, с. 19, 20]. На поселении Бабадаг найдены железные изделия и шлаки в горизонте Бабадаг II, X—IX вв. до н. э. [29, с. 52, 63, 65, 68]. Рассматривая киммерийскую проблему на широком фоне взаимодействия Центральной и Восточной Европы с Кавказом, Я. Боузек приводит ряд доказательств в пользу того, что второй период контактов между этими регионами, для которого характерны железные изделия, можно датировать IX—VIII вв. до н. э. [30, с. 181—184, 203, 208—212]. И наконец, в могильнике Мезочат (Восточная Венгрия) обнаружено значительное количество железных предметов, датируемых VIII в. до н. э. [31, с. 30, 31].

Для группы Сахарна — Солончены, включаемой А. Ласло в культурный комплекс орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья [28, с. 12—15, 22, 23], наличие железных предметов в могильнике I у с. Сахарна и на поселениях Большая Сахарна и Матеуцы [32, с. 93—96; 33, с. 60] является вполне закономерным и не может быть причиной повышения датировок культуры и рассматриваемого здесь могильника.

Датировка комплекса погребения 1 кургана VI вызывает много вопросов. Именно на основе железных однокольчатых удил А. И. Мелюкова относила верхнюю хронологическую границу группы Сахарна — Солончены к началу VI в. до н. э. [5, с. 85, 87; 34, с. 67]. Г. И. Смирнова на основании находок аналогичных типов удил в кургане I у с. Мервинцы и погребении 1 кургана VI у с. Сахарна синхронизировала группу Сахарна — Солончены с Чернолесьем II, удревнив верхний рубеж Сахарны до начала VII в. до н. э. [9, с. 102—106], с чем согласилась и А. И. Мелюкова [7, с. 76—88; 15, с. 20] Г. И. Смирнова рассмотрела имеющийся круг аналогий удилам данного типа, сопоставляя материалы с территории Ирана (Гиян I, Сиалк B в сопоставлении с Хасанлу IV B) и Восточной Венгрии (Мезочат); по всем приведенным тогда аналогиям железные однокольчатые удила можно было датировать VIII в. до н. э., дата же начало VII в. до н. э. была предложена исследовательницей исходя из представления о совпадении финала Сахарны и финала Чернолесья.

Пересматривая хронологию предскифского периода юго-запада СССР и принимая во внимание новые, более низкие даты для Чернолесья II и начала Жаботина [35, с. 11], Г. И. Смирнова еще более удревняет дату существования таких удил до начала VIII в. до н. э. и, возможно, конца IX в. до н. э. [13, с. 37, 38] Она опирается на уточненные датировки иранских комплексов: Сиалк B —

середина VIII в. до н. э.; Хасанлу IV B — конец IX в. до н. э. (под вопросом,— вернее, конец VIII в. до н. э.) и пересмотренную датировку могильника Мезочат — VIII в. до н. э. (исследователи отмечают, что обнаруженные в погребениях Мезочата железные предметы попадали сюда с востока, другими словами, на «востоке», в понтийских степях, эти железные предметы бытовали уже в IX в. до н. э.) [31, с. 30, 31]. Однокольчатые удила, «неместные» в могильнике Мезочат, неместный характер удил данного типа в Сиалке B и на Древнем Востоке в целом отмечает и И. Н. Медведская [36, с. 71—73]; исходя из этого, можно поддержать и реплику Г И. Смирновой, что Мезочат в Венгрии и иранские комплексы фиксируют не начальный период применения таких удил, а в области Нижнего Подунавья и Пруто-Днестровском бассейне железные однокольчатые удила (Сахарна, Мервинцы) можно датировать началом VIII в. до н. э. [13, с. 38] Железные однокольчатые удила в погребении 1 кургана VI с. Сахарна впервые сочетаются с псалием, характерным для Черногоровки-Чернолесья II. Атрибуция псалиев такого типа, как позднечернолесских, сделана А. И. Мелюковой [34, с. 67], добавим к этому и наблюдение В. А. Ильинской, что в раннежаботинских комплексах Среднего Поднепровья не обнаружены костяные псалии предскифских типов [37, с. 110]. Это все еще раз подчеркивает раннюю дату погребения 1 кургана VI у с. Сахарна, которое можно датировать началом VIII в. до н. э.

Сахарнянский могильник I (Цыглэу) хронологически неоднороден. Погребения курганов III и IV, содержащие браслеты и фибулы, являются самыми ранними и датируются концом X в. до н. э.; погребение 1 кургана VI с удилами и псалием, видимо, самое позднее, относится к началу VIII в. до н. э. Остальные погребения могильника можно датировать в пределах IX в. до н. э. С уточнением времени появления железных однокольчатых удил верхняя граница существования могильника (и памятников этой культуры в целом) сместится на конец IX в. до н. э. Такая «растянутая» датировка могильника вполне допустима, если принять во внимание факт наличия в могильнике парных погребений с подзахоронениями и использование могил в качестве долговременных «склепов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Смирнов Г. Д.* Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Уч. зап. ИИЯЛ МФ АН СССР. Кишинев, 1949. Т. II.
2. *Смирнов Г. Д.* Сахарнянский могильник II (Гура Гульбока) // Изв. МФ АН СССР. Кишинев, 1955. № 5 (25).
3. *Мелюкова А. И.* Памятники VIII в. до н. э. на территории лесостепной Молдавии // Изв. МФ АН СССР. Кишинев, 1956. № 4 (36).
4. *Розенфельдт Р. Л.* Алчедарские курганы // Изв. МФ АН СССР. Кишинев, 1955. № 5 (25).
5. *Мелюкова А. И.* Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. 1958. № 64.
6. *Доманский Я. В., Шукин М. Б.* Научная сессия, посвященная 50-летию ОИПК // СА. 1983. № 4.
7. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М.: Наука, 1979.
8. *Смирнова Г И.* О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка — Лука) // АСГЭ. 1984. № 25.
9. *Смирнова Г. И.* О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна — Солончены и Жаботин (по материалам курганов у с. Мервинцы на Днестре) // СА. 1977. № 4.
10. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наук. думка, 1976.
11. *Мелюкова А. И.* Новые данные о керамике типа Сахарна — Солончены в Молдавии // КСИА. 1982. № 170.
12. *Смирнова Г И.* Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и взаимодействия) // Jhracia, V, 1980.
13. *Смирнова Г И.* Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. 1985. № 4.
14. Археология УССР. Киев: Наук. думка. 1985. Т. 1.
15. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Под ред. Мелюковой А. И. // Археология СССР. М.: Наука, 1989.
16. *Тощев Г Н.* Памятники белозерского времени у с. Струмок Одесской области // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1984.
17. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177.
18. *Евдокимов Г Л.* Курганный могильник белозерского времени у с. Первомаевка // Древнейшие скотоводы юга степей Украины. Киев: Наук. думка, 1987.

19. *Агульников С. М.* Отчет о работе Буджакской новостроечной экспедиции в 1985 г. Т. II (отчет о раскопках курганов у с. Казаклия) // Архив ОЭиИ АН МССР. Кишинев, 1986.
20. *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередниченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
21. *Лесков А. М.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины: Автореф. дис. докт. ист наук 07.00.06. М., 1975.
22. *Шарафутдинова И. Н.* Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
23. *Николов Б.* Тракийски памятници във Врачанско // ИАИ. София, 1965. Т. XXVIII.
24. *Отрощенко В. В.* Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
25. *Ванчугов В. П.* Памятники тудоровоского типа в Северо-Западном Причерноморье (к вопросу о белозерской культуре) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наук. думка, 1987.
26. *Ванчугов В. П.* Заключительный период бронзового века в Северо-Западном Причерноморье (белозерская культура): Автореф., дис. канд. ист. наук. 07.00.06. Киев, 1987.
27. *Laszlo A.* Incepuzurila metalurgici fierului pe territoriul Romaniei // SCIV. 1973. Т. 26. № 1.
28. *Laszlo A.-Z.* Hallstattul timpurui si mijlociu pe territoriul Moldovei. Rezumatul tez iei de doctorat. Iasi, 1985.
29. *Morintz S.* Noi date si problem privind perioadele hallstatt tiana timpurie si mijlocie in zona istropontica (Cercetarile de la Badadag) // Thraco-Dacica. 1987 Т. VIII. № 1—2.
30. *Bouzek J.* Caucasus and Europe and the Cimmerian problem // Acta Muzei nationalis Pragae. Ser. A. Historia. V. XXXVII (1983). № 4.
31. *Gabler D., Rater E., Yorvi I.* The second half of the HB period (HB 2—3) in eastern Hungari and Transdanubia // BAR International Series. 1982. 144.
32. *Смирнов Г. Д.* Скифское городище и селище «Большая Сахарна» // КСИИМК. 1949. Вып. 26.
33. *Кашуба М. Т* Новое поселение типа Сахарна — Солончены в лесостепной Молдавии // Тез. докл. конф. «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья». Запорожье, 1989.
34. *Мелюкова А. И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1972. № 1.
35. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А.* Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наук. думка, 1984.
36. *Медведская И. Н.* Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. 1983. V.XXIII.
37. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII—VI вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1975.

M. T. KASHUBA, N. V. GOLTSEVA

SAKHARNA I (TSYGLEU) CEMETERY

Summary

The cemetery near the village of Sakharna was excavated in 1950 by G. D. Smirnov and G. P Sergeev, but the materials were not published then and for a long time were considered to be lost. The information has survived about 11 burials of excavated 22. The dead were buried on the surface of the soil or in shallow pits. Two types of burial rite were practiced but the inhumation prevailed (10 burials). Nine burials contained two sceletons each. The dead lied in the contracted position either on their left or right sides, their hands and legs contracted, their heads pointing east or south-east. The main cathegory of artefacts are pottery vessels (pots, handled vessels, a beaker, a pyxis). Iron knives should be mentioned among the tools. Horse harness is represented by one-ring iron bits and three-hollow psalia. There is a number of ornamenst such as bronze grooved bracelets, long beads and buttons. Two species of unique iron fibulae with two loops as well as the grooved bracelets give the authors a possibility to date the cemetery to the end of the 10th century B. C.

Ш. Р. ПИДАЕВ

КЕРАМИКА ГРЕКО-БАКТРИЙСКОГО ВРЕМЕНИ С ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА

В научной литературе сложилось представление о Термезе как о крупном политическом, экономическом и культурном центре Бактрии — Тохаристана эпохи античности и средневековья. В это определение большой вклад внесли работы Московского музея восточных культур под руководством Б. П. Денике и в особенности Термезской археологической комплексной экспедиции под руководством М. Е. Массона, осуществленные еще в 30—40-е годы. Однако в силу ряда обстоятельств масштабы археологических раскопок на городище в это время были ограниченны. Выводы, к которым пришли исследователи, базировались в основном на подъемном материале, визуальных наблюдениях и сведениях письменных источников. В последние годы некоторые исследователи стали относить Термез к числу небольших провинциальных городков кушанского времени, полагая, что его основная часть была освоена лишь в период развитого средневековья. В частности, Л. И. Альбаум считает, что Термез в кушанский период занимал лишь цитадель, Дунье-тепа и еще ряд строений [1, с. 9]. Выводы эти были умозрительными, так как Л. И. Альбаумом не производились археолого-стратиграфические исследования городища. Небольшие стратиграфические шурфы и разрезы, заложенные в разные годы В. А. Козловским, как будто подкрепляли это предположение. Однако здесь следует отметить, что не все шурфы и разрезы были опущены до материкового слоя. Многие шурфы не были доведены В. А. Козловским до материка ввиду того, что уже верхние слои не дали ожидаемых результатов. Лишь в одном

Таблица 1

Химический состав керамики греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза

№ п. п.	Форма керамики, шифр образца	SiO_2	Al_2O_3	Fe_2O_3	CaO
1	Чаша с закругленным внутрь венчиком, XII гор.	52,36	23,61	4,81	4,49
2	Чаша с Т-образным венчиком, XII гор.	50,93	23,36	6,62	5,30
3	Чаша с клювовидным венчиком, XII гор	50,92	24,00	7,01	6,55
4	Цилиндро-конический кубок, XII гор.	55,92	22,45	5,84	3,82
5	Чаша с Т-образным венчиком, XII гор.	55,60	23,34	6,29	5,96
6	Чаша с закругленным внутрь венчиком, XIII гор.	53,77	23,36	6,80	6,55
7	Венчик кувшина, XIII гор.	51,40	22,54	7,25	5,93
8	Кубок, XIII гор.	54,80	23,60	6,06	2,65
9	Чаша с Т-образным венчиком, XIII гор.	53,91	22,69	6,11	5,42
10	Чаша с клювозидным венчиком, XIV гор.	51,40	23,76	7,24	6,57
11	Чаша с закругленным внутрь венчиком, XIV гор.	51,99	21.75	6,27	6,03
12	Венчик кувшина, XIV гор.	52,68	22,60	7,03	6,95
13	Чаши с Т-образным венчиком, XV гор.	50,60	20,85	11,75	6,03
14	Чаша с клювовидным венчиком, XV гор.	53,60	26,84	6,75	3,24

* П. П. П — потеря при прокаливании

© Ш. Р. Пидаев, 1991 г.

шурфе на территории цитадели он углубился до материкового слоя и проследил здесь 11 культурных слоев, древнейший из которых относится к греко-бактрийскому времени [2, с. 30—39]. К сожалению, материалы этого времени были представлены в очень небольшом количестве, и к тому же, как нам кажется, они перемешаны здесь с материалами более позднего времени. Поэтому подробная характеристика керамики Термеза греко-бактрийского времени на основании этих материалов была невозможна.

Учитывая большую роль Термеза для изучения истории формирования и развития городов Средней Азии, в 1980 г. при Институте археологии АН УзССР был создан специальный отряд по изучению истории и культуры Термеза, первоочередной задачей которого стали исследование стратиграфии городища, определение времени его возникновения и развития в различные исторические периоды. С этой целью нами в восточной части цитадели Старого Термеза был заложен стратиграфический шурф размером 6×10 м (в нижней части — 17 м^2), ориентированный по сторонам света. В нем было выявлено 15 строительных горизонтов общей мощностью 14,1 м. Четыре нижних горизонта мощностью 2,5 м относятся к греко-бактрийскому времени, причем три из них сопровождаются архитектурными остатками.

Первый строительный горизонт (XV строительный горизонт сверху) был обнаружен на глубине 10 см XXVII яруса. С этим слоем связаны остатки стены, которая была расчищена в северо-восточной части шурфа. Стена сильно разрушена; она была сложена из сырцовых квадратных кирпичей размерами 37×37×15 и 38×38×15 см на земляно-песчаном слое. Стена была обмазана глиной и сохранилась на высоту 24 см. Уровень пола довольно хорошо читается на всей площади шурфа. Под полом зафиксирован песчано-земляной слой, толщина которого 15—20 см. Под этим слоем обнаружен материковый слой, представленный твердым песчаником сероватого цвета. Судя по всему, песчано-земляной слой был специально насыпан для нивелировки поверхности материка, чтобы подготовить ровную площадку для строительства. Следующий слой (XIV культурный слой, XXV—XXVI ярусы) лежит прямо на руинах предшествующего периода, разделяет их тонкая прослойка из лёсса темно-коричневого цвета. Архитектурных остатков, связанных с этим слоем, не обнаружено. Толщина культурного слоя — до 70 см. На всей площади этот слой представлен в виде золы и гумуса. В юго-восточном углу шурфа зачищен бадраб, имеющий в плане овальную форму. Ствол бадраба прорубил нижний строительный горизонт и частично — материковый слой. Верхняя часть бадраба состоит из зольного слоя толщиной 50—70 см, внизу — из гумуса.

Этот слой дал очень выразительный керамический материал, среди которого имеются и археологически целые формы, и очень интересная статуэтка из

MgO	Na_2O	R_2O	П. П. П.*	MnO	TiO_2	SO_3	Сумма компонентов
2,41	3,10	3,62	5,26	0,12	Нет	Следы	99,68
3,79	3,42	2,44	3,28	0,10			99,24
2,81	3,44	2,41	2,84	0,13			100,11
1,95	4,02	1,50	3,57	0,06			99,13
3,15	1,43	0,95	2,66	0,17			99,59
2,98	2,52	1,81	2,01	0,12			100,02
3,43	2,60	3,64	2,00	0,11			99,90
2,65	2,25	1,95	5,52	0,08			99,56
2,44	3,15	2,10	3,38	0,11			99,31
4,05	2,20	1,10	3,55	0,06			99,93
2,74	1,67	1,51	8,25	0,11			100,32
3,31	3,20	2,67	1,80	0,11			100,35
3,50	3,21	1,82	2,57	0,13			100,46
3,29	2,64	1,49	3,15	0,08			100,60

слоновой кости.

Третий снизу слой (XIII строительный горизонт сверху, XXIV—XXV ярусы) толщиной 30 см непосредственно подстилает предшествующий слой. Разделяет их пол в виде тонкой утрамбованной земли. Во многих местах на уровне пола зафиксирована зольная прослойка толщиной до 1 см. В центральной части шурфа расчищена пахсовая стена, которая сохранилась на высоту 24 см от уровня пола. Направление стены восток — запад. Основание стены опущено в нижний слой на 20—25 см. Заполнение — лёсс средней плотности, со следами строительных остатков, зольные скопления, угольки, кости и гумусные прослойки. Этот слой также дал хороший керамический материал. В юго-восточном углу шурфа на уровне пола найдены две монеты.

Следующий культурный слой (XII строительный горизонт сверху, XXII—XXIV ярусы) толщиной 89 см включает лёсс темно-коричневого цвета с единичными фрагментами керамики, гумусно-зольными отложениями преимущественно в западной части шурфа. Основной процент керамики был обнаружен именно в гумусно-зольном слое. В западной части шурфа обнаружены остатки стены, сложенной из сырцовых квадратных кирпичей размерами 38×38×14 см. Стена сохранилась в три ряда кирпичей. Основная ее часть оказалась под стенами шурфа. Уровень пола читается очень хорошо.

Этот слой дал интересный керамический материал, глиняные пряслица дисковидной формы и венчик стеклянного сосуда голубого цвета.

Керамический материал, полученный из описанных слоев, богат и разнообразен. Почти вся керамика, представленная здесь, является продукцией высококвалифицированных мастеров-керамистов и изготовлена на гончарном круге. В изготовлении ряда ведущих форм керамики прослеживается определенная стандартизация. Фрагменты лепной керамики обнаружены здесь в небольшом количестве. Черепок в изломе розовый или светлый, обжиг равномерный, плотный и звонкий. Химический анализ отдельных фрагментов керамики, проведенный в лаборатории Института археологии АН УзССР, показывает, что все они изготовлены из глины высокого качества. Близость химического состава свидетельствует о том, что исходный сырьевой материал, т. е. глина, был взят из одного карьера (табл. 1). Высокое содержание глинозема Al_2O_3 (более 20%) и более низкое присутствие кремнезема — SiO_2 указывают на прекрасное знание термезскими мастерами-керамистами особенностей местных сырьевых ресурсов. Известно, что повышенное содержание глинозема в составе глины при одновременном понижении концентрации SiO_2 приводит к улучшению пластичных свойств глиняной массы и других технологических параметров керамики, позволяющих изготовлять сосуды со сложнопрофилированными стенками. Поэтому неудивительно, что керамические сосуды того периода, несмотря на почти полное отсутствие орнаментации, тем не менее выглядели парадными благодаря изяществу формы.

Основная часть керамики покрыта различными оттенками красно-коричневого ангоба. Керамика со светлым ангобом встречается несколько меньше. Других типов орнаментации здесь пока не зафиксировано. По своему функциональному назначению керамика четко делится на столовую, хозяйственную и кухонную. Основной процент керамики относится к столовой посуде. Ее ассортимент довольно богат. Это кувшины, кубки, чаши, тарелки, бокалы и пр.

Ведущее место среди столовой посуды греко-бактрийского времени Термеза принадлежит чашам, среди которых преобладают чаши полусферической и конической форм. В свою очередь каждая из этих форм имеет ряд вариантов.

I. *Полусферические чаши:*

а) группа чаш на небольшом плоском поддоне. Стенки их, плавно округляясь, поднимаются вверх и заканчиваются закругленным внутрь венчиком (рис. 1, *4—9;* 2, *17—25;* 3, *24—28;* 4, *18—24).* Они покрыты различными

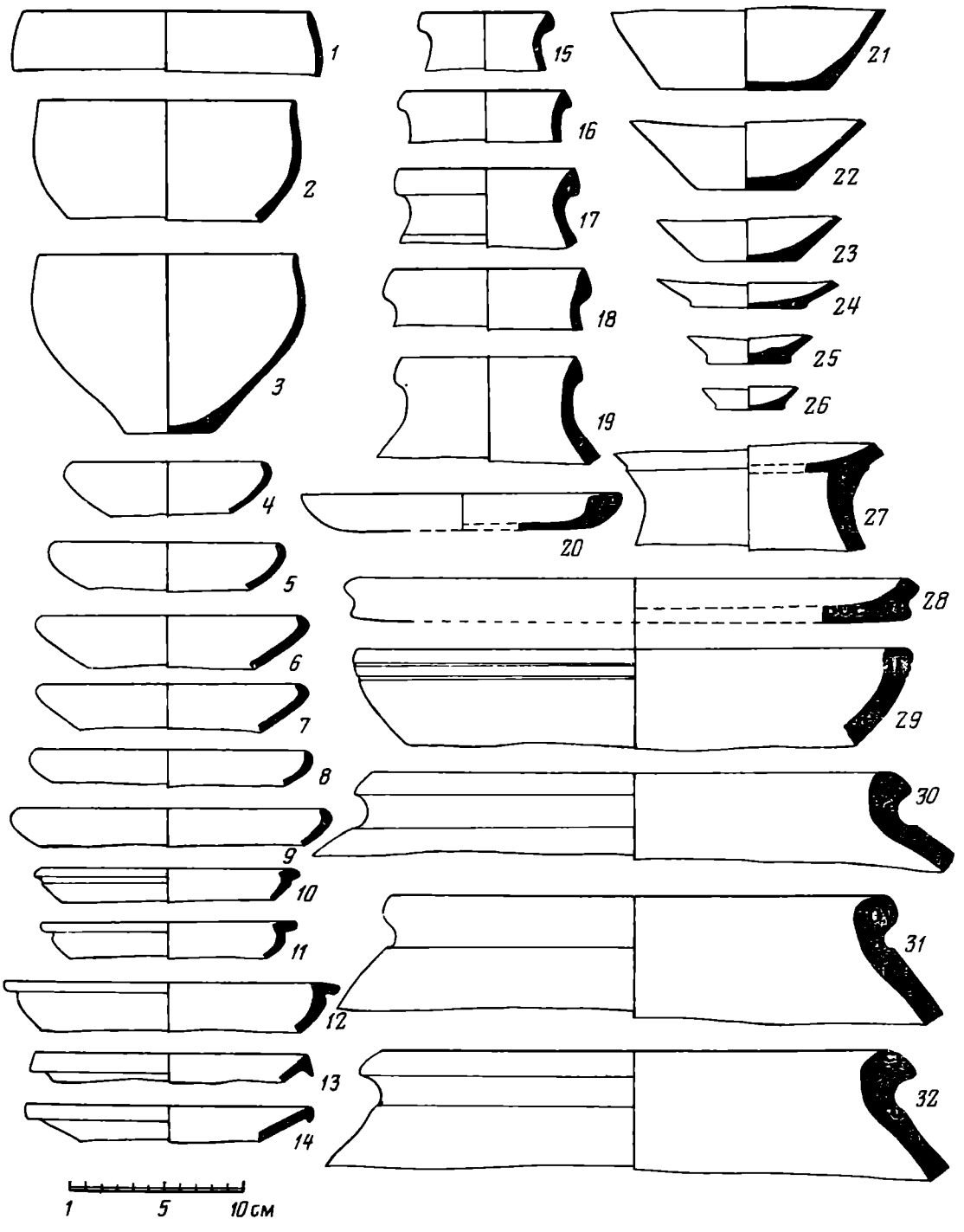


Рис. 1. Керамика первого этапа

оттенками красно-коричневого ангоба, реже — светлым. Ангоб, как правило, плотный. Этот вариант полусферических чаш распространен здесь и встречен во всех четырех горизонтах;

б) полусферические чаши со слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4, *25—28)*. Все они покрыты красно-коричневым ангобом. Чаши со светлым ангобом не обнаружены;

в) полусферические чаши с Т-образным венчиком (рис. 1, *10—12;* 2, *5—11;* 3, *6—11;* 4, *33—36)*. Они также покрывались различными оттенками красно-коричневого ангоба реже — светлым;

г) полусферические чаши с Г-образным венчиком (рис. 2, *12;* 4, *37)*. Здесь

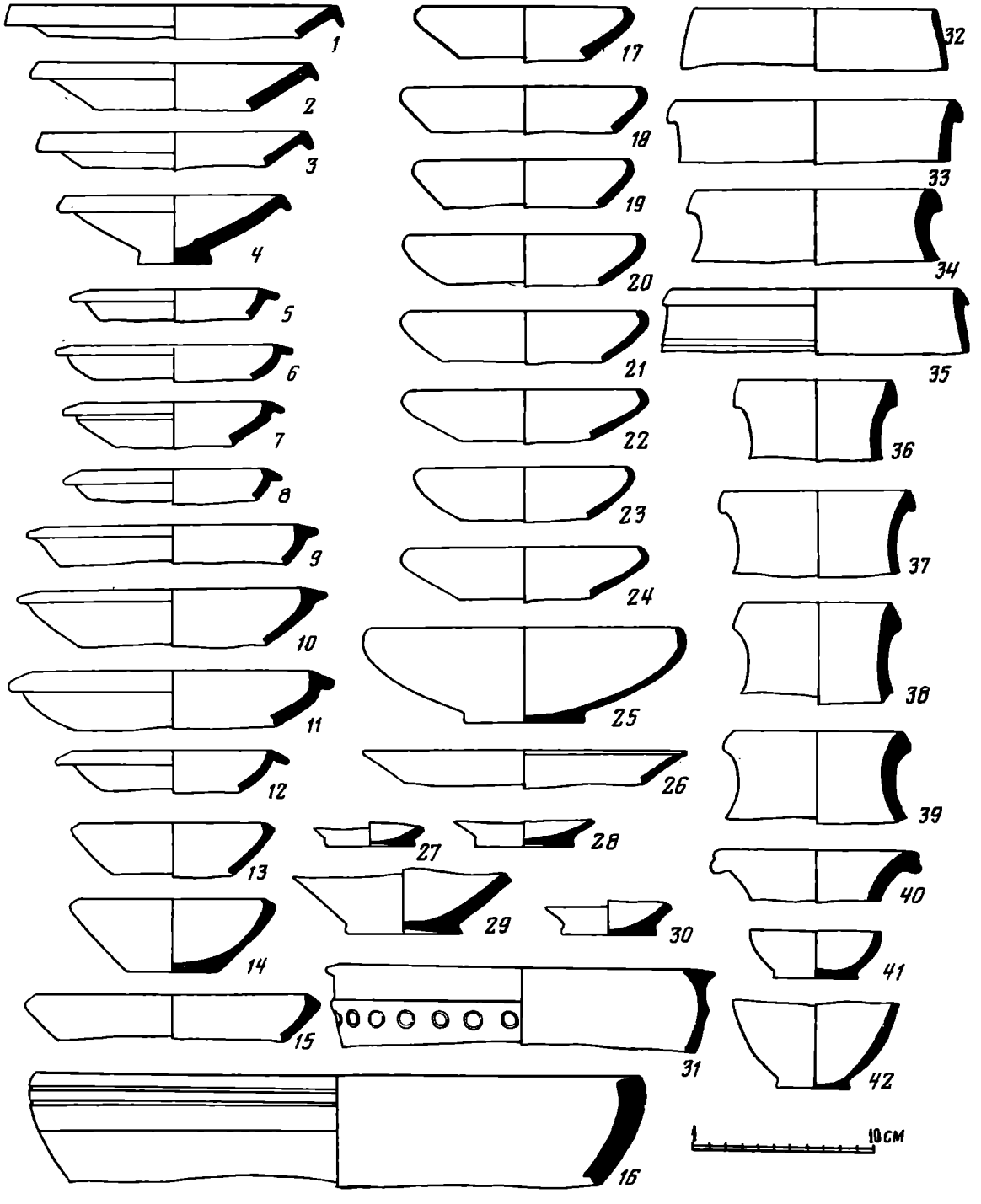


Рис. 2. Керамика второго этапа

следует отметить, что не всегда чаши с Т- и Г-образным венчиком удается определить точно;

д) особое место среди полусферических чаш занимают небольшие чаши на плоском донце, редко — на слегка заметном поддоне с клювовидным венчиком, вогнутым внутрь (рис. 2, *12—14;* 3, *12—16*, 4, *1—6*). Для них обычен красно-коричневый ангоб.

II. *Чаши с конической формой*:

а) среди чаш этой группы ведущее место занимают чаши с клювовидным венчиком, отогнутым наружу (рис. 1, *13—14;* 2, *1—5;* 4, *13—15*). У одних венчики заостренные, у других — круглые. Обычно они имеют плоский поддон,

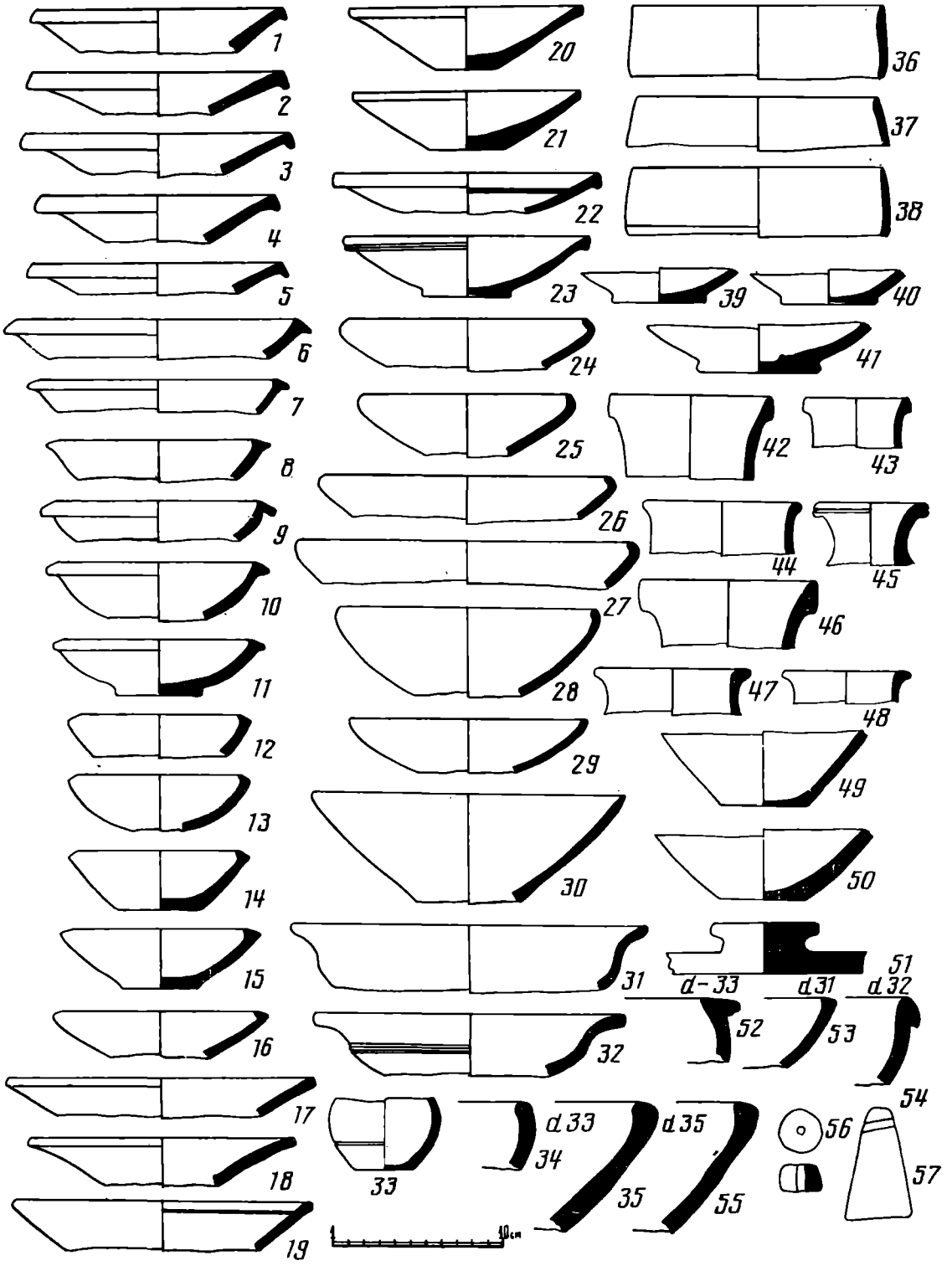


Рис. 3. Керамика третьего этапа

в отдельных случаях отмечены конусообразным выемом, стенки резко расширяются в стороны, образуя конический резервуар, и заканчиваются клювовидным венчиком, отогнутым наружу. Для них характерно углубление в центре резервуара, отделенное небольшим выступом. Они покрыты различными оттенками красно-коричневого ангоба, реже — светлым. Ангобом, как правило, покрывались внутренняя сторона чаши и часть борта снаружи. Они несколько толстостенные и грубоватые;

б) чаши на небольшом поддоне или плоском донце с расходящимся в

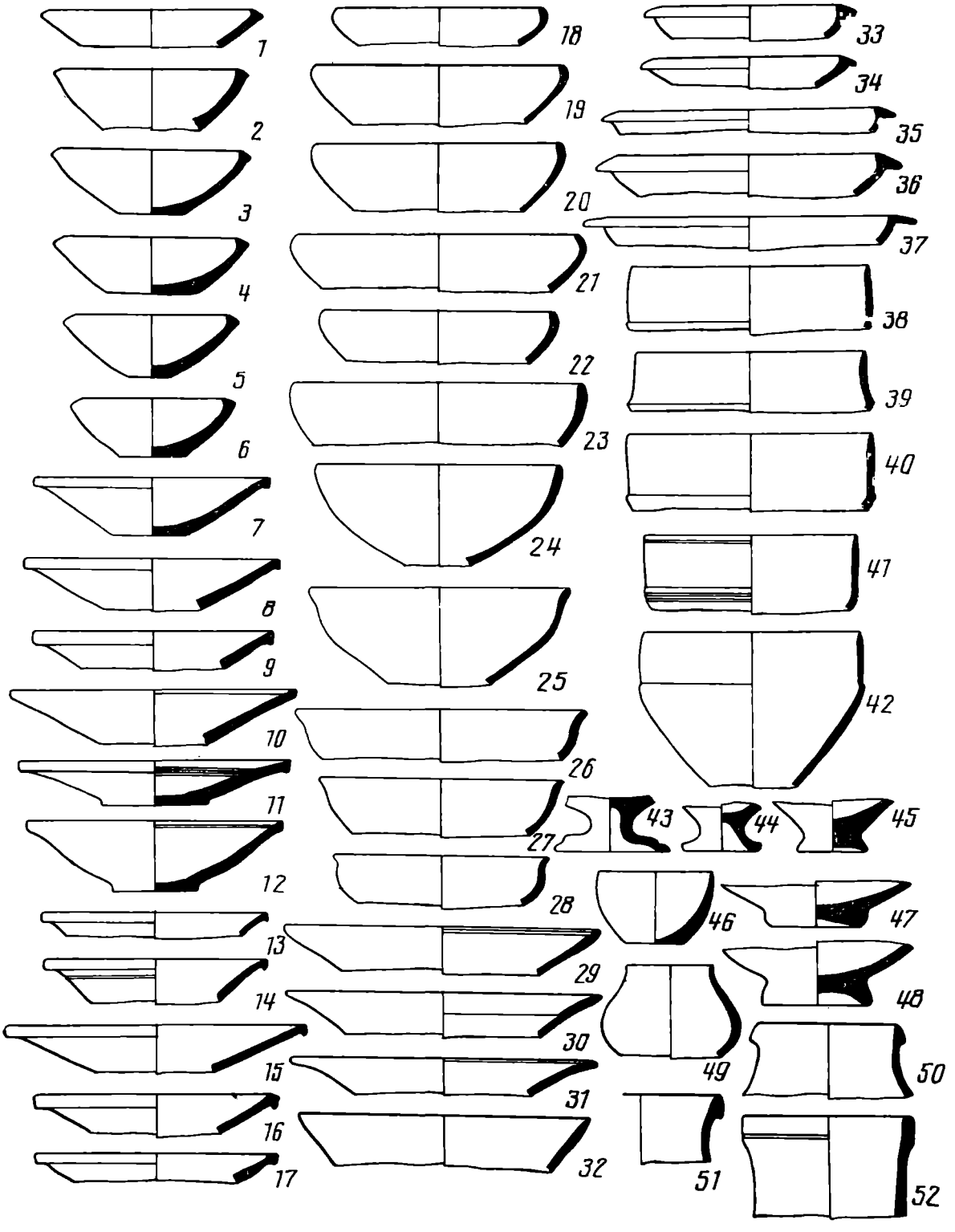


Рис. 4. Керамика четвертого этапа

стороны стенками, образующими конический резервуар. Венчики их в сечении подтреугольной формы (рис. 3, *17—23;* 4, *7—12*). У отдельных чаш стенки слегка округленные, венчики отогнуты наружу. Эти чаши в основном покрывались красно-коричневым ангобом. Но нередко встречаются здесь и светло-ангобированные, причем у последних тесто обычно светлоглиняное. Одной из характерных особенностей этих чаш является наличие у многих концентрического углубления в центре резервуара.

К этой группе можно условно отнести некоторые чаши, представленные в единичных экземплярах. По внешнему облику они приближаются к полусферическим чашам.

в) тонкостенные чаши с расходящимися в стороны стенками, которые заканчиваются слегка заостренным венчиком (рис. 3, *30;* 4, *32*). Обычно они глубокие по сравнению с другими чашами;

г) чаши с профилированными венчиками на небольшом поддоне с конусообразным выемом внутри (рис. 4, *16, 17*).

Небольшую, но весьма характерную группу керамики составляют кубки. Здесь они представлены двумя типами:

а) кубки на плоском донце, стенки плавно расширяются вверх, образуя округлую форму, и заканчиваются слегка загнутым внутрь венчиком (рис. 1, *1—3;* 2, *32;* 3, *36, 37*). Эти кубки покрыты светлым ангобом. Черепок в изломе светло-розовый;

б) кубки на небольшом поддоне или ножке, стенки их плавно расширяются вверх, делают резкий перегиб, образуя цилиндро-конический резервуар (рис. 3, *38;* 4, *38—42*). Как правило, венчики их слегка заострены с внешней стороны, нередко на месте перехвата имеют желобки. Цилиндро-конические кубки сплошь покрыты различными оттенками красно-коричневого ангоба.

Бокалы здесь представлены единичными фрагментами ножек. Они довольно устойчивые и высокие (рис. 4, *44*).

Тарелки представлены двумя типами: а) тарелки с развернутым бортом (рис. 3, *31, 32*); б) тарелки с уступом внутри (рис. 3, *30, 31*).

Оба типа тарелок изготовлены из глины розового цвета и покрыты красно-коричневым ангобом. Отдельные из них в средней части снаружи украшены желобками. Судя по всему, они имели невысокий поддон.

Следующую группу керамики составляют *кувшины.* К сожалению, здесь не найдено ни одной целой формы (рис. 1, *15—19;* 2, *32—40; 42—50;* 4, *50—52*). Все они в основном узкогорлые, донце плоское. Обычно они без ручек, редко встречаются кувшины с одной ручкой. Профилировка их венчиков различна, но преобладают кувшины с подтреугольной формой венчика. Часть кувшинов светлоангобированная, другая часть покрыта красно-коричневым ангобом. Отдельные экземпляры вообще не ангобированы.

Миски представлены в небольшом количестве. Они толстостенные, имеют полусферическую форму с закругленным внутрь венчиком (рис. 1, *29;* 2, *16*). Верхняя часть венчика снаружи украшена желобками. Обычно внутренняя сторона их покрывалась ангобом.

Тагора — это наиболее распространенная форма среди хозяйственной посуды. Они представлены тремя разновидностями, толстостенные и грубоватые:

а) тагора усеченно-конической формы (рис. 3, *35, 55;* 5). Донце плоское, сформовано на песчаной подсыпке, венчики слегка закруглены внутрь;

б) тагора полусферической формы с клювовидным венчиком, отогнутым наружу (рис. 3, *54*), встречаются редко;

в) тагора усеченно-конической формы с подтреугольным венчиком.

Хумы и *хумча.* Эти формы керамики дошли до нас во фрагментах (рис. 1, *30—32;* 2, *33—35*). Они имеют плоское, слегка выпуклое дно, сформованное на песчаной подсыпке. Венчики их утолщены и выгнуты наружу. Встречено несколько фрагментов хумов с ручной лепкой. Они имеют желобок, выполненный пальцем руки под венчиком.

Котлы представлены единичными фрагментами (рис. 5, *8*). Они имеют прямой, слегка профилированный венчик, тулово сфероидное, дно не выделено. Котлы изготовлены из глины с большой примесью песка и дресвы. Одним экземпляром представлена *жаровня.* Она также изготовлена из глины с большой примесью песка и дресвы.

Крышки большие, плоские, с ручкой в центре (рис. 3, *51*).

Светильники представлены двумя типами:

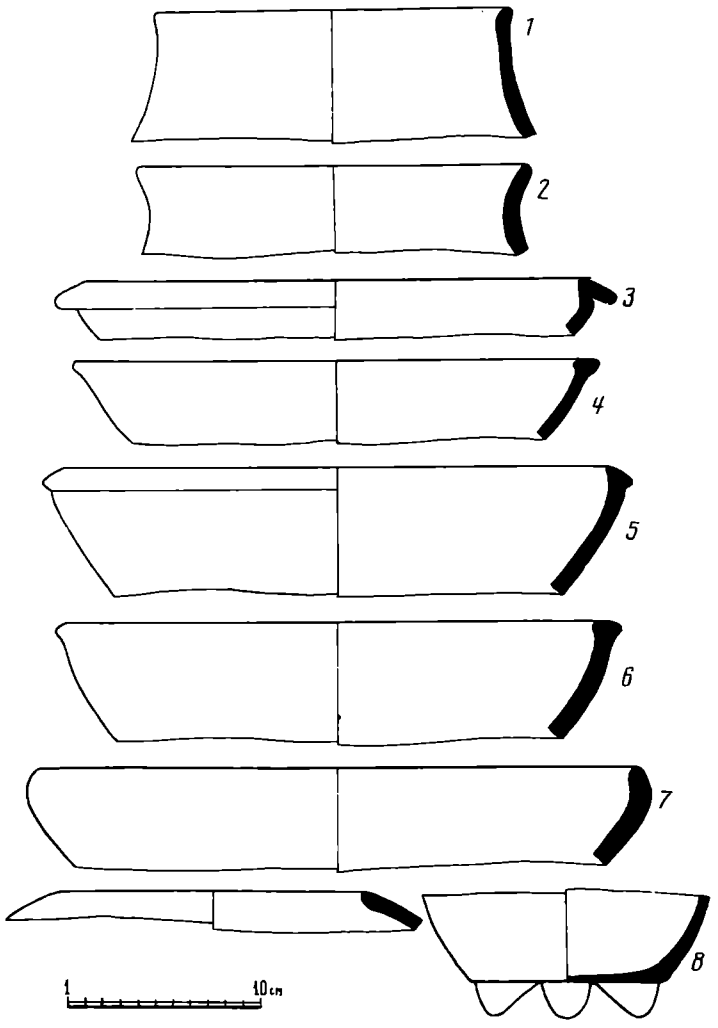


Рис. 5. Керамика четвертого этапа

а) светильники, изготовленные на гончарном круге. Имеют очень изящную форму, вытянуто-закрытую, с носиком (рис. 6). Ручки в виде рогатки изготовлены от руки. Место соединения аккуратно сглажено. Покрыты «светлым» ангобом. Носики закопчены. б) лепные светильники округлой формы, покрытые также светлым ангобом.

Редкие формы. К числу редких форм относятся сосуды типа «кратера». Они имеют Т-образный венчик, полусферическое тулово на высокой устойчивой ножке (рис. 1, *27;* 2, *31*). Встречены также красноангобированные и светлые экземпляры. Один сосуд этого типа украшен по горловине штампованным концентрическим орнаментом. В эту группу керамики включены миниатюрные чашечки, горшки и кувшинчик на небольшом поддоне.

Небольшую, но весьма характерную группу составляет сероглиняная керамика. Она здесь представлена фрагментами чаш с расширяющимися к венчику стенками, чаш с клювовидным венчиком, отогнутым наружу, стенками и венчиками кувшинов. Отдельные фрагменты сероглиняной керамики покрыты черным ангобом и украшены лощением. Судя по небольшому количеству находок сероглиняной керамики, можно говорить о том, что в греко-бактрийский период производство ее здесь, так же как и в других городах Средней Азии, стало только налаживаться, и поэтому из нее изготовляли только парадную столовую посуду.

Ареал вышеописанной керамики из Старого Термеза довольно широк. Она встречена в Мерве в слоях III—II вв. до н. э. [3, с. 44—58; 4, с. 190—197], более отдаленное сходство находит в античном Хорезме [5, с. 84—144]. В Согде

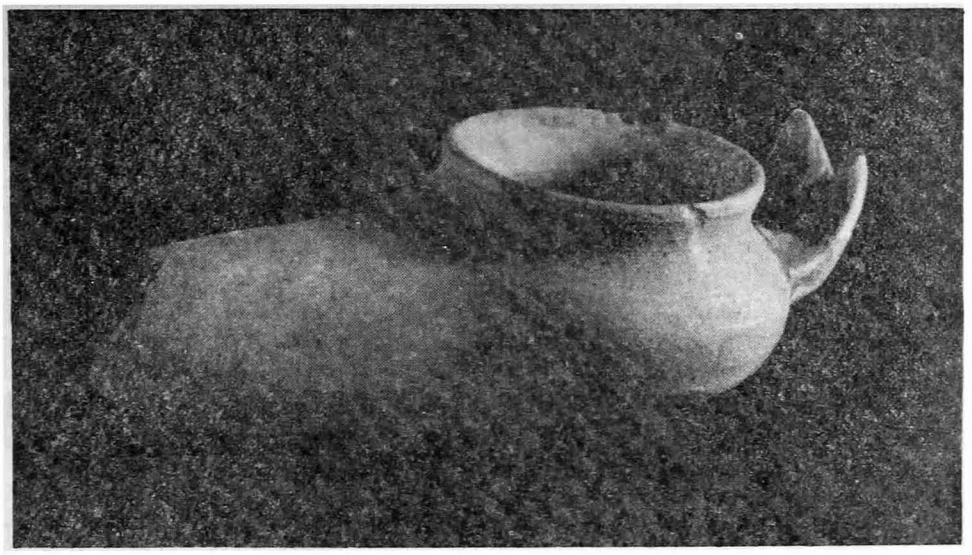


Рис. 6. Светильник, четвертый этап

аналогичная керамика встречается в комплексе Афрасиаб II [6, с. 28—51; 7, с. 60—77], Еркурган [8, с. 42—53] и во многих других. Общность здесь проявляется и в сходстве многих форм, и в технологии их обработки. Вместе с тем между ними имеется ряд различий. В частности, для афрасиабской керамики характерна обработка поверхности сосудов поверх ангоба лощением, чего мы вообще не наблюдаем на термезской керамике. В этом плане керамика из Термеза близка керамике Еркургана и Мерва, где лощение не было характерно для керамики того времени. Но самое близкое сходство термезская керамика обнаруживает в керамических комплексах самой Бактрии III—II вв. до н. э. Это сходство выражается не только в полной идентичности многих ведущих форм, но и в способах оформления поверхности сосудов. В этом плане она находит самые близкие параллели с керамикой Дальверзин-тепа на Средней Сурхандарье [9, с. 144—150; 10, с. 26, 27], что, по всей вероятности, объясняется территориальной близостью этих памятников и общностью культуры. Не менее близкое сходство можно увидеть и в керамике III—II вв. до н. э. из Бактр [11], Джига-тепе греко-бактрийского времени [12, с. 114—118, рис. 2, 3] и Ай-Ханум III—II вв. до н. э. [13, с. 121—118] юга Бактрии.

При всем этом термезской керамике присущи и некоторые отличия. В частности, в Термезе, так же как и на Дальверзин-тепа, чаши на кольцевом поддоне представлены единичными фрагментами. К тому же они появляются только на последних этапах греко-бактрийского времени, в то время как кольцевой поддон занимает ведущее место в керамике Ай-Ханум [13, с. 134]. В Ай-Ханум кувшины в основном одноручные, а в Термезе они единичны. Здесь они в основном без ручек. В этом плане термезская керамика опять же более близка керамике Дальверзин-тепа, где кувшины в основном встречаются без ручек [9, с. 145] На Дальверзин-тепе и в Ай-Ханум вообще отсутствуют чаши с клювовидным венчиком, вогнутым вовнутрь, которые занимают одно из ведущих мест в керамическом комплексе Старого Термеза. В то же время в керамическом комплексе Старого Термеза сероглиняная керамика, так же как и на Дальверзин-тепа, представлена в небольшом количестве, а для керамики Ай-Ханум она обычна. Лощение в ай-ханумской керамике занимает ведущее место в обработке поверхности сосудов, а в Термезе отмечены лишь отдельные фрагменты. В данном случае термезская керамика близка дальверзинской, где сосуды с лощением также обнаружены в небольшом количестве [9, с. 145]

В Термезе отсутствует керамика и со штампованным орнаментом, являющимся одним из характерных признаков обработки поверхности ай-ханумской керамики. Еще одной характерной отличительной чертой термезской керамики

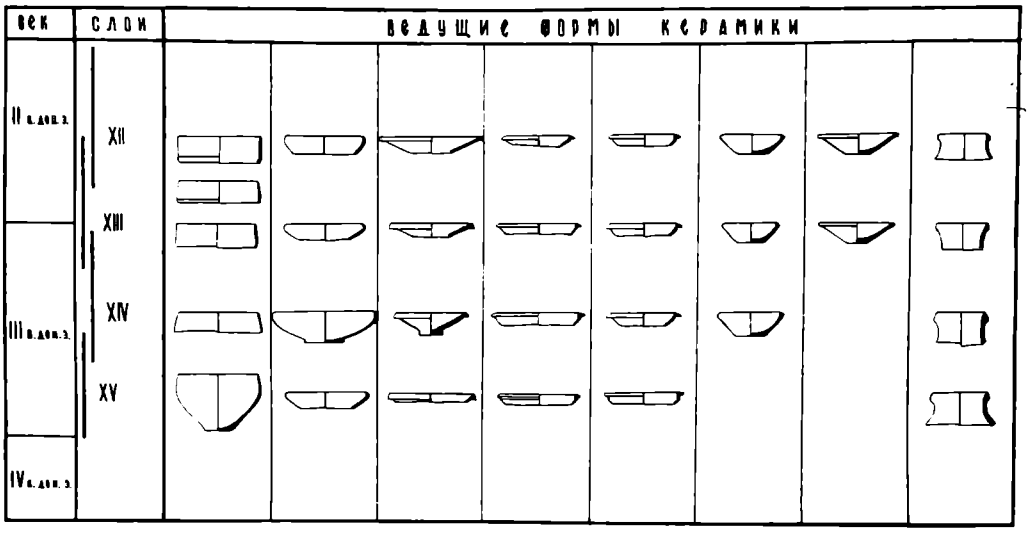


Рис. 7. Хронологическое и стратиграфическое распределение ведущих форм термезского керамического комплекса

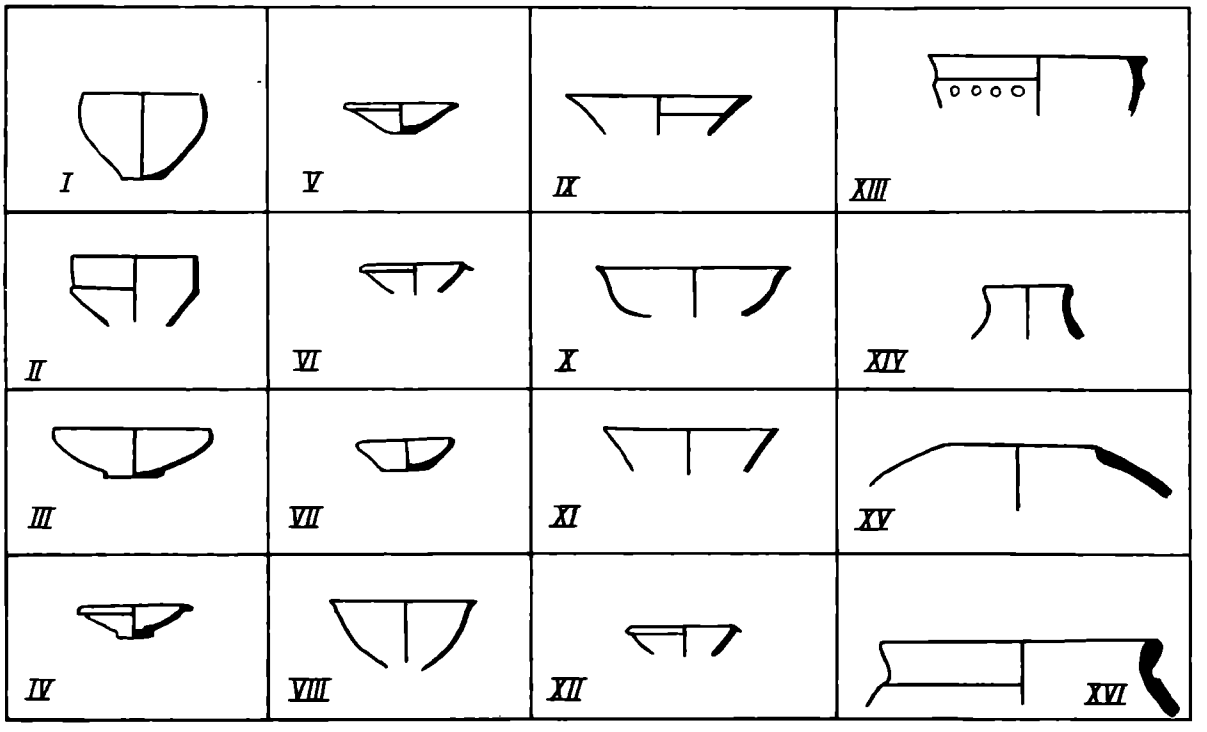


Рис. 8. Приложение к таблице 2

от ай-ханумской является то, что здесь отсутствуют традиционные для Ай-Ханум чаши на кольцевом поддоне с плавно расходящимися вверх стенками, заканчивающиеся заостренным венчиком [13, с. 16]

Характерным признаком термезской керамики является и отсутствие бокалов, по крайней мере в начальных стадиях.

Отдельные отличия можно отнести на счет особенностей каждого керамического центра, имеющего свои культурные традиции и каноны в изготовлении керамических изделий с учетом потребностей и вкусов населения данного центра. Но в отношении сероглиняной керамики, лощения и штампа этого сказать нельзя. Здесь, видимо, сказался относительно низкий уровень технологии термезской керамической школы по сравнению со столичными городами, какими являются греческие города Ай-Ханум, Бакт и Афрасиаб, где влияние

эллинистической культуры на все стороны жизни, в том числе и на гончарное производство, по всей вероятности, было более заметным. Со временем и в других городах Средней Азии, в частности в Термезе, производство сероглиняной керамики, лощение поверхности сосудов, украшение ее штампом были налажены, а еще позднее эти приемы получили довольно широкое распространение. Здесь не следует забывать, что изготовление сероглиняной посуды и оформление ее поверхности лощением в Бактрии были известны еще в эпоху бронзы. Поэтому, на наш взгляд, будет правильным говорить о втором их рождении, в котором, возможно, не последнюю роль сыграло влияние эллинистической культуры.

Таким образом, сопоставление термезской керамики с материалами других памятников Бактрии показывает, что она в первую очередь находит аналогии в материалах правобережья Бактрии, далее — с левобережья, в том числе и с Ай-Ханум. Относить все эти различия за счет провинциальности, а схожесть — за сильнейшее культурное воздействие греческих центров, как это полагает А. В. Седов, думаю, не совсем справедливо [15, с. 174] Получается, что страна, культурные традиции которой уходили в глубь веков, за короткий промежуток времени подавила свои культурные традиции и полностью переориентировалась на греческую культуру. Бесспорно, влияние эллинистической культуры в Бактрии было очень существенным, но оно не было определяющим, тем более в области производства керамики. Но это тема для отдельного исследования.

Заканчивая сопоставительный анализ термезской керамики, мы предлагаем назвать керамический комплекс из правобережья Бактрии кермикой термезского типа, так как на территории правобережья Бактрии этот комплекс в настоящее время хорошо выражен и богато представлен только на городище Старого Термеза.

Несмотря на отмеченные отличия, термезская керамика имеет много общего с керамикой многих крупных керамических центров Средней Азии. Это указывает на большую общность материальной культуры населения, проживающего на огромной территории.

Относительная хронология термезского комплекса на основании приведенных выше сопоставлений определяется III—II вв. до н. э. Не исключено, что отдельные формы могут относиться к концу IV в. до н. э. Весь комплекс можно условно назвать Термез-I. Стратиграфия шурфа позоляет разделить этот керамический комплекс на четыре стратиграфических этапа, различающихся в основном составом керамики, появлением, развитием или исчезновением тех или иных форм, их процентным содержанием (табл. 2) При этом все ведущие формы керамики представлены во всех четырех этапах (рис. 7).

Керамика первого этапа обнаружена в самом низу шурфа (XV горизонт). Набор керамики небольшой: кубки на плоском донце, чаши на небольшом плоском поддоне с закругленным внутрь венчиком с Т- и Г-образной профилировкой венчика, чаши с клювовидным венчиком, узкогорлые кувшины на плоском донце с подтреугольным в сечении венчиком, без ручек, фрагмент ножки «кратера», жаровня и венчики лепных хумов с желобком под венчиком. Все они, за исключением хумов и жаровни, изготовлены на гончарном круге. Черепок в изломе светло-розовый, тонкостенный, обжиг равномерный. Почти вся керамика покрыта светлым ангобом, реже — красно-коричневым.

В данном случае относительное обилие керамики со светлым ангобом в нижнем горизонте Старого Термеза, видимо, объясняется тем, что влияние традиций предшествующих периодов было еще весьма заметным. Известно, что для керамики эпохи бронзы и раннего железа Северной Бактрии светлый ангоб был одним из признаков оформления керамики Появление же красно-коричневого ангоба, возможно, связано с влиянием керамических традиций эллинистической культуры, которая со временем, как это мы видим в последующих этапах, почти полностью вытесняет светлый ангоб. Однако опять же крас-

Таблица 2

Процентное содержание различных форм керамики по горизонтам

№	Форма *	Диаметр, см	Высота, см	Горизонт			
				XII	XIII	XIV	XV
1	I	15—16	16	—	2	1	4
					2,44	1,58	12,50
2	II	14—16		6**	2	—	—
				6,90	2,44		
3	III	12—19	4—6	9	10	15	7
				10,4	12,20	2,37	21,9
4	IV	16—20	4—5	3	6	7	2
				3,4	7,32	11,10	6,25
5	V	14—19	4—5	6	8	—	—
				6,90	9,75		
6	VI	12—15	3,5—5	4	5	5	2
				4,60	6,10	7,90	6,25
7	VII	9—13	4,45	8	6	3	—
				9,20	7,23	4,74	
8	VIII	17—19		4	—	—	—
				4,60			
9	IX	20—21		1	—	—	—
				1,15			
10	X	20—23		1	2	—	—
				1,15	2,44		
11	XI	19—21		2	5	1	—
				2,30	6,10	1,58	
12	XII			1	2	4	2
				1,15	2,44	6,32	6,25
13	XIII	21—23		—	1	1	1
					1,22	1,58	3,12
14	XIV	9—12		12	9	8	5
				13,80	10,98	12,64	15,62
15	XV			11	4	—	—
				12,65	4,88		
16	XVI			5	8	9	7
				15,75	9,76	14,22	21,90
17	Прочие			14	12	9	2
				16,10	14,64	14,22	6,25
			Итого:	87 экз.	82 экз.	63 экз.	32 экз.

* Формы см. на рис. 8.

** Числитель — количество экземпляров данной формы в горизонте, знаменатель — процент от общего количества.

ный ангоб не является кардинально новым видом оформления керамической посуды. Нам известна прекрасная красноангобированная посуда с памятников эпохи бронзы. Поэтому, видимо, правильно было бы говорить о втором рождении ее, в котором немалую роль сыграло влияние эллинистической культуры. Инновацией является появление таких форм керамики, как чаши с Т- и Г-образным венчиком, чаши с клювовидным венчиком, «кратер» и др. Однако это было не прямое копирование форм и оформления эллинистической керамики. Здесь они были творчески переработаны с учетом местных традиций и вкусов, а также технологического уровня керамико-обжигательного производства.

Керамика первого этапа находит близкие аналогии в керамике первого этапа периода Афрасиаб II [6, рис. 5], Халчаяна (III—II) III в. до н. э. [14, с. 33—36], Дальверзин-тепа [9, с. 144—146], в керамике первого этапа греко-бактрийского времени Джига-тепа [12, с. 114—117] и т. д. На основании аналогии и стратиграфии керамику первого этапа из шурфа можно датировать первой половиной III в. до н. э.

Керамика второго этапа представлена материалами XIV горизонта. Здесь мы видим заметное увеличение ассортимента и количества, хотя продолжают бытовать все ведущие формы первого этапа, профилировка которых становится более четкой и выразительной. Увеличивается обработка сосудов различными оттенками красно-коричневого ангоба. Количество керамики со светлым ангобом несколько уменьшается, но она не исчезает. Появляются новые формы: небольшие полусферические чаши на плоском донце с клювовидным венчиком, вогнутым внутрь, конические чаши с расходящимися в сторону стенками, небольшие кувшинчики на небольшом поддоне. Керамика этого этапа датируется на основании стратиграфии второй половиной III в. до н. э.

Керамика третьего этапа происходит из XIII строительного горизонта шурфа. Здесь продолжают бытовать все формы предшествующих этапов. Вместе с тем появляются и новые формы. В частности, на этом этапе появляются конические чаши на плоском донце с подтреугольным венчиком. Эти чаши, как правило, светлоангобированные. Появляется и новая форма кубков — цилиндро-конические, тарелки с развернутыми бортами. Увеличивается количество полусферических чаш с клювовидным венчиком, вогнутым внутрь, конические чаши с расходящимися в стороны стенками. Профилировка венчиков кувшинов становится более разнообразной. Появляются тагора и сероглиняные чаши. Керамика этого этапа датируются последней четвертью III — первой половиной II в. до н. э. Предложенная дата подтверждается монетными находками. На уровне пола этого горизонта были обнаружены две бронзовые монеты греко-бактрийского царя Евтидема, правившего в 230—200 гг. до н. э. На лицевой стороне этих монет изображен бородатый Геракл вправо. Волосы переданы крупными завитками, нос большой, с горбинкой, усы широкие. На оборотной стороне монеты в центре изображена скачущая вправо лощадь. Вверху и внизу сохранились остатки легенды. В частности, на одной из монет внизу читается имя правителя Евтидема. Сохранилось пять букв: TVΔH ...V.

Керамика четвертого этапа связана с XII строительным горизонтом шурфа. Для керамики этого этапа характерно существование всех ведущих форм керамики предшествующих этапов. Однако профилировка отдельных форм претерпевает некоторые изменения. В частности, венчики полусферических чаш с закругленным внутрь венчиком становятся менее закругленными. Появляются здесь и новые формы керамики. К ним относятся чаши со слегка отогнутым наружу венчиком, тарелки с уступом внутри, бокалы. Последние, судя по количеству находок, еще не получили на этом этапе большого распространения. Они практически отсутствуют и на Ай-Ханум. Это дает основание считать, что бокалы появились не в III в. до н. э., как это считали ранее [16, с. 92—95], а несколько позднее — во II в. до н. э. Количество цилиндро-конических кубков увеличивается. Светлоангобированная керамика полностью исчезает. Диаметр чаш с Т- и Г-образными венчиками увеличивается. Также исчезают кубки на плоском поддоне. Керамика этого этапа датируется второй половиной II в. до н. э.

Предложенная выше периодизация керамики греко-бактрийского времени Старого Термеза ни в коей мере не претендует на полное освещение и окончательное решение данного вопроса. Это лишь попытка классификации термезской керамики. Материал, на базе которого был рассмотрен данный вопрос, еще не очень большой, хотя за весь период изучения Старого Термеза фактически это первый такой насыщенный комплекс керамики греко-бактрийского времени, обнаруженный на городище. Поэтому отдельные признаки, учтенные при рассмотрении тех или иных форм керамики, в данном случае могли носить чисто случайный характер, зависящий от особенностей вскрытых участков. Несомненно, что по мере накопления новых материалов с четкой стратиграфией классификация будет дополнена и откорректирована.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альбаум Л. И.* Фаяз-тепе как часть буддийского центра Термеза и его история // Тез. докл. конф. «Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье». М.: Наука, 1981.
2. *Козловский В. А., Некрасова Е. Г* Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л.: Наука, 1976.
3. *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва // ТЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад: Ылым, 1962.
4. *Усманова З. У.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // ТЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад: Ылым, 1963.
5. *Воробьева М. Г* Керамика Хорезма античного периода // ТХАЭЭ. 1959. Т. IV.
6. *Шишкина Г В.* Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-П) // Афрасиаб Вып. III. Ташкент: Фан, 1974.
7. *Шишкина Г В.* Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. № 2.
8. *Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р. Х.* Еркурган. Ташкент: Фан, 1984.
9. *Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г А.* Керамика Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
10. *Пугаченкова Г. А.* Укрепления нижнего города // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент: Фан, 1978.
11. *Gardin J. C.* Ceramiques de Bactres. T. XV, P.: MDAFA, 1957.
12. *Пидаев Ш. Р.* Керамика Джига-тепе // Древняя Бактрия. Вып. III. М.: Наука, 1984.
13. *Gardin J C.* Les ceramiques. Fouilles d'Ai Khanoum. T. XXI. P.: MDAFA, 1973.
14. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. Ташкент: Фан, 1966.
15. *Седов А. В.* Керамические комплексы ай-ханумского типа на правобережье Аму-Дарьи // СА. 1984. № 3.
16. *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136.

SH. R. PIDAEV

THE POTTERY OF GRECO-BACTRIAN PERIOD FROM STARY TERMEZ FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The article is devoted to the analysis of the pottery collection obtained during the stratigraphic investigations of Stary Termez from the levels of Greco-Bactrian period. The site was one of the large political, economic and cultural centres of ancient Bactria. This work is the first attempt of studying the earliest pottery of Stary Termez, as the levels of this period are investigated here for the first time. The characteristic of all types of vessels is given. The author marked a number of similarities with the pottery of ancient Merv, Khorezm, Sogd and especially with the pottery of Bactria itself of Greco-Bactrian period. A number of specific features of the Stary Termez pottery is noticed. The author outlined four chronological stages basing on the analysis of stratigraphy of the site.

Ю. Н. ВОРОНОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ДИОСКУРИАДЫ

Систематические исследования сельскохозяйственной территории Диоскуриады (совр. Сухуми) позволили составить довольно широкое представление (рис. 1) о ряде поселений севернее (Сухумская гора, Гуад-иху и др.) и западнее (Красный Маяк, Эшерское городище и др.) города [1, с. 17—284; 2, с. 27—76] Восточная же часть этой территории, несмотря на то что здесь известно уже более двух десятков поселений, исследована значительно хуже. Поэтому каждая новая находка отсюда представляет большой интерес.

От Диоскуриады на восток шло два пути — в сторону горных долин (Цебельда и др.) и вдоль побережья. На первом пути, по которому еще в VI в. до н. э. в Цебельду проникает ионийский импорт, вблизи Диоскуриады известно два античных поселения: небольшое на месте Замка Баграта — цитадели средневекового Сухума, где найдены, в частности, конские уздечные наборы IV в. до н. э. [3, рис. 10, *9, 10*], и одно из наиболее крупных в этом районе, занимавшее возвышенность Ахул-абаа (Ахвыла-абаа) [4, с. 32—36]. Поверхность последнего поселения занята табачными плантациями и ежегодно распахивается (рис. 1, *А*). Материалы VII—V вв. до н. э. фиксируются на центральном холме, откуда происходит, в частности, железный топор. Особенно выразительны здесь материалы эллинистической эпохи. Еще в 1940 г. Л. Н. Соловьевым и В. П. Бабенчиковым на северном склоне холма найдено захоронение воина с греческим щитом конца IV в. до н. э., а в 60-х годах доследовано женское кремационное захоронение III—II вв. до н. э. [4, с. 34—35]. Сохранились и сведения о находке в 50-х — начале 60-х годов нашего столетия по меньшей мере двух захоронений с аттическими бронзовыми шлемами [5, с. 57].

В начале лета 1985 г. на северном склоне центрального холма вблизи места находки 1940 г. было обнаружено захоронение воина. Часть захоронения (погребение ориентировано головой на запад) с основным инвентарем разбросана плугом, а ноги ниже таза зачищены in situ. Инвентарь: пара бронзовых кнемид со следами подколенной перевязи (рис. 2, *1, 2*), бронзовый аттический шлем (рис. 2, *3, 4*), золотая массивная (длина прута 46,8 см, диаметр сечения 0,4 см, вес 69,87 г) шейная гривна с насечками на концах (рис. 2, *6*), кремневый отщеп со следами использования (рис. 2, *7*), донная часть черно-лакового сосуда (рис. 2, *8*), предметы вооружения из железа — секировидный топор (рис. 2, *14*) и обломки пяти железных наконечников копий (рис. 2, *15—19*), а также уздечный набор, включающий два бронзовых псалия S-видной формы с остатками железных удил (рис. 2, *9, 10*), три бронзовые прорезные бляхи (рис. 2, *11—13*) и бронзовую трубочку (рис. 2, *5*).

В отличие от центральной возвышенности на прилегающих участках гребня (рис. 1, *А*) фиксируется лишь материал IV—III вв. до н. э., отражающий момент расцвета поселения и характеризующий пять поселков усадебного типа, или «кварталов» [4, с. 32]. На одном из них («усадьба 5»), где раньше были найдены детали уздечного набора IV в. до н. э. [3, рис. 9, *7—16*; 4, рис. 27, *13—20*], весной 1979 г. краеведом В. А. Юшиным на поверхности свежевспаханного поля (на площади 10×2 м) был собран инвентарь разрушенного погребе-

© Ю. Н. Воронов, 1991 г.

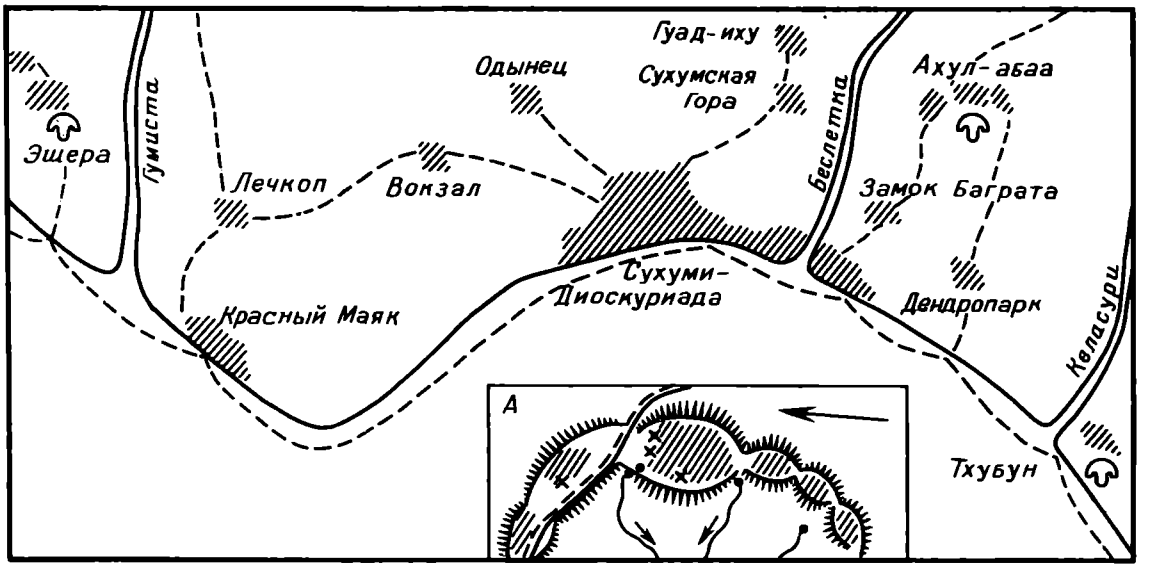


Рис. 1. Схема расположения античных памятников в ближайших окрестностях Диоскуриады и план поселения Ахул-абаа (*А*). Выделены места находок древнегреческих шлемов V—IV вв. до н. э.

ния. В числе находок обломки бронзового аттического шлема (рис. 3, *1*), бронзовые пластинчатые кнемиды, из которых лучше сохранилась левая (рис. 3, *2*), обломки серебряной чаши с изображением процессии птиц (рис. 4, *1*), обломок еще одного серебряного сосуда с орнаментом (рис. 4, *2*), обломки чернолаковых канфара (рис. 3, *3*), кувшинчиков (рис. 3, *4, 5*) и чаши (рис. 3, *6*). Железные изделия представлены 12 наконечниками копий (рис. 5, *1—12*), обломками двух кинжалов (рис. 4, *3*; 5, *13, 27*), меча (рис. 5, *14*) и ожелезненных деревянных ножен (рис. 5, *17, 18*), махайры (рис. 5, *16*), ножа (рис. 5, *15*), массивным гвоздем с ромбической шляпкой (рис. 5, *20*), обломком изогнутого стержня (рис. 5, *21*), кольцом (рис. 5, *28*), пятью пластинчатыми рукоятями неясного назначения (рис. 5, *19, 23—26*) и пинцетом (рис. 5, *22*).

Хронологическая и культурная близость комплексов 1979 и 1985 гг. позволяет ограничиться их суммарной характеристикой. Ахул-абаа — третий пункт сосредоточения находок греческих шлемов в окрестностях Диоскуриады. Три аттических шлема происходят из правобережной приустьевой зоны р. Келасури восточнее города, два аттических и один коринфский шлемы найдены в районе Эшерского городища к западу от города, как бы отмечая его пограничные заставы вдоль побережья к началу эллинизма [3, с. 224—226, рис. 6, *1—20*; 6, с. 380] В этом случае на Ахул-абаа может быть локализован пограничный пункт на одном из важнейших путей в сторону горных долин и перевалов на Северный Кавказ. Основные характеристики шлемов из Ахул-абаа включают их в круг изделий IV в. до н. э. [7, с. 85]. Впервые на территории Абхазии в рассматриваемых комплексах найдены бронзовые пластинчатые поножи-кнемиды. Длина их соответственно 44,1 и 41,7 см. Наиболее близки нашим кнемиды IV в. до н. э. из Северного Причерноморья (Кринички, Аксютинцы) [7, рис. 59, *1, 2*]. В Колхиде же это второй пункт находок такого рода: кнемиды иного типа найдены в Вани в воинском погребении с инвентарем второй половины IV в. до н. э. [8, с. 240—241, рис. 173]. Серебряная чаша из второго комплекса относится к кругу широко распространенных на Кавказе «ахеменидских» чаш с омфалом V—III вв. до н. э. Ближайшим к ней является сосуд из комплекса первой половины III в. до н. э. из Вани [9, с. 95] Сходны приземистая форма, размер (диаметр нашей чаши 18 см, ванской — 16 см), число выпуклин (по 18), процессия животных (у нас семь птиц, по-видимому орлов, на ванской чаше — олень, собака, лев и кабан). Блестящий лак, штампованный орнамент (изолированные пальметки, круги из ов) и другие

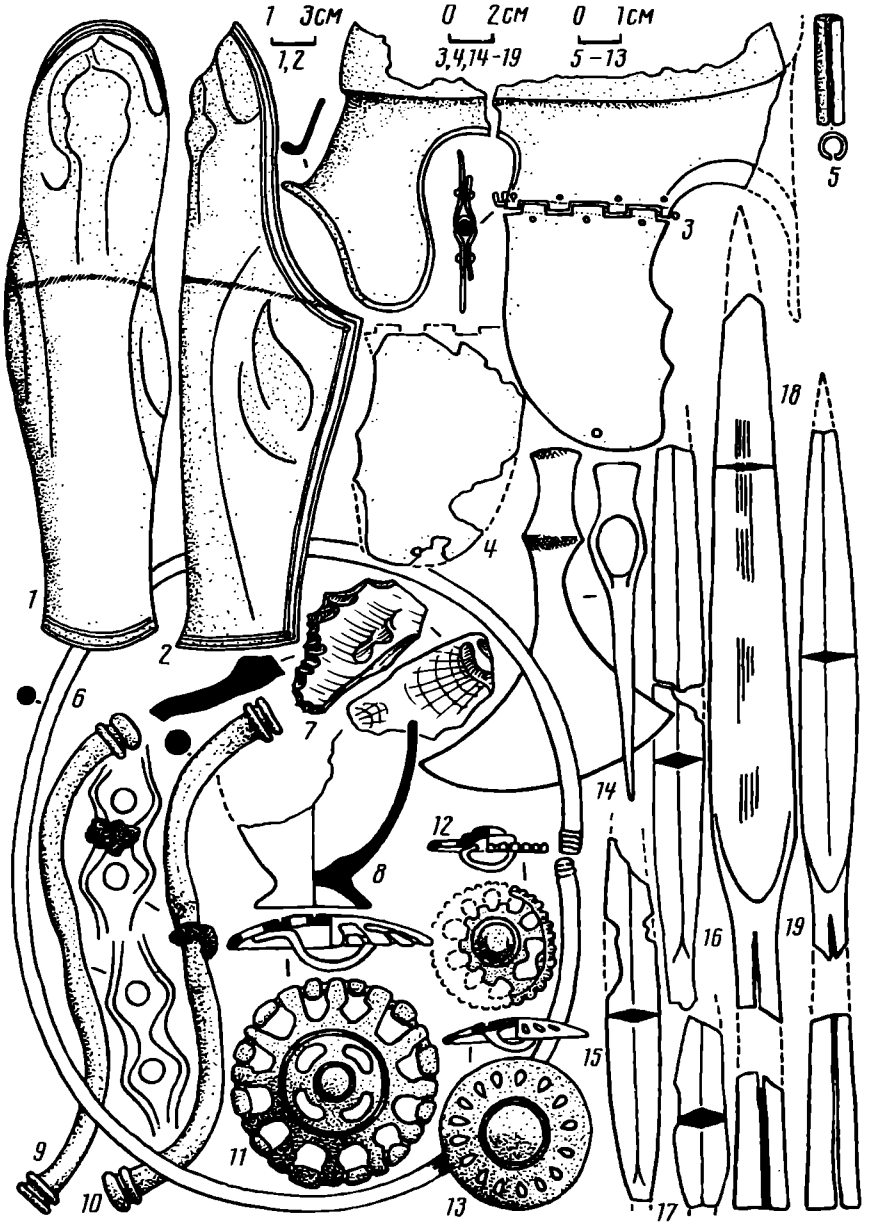


Рис. 2. Бронзовые кнемиды (*1, 2*), шлем (*3, 4*), обойма (*5*), псалии (*9, 10*), бляхи (*11—13*), золотая шейная гривна (*6*), кремневый отщеп (*7*), чернолаковый сосуд (*8*), железные топор (*14*) и наконечники копий (*15—19*) из погребения Ахул-абаа (1985)

признаки включают чернолаковую посуду из рассматриваемых погребений в круг памятников IV в. до н. э. [4, рис. 26, *11*; 10, с. 78—82, рис. 43, *1*] Среди железных изделий преобладают наконечники копий нескольких типов: а) широколистные крупные и средних размеров со срединным ребром (рис. 5, *1, 5—10, 12*); б) узколистные с ромбическим в сечении пером (рис. 2, *15—17, 19*; 5, *2—4*); в) узколистный с несколькими продольными бороздами (рис. 2, *18*) и обломок крупного наконечника, узкое треугольное перо которого характеризуется продольным ребром и заточенными краями (рис. 5, *11*). Металлографический анализ пера одного из наконечников первого типа позволил установить, что основа его выкована из железа, а края подвергнуты двусторонней цементации с целью создания более твердого сталистого слоя [11, с. 31—32] Близкие наконечники известны как в районе Диоскуриады [1,

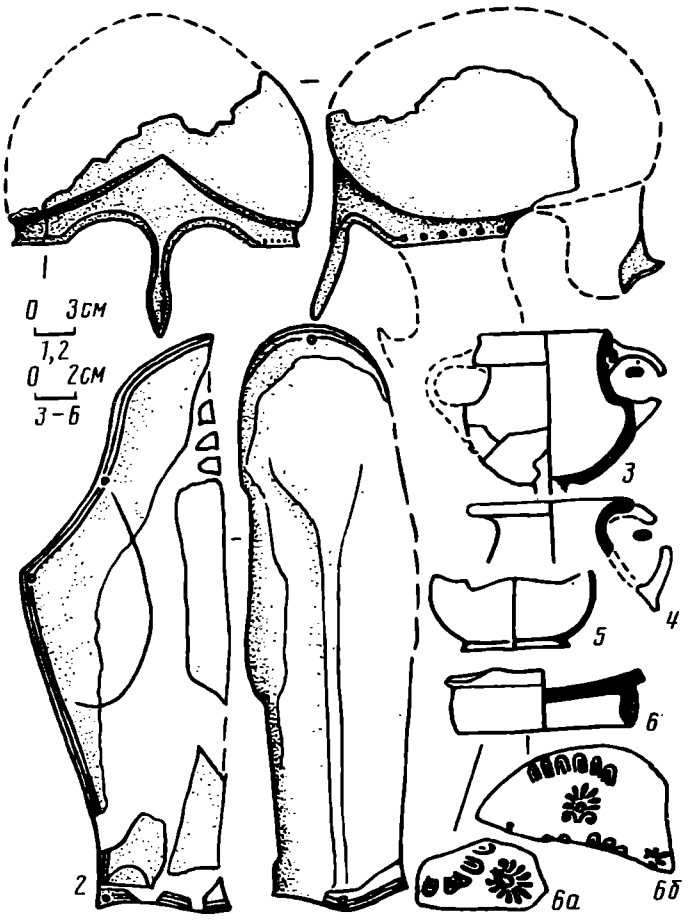


Рис. 3. Бронзовые шлем (*1*) и кнемида (*2*), чернолаковые сосуды (*3—6*) из погребения Ахул-абаа (1979 г.)

табл. XXXIII, *8—10*], так и в Центральной Колхиде [7, рис. 175] в комплексах IV—III вв. до н. э. Махайра из второго комплекса — третья в окрестностях Диоскуриады: первые две найдены в комплексах конца IV в. до н. э. [1, с. 247; 12, с. 102—103] Кинжалы характеризуются брусковидными навершиями — в одном случае оно бронзовое в виде двух смотрящих в противоположные стороны кабаньих голов (рис. 4, *3*; 5, *13*) Железный топор относится к типу, составляющему особенность воинских погребений в окрестностях Диоскуриады в IV—III вв. до н. э. [3, с. 221—222, рис. 4, *10—24*] S-видные бронзовые псалии составляют особенность конских наборов конца V—IV вв. до н. э. в Абхазии [3, с. 229—231, рис. 10, *3—5*; 11, *2, 3, 6*] и Прикубанья [13, с. 75, рис. 41, табл. 135—143] Дата комплексов, исходя из приведенных сопоставлений,— вторая половина IV в. до н. э.

Несколько слов о погребальном обряде. При зачистке ног в захоронении, вскрытом в 1985 г., прослежено, что кости полностью сохранились лишь в кнемидах, где они были пропитаны бронзой. На месте бедренных костей даже самые тщательные наблюдения не позволили выявить остатки костного тлена, который был отмечен только в заполнении шлема вместе с сохранившимися зубами. На месте костей и в засыпи могилы отмечены золистая прослойка, отдельные угольки и пережженные кости животных, связанные либо с ритуальной подсыпкой, либо скорее с остатками культурного слоя, в который было впущено погребение. Отсутствие в погребениях в окрестностях Диоскуриады (Гуад-иху, Сухумская гора) костяков, а также наличие отдельных угольков

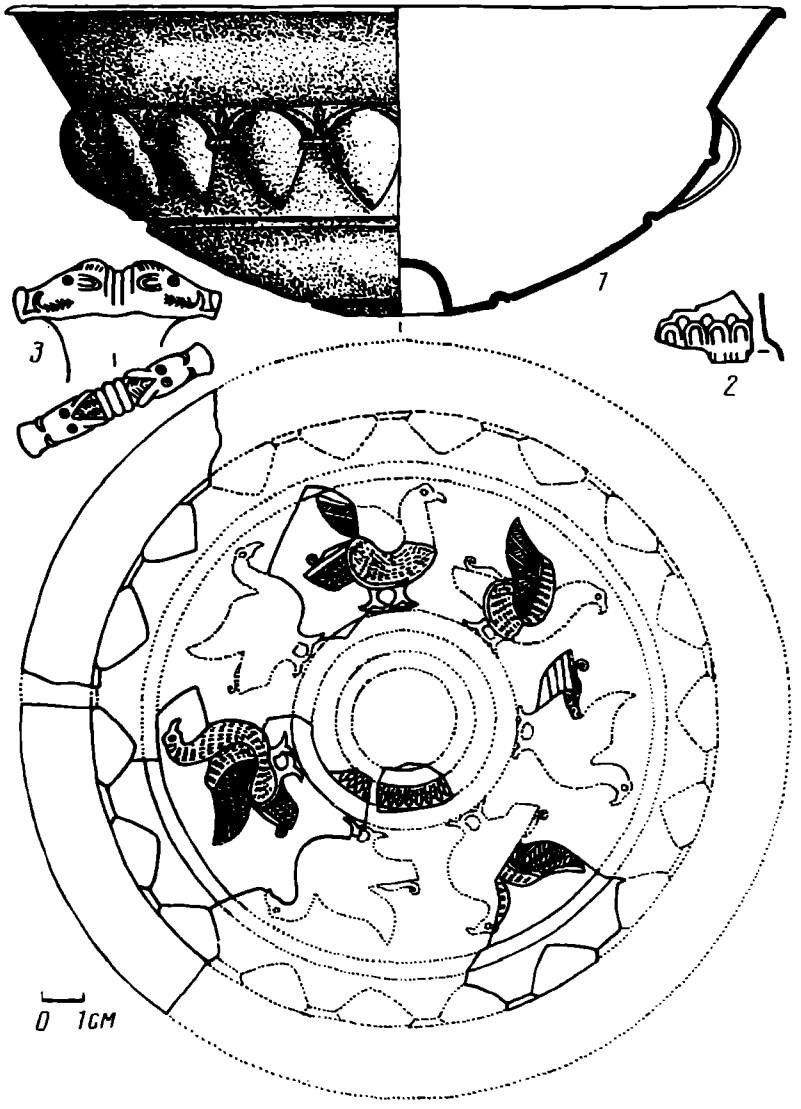


Рис. 4. Серебряная чаша (*1*), обломок серебряного сосуда (*2*) и бронзовое навершие кинжала (*3*) из погребения Ахул-абаа (1979 г.)

и пережженных костей («до двух десятков» или «небольшие скопления») на дне и в засыпи могильных ям послужили основанием для выделения обрядов с полным сожжением в круглых ямах и частичным сожжением в прямоугольных ямах [1, с. 34—38, 45—50], из чего делаются попытки культурной, социальной, этнической и половой дифференциации населения окрестностей Диоскуриады [14, с. 81, 128, 129; 16, с. 52—56, 59; 17, с. 13—14; 18, с. 74] Однако уже Г А. Лордкипанидзе справедливо поставил под сомнение существование на могильнике Гуад-иху обряда с частичной кремацией в могильной яме, полагая, что это обычная ингумация [16, с. 55] Есть основания сомневаться и в существовании там же обряда полной кремации. Например, в погребении 70 все предметы лежали не кучно, как следовало ожидать, а занимали свое обычное для ингумации положение: бляшки у черепа, гривна на шее, наконечники копий на левом плече, браслеты на руках [1, рис. 18] Реконструируемый на этой основе костяк ориентирован головой на запад, подобно другим ингумациям этого могильника. Многолетние наблюдения над захоронениями на сложенных третичными конгломератами холмах в окрестностях Диоскуриады указывают на большие трудности в определении обряда захоронений в условиях полного истлевания костяков, заполнения могильных ям

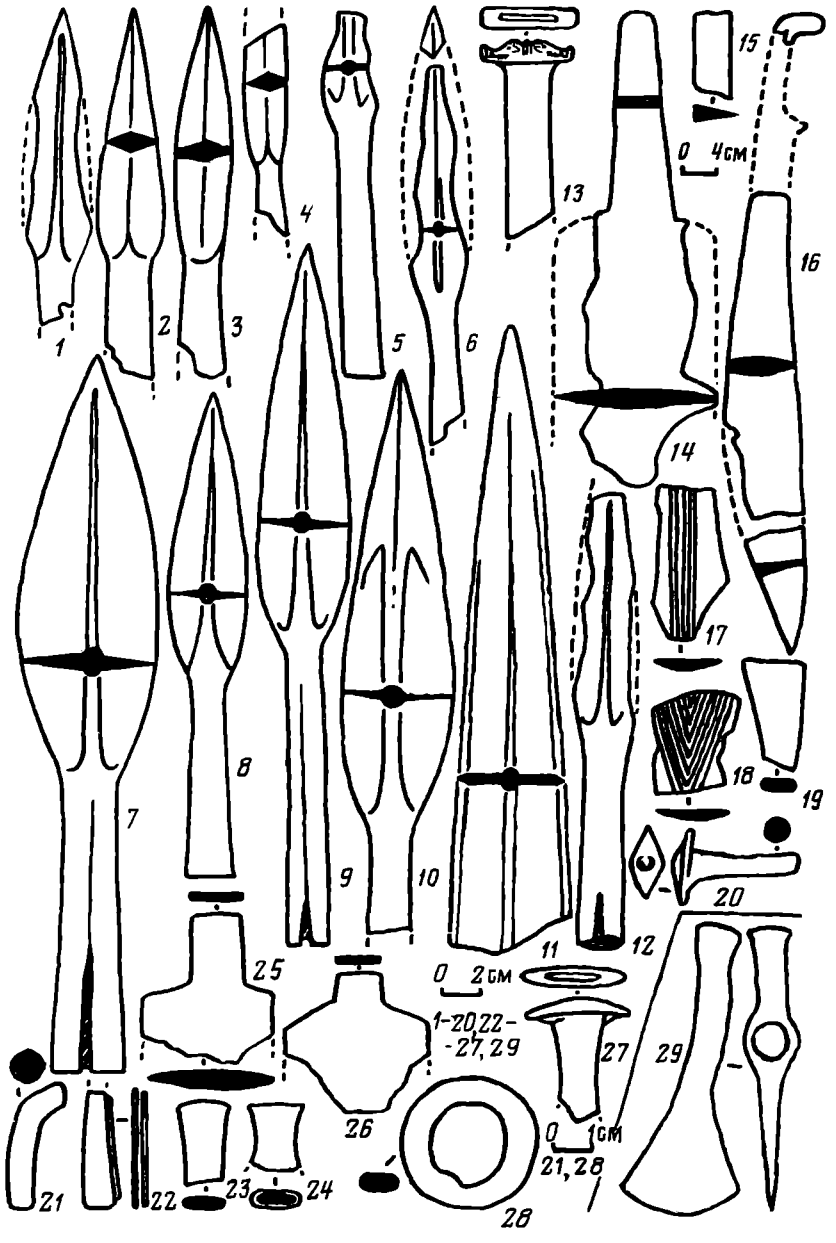


Рис. 5. Железные наконечники копий (*1—12*), обломки кинжалов (*13, 27*), мечей (*14. 16—18*), ножа (*15*), наверший (*19, 23—26*), гвоздя (*20*), стержня (*21*), пинцета (*22*), кольцо (*28*) из погребения Ахул-абаа (1979 г.) и железный топор (*29*) с того же поселения

бытовым мусором, отсутствия урн и явно выраженных кремационных площадок.

Говоря об особенностях местного погребального обряда в рассматриваемую эпоху, следует отметить еще один интересный комплекс, выявленный недавно автором у дороги примерно в 20 м от места находки вышеописанной могилы 1975 г. На дне круглой (диаметр до 0,7 м) ямы лежали два конских черепа с уздечными наборами (рис. 6, *16*). В состав первого набора входили железные «строгие» удила (рис. 6, *1*), бронзовые псалии (рис. 6, *7, 8*), четыре четырехлепестковые бляшки (рис. 6, *3—6*) и двусторонняя зооморфная подвеска (рис. 6, *2*). В составе второго набора выявлены аналогичные железные удила (рис. 6, *9*) и бронзовая бляшка (рис. 6, *11*), два кольца (рис. 6, *14, 15*), зооморфная подвеска (рис. 6, *10*). Комплексы со сходным инвентарем отнесены в Абхазии к концу V—IV вв. [3, с. 231]

Весной 1976 г. в 2 км юго-восточнее поселения Ахул-абаа на территории

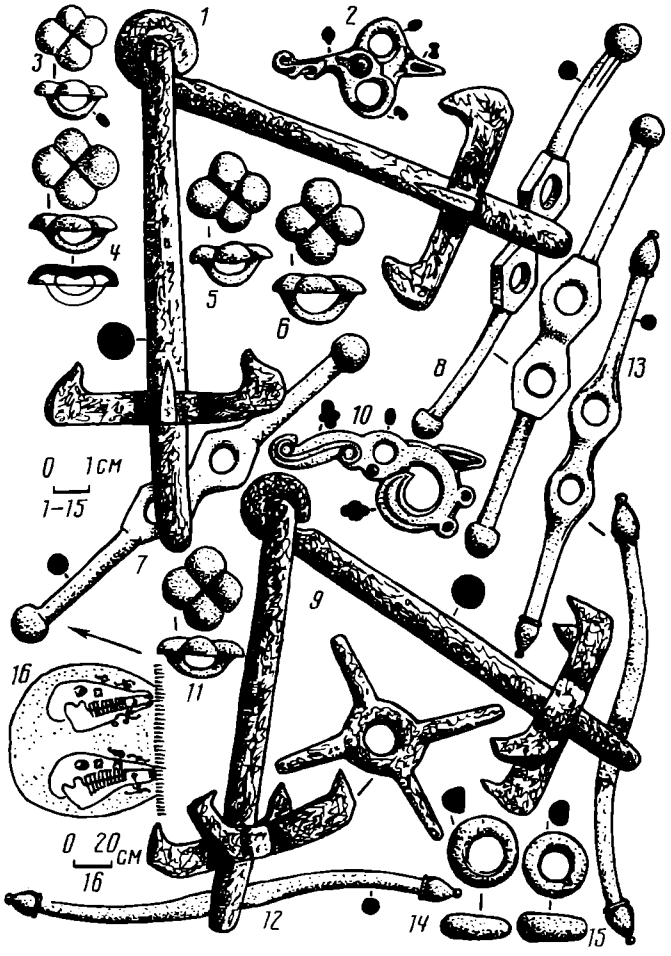


Рис. 6. План захоронения конских голов на поселении Ахул-абаа (*16*) и его инвентарь: железные удила (*1, 9*), бронзовые псалии (*7, 8, 12, 13*), подвески (*2, 10*), бляшки (*3—6, 11*) и кольца (*14—15*)

Сухумского дендропарка проводилась реконструкция дороги к новому корпусу санатория. Для бетонных опор на склоне холма были вырыты котлованы глубиной 2,5—4 м и размером в плане 4×2,5 м, задевшие участки культурного слоя с остатками античной эпохи [2, с. 120] Мне удалось присутствовать при разборке северного, последнего котлована, где установлена следующая стратиграфия (рис. 7, *1*): горизонт «а», содержавший наносы почвы конца XIX—XX в. (мощность 0,8—1,6 м); горизонт «б», содержавший наносы (в верхней части) средневекового и античного времени (мощность 0,9—2,25 м); горизонт «в», содержавший строительные остатки и культурные отложения раннеэллинистической эпохи (мощность 0,1—0,25 м), перекрывавшие поверхность третичных галечно-песчаных конгломератов, составляющих материковую поверхность доантичного времени (горизонт «г»). Отдельные обломки окатанной керамики античного и средневекового периода попадались уже в верхних пластах горизонта «б», однако основные находки (керамика, зола, угли, кости животных) были сделаны на узком пространстве в донной части котлована на поверхности каменной (известняковый плитняк) ступенчатой вымостки, зачищенной в его юго-восточном углу. Упомянутая вымостка, положенная на песчаную подсыпку, как представляется, должна быть связана с помещением, углубленным в конгломерат, несущий следы искусственной подрубки как на северной стенке углубления, так и на полу под вымосткой. Ступень (ширина 0,55, высота 0,35—0,4 м) вдоль северной стенки была выложена более тщательно, образуя подобие сидения. Его поверхность, как и часть поверхности прилегающей конгломератной стены, в момент расчистки сохраняла участки

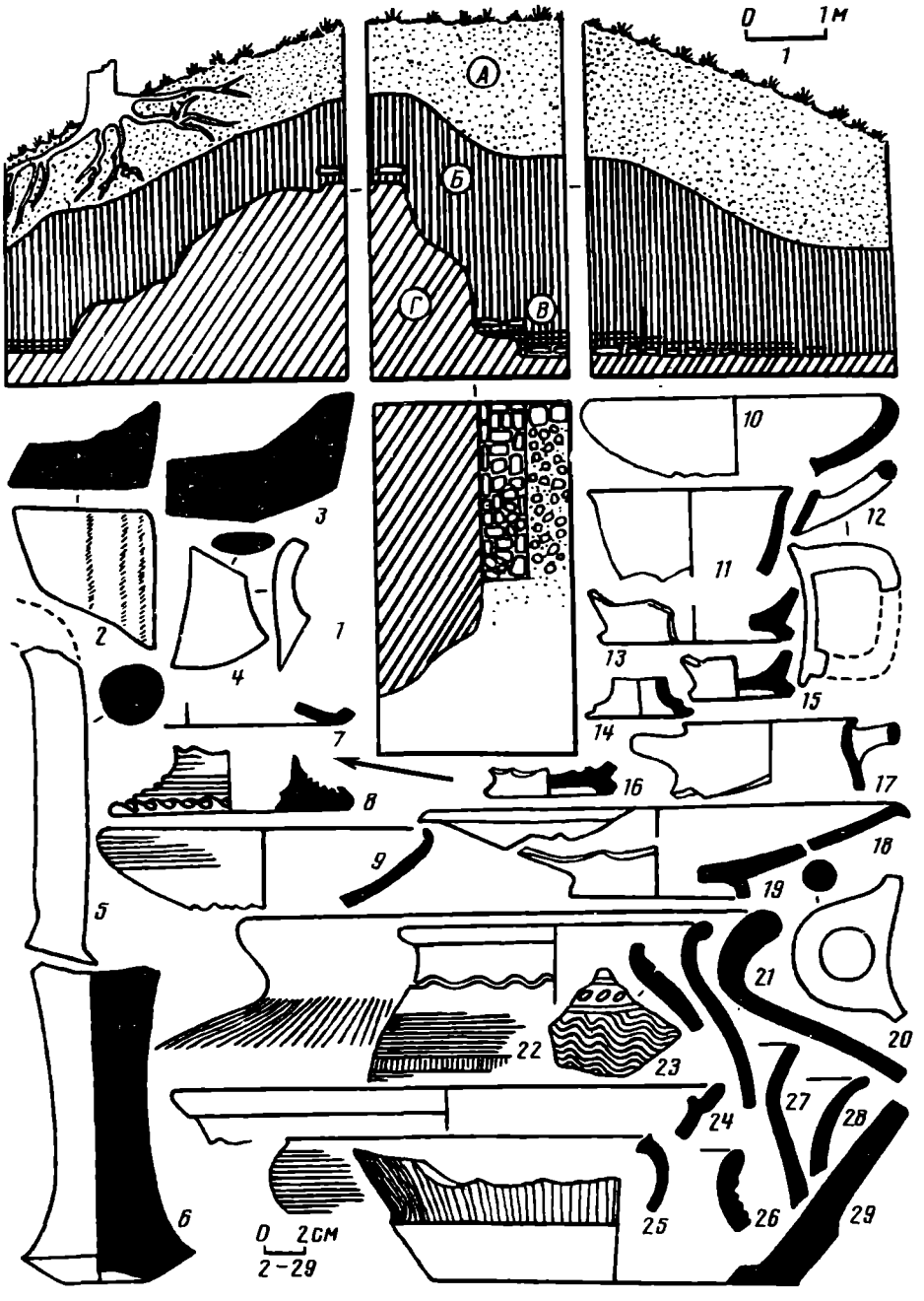


Рис. 7 Разрезы, план (*1*) и находки (*2—29*) из поселения в Сухумском дендропарке

обмазки из тонко промешанной глины с песком. Толщина обмазки составляла 2—5 см.

Помещение, судя по многочисленным обломкам плоской черепицы и калиптер из синопской (рис. 7, *2*) и местной красного обжига (рис. 7, *3*) глины, было перекрыто черепичной кровлей. Амфоры представлены сотней мелких обломков стенок и ручек (рис. 7, *5*), характер глины которых выдает многие центры Южного Причерноморья (Синопа и др.) и Восточного Средиземноморья. Выразительна ножка из светло-коричневой хорошо отмученной глины с примесью песка и белого кварцита (рис. 7, *6*), относящаяся к группе амфор Менды середины — третьей четверти IV в. до н. э. [19, с. 21]. Это третья находка такого рода в районе Диоскуриады — обломки первых двух мендейских амфор середины IV в. до н. э. обнаружены восточнее устья р. Беслетка [1, табл. XXX, *2*; 20, с. 228], где в то время располагались отдельные усадьбы

горожан. Несколько обломков из коллекции рассматриваемого поселения относятся к амфоровидным сосудам из местной коричневой глины. Среди 50 обломков в основном аттических чернолаковых сосудов выделяются закраины и ручки чаш (рис. 7, *10—12*), закраины и донные части скифосов (рис. 7, *13, 15—17*) середины — второй половины IV в. до н. э. [14, рис. 4, *5—9*], фрагменты блюд (рис. 7, *18, 19*) и сосудов неясных типов (рис. 4; *14*). Цвет лака от черного блестящего (рис. 7, *10, 13, 15, 16, 18, 19*) до тускло-черного (рис. 7, *17*), зеленовато-коричневого (рис. 7, *12*) и бурого (рис. 7, *11*) оттенков. Отдельные обломки принадлежали импортной керамике из грифельно-серой тонко отмученной глины. К числу изделий, греческих по форме, но из местной глины, относятся закраины кастрюль (рис. 7, *24, 25*), датируемых IV—III вв. до н. э. [22, с. 112—114; 23, с. 50, рис. 3, *16—20, 26*], чаш (рис. 7, *9* — с залощенной поверхностью в нижней части), крышек (рис. 7, *7*). Другие находки: обломки двух коричнево-черного обжига пифосовидных сосудов, придонная часть которых залощена, а тулово покрыто густым вертикальным рифлением (рис. 7, *21, 29*); закраины, стенки и донья разнообразных кухонных горшков коричневого обжига, отчасти гончарных (рис. 7, *22, 23*), отчасти лепных (рис. 7, *26—28*); три плоские ручки кувшинов из грубой коричневой глины с песком (рис. 7, *4*); донная часть кубка (рис. 7, *8*), входящего в группу местных изделий VI—IV вв. до н. э. [24, с. 19, табл. XXXII, *2*] В целом весь рассматриваемый комплекс находок характеризует узкий промежуток времени, по-видимому, не выходящий за рамки второй половины IV — начала III в. до н. э.

При закладке фундамента упомянутого корпуса санатория в 30 м выше поселения было разрушено и разграблено несколько захоронений, содержавших железное оружие, чернолаковую посуду и украшения. В одном из захоронений обнаружена золотая проволочная гривна, сохранившееся описание которой [2, с. 120] позволяет видеть в ней полную аналогию публикуемой в настоящей статье гривне из Ахул-абаа.

Рассмотренные материалы подтверждают тезис, согласно которому во второй половине IV в. до н. э. Диоскуриада, как и другие восточнопричерноморские греческие города, переживала расцвет [2, с. 47], который благоприятно отражался на экономике и культуре поселений, расположенных на ее сельскохозяйственной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трапш М. М.* Древний Сухуми // Тр. в 4 т. Т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
2. *Воронов Ю. Н.* Диоскуриада — Себастополис — Цхум. М.: Наука, 1980.
3. *Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э. // Скифский мир. Киев: Наук. думка, 1975.
4. *Воронов Ю. Н.* Ахул-абаа — поселение античного времени в окрестностях Сухуми // МАА. 1979.
5. *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
6. *Цвинария И. И.* Находки в с. Нижняя Эшера // АО — 1970. М., 1971.
7. *Черненко Е. В.* Скифский доспех. Киев: Наук. думка, 1968.
8. *Лордкипанидзе О. Д., Путуридзе Р. В., Толордава В. А., Чкония А. М.* Археологические раскопки в Вани в 1969 г. // Вани, I. Археологические раскопки 1947—1969 гг. Тбилиси: Мецниереба, 1972.
9. *Мачабели К. Г.* Серебро древней Грузии. Тбилиси: Хеловнеба, 1983.
10. *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // МИА. 1959. № 69.
11. *Бгажба О. Х.* Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии (VIII в. до н. э.— XV в. н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1983.
12. *Шамба Г. К.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // ИАИ. 1972. Вып. 1.
13. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград: Аврора, 1966.
14. *Трапш М. М.* Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР, Сухуми: Алашара, 1962.
15. *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. М., Наука, 1964.
16. *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978.

17 *Квирквелия Г. Т.* Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Тбилиси; Мецниереба, 1981.
18. *Шамба Г. К.* Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми: Алашара, 1984.
19. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980.
20. *Логинов В. А.* Новые материалы по археологии Диоскуриады // СА. 1983. № 2.
21. *Callagan P. J.* KRS 1976: Excavations at a Shrine of Glaukos, Knossos. // The annual of the Britisch school at Athens, 73. L., 1978.
22. *Воронов Ю. Н.* Об Эшерском городище // СА. 1972. № 1.
23. *Воронов Ю. Н.* Гиенос // СА. 1976. № 4.
24 *Шамба Г. К.* Эшерское городище. Тбилиси: Мецниереба, 1980.

Yu. N. VORONOV

SOME NEW MATERIALS OF CLASSICAL PERIOD FROM THE VICINITIES OF DIOSCURIADA

Summary

The article is devoted to the publication of some new archaeological materials characterizing the eastern part of agricultural territory of Dioscuriada — modern Sukhumi. They are three burials from the Akhul-abaha settlement and some finds from the settlement in the dendropark of Sukhumi. The materials demonstrate a developed culture of the settlements dated to the second half of the 4th century B. C. and their close connections with the town.

В. Д. ГОПАК, В. М. ГОРЮНОВА

ЧЕРНЫЙ МЕТАЛЛ РАННЕСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕВОБЕРЕЖЬЯ

(по материалам Е. А. Горюнова)

Свыше 10 лет Днепровский Левобережный отряд, а впоследствии Днепровская Левобережная экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Е. А. Горюнова вели систематическое изучение раннеславянских памятников I тыс. н. э. на обширной территории Днепровского Левобережья — от верхнего течения р. Десна на севере до степного Пограничья на юге. Итогом работ явилась обобщающая монография Е. А. Горюнова, посвященная ранним этапам славянской истории на Левобережье Днепра [1].

Во время раскопок была собрана значительная коллекция железных предметов, которые Е. А. Горюнов любезно предоставил нам для исследования с применением методов металлографии. В настоящее время все исследованные предметы хранятся в фондах Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

К глубочайшему сожалению, ранняя смерть Е. А. Горюнова не дала ему возможности использовать материалы исследований. Их результатам посвящена данная статья.

Одним из наиболее ранних постзарубинецких памятников первой половины I тыс. н. э., исследованных Е. А. Горюновым, является селище близ с. Картамышево Обоянского р-на Курской обл. (Картамышево II) [2, 3], на котором было найдено 13 железных предметов различного назначения (рис. 1). Среди них орудия труда: нож, проушной топор-колун, шилья, крючок, а также изделия бытового и хозяйственного назначения: посоховидные булавки, перстень с серебряной насечкой, небольшая круглая обоймица, обломок стерженька. Все предметы были исследованы.

Нож с узким, утончающимся к концу черенком и клинообразным лезвием (рис. 1,1267) был изготовлен из грубопрокованного кричного железа с большим количеством остатков шлака в металле. Микроструктура лезвия ножа — феррит (балл зерна № 8) [1], слабые следы перлита. Микротвердость 181—206 кг/мм^2 Максимальная ширина лезвия ножа — 15 мм, толщина спинки — 3 мм.

Узколезвийный проушной топор с длиной лезвия 47 мм (рис. 1, 1264) откован из пакетной заготовки, образованной кузнечной сваркой подвергнутых наружной цементации железных полос, свернутых «пакетом» вокруг центральной стальной полосы. Лезвие топора закалено в воде. Микроструктура закаленной стальной сердцевины — мартенсит, троостит закалки (средняя микротвердость структурных составляющих — соответственно 724 и 383 кг/мм^2). Микроструктура наружных полос — чередующиеся зоны феррита (микротвердость 206—254 км/мм^2) и малоуглеродистого мартенсита (микротвердость 274—297 кг/мм^2). В металле топора много остатков шлака.

Из пакетного металла, как и в предыдущем случае, полученного из сверну-

[1] Здесь и далее зернистость феррита определяется по шкале величины зерна аустенита (ГОСТ 5639-51).

© В. Д. Гопак, В. М. Горюнова, 1991 г.

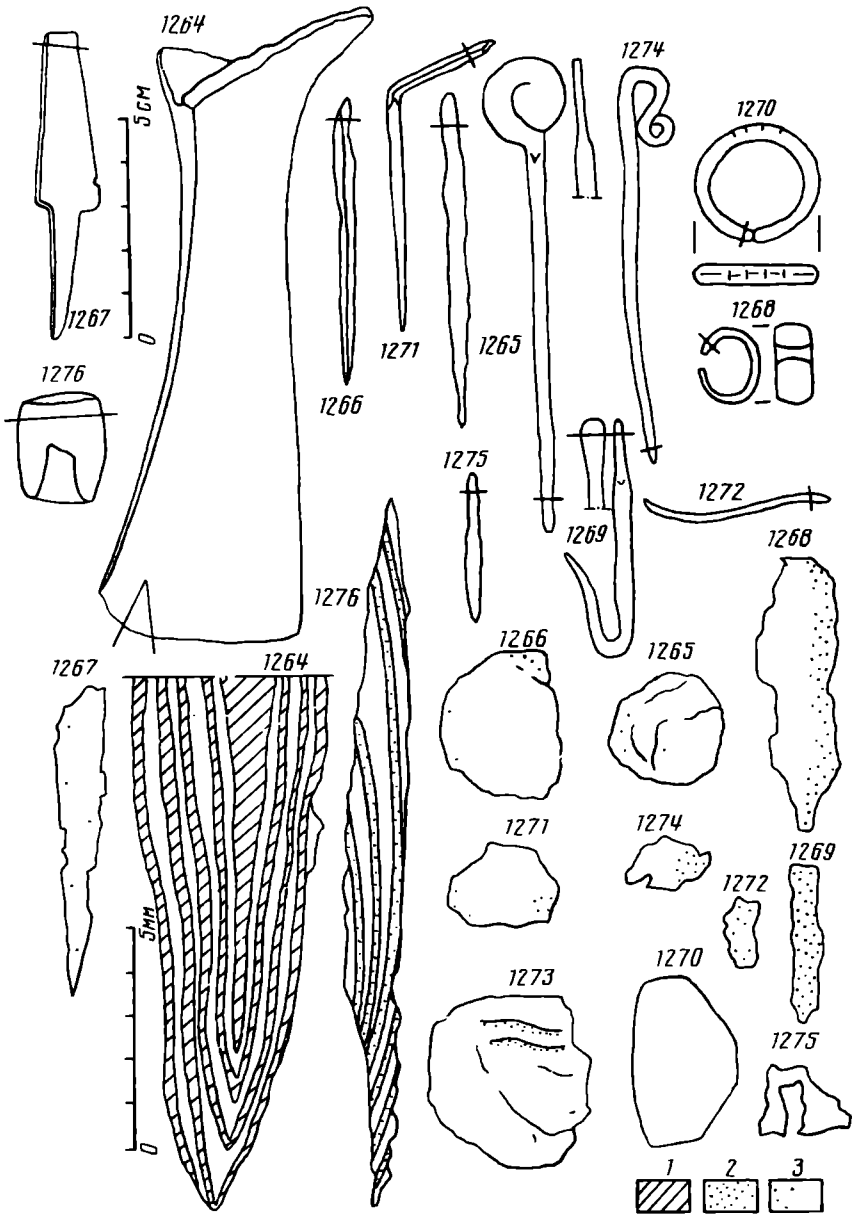


Рис. 1. Картамышево II. Рисунки и технологические схемы изделий (цифры на рисунке соответствуют номерам анализов). *1* — термически обработанная сталь; *2* — сталь без термической обработки; *3* — железо

той пакетом цементованной железной полосы, выкован и ложкарь (рис. 1, 1276). Остатков термической обработки он не сохранил. Микроструктура лезвия ложкаря — чередующиеся полосы крупнозернистого феррита (балл № 5—6) и феррито-перлитной структуры. Микроструктура лезвия колеблется в пределах 170—193 кг/мм^2. В металле много шлака.

Почти все остальные исследованные предметы — шилья (рис. 1, 1266, 1271, 1273, 1275), посоховидные булавки (рис. 1, 1265, 1274), массивный перстень, инкрустированный короткими отрезками серебряной проволоки, зачеканенной в вертикальные пазы (рис. 1, 1270), небольшая круглая обоймица (рис. 1, 1268), обломок тонкого стерженька (рис. 1, 1272) были изготовлены из кричного железа. Микроструктура металла — феррит, местами участки малоуглеродистой ферритно-перлитной структуры.

Исключение составляет лишь крючок своеобразной формы (рис. 1, 1269), имеющий близкие аналогии на позднезарубинецких памятниках в Почепе

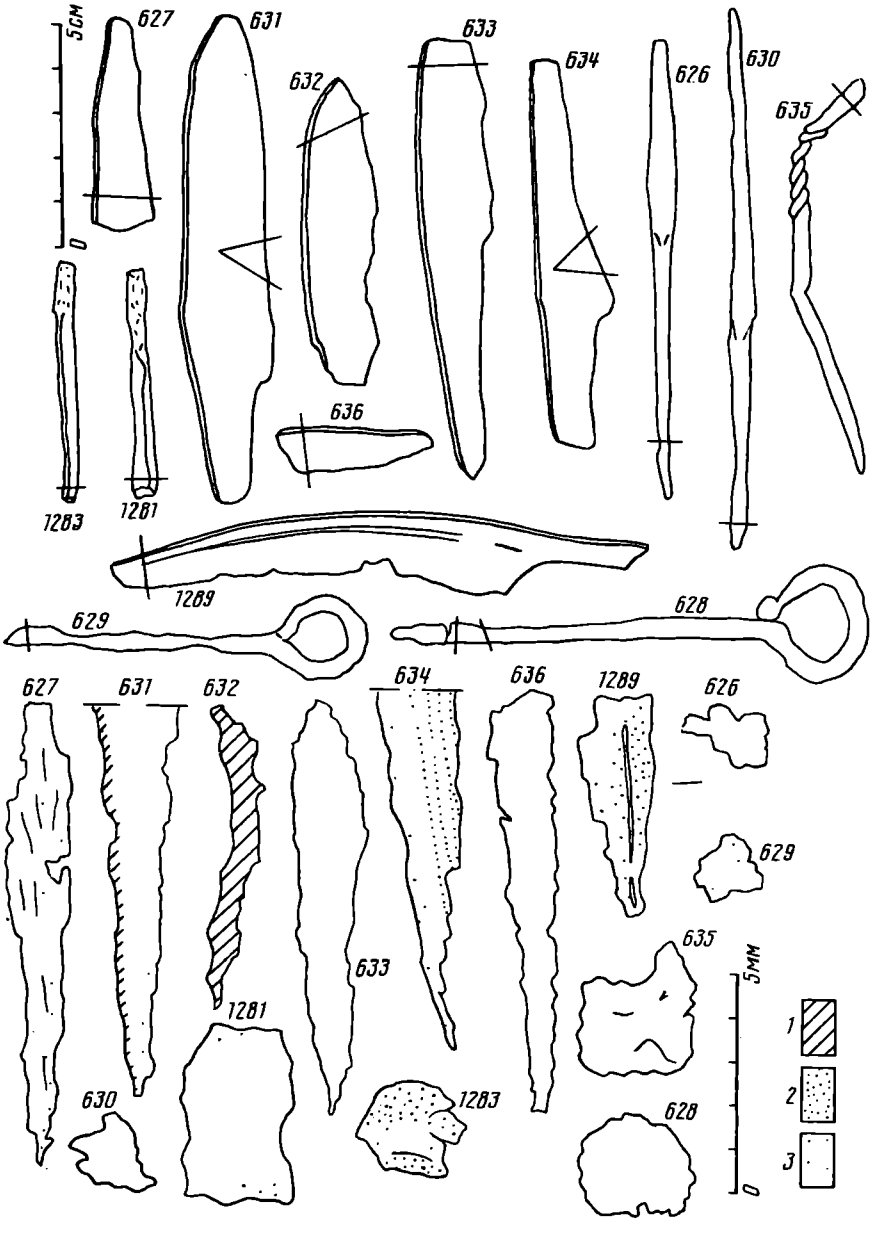


Рис. 2. Рисунки и технологические схемы изделий. Колодезный Бугор — 626, 627; Лавриков Лес — 629—632; Спартак — 633—636; Киреевка — 628; Картамышево I — 1281, 1283, 1289; *1* — термически обработанная сталь; *2* — сталь без термической обработки; *3* — железо

[4, с. 183, рис. 2, 884, 885] и Оболони [5, с. 156, рис. 2, 287], служивший, возможно, миниатюрным багорчиком для подсекания и извлечения из воды пойманной на удочку рыбы [6, с. 112] Он был изготовлен из среднеуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода, содержание которого в различных зонах шлифа колеблется от 0,5% до почти полного отсутствия. Термической обработке крючок не подвергался. Микроструктура металла — феррит и перлит, микротвердость 160—206 кг/мм^2. Сталь прокована тщательно, остатков шлака в ней немного.

Изделия других постзарубинецких памятников: Колодезного Бугра (I—II вв.), Шмырево (II—III вв.) и несколько более поздних поселений — Лаврикова Леса, Киреевки (III—IV вв.) [1, с. 90, 100] — представлены 7 экземплярами. К этому этапу относятся и переданные нам на исследование Е. А. Горюновым предметы, найденные в 1959 г. П. Н. Третьяковым на селище Спартак Екимовического р-на Смоленской обл. (бассейн р. Десна), а также, очевидно,

нож и два шила ранних типов, обнаруженные на многослойном поселении Картамышево I в с. Картамышево Обоянского р-на Курской обл. (рис. 2).

Фрагмент лезвия ножа из Колодезного Бугра (рис. 2, 627) оказался цельножелезным. Микроструктура — феррит, местами — следы перлита. Микротвердость 170—221 кг/мм^2 В железе много остатков шлака.

Из двух ножей Лаврикова Леса один хорошо сохранившийся массивный экземпляр длиной 110 мм (рис. 2, 631) был откован из малоуглеродистой, односторонне науглероженной заготовки и подвергнут термической обработке. Микроструктура различных зон изделия колеблется в пределах 206—322 кг/мм^2 Второй нож (рис. 2, 632) — цельностальной. Лезвие ножа закалено в холодной воде. Микроструктура — интенсивно-травящийся отпущенный мартенсит, средняя микротвердость — 724 кг/мм^2. Незначительный отпуск мартенситной структуры, вероятнее всего, вызван старением металла. Сталь обоих ножей прокована хорошо, остатков шлака в ней почти нет.

Три ножа, найденные на селище Спартак (рис. 2, 633, 634, 636), были изготовлены из слабо прокованного грубого кричного железа с большим количеством остатков шлака в металле. Микроструктура — мелкозернистый феррит (балл зерна № 7—8), в одном случае прослеживаются следы перлита и полосчатость структуры изделия. Микротвердость колеблется в пределах 135—206 кг/мм^2

Нож из Шмырева Обоянского р-на Курской обл. изготовлен из малоуглеродистой заготовки и цементирован. Микроструктура — феррит, перлита мало, содержание углерода не превышает 0,1—0,2%. Одна из боковых сторон лезвия на глубину до 0,2 мм сохранила доэвтектоидную зону цементации. Термической обработке нож не подвергался. Микротвердость цементированной зоны 236—254, основного поля микрошлифа — 143—236 кг/мм^2

Нож раннего типа с горбатой спинкой и ребром жесткости на лезвии (рис. 2, 1289) из Картамышево I откован из грубой стали с неравномерным распределением углерода, содержание которого колеблется в пределах 0,2—0,3%. Проходящая по центру поперечного сечения лезвия светлая полоса, очевидно, является остатком сварного шва. Она указывает на то, что заготовка ножа получена путем сварки перегнутой пополам неравномерно науглероженной полоски металла. Термической обработке нож не подвергался. Средняя микротвердость ферритно-перлитной структуры — 254, светлой полосы — 297 кг/мм^2. Цельностальным оказалось также одно из картамышевских шильев (рис. 2, 1283) Оно тоже не было закалено.

Остальные изделия: шилья (рис. 2, 626, 630, 1281), посоховидные булавки (рис. 2, 628, 629), обломок витого стержня (рис. 2, 635) — цельножелезные. Микроструктура металла — феррит, иногда вкрапления перлита. В металле всех цельножелезных изделий много шлака.

Из числа 34 исследованных предметов, найденных на памятниках третьей четверти I тыс. н. э., 13 экземпляров относится к пеньковской культуре, 6 найдено на колочинских и 13 — на ранневолынцевских и волынцевских памятниках. Исследован также нож, обнаруженный на синхронном поселении Мацковка, культурная принадлежность которого Е. А. Горюновым не указана.

Изделия, относящиеся к пеньковской культуре, найдены в пеньковском слое поселения Хитцы Лубенского р-на Полтавской обл., работы на котором продолжались в течение нескольких сезонов [1, с. 111—127; 7—11] Два предмета датируются V — первой половиной VI в. н. э. [1, с. 67, рис. 20, *5, 11*], два (рис. 3, 655, 657) — VI—VII вв. [1, с. 67, рис. 20, *7, 8*]. Остальные датируются более широко — V—VII вв. н. э. Ассортимент изделий узок, ограничивается девятью ножами, тремя шильями и фрагментом круглого стержня с оттянутым в виде лопаточки концом (рис. 3).

Пять исследованных ножей было изготовлено с применением кузнечной сварки. Среди них три, в том числе нож, датируемый V — первой половиной VI в. (рис. 3, 649, 651, 654), откованы из пакетных заготовок, полученных сваркой чередующихся стальных и железных пластинок. Следов термической

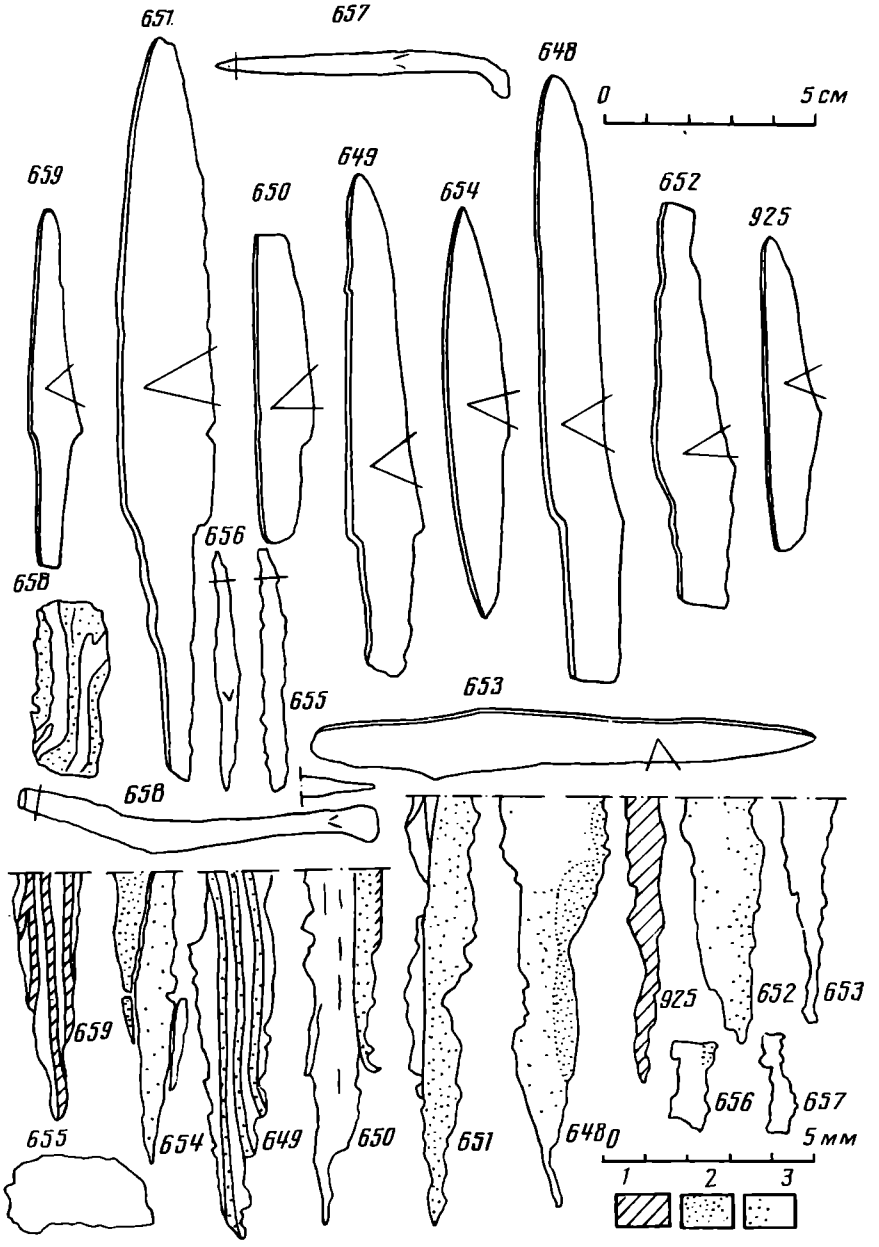


Рис. 3. Хитцы. Рисунки и технологические схемы изделий. *1* — термически обработанная сталь; *2* — сталь без термической обработки; *3* — железо

обработки эти ножи не имеют. Микроструктура железных зон — феррит, феррит и следы перлита. Содержание углерода не превышает 0,2—0,3%, микротвердость колеблется в пределах 122—236 кг/мм^2 В одном случае (рис. 3, 649) в зоне режущей кромки она повышается до 322 кг/мм^2, что не исключает упрочения острия ножа наклепом.

Один экземпляр (рис. 3, 459) изготовлен из пакетного металла, полученного сваркой свернутой «пакетом» цементованной железной пластины. Лезвие ножа было подвергнуто закалке и последующему отпуску. Микроструктура стальных зон — троостит отпуска, микротвердость 350—420 кг/мм^2. Микроструктура железных полос — феррит, микротвердость 143—193 кг/мм^2 Металл изделия прокован тщательно, остатков шлака в нем немного.

Лезвие еще одного ножа (рис. 3, 650) образовано продольной сваркой двух железных пластин. Микроструктура одной из них — феррит со слабо травящимися границами зерен, микротвердость 170—221 кг/мм^2 Микрострук-

тура второй — феррит и следы перлита, микротвердость 221—297 кг/мм^2. Наружный край этой пластины сохранил участок термообработанной структуры мартенсита с микротвердостью 642—724 кг/мм^2, что указывает на возможные остатки цементации и закалки лезвия ножа. В металле ножа много шлака.

Три ножа оказались цельностальными. Один из них (рис. 3, 925) был откован из стали с неравномерным распределением углерода, закален и отпущен. Микроструктура лезвия — троостит закалки, местами зерна феррита. Микротвердость троостита 383—464, зерен феррита — 206—236 кг/мм^2. Наличие зерен феррита в структуре троостита свидетельствует о сравнительно невысоком нагреве (700—800°С) под закалку. После закалки нож был подвергнут повторному нагреву (300—400°С) для отпуска. Сталь прокована тщательно и остатков шлака почти не содержит.

Второй нож (рис. 3, 648) изготовлен из неравномерно науглероженной заготовки, без последующей термической обработки. Микроструктура ножа — феррит и перлит. Содержание углерода в различных зонах изделия изменяется от следов до 0,6—0,7%, микротвердость — соответственно от 160 до 254 кг/мм^2. Шлака в металле немного.

Третий нож (рис. 3, 652) откован из слабо прокованной малоуглеродистой стали с неравномерным распределением углерода, содержание которого колеблется в пределах 0,1—0,3%. Термической обработке нож не подвергался. Микроструктура лезвия — феррит, перлита мало; микротвердость 160—193 кг/мм^2 В стали много шлака.

Один нож оказался цельножелезным (рис. 3, 653). Микроструктура металла — феррит (балл зерна № 6—7), микротвердость 105—170 кг/мм^2. Железо проковано слабо и содержит много шлака. Из грубого кричного железа были откованы и шилья (рис. 3, 655, 656).

Фрагмент стержня с лопаточкой на конце (рис. 3, 658), как и большинство ножей, изготовлен из пакетного металла.

Изделия колочинских памятников представлены ножом из погребения 1 могильника у с. Картамышево [2, с. 50, 51], пружинными ножницами, трехлопастным черешковым наконечником стрелы и обломком пластины, найденным на поселении у с. Песчаное Ивнянского р-на Белгородской обл. с лепной керамикой колочинского типа [11, с. 57] и двумя шильями из жилища 1 селища у с. Кудлаевка (ур. Заярье) Новгород-Северского р-на Черниговской обл. [12, с. 124]

Нож из могильника Картамышево (рис. 4, 1277) оказался цельножелезным. Микроструктура металла — крупнозернистый (балл зерна № 5—6), феррит со слабо травящимися границами зерен; микротвердость 151—206 кг/мм^2. Железо ножа проковано хорошо и содержит мало шлака.

Массивные пружинные ножницы из Песчаного (рис. 4, 1280) были откованы из грубого кричного железа. Микроструктура лезвий — феррит со смешанной зернистостью (баллы зерна № 5—6, 8), местами — следы перлита; микротвердость 135—221 кг/мм^2. Образец, взятый в зоне дуги пружины, также имеет ферритную структуру. В железе ножниц много шлака. Цельножелезными оказались и два других предмета из Песчаного: трехлопастный наконечник стрелы гуннского времени и обломок пластины (рис. 4, 1278, 1279).

Шилья из Кудлаевки конструктивно однотипны. Они имеют круглое в сечении острие и четырехгранный черенок, как это наблюдается и у большинства раннеславянских шильев второй половины I тыс. н. э. Длина исследованных шильев — 110 и 62 мм (рис. 4, 647, 646). Оба экземпляра были изготовлены из плохо прокованной стали с неравномерным распределением углерода, содержание которого в различных зонах изделий изменяется от 0,1 до 0,4%. Термической обработке шилья не подвергались. Микроструктура металла — феррит и перлит, микротвердость 181—297 кг/мм^2.

Нож из Мацковки Лубенского р-на Полтавской обл. (рис. 4, 645) откован из куска губчатой железной крицы. Насыщенность железа шлаками здесь

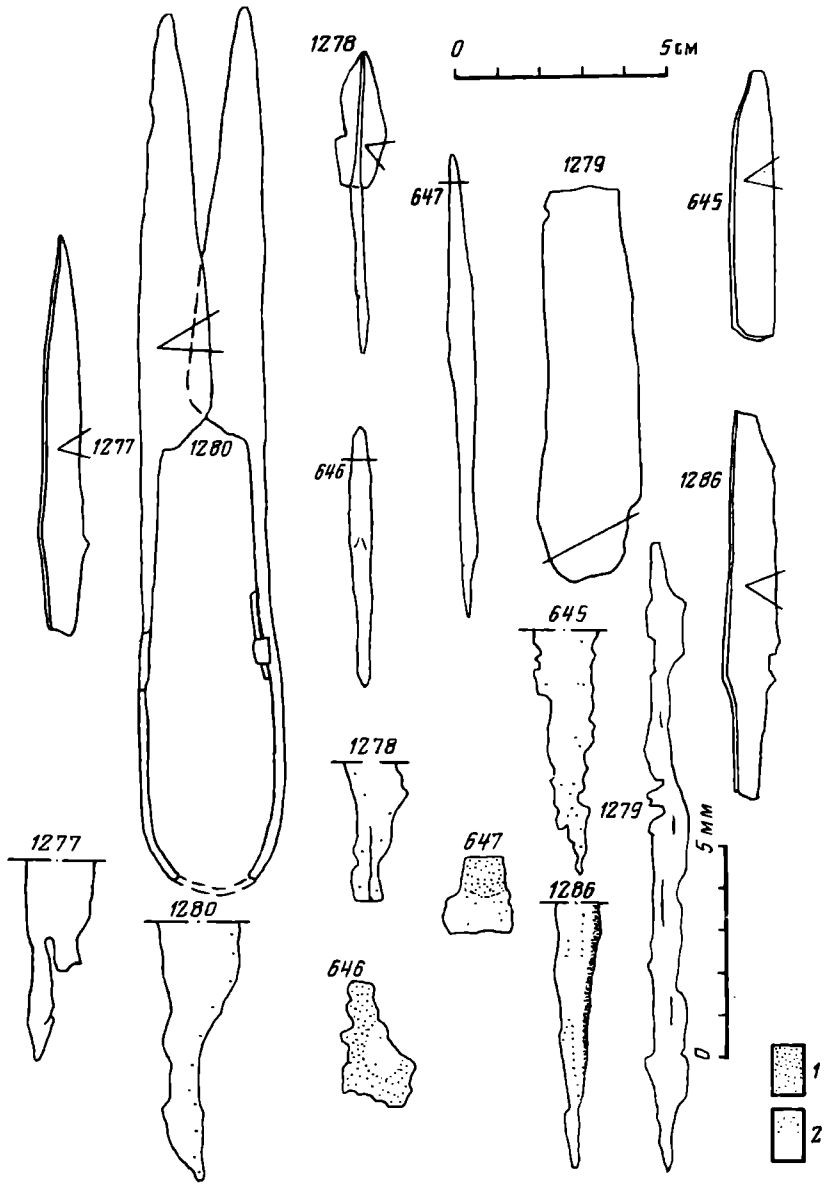


Рис. 4. Рисунки и технологические схемы изделий. Кудлаевка (ур. Заярье) — 646, 647; Картамышево II — 1277; Песчаное — 1278—1280; Мацковка — 645; Шмырево — 1286. *1* — сталь без термической обработки; *2* — железо

чрезвычайно велика. Микроструктура металла — феррит (балл зерна № 6, 8), следы перлита, шлаки. Средняя микротвердость железа — 236 кг/мм^2.

Группа волынцевских предметов представлена в исследованиях 13 экземплярами. В их числе три ножа, найденные в ранневолынцевских объектах VII—VIII вв. н. э. селища в ур. Целиков Бугор у с. Лесконоги Новгород-Северского р-на Черниговской обл. [1, с. 41], шесть изделий различного назначения из раскопок волынцевского поселения у хутора Вовки Зеньковского р-на Полтавской обл. [1, с. 108, 109] и четыре бытовых предмета из ранневолынцевских объектов поселения Хитцы [2]

Наиболее крупный нож, длиной 164 мм, найденный на Целиковом Бугре (рис. 5, 642), изготовлен из среднеуглеродистой стали и термически обработан. Охлаждению была подвергнута лишь режущая кромка лезвия (микротвердость 514 кг/мм^2). Металл ножа прокован слабо и сильно засорен шлаковыми включениями.

[2] Культурная принадлежность определена Е. А. Горюновым.

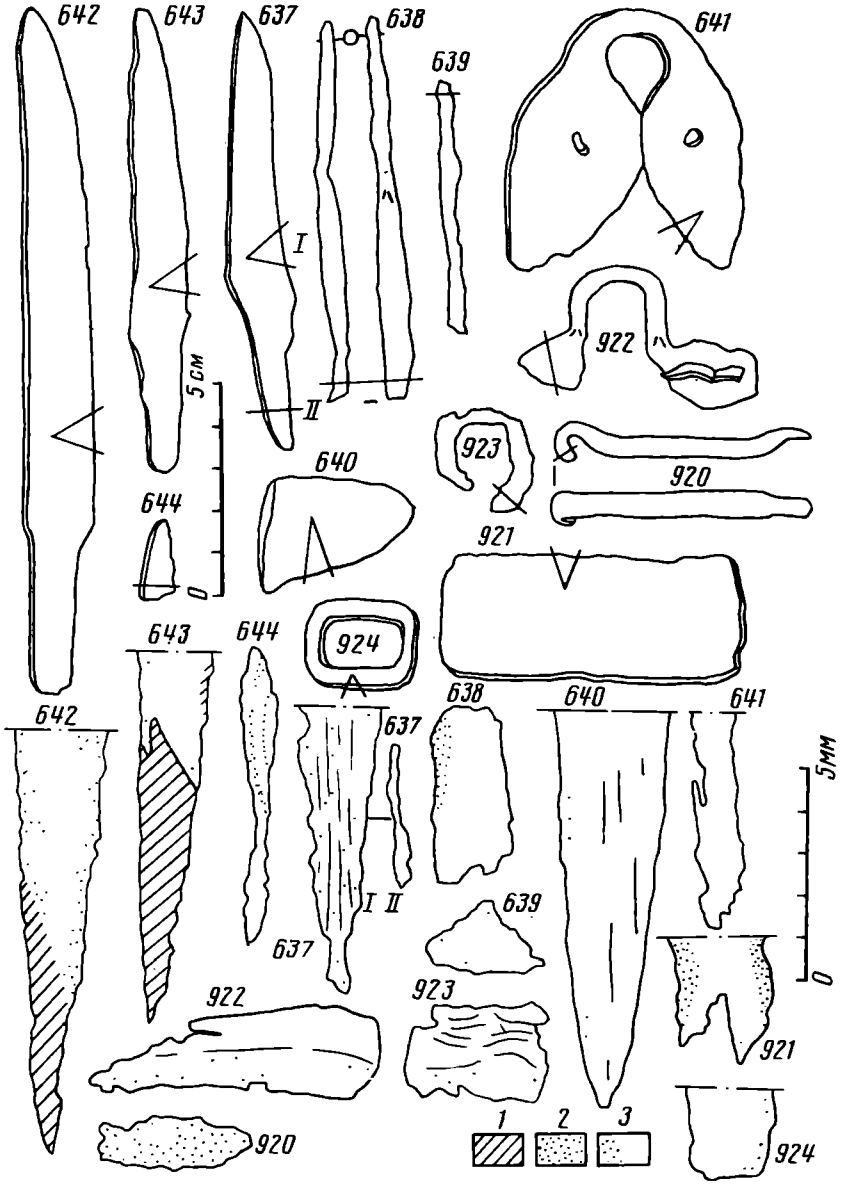


Рис. 5. Рисунки и технологические схемы изделий. Целиков Бугор — 642—644; Вовки — 637—641, 920; Хитцы — 921—924. *1* — термически обработанная сталь; *2* — сталь без термической обработки; *3* — железо

Лезвие второго ножа (рис. 5, 643) выполнено в технике наварки стальной режущей зоны на малоуглеродистую железную основу, закалено и отпущено. Микроструктура рабочей зоны — троостит отпуска, микротвердость 322—464 кг/мм^2, микроструктура основы — феррит, перлита мало. Сварка выполнена качественно, металл прокован хорошо и содержит мало шлака.

Третий нож представлен фрагментом лезвия (рис. 5, 644), откован из грубого кричного железа высокой твердости. Микроструктура металла — феррит, местами — следы перлита. Микротвердость 236—322 кг/мм^2 Прослеживается полосчатость структуры. Цельножелезным оказался и нож из Вовков (рис. 5, 637), имеющий ферритную структуру, местами со следами перлита. Здесь также прослеживается полосчатость. Микротвердость металла 170—221 кг/мм^2

Из кричного железа были изготовлены фрагмент ложкаря (?), шило, обломок лезвия массивного орудия (или оружия) и все бытовые предметы из Вовков и Хитцов (рис. 5, 638—641 и 921—924), за исключением цельностального язычка массивной пряжки (рис. 5, 920).

Пять изделий, найденных на селищах Картамышево I и Гремячка Обоян-

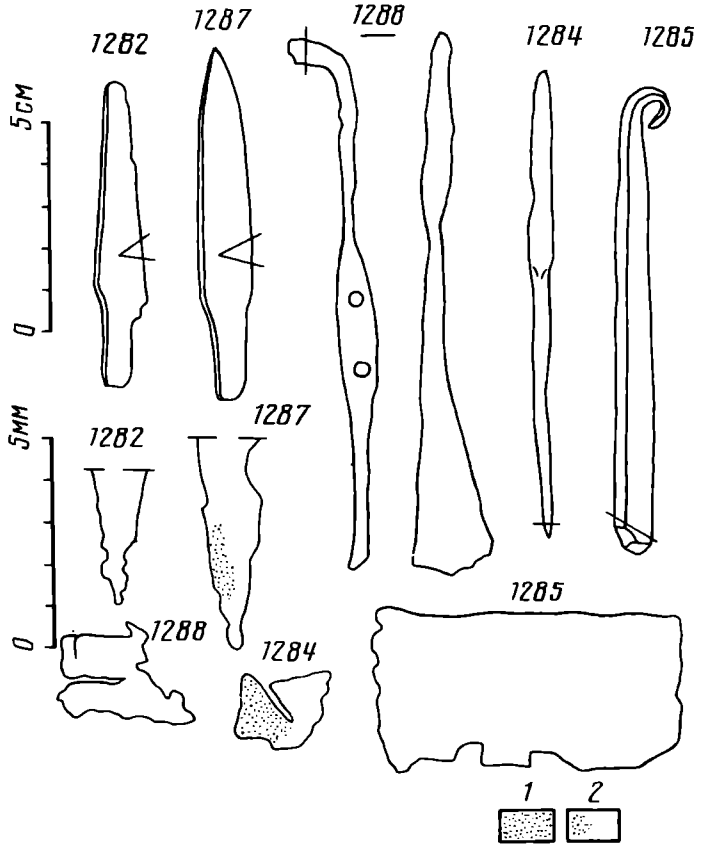


Рис. 6. Рисунки и технологические схемы изделий. Картамышево I — 1282, 1287, 1288; Гремячка — 1284, 1285. *1* — сталь без термической обработки; *2* — железо

ского р-на Курской обл., могут быть датированы I тыс. н. э. В их числе два ножа, черенок серпа (?), предмет непонятного назначения (рис. 6, 1282, 1287, 1285, 1288) — цельножелезные. Шило (рис. 6, 1284) отковано из частично науглероженной заготовки, без последующей термической обработки.

Результаты металлографических исследований позволяют сделать ряд наблюдений об особенностях техники и технологических традициях железообрабатывающего ремесла раннеславянских памятников Днепровского Левобережья в I тыс. н. э.

Для так называемых постзарубинецких памятников II—III вв. исследуемого региона наряду с цельностальными и цельножелезными предметами характерно применение изделий из пакетного металла, полученного путем кузнечной сварки чередующихся стальных и железных полос либо свернутой «пакетом» цементированной железной пластины. Сталь и пакетный металл используются главным образом для изготовления орудий труда. Широко применялась термическая обработка стальных цементированных и пакетных изделий, обычно в простейшей форме — путем простой закалки нагретого изделия в холодной воде. Прослеживается технологическая близость постзарубинецких предметов и кузнечных изделий из памятников зарубинецкой культуры. Те же черты типичны для прочих постзарубинецких объектов Черниговского Подесенья и Днепровского Правобережья, железообработка которых давно уже выделилась в самостоятельную отрасль ремесла и близка, с одной стороны, кузнечному ремеслу зарубинецких поселений этих территорий (Почеп, Оболонь, Лютеж), с другой — железообрабатывающему ремеслу правобережных раннеславянских памятников Поднепровья (Сахновка, Стецовка, Пастырское и пр.) [13]

Близость технологических традиций железообрабатывающего ремесла на постзарубинецких селищах и в левобережных памятниках середины — третьей четверти I тыс. н. э. несомненна. Отмечается сходство как применяемых

технологических схем, так и форм и размеров орудий труда: топоров [14, с. 260, рис. 4], ножей, шильев и пр. Но прежде всего сходны характерные особенности микроструктуры металла (неравномерность распределения углерода стали и его процентное содержание, качество проковки кричного железа, способ получения пакетных заготовок), указывающие на близость параметров применяемой технологии.

Заметны, однако, определенные технологические различия в материале пеньковских, колочинских и волынцевских объектов. Для изделий из раннепеньковского селища Хитцы характерно распространение технологии пакетирования, что обычно и для правобережных памятников пеньковской культуры [15, с. 50, рис. 2; 16, с. 62]. Частое применение стали, пакетного металла является прямым продолжением технологических традиций II—III вв. в пеньковской культуре, причем заметна тенденция к росту процентного содержания вещей со сложной технологической структурой и более совершенной термической обработкой. Одновременно здесь, как и в предшествующий период, нет каких-либо элементов стандартизации форм либо унификации технологии изготовления наиболее массовых и универсальных изделий (ножей, шильев и пр.). Как правило, это отсутствие является признаком продукции общинных кузнецов-ремесленников, работающих на нужды общины в условиях отсутствия товарного рынка.

Подобный вывод относится и к изделиям из колочинских памятников. Основная масса орудий труда изготовлялась колочинскими мастерами из кричного железа, сталь и пакетный металл использовались редко. Это характерно и для других колочинских или близких к ним памятников Днепровского Левобережья, в частности для кузнечных изделий Княжинского и Лебяжинского могильников Курской области. Лучшие технологические достижения кузнецов предшествующего времени, по-видимому, не получили дальнейшего развития в колочинском ареале раннеславянской культуры. Возможно, следует говорить о тенденции к их утрате.

Близко к колочинскому кузнечное ремесло волынцевских объектов, где также преобладают цельножелезные изделия. Это отмечалось на волынцевских памятниках и ранее. В частности, нами исследовано 10 железных предметов из волынцевского селища и могильника. 9 из них были цельножелезными. Г А. Вознесенская, исследовавшая 30 железных изделий из недавних раскопок в Волынцево, также подтвердила, что основным видом кузнечного сырья здесь служили кричное железо и сырцовая сталь, указав одновременно, что в последней трети I тыс. н. э. здесь появляются новые конструктивные решения [17, с. 12], являющиеся, очевидно, свидетельством начала зарождения товарного производства. В этой связи интересно отметить, что два ранневолынцевских ножа со сложной технологией изготовления найдены в Подесенье в объектах VII—VIII вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.: Наука, 1984.
2. *Горюнов Е. А.* Исследования в Курской области // АО-1979. М., 1980.
3. *Горюнов Е. А.* Исследования в Курской области // АО-1980. М., 1981.
4. *Гопак В. Д., Заверняев Ф. М.* Железные изделия Почепского селища // СА. 1981. № 1.
5. *Гопак В. Д., Шовкопляс А. М.* Черный металл зарубинецкого поселения на Оболони в Киеве // СА. 1983. № 4.
6. *Заверняев Ф. М.* Почепское селище // МИА. 1969. № 160.
7. *Горюнов Е. А.* Работы на Полтавщине // АО-1973. М., 1974.
8. *Горюнов Е. А., Пескова А. А., Усова Г А.* Работы Днепровского Левобережного отряда // АО-1974. М., 1975.
9. *Горюнов Е. А., Казанский М. М., Пескова А. А., Усова Г А.* Исследования на Полтавщине // АО-1975. М., 1976.
10. *Горюнов Е. А.* О работах на поселении Хитцы // АО-1976. М., 1977.
11. *Горюнов Е. А.* О работе Днепровской Левобережной экспедиции // АО-1978. М., 1979.
12. *Горюнов Е. А.* Некоторые древности I тыс. н. э. на Черниговщине // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л.: Наука, 1974.
13. *Гопак В. Д.* Кузнечные изделия памятников киевского типа в Среднем Поднепровье и Черниговском Подесенье // Древнерусское государство и славяне. Минск: Наука и техника, 1983.

14. *Довженок В. Й.* Розкопки біля с. Волинцевого Сумської обл. // АП УРСР. Т. III. Киев, 1952.
15. *Гопак В. Д.* Техника кузнечного ремесла у восточных славян во второй половине I тысячелетия н. э. (Днепровско-Днестровское междуречье) // СА. 1976. № 2.
16. *Вознесенская Г. А.* Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тысячелетия н. э. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
17. *Юренко С. П.* Днепровское лесостепное левобережье в VII—VIII вв. н. э. (волынцевская культура): Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР, 1983.

V. D. GOPAK, V. M. GORYUNOVA

IRON ARTEFACTS FROM THE EARLY SLAVIC SITES ON THE LEFT BANK OF THE DNIEPER (THE MATERIALS OF E. A. GORYUNOV)

Summary

The article presents the resultes of investigation of 66 pieces of blacksmiths' production from slavic sites of the 1st millenium A. D. situated on the left bank of the Dnieper. The materials were excavated by late E. A. Goryunov. They demonstrate technological tradition of ironworking similar to those traced in the materials of postzarubinsty chronological horizon, including the sites of Penkovka, Kolochin and Volyntsevo cultures. Among the materials of Penkovka culture the artefacts made in technology of interchanging iron and steel bands prevail. The artefacts made of one piece of iron are tyrical for Kolochin culture. The level of blacksmiths' production of this culture is close to that of Volyntsevo group. Some complicated ironworking technologies are noticed in this territory in the 7th and 8th centuries, when commodity production is supposed to emerge.

М. И. ГОНЯНЫЙ, Н. Г. НЕДОШИВИНА

К ВОПРОСУ О ВЯТИЧАХ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

До недавнего времени район верхнего течения р. Дон в связи со слабой изученностью этой территории не включался в ареал вятичей [1, с. 11, рис. 4; 2, с. 10, 11].

Систематическими работами, которые проводит Верхнедонская археологическая экспедиция ГИМ [1] в районе Куликова поля, открыто большое количество поселений и несколько грунтовых могильников древнерусского времени, некоторые материалы которых позволяют поставить вопрос о расселении вятичей на Верхнем Дону (рис. 1).

Одним из интереснейших результатов этих работ явилось открытие грунтового могильника у д. Бутырки Узловского р-на Тульской обл., который за три полевых сезона (1985—1987 гг.) был полностью изучен.

Могильник расположен на пологом склоне второй надпойменной террасы правого берега р. Дон, на краю небольшого оврага, на высоте 20 м над урезом воды. В 0,3 км к югу от могильника, близ устья р. Сукромна, расположено селище Бутырки II, датирующееся концом XII—XIV в.

В настоящее время площадка могильника распахивается, и на поверхности кое-где встречаются выпаханные человеческие кости. По ним-то разведочными работами 1984 г. и было открыто кладбище.

За 3 года работ на могильнике было вскрыто 1054 м^2 площади и исследовано 23 захоронения.

Погребения располагаются тремя группами, внутри которых костяки лежат рядами и ни разу не перекрывают друг друга. По-видимому, на поверхности ставились какие-то опознавательные знаки (рис. 2).

Стратиграфия могильника чрезвычайно проста. Верхний слой (толщиной от 20 до 40 см) представлен темно-серым суглинком (гумусированный горизонт чернозема), в котором трудно заметить какие бы то ни было нарушения (в том числе и контуры могильных ям). Ниже повсеместно идет темно-бурый, довольно плотный суглинок (мощностью до 30—40 см), который подстилается ярко-бурым суглинком.

Погребения располагаются очень близко от поверхности. Иногда они только прорезают темно-серый суглинок и лежат в следующем слое. В некоторых случаях погребения опущены ниже, и могильные ямы прорезают ярко-бурый суглинок в среднем на 10—20 см, достигая иногда глубины 30—40 см.

Длина могильных ям колеблется в среднем от 2,3 до 2,5 м (в погребении 1—2,8 м), ширина — от 0,8 до 1 м (в погребении 1—1,2 м).

Из 23 вскрытых захоронений 9 оказались женскими, 10 — мужскими и 4 — детскими. Возраст детей — 5—8 лет. Взрослые умирали в молодом возрасте (20—40 лет), только два костяка принадлежали женщинам старше 50 лет [2]

Все погребенные были ориентированы головой на запад, иногда с легким

---

[1] Руководитель экспедиции — М. И. Гоняный, работами на могильнике руководила Н. Г. Недошивина.

[2] Пол и возраст погребенных определен сотрудницей ИА АН СССР Г П. Романовой.

© М. И. Гоняный, Н. Г. Недошивина, 1991 г.

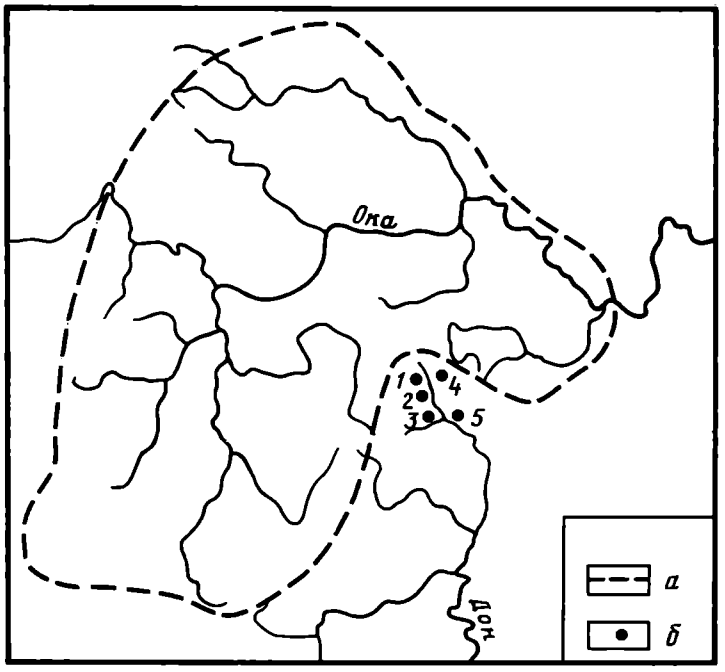


Рис. 1. Вятичские памятники верховьев Дона. *а* — граница земли вятичей (по Т. Н. Никольской); *б* — места находок украшений вятичей. *1* — г. Донской, *2* — д. Бутырки; *3* — пос. Монастырщина V; ур. «Кикина протока»; *5* — пос. Устье 2

отклонением к северу или югу. Два костяка были обращены головами на северо-запад.

В 7 захоронениях прослеживались следы дерева от гроба или подстилки, а в трех случаях поверх костяков лежала дубовая доска. В одном из них доска была обожжена.

В 10 захоронениях обе руки погребенных были сложены на груди или животе, в 6 погребениях одна рука была вытянута вдоль тела, а другая положена на грудь или живот. И только в двух случаях обе руки оказались вытянутыми вдоль тела.

В 4 погребениях рядом с умершими находились вещи (перстни, браслеты), положенные в качестве дара. Так, около головы женщины в погребении 1 лежало четыре перстня, связанные шерстяным шнуром. Подобный обряд не раз наблюдался в вятичских курганах.

15 погребений могильника оказались безынвентарными, при этом все мужские и детские костяки были лишены вещей.

В 8 женских захоронениях обнаружены предметы украшения: височные кольца, браслеты, перстни, бусы и пр. Наиболее интересным оказалось погребение 1, принадлежавшее пожилой женщине. Богатый набор украшений в нем состоял из семилопастных височных колец, шейной гривны, браслетов, перстней (рис. 3).

Инвентарь могильника представляет определенный интерес. Разберем его более подробно (рис. 4).

Гривна шейная найдена в 1 экземпляре (таблица). Она относится к типу полужгутовых загнутоконечных. Один из напаянных концов ее короче другого — по-видимому, следы починки. Гривна лежала поверх рук, сложенных на животе.

Височные кольца. Семилопастные височные кольца найдены в погребении 1 в количестве 5 экземпляров. Они относятся к типу развитых, с секировидными лопастями и боковыми колечками на дужках. На двух подвесках — первый, а на трех — ленточный орнамент. Подобные височные кольца Т. В. Равдина датирует второй половиной XII—XIII в. [3, с. 139, 140].

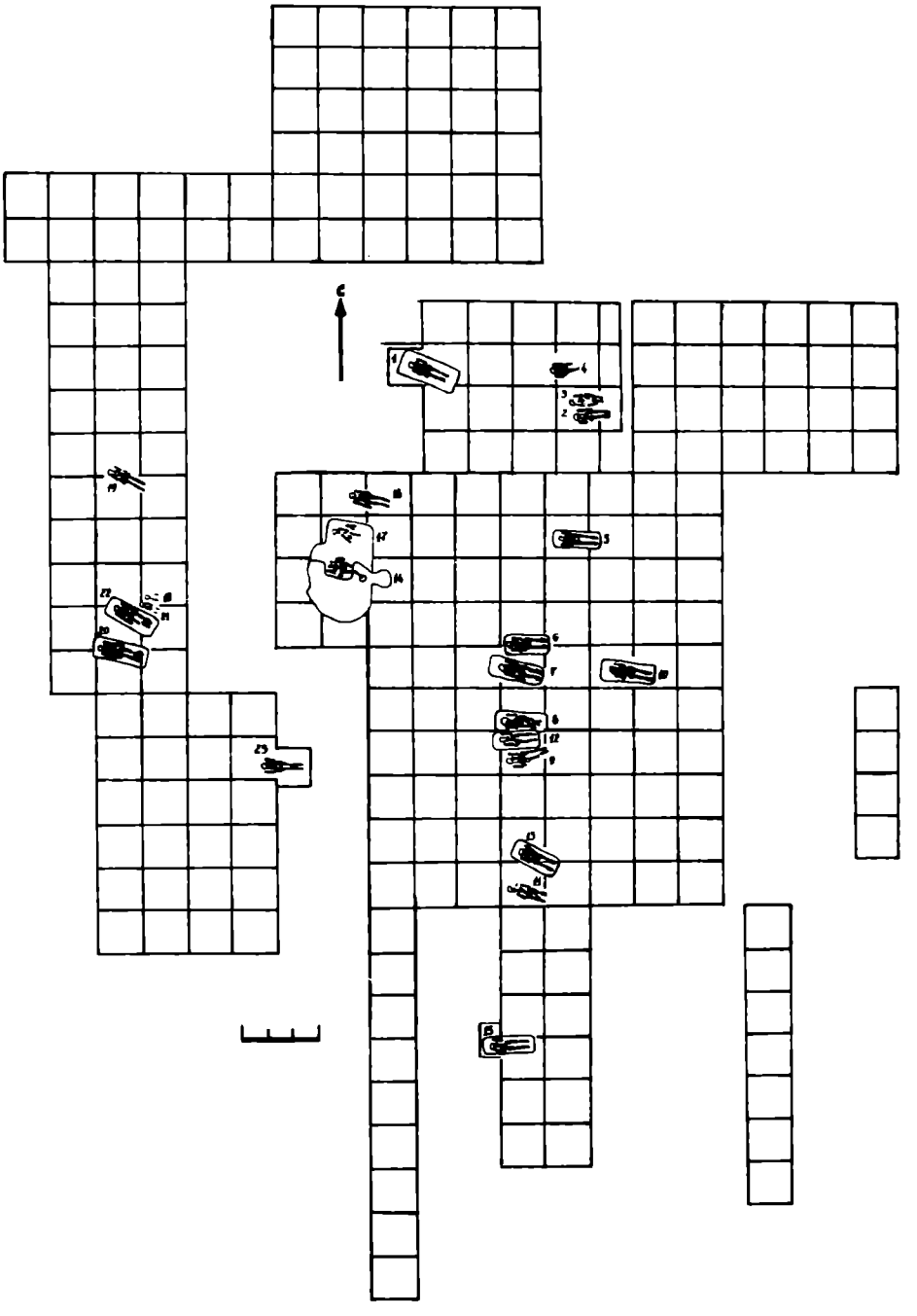


Рис. 2. Д. Бутырки. План могильника

Перстнеобразные кольца обнаружены в четырех комплексах. В одном случае (погребение 1) это были колечки, сделанные из дужек семилопастных, в остальных — небольшие бронзовые круглопроволочные кольца с заходящими или одним загнутым концом.

В 2 погребениях, по всей видимости, находились бусинные височные кольца. Однако о форме их судить невозможно, так как на кольце сохранились лишь проволочные ограничители, а сами бусины отсутствуют.

Браслеты. Наиболее часто в могильнике встречаются витые браслеты: тройной, четверной, 2×3, 3×3. В двух погребениях найдены плетеные браслеты, концы которых были украшены треугольными накладками со стеклянными вставками (в одном — бирюзового, в другом — фиолетового цвета). Основу одного из плетеных браслетов составлял круглый дрот с расплющенными концами. На руке девочки из погребения 12 было надето два тонких, ложновитых,

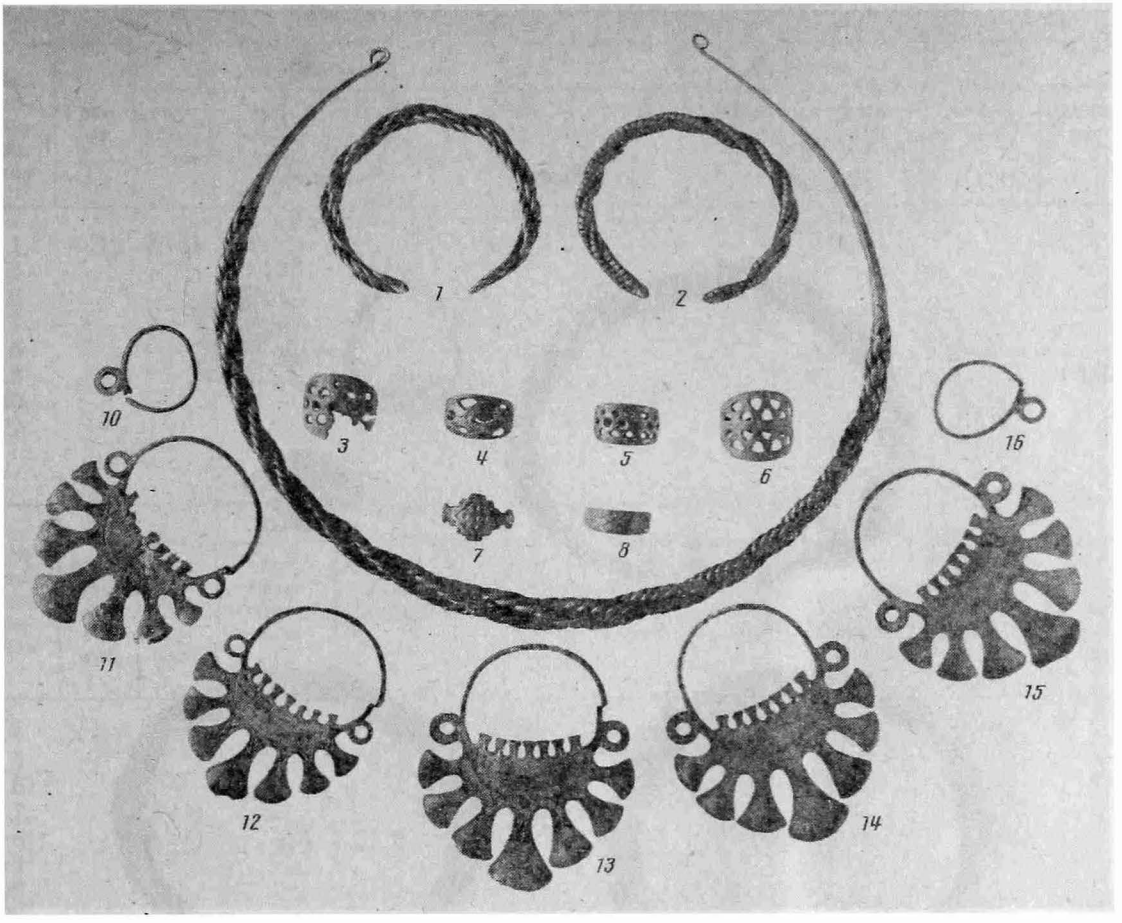


Рис. 3. Д. Бутырки. Вещи из погребения 1. *1*, *2* — витые браслеты; *3—8* — перстни; *9* — гривна шейная, *10—16* — височные кольца

с обрубленными концами браслета. Они покрыты слоем латуни, имитирующей серебрение.

Перстни в основном относятся к разряду решетчатых. Их здесь большое разнообразие: двух- и трехзигзаговые, трех- и пятипунктирные, многоромбовые, треховаловый, многовосьмерочный. В одном погребении найден перстень рубчатый простой, в одном — пластинчатый широкосрединный из тонкой пластины. В 2 захоронениях обнаружены щитковые перстни: в одном — щиток гладкий, без орнамента, у второго он украшен ромбом с вписанным в него четырехлепестковым цветком. Орнаментация последнего напоминает среднюю часть щиткового перстня из Болшева в Подмосковье [4]

Бусы: сердоликовые и янтарные бипирамидальные, янтарные рыбовидные, широко распространенные в вятичских курганах [5, с. 201, рис. 1, 5, 6], а также стеклянные кольцевидные черные и желтые были найдены в одном погребении.

Остальные вещи представлены единичными находками: бубенчик с щелевидной прорезью, фрагмент золотной тесьмы с геометрическим орнаментом — деталь обшивки ворота одежды, плоское орнаментированное бронзовое поясное кольцо и две небольшие бронзовые цепочки из круглых звеньев, лежавшие на плечах погребенной в сложенном виде, как погоны (рис. 5).

В захоронении 12 головной убор женщины был расшит небольшими (1,5 см) квадратными бляшками с выпуклой серединой и отверстиями по углам для прикрепления. Близкие нашим украшения известны в могильнике древнего Новогрудка [6, с. 37, рис. 10]

Анализ погребального инвентаря позволяет произвести датировку могильника. Так, семилопастные височные кольца, как уже было отмечено выше, относятся к типу развитых подвесок второй половины XII — начала XIII в. Слож-

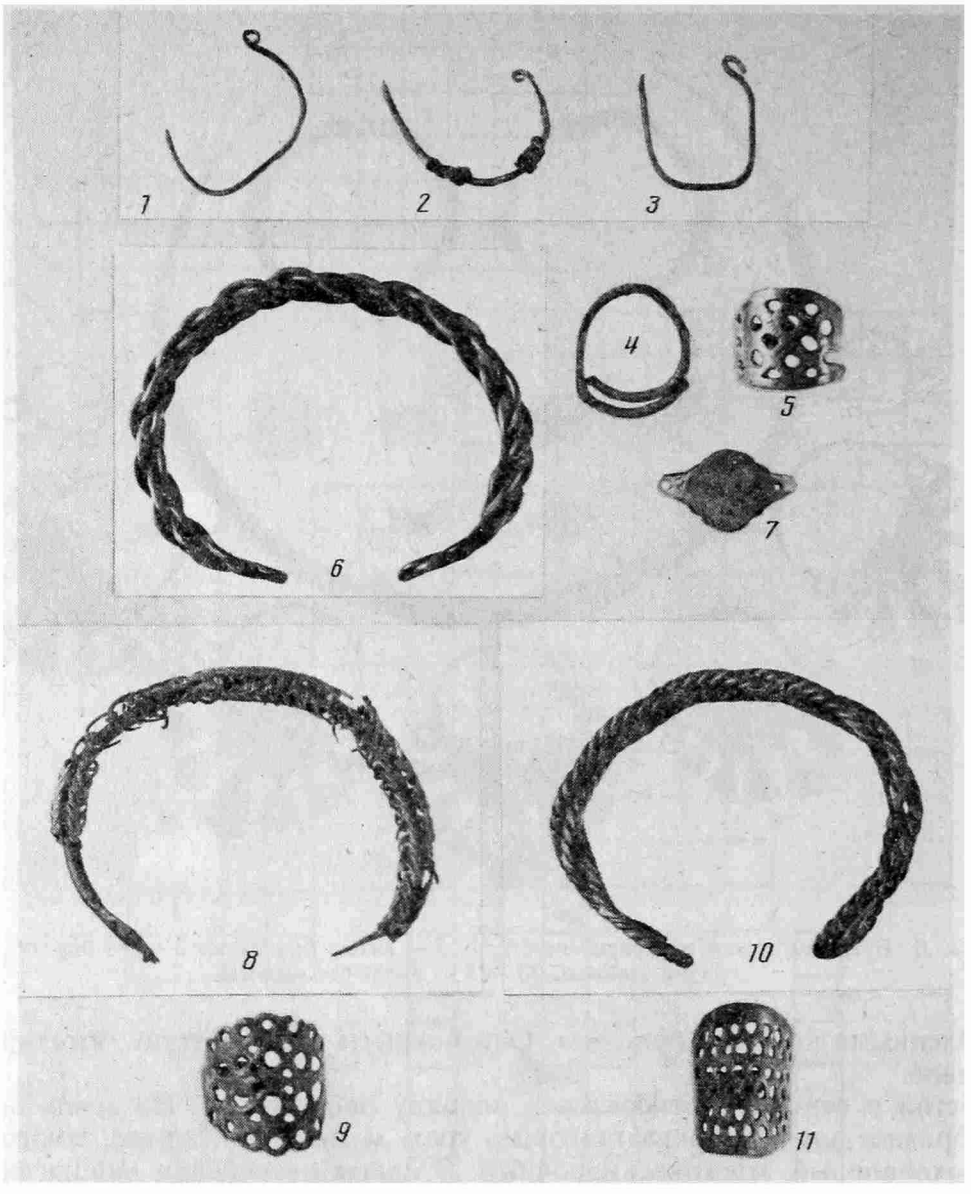


Рис. 4. Д. Бутырки. Вещи из погребений: 5 (*1—6*); 6 (*7*); 8 (*8—11*). *1—4* — височные кольца; *5, 7, 9, 11* — перстни; *6, 8, 10* — браслеты

ные витые браслеты (которых большинство на могильнике) наиболее характерны для XIII в., хотя встречаются уже с конца XII в. [7, с. 118]

Следует подчеркнуть, что в некоторые погребения положены вещи, сломанные еще в древности: в 3 захоронениях — перстни, гривна со следами починки (возможно, ее берегли длительное время и передавали по наследству). Вещи как бы переживают свое время.

Исходя из вышеизложенного, мы склонны датировать могильник первой половиной XIII в. (ближе к его середине). Не противоречит этой дате и погребальный обряд (захоронения в ямах со сложенными на груди руками, бедность погребального инвентаря, а подчас и безынвентарность).

По всей видимости, на месте могильника уже после того, как кладбище перестало функционировать, возникло недолговременное поселение, нарушившее отдельные погребения (14, 17). Керамика с этого поселения может быть датирована концом XIII — началом XIV в.

Набор украшений в женских погребениях: семилопастные височные кольца, многочисленные решетчатые перстни и витые браслеты — позволяет считать,

Сводная таблица погребального инвентаря могильника Бутырки

№ погребения	Гривна	Височные кольца			Браслеты					
		семилопастное	перстнеобразное	бусинное	витой тройной	витой четверной	витой 2×3	витой 3×3	плетеный	ложновитой
1	X(1)	X(5)	X(2)		X(1)			X(1)		
5			X(3)	X(1)			X(1)			
6			X(1)				X(1)			
7							X(1)			
8								X(1)	X(1)	
12				X(1)						X(2)
20									X(1)	
22			X			X(1)	X(1)	X(1)		

№ погребения	Перстни					Решетчатые				
	двухзигзаговый	трехзигзаговый	трехпунктирный	пятипунктирный	многоромбовый	треховало-вый	многовосьмерочный	пластинчатый широкосердинный	щитковый	рубчатый простой
1	X(1)		X(1)		X(1)	X(1)		X(1)	X(1)	
5				X(1)						
6									X(1)	
7		X(1)								
8		X(1)					X(1)			
12										
20										
22	X(1)									X(1)

№ погребения	Бусы				Бубенчик щелевидный	Пуговица	Бляшки от головного убора	Цепочка	Поясное кольцо	Золотая тесьма	Примечание
	сердоликовые бипирамидальные	янтарные бипирамидальные	янтарные рыбовидные	стеклянные зонные							
1											Гривна починена
5											Перстень, обломан в древности
6						X(1)				X	
7											То же
8											То же
12							X				
20						X(1)					
22	X	X	X	X	X(1)	X(1)		X(2)	X(1)		

что могильник оставлен вятичами. По всей видимости, люди здесь жили непродолжительное время. Об этом свидетельствуют сравнительно небольшое количество погребений, а также однородный материал, четко укладывающийся в узкие хронологические рамки.

Вятичское кладбище у с. Бутырки представляет, бесспорно, большой интерес. Дело не только в том, что впервые исследован могильник с вятичскими украшениями так далеко на юге, в верховьях Дона, там, где погребальные памятники такого рода ранее не были известны. Интересно изученное кладбище и тем, что это первый грунтовой могильник с вятичскими украшениями. Ведь

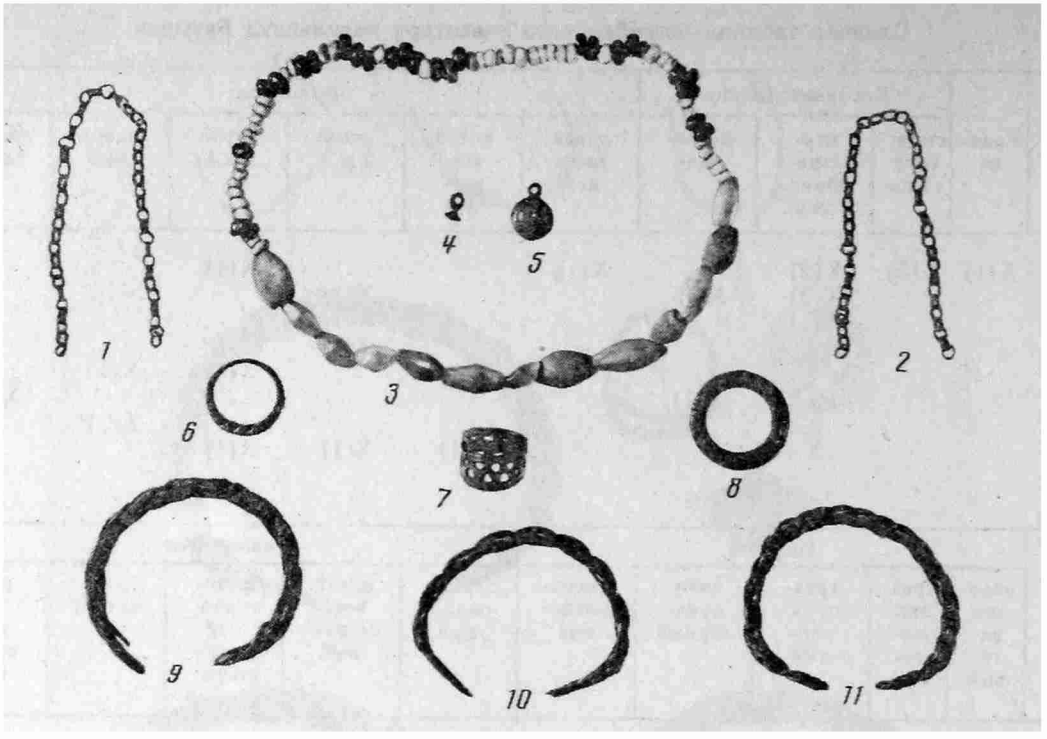


Рис. 5. Д. Бутырки. Вещи из погребения 22. *1, 2* — цепочки; *3* — бусы; *4* — пуговица; *5* — бубенчик; *6, 7* — перстни; *8* — поясное кольцо; *9—11* — браслеты

до открытия могильника в Бутырках все вятичские погребальные памятники были представлены курганными кладбищами.

Экспедицией ГИМ, изучающей район Куликова поля, открыто около 200 поселений древнерусского времени. При этом не найдено ни одной курганной группы — они здесь отсутствуют. Очевидно, что для данного региона характерным является бескурганный обряд захоронения.

Это предположение находит подтверждение не только в раскопанном могильнике у д. Бутырки, но и в ряде других памятников.

Так, в г. Донском (р. Бобрик — правый приток Дона) при рытье траншеи на одной из улиц был обнаружен череп с семью семилопастными височными кольцами. Формы подвесок (четыре подзорчатые, одна ажурная, две простые с тремя колечками у основания дужки) позволяют датировать этот могильник (а сомнений нет, что речь может идти о грунтовом могильнике) первой половиной — серединой XIII в.

На участке берега Пронского водохранилища, примыкающем к правому берегу р. Тетяковка, в урочище «Кикина протока» (Новомосковский р-н Тульской обл.), также открыт грунтовой могильник [3], в котором расчищено 2 женских погребения с типично вятичским инвентарем: пяти- и семилопастными височными кольцами, хрустальными и сердоликовыми бусами, решетчатыми перстнями, витыми браслетами.

Вятичские украшения были обнаружены и на некоторых поселениях. Так, на селище Монастырщина V, расположенном на левом берегу р. Непрядва, при раскопках найдены: лопасть и щиток височных колец, целая семилопастная подвеска, пять решетчатых перстней, две хрустальные шарообразные бусины и несколько витых бронзовых браслетов. На поселении Устье-2, расположенном недалеко от устья р. Мокрая Табола (левый приток р. Дон), найдена пятилопастная височная подвеска (рис. 6).

Таким образом, новые материалы в верховьях Дона позволяют расширить

[3] Могильник открыт и обследован О. Н. Заидовым в 1987—1988 гг.

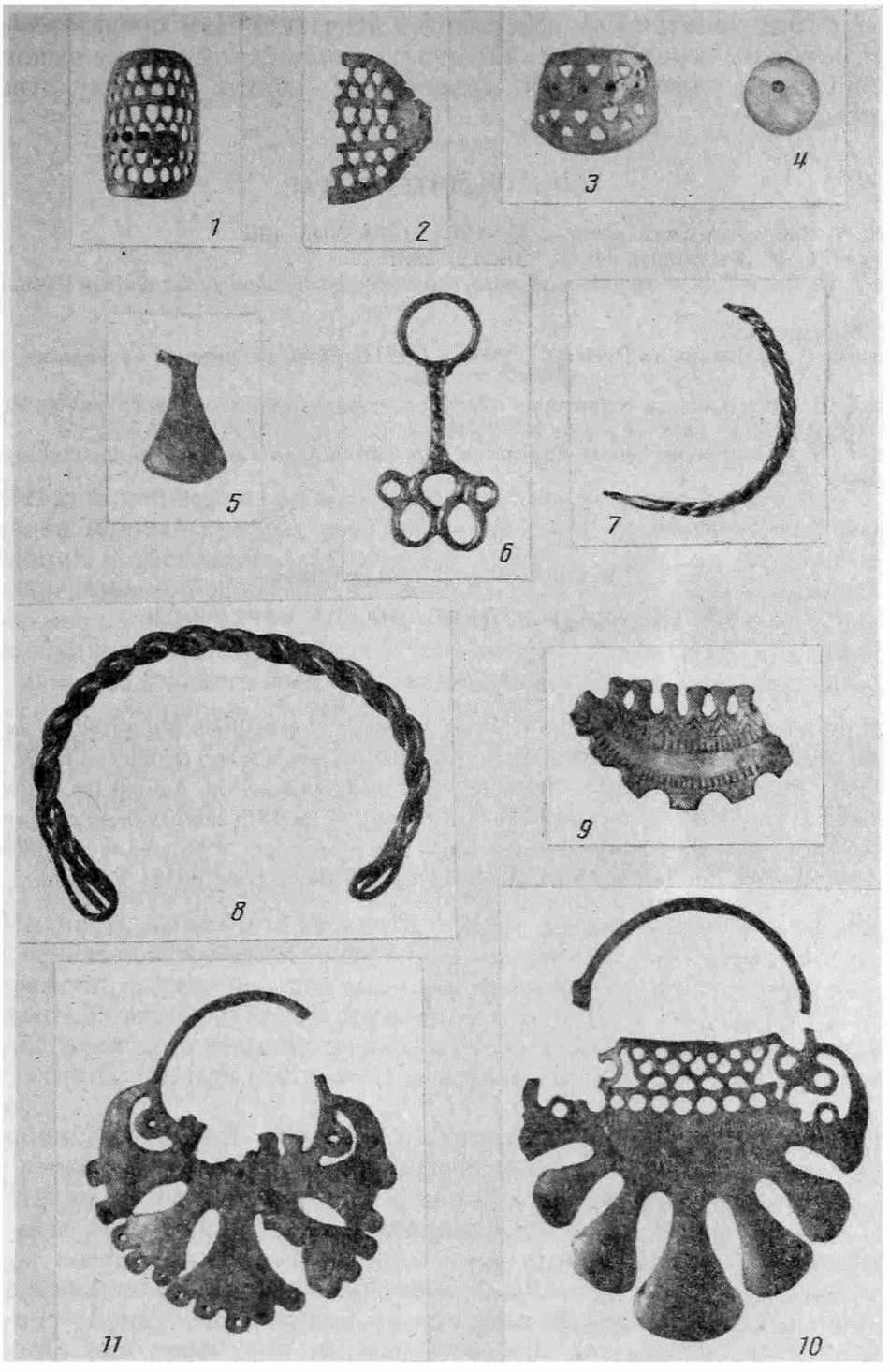


Рис. 6. Вещи с поселения Монастырщина V; пос. Устье 2. *1—3* — решетчатые перстни; *4* — хрустальная шарообразная бусина; *5* — лопасть височного кольца; *6* — держатель для амулетов; *7, 8* — витые браслеты; *9* — щиток височного кольца; *10* — семилопастное височное кольцо, *11* — пятилопастное височное кольцо

южные границы вятичского ареала и открывают перспективы для дальнейшего изучения принципиально новых для вятичей типов погребальных памятников, а именно грунтовых могильников.

Чем объяснить, что на данной территории распространился бескурганный обряд погребения? Какими-то неизвестными нам пока особенностями данного региона или временными рамками, когда в XIII в. под влиянием христианства

курганный обряд практически повсеместно исчезает? Нам представляется, что последнее наиболее вероятно. Однако делать столь категоричные выводы преждевременно. Надо надеяться, что дальнейшие работы позволят ответить на эти вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Седов В. В.* Ранние курганы вятичей // КСИА. 1973. Вып. 135.
2. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. М.: Наука, 1981.
3. *Равдина Т. В.* Типология и хронология лопастных височных колец // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
4. ГЭ ОИПК, колл. 627
5. *Розенфельдт Р. Л.* Янтарь на Руси (X—XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М.: Наука, 1978.
6. *Павлова К. В.* Могильник на территории окольного города древнего Новогрудка // КСИА. 1967. Вып. 110.
7. *Равдина Т. В.* О датировке витых браслетов (по материалам Серенского городища) // КСИА. 1968. Вып. 113.

M. I. GONYANY, N. G. NEDOSHIVINA

ON THE VYATICHI TRIBE ON THE UPPER DON

Summary

Among the results of the field works of the archaeological expedition organized by the State History Museum (Moscow) were the discoveries of about 200 settlements and cemeteries in the Upper Don area around the Kulikovo battle-field. The sites are of mediaeval period. Among the materials of the fully explorated Butyrki flat cemetery dated to the first half of the 13th century there is a number of ornaments. They are 7-parted hairrings, latticed fingerrings, bracelets of twisted wire which permitted the authors to consider this region to be inhabited by the slavic tribe of the Vyatichi.

Ю. Ю. МОРГУНОВ

РЕДКАЯ НАХОДКА С ПЕРЕГОРОДЧАТОЙ ЭМАЛЬЮ

В 1982 г. в процессе охранных раскопок городища летописного г. Снепорода был найден медный крестик тельник с перегородчато-выемчатой эмалью.

Ситуация и обстоятельства находки таковы: городище летописного Снепорода — пограничной крепости на восточной окраине Переяславской земли — расположено на высоком (42 м над уровнем поймы) мысу третьей надпойменной террасы правого берега р. Сулы, образованном крутыми склонами к стыку долин Сулы, впадающего в нее справа р. Слепорода и безымянного оврага в 2 км к северу от с. Мацковцы (Лубенский р-н Полтавской обл.).

Городище имеет округло-грушевидную в плане форму, конструктивно она не связана с рельефом местности, размеры 0,8 га. Площадка городища задернована и защищена кольцевидным валом высотой от 2,5 до 4 м и заплывшим рвом шириной 10 м, при современной глубине 1—1,5 м. Основной и, видимо, древний въезд устроен с запада, со стороны основания мыса. Площадь окружающих укрепление открытых поселений 22 га.

Поверхность мыса была заселена с эпохи позднего неолита и бронзы, встречаются отдельные находки скифской позднезольничной культуры и черняховского времени; в слое нередки находки лепной роменской керамики IX—X вв. и фрагментов раннегончарной древнерусской посуды X в. Однако в целом культурные остатки этих эпох встречены в небольшом количестве, в значительной мере переотложены или счищены для посыпок и забутовки клетей оборонительных стен.

Начиная с рубежа X—XI вв. и до середины XIII в. заселение высокого мыса носило непрерывный характер. Крепость на месте открытого поселения была построена во второй половине — конце XI в. Никаких культурных остатков, датируемых временем моложе середины XIII в., не обнаружено.

После постройки оборонительных стен центральная часть площадки уже не застраивалась: здесь расчищено несколько погребений, совершенных по древнерусскому обряду. Могильные ямы мелкие и прослеживаются только в тех случаях, когда они прорезают черноземовидный культурный слой (его толщина достигает здесь 1 м) и опущены в желтый суглинистый материк. Деревянные погребальные сооружения прослеживаются только в виде пятен тлена. Подавляющее большинство погребений безынвентарны; только в двух случаях найдены желтый стеклянный перстень и мелкие медные и позолоченные пуговки-бубенчики. Согласно определению Г П. Романовой, все погребенные представляют антропологически единую серию.

Погребение 1 опущено на глубину 0,98 м от современной дневной поверхности, очертания могильной ямы не прослежены, под скелетом отмечены слабые следы древесного тлена. Погребенный — мужчина 35—45 лет — лежал на спине, головой строго на запад. Череп повернут на левую височную долю; кости ног располагались параллельно и немного сдвинуты к северу от оси позвоноч-

© Ю. Ю. Моргунов, 1991 г.

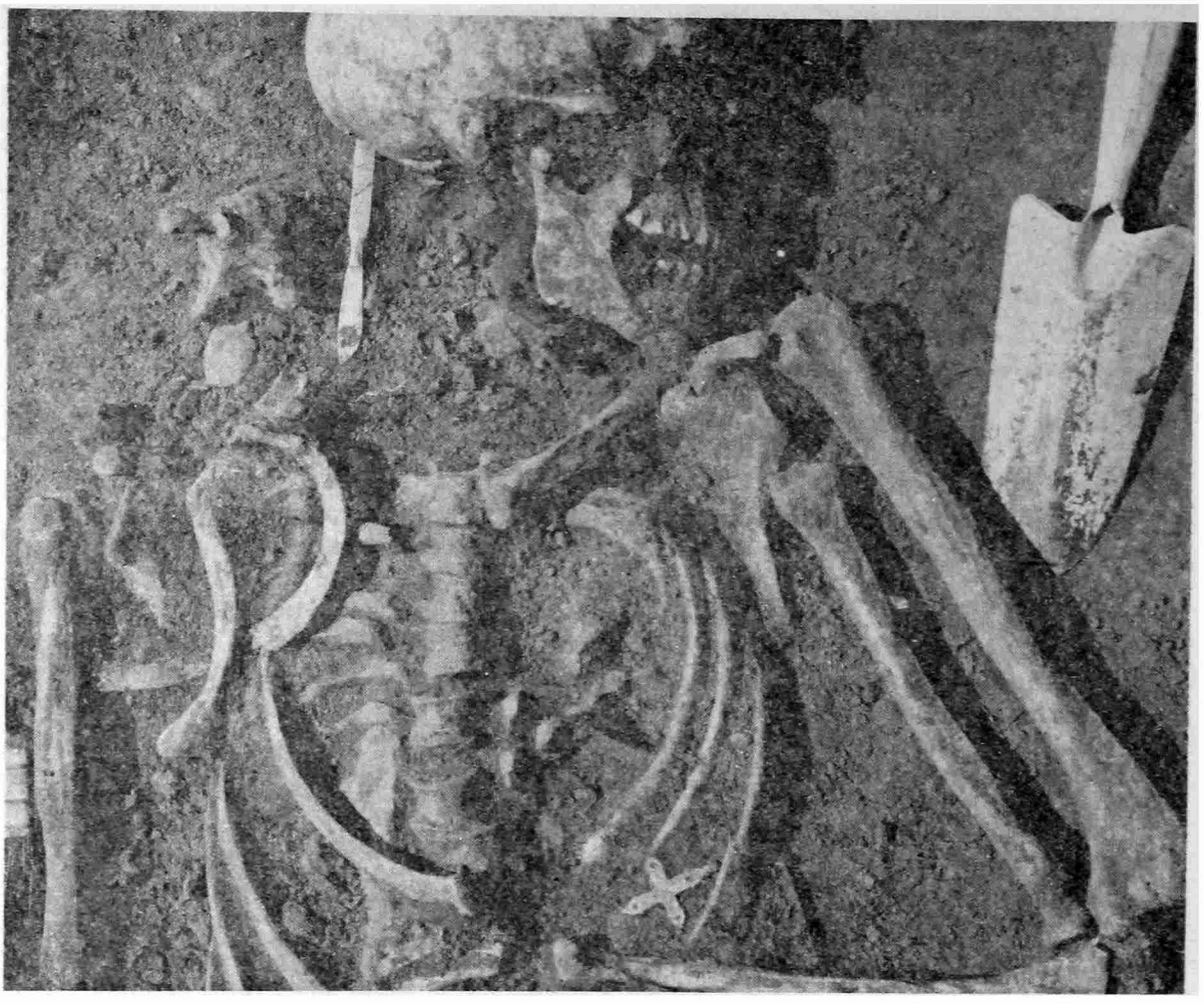


Рис. 1 Погребение 1 в процессе расчистки

ника. Кости рук согнуты в локтевых суставах под прямым углом: правая кисть покоилась на верхней части таза, левая — на нижней части грудной клетки.

Крестик лежал поверх левой половины грудной клетки погребенного (рис. 1), другого сопровождающего инвентаря не обнаружено.

Ныне крестик хранится в Полтавском областном краеведческом музее (инвентарный номер А. 9160) [1, с. 45].

Изделие имеет трехлопастноконечную форму, его размеры 46,6×33,8 мм, толщина 3 мм, отлито вместе с лотками из красной меди. Сохранность хорошая; поверхность эмали местами попорчена, но нигде она полностью не выкрошилась, поэтому глубину лотков установить не удалось. В древности крестик был покрыт золотой наводкой, которая сохранилась только на боковых сторонах (рис. 2).

За лицевую принимаем ту сторону изделия, которая содержит в средокрестии медальон. К этому обязывают следующие наблюдения: обычно на энколпионах в центральном медальоне лицевой стороны располагалось изображение патронального святого; на рассматриваемом крестике сохранен центральный медальон, и он традиционно должен быть на лицевой стороне. На этой же стороне на ободке центрального медальона до расчистки прослеживались слабые следы совершенно стершейся на обороте позолоты, т. е. владелец старался носить крестик этой стороной наружу. Кроме того, менее стерлась и сторона ушка, обращенная наружу: она лучше сохранила гранение, приданное ей ювелиром.

Композиция углубленных лотков, содержащих изображения, на лицевой

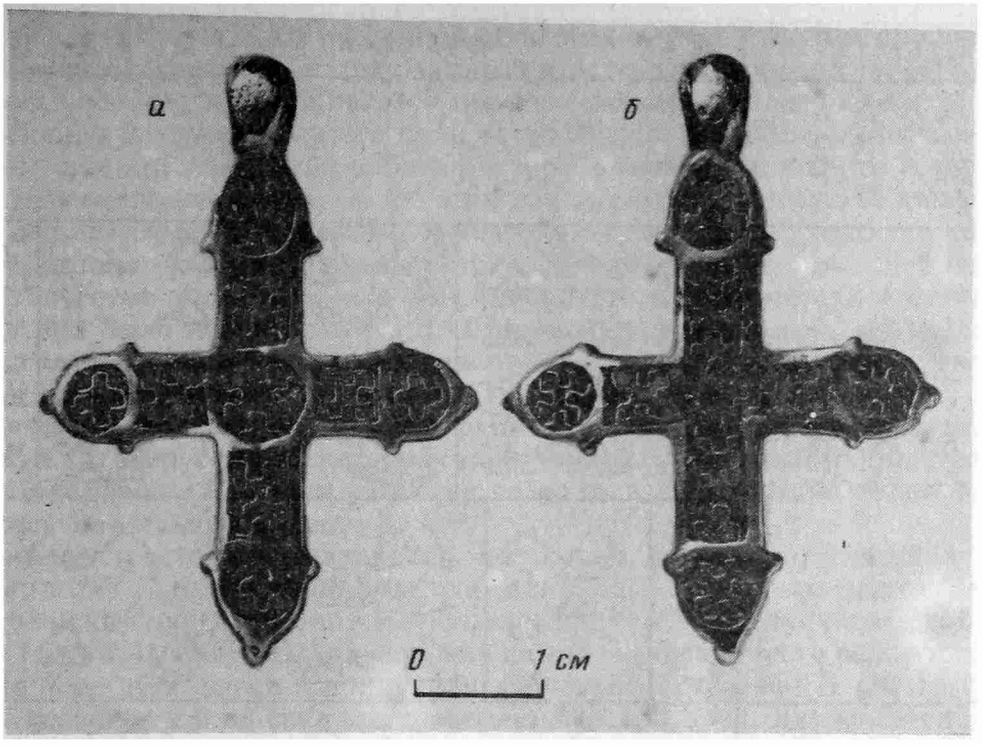


Рис. 2. Лицевая (*а*) и оборотная (*б*) стороны крестика

и оборотной сторонах почти одинакова: в окончания крестика вкомпонованы округлые лотки медальонов (отличия заключаются в оформлении центральной части: на обороте лоток крестообразный, на лицевой стороне в его средокрестие помещен лоток центрального медальона).

Все изображения исчерпываются комбинациями из «городков», изготовленных из медных полосок толщиной 0,15—0,25 мм, организующих рисунок и разгораживающих эмали разных цветов.

На лицевой стороне в боковых и нижнем медальонах помещены изображения прямого равноконечного креста, а на центральном и верхнем — косые кресты. Основные фигуры залиты красной («печеночной») эмалью, фоном служит эмаль пурпурно-фиолетового тона. На перекладинах в прямоугольные промежутки между медальонами вписаны также красные косые кресты на пурпурном фоне. На стволе изделия промежутки заполнены косыми крестами с желтой эмалью на красном фоне внизу и на красном в сочетании с пурпуром — вверху.

На обороте во всех медальонах размещены изображения косых крестов: в верхнем эмаль желтая на красном фоне; в правом и нижнем кресты залиты красным, а фон пурпурный. На правом медальоне, кроме того, одна ячейка фона залита желтой эмалью.

Средокрестие оформлено двумя вписанными ступенчато-крестообразными ромбами (центральный пурпурный, а облегающий ромб красный). В периферийных отсеках центрального крестообразного лотка размещены варианты косых крестов, заполненных эмалями всех трех цветов (рис. 2).

Лотки отлиты одновременно с изделием (по принципу изделий с выемчатой эмалью), сделано это небрежно; лотки несимметричны, края их неровные, с заусенцами.

Городчатые перегородки напаивались на дно лотка. Композиции изготовлены из городков четырех типов: одноступенчатых, двухступенчатых, в форме прямого креста и ступенчато-крестообразного ромба. В более сложных фигурах концы перегородок накладываются одна на другую, в более простых городки неровные, так называемые «дрожащие», несимметричные, напаяны небрежно, они нигде не примыкают вплотную к стенкам лотка, и это способствовало перетеканию и смешиванию эмалей на пограничных цветовых участках.

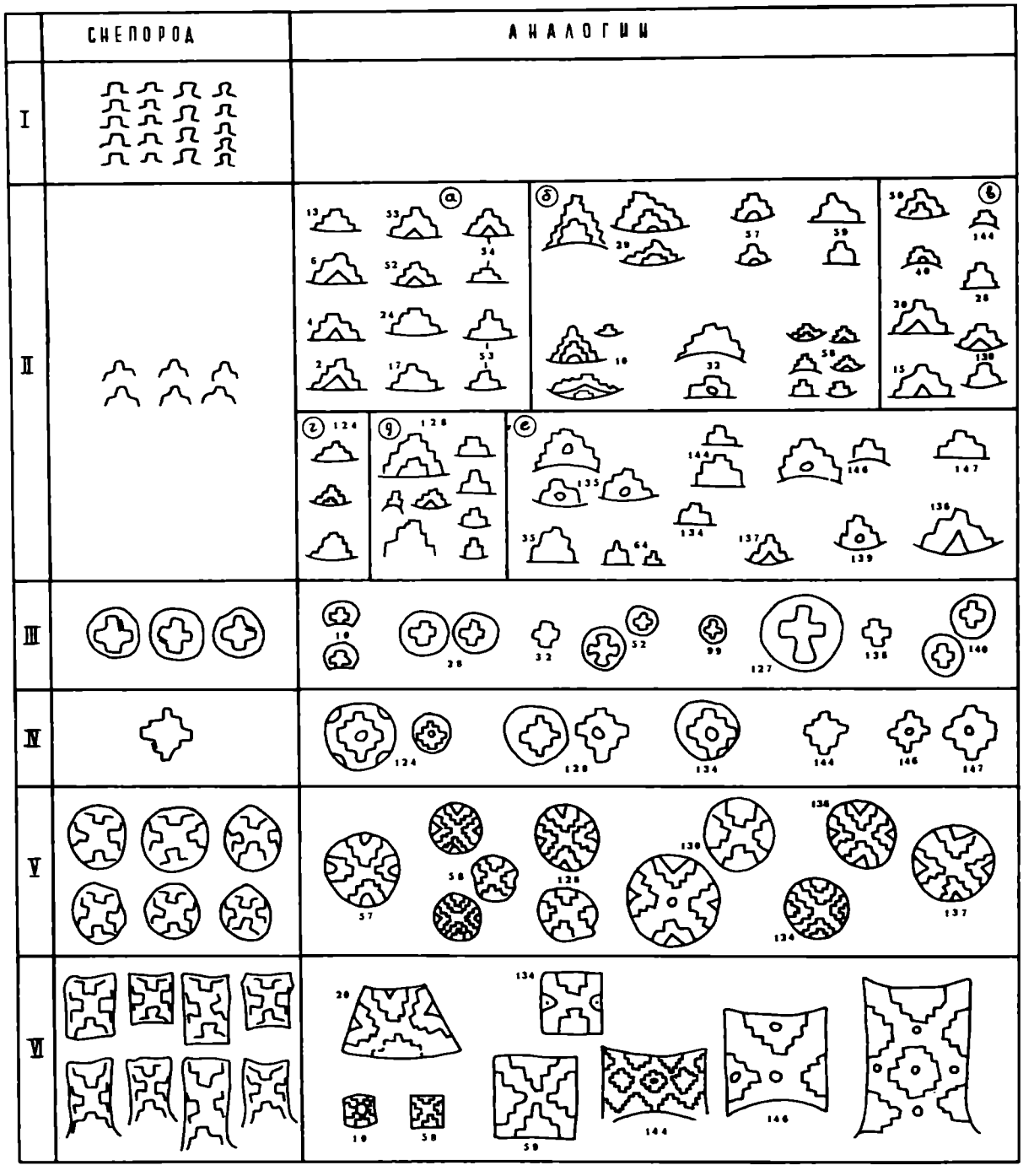


Рис. 3. Элементы орнаментации крестика из Снепорода и аналогии: *а* — киевская мастерская А; *б* — киевская мастерская Б; *в* — другие киевские мастерские; *г* — крест Ефросиньи Полоцкой; *д* — орнаментация бляшек облачения митрополита Алексея; *е* — другие изделия

Одноступенчатые городки по форме и размерам четко делятся на четыре группы (рис. 3, *1*), и это может свидетельствовать о том, что городки этого типа выгибались перед пайкой на четырех шаблонах. При изготовлениях двухступенчатых городков, похоже, шаблоны также применялись, но дополнительные деформации, происходившие с тончайшими полосками при снимании с шаблонов более сложной формы, смазывают общую картину. Все крестообразные фигуры также несимметричны, напаяны не в середины лотков.

Общий итог наблюдений над техникой работы с металлом может быть однозначен: изделие произведено или ювелиром невысокой квалификации, или даже подмастерьем.

Иная картина открывается при анализе эмальерной стороны процесса изготовления крестика. Хотя, в силу незамкнутости перегородок, на пограничных цветовых участках прослеживается перетекание расплавленной массы в соседние ячейки, а в составе желтого поля встречаются частицы красного эмалевого порошка, в целом перед нами работа мастера, может быть, и не столичного уровня, но весьма высокого класса. Об этом свидетельствуют высокое качество спекания эмалей, имеющих разные температуры плавления, хорошее сцепление массы с металлом, нигде более не встреченное своеобразие цветовой гаммы декора и качество полировки, а в конечном итоге и сохранность крестика.

Изделие было осмотрено Ю. Л. Щаповой, установившей, что масса изготовлена из смальтового стекла, причем пурпурная и красная эмали имеют византийское происхождение.

Для сравнения отдельных художественных элементов крестика привлечен материал древнерусских перегородчатых эмалей, собранный в обширном своде Т. И. Макаровой [2], а для удобства сохранена и нумерация изделий, принятая исследовательницей (рис. 3).

Наиболее часто встречающийся на нашей находке простейший элемент орнаментации — одноступенчатые городки (рис. 3, *I*) — не имеет аналогий. Более сложные двухступенчатые городки известны в изделиях киевской мастерской А (рис. 3, II, № 53, 54), однако еще не получили широкого распространения. Больше подобных фигур в продукции киевской мастерской Б (№ 10, 57—59), других киевских мастерских этого времени (№ 130, 141). Встречается этот элемент орнаментации на кресте Ефросиньи Полоцкой (№ 124); на бляшках из Крилоса (№ 64), Райков (№ 135), энколпионах из Ватикана (№ 144) и экспонате из собрания Павла Корина (№ 147). Особенно много двухступенчатых городков на нашивных бляшках саккоса митрополита Алексея (№ 128 и 129).

Прямой одноступенчатый крест в круге (рис. 3, III) встречен на колте из киевского клада, найденного на Трехсвятительской ул. (№ 28, мастерская А), на Каменнобродской гривне (№ 99, киевская мастерская Б), на медной бляшке из Елабуги (№ 140) и на саккосе митрополита Алексея (№ 127).

Аналогичный нашему ступенчатый крестообразный ромб (рис. 3, IV) встречен на энколпионе из Ватикана (№ 144). Близки также фигуры, изображенные на бляшках наручей митрополита Алексея (№ 128) и на энколпиоанах из Русского музея (№ 146) и музея Павла Корина (№ 147).

Изображения косых ступенчатых крестов в круге на нашем изделии выполнены одноступенчатыми городками, тогда как обычно они бывают двухступенчатыми (рис. 3, V). Ближе всего к нашей композиции стоят изображения на киевских квадрифолийных (№ 58) и нашивных бляшках (№ 130), а также на нашивных бляшках на саккосе митрополита Алексея (№ 129).

Фигуры, наиболее близкие прямоугольным промежуткам (рис. 3, VI), известны на квадрифолийных бляшках (№ 58).

Итак, из приведенного сравнения следует, что элементы орнаментации, присущие нашему изделию, чаще всего встречаются на медных изделиях с эмалью: небольших бляшках (вероятно, как на равновеликих по масштабу изображениях), на медных энколпионах со святыми, где оборотная сторона целиком орнаментирована городками, и на бляшках церковного облачения.

Переходя к вопросам датировки, следует отметить, что трехлопастноконечные крестики с выемчатой эмалью большей частью встречаются с вещами XI—XII вв., хотя в городах встречались и в XIII в. [3, с. 113—117]. Учитывая, что летописный Снепород прекратил существование около середины XIII в. и никаких более поздних остатков в культурном слое нет, широкая датировка крестика укладывается в домонгольское время.

Для сужения даты изделия, видимо, следует вернуться к анализу орнаментации и цветовой гаммы. Единичные случаи украшения перегородчатых эмалей двухступенчатыми городками известны среди продукции киевской мастерской А, но желтая эмаль начала употребляться не ранее второго этапа функционирования этой школы [2, с. 97]. Поэтому нижний предел датирующих аналогий сле-

дует скорее искать среди изделий, синхронных деятельности киевской мастерской Б, на которых двухступенчатые городки встречаются значительно чаще. По Т. И. Макаровой, деятельность этой мастерской относится к первой половине XII в. К ее продукции принадлежат квадрифолийные бляшки из Сахновки (№ 58) и Киева (№ 59) с двухступенчатыми городками, колты из Мирополя (№ 10) и Киева (№ 29).

Верхний хронологический предел датировки нашего крестика ограничивается первым десятилетием XIII в., поскольку пурпурная эмаль перестала производиться в связи с захватом Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Дальнейшее сужение хронологического диапазона ведет к омоложению нижнего предела: сочетание двухступенчатых городков с косым крестообразным ромбом ближе всего к изображениям на кресте Ефросиньи Полоцкой, вложенном в церковь Спаса в 1161 г., и энколпионе из Ватикана (№ 144), представляющем эпоху расцвета русского эмальерного искусства.

Остается рассмотреть две последние и наиболее близкие нашему изделию группы аналогий: одна представлена двумя медными энколпионами (из Русского музея и собрания П. Корина), являющимися более поздними вариантами ватиканского изделия [2, с. 92]; другая группа — это серия бляшек-дробниц наручей и саккоса митрополита Алексея. Первая группа более близка изделию из Снепорода по материалу медной основы, встречаемости аналогичных элеметов орнаментации и сочетанию христианской и языческой символики, характерной для последних домонгольских этапов русского эмальерного искусства [4, с. 599]; оба энколпиона, вероятно, были изготовлены во второй половине XII в. Орнаментация дробниц наручей и саккоса облачения митрополита Алексея и нашего изделия поражает подобием и одномасштабностью элементов украшения: здесь наиболее часто встречаются двухступенчатые городки, косые кресты в круге и косые ступенчатые ромбы (рис. 3). Нашивные бляшки наручей и саккоса датируются первой третью XIII в. [5, с. 83; 2; с. 101]. Крестик из Снепорода хронологически занимает промежуточное место между указанными энколпионами и дробницами и может датироваться концом XII—началом XIII в.

В заключение несколько слов о возможном месте производства крестика из Снепорода.

Цветовая гамма (желтый, красный и пурпурный) не характерна ни для одной из известных эмальерных школ [6, с. 104—110], уникально использование в орнаментации одноступенчатых городков. Употребление двухступенчатых городков уводит поиски на юг, где около половины случаев применения этих элементов принадлежит провинциальным школам (№ 57, 64, 141 и др.). Только мастера провинциальных южных школ использовали прямой крест в круге из двухступенчатых городков (№ 58 и 130). Все вышесказанное, а также география находки — юго-восточная окраина Переяславской земли — наводит на предположение об изготовлении крестика в одной из неизвестных пока переяславских мастерских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины. Каталог выставки / Составители: Гороховский Е. Л., Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Моргунов Ю. Ю., Супруненко А. Б. Полтава, 1985.
2. *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М.: Наука, 1975.
3. *Мальм В. А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
4. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987
5. *Рыбаков Б. А.* Русское прикладное искусство X—XIII вв. М.: Наука, 1971.
6. *Макарова Т. И., Плетнева С. А.* О центрах эмальерного дела древней Руси // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.

Yu. Yu. MORGUNOV

A RARE FIND WITH CLOISONNÉ ENAMEL DECORATION

Summary

A copper cross with cloisonné enamel ornamentation was found in a burial during the excavations of the fortified mediaeval Russian town mentioned in a chronicle as Sneporod. The site is dated to the end of the 11th — the middle of the 13th centuries. Each end of the cross has a form of trifolium, the deepenings have a stepped shape, these contours filled with enamel are forming stepped images, encircled crosses, right and oblique crosses. A number of analogies pointed for the ornamental elements of the find suggest the end of the 12th — the beginning of the 13th centuries as a date for it. The cross is supposed to originate from some provintional atelier in the South Russia.

Заметки

А. Д. ПРЯХИН, Ю. П. МАТВЕЕВ

КУРГАН У С. БОГОЯВЛЕНСКОЕ

В 1984 г. новостроечной экспедицией Воронежского университета был исследован курган в правобережье Дона, в междуречье Ведуги и Терещевки на территории Семилукского р-на Воронежской обл.

Курган диаметром около 30 м, с сильно распаханной уплощенной насыпью возвышался над уровнем современной поверхности не более чем на 0,6 м (рис. 1, *1*). Его поверхность распахана на глубину до 0,3 м. Ниже фиксировалась ненарушенная насыпь, сложенная из чернозема. Под насыпью залегал слой погребенной почвы мощностью 0,3 — 0,4 м.

При снятии насыпи в 6 м к югу от центра на глубине 0,9 м найдена челюсть лошади. У самого края юго-западной полы кургана на глубине 1 м найдены обгоревшие кости животного.

В кургане обнаружено три захоронения. Два из них (погребения 1 и 3) относятся к эпохе бронзы, а погребение 2 — к сарматскому времени.

Сарматское захоронение (2) находилось под западной полой кургана в насыпи на глубине 1 м. Форма могильной ямы не устанавливалась. Скелет покойного сохранился лишь частично — череп и верхние ребра. Судя по их положению, он был захоронен скорее всего на спине, головой на юго-запад (рис. 1, *2*). Слева от черепа стояла небольшая гончарная миска (рис. 1, *3*). Несколько в стороне, также слева от туловища, обнаружены фрагменты гончарного кувшина с округлым днищем (рис. 1, *4*). Судя по характеру материала, захоронение может быть отнесено к первым векам нашей эры.

Два других погребения относятся к доно-волжской абашевской культуре. Погребение 1 (рис. 1, *5*) находилось в 5 м к северо-западу от центра кургана, примерно на уровне материка. Яма скорее всего подпрямоугольной формы, размером 1,7×2,4 м, ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. В 0,4 м выше дна ямы фиксировались бревна перекрытия, лежавшие по длинной оси могилы и вдоль северо-западной стены. Поверх них поперек ямы были сплошь уложены более толстые бревна. Вероятно, на перекрытии находился сосуд с примесью ракушки в тесте, от которого сохранились лишь обломки стенок.

На дне могильной ямы лежал скелет взрослого человека, захороненного на спине, головой к северо-востоку. Ноги покойного, судя по положению костей, первоначально были подогнуты коленями кверху. Правая, согнутая в локте рука лежала кистью на тазе. От левой руки сохранилась лишь плечевая кость, лежавшая вдоль туловища.

Ниже таза, между ног погребенного, находилась плоская круглая костяная пряжка с широким центральным и маленьким боковым отверстиями (рис. 1, *6*). Заметим, что такого рода пряжки на территории лесостепного Подонья встречены и в других захоронениях с комплексами доно-волжской абашевской культуры (раскопанный еще в дореволюционные годы курган у с. Кондрашовка [1, с. 73, рис. 47], исследованный в 1985 г. под руководством Б. Г. Тихонова курган 2

© А. Д. Пряхин, Ю. П. Матвеев, 1991 г.

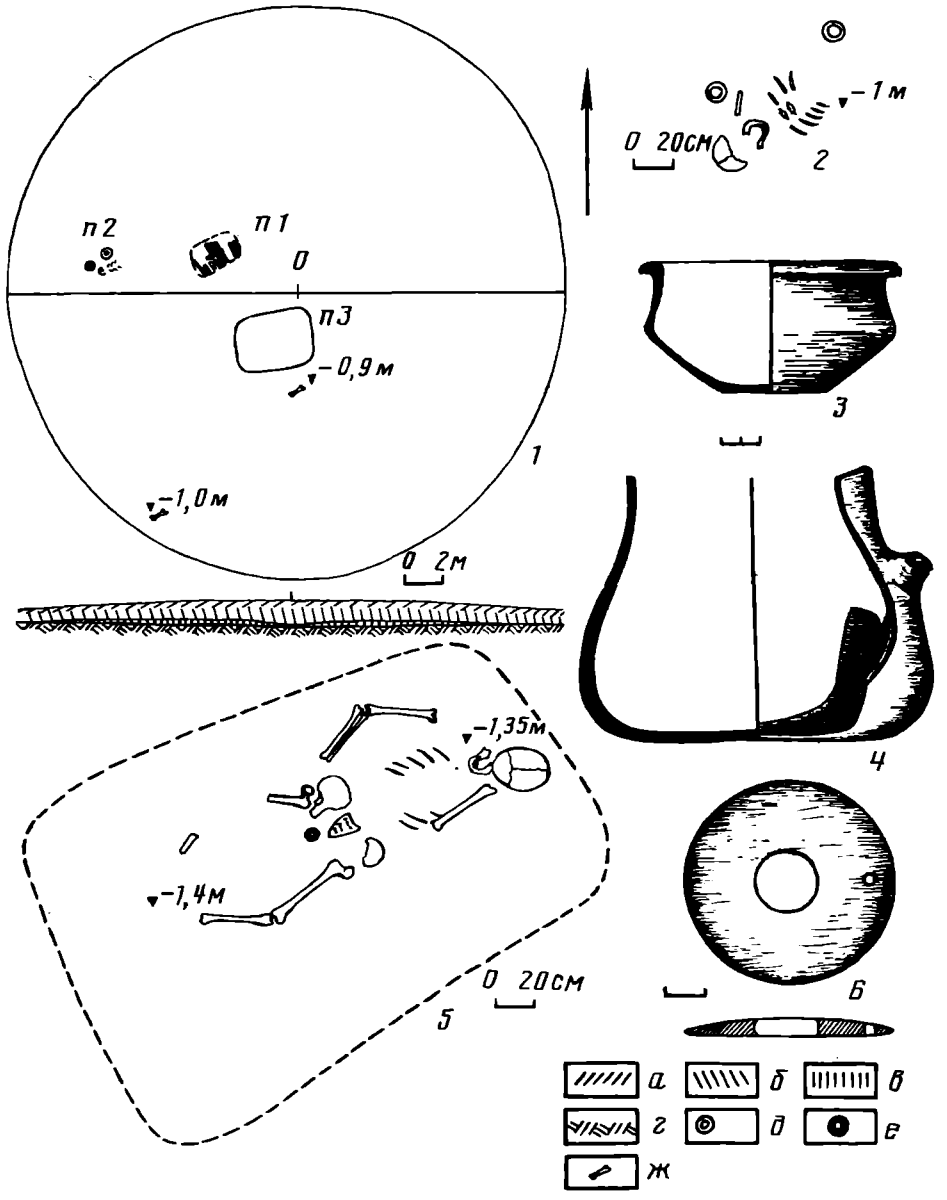


Рис. 1. Курган у с. Богоявленское. *1* — план и профиль кургана; *2* — погребение 2; *3, 4* — сосуды из погребения 2; *5* — погребение 1; *6* — костяная пряжка из погребения 1. *а* — пахотный слой; *б* — насыпь; *в* — погребенная почва; *г* — материк; *д* — сосуд; *е* — пряжка; *ж* — кости животных

в урочище Орлиное Болото и др.). Для данной территории известны находки и других разновидностей костяных пряжек, которые связываются также с комплексами доно-волжской абашевской культуры [2, с. 162, рис. 3, *1—3*] или со смешанными комплексами, где опять-таки есть абашевские черты [3, с. 73, рис. 2, *1*].

Небезынтересно отметить, что на смежных территориях находки костяных пряжек отмечены в комплексах культуры многоваликовой керамики более западных районов [4, с. 33, 34; 5, рис. 4] или в раннесрубных Поволжья [6, с. 122] Последние также часто несут абашевские черты.

Другое захоронение доно-волжской абашевской культуры (3) несколько смещено к югу от современного центра насыпи. Вблизи от могильной ямы на уровне погребенной почвы отмечен древесный тлен от перекрытия. Пол ямы находился на отметке 1,95 м от вершины кургана. Яма имела не совсем правильную прямоугольную форму — 2,6×4 м; ориентирована длинной осью на северо-восток — юго-запад (рис. 2, *1*). Само захоронение оказалось сильно

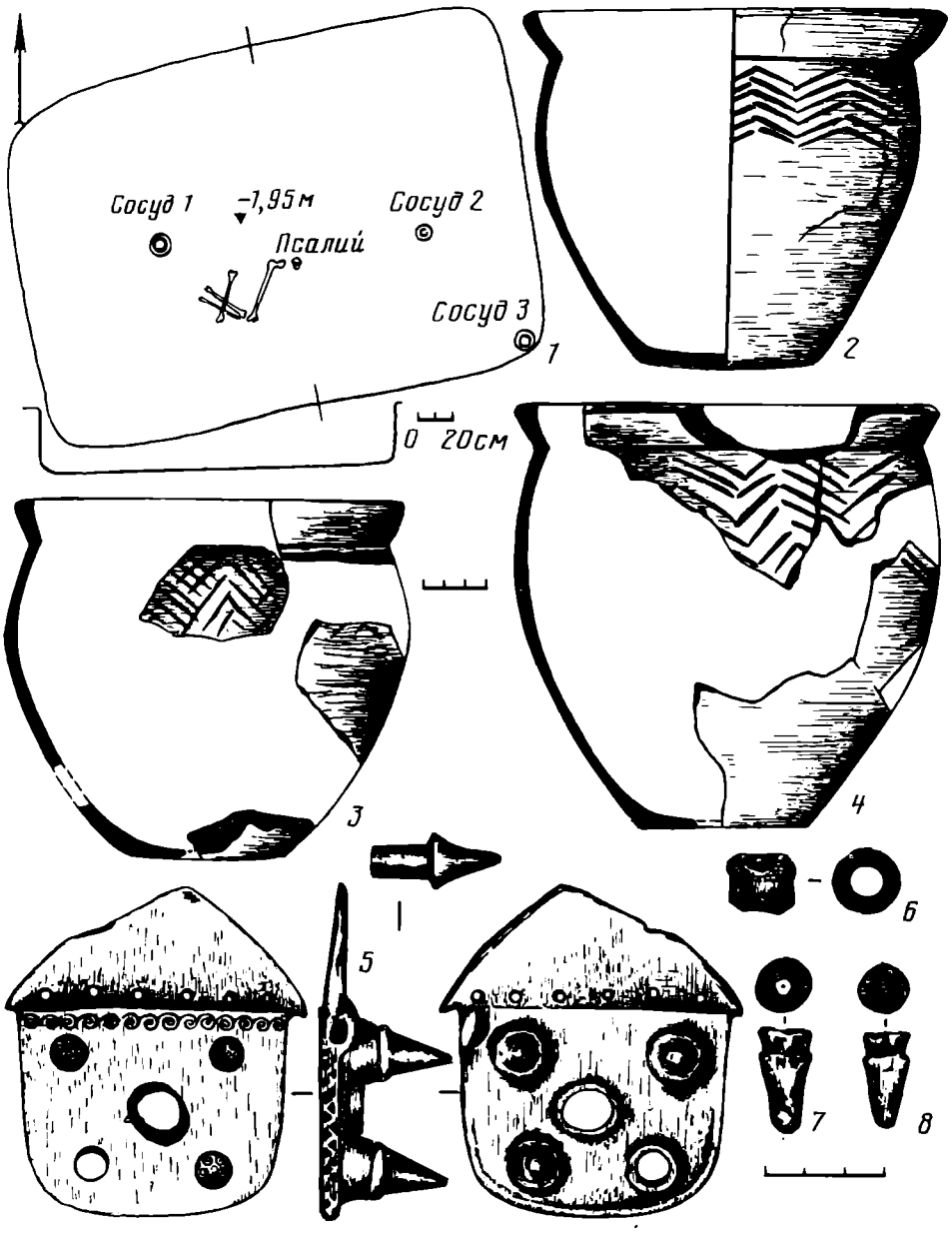


Рис. 2. Погребение 3 в кургане у с. Богоявленское. *1* — план и разрез погребения 3; *3—8* — вещи из погребения

поврежденным норами животных. Лишь на отдельных участках на дне могилы фиксировался тлен от подстилки. Почти все кости скелета оказались в переотложенном состоянии. Только лежавшие по центру ямы правая бедренная кость и кости голени обеих ног сохранили первоначальное положение. Судя по ним, покойный захоронен в слабоскорченном положении на левом боку, головой в направлении, близком к северо-восточному.

На дне могилы находились развалы двух колоколовидных горшков. Первый из них, стоявший в ногах покойного, украшен в основании горла круговой прочерченной линией, а по покатым плечикам — шестирядным зигзагом из тех же линий (рис. 2, *2*). Части другого, более приземистого колоколовидного горшка находились ближе к северо-восточной стене могильной ямы. Очевидно, он стоял перед лицом умершего. По стилю орнаментации он близок к первому (рис. 2, *4*). Обломки еще одного колоколовидного горшка обнаружены на разных глубинах в заполнении юго-восточной части могильной ямы. От двух первых он отличается наличием паркетной орнаментации, ограниченной сверху одной горизонтальной прочерченной линией (рис. 2, *3*).

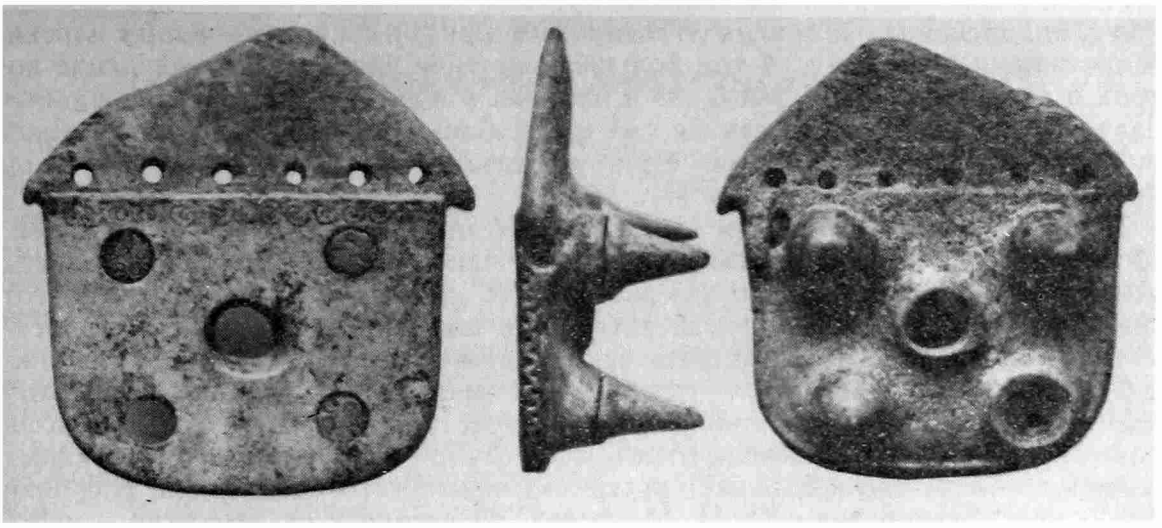


Рис. 3. Правый псалий из погребения 3 в кургане у с. Богоявленское

В заполнении центральной части могильной ямы на различных глубинах найдены детали дисковидных костяных псалиев. Один из них, правый, сохранился достаточно хорошо (рис. 2, *5*; 3). Он имеет почти прямоугольный в плане щиток, в центре которого большое, довольно сильно сработанное отверстие. В углах щитка проделаны четыре отверстия для вставных шипов с приостренным окончанием. Все отверстия с внутренней стороны окружены выпуклыми втулками. К щитку примыкает монолитная треугольная планка с шестью небольшими сквозными отверстиями. Еще одно отверстие, продольное, вырезано в выступе на внутренней поверхности щитка. Внешняя и боковая поверхности псалия орнаментированы врезными линиями. Под планками по краю щитка нанесены в ряд завитки спирали, напоминающие «микенскую волну». Такими же завитками украшены и плоские торцовые части шипов. Боковые же грани псалия орнаментированы зигзагом, образованным двумя линиями врезных треугольников.

От другого, скорее всего деревянного псалия сохранились костяная втулка для центрального отверстия и два шипа (рис. 2, *6—8*). Втулка изготовлена из диафиза трубчатой кости. Нижняя ее часть, предназначенная для закрепления в щитковой пластине, имеет форму усеченного конуса. Аналогичным образом оформлены и вставные шипы. От шипов первого псалия они отличаются закругленностью рабочего конца. Орнамент на торцовой части шипов говорит о том, что и этот псалий был украшен, однако в ином стиле, чем первый. Это скорее всего указывает на первоначальную принадлежность второго псалия другой паре.

Обращает на себя внимание близость богоявленских находок псалиям из основного погребения доно-волжской абашевской культуры в кургане 2 Староюрьевского могильника: вставные шипы, пышная орнаментация, включая совпадение отдельных элементов, наличие продольного отверстия для ремня в выступе по краю внутренней части и др. [7, с. 236, рис. 3].

Описанные захоронения доно-волжской абашевской культуры из богоявленского кургана скорее всего одновременны. В пользу такого вывода свидетельствует тот факт, что остатки деревянного перекрытия над могильными ямами обоих погребений находились на уровне погребенной почвы, т. е. они были совершены еще до возведения насыпи. Не случайно и то, что оба захоронения объединяются многими общими чертами: близость ориентировки могильных ям и костяков, наличие деревянного перекрытия и т. д. Иными словами, речь идет о паре взаимосвязанных между собой могил, над которыми возведена единая курганная насыпь. Именно эта черта погребального обряда у населения абашевской культурно-исторической общности фиксировалась и ранее [8, с. 11].

Сделанный вывод имеет принципиальное значение для констатации того

факта, что дисковидные псалии со вставными шипами сосуществовали с плоскими костяными пряжками. И тем большее значение приобретает выяснение вопроса о месте псалиев со вставными шипами в общем развитии дисковидных псалиев. Одним из авторов статьи уже при публикации результатов исследования Староюрьевских курганов было высказано суждение об архаическом характере псалиев такого рода [7, с. 239].

Попытка опровергнуть это заключение была сделана Е. Е. Кузьминой, которая отнесла староюрьевские находки к наиболее поздней разновидности дисковидных псалиев [9, с. 10, 11, рис. 1]. Что это не так, говорит хотя бы тот факт, что дисковидные псалии со вставными шипами не известны в абашевско-срубных комплексах, хронологически соответствующих финалу доно-волжской абашевской культуры и отражающих процесс формирования на этой территории донской лесостепной срубной культуры. И напротив, именно в абашевско-срубных комплексах отмечаются случаи обнаружения дисковидных псалиев с монолитными шипами (курган 4 Софьинского могильника, раскопки 1985 г. под руководством Ю. П. Матвеева, поселение у ст. Отрожка в черте г. Воронежа; раскопки 1970 г. под руководством Б. Г Тихонова и др.). Иными словами, налицо процесс смены дисковидных псалиев со вставными шипами псалиями с монолитными шипами. Более того, с территории лесостепного Подонья известен случай, когда на одном из двух дисковидных псалиев из первого Кондрашовского кургана наряду с тремя вставными был и один монолитный шип [10, с. 8]. Думается, что данные, которыми мы сейчас располагаем по доно-волжской абашевской культуре, позволяют говорить, что в рамках ее развития происходит постепенное огрубление дисковидных псалиев, включая замену вставных шипов на монолитные. Сами псалии становятся меньшими по размерам, исчезает их орнаментация. Меняются и некоторые их конструктивные детали.

В целом же полученные в результате исследования Богоявленского кургана материалы, характеризующие развитый этап доно-волжской абашевской культуры, хронологически укладываются в раннюю фазу сейминского хронологического горизонта по Е. Н. Черныху [11, с. 40].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Tallgren A. M.* La Pontide préscythique aprés l'introduction des métaux // Helsinky. 1926. ESA. II.
2. *Синюк А. Т., Килейников В. В.* Курган у с. Введенки на Дону // СА. 1976. № 1.
3. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979.
4. *Отрощенко В. В.* О культурной принадлежности погребений с костяными пряжками // Археологические исследования на Украине в 1976—1977 гг. Ужгород, 1978.
5. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке (по данным погребального обряда). Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1981.
6. *Петров Ю. Э.* Костяные пряжки раннесрубного времени на территории Среднего Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1983.
7. *Пряхин А. Д.* Курганы поздней бронзы у с. Староюрьево // СА. 1972. № 3.
8. *Пряхин А. Д.* Абашевская культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980.
9. *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей // КСИА. 1980. № 161.
10. *Подгаецкий Г В.* Предскифский период на Среднем Дону. Рукопись кандидатской диссертации // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 47.
11. *Черных Е. Н.* Волго-Уралье в системе металлургических провинций III—II тысячелетий до н. э. // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1976.

П. Н. ТРАВКИН

ЗООМОРФНАЯ ПОДЕЛКА С МИКШИНСКОГО СЕЛИЩА

В 1987 г. Ивановским отрядом Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР проводились охранные раскопки финского селища у д. Микшино Ивановского р-на Ивановской обл., в верховьях р. Уводь (левый приток Клязьмы). Из всего разнообразного материала, большую часть которого составили изделия из кости и рога, особого внимания заслуживает зооморфная поделка с изображением головы лосихи (рисунок). Она обнаружена на глубине 26 см в непотревоженном слое, в комплексе с хорошо датирующими ее IX в. н. э. находками, среди которых костяной гребень с изображением смотрящих в противоположные стороны конских голов (IX—X вв.) [1, с. 58—60], а также распространенные не позднее IX в. на данной территории трапециевидная привеска типа IV, 2 (по классификации И. Г Розенфельдт) [2, с. 30], синяя стеклянная бусина в форме куба со срезанными углами [2, с. 63; 3, с. 113], медная трубчатая привеска [3, с. 113; 4, с. 13]. Следы более ранних культур в раскопе отсутствовали.

Предмет изготовлен из отростка лосиного рога и, судя по внешнему виду, в длительном употреблении не был. На его поверхности заметны следы обработки ножом и напильником, а также, возможно, шлифовальным камнем.

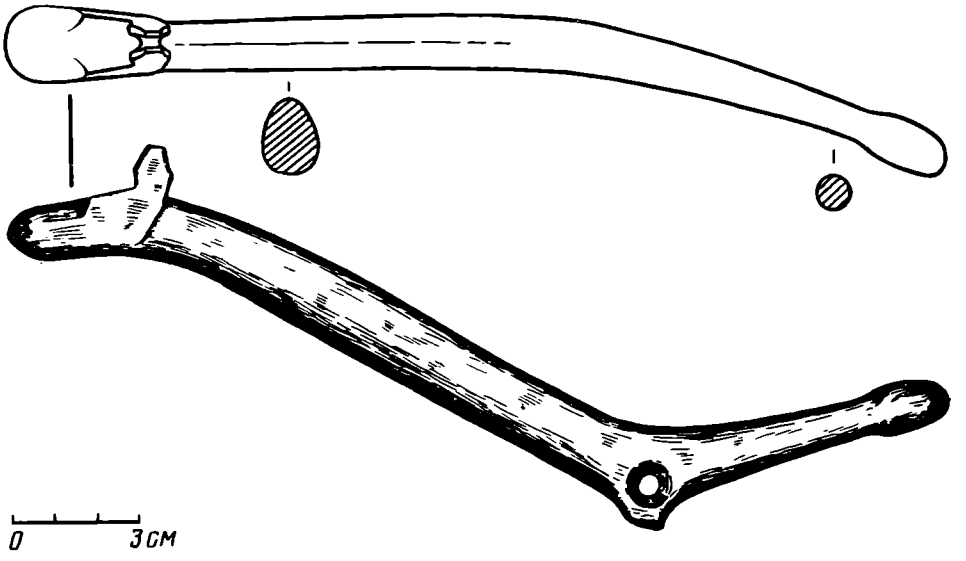
Общая длина поделки — 227 мм, она плавно изогнута и состоит как бы из двух частей, разделенных небольшим выступом и отверстием. Передняя часть представляет собой голову лосихи на длинной шее с подчеркнуто выраженной холкой. Голова слегка отклонена влево, что подчинено изначальной форме рогового отростка. Она выполнена несколько схематично и в художественном отношении явно уступает более ранним изображениям с сопредельных и значительно удаленных территорий (Володары, Олений остров, Пижма и др. [5, с. 304, рис. 27; 6, с. 66, 67, рис. 3, *3*]). Морда лосихи овальная, расширяющаяся, без характерной горбинки, очертания верхней части головы и поднятых вверх ушей резки, угловаты. Нельзя не отметить, что изображение обнаруживает наибольшее сходство с территориально самой близкой находкой скульптурного изображения лосиной головы со стоянки Сахтыш II [7, с. 19, цветная вклейка] Обе фигурки создают впечатление незаконченности, однако здесь мы, вероятно, имеем дело с определенной местной художественной традицией, дошедшей от волосовцев до летописных финнов (промежуточные хронологические аналогии на данной территории пока отсутствуют).

Тыльная часть предмета представляет собой сужающийся, овальный в сечении стержень длиной 70 мм, с утолщением на конце. Известные до сих пор подобные зооморфные поделки имели тыльную часть либо в виде черешка для закрепления в шаманском головном уборе (Олений остров, Шигиринский торфяник), либо в виде булавки (Володары). В данном же случае просматривается скульптурное изображение penis'a.

Нет оснований сомневаться в ритуальном назначении предмета. Достаточно обратиться к исследованиям Б. А. Рыбакова, который дал характеристику таким изделиям, увязав их с культом небесной лосихи [8, с. 57—63; 9, с. 54—85] Как отметил исследователь, этот культ наиболее устойчив у тех народов, в хозяйстве которых важное место отводится охоте, и в частности на пушного зверя [9, с. 56]. В связи с этим находка из Микшина интересна прежде всего потому, что она является наиболее поздней из всех аналогичных в Волго-Окском междуречье, где на протяжении тысячелетий, по крайней мере до XVI в., был традиционно развит специализированный пушной промысел [7, с. 19; 10, с. 99]

Материалы Микшинского селища подтверждают особенности хозяйства местного финского населения в раннем средневековье. Среди находок большое количество челюстей куницы, белки, лисы, зайца и особенно много челюстей и черепов бобра. Кроме того, здесь были найдены наряду с железными облегчен-

© П. Н. Травкин, 1991 г.



Зооморфная поделка с Микшинского селища

ные костяные наконечники стрел, по всей видимости, предназначенные для добычи пушного зверя.

Сохранение культа небесной лосихи у местного населения, таким образом, было связано в первую очередь со специализированным пушным промыслом. Можно предположить, что этот культ в восточной части Волго-Окского междуречья в указанный период был широко развит, однако подтвердить это находками мешают, как правило, плохая сохранность костного материала и недостаточная изученность финских поселений на данной территории.

Следует добавить, что форма находки напоминает очертания созвездия Большой Медведицы, известного у охотничьих народов под названием Лось и Лосиха. Предмет, по всей видимости, наряду с другими аксессуарами подвешивался (пришивался) к одежде служителя культа и предназначался для камлания. В подвешенном состоянии лосиха была обращена мордой вниз. Подобным же образом, смотрящей вниз, с небес на землю, была изображена небесная олениха на керамическом диске, найденном Д. А. Крайновым на стоянке Сахтыш VIII [8, с. 58, рис. 1]. И хотя находки значительно разделены во времени (сахтышская датируется IV тыс. до н. э.), можно с уверенностью сказать об общности мифологического сюжета, хорошо знакомого охотничьим племенам в разные периоды древней истории Волго-Окского междуречья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ 1979. Вып. Е 1-59.
2. *Розенфельдт И. Г* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.
3. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3.
4. *Алихова А. Е.* Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тыс. н. э. // СА. 1958. № 2.
5. *Гурина Н. Н.* Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.
6. *Корепанов К. И.* О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля Среднего Поволжья и Прикамья VII—VIII вв. до н. э. // Скифо-сибирский мир. Новосибирск: Наука, 1987.
7. Эпоха бронзы лесной полосы // Археология СССР. М.: Наука, 1987.
8. *Рыбаков Б. А.* Новые данные о культе небесного оленя // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
9. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
10. Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1977.

Э. В. ШАВКУНОВ

БОХАЙСКАЯ КРОВЕЛЬНАЯ ЧЕРЕПИЦА С ЗООМОРФНЫМ МОТИВОМ

Во время раскопок в 1988 г. поселения раннего железного века Корсаковка II начальник археологического отряда И. С. Жущиховская нашла на вспаханной поверхности расположенного рядом бохайского поселения IX—X вв. Корсаковка I большой фрагмент бохайской кровельной черепицы с неизвестным до этого декоративным оформлением концевого диска (рисунок), который был передан ею в фонды сектора археологии средневековых государств Института истории, археологии и энтографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР [1]

Бохайское поселение Корсаковка I было обнаружено в 1981 г., и тогда же там были проведены В. И. Болдиным раскопки. Располагается оно на левом, возвышенном берегу р. Кроуновка, примерно в 2 км к югу от с. Корсаковки Уссурийского р-на Приморского края [1, л. 7]. Находка на этом поселении кровельной черепицы может служить, как показывает практика, свидетельством того, что здесь где-то должны быть остатки буддийской пагоды.

Обнаруженный фрагмент черепицы относится к категории верхней фронтальной, у которой нижний конец имеет налепной, круглой формы диск, как правило, декорированный с внешней стороны. Обычно длина такой черепицы колеблется от 39 до 41 см [2, с. 79, 89]. Наибольшая длина фрагмента корсаковской черепицы составляет 18 см, ее толщина — 1,4 см, а диаметр диска вместе с круговым обрамлением достигает 13,9 см. От диска внизу отбита примерно третья его часть. Тем не менее имевшийся на диске декор поддается полной реконструкции.

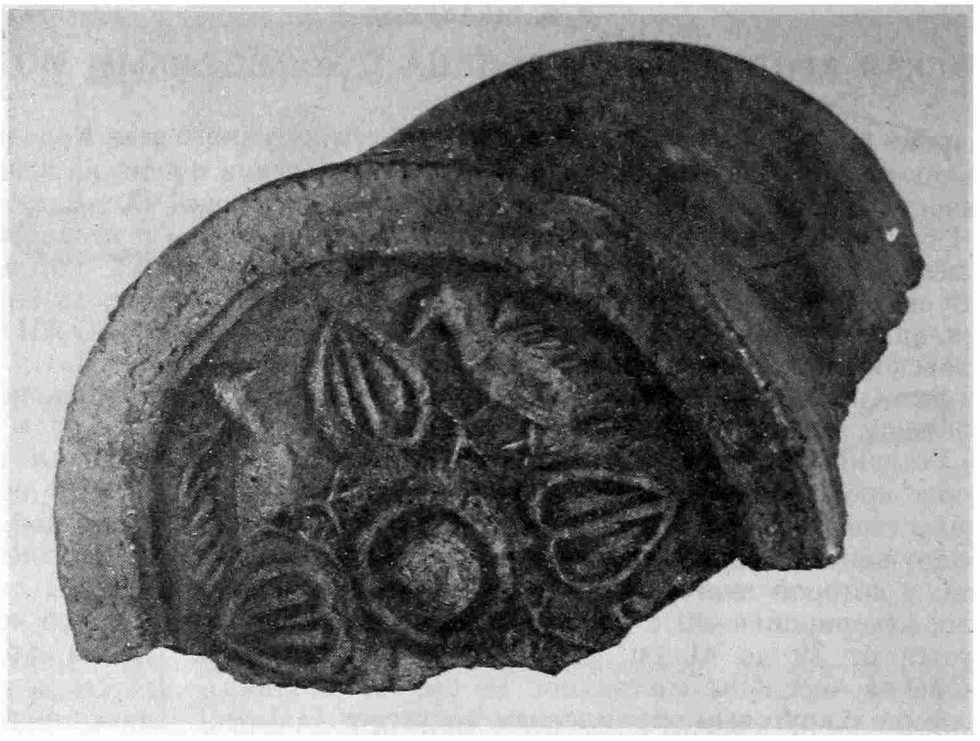
По характеру декоративного оформления диск черепицы как бы имитирует тыльную сторону бронзового зеркала: в центре у него находится окантованный рельефным кругом полусферный выступ-держатель; обрамление диска соответствует ленточному ободку зеркал, тогда как остальная часть поверхности диска декорирована, как это имеет место и на тыльной стороне зеркал. Вполне допустимо поэтому, что прообразом декора концевых дисков верхней фронтальной черепицы послужило какое-то еще неизвестное науке бохайское зеркало. На такую мысль наводит также существовавший в XI иXII вв. у киданей и чжурчжэней обычай помещать на стенах второго яруса буддийских пагод накладные имитации бронзовых зеркал [3, с. 186], которые благодаря их свойству отражать губительный для всякой нечисти солнечный свет нередко использовались в качестве своеобразных оберегов. Схожий обычай, призванный отвращать от дома бедствия, до недавнего времени бытовал и у жителей Маньчжурии: для этой цели они крепили бронзовые зеркала на специально сооружаемых на крыше домов кумиренках [4, рис. 20, с. 58]. При этом считалось, что сакральные свойства зеркал можно было значительно усилить за счет помещенных на их тыльной стороне благопожелательных рисунков-символов.

Что касается декора на концевом диске корсаковской черепицы, то он представляет собой розетку, составленную из четырех крестообразно расположенных вокруг центрального полусферного выступа не то растительных почек, не то коробочек с семенами. Из таких же «почек», но уже в количестве 5 экз. и с отходящими от них снизу черешками составлена розетка на концевом диске черепицы из датируемого бохайским временем Краскинского городища [2, табл. IX], а из шести и семи «почек» без черешка образованы розетки на черепичных дисках из Дунцзинчэна — Верхней столицы Бохая [2, табл. XII—XV]. Необычным в декоративном оформлении бохайских черепиц является наличие на корса-

---

[1] Автор выражает благодарность И. С. Жущиховской за предоставленную возможность публикации этой интересной находки.

© Э. В. Шавкунов, 1991 г.



Фрагмент кровельной черепицы с поселения Корсаковка I

ковском диске рельефных изображений фениксов, помещенных в промежутках между «почками». Всего фениксов было четыре, из них два на верхней половине диска сохранились полностью, а от двух других, на нижней половине, остались только концы лапок. Оба феникса на верхней половине диска изображены в профиль, головами навстречу друг другу и в сторону расположенной между ними «почки». Один из них, находящийся по отношению к зрителю с правой стороны, почти касается клювом «почки», тогда как левый чуть откинул голову назад, приготовившись к клеву. На голове у фениксов видны небольшие, слабо прорифленные гребешки, клюв довольно мощный, шея сравнительно длинная, хвост прямой и немного задран кверху, лапы длинные, с тремя и четырьмя пальцами. Лапы широко расставлены, а крылья приподняты над спиной, что создает иллюзию танцующих фениксов.

Согласно древним китайским преданиям, зафиксированным во второй половине I тыс. до н. э. в «Каталоге гор и морей», в зал. Бохай, по имени которого, кстати, получило свое название созданное древними тунгусоязычными племенами мукри (мохэ) государство Бохай [2, с. 47, 48], некогда впадала Киноварная река, считавшаяся рекой бессмертия, и в ее долине водилась птица феникс. «Она ест и пьет, как обычная птица. Сама поет, и сама танцует. Когда ее увидят, в Поднебесной наступят спокойствие и мир» [5, с. 32, с. 149, прим. 103; с. 140, прим. 57]. Своим происхождением феникс якобы связан с солнцем и огнем, а поэтому он олицетворял собой юг, тепло, лето, хороший урожай [6, с. 44] и являлся символом жизни, благоденствия и спокойствия [5, с. 140, прим. 59]. Кроме того, считалось, что феникс появлялся только в период добродетельного правления, а поскольку самка и самец были весьма нежно привязаны друг к другу, то со временем феникс становится также символом супружеской любви и верности [7, с. 408], а в связи с этим — эмблемой императрицы и невесты.

Пищей фениксам служат семена бамбука [6, с. 44] Отсюда можно заключить, что изображенные на бохайских дисках «почки» являлись скорее всего молодыми, только что проклюнувшимися из-под земли побегами бамбука, который является символом благородства, «стойкого человека, крепкого снаружи и емкого внутри» [8, с. 22; 9, с. 126]

Таким образом, являясь имитацией бронзовых зеркал, концевые диски бохайской кровельной черепицы призваны были служить своеобразными оберегами святости и чистоты буддийской веры, самой пагоды, а заодно и всех входящих в нее. Такое «свойство» концевых дисков стремились усилить с помощью наносимого на них декора, анализ которого на диске корсаковской черепицы показывает, что он на языке символов выражает благопожелание мира, благоденствия, любви, стойкости в вере и благородства приходящей пастве.

В заключение остается отметить, что это пока первый, но, надо полагать, не последний зооморфный мотив на бохайской кровельной черепице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Болдин В. И.* Отчет об археологических исследованиях на Корсаковском поселении в Уссурийском районе Приморского края в 1981 году // Архив Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР. Ф. 1. Оп. 2. № 171.
2. *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968.
3. *Воробьев М. В.* Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г). М.: Наука, 1983.
4. *Стариков В. С.* Материальная культура китайцев северо-восточных провинций КНР. М.: Наука, 1967
5. Каталог гор и морей (Шань хай цзин). М.: Наука, 1977
6. *Сидихменов В. Я.* Китай: Страницы прошлого. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Наука, 1987
7. *Васильев Л. С.* Культы, религии, традиции в Китае. М.: Наука, 1970.
8. *Алексеев В. М.* Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях. М.: Наука, 1966.
9. *Сычев Л. П., Сычев В. Л.* Китайский костюм. Символика, история, трактовка в литературе и искусстве. М.: Наука, 1975.

Критика и библиография

B. Pferdenhirt. Die römische Okkupation Germaniens und Rätiens von der Zeit des Tiberius bis zum Tode Trajans. Untersuchungen zur Chronologie südgallisher Reliefsigillata // **Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums**. 33. Jahrgang. 1986. 221—320. S. 40 Taf., 11 Beilage

Работа Б. Пферденхирт посвящена изучению динамики процесса завоевания римскими войсками Германии и Реции в течение I в. н. э. Однако в качестве основного источника исследования она привлекает довольно неожиданный для этой тематики материал — штампованную керамику (Terra Sigillata — в дальнейшем TS) из южногалльских мастерских.

Изучение TS — одно из старейших направлений в античной археологии Западной Европы. Штампованная керамика часто встречается в культурных слоях римского времени. Обычно внимание ученых привлекает великолепный декор, украшающий внешнюю поверхность сосудов (растительные узоры и сюжетные композиции), а также клейма мастеров. Это обусловило основные приемы изучения TS вплоть до наших дней. Исследователи составляли обширные и подробные каталоги штампованной керамики, происходящей с той или иной территории, памятника [1—3]. Тщательному анализу были подвергнуты изображения, типы орнаментов, клейма мастеров [4—6].

Обычно выделяют западные и восточные центры производства TS. На востоке, в Малой Азии, существовали вполне самостоятельные центры производства штампованной краснолаковой керамики. Продукция одной из самых ранних мастерских по производству TS была исследована во всех деталях Й. Шефером [7] в Пергаме и на основании стратиграфических наблюдений датирована серединой II в. до н. э. Судя по всему, она явилась прообразом посуды типа Чандарли. Однако в римское время эта керамика испытала довольно сильное влияние западной, арретинской TS [8, с. 9] Этот факт сам по себе не случайный: именно на этот период приходится расцвет производства итальянской краснолаковой керамики. Она проникает во все уголки античного мира; непосредственно под воздействием популярной арретинской TS в первой трети I в. н. э. возникают керамические мастерские в Южной Галлии, среди которых крупнейшими называют Монтан (известно 59 мастеров), Ла Грофезенка (246) и Бонасак (15) [9, с. 1330]. Существуют эти мастерские до конца первой четверти II в. н. э., выпуская посуду несколько более массивную, чем арретинская. На первых порах южногалльские гончары во всех деталях подражали итальянским образцам. Однако вскоре ими был выработан собственный стиль. К середине I в. масштабы производства были расширены настолько, что продукция южногалльских мастерских заметно потеснила на средиземноморских рынках арретинскую посуду, которая, в свою очередь, на поздних этапах своего развития заметно копировала основные приемы орнаментации южногалльской TS.

Особенно широкий поток южногалльской TS хлынул во внутренние районы Галлии, в Британию, двигаясь вместе с римскими легионами в глубь варварских территорий. Большое количество штампованной керамики было найдено в Рейнской области, где в I в. римляне вели интенсивные военные действия по захвату земель германцев и рециев. Война шла с переменным успехом, поэтому верные своим принципам римляне, стремясь укрепить свое положение, строили лагеря, насыпали валы, возводили замки.

Автор рецензируемой работы, несомненно, оказалась в выгодном положении: в ее распоряжении был обширный в основном опубликованный материал более чем из 100 местонахождений. Однако, чтобы приступить к исследованию динамики процесса оккупации Германии и Реции, необходимым оказалось решить ряд проблем, связанных с датировкой южногалльской TS. По праву основополагающими в этом отношении считаются работы Р. Кнорра [4, 10]. К сожалению, созданная им в начале XX в. хронологическая схема опиралась на ограниченный круг археологических объектов, датировка которых в то время не вызывала сомнений (Халтерн, Висбаден,

© А. А. Малышев, 1991 г.

Хофхейм, Роттвейль и Помпеи). С тех пор дата ряда памятников, например Халтерна, была оспорена; выяснилось, что построения Кнорра не согласуются с данными нумизматики (исследования К. Крафт). Кроме того, за прошедший период в научный оборот было введено огромное количество нового материала, что позволило Б. Пферденхирт использовать в работе хорошо датированный материал из 58 местонахождений (с. 222—224), расположенных на обширной территории Западной Европы.

На протяжении десятилетий задача типологического распределения TS решалась либо путем определения принадлежности изделия тому или другому мастеру, либо благодаря изучению смены стилей, декоративных особенностей. Автор отдала предпочтение первой методике, распределив 93 имени гончаров на четыре хронологические группы. Основанием для этого в большей степени послужили данные археологии. Так, например, автор широко использовала материалы из комплексов, в которых оказались образцы южногалльской TS, в результате чего по наличию или отсутствию в комплексе арретинской посуды она различает хронологические группы Ia и Iв (с. 225—226).

Большое внимание автор уделяет некерамическим датировочным материалам (илл. 1), среди которых хорошо изученные римские монеты, дендрохронологические определения, клейма на кирпичах. Представляется важной проведенная Б. Пферденхирт состыковка археологических данных с сообщениями письменных источников, прежде всего из сочинений К. Тацита. В то же время вызывает удивление, что при работе с клеймами совершенно не привлекается палеографический метод, так хорошо себя зарекомендовавший при изучении керамической эпиграфики на амфорной таре [11, л. 13; 12]

В итоге все данные были сведены в стройные и четкие таблицы, которые дают возможность определить, как датируется клеймо того или иного мастера (илл. 2—5). Причем сгруппированными оказались не только имена мастеров-гончаров, но и места находок (Fundortgruppe A, B, C, D), которые, таким образом, отражают динамику процесса распространения TS и во времени, и в пространстве. В свою очередь, хронологические группы гончаров не являются монолитными. Автор выделяет внутри них ряд подгрупп, которые, начиная функционировать почти в одно и то же время, имеют разную продолжительность существования. Так, например, группа II разделена на три подгруппы (a, b, c). Каждая из них прекращает свое существование спустя 15—20 лет после предыдущей (с. 240).

Однако, имея в исследуемом комплексе ряд образцов хорошо датируемой TS, не всегда можно определить для него достаточно узкую дату, особенно если хронологический разброс образцов достаточно велик. В этом случае большое значение приобретает количественное соотношение типов внутри комплекса. Очевидно, исходя из этих соображений, автор, желая углубить свои исследования и уточнить хронологию ряда археологических памятников, использует отмеченные еще в 1920 г. Ф. Освальд и Д. Прайс особенности изменения во времени количественного соотношения форм мисочек с рельефным орнаментом Dr. 29 и Dr. 37 (Dr.— типы форм, выделенные Х. Драгендорф в 1898 г. [13]). Так, например, в одном из эталонных комплексов — нераспечатанном ящике с южногалльской штампованной посудой из Помпей — 40% форм оказалось типа Dr. 29 и 60% Dr. 37.

Заслугой Б. Пферденхирт является изучение этих соотношений на большом количестве местонахождений-комплексов. Упомянутые выше формы хорошо различаются в пропорциях и типе орнаментации, поэтому для датировки имеют значение фрагменты чаш, даже если они невелики по размерам и не имеют клейма. Такие «пакеты квот» форм Dr. 29 и Dr. 37, как полагает автор, представляют собой не что иное, как хронологические горизонты, а изменение этих соотношений во времени довольно тесно связано с группами местонахождений, составленных на основе комбинаций имен гончаров (с. 249). Исходя из этих соображений, автор вычленила ряд ключевых дат, которые отражают основные изменения в структуре экспорта южногалльской TS, который осуществлялся примерно столетие. С 20 по 67—68 гг. безраздельно господствует форма Dr. 29, затем, примерно до 100 г., идет процесс ее постепенного вытеснения формой Dr. 37, которая доминирует до 115 г. Однако при соотнесении с уже выделенными хронологическими группами гончаров эта стройная цепь значительно усложняется (илл. 6). Средние группы демонстрируют особенно нечеткую картину. Это связано, очевидно, с тем, что в производстве южногалльской TS участвовало большое количество мастерских, имеющих свои традиции в производстве, а потому, можно допустить, и свои соотношения форм посуды в структуре выпускаемой продукции, что придает некоторую хаотичность создаваемой автором картине. Более того, не совсем ясно, насколько была упорядочена поставка продукции на рынок, потребителю.

Тем не менее на основании этих соотношений автор строит диаграммы, которые, по сути дела,

отражают периоды существования римских поселений и укреплений в долине Рейна и в верховьях Дуная. Получившаяся серия диаграмм, представленных в приложении 2, таким образом, призвана проиллюстрировать процесс оккупации Германии и Реции. Этим же целям служат карта приложения 3, где дан сводный план всех археологических памятников, возникших в рассматриваемой области за столетие, со времени правления Тиберия до первых лет правления Адриана (памятники, где TS до настоящего времени не изучена, выделены особо), а также карты приложения 4—11. Датировка, короткая справка об истории изучения каждого из указанных в картах пунктов дана в соответствующем, третьем разделе работы (с. 264—298). Автор сопоставила имеющиеся точки зрения с датировками, которые она получила в результате исследования южногалльской TS. Так, например, отсутствие штампованной керамики, которую с уверенностью можно отнести к южногалльской, позволяет отвергнуть датировку Хеддесдорфа 89 г., предположенную Е. Фабрициус, и считать, что замок был основан непосредственно после 115 г.

Римский лагерь Хофхейм был исследован в начале века Е. Риттерлинг. Его постройка была датирована 39—40 гг. на основании сравнительного анализа находок из Хофхейма и Галтерна, а также данных нумизматики и связана с германским походом Калигулы. В 1986 г. в результате изучения серий монет эта датировка была поставлена под сомнение М. Менке. Б. Пферденхирт, проанализировав всю систему аргументации Е. Риттерлинг, используя новые данные, в частности удивительно большое количество штампованной керамики группы Ia, высказалась за удревнение Хофхейма на 20 лет (с. 270—272).

В целом автором была рассмотрена хронология 78 археологических памятников, что позволило ей перейти в четвертом разделе своей работы к обобщениям чисто исторического характера, которые, как уже отмечалось выше, получили графическое выражение в картах приложения. Выяснилось, что большая часть лагерей, существовавших в 20—41 гг., была основана еще при Августе. В низовьях Рейна цепь замков была дополнена лишь лагерем Валкенбург. Аналогичная ситуация сложилась также в верхнем течении Рейна и Дуная. Автор приходит к выводу, что новые замки возникают лишь для прикрытия удобных для вторжения германцев направлений. Рейн и Дунай в это время представляли собой, исключая устье р. Майн, где на правобережье Рейна возникает вышеупомянутый лагерь Хофхейм, естественную границу на всем своем протяжении. Однако и он был построен не для подготовки широкомасштабного наступления, а для защиты переправы через Рейн и терм в Висбадене.

В период правления Клавдия и Нерона, в 43—70 гг., прослежено удлинение цепи замков, особенно в Подунавье. Возникающие вдоль Рейна и Дуная лагеря были призваны закрыть имеющиеся лакуны в системе приграничных укреплений. В верхнем и среднем течении Рейна римляне, судя по находкам южногалльской TS в Ригеле, Грос-Герау и Баден-Бадене, уверенно утвердились на правобережье. Новый импульс в оккупации рассматриваемых территорий был дан в период правления Веспасиана и Тита (70—82 гг.). Характерной особенностью тактики римлян было движение вдоль рек (Майн, Неккар, Нидда). Очевидно, римлянам было трудно контролировать крупные территориальные массивы. Осваивая земли вблизи речных систем, они глубоко вклинивались во владения германцев и рециев, постоянно имея возможность снабжения и связи водным путем. Граница по Дунаю в это время не претерпела никаких изменений, наметилось лишь ее незначительное удлинение на восток, где возникли замки в Ейнинге и Регенсбурге.

На Верхнем Рейне вплоть до конца рассматриваемого периода (115 г.) граница оставалась стабильной. За следующие 20 лет (83—100 гг.) изменения происходят в уже намеченных в предыдущие годы направлениях. Интенсивное строительство замков велось в бассейне рек Нидды и Майна, цепь лагерей тянется по Неккару, который к началу II в. становится естественной границей и продолжением лимеса (карта приложения 9) на протяжении от Бад-Вимпфена до Кёнгена. Таким образом, в 90-е годы I в. была создана провинция Верхняя Германия. В 83—89 гг. севернее Дуная появляется первый замок — Вейсенбург (карта приложения 7). Вскоре, к концу I в., вслед за ним вырастает целая цепочка лагерей (Донштетен, Уршпринг, Хайденхейм и др.). Обстановка резко меняется в период правления Траяна (98—115 гг.), когда военные действия в Рейнской области и на Верхнем Дунае, в связи с переброской легионов в Дакию, в основном замирают. Это повлекло за собой интенсивное строительство лагерей оборонительного назначения севернее Дуная, вдоль укреплений лимеса (карта приложения 9). В дальнейшем, к концу указанного периода, южногалльскую керамику начинает вытеснять продукция восточногалльских мастерских, разработка хронологии которой, по мнению автора, должна стать объектом самостоятельного исследования.

В заключение отметим, что в методическом смысле автор ничего нового не привлекает. Все использованные в работе приемы были известны и с успехом применялись учеными еще в начале

XX в. В то же время работа является ярким свидетельством того, как велика роль правильной и четкой постановки задач научного поиска.

Автору рецензируемой работы удалось создать стройную хронологическую схему развития южногалльской TS, которую она дополняет наблюдениями над соотношениями между формами Dr. 29 и 37, что в совокупности позволило уточнить датировку 78 археологических памятников в бассейне рек Рейн и Дунай. Тем самым Б. Пферденхирт продемонстрировала, как «работает» ее схема. Обобщение большого количества данных позволило автору выйти за рамки вещеведческого анализа, использовать количественные характеристики для получения информации, существенно дополняющие сведения письменной традиции.

А. А. Малышев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Heukemes B.* Römische Keramik aus Heidelberg // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. 1964. H. 8.
2. *Huld-Zetsche I.* Trierer reliefsigillata Werkstatt I // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. 1972. H. 9.
3. *Oxe A.* Frühgallische Reliefgefässe am Rhein // Materialien zur römisch-germanischen Keramik. 1934. H. 4.
4. *Knorr R.* Töpfer und Fabriken verzierter Terra-Sigillata des ersten Jahrhunderts. Stuttgart, 1919.
5. *Dechelette J.* Les vases ceramiques ornes de la Gaule romaine. P., 1904. V II.
6. *Oswald F., Pryce T D.* An Introduction to the Study of Terra Sigillata. L., 1920.
7 *Schäfer J.* Hellenistische Keramik aus Pergamon. B., 1968.
8. *Hayes G. W.* Late Roman pottery. L., 1972.
9. *Comfort H.* Terra Sigillata // RE. Suppl B. VII. 1940.
10. *Knorr R.* Südgallische Terra Sigillata-Gefässe von Rottweil. Stuttgart, 1912.
11. *Граков Б. Н.* IosPE III // Архив кафедры археологии МГУ.
12. *Виноградов Ю. Г* Керамические клейма острова Фасос // НЭ. X. М., 1972.
13. *Dragendorff H.* Terra Sigillata // BJ. 1895. № 96.

Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. Herausgegeben von Manfred Korfmann. B. III_1. **Jurgen Seeher. Die Keramik.** Mainz am Rhein, 1987 196 S. 44 Abb. 58 Pl.

Рецензируемое издание представляет собой очередной том осуществляемой под общей редакцией М. Корфмана серии из семи томов, посвященной публикации материалов поселения Демирчиуююк; это третий том серии. Предшествующие два тома освещали вопросы стратиграфии и архитектуры поселения (том I) [1] и результаты естественных методов (том II) [2 3].

Данный том серии посвящен публикации керамического материала нижних слоев поселения.

Раскопки поселения Демирчиуююк, расположенного в районе г. Эскишехир в северо-западной части Турции, производились в 1975—1978 гг. экспедицией Тюбингенского университета под руководством М. Корфмана. Памятник представляет собой небольшой телль. Его размеры: высота — 6,5 м; диаметр — 67 м; общая площадь — 3350 м^2 Памятник исследован на площади 1379 м^2 Раскопками были выявлены материалы неолитического, халколитического, раннебронзового времени. Стратиграфические наблюдения позволили выделить 16 архитектурных фаз. Архитектура поселения подчинена жесткому плану. Начиная с фазы D, каждая реконструкция поселения повторяла предыдущую архитектурную схему. Дома располагались радиально вокруг большого центрального двора и были окружены обводной фортификационной стеной. Из-за уплотненной взаимозависимой планировки индивидуальная перестройка, по мнению автора, была невозможна, поэтому реконструкции подвергалось либо поселение целиком, либо по меньшей мере в ходе одной кампании перестраивался ряд взаимосвязанных сооружений. В течение фаз E_1 и E_2 поселение охватывали пожары, оставившие следы на всей раскопанной площади; в течение фаз E_2, E_3, G на поселении велись грандиозные реконструкции, связанные с постройкой обводной стены.

В ходе раскопок было заложено несколько глубоких зондажей с целью выяснения стратиграфии, предшествующей раннебронзовому времени. Таким образом, было выявлено еще 4,5 м культурных отложений. В связи с тем что уровень грунтовых вод приблизительно соответствовал

© Ш. Амиров, Т. Мишина, 1991 г.

уровню фазы D, четких стратиграфических наблюдений для нижележащих слоев сделано не было, равно как не удалось достичь материка.

Материал, поступивший из зондажей, представлял собой главным образом переотложенную неолитическую и халколитическую керамику. Помимо этого слои, подстилающие самый ранний из раннебронзовых поселков, были затронуты в ходе хозяйственной деятельности, в частности в ходе строительства обводной оборонительной стены. В связи с этим много халколитических и неолитических черепков попало в формовочное тесто «кирпичей» (mudbricks), из которых возводились сооружения поселка раннебронзового времени.

Таким образом, в настоящем томе опубликована керамика из нижних стратиграфических горизонтов, принадлежащих раннебронзовому времени (архитектурные фазы D, E_1, E_2, F_1, F_2, F_3, G; их суммарная мощность — 3,5 м), а также неолитическая и халколитическая керамика, обнаруженная вне стратиграфического контекста (фазы A, B, C — мощность культурных отложений этого периода превышает 4,5 м). Керамика вышележащих фаз будет представлена в следующем томе серии — «Демирчиююк III_2».

Всего на поселении было вскрыто и учтено приблизительно 567580 керамических фрагментов; 66 737 штук (приблизительно 12% от общего числа) составила обнаруженная вне стратиграфии керамика неолитического и халколитического времени.

Все формообразующие черепки были подвергнуты анализу. Их общее число составило 21 750 черепков, из них 9672 принадлежат неолитическому и халколитическому периодам (фазы A — C), 6638 — раннебронзовому времени (фазы G, D). Среди формообразующих черепков неолитической и халколитической керамики 7189 представлены венчиками, остальную часть составили ушки, ручки, донца, а также орнаментированные черепки.

Стенки сосудов специально не подсчитывались, но было выявлено, что отношение формообразующих черепков к неформообразующим для стратифицированной керамики составляет 1:5,9. Для нестратифицированной керамики это соотношение иное: так, например, для материала фазы G оно составляет 1:7,6.

Книга состоит из следующих частей: а) предисловие; б) введение; в) две основные части — A и B, содержащие анализ материала: часть A — неолит, халколит; часть B — ранняя бронза.

Каждая часть содержит таблицы рисунков (их общее число доходит до 1275) с предпосланными им каталогами. В конце приложено 8 фототаблиц, содержащих 54 фотографии материала, одна из таблиц цветная. Каждая из частей имеет английское и турецкое резюме.

В предисловии, написанном редактором серии М. Корфманом, содержатся общие сведения о памятнике, рассказывается о процессе работы над материалом, а также характеризуется место данного тома в серии.

Введение содержит методические посылки работы. Нам представляется важным подробно рассмотреть информацию, содержащуюся в данном разделе книги, поскольку помимо того, что этот материал является ключом работы, он имеет самостоятельную ценность. Методическая база данной работы важна для первобытной археологии Ближнего Востока как первый опыт формально-статистического подхода в публикации раскопок теллей.

Во введении обоснованы принципы описания и классификации, подробно рассмотрены дефиниции производства, воспроизведен список признаков. Помимо этого введение содержит две подглавы: «Die Waren» и «Die Gefässformen», посвященные методике описания соответственно технологического и морфологического аспектов материала. Данные раздела упорядоченно называют признаки, оговаривают их границы, способы работы с ними. Этот же порядок описания воспроизведен в тексте при работе с материалом.

Список признаков для описания керамики был разработан автором в ходе обработки материала, хранящегося в музее г. Эскишехира, и фиксировал для каждого фрагмента следующие данные: а) маркировку (сюда входят планиграфическое расположение, порядковый номер, индивидуальный номер, фаза); б) классификационное подразделение (класс, тип, вариант); в) сохранность изделия; г) технологические признаки (обработка поверхности, цвет внешней поверхности, цвет в изломе, ангоб, толщина черепка); д) количественные признаки (диаметр, высота и т. п.); е) морфологическую принадлежность фрагмента (венчик, слив, горло и т. п.); ж) описание деталей (ручка, ушко, рукоятка, их размеры, сечение) и прочие данные.

Для более оперативной обработки были выработаны комплексы признаков, например толщина черепка и диаметр. Список был подвергнут кодированию.

Из всей массы признаков было отобрано какое-то количество признанных типообразующими,

важными для классификации. Таким образом, стала вырабатываться классификационная система, при которой были установлены типы, варианты, а также возможности их расширения.

При описании подхода автора к классификации материала должен быть отмечен основной методический принцип. Автор в основу анализа положил две параллельные группировки материала: морфологическую Formen (-Typologie) и технологическую Waren (-Technologie).

Степень морфологической сохранности керамики разного времени определяет, какой из этих группировок принадлежит ведущая роль. Подобный подход оказался продуктивным. Было установлено, что между выделенными технологическими и морфологическими группами отсутствуют жесткие связи и их соотношение в разные периоды жизни поселения различно. В результате сочетание этих критериев позволило, с одной стороны, определить хронологический порядок, а с другой — установить культурную принадлежность керамических подразделений.

Особенно важными оказались эти наблюдения для нестратифицированной керамики неолита — халколита. В связи с тем что, с одной стороны, неолитическая и халколитическая керамика имеет плохую сохранность (сохранилось мало профилированных фрагментов), неясное стратиграфическое положение, а с другой стороны, технологически достаточно разнообразна, при классификации автор делает акцент на технологический аспект. Поскольку технологическому аспекту в книге уделено много внимания, представляется важным несколько подробнее остановиться на технологических дефинициях, раскрываемых автором во введении.

1. Обработка внешней поверхности. Здесь была разработана пятиступенчатая система: необработанная поверхность A, замазанная поверхность B, заглаженная поверхность C, полированная поверхность E, бесполосная глянцевая поверхность D.

2. Ангоб. Автор подробно описывает способы идентификации ангоба.

3. Цвет. Для цветовых определений был применен часто используемый в литературе каталог цветовой шкалы Манселла [4] из 13 пунктов.

4. Цвет в изломе. Для фиксации цвета в изломе был выработан список из восьми пунктов.

5. Примеси. Поскольку эти данные служат важнейшим критерием в классификации, особенно для керамики халколита — неолита, автор уделяет им особое внимание. Петрографический анализ не проводился; следовательно, отделить естественные примеси от искусственных не представлялось возможным. Также не определенными остались месторождения сырья. Автор выделил признаки, характеризующие качество примеси, но опустил такой признак, как концентрация примеси, выраженная в процентах. Среди примесей автор выделяет следующие: а) дробленый камень; б) песок; в) слюда; г) органические добавки; прочие примеси не обнаружены.

6. Формы сосудов. Здесь при каждом описании коротко представлены местонахождение и многочисленность форм сосудов, для того чтобы установить более четкие различия при распределении на отдельные классы сосудов.

7. Примечания. Здесь содержится дополнительная информация, например сравнение с другими керамическими изделиями.

На базе всех этих признаков были выделены технологические группы (waren).

Другой важнейшей стороной анализа керамического массива из Демирчиуюка является классификация форм сосудов. Принципиально важным является тот факт, что типологическую классификацию автор предлагает строить на уровне системы качественных морфологических признаков. Он отмечает, что многочисленные работы, посвященные разработке системы морфологической классификации, с позиций формализации выдвигают требования кодирования форм для электронной обработки таких систем. Для этого используют сведение форм сосудов к основным геометрическим формам, или к системе характеризующих точек [5—8]. Не говоря о том, что этот способ лишен определенной наглядности, его применение целесообразно только для целых сосудов и профильных частей. А поскольку исследуемый материал на 90% состоит из фрагментов, то подобный подход потребовал бы использовать сложную программу форм. Вместо этого была разработана система классов, типов и вариантов. Эта система является общепринятой в археологической литературе, и с учетом определенных уточнений она использована для классификации материала Демирчиуюка.

Первая и самая крупная классификационная единица — классы. «Каждый класс морфологически явно отличается от другого настолько, насколько это предполагает различие в их функциях. Функциональная интерпретация за редким исключением условна, поскольку для ряда сосудов их функции предложены по аналогии с современными изделиями».

Следующая классификационная единица — типы. «Как правило, каждый класс содержит несколько типов. Типы отличаются по отклонению в линии профиля. Различия в профиле наиболее

часто фиксируются для закраин сосудов. Соответственно, разделение на типы, за отсутствием достаточного числа целых сосудов, может быть произведено только для профилированных фрагментов. А поскольку приходится иметь дело главным образом с небольшими фрагментами, то иногда довольно трудно установить типологическую принадлежность». Например, фрагмент чаши со срезанными краями трудно отличить от соответствующего фрагмента миски. Следовательно, внутри одного класса различия между типами зачастую условны для ряда фрагментов.

Степень различия типов в рамках классов различна, поскольку наряду с «естественными» типами, осознававшимися древними мастерами, в классификации присутствуют «искусственные» типы, которые являются археологическими вспомогательными конструкциями и в силу этого более условны.

При дальнейшем разделении было выявлено четыре варианта. В то время как членением на уровне типов был охвачен почти каждый черепок, членение на уровне вариантов возможно только для относительно крупных фрагментов, либо если сосуд имеет характерные детали (например, носик-слив). Таким образом, из анализа исключаются малоинформативные фрагменты. Отсутствие более жесткой системы признаков вполне обосновано, поскольку отсутствие стратиграфии препятствует обращению к деталям форм в рамках одной системы.

Важным элементом морфологической классификации является тот факт, что анализ на уровне целых форм дополняется классификацией, выполненной на уровне деталей сосудов. Этот метод оказался особенно важным для сильно фрагментированного неолитического и халколитического материала. Для раннебронзовой керамики, обнаруженной в стратиграфическом контексте, типология деталей сосудов была использована только для уточнения периодизации.

Для классификации деталей сосудов Демирчиуюка важными формообразующими деталями признаны только две: 1) форма дна и 2) форма венчика. В отличие от дна, где отмечено четкое разделение форм, венчик не является в данном случае формообразующим элементом. На данном основании отказались от ввода в систему этого признака, что, безусловно, упростило задачи исследователя.

Таким образом, классификации деталей сосудов строились на основании: 1) донной части сосудов; 2) пластических аппликаций (в том числе и форм ручек); 3) орнаментации.

В итоге неолитическая и халколитическая керамика была разделена на семь технологических групп (A — G). Среди них неолитическая и халколитическая керамика (группы A — E) и позднехалколитическая (группы F — G).

Морфологически для неолитической и раннехалколитической керамики было выделено четыре класса (горшки, миски, ларцы, крышки). На уровне деталей сосудов донца подразделялись на два класса, ручки — на три класса. Для позднехалколитической керамики на уровне «целых» форм было выделено три класса (миски, кувшины, горшки).

Раздел, посвященный морфологии неолитической и халколитической керамики, содержит наглядные сводные таблицы 3—5,8, из которых видно, как количественно соотносится каждая морфологическая группа с технологическими подразделениями (рис. 1).

В связи с тем, что вся неолитическая и халколитическая керамика Демирчиуюка обнаружена вне стратиграфии, хронологические и периодизационные построения возможны только на основании внешних сопоставлений с памятниками Анатолии и Эгеиды, содержащими хорошо стратифицированный материал (от Чатал Уюка до Бейджисултана и Эмпорио). Весь этот материал сведен в хронологической таблице 13; в качестве «хронологических» единиц Демирчиуюка в данной таблице выступают периоды бытования той или иной технологической группы, они сопоставляются со стратиграфическими единицами синхронных памятников. Есть еще одна технологическая группа, принадлежащая этому времени, но отсутствующая в упомянутой хронологической таблице. Это группа H. Аналоги ей пока не известны. Поэтому автор выделил ее в приложении, где дана таблица, демонстрирующая распределение данной керамики в слое.

Анализ перемешанной керамики позволил реконструировать ход развития поселения, предшествующего ранней бронзе, на Демирчиуюке. Заселение его произошло в ранненеолитический период (это вытекает из сравнения ware A и находок из XII—IX слоев Чатал Уюка). B и C демонстрируют продолжение параллельного развития с Чатал Уюком подобно тому, как это отмечено в поздненеолитических слоях Хаджилара. Далее с помощью ware B и C и ware E удалось связать керамику культуры Фикир-Тепе с относительной хронологией юга Анатолии. Ранний халколит на Демирчиуюке представлен ware D (расписные сосуды) и ware E. На основании определенных форм можно предположить линию непрерывного развития поселения в среднем халколите, как это отмечается для поселений долины Элмали (Белбаши, Кизилбель). Следователь-

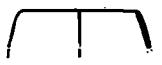
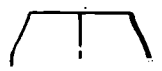
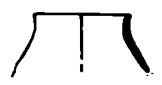
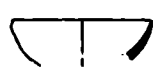
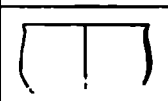
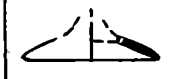
классы	типы	варианты		ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ГРУППЫ A	B	C	D	E
Горшки	1	a		23	30	30		67
		b			251	195	5	814
	2				1	6		778
Миски	1					5		34
	2				4	56	46	3597
Ларцы					9	11		145
Крышки	1			5	1	3		16
	2					2		13

Рис. 1. Классы и типы сосудов технологических групп A — E

но, северо-запад Анатолии следует тем же закономерностям развития, что были отмечены для юга и юго-востока Анатолии, где неолитические традиции не смешивались с новыми вплоть до конца раннего халколита.

Керамическая эволюция не позволила обнаружить четкие границы перехода от неолита к халколиту и от халколита к ранней бронзе. Тот же набор неолитических форм был прослежен и в раннехалколитическом периоде без модификаций. Введение расписной керамики также не может быть стратифицирующим признаком, потому что, по меньшей мере для Западной Турции, этот декоративный прием восходит к неолиту. Роспись как элемент керамической декорации исчезает в конце раннего халколита. В это же время появляются новые формы сосудов и новая технология — ware G (грубые сосуды). Таким образом, отмечается начало нового этапа керамической эволюции Западной Анатолии, который будет продолжаться до конца раннебронзовой эпохи. В противовес непрерывной хронологической последовательности технологических групп и органичного развития форм от A до E в случае с технологическими группами F и G отмечается дискретность единой линии керамической эволюции. Сосуды обеих технологических групп, хотя и являются по времени позднехалколитическими, демонстрируют почти полное типологическое различие с сосудами технологических групп A — E. Отсюда автор заключает, что поселение могло быть заброшено в среднехалколитический период и возрождено только в позднем халколите. Естественно, эти выводы, базирующиеся не на стратиграфических наблюдениях, а на отсутствии переходных керамических групп, не могут указать на продолжительность этого хиатуса. На аналогичных основаниях автором делается вывод о том, что определенный разрыв имелся и между позднехалколитическим и раннебронзовым периодами бытования поселения.

Как уже отмечалось, условия обнаружения раннебронзовой керамики Демирчиуюка качественно иные, нежели керамики предшествующих этапов.

Керамика раннебронзового времени фиксирована стратиграфически. Эта посылка определяет некоторое отличие в подаче материала части B (ранняя бронза) от части A (неолит — халколит). В данном разделе основной акцент делается на стратиграфическое положение и морфологию материала. Технологии отведено вспомогательное значение.

Зона	Группы фаз: D	DE	E	EF_1	F_1F_2	$F_{2.3}$	F_3G	
101	78	22	25	156	33		65	379
2	152	183	76	23				434
102		44	7	56				107
5			23	1	32	49	38	143
5/105					51	144	172	367
6			240		201	203	86	730
106			26	36	92	24	40	218
6/106			237	74				311
7	24	63	388	29	37	33	40	614
107		121	44					165
7/107			95			37		132
108		32	80		83	72	118	385
9			41	8	42	12	1	104
109			52	230	39	134	254	709
110				30	12	3	50	95
111						5	189	194
200			26	65	290	443	727	1551
	254	465	1360	708	912	1159	1780	6638

Рис. 2. Статистическое распределение профилированных фрагментов в пространстве и во времени

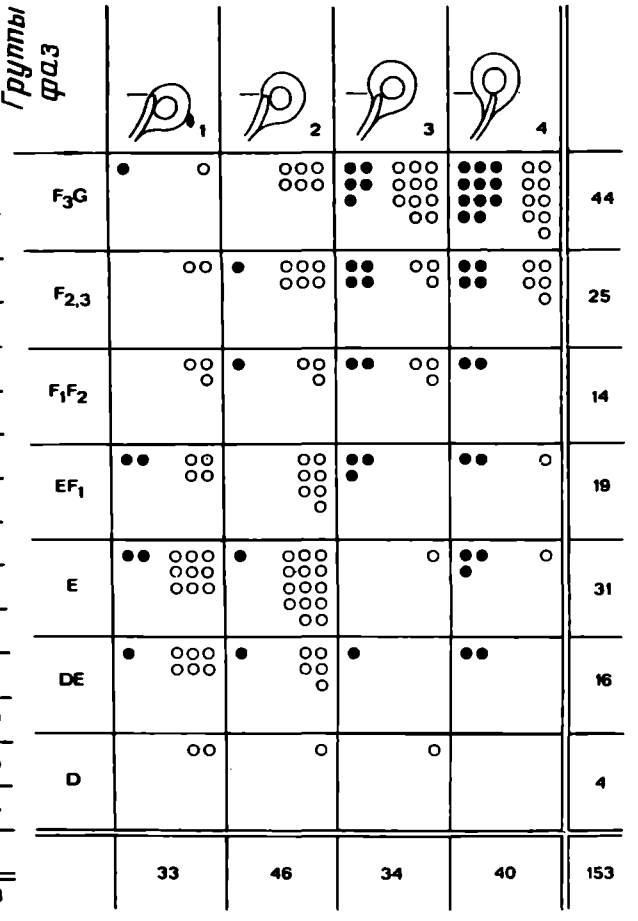


Рис. 3. Эволюция петлевидных ручек. *а* — «черные»; *б* — «красные»

Изложение материала части В начинается с обоснования выделения Phasengruppen — блока фаз (блока стратиграфических единиц, выделенных в ходе раскопок памятника). Необходимость такой группировки вызвана тем, что классификационные подразделения материала отдельных фаз дают для статистической обработки недостаточный в количественном отношении материал. Использование количественно недостаточного материала затрудняет установление периода функционирования цикла типа. Во избежание этой угрозы практикуется объединение по вертикали нескольких стратификационных единиц. Таким образом, материал семи фаз Демирчиуююка (D, E_1F_2; F_1, F_2; G) был перегруппирован в семь Phasengruppen (D; DE; E_1E_2; EF_1; F_1F_2; F_2F_3; F_3G).

Из приложенных к книге таблиц (Авв. 17, 18) видно, как профильные фрагменты количественно соотносятся планиграфически и стратиграфически. В табл. 17 стратиграфической единицей является фаза, в табл. 18 — Phasengruppen. Эти таблицы содержат выноски. По вертикали значится общее число фрагментов для каждой фазы, по горизонтали — обнаруженных на конкретной площади на протяжении фаз D — G. На их пересечении — общее число всех исследуемых фрагментов — 6638 (рис. 2). Аналогичные статистические таблицы имеются для каждого выделенного типа в отдельности.

Раздел waren части В содержит информацию о четырех выделенных среди керамики раннебронзового времени технологических группах.

1. «Черные сосуды» (ware 1). Их поверхность заглажена, тесто тщательно отмучено. В качестве примеси отмечены песок и органика.

2. «Красные сосуды» (ware 2). Это собирательное название для трех видов сосудов (ware *2a; 2в; 2с*), содержащих красный ангоб. В качестве примеси отмечены рубленая солома и дополнительные органические добавки. Поверхность залощена.

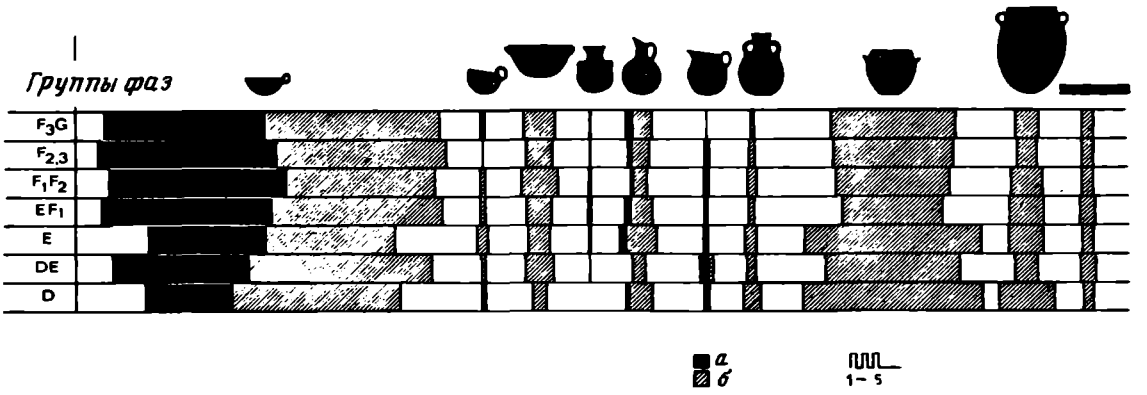


Рис. 4. Распределение морфологических подразделений двух технологических групп в рамках группировок фаз. *а* — «черные»; *б* — «красные»

3. «Грубые сосуды» (ware 3). Кухонные сосуды со следами воздействия огня. Поверхность их обмазана и имеет коричневый и серый цвет.

4. «Сосуды, содержащие слюду» (ware 4). Характер примеси явствует из их названия. Это импортные сосуды.

Данный раздел помимо описания технологических особенностей выделенных групп содержит подглаву, которая называется «Согласование наименования технологии (warenbenennungen) в томе III_1 и III_2», где сообщается, что технологическая классификация, предложенная в томе III_1, будет аналогична и в следующем издании серии.

Морфологически для керамики фаз D — G было выделено восемь классов: чаши и миски, бутыли, кувшины, амфоры, горшки, пифосы, тарелки, особые формы. Описание морфологии сосудов производилось по схеме, аналогичной использованной в части А. В отличие от части А, где описание деталей сосудов выделено в отдельную подглаву, в части В, где в силу лучшей сохранности материала связь отдельных деталей с целыми формами была более очевидной, детали форм структурно рассматриваются как раздел в описании морфологически целых форм. Разделы, посвященные деталям форм, сопровождают статистические таблицы, иллюстрирующие эволюцию их морфологии и технологии в рамках Phasengruppen — Abb 24 и др. (рис. 3).

Описание материала завершает глава («Befunde»), посвященная функциональному аспекту керамики. Отдельный раздел этой главы посвящен степени встречаемости типов в общем наборе керамики поселения. Здесь приводится таблица 42, показывающая численное и процентное содержание каждого из типов в массиве рассматриваемой керамики. Таблица 43 воспроизводит распределение по фазам классов и некоторых типов сосудов (рис. 4).

Морфологический подход к эволюции керамики позволил выделить три периода. Первый период керамического развития закончился примерно около фазы F_2. С началом Phasengruppen F_3G начался второй период, который достиг своей вершины впервые в фазах H и I и продолжился до фазы K_2. Третий и последний период продлился от фазы L до фазы Q. Таким образом, в данном томе представлены развитие первого и начало второго периода. Точная датировка нижних фаз Демирчиуюка проблематична, потому что на сегодняшний день известно немного поселений, дающих материал для сравнения. Только в течение второго периода керамической эволюции Демирчиуюка появляются формы, дающие устойчивые параллели с материалами Юга и Юго-Запада Анатолии. На нынешнем уровне исследований лучшие параллели для материала первого периода дает Юго-Запад. Сопоставимые формы известны из Кусура А и периода EB_1 Бейджисултана. Кроме того, существующие реликты позднехалколитических форм, известных на таких памятниках, как Багбаши в долине Элмали, на Куручае (*6а* — 4), в позднехалколитических слоях Бейджисултана, а также на самом Демирчиуюке (ware F; G), говорят о том, что фаза D по времени не может сильно отстоять от позднехалколитического периода, причем наличие тесных контактов между этими периодами вряд ли возможно.

Наиболее трудноуловимы западные параллели. Есть некоторое сходство с кувшинами Трои I и Йортана, но это сходство базируется только на декоре. Лучшие параллели дают соседние районы Изник и Инегёль. В данной связи важно отметить, что материал Демирчиуюка подтвердил, что период EB_1 в данном районе представлен не только керамической группой Троя I — Изник, выделенной Френчем, но и местной керамикой. Таким образом, бытовавшее мнение, что местная

керамика появляется в районе в период EB_2 вместе с «Yenisehir Black Topped Ware», опровергнуто. «Черные сосуды», равно как и сопутствующие им «красные сосуды», полностью характерны для района Эскишехир, где они известны с периода EB_1. Источники керамической традиции Демирчиуюка пока не ясны.

На наш взгляд, внимания заслуживает каталог керамических фрагментов, сопровождающий зарисованный материал. За некоторыми исключениями, каталоги керамики, опубликованные в части А и части В, построены по одному принципу. Каждая статья каталога содержит следующую информацию: шифр, характеризующий местонахождение черепка; обработка поверхности; цвет поверхности; цвет в изломе; наличие ангоба; диаметр; следы использования; форма сосуда, если можно установить; характер декора, если есть; морфологические особенности черепка; музейный номер. Каталог керамики, иллюстрирующий часть В, содержит некоторую дополнительную информацию. Помимо шифра здесь отмечены номер помещения, фаза, условия обнаружения фрагмента, классификационная принадлежность (класс, тип). Статьи каталога сгруппированы в блоки. Для каталога части А такой единицей является ware, для каталога части В — Phasengruppen. В отличие от обычной практики подрисуночных подписей подобный каталог выгодно отличается полнотой информации, дополняющей иллюстративную часть. Сами рисунки отличает высокое качество исполнения.

Данная многотомная серия представляет собой максимально полную публикацию материалов небольшого телля в Северо-Западной Турции. Несмотря на относительную невыразительность памятника в сравнении со всемирно известными Троей, Бейджисултаном и пр., характер подачи материала и подчеркнутый объем объективной информации делают этот памятник исключительно важным, ключевым для археологического изучения региона (в первую очередь для памятников раннебронзового времени). Что касается тома III_1, то это своего рода керамическая энциклопедия поселения Демирчиуюк, имеющая четкую структуру, наглядно и предельно аналитичная, что позволяет, с одной стороны, очень быстро найти какую-либо отдельную справку (даже специалисту, не владеющему языком издания), с другой стороны, получить емкое представление об объемных группировках материала. В методическом отношении книга интересна тем, что мы видим подход одного исследователя к материалу, обнаруженному в стратиграфическом контексте и вне его. Это позволяет проиллюстрировать, как наличие стратиграфии помогает морфологическим исследованиям. Ценность данного материала возрастет многократно, если появятся публикации синхронных керамических коллекций, обработанных по аналогичной программе. Тогда сопоставление не будет ограничиваться только сходством, оно поможет сделать более глубокие выводы, основанные на безусловно корректном статистическом сравнении.

Можно сказать, что предложенный подход, делающий акцент на статистическую фиксацию материала, знаменует новый этап в первобытной археологии Ближнего Востока и вообще археологии теллей.

Ш. Амиров, Т Мишина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мерперт Н. Я.* // *Korfmann M.* Demrciüyük Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. I. Architectur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein, 1983.// CA. 1988. № 2.
2. *Korfmann M.* Demirciüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978. B. I. Architectur, Stratigraphie und Befunde. Mainz am Rhein, 1983.
3. Demircihüyük. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1975—1978 Herausgegeben von Manfred Korfmann B. II. Naturwissenshaftlihe Untersuchungen. Mainz am Rhein, 1987
4. Munsell soil color charts. 1975.
5. *Shepard A. O.* Ceramics for the archaeologist. Washington, 1963.
6. *Garden J C.* Four codes for description of artifacts // Amer. Antropol. 1958. 50.
7. *Garden J C.* Methods for the descriptive analisis of archaeological material // Amer. Antiquity. 1967 32.
8. *Nordström H. A.* Cultural ecology and ceramic technology // Acta Archaeol. Univer. Stocholmiensis. 1973. 4.

Романчук А. И. Херсонес в XII — XIV вв. (Историческая топография). Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986. 192 с.

В последние десятилетия византинисты многих стран все большее внимание уделяют изучению истории провинциальных городов империи. Монография А. И. Романчук расширяет ареал исследований Х. Бураса, К. Фосса, Э. Криесиса и других специалистов по топографии византийских городов. Спустя 36 лет после выхода в свет работы А. Л. Якобсона [1] опубликована новая книга по истории Херсона XII—XIV вв.— одного из крупных центров византийской культуры на территории нашей страны. Обе работы посвящены одному хронологическому периоду — последнему в жизни Херсона — и основаны преимущественно на анализе памятников материальной культуры. Но эти монографии имеют и существенные отличия. Книга А. И. Романчук всецело посвящена изучению топографии города, т. е. той теме, которой А. Л. Якобсон отвел только две главы [1, с. 47—100, 229—252], уделив значительное внимание атрибуции керамики средневекового Херсона [1, с. 101—229] Причем автор рецензируемой монографии, привлекая обширный новый материал из раскопок городища Херсона в 50—80-е годы, значительно увеличивает территорию топографического исследования А. Л. Якобсона, основанного на материале нескольких кварталов в северном и северо-восточном районах Херсона. Кроме того, в качестве существенного недостатка топографических штудий А. Л. Якобсона А. Л. Романчук отметила отсутствие типологического подхода к изучению внутриквартальной планировки разных районов Херсона (например, сопоставления размеров усадеб, что привело А. Л. Якобсона к таким абстрактным характеристикам жилых комплексов, как «зажиточная усадьба» или «небольшой дом») (с. 5). Поэтому А. И. Романчук, поставив целью своей работы «изучение Херсонеса в социально-топографическом аспекте», сконцентрировала внимание на выявлении отличий размеров усадеб в разных районах города и изучении их инвентаря как основы для «анализа имущественных и профессиональных отличий среди горожан» (с. 5).

Однако для решения этих проблем автор следовала методике, примененной еще А. Л. Якобсоном: описание расположения раскопанных помещений и их инвентаря, попытка определения назначения этих помещений и контуров сформированных ими усадеб, располагавшихся в различных кварталах городища; отдельно рассматриваются монументальные сооружения (базилики, часовни, общественные постройки) (гл. 2—5) (ср. [1, с. 47—100, 229—252]). Насколько оправдано применение такой методики? В монографии А. Л. Якобсона она была использована для дешифровки материала (кратких записей дневников Р. Х. Лепера, опубликованных К. Э. Гриневичем [2]), который не подвергся руководителем раскопок обработке и на основе которого не были составлены отчеты. В связи с этим А. Л. Якобсон строил свое топографическое исследование, одновременно как бы воссоздавая отчет Р. Х. Лепера. Такой дешифровки материала А. И. Романчук проводить не пришлось: для изучения топографии кварталов она привлекала уже готовые отчеты Г. Д. Белова, Объединенной экспедиции, материалы Р. Х. Лепера в обработке А. Л. Якобсона и некоторые другие, авторы которых уже проделали работу по распределению помещений внутри кварталов, по атрибуции инвентаря, а в ряде случаев ими были предприняты попытки определения сфер хозяйственной и иной деятельности жителей усадеб. Поэтому предложенные читателю в книге А. И. Романчук конспекты отчетов о раскопках, основная (а часто и вся) необходимая для проводимого анализа информация которых была опубликована, лишь неоправданно увеличивают объем рецензируемой монографии. Эти сведения прекрасно фиксируются в небольших по объему, но весьма содержательных таблицах, в комментариях к которым можно было бы отразить сравнительно немногие случаи разногласий А. И. Романчук с авторами отчетов относительно распределения помещений по усадьбам. Пример составления таких таблиц приведен А. И. Романчук, однако, только к гл. 2 (с. 81—92). Вызывает сожаление, что автор книги не представила подобные таблицы с указанием инвентарных находок для кварталов северо-восточной и портовой частей города: это значительно облегчило бы анализ имущественных и профессиональных различий горожан разных районов Херсона.

Как же удалось А. И. Романчук решить сформулированные ею задачи исследования? На наш взгляд, наиболее удачным в монографии является изучение самой топографии города — его планировки в XII—XIV вв. Автором книги собраны, выверены и опубликованы разбросанные в многочисленных отчетах планы раскопанных кварталов (с. 33, 46, 54, 59, 72, сл.), некоторых храмовых комплексов, в том числе на центральной площади (с. 166, 167, 170, 173). Эти планы не только облегчают чтение самой монографии и других работ по археологии Херсона. Вместе с аксонометри-

© Н. М. Богданова, 1991 г.

ческими реконструкциями кварталов и отдельных усадеб (выполненными Ю. Г. Лосицким) они являются прекрасным материалом, позволяющим визуально представить облик почти всего города в целом,— возможность уникальную для провинциальных византийских центров, большинство из которых застроено и недоступно для проведения раскопок (см. с. 34, 36, 42, 47, 55 сл.). Составленные А. И. Романчук таблицы содержат перечень всех открытых комплексов в северной, северо-восточной и портовой частях Херсона с указанием количества входящих в них помещений, общей площади каждой усадьбы и отдельно ее двора (табл. 2—6, с. 85—91; табл. 7, с. 108, 109; табл. 10, с. 125, 126), а в ряде случаев и площади комплексов с учетом этажности домов (с. 111, 112; табл. 9, с. 113). Анализируя собранный материал, А. И. Романчук выделяет основные варианты планировки усадеб северного и северо-восточного районов (с. 78, 79, 112), предпринимает попытку определения имущественных отличий жителей разных районов (с. 111, 113), а также внутри одного квартала и района (с. 77, 78, 109, 110) на основе сопоставления площади усадеб. В некоторых случаях автору удалось прийти и к первым обобщениям в подобного рода исследовании Херсона. Так, по наблюдению А. И. Романчук, усадьбы северного района в пределах одного квартала в основном имели близкие размеры (с. 78), а сопоставляя площади жилых комплексов разных частей города, исследовательница замечает, что нет оснований для вывода о резких имущественных контрастах жителей северного и северо-восточного районов (с. 112). Эти наблюдения вносят существенные коррективы в заключения А. Л. Якобсона, что и отмечает А. И. Романчук (с. 98, 110 сл.). Вполне очевидно, что приведенные в книге данные по топографии нескольких крупных районов Херсона являются очень важными для будущих сравнительных и типологических исследований провинциальных византийских городов (ср. с. 185).

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Романчук, что исключительный интерес представляет определение профессиональных занятий жителей Херсона (с. 78). Для изучения этого вопроса автор проводит анализ находок производственного инвентаря (с. 78), выделяя среди них три группы: «ремесленный инвентарь и производственные сооружения», «сельскохозяйственный инвентарь», «инвентарь, связанный с домашними промыслами» (например, с. 81—84). Однако, распределяя находки по указанным группам, А. И. Романчук четко не дифференцирует инвентарь промысловый от ремесленного. Иначе как объяснить упоминание снастей и орудий труда рыболова то как инвентаря ремесленного, то как промыслового: при этом критерием оценки для отнесения его к ремесленным орудиям служит массовость находок. Или другой пример: только с «домашними промыслами» связывает автор орудия прядения и обработки шерсти. Конечно, приступая к анализу производственного инвентаря, следовало бы руководствоваться известными определениями средневековых ремесел и промыслов и адекватно использовать эти понятия. Ведь «в социально-экономическом смысле промысел — несельскохозяйственное добывающее занятие: это использование или разработка различных некультивированных (сырых) природных богатств земных недр, вод, дикой фауны и флоры, при необходимости сопровождающееся их первичной обработкой» [3, с. 17]. Поэтому к промысловому инвентарю из упомянутых в табл. 1 и других местах (например, с. 68) относятся все орудия, связанные с ловлей рыбы, независимо от их количества, найденного в той или иной усадьбе. Остальной инвентарь для ручного обрабатывающего производства и изготовления изделий [3, с. 28] должен быть упомянут в числе ремесленного инвентаря (за исключением, видимо, включенных сюда же А. И. Романчук весов и стилей, которые тем не менее автор не без основания связывает с деятельностью торговой). Кроме того, целая группа находок не может быть определена однозначно как ремесленный инвентарь: орудия труда универсального назначения, т. е. те, которые применялись и для ремесленных, и для сельскохозяйственных, и для промысловых работ, а также в домашнем хозяйстве: ножи, топоры, пилы, молотки, кирки, лопаты и пр. Следовательно, в предложенное А. И. Романчук распределение инвентаря по группам необходимо вносить существенные изменения.

Автором книги не выделены и четкие критерии для определения профессиональной занятости жителей усадеб в той или иной сфере хозяйственной деятельности. Например, в ряде случаев находки в усадьбе зубатки и топора (ус. 7б кв. 13—18), зубатки и скобеля (ус. 7а кв. 13—18), зубатки и поперечной пилы (ус. 1 кв. 13—18) свидетельствуют, по мнению А. И. Романчук, о проживании здесь ремесленника — «мастера по дереву» (с. 80) или «по обработке камня» (с. 83). А во многих других комплексах аналогичный же инвентарь вообще не учитывается автором при определении «предполагаемой профессии владельца», но предпочтение по неуказанным причинам отдается другим находкам. Так, в ус. 4 кв. 28 находки долота, зубатки, гребня для обработки шерсти игнорируются, а «профессию» определяет только массовый рыболовный инвентарь; в ус. 1 кв. 28 не при-

нимаются во внимание находки зубатки, топора, гребня для расчесывания шерсти, проколки, наперстка, пряслица, мотыги, а остатки двух печей свидетельствуют, по предположению А. И. Романчук, что владелец усадьбы имел «профессию» «пекарь, содержатель таверны»; в ус. 5 кв. 28 не учитываются находки долота, скобеля, рыболовного инвентаря, гребня для шерсти, проколки, пряслица при определении ремесленной (?!) профессии служителя культа (священника) (см. с. 80, 82) на основе обнаруженных двух энколпионов, кадильницы, ключа, иконы. Совершенно неубедительно и заключение А. И. Романчук о том, что обнаруженные в одной из усадеб обломки трех тигельков указывают на проживание в ней «мастера по металлу» (с. 80—84) и т. п. Подобных примеров в книге А. И. Романчук очень много. Такие приемы работы с источниками при анализе хозяйственной деятельности горожан не могут не вызвать серьезных замечаний. Прежде всего, из уже приведенных примеров становится очевидным, что А. И. Романчук не учитывает тот факт, что находки в усадьбах отдельных предметов ремесленного инвентаря далеко не всегда свидетельствуют о профессиональной занятости жителей этого комплекса ремеслом. Ведь одной из важных особенностей средневековых ремесел и промыслов (и это очень четко прослеживается в Херсоне) была их связь с домашним хозяйством. Это, в частности, проявлялось в том, что ряд простых операций, не требующих специальных орудий и умений (например, отливка грузил с помощью матриц и тиглей; грубая обработка камня, дерева при использовании зубаток, пил, долот, топоров; и пр.), выполнялся теми жителями усадеб, для которых ремесленное производство или данный его вид не были областью профессиональных занятий. Поэтому на основе большинства находок производственного инвентаря можно сделать лишь вывод о том, что горожане в своих усадьбах занимались отдельными видами ремесленной и промысловой деятельности, но это еще не означает, что те или иные виды такой деятельности были специализацией их хозяйства. Выделить специализацию хозяйства на археологическом материале очень сложно. Иногда это удается сделать на основе открытия производственных сооружений (гончарных печей, горнов и пр.); брака, полуфабрикатов (стратиграфически точно связанных с усадьбой); орудий труда, использование которых доступно лишь профессионалу (например, гончарного круга, кричных клещей и пр.); при обнаружении массового инвентаря (например, рыболовных крючков, грузил, матриц, для их отливки и других снастей) или комплекса находок (сырье, орудия труда, готовое изделие, отходы производства и т. п.), необходимого для определения какого-либо вида хозяйственной деятельности. В приводимом А. И. Романчук материале действительно есть сравнительно немногочисленные примеры, когда можно с определенной долей вероятности говорить о специализации хозяйства: в ус. 2 кв. 22, возможно, жил мастер по изготовлению жерновов (найдены девять плит-заготовок, точильные камни, зубатки, топор, кирки, жернова — с. 82); в ус. 10 портового квартала находилась мастерская гончара (открыты три производственных помещения с сооружением для замеса глины, гончарной печью, производственным браком и пр.— с. 150); один из жителей ус. 9 портового квартала, видимо, был кузнецом (найдены кузнечные клещи — с. 145) и пр. Нельзя не согласиться с автором книги, что в ряде случаев рыболовство являлось специальностью некоторых горожан (с. 81—84).

В полемике с А. Л. Якобсоном и другими исследователями, пытаясь доказать в целом справедливый вывод о преобладании не сельскохозяйственных, а торгово-ремесленных и промысловых занятий в деятельности жителей Херсона, А. И. Романчук избрала неправильную, на наш взгляд, методику четкого указания определенной профессиональной ориентации владельца усадьбы. Это привело не только к ряду ошибочных заключений, о некоторых причинах которых упоминалось в приведенных примерах, но, что особенно важно, к искажению и обеднению общей картины хозяйственной деятельности жителей усадеб, а также своеобразия экономического развития города. Археологический материал из раскопок Херсона со всей очевидностью свидетельствует о том, что в городе практически повсеместно наблюдается тесное сочетание ремесла, промыслов, торговли, сельского и подсобного домашнего хозяйства при иногда различаемой специализации занятий некоторых жителей усадеб.

В принципе, по нашему мнению, неверно выделять один из видов хозяйственной деятельности как профессию или специализацию жителей усадьбы, а все остальные относить к числу «бытовых занятий» (см., например с. 68). Во-первых, потому что археологические раскопки представляют нам естественную выборку материала. Вполне очевидно, что городские усадьбы не являлись закрытыми комплексами, многие из них к тому же пострадали в новое время. Кроме того, значительное количество и производственного инвентаря, и изделий изготавливалось из дерева, кожи и других органических материалов, которые практически не сохраняются в культурном слое Херсона.

Поэтому нам почти ничего не известно о целых отраслях ремесленного производства и промыслах (которые могли часто определять специализацию хозяйства), таких, как ткачество (детали ткацкого горизонтального станка делались в то время из дерева), добыча камня, солеварение, кожевенное производство и некоторые другие, сырье и продукция которых не обнаружены, а отдельные находки производственного инвентаря или недостаточно выразительны, или имеют универсальное назначение. Во-вторых, потому что А. И. Романчук не приведены основания для того, чтобы не считать хозяйство каждой усадьбы (или большинства комплексов) многоотраслевым, т. е. специализировавшимся в нескольких видах хозяйственной деятельности. Усадьба состояла не из одного владельца, в ней проживали и трудились другие жители, которые далеко не всегда занимались одним делом. Так, например, часто встречается инвентарь, связанный с прядением и обработкой шерсти: это ремесла, носившие домашний характер (а не «домашние промыслы» или просто «занятия», как их определяет А. И. Романчук), в которых применялся преимущественно женский труд, и где доказательства, что эти занятия не являлись важной сферой деятельности жителей усадеб? Таким образом, разные жители одной усадьбы могли заниматься разной хозяйственной деятельностью, каждый при этом специализируясь в своей области. Кроме того, А. И. Романчук явно не учитывает сезонность сельскохозяйственных и ряда промысловых работ, а также зависимость ремесла (иногда и некоторых промыслов) от заказа или спроса на рынке. Следовательно, нельзя отрицать, что специализация хозяйства могла меняться в зависимости от времени года, конъюнктуры рынка и наличия заказов. В-третьих, потому, что, однозначно определяя отрасль ремесленных занятий владельца усадьбы как «мастера по металлу» или «по обработке дерева, камня» и пр., автор книги упускает из вида одну из специфических черт средневекового ремесла — незавершенность его межотраслевой дифференциации. Этот достаточно сложный вопрос позволяют поставить находки из раскопок Херсона. Очевидно, что часто ремесленники (а иногда и промысловики) выполняли определенные операции, сопутствующие основному производству, как, например, изготовление деревянной оправы железных гребней, бронзовых штифтиков для костяных изделий, серебряной инкрустации костяных пуговиц, глиняных матриц для отливки грузил и пр. Для этого специалисты в определенной области ремесла (или промысловики) должны были обладать орудиями обработки «сопутствующего» сырья и умениями осуществлять сравнительно непростые операции. Методика анализа находок производственного инвентаря, использованная А. И. Романчук, не гарантирует, что в целом ряде случаев орудия труда сопутствующего производства не определят «профессию владельца». Однако часто встречаются предметы, изготовление отдельных деталей которых требовало специализированной подготовки в разных видах ремесла: как оценить изготовление сложных железных деталей каменных жерновов; костяных и деревянных накладных пластин для шкатулок, ларцов, мебели; костяных рукоятей железных орудий труда (зубаток, ножей); деревянных матриц для формовки черепицы и т. д.? Свидетельствуют ли эти примеры, список которых можно значительно увеличить, о разделении труда между ремесленниками различных специальностей, т. е. о том, что те или иные детали указанных выше изделий производились в разных мастерских? Или же следует объяснять все это исключительным умением средневековых мастеров, осваивавших несколько профессий, и ставить вопрос об определенной незавершенности межотраслевой дифференциации производства в рамках одной мастерской. И наконец, в-четвертых, нельзя не учитывать, что автор книги предлагает читателю искусственную выборку материала из данных отчетов, при которой многие находки, свидетельствующие о развитии в усадьбах тех или иных видов хозяйственной деятельности, оказались неупомянутыми. Из-за ограниченного объема рецензии приведем лишь несколько примеров. А. И. Романчук часто не указывает находки в усадьбах грузил и пряслиц (кв. 13—18, ус. 2, 3, 4, 6, 11; кв. 22, ус. 1, 4; кв. 29, ус. 6 и т. д.); иногда неверно отмечает общее количество найденных грузил: в ус. 7 кв. 13—18 их не 66, а 159; в ус. 5 кв. 22 их не 44, а 55; в ус. 3 кв. 3 их не 57, а 60; в ус. 1 кв. II их не 26, а 27 и т. д. По мнению А. Л. Якобсона, основанному на перечисленных им находках, рыболовство часто имело важное значение в хозяйстве многих усадеб северного района, что не всегда отмечает А. И. Романчук (см. ус. 7 кв. I; ус. 5, кв. II и др.). Предполагаемую профессию владельца усадьбы I кв. 22 автор определяет как «лодочный мастер», но не указанные в книге находки здесь грузил, рыболовных крючков, якоря в сочетании с отмеченными находками смолы и пеньки скорее свидетельствуют о занятии жителей усадьбы рыболовством. Находки рыболовных снастей часто встречаются с предметами, которые могли составлять снаряжение лодки; например, в ус. 5 кв. 22, где найдено много грузил, обнаружена и не указанная А. И. Романчук массивная железная цепь, по предположению Г Д. Белова, якорная. Якорная цепь встречена и в ус. 3 кв. 25. Не упоминает

А. И. Романчук и о других очень интересных находках: тарапана в производственном помещении (ус. 2 кв. 13—18), оленьих рогов, опиленного и неопиленного (ус. 4 кв. 22), веретенного кольца (ус. 6 кв. 3), куриного яйца (ус. 3 кв. 25) и др., которые могут служить важными указаниями для рассмотрения вопроса об ограниченном производстве вина, косторезном деле, домашнем прядении, птицеводстве, занятиях охотой. В ус. 2 кв. 22 не отмечены находки серпа и зубатки; в ус. 6 кв. 13—18 найден не только меч, но и копьевидный железный наконечник и другое оружие, возможно шашка, которые являются важными свидетельствами для определения занятий жителей усадеб. Сравнительно часто встречаются в комплексах находки не одной, а двух пар жерновов, нередко вместе с жерновами находят зернотерки и ступы. Эти случаи не всегда указывает А. И. Романчук (см., например, ус. 1 кв. 25; ус. 3 кв. 29 и т. д.); автор книги отмечает, что в ус. 6 кв. 22 и в ус. 3 кв. 25 не были обнаружены жернова (с. 51, 56), в то время как в первой из указанных усадеб найдены жернова, а во второй встречены и жернова, и ступы.

Анализируя находки инвентаря или производственных сооружений с целью определения профессий горожан, А. И. Романчук допускает серьезные ошибки, когда пишет, что некоторые усадьбы принадлежали «таким ремесленникам», как рыбаки, служители культа, содержатели таверн (см., например, с. 80). Безусловно, занятия этих херсонитов никак нельзя назвать ремесленными. В ряде случаев «предполагаемая профессия владельца усадьбы» определяется А. И. Романчук как «священник» (с. 37, 66, 74, 81, 82, 84). Эти выводы сделаны на основе находок в комплексах некоторых предметов культа (невзирая на найденный здесь же производственный инвентарь): крестов-энколпионов, крестов, икон, «кадильниц», держателей лампад. Однако, на наш взгляд, эти находки не являются специфическими предметами, непременно определяющими проживание в усадьбе духовного лица. Предметы культа, в первую очередь иконы и лампады, а также часто кресты и пр.,— это атрибуты любого дома христианина. Кроме того, автором книги не приведены никакие основания для того, чтобы энколпионы или сосуды, получившие в отчетах условное название кадильниц (иногда они называются «бронзовыми чашами» [4, с. 139], ср. с. 37), считать предметами, указывающими на духовное звание их владельца. Энколпионы и чаши-кадильницы встречаются во многих других комплексах города (ус. 7 кв. I; ус. 8 портовый квартал и др.) [1, с. 54; 5, с. 117; др.], часто непосредственно связанных с ремеслом — кузнечным делом (с. 145: ус. 9 портовый район — три креста-энколпиона), производством и ремонтом лодок (с. 82, 87 ус. 1 кв. 22 — кадильница), обработкой камня (ус. 1 кв. 13—18, с. 83, 85 — кадильница) и т. д.

Таким образом, использованная А. И. Романчук методика анализа производственного инвентаря, предложенное ею распределение инвентаря по группам и в большинстве случаев определение автором «профессий» владельцев усадеб не могут, по нашему мнению, быть признаны удовлетворительными.

В книге А. И. Романчук имеются и другие ошибки. Так, затрагивая вопрос об этнической принадлежности некоторых жителей Херсона, автор пишет о наличии арабских элементов на основании находок изделий с арабскими надписями (с. 153). Конечно же, подобные заключения неправомерны. Арабский язык — это язык Корана, язык всего мусульманского мира независимо от этнической принадлежности исповедующего ислам. Находки же предметов с надписями арабской графикой (кстати, это еще не всегда означает, что текст написан на арабском языке) определяются по комплексу признаков. Например, упомянутый А. И. Романчук свинцовый сосудик со стихом из Корана, по мнению К. К. Косцюшко-Валюжинича, «мог служить для хранения молитвы или заклинания в период пребывания в Херсонесе татар Золотой Орды» [5, с. 116] К кругу малоазийских изделий XIII в. относит В. П. Даркевич найденный в Херсоне бронзовый пенал-калемдан с арабскими надписями [6, с. 55—56] Если у нас есть данные письменных и археологических источников о пребывании в Херсоне XII—XIV вв. татар, турок-сельджуков и представителей других этнических групп из районов Северного Причерноморья и Малой Азии, многие из которых исповедовали мусульманство, то нет никаких определенных свидетельств, указывающих на появление в городе арабов. Что же касается замка́ с именем Омара, то нет оснований не только считать его продукцией ремесленника-араба из Херсона, о чем пишет автор монографии (с. 153), но и точно определять его как изделие местного производства, хотя это и не исключено [ср. 7, с. 157] Кроме того, А. И. Романчук отмечает, что у южных крепостных стен «в последний период, по мнению Н. В. Пятышевой, находился арабский квартал» (с. 179, прим. 70). Однако это неверно; по мнению руководителя раскопок Н. В. Пятышевой, в этом районе находился армянский квартал: «Такие характерные материалы,— сказано в отчете,— как черепица с зажимами по нижнему краю, высокие навершья крышек, бронзовая ручка с звериной головой и копытами и т. п., т. е. материалы, нахо-

дящие ближайшие аналогии в музеях Еревана и Звартноца, позволяют связать весь этот поздний комплекс с армянами, переселенцами и беженцами из разгромленных монголами городов Ани и Двина» [7, с. 157—158] Спорным представляется заключение А. И. Романчук о том, что в северной части города русскому населению был отведен «специальный участок городской территории» (с. 44). Автор книги пишет, что «выделяются набором инвентаря усадьба 3, где встречено два энколпиона киевского типа; усадьба 5, среди находок которой обнаружен киотный крест, также близкий встречавшимся в Киеве, и усадьба 7 (лампадная цепь аналогична находкам в Киеве)»; и далее утверждает, что «обитание русской колонии определило и планировку квартала, его размеры и находки. В числе отличий следует отметить баню, примыкающую к усадьбе 3» (с. 43—44). Категоричность подобных выводов автора книги совершенно, на наш взгляд, неоправданна. Для начала несколько корректив: из двух энколпионов, встреченных, кстати, не в усадьбе 3, а в усадьбе 4 (ср. с. 37, 85), только один имеет славянскую надпись и аналогичен производившимся в Киеве. Другой энколпион имеет греческую надпись и не связан с киевскими крестами. Следовательно, вывод о русском квартале делается на основе находок только трех предметов в трех из 11 открытых усадеб. При этом вряд ли всерьез можно воспринимать мнение автора, что баня в ус. 3 — один из показателей своеобразия планировки именно русского квартала. Итак, русский энколпион найден вместе с греческим, киотный крест со славянской надписью — вместе с печатью византийского сановника — севаста Константина Ксира, лампадная цепь — с восточной (вероятно, татарской) керамикой. В других усадьбах этого квартала также часты находки привозной (видимо, ордынской) керамики, обнаружены восточные и византийские монеты. Кроме того, изделия, привезенные из русских земель (серебряные новгородские гривны, предметы культа, в том числе и аналогичные найденной лампадные цепи [4, с. 153; 8, с. 245]), встречаются и в других кварталах городища в тех же временны́х слоях. Все это свидетельствует о широких связях жителей Херсона в целом и данного квартала в частности с Русью, центральными областями Византии и Ордой. Однако сравнительно с другими привозными изделиями русские встречаются не столь часто в XII—XIV вв., и факт их обнаружения из 11 в трех усадьбах одного квартала заслуживает особого внимания: возможно, следует согласиться с предположением руководителя раскопок, что в этих усадьбах могли постоянно (или временно — например, как паломники, купцы, взявшие с собой в путь кресты) проживать выходцы из Руси. Но данных для определения этнической однородности всего квартала нет.

Значительные неточности допускает А. И. Романчук при обращении к сведениям письменных источников. Остановимся здесь лишь на некоторых из них. К ошибкам, которых можно было бы избежать, привело автора книги использование сведения ряда письменных источников из вторых рук. Так, например, А. И. Романчук пишет о том, что «в конце XIV в. херсонский митрополит покинул свою епархию, но даже и в XV в. в городе сохраняется архиепископство» (с. 187), ссылаясь при этом на «Крымский сборник» П. Кеппена (с. 191, прим. 31). Однако П. Кеппен, в свою очередь ссылаясь на издание Георгия Кодина, подобного вывода не делает. Если обратиться к парижскому изданию произведений византийских писателей, куда также включен и Георгий Кодин, то в приложении в этому изданию приводится одна из многочисленных копий нотиции, приписываемой Льву Мудрому (886—912) [Codinum Georg. Explicatio officiorum sanctae ac magnae ecclesiae. Parisiis, 1655, P. 317—319] Составление этих копий относится в основном ко второй половине XIV в. или немного позднее, причем, по мнению исследователей этих манускриптов, список архиепископских областей «нотиции Льва Мудрого» отражает иерархию кафедр приблизительно середины XII в. [9, с. 174], когда в Херсоне действительно было архиепископство. Таким образом, эти сведения не имеют никакого отношения к Херсону XV в. В XV же столетии херсонская кафедра продолжала оставаться митрополичьей: два ее митрополита упомянуты — один в актах патриархата (1401 г.) и другой — «Мемуарах» Сильвестра Сиропула (1440 г.).

При рассмотрении такого важного комплекса источников по истории Херсона, как акты Константинопольского патриархата, А. И. Романчук основывается на чрезвычайно малочисленной и устаревшей уже литературе (с. 179 прим. 79). Автор не использовала в работе ряд публикаций, в первую очередь регест актов патриархата с обширными комментариями Ж. Даррузеса [10] Во многом это обусловило поверхностность исследования причин многолетних споров крымских митрополитов, неточности в интерпретации актов. Отметим лишь следующие из них. А. И. Романчук насчитывает в актах чуть более 10 упоминаний о митрополите Херсона, причем первое из них связывает с февралем 1340 г., а последнее — с 90-ми годами XIV в. (с. 174), хотя по данным актов о херсонской митрополии известно 35 свидетельств с 1280 по 1401 гг. Поэтому и рассуждения

автора книги о частоте и времени поездок херсонских иерархов в столицу требуют значительной коррекции. Кроме того, утверждения А. И. Романчук о том, что тяжба херсонского митрополита с другими крымскими же иерархами основывалась на стремлении херсонской знати к автономии и была разрешена в пользу Херсона при поддержке императора (с. 174, 176), являются и бездоказательными, и, главное, противоречивыми. Следует отметить, что никаких данных о стремлении Херсона к автономии в поздневизантийский период в источниках нет. Суть же споров херсонских митрополитов состояла во вполне объяснимом желании получать доходы с большего количества приходов. Анализ актов и епископских нотиций показывает, что настойчивость митрополита Херсона была обусловлена комплексом причин: и тем, что ранг Херсона в иерархии крымских кафедр всегда был выше ранга других таврических церквей; и тем, что спорные территории действительно ранее принадлежали херсонскому митрополиту, будучи лишь на время переданы в экзархальное управление митрополиту Готии в середине XIV в.; и тем, что прихожане этих спорных областей выступали на стороне херсонской церкви. На протяжении многих лет патриархи не решали тяжбу в пользу херсонского митрополита, ибо в упомянутый уже период экзархального управления херсонской церковью митрополита Готии часть приходов оказалась в ставропигиальном владении патриархов, поэтому возвращение к прежнему положению, т. е. передача спорных областей в ведение херсонского митрополита, могло повлечь за собой и отмену здесь патриарших ставропигий, за доходами с которых, что отмечается в актах неоднократно, внимательно следили патриархи. Почему же в таком случае два раза (а не один, как пишет А. И. Романчук) были приняты решения в пользу херсонской церкви, также дважды утвержденные императорами? Для этого необходимо обратить внимание на годы принятия этих постановлений — 1377/78 и 1390, т. е. годы первого и второго патриаршества Макария, ставленника двух мятежных императоров — Андроника IV и Иоанна VII. Исследователи отмечают, что Макарий, опираясь на поддержку василевса, «стремился проводить политический курс, прямо противоположный курсу своих предшественников» — Филофея, а затем и Нила [11, с. 376]. Именно по этим причинам принимаются решения, отменяющие постановления прежних патриархов в отношении Херсона; акты в пользу Херсона утверждают императоры, а Макарий, таким образом, в лице херсонского митрополита расширяет сравнительно небольшое число своих приверженцев в синоде. Неверны и аргументы, которые приводит А. И. Романчук для доказательства богатства херсонской митрополии: «Так ли уж бедна была Херсонская епархия,— пишет автор книги,— если доходы с нее позволяли предпринимать длительные путешествия, по нескольку месяцев жить в столице и добиться приема у императора?» (с. 175). Длительное проживание в столице, как следует из многих церковных документов, свидетельствовало именно о бедности епархии, ее разоренности или других трудностях, с которыми не хотели справляться иерархи и, стремясь избежать их, отправлялись в столицу. Поэтому вновь рукоположенные митрополиты и давали письменные обязательства (по единой форме, что говорит о частоте таких случаев), что не имеют позволения, «отыскивая предлог к праздности и откладывая отъезд, ни после отправления к церкви возвратиться сюда (т. е. в столицу.— *Н. Б.*), оставивши вверенную паству, опричь великой нужды и надобности, которую всесвятейший наш владыка, вселенский патриарх и божественный священный Синод не сочтут имеющей основание [Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. Miklosich F Müller I. 1860. V 1. P. 182].

Трудно согласиться и с формулировками ряда выводов, приведенных в заключительной части книги. Один из них выглядит следующим образом: «Появление квартальных храмов изменяет внутреннюю структуру кварталов, в которых строятся усадьбы, по своему облику и размерам кардинально отличающиеся от античных. Характер этих изменений обусловлен прежде всего новым уровнем социально-экономического развития» (с. 182). Как следует из слов автора книги, квартальные храмы возникали после X—XI вв. (с. 182). В связи с этим непонятен смысл приведенного вывода: о характере каких изменений идет речь? Обусловленных новым уровнем социально-экономического развития по сравнению с каким уровнем? Из предложенной формулировки и всего предшествующего ей рассуждения (с. 182) следует, что по сравнению с античным, но даже подобная постановка вопроса представляется крайне некорректной. Если же автор имела в виду тот факт, что развитие Херсона XII—XIV вв. существенно отличается от периода раннесредневекового (вплоть до X—XI вв.), в большей степени сохранявшего традиции античной планировки, то вывод А. И. Романчук тем не менее остается недоказанным: в книге не приведены ни данные, ни их объяснения по вопросу о появлении и формах проявления в Херсоне изучаемого периода новых тенденций в области экономического и социального развития в сравнении с предшествующим периодом.

Представляет интерес исследование автором численности населения Херсона в XII—XIV вв.

(с. 183—185). Однако, безусловно, требует корректировки заключение А. И. Романчук о том, что «число жителей города должно было составлять 3600—5000 человек, т. е. Херсон в последние века своего существования не отличался от других византийских городов». Вполне очевидно, что другие византийские города имели весьма разное число жителей, даже и те из них, которые, по наблюдению А. И. Романчук, назывались современниками «большим» как, например, Адрианополь с 1,5 тыс. горожан (с. 183).

Утверждается также, что в «Херсонесе, если судить по находкам инструментария, преобладало ремесло», но сколько-нибудь обоснованных доказательств тому, что «намечалась тенденция к сосредоточению представителей одной профессии в рамках квартала» (с. 185) не приведено.

Довольно много в книге ошибок в ссылках на источники, в большей степени на письменные. Несколько примеров:

— письма папы римского Мартина в 87 томе «Патрологии» Миня опубликованы не в столбце 703 С (с. 154, прим. 2), а в столбцах 201—204;

— на отрывки из сочинения Никифора Григоры А. И. Романчук ссылается: Niceph. Gregoras, XVIII, 3, ed. Bonnae, II, P. 887 (с. 190, прим. 24) и Niceph Gregoras, XVIII, 3, ed. Bonnae, II, P. 887 (с. 191, прим. 27), а следует (даже если не учитывать принятые формы полного описания впервые цитируемого произведения): Niceph. Gregoras, XVIII, 2, ed. Bonnae, II, P. 877; и Niceph. Gregoras, XVIII, 2, ed. Bonnae, II, p. 880 (кстати, это сообщение Григоры в Боннском издании отмечено не под 1350 г., как пишет А. И. Романчук (с. 187), а под 1351 г.);

— непонятны причины своеобразных ссылок автора книги на трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей»: то на английский перевод греческого текста (с. 154, прим. 3), то в следующем же примечании на греческий текст (с. 154, прим. 4), а иногда по очень частному вопросу на огромную по объему главу 53 без указания страницы (с. 180, прим. 84);

— необъяснимо, на наш взгляд, и появление в научном издании примечаний типа: Atti della Societa Ligure VII, I — Цит. по: МИА, 17, с. 45, прим. 1 (см. с. 191, прим. 35). Во-первых, это издание имеется в советских библиотеках. Во-вторых, цитируемое А. И. Романчук примечание из книги А. Л. Якобсона также основывается не на оригинале, и в нем к тому же допущена ошибка: Atti della Societa Ligure VII, I, стр. 869, ср. с. 735 (ссылаюсь по Л. Колли...). Но сведения о Херсоне в инструкции 1472 г. содержатся не на с. 869, а на с. 872.

Завершая рецензию, отметим, что, несмотря на недостатки книги А. И. Романчук, появление этой монографии открывает новый этап в изучении истории Херсона, когда после нескольких десятилетий публикации отдельных статей по археологии города и некоторых отчетов о раскопках появилась работа обобщающего характера. Важно то, что автор стремилась использовать накопленный археологами материал для постановки ряда вопросов социально-экономической истории и топографии Херсона. Следует надеяться, что новая книга о Херсоне привлечет внимание исследователей к истории этого столь малоизученного и столь богатого археологическими источниками византийского города.

Н. М. Богданова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес XII—XIV вв //МИА. 1950. Вып. 17.
2. *Гриневич К. Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического // ХС. 1930. Вып. 3.
3. *Сванидзе А. А.* Деревенские ремесла в средневековой Европе. М: Высшая школа, 1985.
4. *Белов Г Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII (Раскопки 1940 г.) // МИА. 1953. Вып. 34.
5. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г. // ИАК. 1902. Вып. 4.
6. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII—XIII вв. (Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья). М.: Наука. 1976.
7. *Пятышева Н. В.* Раскопки ГИМ в Херсонесе // Экспедиция ГИМ (Докл. на сессии ученого совета ГИМ, 5—7/II 1969 г.). М., 1969. С. 141—158.
8. *Белов Г Д.* Отчет о раскопках в 1931—33 гг. // МИА. 1941. Т. 4.
9. *Darrouzès J* Notitiae episcopatuum ecclesiae Constantinopolitanae. P.: Inst. franç. d'études byz., 1981. 521 p.
10. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople/Par Darrouzès J. P., 1977—79. V 1. Fasc. 5—6. 603. p., 548 p.
11. *Tinnefeld F* Byzantinisch-russische Kirchenpolitik im 14. Jahrhundert // Byzantinische Zeitschrift. 1974. B. 67.

Хроника

ВСЕСОЮЗНЫЙ НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «СКИФИЯ И БОСПОР», ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА М. И. РОСТОВЦЕВА

(Ленинград, 1989)

С 14 по 17 марта 1989 г. в Ленинграде работал Всесоюзный научный симпозиум «Скифия и Боспор», посвященный памяти выдающегося русского ученого акад. М. И. Ростовцева. Симпозиум был организован и проведен по инициативе Ленинградского отделения Института археологии АН СССР совместно с Музеем истории донского казачества (г. Новочеркасск). Идея организации и проведения симпозиума была связана с 70-летним юбилеем создания М. И. Ростовцевым монументальной монографии «Исследование по истории Скифии и Боспорского царства» (1918), первая часть которой под названием «Скифия и Боспор» увидела свет в 1925 г. [1, с. 208—210] В этой книге М. И. Ростовцева были сформулированы основные проблемы изучения истории Боспорского государства и Великой Скифии, разработкой которых продолжают заниматься и современные поколения исследователей. В работе симпозиума приняли участие более 100 ученых из СССР и Болгарии, представлявших научные центры Ленинграда, Москвы, Софии, Киева, Новочеркасска, Краснодара, Севастополя, Симферополя, Керчи, Саратова, Ростова-на-Дону, Элисты и других городов. За четыре дня работы симпозиума было прослушано и обсуждено 46 научных сообщений, осветивших различные стороны жизни и творчества М. И. Ростовцева, современное состояние изучения истории Боспора, а также круг проблем скифо-сарматской археологии.

С приветственным словом к собравшимся на открытие симпозиума обратился заведующий ЛО ИА АН СССР, чл.-кор. АН ТССР В. М. Массон. Давая краткую оценку значения личности М. И. Ростовцева для истории науки, он обратил внимание на проблему соответствия многих исследовательских методов ученого марксистским методологическим основам научного познания. Анализ причин этого соответствия, по мысли В. М. Массона, может способствовать объяснению феномена исторической достоверности многих исторических построений М. И. Ростовцева.

Большая часть докладов первого дня работы симпозиума была посвящена различным аспектам биографии М. И. Ростовцева. В докладе Э. Д. Фролова (Ленинград) «Судьба ученого: М. И. Ростовцев и его место в науке об античности» были разобраны наиболее значительные темы научного творчества М. И. Ростовцева. Особое внимание докладчик уделил вопросу о связях ученого с русской (особенно петербургской) историко-филологической школой, традиции которой во многом определили круг его научных интересов. Своеобразным продолжением затронутой Э. Д. Фроловым темы об организации преподавания историко-филологических дисциплин в России стал доклад И. Л. Тихонова (Ленинград) «Заграничные командировки 1893—1898 гг. М. И. Ростовцева — становление археолога». Докладчик подробно рассказал о путешествиях Ростовцева по странам Средиземноморья, которое окончательно сформировало будущий круг его научных интересов.

Примером того, как много для истории науки может дать публикация архивных материалов, явилась целая серия докладов. Болгарские ученые В. Велков и В. Найденова (София) в докладе «М. И. Ростовцев и Болгария» на основе переписки М. И. Ростовцева и Г. И. Кацарова воссоздали историю взаимоотношений этих ученых. В сообщении «Заметка В. В. Латышева об ученой деятельности М. И. Ростовцева» В. П. Яйленко (Москва) высоко оценил историографическое значение этого документа, подготовленного В. В. Латышевым специально для избрания М. И. Ростовцева в действительные члены Российской Академии наук зимой 1917 г. Об одной из рукописей ученого рассказала в своем докладе «Неизданная работа М. И. Ростовцева» И. В. Тункина (Ленинград). Как установила докладчица, очерк «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» был написан Ростовцевым в 1918 г. Он содержит обзор достижений отечественной классической и скифской археологии с конца XVIII в. вплоть до 1917 г. и целую программу дальнейших исследований, не потерявшую до сих пор своего научного значения. Основываясь на публикациях М. И. Ростовцевым материалов из Дура-Европос, О. А. Грива (Симферополь) в докладе «М. И. Ростовцев — первооткрыватель парфянского искусства» рассказала о становлении взглядов ученого на проблемы парфянской истории и культуры.

Ряд докладов был посвящен оценке источниковедческой деятельности М. И. Ростовцева. В докладе М. В. Скржиской (Киев) «Источниковедческие исследования М. И. Ростовцева в книге „Скифия и Боспор“ и их развитие в советской историографии» было отмечено, что боль-

© М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев, 1991 г.

шинство положений Ростовцева полностью разделяют современные ученые. Коррективам подверглись лишь взгляды Ростовцева на труды Псевдо-Гиппократа и Псевдо-Скимна. Доклад В. Ю. З у е в а (Ленинград) «Академик М. И. Ростовцев и Геродот (анализ критики литературного источника)» был посвящен разбору существующего в историографии мнения о том, что этот ученый не занимался критикой «Истории» Геродота. На основе найденных глав второго тома «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства» докладчик доказал существование в этой работе Ростовцева особой источниковедческой системы разбора труда Геродота, которая предусматривала расчленение текста «Истории» на пласты, восходящие к разнородным и разновременным источникам. В. Ю. Зуев отметил, что воссоздание системы взглядов Ростовцева на труды Геродота имеет кроме историографического большое методическое и науковедческое значение. Доклад В. И. К а ц а (Саратов) «К вопросу о публикации III тома IPE» был посвящен истории создания «Свода клейм» и его современному состоянию. Докладчик отметил многочисленные несовершенства рукописи Свода, являющегося уже несколько десятилетий основным источником для определения вновь находимых клейм. В качестве выхода из трудной ситуации, которая требует сверки Свода, докладчик предложил издать серию определителей клейм по центрам их производств, а также подвергнуть всю совокупность имеющихся надписей машинной обработке.

К большим проблемным докладам культурологического характера следует отнести выступления на симпозиуме Д. А. Мачинского и Ю. В. Андреева. В докладе Д. А. Мачинского (Ленинград) «Скифия и Боспор» была сделана смелая попытка рассмотреть культурно-историческую эволюцию огромной части Евразийского материка с VIII в. до н. э. по XI в. н. э. Докладчик развил идею М. И. Ростовцева о том, что история России может стать понятной только при условии, если ее начинать с древнейших времен античной эпохи. Вводя свое понимание терминов «Скифия» и «Боспорский регион», Д. А. Мачинский рассмотрел сакральные аспекты проблемы греческой колонизации и предложил свою трактовку путешествия Аристея из Проконесса в Скифию в первой половине VII в. до н. э. Далее докладчик остановился на вопросе о характере власти Спартокидов и значении Боспора в жизни Причерноморья в римскую эпоху. Особое внимание Д. А. Мачинский уделил тому моменту, когда на Боспоре получают распространение смешанные иудео-христианские верования. Затем докладчик перешел к вопросу о роли Боспорского региона в судьбах Хазарского каганата и раннего славянства и роли Тьмутараканского княжества в процессе сложения Русского государства. Выступление Д. А. Мачинского, завершающее работу симпозиума, было воспринято с большим одобрением и огромным вниманием. Выступившие при обсуждении доклада В. П. Яйленко, В. П. Толстиков и Г С. Лебедев определили стремление докладчика дать хоть и беглый, но связный обзор истории нашей страны в таком хронологическом диапазоне — как труд большой творческой смелости и силы. В докладе Ю. В. А н д р е е в а (Ленинград) «Греческая цивилизация в системе варварских культур Евразии I тыс. до н. э.» была предпринята попытка дать общую картину культурных ареалов Евразийского континента в VII—VI вв. до н. э. Основную причину резкого выделения греков на общем фоне докладчик видит в тех преимуществах, которые дала новая полисная система организации общества. Доаклад Ю. В. Андреева вызвал острую дискуссию. В. П. Яйленко в своем выступлении отметил большую роль восточных элементов в раннегреческой культуре, поставил под сомнение методическую правомерность сравнения греческого развития с культурными процессами, протекавшими в Евразийском мире, а также выступил против идеи Ю. В. Андреева о роли полисной системы, указывая на то, что в Азии городские центры не привели тамошнее общество к столь интенсивному развитию, каковое наблюдается в Греции. В ответном слове Ю. В. Андреев отметил, что он вовсе не отрицает роли восточных влияний на процесс сложения греческой цивилизации. Что же касается сравнений греческой цивилизации с культурами Евразии, то это кажется ему весьма перспективным делом, так как у греков и варваров Евразии, несомненно, существуют общие культурные истоки. Ю. В. Андреев указал также В. П. Яйленко на качественное различие между городом на Востоке и греческим полисом. В поддержку Ю. В. Андреева выступил и Д. Б. Шелов, который также отметил большую перспективность попытки сравнения процессов культурогенеза греков и варваров Евразии для лучшего понимания того, что разводит эти два мира на путях их культурного развития.

Важные аспекты истории уже конкретно Боспорского региона были затронуты в докладе В. П. Т о л с т и к о в а (Москва) «Некоторые итоги изучения центральной части Пантикапея и проблема эллино-скифских отношений на Боспоре в VI—V вв. до н. э.». Опираясь на анализ особенностей архитектурной застройки Пантикапея, В. П. Толстиков высказал мысль, что на раннем этапе Пантикапей нельзя признать городом. Формирование городской застройки отмечается здесь только в последней четверти VI — первой половине V в. до н. э., когда начинается возведение наземных домов. Этот процесс был прерван на рубеже первой — второй четверти V в. до н. э. Обозначенный регресс, по мысли автора, может служить еще одним аргументом в пользу гипотезы о дестабилизации военно-политической обстановки на Боспоре в 80—60-х годах V в. до н. э., вызванной экспансией скифов против эллинских центров. Эта экспансия трактуется им как важнейший фактор в объединении Археанактидов. Доклад В. П. Толстикова вызвал оживленную дискуссию. Против его идеи выступили А. А. Масленников и С. Ю. Сапрыкин. А. А. Масленников указал на практическое отсутствие большого количества памятников скифской культуры этого времени и обратил внимание на совпадение появления объединения Археанактидов с событиями Греко-персидской войны. Гипотеза В. П. Толстикова в целом была поддержана А. Е. Пуздровским и К. К. Марченко. Как отметил последний, «пустота» в степном коридоре в первой половине V в. до н. э. неудивительна, так как она связана с вторжением сюда с востока новых орд кочевников. В докладе В. П. Толстикова, по мнению К. К. Марченко, недостаточно обоснован отказ от дефиниции «город» при рассмотрении ранней истории Пантикапея.

Доклад Ю. А. Виноградова (Ленинград) «О курганах варварской знати V—III вв. до н. э. в районе Боспора Киммерийского» был посвящен вопросам хронологии и топографии этих комплексов. Автор выделил в их истории три периода. На первом из них (первая половина V — начало IV в. до н. э.) курганы варварской знати насыпались в окрестностях нескольких городов, что дает возможность говорить об объединении Археанактидов как о союзе-симмахии, но не о государстве. В IV в. до н. э., с образованием при ранних Спартокидах Боспорского государства, курганы возводятся только около столицы Пантикапея и в меньшей степени под Фанагорией. На рубеже IV—III вв. до н. э. с продвижением в Прикубанье и Причерноморье сарматских племен, по мнению Ю. А. Виноградова, происходит переориентация боспорской политики, что повлекло за собой исчезновение традиции возведения курганов варварской знати на европейском Боспоре и продолжение ее на азиатской его части. Предложенная гипотеза была поддержана К. К. Марченко и Д. А. Мачинским. Последнему очень важным представляется тезис о переориентации в конце IV—III в. до н. э. связей Боспора на восток.

О. Д. Чевелёв (Керчь) выступил с докладом «Новые расписные склепы некрополя Пантикапея». Он подробно охарактеризовал интересные памятники боспорской архитектуры и живописи I—II вв. н. э., открытые в Керчи в 1987—1988 гг. М. Ю. Трейстер (Москва) в докладе «Матрицы в торевтике Пантикапея IV в. до н. э.» пришел к заключению, что именно в Пантикапее находился центр производства северопричерноморской торевтики. Иные гипотезы, на его взгляд, сейчас имеют мало шансов на существование. Несколько позже, выступая с докладом о художественной металлообработке, Р. С. Минасян указал М. Ю. Трейстеру на то, что он демонстрировал в докладе не матрицы, а формы для изготовления этих матриц, что существенно корректирует трактовку технологии торевтики, предложенную М. Ю. Трейстером. С докладом «Этнические процессы на европейском Боспоре в VI—II вв. до н. э.» выступили на симпозиуме Е. П. Бунатян и С. С. Бессонова (Киев) [2]. Н. Ф. Федосеев (Керчь) в сообщении «Экономическая ситуация на европейском Боспоре в эллинистическое время» ознакомил участников симпозиума со своими наблюдениями об особенностях распределения амфорных клейм на археологических памятниках Восточного Крыма. Ему удалось показать существенные различия в характере импорта, который шел на южное и северное побережье Керченского полуострова. Т. Н. Смекалова (Ленинград), А. М. Масленников и А. В. Мельников (Москва) в докладе «Комплексные физико-археологические исследования античных памятников» показали, что в ряде случаев изучение античных сельских поселений физико-археологическими методами может обеспечить повышение количественного и качественного содержания получаемой информации. С. Ю. Сапрыкин (Москва) выступил с докладом «Происхождение династии Спартокидов», в котором сделал вывод, что основателем Понтийской державы был не Митридат Киосский, а его сын, также носивший имя Митридат. В «Заметках по титулатуре Спартокидов» Ф. В. Шелов-Коведяев (Москва) показал, что мнение об отсутствии системы в титулатуре поздних Спартокидов неверно. После некоторого колебания в начале III в. до н. э. наступил период ее стабилизации вплоть до второй половины II в. до н. э. В докладе И. Ю. Шауба (Ленинград) «Амазонки на Боспоре» была поддержана идея М. И. Ростовцева о возможности связывать легенду с областями, где существовал культ Великой богини. Перенесение греками представлений об амазонках на реальные припонтийские племена, по мнению докладчика, производилось прежде всего по культовым признакам. В этом отношении амазонская топонимика связывается им с наличием здесь святилища Афродиты-Апатуры. Еще один доклад, посвященный исследованию религиозных представлений,— «Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения»– был прочитан В. А. Коршунковым (Ленинград). Автор считает, что хвойные растения, определенная роль которых в культе Ахилла засвидетельствована в эпиграфических материалах, указывают на хтонические черты его облика. Основные выводы В. А. Коршункова были поддержаны В. П. Яйленко. Доклад А. А. Масленникова (Москва) «Скифы на Боспоре в V—III вв. до н. э.» был посвящен проблеме взаимоотношения Боспора с варварским миром. Большое внимание автор уделил изменениям, которые фиксируются на памятниках Восточного Крыма приблизительно в 270—250 гг. до н. э. Предложив разнообразные трактовки событий этого времени, докладчик отметил, что местное население не исчезает в результате произошедших на Боспоре военных столкновений, а лишь меняет под воздействием политических катаклизмов весь облик своей материальной культуры. Близкий круг вопросов был затронут в выступлении М. И. Золотарева «О политической ситуации в Крыму в III в. до н. э.». Основную причину негативных изменений на хоре Боспора и Херсонеса докладчик усматривает в общей дестабилизации военно-политической обстановки, вызванной сарматским передвижением. Два последних доклада получили высокую оценку в выступлениях К. К. Марченко, А. Е. Пуздровского, В. П. Толстикова и Н. Ф. Федосеева. Учитывая важность изучения обозначенных проблем истории Крыма на широком фоне, было одобрено предложение К. К. Марченко в ближайшее время провести научную конференцию по теме «Скифия в III—I вв. до н. э.». Как бы подтверждая это мнение, Е. Я. Туровский (Севастополь) в докладе «К вопросу о греко-варварских отношениях в Крыму в первой половине III в. до н. э.» назвал конец первой трети столетия переломным моментом в исторических судьбах греческих государств Крымского полуострова. По его мнению, только путем мобилизации всех возможных средств Херсонес, и, возможно, Боспор сумели защитить свою свободу от скифского натиска. Доклад С. Б. Буйских (Киев) «К проблеме Таврического лимеса» был посвящен анализу оборонительной системы, которая была создана вокруг Ольвии в конце I в. до н. э.— начале I в. н. э. В организации этой системы автор прослеживает принципы, использовавшиеся при организации лимеса в римских провинциях. В обсуждении доклада приняли участие Д. Б. Шелов, П. В. Шувалов и В. Е. Еременко. Все они критически отнеслись к идее докладчика назвать исследованную им систему укреплений лимесом. Д. Б. Шелов отметил большой интерес воссозданной С. Б. Буйских системы укреплений, но решительно выступил против того, чтобы эту систему называть лимесом. По мнению П. В. Шувалова, в данном случае гораздо правомернее

говорить об укрепленном районе, который не надо путать с лимесом. В. Е. Еременко отметил сходство представленной системы укреплений с очагами укреплений, характерными для внутренних районов Римской империи. Однако, несмотря на единодушие критических выступлений, автор доклада счел все же возможным настаивать на своей трактовке этих укреплений.

Большой интерес вызвали доклады, посвященные скифской тематике. Доклад Н. А. Боковенко (Ленинград) «К вопросу о восточных импульсах в раннескифской культуре Северного Причерноморья» был посвящен рассмотрению археологического материала Евразийского пояса степей X—VII вв. до н. э. в аспекте центрально-азиатской гипотезы о происхождении скифской культуры. Н. А. Боковенко выделил три последовательных этапа (X—IX, VIII и начало VII в. до н. э.) в продвижении кочевников с востока на запад, сначала не очень значительного, но впоследствии все более и более масштабного, и отметил, что для позднего, собственно раннескифского вторжения выделяются северный и южный пути проникновения кочевников в Причерноморье. В обсуждении доклада К. К. Марченко, Д. А. Мачинский и В. Ю. Зуев отметили четкую обоснованность главного тезиса докладчика о том, что первоначальный скифский импульс шел из регионов Центральной Азии. Д. А. Мачинский высказал мысль о том, что благодаря докладу Н. А. Боковенко о движении кочевников-«скифов» от Алтая на запад, наука возвращается к верной и в основе своей очень древней (Аристеевской) концепции движения народов в Скифии. В своем выступлении В. Ю. Зуев предложил в ближайшее время созвать особую конференцию по проблемам происхождения и генезиса скифской культуры Евразийского ареала в целом.

В сообщении Д. Б. Шелова (Москва) «Монеты-стрелки во Фракии и Скифии» была отмечена связь этой категории археологического материала в основном с тремя регионами: Истрией, Аполлонией и Ольвией (и их сельскохозяйственными территориями). После критического обзора точек зрения о центрах производства и времени существования монет-стрелок докладчик вполне обоснованно высказался в пользу возможности существования на указанных территориях греко-варварского денежного обращения в VII—VI вв. до н. э., что имеет огромное значение для наших представлений об уровне социально-экономического развития всего северо-западного Причерноморья в столь раннее время.

Большой резонанс вызвал доклад А. Ю. Алексеева (Ленинград) «Великая Скифия или две Скифии? (Хронологический аспект истории европейских скифов)». В нем была обоснована точка зрения докладчика о существовании на просторах Европейской Скифии в рамках VII—IV вв. до н. э. двух археологически различных культур: VII — VI и V — IV вв. до н. э. Как одну из возможных причин качественных перемен на рубеже VI—V вв. до н. э., изменивших весь уклад жизни в этом регионе, А. Ю. Алексеев назвал активную политику Персидской империи, повлекшую за собой политическую нестабильность и движение кочевников во всем скифо-сакском мире того времени. При обсуждении доклада К. К. Марченко указал, что предложенная А. Ю. Алексеевым схема не только хорошо подтверждается материалом, но и соответствует общему историко-археологическому контексту Северопричерноморского региона. Ф. Р. Балонов отметил, что рубеж VI—V вв. до н. э. является эпохой преображения облика культур всего древнего мира от Средиземноморья до Китая и в этой связи намеченная докладчиком смена культур этого времени в Скифии обязательно должна отражать историческую реальность. Верность уловленных докладчиком разрывов в археологическом материале подчеркнул и Д. А. Мачинский. По его мнению, внешние толчки со стороны Персидской державы в самом конце VI в. до н. э. лишь подтолкнули естественный в Евразийском регионе процесс движения кочевников с востока на запад и в V в. до н. э. в результате этого в археологическом материале действительно фиксируется деформация культуры и намечается качественное изменение скифского звериного стиля. В. П. Копылов (Ростов-на-Дону) отметил, что примерно к таким же выводам он пришел на основе анализа материалов из дельты Дона, что также подтверждает верность предложенных докладчиком разработок.

Разновидностям художественной металлообработки в Северном Причерноморье был посвящен доклад Р. С. Минасяна (Ленинград) «Кавказская, античная и скифская художественная металлообработка в эпоху раннего железа». На основе различий в технологии производства металлических изделий докладчик намечает три отличных друг от друга центра и присущие им способы обработки художественного металла.

Вопросам семантики и иконографии некоторых сюжетных сцен на предметах греко-скифского искусства был посвящен ряд докладов. В. А. Кисель (Ленинград) в докладе «О серебряном зеркале из Келермеса» провел стилистический анализ изображений на этом предмете, демонстрирующем органическое слияние передневосточных, ионийских и скифских традиций. Докладчик датировал этот предмет второй половиной VII вв. до н. э. и связал его происхождение с Малой Азией (Лидией). Предложенная В. А. Киселем датировка подтверждает, по мнению Д. А. Мачинского, достоверность сведений Геродота о путешествии Аристея Проконесского к Риппеям (Алтаю) в 670 г. до н. э., благодаря поэме которого в одной из сцен, украшающих зеркало, нашел свое отражение миф о борьбе аримаспов с грифонами. В докладе Г. Н. Курочкина (Ленинград) «Образ богини с зеркалом в скифском искусстве и его иконографические прототипы» рассмотрена семантика сюжета приобщения скифа женским божеством. Говоря о прототипах образа женской богини с зеркалом, Г. Н. Курочкин предложил обратиться к изображениям на различных предметах II—I тыс. до н. э., найденных на территории Восточного Ирана и Афганистана, что, по его мнению, реально указывает на индо-иранские корни скифской культуры Северного Причерноморья. Семантический анализ близкой по сюжету композиции был дан и в докладе Е. А. Савостиной (Москва) «Сюжет и композиция рельефа из Трехбратнего кургана». Докладчик предложила видеть в изображении на рельефе сцену загробного предстояния конного рыцаря перед Великой богиней у границы загробного мира. Выступивший в обсуждении доклада Д. А. Мачин-

ский поддержал предложенную трактовку сюжета, отметив лишь, что горит, изображенный висящим на дереве (границе миров) в целом ряде аналогичных сюжетов, свидетельствует скорее в пользу преодоления этой границы и говорит о символическом слиянии героя с женским божеством.

Ряд докладов был посвящен также различным аспектам материальной культуры племен Северного Причерноморья скифской эпохи. В докладе Т. М. Кузнецовой (Москва) «Зеркала как исторический источник» были проанализированы три типа предметов, называемых в литературе «зеркалами», показана их функциональная разнородность, отмечено их значение в проблеме фиксации древних торговых и сакральных путей Евразийской Скифии. Доклад Н. А. Гаврилюк и Г. А. Пашкевич (Киев) «Земледелие на территории Северного Причерноморья в скифское время» ознакомил участников симпозиума с материалом, свидетельствующим о развитии земледелия в степной Скифии в IV—III вв. до н. э. По мнению авторов, земледелие, возникшее в степи из потребностей скотоводческого хозяйства, существует здесь в конце IV в. до н. э. по крайней мере полстолетия. В выступлениях К. К. Марченко и А. Н. Щеглова была отмечена важность информации и выводов доклада, поскольку они позволяют судить об интенсивности процессов оседания на землю у номадов приднепровской степи в указанное время. В докладе С. Н. Сенаторова (Севастополь) «Лепная керамика с резным орнаментом варварских поселений Восточного Крыма I тыс. до н. э.» были выделены три компонента в лепной керамике этого региона: скифский, кизил-кобинский и некий «местный», связанный, по мнению автора, с керамическим производством восточно-крымского населения.

Большой интерес вызвал доклад М. А. Очир-Горяевой (Элиста) «Савроматы и савроматская культура». Обратив внимание на расхождение письменной античной традиции и современных представлений об ареале «савроматской» археологической культуры, докладчик предложила отказаться от распространенной точки зрения, связывающей с савроматами памятники не только Южного Приуралья, но и Нижнего Поволжья. В выступлениях К. К. Марченко, Д. А. Мачинского и В. Ю. Зуева было подчеркнуто, что автор очень убедительно показала (опираясь на данные письменных источников и археологии) отсутствие генетической связи между савроматами и сарматами, а также неправомочность сопоставления этнонима «савроматы» с археологическими памятниками Приуралья и Нижнего Поволжья. Данная концепция развивает на новом материале взгляды М. И. Ростовцева по этому вопросу, от которых долгие годы отказывались наши ученые. В докладе Е. Ф. Чежиной (Ленинград) «Звериный стиль скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в концепции М. И. Ростовцева» был оценен и показан вклад М. И. Ростовцева в разработку вопросов, связанных с изучением звериного стиля Поволжья и Приуралья.

В выступлении А. Е. Пуздровского (Симферополь) «Неаполь Скифский и Боспор» были прослежены основные особенности развития взаимоотношений двух названных центров со II—I вв. до н. э. по II—III вв. н. э. Близкие по тематике вопросы были затронуты в докладе Ю. П. Зайцева (Симферополь) «Мегаронный комплекс в пригороде Неаполя Скифского». Автор рассказал о двух мегаронах, построенных в первой половине I в. до н. э. и разрушенных в конце I в. н. э.

На сарматской секции симпозиума было заслушано пять докладов. В. Е. Еременко и В. Ю. Зуев (Ленинград) в докладе «М. И. Ростовцев и проблема кельто-скифских культурных контактов» рассмотрели проблему симбиоза скифской, латенской и «местной» культур, опираясь на находки латенских импортов IV—III вв. до н. э. на территории Гетики и Скифии. Обилие этих импортов свидетельствует, по мнению докладчиков, о консолидации варваров на границах Македонии в последней трети IV в. до н. э. Однако борьба скифов с сарматским нашествием и начало активной экспансии кельтов на юго-восток в 280-е годы до н. э. прерывают союзные связи этих народов. Латенский импорт IV—III вв. до н. э. остается локальным явлением в культурной истории Скифии. Доклад М. Б. Щукина (Ленинград) «О галатах и дате декрета Протогена» был посвящен сопоставлению условной даты декрета Протогена (рубеж III—II вв. до н. э.) с периодами появления в Скифии и Гетике двух хронологически различных групп латенских импортов, одна из которых несомненно была связана с галатами. Времени декрета вроде бы соответствует вторая группа латенских находок, но она соответствует по времени появлению в Причерноморье бастарнов, о которых нет упоминания в тексте декрета. На основании этого М. Б. Щукин предложил эпиграфистам пересмотреть дату декрета в честь Протогена в сторону ее удревнения. В обсуждении доклада М. В. Скржинская, сославшись на мнение еще В. В. Латышева, указала на возможность такого удревнения. Идея доклада вызвала также одобрение со стороны Б. А. Раева и В. Е. Еременко. Проблеме интерпретации изображений на мраморной табличке из Мезии был посвящен доклад Ф. Р. Балонова (Ленинград). Докладчик на основе своей трактовки изображений нижнего фриза таблички из Арчара (меч вместо ранее предполагавшейся амфоры, воткнутый в землю) предложил трактовать всю композицию в целом как самое позднее свидетельство обряда поклонения богу Аресу в его скифской ипостаси меча-акинака. С докладом «Сарматы-сарапары» выступил Ю. М. Десятчиков (Москва). Он остановился на возможности этимологии термина «сарапары» как иранского «головорезы» и отметил, что это скорее всего иноназвание кочевников, огнем и мечом прошедших по территории, занятой иранскими народами. Говоря о возможности сопоставления сармат-сарапаров с сираками, Ю. М. Десятчиков затронул тему азиатского происхождения сарматов, и в качестве одного из возможных путей проникновения сармат-сираков в Предкавказье из Средней Азии он назвал южный путь вокруг Каспийского моря. Касаясь вопроса многочисленности названий сарматских племен, докладчик высказал предположение о социальном, а не этническом значении этих «этнонимов». В выступлениях В. Ю. Зуева и Б. А. Раева была отмечена большая перспективность идеи проникновения сарматской культуры на Кавказ и в Предкавказье через так называемый «южный путь» из Средней Азии, известный с раннескифского

времени. Вопросам реконструкции и семантики элементов сарматского головного убора был посвящен доклад В. К. Гугуева (Ростов-на-Дону) «Кобяковская диадема». Восстановленная докладчиком диадема имеет целый ряд параллелей, наводящих на мысль о существовании в I—II вв. н. э. в районе Новочеркасска — Азова — Танаиса политического центра какого-то сарматского племени (алан?), к высшей знати которых принадлежали погребенные в парадных венцах женщины-жрицы из Кобяково, «Хохлача» и Усть-Лабинского могильника.

Кроме вышеупомянутых докладов и сообщений участники научного симпозиума на специальном заседании ознакомились с ходом работы над проектом зон охраны Керченского историко-археологического заповедника, выполняемого НИИПМ В/О «Союзреставрация». Руководитель проектной группы И. И. Кроленко представил собравшимся чертеж генеральной схемы зон охраны с детальными проработками районов городищ Пантикапей и Нимфей, находящихся под угрозой городской застройки. Собравшимся были доложены также итоги обсуждения проекта на градостроительном совете г. Керчь с руководством Керченского горисполкома и с научными сотрудниками заповедника. Коллектив специалистов, обсудив сообщение И. И. Кроленко, отметил высокое научное качество, добросовестность и знание материала, нашедшие отражение в предложенном проекте. Ученые отметили также остроту градостроительной ситуации, сложившуюся в Керчи и ее окрестностях в связи с имеющимися планами нового строительства, и вытекающую отсюда чрезвычайную актуальность работы, ведущейся в В/О «Союзреставрация».

Подводя итоги работы Всесоюзного симпозиума «Скифия и Боспор», выступившие В. П. Яйленко и А. Н. Щеглов отметили его большое научное значение. Было также отмечено, что в процессе работы наметился целый ряд актуальных и интересных проблем, которые необходимо обсудить в будущем. Звучали пожелания посвятить следующий симпозиум истории взаимоотношений Скифии и Боспора в III в. до н. э. (К. К. Марченко, А. А. Масленников), феномену скифской культуры Евразии, ее генезису и историческому содержанию (В. Ю. Зуев), взаимодействию эллинских и варварских культур I тыс. до н. э. (А. С. Русяева). Выступивший на заключительном заседании Г. С. Лебедев (Ленинград), говоря о большой роли М. И. Ростовцева в развитии отечественной исторической науки, высказал точку зрения об огромном значении самого факта проведения симпозиума в честь этого ученого. «С точки зрения истории отечественной археологии,— сказал Г. С. Лебедев,— организация таких научных мероприятий способствует переходу всего нашего научного сообщества от состояния „гражданской войны" в науке к позитивному состоянию „гражданского мира" Это направление представляется единственно верным в деле реорганизации культурной жизни нашей страны на современном этапе ее развития». В принятой резолюции коллектив ученых высказался в пользу решения обратиться к соответствующим организациям Ленинграда с ходатайством об установлении мемориальной доски на доме № 34 по Большой Морской улице (ныне — улица Герцена), в котором с 1901 по 1918 г. жил М. И. Ростовцев. Тезисы докладов изданы оргкомитетом симпозиума в Новочеркасске [3].

М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. Ю. Зуев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Зуев В. Ю.* М. И. Ростовцев и неизвестные главы книги «Скифия и Боспор» // ВДИ. 1989. № 1.
2. Тезисы докладов Всесоюзного семинара памяти А. И. Тереножкина «Киммерийцы и скифы». Ч. 1. Кировоград, 1987.
3. Тезисы докладов археологического симпозиума «Скифия и Боспор», посвященного памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.

I И II КОНФЕРЕНЦИИ «КИЕВСКАЯ КУЛЬТУРА, ЕЕ ИСТОКИ И НАСЛЕДИЕ» (Курск, 1988, 1989)

Обе конференции были организованы проблемной группой «Киевская культура, ее истоки и наследие», в которую входит ряд сотрудников Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения ИА АН СССР, ИА АН УССР, а также археологи Курска. Конференции были проведены в г. Курске на базе областного краеведческого музея и педагогического института; первая состоялась в марте 1988 г., вторая — ровно год спустя.

Конференции были призваны координировать работу по изучению памятников I тыс. н. э., расположенных в Днепровском левобережье и прилегающих регионах и связанных так или иначе с проблемами ранней истории славян. Целенаправленные экспедиционные исследования последних лет, проведенные участниками проблемной группы и другими учеными, позволили значительно расширить источниковедческую базу. При этом возникла необходимость обсуждения ряда вопросов, подведения некоторых итогов. Большинство докладов было объединено общей проблемой — роль киевской культуры III—V вв. в истории населения Днепровского левобережья. В той или иной мере были затронуты также вопросы, связанные с ее предшественниками — позднезарубинецкими памятниками I—II вв., контактами с синхронной черняховской культурой и нас-

© И. О. Гавритухин, Р. В. Терпиловский, 1991 г.

ледием киевских древностей в раннесредневековых культурах. Поскольку проблематика обеих конференций была близкой, приводим суммарный обзор докладов и дискуссий.

Первая конференция была открыта вступительным словом проректора Курского пединститута В. Н. Барсукова, вторая — зав. кафедрой истории СССР и УССР Киевского пединститута Н. М. Кравченко, проводящей многолетние исследования памятников I тыс. н. э. в районе Обухова.

Группа докладов была непосредственно связана с результатами изучения памятников киевской культуры. А. М. Обломский (Москва) познакомил собравшихся с материалами ранней фазы киевской культуры востока Днепровского левобережья, полученными в ходе раскопок поселения и могильника Приоскольское 2 на р. Оскол. Особый интерес представляет участок могильника, на котором обнаружено девять компактно расположенных трупосожжений в ямах неправильной формы и одно трупоположение.

Примерно к этому же периоду относится и практически полностью раскопанное небольшое поселение Гочево I в верховьях Псла, которому был посвящен доклад Н. А. Тихомирова (Курск) и Р. В. Терпиловского (Киев). Здесь исследованы четыре полуземлянки, три выносных очага и несколько своеобразных «печей-горнов», а также урновое трупосожжение. По мнению А. М. Обломского, данный памятник, за исключением комплекса одного жилища, является позднезарубинецким, однако сходство пряслиц, относительная развитость форм лепной керамики, отдельные находки фрагментов черняховской гончарной посуды и амфор не позволили авторам раскопок согласиться с таким предположением.

В ряде докладов были затронуты некоторые общие проблемы изучения киевской культуры. Н. С. Абашина (Киев) проанализировала особенности домостроительства на основании изучения конструкций более 90 построек со всей территории киевской культуры (не учтена лишь часть материалов Верхнего Поднепровья, не отраженных в публикациях). В целом для киевской культуры наиболее типичны небольшие срубные или каркасные деревянные дома с открытым очагом. Ряд регионов характеризуется локальными особенностями: в Среднем Поднепровье больше построек каркасно-плетневой конструкции и очагов с глиняной подмазкой или вымосткой из черепков, в Верхнем Поднепровье — каменных очагов, в Подесенье — жилищ с центральным столбом и т. д.

А. М. Обломский посвятил свой доклад рассмотрению поздней фазы киевской культуры водораздела Днепра и Дона. На протяжении всего периода от середины III до начала — середины V в. заметно воздействие соседней черняховской культуры на киевские памятники данной группы. По количеству импорта, особенностям лепной керамики и домостроительства поздняя фаза в свою очередь делится на два этапа: ранний (А) характеризуется сильнопрофилированными горшками, коническими мисками, небольшим количеством дисков, хозяйственными постройками и др. (Букреевка 2, Тазово, Авдеево), поздний (Б) — в основном слабопрофилированными сосудами и глиняными дисками вместе с единичными черняховскими вещами (Каменево 2, Песчаное, Комаровка). Их датировка соответствует двум хронологическим этапам позднеримского времени: с середины — второй половины III в. по середину — конец IV в. и с середины — конца IV в. по начало — середину V в. н. э. Памятники этапа Букреевки являются результатом развития местных памятников ранней фазы киевской культуры, отличаясь рядом элементов, связанных прежде всего с влиянием черняховской культуры. Характер контактов позволяет автору утверждать, что они происходили в форме непосредственного присутствия носителей черняховских традиций на поселениях киевской культуры. Появление памятников типа Каменево 2 объясняется притоком родственного населения из Подесенья. В последующее время носители киевской культуры междуречья Днепра и Дона приняли участие в формировании колочинской культуры.

Ряд положений доклада вызвал оживленную дискуссию. Р. В. Терпиловский отметил, что значительные различия в характере материалов поздней фазы говорят о необходимости разделения ее на средний и поздний периоды, что лучше согласуется с общей трехчленной периодизацией киевской культуры. По мнению А. В. Кропоткина (Москва), материалы многослойного поселения Головино 1, на которых в значительной степени А. М. Обломский обосновывает появление развитых черняховских находок на левобережье Днепра во второй половине III в. н. э., нуждаются в проверке, поскольку здесь могло произойти механическое смешение черняховского слоя с более ранним, содержащим фибулы группы VII, по Альмгрену, и амфоры типа Д, по Шелову. А. Н. Некрасова (Киев) высказала предположение, что ряд черняховских элементов мог проникнуть на водораздел Днепра и Дона в ходе переселения сюда групп населения Верхнего Поднестровья.

Непосредственно к этой группе докладов примыкает и черняховская тематика. А. В. Кропоткин сообщил об изучении черняховских памятников в верховьях Ворсклы и Северского Донца. Разведками последних лет выявлено несколько групп крупных скоплений черняховских памятников на северо-восточной границе ареала этой культуры и контактные зоны с населением киевской культуры. Характерным для этого района памятником черняховской культуры является поселение Хохлово 2, на котором обнаружены остатки более чем 10 глинобитных домов. По многочисленным датирующим вещам (фибуле, пряжкам, обломкам стеклянных кубков) оно может быть датировано в пределах IV в. н. э.

Эти данные вполне согласуются с результатами исследования черняховских могильников Левобережной Украины (А. Н. Некрасова). Материалы из закрытых комплексов погребений этой территории относятся к IV в., в основном к его второй половине, однако на периферии ареала встречаются и более ранние находки. В приднепровской полосе известны памятники с вельбарской традицией конца III — начала IV в. (Компанийцы, Цыбли и др.), на восточной окраине Левобережья раннечерняховские материалы встречаются в виде импорта на поселениях киевской культуры (Родной Край III, Букреевка 2 и др.).

Проблема ранних памятников черняховской культуры Левобережья была затронута и в докладе Г А. Романовой (Ленинград), которая основывается преимущественно на материалах поселений, выявленных Днепровской левобережной экспедицией ЛОИА. В этой связи представляет интерес поселение Гочево 4, где полуземлянка киевской культуры была перекрыта наземным глинобитным черняховским жилищем. Во время дискуссии обнаружилось, что можно говорить, вероятно, о двух волнах черняховского проникновения на восток. Первая волна в основном фиксируется в виде импортов или местных подражаний на памятниках средней фазы киевской культуры водораздела Днепра и Дона второй половины III — начала IV в. В IV в. (вторая волна) здесь распространяется черняховская культура со всеми своими атрибутами — многочисленными поселениями и могильниками, провинциальноримским хозяйственно-бытовым комплексом, а также небольшим количеством лепной керамики, в том числе вельбарского облика.

Следует отметить важность данных, полученных в ходе изучения гнезда памятников I тыс. н. э. в окрестностях с. Гочево в основном силами сотрудников ЛОИА. Кроме материалов поселений III—IV вв. Гочево 1, 2, 4, о которых говорилось выше, соотношение различных культур этого региона позволяют установить различные слои поселения Гочево 3. О. А. Щеглова (Ленинград) показала, что ко второй четверти I тыс. н. э. здесь относится целый ряд киевских комплексов, как с черняховским импортом, так и без него, а также черняховских. По мнению докладчика, тщательное изучение микрорегионов позволяет более конкретно представить процессы, разворачивавшиеся на обширных пространствах. Специальный доклад О. А. Щегловой был посвящен новым памятникам волынцевского типа, найденным в Курской области. В частности, на поселении Гочево 3 были исследованы две полуземлянки. В одной находилась печь на материковом останце со сводом из камней и глиняных вальков: керамика представлена «сахновскими» формами, есть и фрагменты, украшенные «гусеничным» орнаментом по венчику, характерные для роменской культуры. Во второй были обнаружены печь с подбоем, чернолощеная волынцевская керамика, горлышко салтовской амфоры и лепная керамика, аналогичная встреченной в первом жилище. Эти объекты, одновременные или хронологически близкие, позволяют детально понять структуру горизонта волынцевских древностей.

Несколько докладов было посвящено изучению культур I тыс. н. э. более северных территорий. Анализ материалов ряда памятников III—V вв. на Смоленщине и севере Белоруссии, где встречена керамика со следами расчесов гребнем, позволил Н. В. Лопатину (Москва) высказать предположение, что эти территории были затронуты влиянием киевской культуры. В предшествующий период (I—II вв.) на Смоленщине также обнаруживаются параллели с керамикой юга (двух разных групп позднезарубинецкой культуры). В другом докладе того же автора была предпринята попытка на основе типологии венчиков определить степень сходства керамических наборов памятников типа Тушемли — Банцеровщины между собой, а также с эталонными комплексами соседних территорий. Результаты свидетельствуют, что памятники, традиционно относимые к культуре типа Тушемли — Банцеровщины, существенно неоднородны. Группировка, представленная графом связей, позволила Н. В. Лопатину говорить об их тяготении к различным группам киевской и колочинской культур. В дискуссии отмечалось, что выявленные связи не могут получить однозначной исторической интерпретации ввиду типологической и хронологической нерасчлененности изучаемой группы древностей (И. О. Гавритухин). Не ясно соотношение выбранных параметров с другими, характеризующими культуру (А. М. Обломский). Высказано сомнение в правомерности сравнения набора керамики поселения, взятого в целом, с материалами отдельной фазы поселения или материалами могильника (Г А. Массалитина, Р. В. Терпиловский). Выступавшие сошлись во мнении, что проделанная работа интересна как способ формулирования гипотез.

В докладе Г А. Массалитиной (Москва) суммированы все доступные к настоящему времени сведения о погребальном обряде мощинской культуры. Было показано, что существующие его обобщенные характеристики зачастую противоречат имеющимся фактам. Анализ материалов позволил автору по-новому взглянуть на некоторые особенности мощинского погребального обряда, поставить вопрос о его истоках. Автор и выступавшие подчеркнули, что продвижение в изучении поставленной проблемы связано прежде всего с количественным увеличением полноценных источников. Н. В. Лопатин отметил, что в свете данной темы не бесполезно вернуться к рассмотрению проблемы колочинских курганов, обратив особое внимание на повторяемость следующих элементов: урны в насыпи, сосуды-приставки в погребениях, деревянные оградки (Воронино, Демьянки, Колос и др.).

Доклад И. О. Гавритухина был посвящен рассмотрению культурно-исторического контекста фибул типа Вильканцы и Пильвины (образцы таких фибул найдены на поселении Кодын). Их прототипы локализуются в Среднем Подунавье в период D_1, по Я. Тейралу. Сложение типов можно отнести к периоду империи Аттилы, в это время их основной ареал охватывает полосу от р. Бебжи (приток Западного Буга) до Вилии. С процессами эпохи раздела наследия гуннской державы следует связывать появление этих фибул и их дериватов вновь на Среднем Дунае и восточнее, до верховьев Прута. Предложенная картина согласуется с рядом сведений о распространении в эпоху Аттилы вещей дунайского происхождения на северо-восток до Юго-Восточной Прибалтики и связях этих регионов в последующее время. Находки фибул типа Пильвины в Верхнем и Среднем Поднепровье наряду с другими материалами позволяют предположить, что традиции дунайского ремесла, лежащие в основе верхнеднепровского очага художественной металлообработки конца V—VI вв., выделенного А. К. Амброзом, могли попасть на Днепр через Прибалтику. Была отмечена важность всестороннего исследования изделий из металла для решения многих проблем истории лесной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э.

В работе конференции нашли отражение вопросы теории и методики археологической науки. Р. В. Терпиловским на примере ряда генетически связанных археологических культур Поднепровья I—VII вв. были продемонстрированы методические принципы их сравнительного анализа. При этом необходимо рассматривать культуры как определенные системы признаков, учитывая своеобразие археологических эпох, в противном случае на получение корректных результатов рассчитывать трудно. Возможно, перспективно введение в оборот понятия культурной группы как состояния, предшествующего образованию новой археологической культуры и включающего разнообразные этнокультурные элементы в разных сочетаниях. В выступлениях по докладу отмечалась актуальность и перспективность разработки теоретических проблем. Было подчеркнуто, что специфика культур должна изучаться не по отдельным выделяющимся элементам, а только по всему культурному комплексу (А. М. Обломский). Отмечалось, что при анализе материала важны понятия периода расцвета культуры и стыков археологических эпох, через которые переходят лишь отдельные элементы культуры (Н. В. Лопатин). Соглашаясь с выступавшими, И. О. Гавритухин подчеркнул, что построение моделей имеет смысл лишь как один из моментов исследования конкретных процессов; надежда на универсальную схему несостоятельна.

И. О. Гавритухиным был предложен обзор параметров, используемых в построении систем типологии лепной керамики ряда культур. Говорилось о необходимости анализа набора параметров, учитывая поставленную перед конкретной типологией задачу. В сообщении Н. В. Лопатина обращено внимание на некоторые проблемы и приемы вычерчивания лепной керамики. Особенно активно обсуждались трудности графического изображения асимметричных сосудов. Вопросам применения современных математических методов были посвящены доклады Г. Р. Тарловского (Москва) и Н. А. Тихомирова. На основе применения одного из разделов статистической теории распознавания образов ими предложен ряд методик анализа форм и пропорций лепной керамики, позволяющий ускорить и сделать более объективной обработку данных с помощью ЭВМ. В выступлениях подчеркивалось, что эффективное применение математических методов невозможно без длительной и целенаправленной подготовки археологических данных, а предполагаемый результат зависит от того, насколько корректно и осмысленно сформулирован запрос. Указывалось на слабость материальной базы наших археологических учреждений для эффективного использования возможностей ЭВМ.

Ряд сообщений был связан с проблемами археологического изучения Курской и Белгородской областей. А. Г. Николаенко (Белгород) открыл около 250 памятников I тыс. н. э. в бассейне р. Оскол, в том числе поселений киевской, черняховской, возможно, пеньковской, а также салтовской культур. С последними, видимо, связано несколько пунктов древней металлургии. В. В. Енуков и Н. А. Тихомиров рассказали об археологическом изучении Курского городища. Хотя практически все оно перекрыто современной застройкой, в ходе раскопок 1988 г. удалось выявить остатки жилища с лепной и гончарной керамикой, относящейся ко времени не позднее X в. Эта дата более чем на полвека древнее первого письменного упоминания о древнерусском Курске. К. Ф. Сокол (Курск) сообщил о новых находках скифских акинаков на территории Курской области.

Часть докладов вошла в сборник научных статей «Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья», подготовленный проблемной группой.

В результате работы I и II Всесоюзных конференций «Киевская культура, ее истоки и наследие» были подведены основные итоги в области археологии Днепровского левобережья раннеславянского периода, намечены перспективы изучения различных культурных групп на основе комплексного подхода. Участники проблемной группы отметили низкие темпы издательской деятельности, опасную тенденцию сокращения числа публикаций, что значительно затрудняет введение в оборот новых материалов и сказывается на качестве научных исследований всех уровней. В пределах проблемной группы этот недостаток частично приходится компенсировать созданием единого банка данных, включающего неопубликованные материалы исследователей, участвующих в работе группы. Планируются и в некоторой степени осуществляются совместные экспедиции, комплексное обследование сопредельных регионов силами экспедиций различных учреждений, обмен сведениями о хранящихся в фондах периферийных музеев коллекциях и другие формы координационной деятельности. Все это позволит заполнить ряд хронологических и территориальных лакун и, опираясь на решение источниковедческих задач, изучать такие проблемы, как, например, предыстория и формирование славянских культур раннего средневековья, основные закономерности социально-экономического развития славянских племен и их соседей на протяжении I тыс. н. э.

Проведение очередной, III конференции намечено на 1991 г.

И. О. Гавритухин, Р. В. Терпиловский

КОНФЕРЕНЦИЯ «ДРЕВНЕРУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО И ЕГО ТРАДИЦИИ» (Псков, 1988)

Научная конференция «Древнерусское язычество и его традиции» [1] была проведена во Пскове с 28 ноября по 1 декабря 1988 г. в рамках научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли».

© В. Я. Петрухин, А. В. Чернецов, 1991 г.

Тема семинара представляется исключительно важной и актуальной, поскольку на заре русской истории языческое мировоззрение являлось основой всей духовной жизни восточных славян, а его позднейшие пережитки были впоследствии важным элементом народной культуры, во многом определявшим ее национальное своеобразие. То обстоятельство, что инициатива созыва подобной конференции принадлежит археологам, вполне закономерно. Основные резервы еще не введенных в науку материалов по данной проблематике находятся в руках археологов. Не случайна ведущая роль археологии на первом Международном междисциплинарном симпозиуме по славянскому язычеству, проведенном в Брюсселе в 1980 г. [2, 3], и особенно на втором подобном симпозиуме — «Славянская языческая религия (по данным материальной культуры и письменных источников)», состоявшемся в 1986 г. в г. Прилепе (Югославия) и организованном Международной унией славянской археологии [4]

На псковской конференции, приуроченной к тысячелетнему юбилею принятия христианства Древнерусским государством, внимание докладчиков привлекали также динамика борьбы язычества и христианства, анализ смешения элементов этих религий в рамках единого народного мировоззрения.

Проведение подобной конференции во Пскове обусловило особое внимание к традициям языческой культуры на Севере и Северо-Западе Руси, в том числе взаимодействие славян с финно-угорским и балтским населением в сфере культа, верований и обрядов. Всестороннему рассмотрению этих процессов во многом способствовало традиционное для псковского семинара широкое привлечение к его работе коллег из прибалтийских республик.

Из докладов, вынесенных на пленарные заседания, два были посвящены наиболее многочисленным археологическим памятникам, связанным с проблематикой язычества,— погребальным комплексам.

Доклад организатора и руководителя работы Псковского семинара В. В. Седова «Восточнославянское язычество накануне крещения Руси» представил большой интерес для аудитории, поскольку в нем отразились взгляды крупнейшего специалиста в области славянского этногенеза и ранней истории восточных славян, в течение многих десятилетий активно работающего над систематизацией и истолкованием материалов могильников. В данном докладе автором был сделан особый акцент на вопросе о ранних славянских трупоположениях. По мнению В. В. Седова, переход к ингумации в X в. никак нельзя объяснить влиянием христианства. Он указывает на связь этого обряда с более ранними трупоположениями в южной части славянского ареала и объясняет его бытование наследием скифо-сарматских традиций. Вопрос о влиянии культуры ираноязычных народов на восточных славян весьма перспективен и вместе с тем недостаточно разработан. В. В. Седов указал, что помимо анализируемых им археологических данных об этом влиянии свидетельствуют и имена отдельных божеств так называемого пантеона Владимира. Доклад вызвал оживленную дискуссию. Выступавшие отметили гипотетичность связи славянских трупоположений с иранской традицией в послечерняховское время (С. В. Белецкий, В. Я. Петрухин).

В докладе В Я Петрухина (Москва) «Заметки о погребальной обрядности языческих славян в свете германских и балтских параллелей» отмечена относительность характеристик «бедность» и «богатство» для погребального ритуала: обилие или отсутствие инвентаря в той или иной этнической традиции свидетельствует в первую очередь о специфике погребальных обычаев, а не о степени имущественной или социальной дифференциации. С точки зрения универсально распространенных в погребальном культе устремлений удалить умершего в иной мир и одновременно сохранить вблизи живых рассмотрены функции урны. Особенно показательна последовательность сложения в урну кальцинированных костей, при которой кости черепа оказываются сверху: умерший, таким образом, «восстанавливается» после кремации. Последовательность действ в древнерусском погребальном культе, восстанавливаемая на основе нарративных данных (Ибн Фадлан, древнерусское описание похорон Совия) и фольклора (сказки о Бабе Яге, колдуне), включала предварительное трупоположение (во временной могиле) с последующей кремацией — перемещением умершего в загробный мир.

Еще два пленарных доклада были посвящены преимущественно историко-филологическому аспекту проблемы.

В докладе А. А. Турилова и А. В. Чернецова (Москва) «О перспективах изучения письменных источников, отражающих народные верования и обряды восточных славян» отмечено, что широко развернувшееся в последние годы этнолингвистическое изучение верований восточных славян по преимуществу по данным фольклористики и этнографии в известной мере отмечено недостатком историзма. В этой связи оказывается тем более важным источниковедческое значение точно датированных ранних данных, как археологических, так и рукописных. Если рукописные материалы, проливающие свет на язычество в точном смысле (т. е. дохристианские верования восточных славян), фактически полностью мобилизованы, то более поздние, освещающие так называемое «двоеверие», в значительной части еще не введены в научный оборот. Докладчики подробно остановились на неопубликованных рукописных материалах, сопоставимых с археологическими: касающихся погребального обряда и заупокойного культа, святилищ и иных мест совершения обрядов, культовых изображений и амулетов, а также на этнокультурном аспекте народных верований. Письменные источники содержат также ценнейшие данные о почитании различных сверхъестественных персонажей, о неизвестных версиях мифологических мотивов, обрядах. По мнению докладчиков, письменные источники наряду с археологическими материалами могут послужить основой для крупной исследовательской программы по историческому изучению народных верований восточных славян.

Важнейшая для исследования славянских древностей проблематика была представлена докладом О. А. Черепановой (Ленинград) «Этнолингвистические параллели из области языческих представлений в древней славянской и русской письменности». В материалах русских говоров прослеживается, во-первых, синтез книжных, по преимуществу апокрифических мотивов и персонажей, с одной стороны, и народных представлений — с другой: такое происхождение имеют образы лихорадок-трясавиц, наименование лешего «аполлон» и т. п. Во-вторых, для характеристики собственно языческих представлений существенно то, что из божеств русского пантеона говоры сохранили лишь имена Мокоши и косвенно Перуна и Велеса (что соответствует лингвистическим реконструкциям праславянской мифологии); вместе с тем материалы говоров позволяют понять функции некоторых низших персонажей древнеславянских верований, в частности Рода, как существа, вредоносного для детей и рожениц (в древнерусском тексте Род «мечет на землю *груды* и в том рожаются дети», в фольклоре вредоносные для детей удельницы-кудельницы живут в «*грудовьях*») и т. п.

Два пленарных доклада были посвящены восточнославянским святилищам по материалам Псковской земли.

Доклад А. Н. Кирпичникова (Ленинград) «Языческое святилище у Пскова» посвящен свидетельству немецкого путешественника конца XVI в. Вундерера о языческих идолах, виденных им в окрестностях Пскова. Историки традиционно относились к этому сообщению с недоверием. В то же время найденное в 1897 г. в районе, соответствующем указанию Вундерера, каменное изваяние обнаруживает значительное сходство с одним из описанных им идолов. Докладчик склоняется к признанию достоверности свидетельства Вундерера и реконструирует на его основании святилище-капище, обслуживавшее значительную округу и, по крайней мере отчасти, раннесредневековый Псков.

В докладе И. К. Лабутиной (Псков) «Святилище во Пскове по раскопкам 1982 г.» сообщалось об обнаружении интереснейшего комплекса. Это круглая в плане площадка диаметром около 11 м, окруженная ровиком и имевшая вход с юго-западной стороны. В центре круга имелась яма с истлевшим основанием столба, срубленного под уровень дневной поверхности, вероятно, остатком сокрушенного языческого идола. Святилище синхронно примыкающему курганному могильнику X—XI вв.

Пленарный доклад Н. Б. Пилюгиной (Москва) «Некоторые эстетические черты язычества» носил по преимуществу теоретичесий характер. Согласно изложенной концепции, картина мира, сложившаяся в славянском язычестве, отнюдь не ограничивалась прагматическим (хозяйственная деятельность и т. п.) отношением человека к действительности, но имела и творческий «эстетический» аспект, находящий выражение в мифологических и обрядовых символах, связывающих человека со вселенной и иным миром. Отметим своеобразие языческой «эстетики»: на практике отношение язычников к миру выражалось в целой иерархии ритуалов, причем «вершиной» этой иерархии было человеческое жертвоприношение. На наш взгляд, отказ от такого рода «эстетики» с принятием христианства знаменовал переход от варварства к цивилизации и возможностям подлинно эстетического отношения к миру.

Ряд докладов был посвящен различным видам амулетов и апотропеев. Н. Г Недошивина (Москва) в докладе «Об одной группе древнерусских амулетов» убедительно показала, что привески-амулеты, в которых обычно опознавали «челюсти» животных, в действительности схематично изображают нож, ножны (или сдвоенные ножи). Г Л. Новикова (Звенигород) в докладе «Языческая символика кресаловидных подвесок» рассмотрела комплексы (клады и погребения) с этими амулетами как в Скандинавии, так и на Руси, где найдено около 25% всех находок. Интересный ритуал эпохи христианизации на Руси и в Скандинавии проанализирован Т. А. Пушкиной (Москва) в докладе «Воск в древнерусских погребениях»: куски воска и особенно целые свечи, встреченные в погребениях второй половины X в., свидетельствуют, по-видимому, о постепенном проникновении христианских элементов в языческую обрядность. Доклад О. А. Кондратьевой (Ленинград) «Гребень в погребальном обряде по материалам восточнославянских могильников X—XI вв.» был посвящен распространенному атрибуту восточнославянского заупокойного ритуала. Наряду с настоящими гребнями в погребальном обряде бытовали также их бронзовые модели-амулеты, встречающиеся исключительно в женских захоронениях. Автор указывает на устойчивую традицию включения гребня в состав погребального инвентаря у восточных славян, прослеживаемую вплоть до XIX—XX вв. Наиболее древним языческим амулетам, обнаруженным в захоронениях черепов на поселении эпохи ранней бронзы на территории Литвы, был посвящен доклад А. Гирининкаса (Вильнюс) «Культ предков и проявление анимизма на поселении Крятуонас 1С»: среди амулетов интересны подвеска в форме лодки и маска-личина; захоронения черепов возле очагов исследователь связывает с культом предков. Космологическую символику в зооморфных мотивах на оковках ритонов середины I тыс. н. э. в Литве усматривает в докладе «К изучению религиозных верований древних балтов» Л. Вайткунскене (Вильнюс): лось, водоплавающая птица и змея в интерпретации исследовательницы воплощают три зоны космоса — небо, землю и преисподнюю. Отметим, что такие зооморфные символы были характерны не только для балтов, но и для многих народов лесной зоны и севера Евразии.

Доклад В. Я. Конецкого (Новгород) «К характеристике средневековых народных верований (по данным одной из категорий новгородских находок)» посвящен известным резным деревянным изделиям XIII—XIV вв. Это скульптурные изображения руки, держащей стержень. Автор впервые предлагает версию истолкования назначения этих предметов. По его представлению, скульптурное изображение руки связано с таким развитием обряда, при котором манипуляция с этим изображением стала заменять действия, включавшие держание стержня непосредственно

в руке. Необходимость посредствующего дополнительного изображения руки, по мнению автора, можно объяснить магическим формализмом — стремлением избежать непосредственного контакта христианина с языческим культовым стержнем.

Серия докладов была посвящена исследованию погребальных памятников, как древнерусских, так и балтских, в том числе недавно открытым могильникам Пскова — доклад Н. И. Милютиной (Псков) «К изучению погребального обряда псковского некрополя» и грунтовому могильнику Видгиряй — доклад В. Шименаса (Вильнюс) «Новый погребальный обряд в низовьях Немана». Доклад С. Л. Кузьмина (Ленинград) «К вопросу о погребальной обрядности носителей культуры сопок» ознакомил аудиторию с уникальным погребальным комплексом, обнаруженным в сопке у д. Сковородка на Псковщине. Комплекс включал деревянный ящик-домовину, в которой помещались пережженные человеческие кости нескольких погребенных. С. И. Кочкуркина (Петрозаводск) охарактеризовала языческие и христианские элементы обрядности древнего населения Карелии: погребальный обряд Юго-Восточного Приладожья и Прионежья в X—XIII вв., включавший имитацию жилища с ритуальным очагом, грунтовых могильников карел XII—XIV вв.; пережитки языческой погребальной обрядности прослеживаются у христианизированных карел в могильниках XVI в. и на современных кладбищах (срубы — «дома мертвых»).

Многие доклады были посвящены святилищам, культовым урочищам, прежде всего культовым камням. В. Даугудис (Вильнюс) в докладе «О языческих святилищах в Литве» специально отметил культовые камни с углублениями (известные в Северной Европе под названием «мельничные»), которых в Литве обнаружено около 20, а также камни со «следками», почитавшиеся иногда вплоть до позднего средневековья; остатки святилищ с каменными выкладками различной формы и основаниями деревянных идолов, жертвенными ямами, которые датируются временем от эпохи бронзы до XVI—XVII вв. Исследованию культовых камней на территории Белоруссии и связанным с ними представлениям был посвящен доклад Л. В. Дучица и Э. А. Левкова (Минск) «Валун как объект поклонения у белорусов». Зафиксировано, что камни иногда носят имена языческих богов — Перун, Велес, Дажьбог. Отметим, что эти имена в современной традиции могут иметь вторичный книжный характер, зато записанное исследователями предание о змее, жившем под камнем и пораженном громом (перуном) во время любовного свидания с женщиной, соответствует реконструируемому В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым праславянскому мифу о борьбе Перуна со своим змеевидным противником — похитителем жены громовержца (в реконструкции — Велесом). Отмечаются данные о связи культовых камней с Велесом. В докладе В. Шевелева (Таллинн) «О камнях-следовиках близ г. Каргополя» упоминается урочище Велесово поле. В докладе М. В. Шорина (Новгород) «Семантика культовых изображений на некоторых камнях» обосновывается гипотеза о том, что в древности камни-следовики были связаны с культом Велеса; исследователь обратил, в частности, внимание на то, что изображение на следовиках является «неполным», передает одну стопу или ладонь, как правило левую, что в славянской мифологической системе означает связь с «нечистым» хтоническим началом, воплощением которого был Велес. В докладе И. Ф. Никитинского (Вологда) был рассмотрен интереснейший культовый камень, находящийся у с. Тиуновское, украшенный многочисленными изображениями. Докладчик склонен видеть в последних мифологическую картину мироздания. Доклад К. М. Плоткина (Псков) «Теплый камень — пограничный знак на западном псковском рубеже» посвящен культовому камню, почитание которого фиксируется со второй половины XVII в. Этот культовый камень известен по письменным источникам как ориентир, использовавшийся при межевании границы между Россией и Швецией; выбор для этого данного камня был, очевидно, не случаен. В выступлениях по докладам отмечалась необходимость составления свода культовых камней и других урочищ в связи с задачами охраны памятников истории и культуры.

Особому виду культовых урочищ был посвящен доклад Ю. В. Уртанса (Рига) «Священные леса и рощи в Латвии». Интересные примеры синкретизма языческих и христианских представлений были приведены в докладе Э. М. Зайковского (Минск) «Исследование языческих святилищ в Белоруссии». С. В. Тарасов (Минск) в докладе «Язычество как элемент социально-политической структуры и материальной культуры Полоцка IX—XI вв.» исследовал раннюю топографию города, в частности предполагаемое место святилища.

В докладе А. А. Александрова (Псков) «Об одном мифологическом персонаже в сказках северо-запада» проводится сопоставление материалов фольклора и археологии. Речь идет о мифологическом уподоблении образа вселенной (макрокосма) и человека (микрокосма). Докладчик сопоставляет подобные представления с бытованием в славянской среде украшений, связанных с астральной символикой и даже с конкретной локализацией подобных предметов в погребальных комплексах. Доклад А. И. Макарова и В. В. Милькова (Москва) «Культ земли в древней Руси (по данным этнографии)» был посвящен разнообразным сведениям о бытовании этого культа и о его слиянии и смешении с христианскими представлениями.

В докладе С. В. Белецкого (Москва) «К вопросу о начале распространения на Псковщине христианства» рассматривается рукописный служебник Стефановской церкви Спасо-Мирожского монастыря, содержащий древнейший псковский синодик (XVI в.). Список князей в ктиторской части этого синодика включает сыновей Владимира Святославича, в том числе Святополка Окаянного. Докладчик доказывает, что оригинал подобного списка был составлен в 1010-е годы и включал князей — устроителей монастыря. Основание монастыря в эти годы имело общегосударственное и миссионерское значение.

Подводя итоги проведенной конференции, отметим, что она свидетельсвует о большом интересе научной общественности к проблематике славянского язычества и его наследия, лишний раз

указывает на обилие материалов по данной теме, ждущих своего истолкования и обобщения, и на то, что круг специалистов, способных профессионально работать с подобными материалами, достаточно обширен. Все это позволяет надеяться на дальнейший значительный прогресс в данной области в обозримом будущем.

В. Я. Петрухин, А. В. Чернецов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научной конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988.
2. *Седов В. В.* Первый международный симпозиум по славянскому язычеству // КСИА АН СССР 1981. № 164.
3. Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Contributions. Bruxelles, Gand, 21—24 mai 1980 // Slavica Gandensia $^{7}/_{8}$. Gand. 1980/81.
4. *Седов В. В.* Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии // СА. 1988. № 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия, Москва
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Ленинград
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Ленинград
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей. Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Ленинград
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СЭ — Советская этнография
AH — Archaeologia Hungarica. Budapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutchen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquity. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
BAR — British Archaeological Reports. Oxford
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft Stuttgart

Адрес редакции:
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 17.10.90 Подписано к печати 21.12.90 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл. печ. л. 24,7 Усл. кр.-отт. 69,4 тыс. Уч.-изд. л. 31,0 Бум. л. 9,5
Тираж 2 181 экз. Зак. 594 Цена 3 р. 60 к.

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6